

Якоб
Буркхардт

Якоб Буркхардт

Культура Возрождения в Италии

Опыт
исследования

Выражаем глубокую признательность
Международному фонду
«Культурная инициатива»
и лично
Джорджу Соросу
за финансовую поддержку
серии

Лики культуры

Серия основана в 1992 г.
В подготовке серии принимали участие
ведущие специалисты
Института научной информации
по общественным наукам
и Института всеобщей истории
Российской академии
наук

Юрист
Москва
1996

ББК87.3

Б 90

Культура Возрождения в Италии Опыт исследования

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель); О.М. Андрианов,
Л.М. Брагина, И.Л. Галинская, М.П. Гапочка,
В.Н. Гращенков, В.Д. Губин, П.С. Гуревич, Ю.Н. Давыдов,
Г.И. Зверева, Л.Г. Ионин, И.А. Исаев, Т.Ф. Кузнецова,
О.Ф. Кудрявцев, О.Е. Кутафин, С.В. Лёзов,
П.В. Малиновский, Л.Т. Мильская, Л.А. Мостова,
О.Е. Савельева, Г.С. Померанц, А.М. Руткевич,
М.М. Скибицкий, М.Н. Соколов, А.Л. Ястребицкая

Главный редактор и автор проекта *С.Я. Левит*

Редакционная коллегия тома:

Ответственный редактор: *П. Т. Мильская*

Члены редколлегии: *Л.М. Брагина, В.М. Володарский,*

О.Ф. Кудрявцев

Переводчики: *Н.Н. Балашов, И.И. Маханьков*

Комментарии: *И.И. Маханьков*

Художник: *П.П.Ефремов*

Б 90 Якоб Буркхардт. Культура Возрождения в Италии.
— М.: Юристь, 1996. 591 с.— (Лики культуры)

ISBN 5-7357-0020-0

Якоб Буркхардт (1818-1897) — швейцарский историк культуры. Его талант в полной мере раскрылся в труде «Культура Возрождения в Италии». Ставшее классическим сочинение Я. Буркхардта не превратилось со временем в некую академическую ценность; оно все еще оказывает живое воздействие на новые поколения читателей. Новый перевод с обширным комментарием позволяет вернуть эту книгу современному читателю и сделать ее достоянием широкой научной общественности.

ISBN 5-7357-0020-0

© Издательство «Юристь», 1996

*Луиджи Пиккьони
старому учителю,
коллеге и другу
посвящается*

Предуведомление ко второму изданию 1869 года*

Изменения, которые претерпела эта книга в новом издании, ограничиваются лишь несколькими строками в тексте и прибавлениями в примечаниях, между тем как желательна была бы полная переработка всего текста в целом. Однако для исполнения задачи такого рода у автора отсутствует как необходимый для этого досуг, так и возможность вновь на продолжительное время обосноваться в Италии, и вместо того, чтобы внести изменения в некоторые части книги и вставить в нее новые разделы, он берет на себя смелость дать возможность работе появиться вновь в том же виде, в каком она нашла некогда отклик. Возможно, однако, что многие воззрения и суждения, которые уже теперь представляются автору юношески-незрелыми, встретили бы в случае такой контрастирующей переработки куда менее одобрительный прием.

Да будет нам позволено вновь рекомендовать эту работу всем друзьям истории культуры, находящейся сейчас на этапе столь бурного развития.

* Первое издание 1860 года предуведомления не имело.

Государство как произведение искусства

В подлинном смысле слова эта книга является всего лишь попыткой, и автор вполне отдает себе отчет в том, что он пытается решить чрезвычайно сложную задачу, используя весьма ограниченные средства. Но если бы он и мог отнестись с большей уверенностью к своему исследованию, то вряд ли мог бы ожидать одобрения сведущих людей. Духовные черты культурной эпохи, возможно, с разных точек зрения выглядят неодинаково, и если речь идет о цивилизации, которая и сейчас продолжает оставаться образцом для нашей, то субъективное восприятие и суждения автора и читателя должны каждый раз смешиваться. В безбрежном море, куда мы погружаемся, есть множество возможных путей и направлений, и те исследования, которые выполнялись для этой работы, могли бы не только быть использованы кем-либо совершенно иным образом, но и дать повод к тому, чтобы сделать совершенно другие заключения.

Предмет данного исследования сам по себе достаточно важен для того, чтобы сделать желательными многочисленные изыскания, побудить высказаться исследователей с самыми различными взглядами. Мы же в данный момент будем удовлетворены, если нас терпеливо выслушают, а эта книга будет воспринята как единое целое. Существенной трудностью в изучении истории культуры является то, что приходится разлагать духовный континуум на отдельные части как будто произвольные категории, чтобы вообще каким-либо образом изобразить его. Наибольший пробел в данной книге мы хотели бы восполнить работой «Искусство Возрождения», но это намерение осуществлено лишь в малой степени¹.

Борьба между папами и Гогенштауфенами^{1*} оставила Италию в политической ситуации, существенно отличавшейся от ситуации в прочих западноевропейских странах. Если во Франции, Испании, Англии ленная система сложилась таким образом, что, прекратив свое существование, она сменилась монархическим единым государством; если в Германии она по крайней мере обеспечивала внешнее единство Империи, то в Италии к нему не было никаких подступов. В лучшем случае императоры в XIV веке воспринимались и почитались не как верховные властители ленов, но как носители верховной власти, поддерживающие уже существующие властные права; папство же со своими сторонниками и опорой в обществе было достаточно сильным, чтобы воспрепятствовать любому будущему единству, не будучи, однако, способным само его создать². Между обеими сторонами было множество политических образований, - города и тираны - частично уже ранее сложившиеся, частично возникшие вновь, существование которых соответствовало фактическому положению вещей³. В них проявляется дух современного европейского государства, впервые свободно предоставленный собственным внутренним устремлениям; они демонстрируют в достаточной мере свой ничем не ограниченный эгоизм в его наиболее устрашающем виде, пренебрегая любым правом, подавляя зародыше любое здоровое образование. Но там, где это направление преодолевается или уравнивается, в истории появляется нечто новое: государство как сознательно задуманное построение, как произведение искусства. В городах-республиках, так же как и в государствах с тираническим образом правления, эта тенденция сказывается существенным образом и определяет как их внутренний облик, так и их внешнюю политику.

Ограничимся рассмотрением государства с тираническим образом правления как наиболее законченного и ярко выраженного типа.

Внутреннее состояние территорий, управляемых тираническими властителями, иллюстрируется хорошо известным примером норманнских областей Южной Италии и Сицилии, преобразованных императором Фридрихом II^{2*}. Сформировавшись как личность в среде постоянных угроз и измен рядом с сарацинами, он, первый современный человек на тро-

не, рано научился полностью объективной оценке окружающего мира и обращению с ним. К этому еще добавилось надежное, весьма близкое к истине, знание устройства и образа правления сарацинских государств и борьба не на жизнь, а на смерть с папами, вынуждавшая обе стороны максимально использовать все мыслимые силы и средства.

Распоряжения Фридриха (особенно с 1231 г.) направлены на полное уничтожение ленного государства, на превращение народа в безвольную, безоружную и в высочайшей степени доступную для манипулирования массу. Он централизовал судебную власть и управление в масштабах, неслыханных прежде в Западной Европе; никакая должность более не могла быть занята по выбору народа под угрозой опустошения данной местности и превращения его жителей в крепостных.

Налоги, основанные на всеобъемлющем кадастре и магометанских порядках, взимались тем жестоким и мучительным способом, без применения которого жителей Востока нельзя принудить расстаться со своими деньгами. Народа как такового больше нет, есть только покорная контролируемая масса подданных, которые, к примеру, не имели права без специального на то разрешения учиться и заключать браки на стороне; университет Неаполя практиковал первое известное в истории принудительное обучение, в то время как Восток по крайней мере в этом отношении предоставлял свободу своим жителям. Напротив, поистине магометанским было то, что Фридрих подчинил себе всю средиземноморскую торговлю, отбирал в свою пользу многие товары и препятствовал своим подданным вести торговлю. Халифы Фатимиды^{3*} с их тайным учением неверия были (по крайней мере вначале) терпимы по отношению к верованиям своих подданных; Фридрих же, напротив, венчает свою систему управления инквизицией, что тем более не заслуживает оправдания, если принять во внимание его преследования свободомыслящих городских жителей в качестве еретиков. Полицией внутри государства и ядром армии в войнах ему служили сарацины, переселенные из Сицилии в Лючерию и Ночеру, глухие к любым мольбам и безразличные к церковному отлучению. Подданные, отвыкшие от оружия, позднее совершенно спокойно отнеслись к свержению Манфреда и воцарению Анжуйского дома^{4*}; последний (Карл I Анжуйский. - Ред.), однако, унаследовал тот же самый механизм управления государством и продолжал использовать его.

Наряду с императором, проводившим политику централизации, появился своеобразный узурпатор: его викарий и зять Эццелино да Романо⁵. Он не является представителем государствен-

ной власти, так как его деятельность протекала главным образом в борьбе за власть в Северо-Восточной Италии; однако для последующего времени он является политическим примером не менее важным, чем его венценосный покровитель. Все предыдущие завоевания и захваты велись в средние века либо за действительное или мнимое наследство и иные права, или же против иноверцев или отлученных от церкви. Здесь же впервые предпринимается попытка основать государство посредством массовых убийств и бесчисленных мерзостей, т. е. с использованием любых средств для достижения цели. Никто и нигде впоследствии не сумел превзойти Эццелино в чудовищности совершенных преступлений (даже и Чезаре Борджа⁶), однако пример был дан и свержение Эццелино не стало для народов восстановлением справедливости и предостережением будущим злодеям.

И напрасно св. Фома Аквинский, урожденный подданный Фридриха, выступал в такое время с теорией конституционной власти, по которой властитель мыслится опирающимся на назначенную им верхнюю палату пэров и на избранную народом палату представителей. Это осталось гласом вопиющего в пустыне, а Фридрих и Эццелино были и остались для Италии самыми значительными политическими феноменами XIII столетия. Их образы, ставшие уже полуполюгендарными, составляют основное содержание «Ста старых повестей», первоначальная редакция которых приходится как раз на это время⁵. Уже здесь Эццелино с робкой почтительностью берется под защиту, что противоречит общему впечатлению от этого произведения. На его личность замкнулся целый ряд литературы от хроники очевидцев до полумифологической трагедии⁶.

* * *

Крупные и мелкие властители XIV в. могут служить примером того, что эти впечатления не были забыты. Их жестокости и преступления потрясают и подробно описаны в исторической науке; однако они представляют интерес как полностью самостоятельные и соответственно этому организованные государства.

Сознательное подсчитывание на будущее всех средств, о чем ни один тогдашний правитель вне Италии не имел представления, в сочетании с почти абсолютной властью внутри государства, привело к появлению особых человеческих типов и форм жизни⁷. Главный секрет власти более мудрых тиранов заключался в том, что они, насколько это было возможно, ос-

тавляли налоги такими, какими они их находили или установили в начале правления: поземельный налог, основанный на кадастре, определенные налоги на потребление, и въездные и выездные пошлины, к которым еще добавлялись доходы от частных имуществ правящего дома; единственное возможное их увеличение зависело от роста всеобщего благосостояния и средств сообщения. О займах в том виде, как они существовали в городах, не было и речи, скорее практиковались хорошо продуманные акты насилия, при условии, что остается неизменным состояние общества, такие акты насилия, как, например, смещение высших финансовых чиновников и лишение их имущества в истинно султанском духе⁸.

За счет этих доходов стремились содержать двор, телохранителей, наемников, постройки и шутов, а также талантливых людей искусства, входивших в ближайшее окружение властителя. Нелегитимность, сопровождаемая постоянными опасностями, окружает властителя; самый нерушимый союз, который он только может заключить с кем-либо, - это союз с высочайшим образом духовно одаренными людьми, без оглядки на их происхождение. Либеральная снисходительность князей Северной Италии в XIII в. относилась лишь к рыцарям, служилому дворянству и миннезингерам. Иными словами, перед нами - мыслящий монументальными образами, жаждущий славы итальянский тиран, нуждающийся в таланте как в таковом. Поэт или ученый служат ему новой опорой; он почти ощущает новую легитимность.

В этой связи всемирно известен властитель Вероны, Кан Гранде делла Скала⁷, содержащий при своем дворе в лице блистательных изгнанников всю Италию. Писатели не остались неблагоприятными: Петрарка, чьи визиты к этим дворам вызывали столь озлобленную хулу, создал идеальный образ властителя XIV века⁹. Он требует от своего адресата - властителя Падуи - очень многого и великого, однако в той мере, в какой считает его способным к этому. «Ты должен быть не господином твоих граждан, а отцом отечества и любить их, как своих детей¹⁰ и даже как самого себя. Оружие вассалов и наемников направляй против врагов - своим же подданным яви лишь милость; я имею в виду лишь тех, кто любит существующий порядок; тот же, кто мечтает о переменах, - бунтовщик и враг государства, и против таких должно применять строгость».

Здесь в подробностях выступает известный предрассудок, представление о всевластии государства; властитель должен заботиться обо всем: строить и содержать церкви и общественные здания, следить за порядком на улицах¹¹, осушать болота,

обеспечивать поставки вина и хлеба; справедливо распределять налоги, помогать беспомощным и больным и оказывать свою поддержку и дружбу выдающимся ученым, которые в свою очередь должны печься о его славе.

Однако при общих светлых сторонах и заслугах отдельных властителей XIV век обнаружил недолговечность и ненадежность тирании подобного рода. Так как в силу внутренних причин политические образования, описываемые нами, тем стабильнее, чем больше их размеры, то сильные государства стремились поглотить слабые. Сколько же мелких властителей в то время было принесено в жертву одному лишь роду Висконти⁸! Однако эта внешняя опасность почти в каждом случае сопровождалась внутренними волнениями, и обратное воздействие такого положения на характер властителя было почти всегда чрезвычайно вредным. Неправедная власть, жажда наслаждений и себялюбие, с одной стороны, враги и изменники -- с другой, неизбежно превращали властителя в тирана в наихудшем смысле этого слова.

Лишь в минимальной степени можно было доверять своим ближайшим родственникам. Где все вокруг было нелегитимным, там не могло возникнуть и прочное наследственное право ни для передачи власти, ни для раздела имущества; и, наконец, в угрожающие моменты решительный кузен или дядя свергал несовершеннолетнего или же ни к чему не способного княжеского сына в интересах самой же династии. Велись также постоянные споры о признании или непризнании незаконнорожденных детей.

Это приводило к тому, что целый ряд таких семейств осаждался озлобленными, мстительными родственниками - обстоятельство, которое нередко вызывало открытую измену или зверское истребление целых семей. Некоторые же, живя в изгнании, были преисполнены терпения и объективно оценивали свое положение, как, например, тот Висконти, который стал рыбаком на озере Гарда^{12,9}: посланец его врага прямо спросил его, когда он собирается вернуться в Милан, и получил ответ: «Не раньше, чем тогда, когда творящиеся там преступления превысят мои собственные». Подчас и родственники стоящего у власти приносили его в жертву всюду попираемой общественной морали, чтобы спасти династию¹³. Кое-где власть опирается на правящее семейство таким образом, что глава его связан необходимостью одобрения семьи; но и в этом случае раздел имущества и влияния часто вызывал самые ожесточенные распри.

У всех тогдашних флорентийских авторов мы встречаем проходящую через их произведения глубокую ненависть к такому образу жизни. Уже одни только помпезные, разукрашенные одежды,

при помощи которых князя, возможно, хотели в большей степени воздействовать на народную фантазию, нежели удовлетворить свое тщеславие, вызывают сарказм этих авторов.

Горе тому, кто попадался им на язык, как новоиспеченный дож Аньело Пизанский (1364 г.), который выезжал с золотым скипетром в руках и затем показывался в окне своего дома, «словно реликвия», опираясь на ковры и подушки, шитые золотом. Властителю полагалось прислуживать, преклонив колена, как императору или папе¹⁴. Однако чаще эти старые флорентийцы повествуют о возвышенной серьезной манере. Данте¹⁶ великолепно изображает низкую, бросающуюся в глаза страсть новых властителей к господству и богатству. «Их трубы, колокола, рога и флейты не издают ничего, кроме возгласов: «К нам, палачи! К нам, разбойники!» Замок тирана изображают высоким, уединенным, полным казематов и подслушивающих устройств¹⁶, средоточием зла и горя. Другие предсказывают несчастье тому, кто пойдет служить тирану¹⁷, и жалеют в конце концов и самого тирана, который непременно является врагом всех добрых и порядочных людей, не может ни на кого опереться и на лица подданных читает мечту свергнуть его. «По мере того как тирания возникает, растет и укрепляется, внутри нее самой возникает материал, который ее уничтожит»¹⁸. Отчетливо выявляется глубочайшее противопоставление: в то время Флоренция выдвинула множество ярких индивидуальностей, а тираны не выносили никакой другой индивидуальности кроме своей собственной и своих прислужников. Ведь уже был осуществлен полный контроль над человеком вплоть до паспортной системы и ограничений свободы передвижения¹⁹.

Жуткое и богопротивное в таком образе жизни получило в мыслях современников еще один особый оттенок из-за общеизвестной веры в звезды и неверия некоторых властителей. Когда последний Каррара^{10*} в своей пораженной эпидемией чумы Падуе (1405 г.) уже не мог удерживать стены и ворота окруженного венецианцами города, его телохранители часто слышали, как он ночами призывал дьявола, умоляя, чтобы тот убил его!

* * *

Наиболее полный и поучительный пример такой тирании XIV века - бесспорно, правление дома Висконти в Милане после смерти архиепископа Джованни (1354 г.)^{11*}. У Бернабо несомненно сразу же проявляется фамильное сходство с самыми страшными римскими императорами²⁰: высшей

целью государства становится княжеская охота на кабанов; того, кто пытается помешать ему в этом, жесточайшим образом казнят; трепещущий народ должен кормить пять тысяч его охотничьих собак и нести строжайшую ответственность за их надлежащее содержание. Налоги выбивались любыми мыслимыми средствами, была собрана огромная сумма: каждая из семи дочерей Бернабо получила 100 000 золотых гульденов. После смерти его супруги (1384 г.) появился указ «подданным», которые должны были так же, как прежде они разделяли с ним радость, теперь разделить с ним печаль и в течение года носить траур. Особенно характерным является заговор, в результате которого его племянник Джангалеаццо (1385 г.) одержал над ним верх, - один из тех удавшихся заговоров, при описании которых у позднейших хронистов замирает сердце²¹.

У Джангалеаццо отчетливо проявляется истинное стремление тирании к грандиозности.

Затратив 300 000 золотых гульденов, он начал строительство гигантских дамб, чтобы отвести Минчо от Мантуи и Бренту от Падуи и сделать эти города беззащитными²²; поистине вполне можно было бы представить себе, что он намеревался осушить лагуны Венеции.

Он основал²³ «чудеснейший из всех монастырей» Чертозу ди Павия и Миланский собор, «по величине и великолепию превосходящий все церкви христианского мира», возможно, и дворец в Павии, строительство которого начал его отец Галеаццо, а он завершил. Дворец был самой роскошной княжеской резиденцией в тогдашней Европе. Там же он поместил и свою библиотеку, и большую коллекцию реликвий святых, посвятив им особый культ.

Для такого князя, как Джангалеаццо было бы странным отсутствием стремления к вершинам власти в политической области. Король Венцель¹² (1395 г.) сделал его герцогом, но в его планы входило никак не меньшее, чем Итальянское королевство²⁴ или императорская корона, когда в 1402 году он заболел и умер.

Все государства, находившиеся под его властью, должны были ежегодно платить ему сверх регулярных налогов, достигавших суммы в 1 200 000 золотых гульденов, еще и 800 000 в виде чрезвычайных субсидий. После его смерти государство, созданное им различными насильственными способами, распалось, и прежние его части уже не могли быть удержаны в ее составе. Кто знает, кем бы стали его сыновья Джован Мария (1412 г.), и Филиппо Мария (1447 г.), живи они в другой стране, ничего не зная о своем роде. Но в качестве своего родового наследия они сполна уна-

ледовали чудовищный капитал жестокости и трусости, который в этом роду передавался из поколения в поколение.

Джован Мария, как и отец, прославился своими собаками, но уже не охотничьими, а чудовищными зверями, натасканными терзать людей; имена этих собак дошли до нас, как и имена медведей императора Валентиниана I¹³⁻²⁵. Когда в мае 1409 года во время еще продолжающейся войны голодающий народ кричал ему на улицах «Расе! Расе!» (Мир!, Мир!), он приказал своим наемникам рубить направо и налево, и они прикончили 200 человек; при этом под страхом виселицы было запрещено произносить слова расе и guerra (война), и даже священникам было предписано произносить вместо «dona nobis pacem» «dona nobis tranquillitatem»¹⁴. Наконец, несколько заговорщиков использовали ситуацию, когда Фачино Кане¹⁵, великий кондотьер безумного герцога, лежал при смерти в Павии, и убили Джован Мария в Милане возле церкви Сан Готтардо; однако в этот же день умирающий Фачино заставил своих офицеров поклясться в том, что они помогут наследнику Филиппо Мария, и предложил также²⁶, чтобы его супруга вышла после его смерти замуж за Филиппо, что вскоре и произошло; ее звали Беатриче ди Тенда. О Филиппо Мария речь еще впереди.

И в такое время Кола ди Риенцо^{16*} надеялся, опираясь на пошатнувшийся энтузиазм обнищавшего населения Рима, построить новую систему власти в Италии. В сравнении с властителями типа Висконти он кажется жалким обреченным дурачком.

* * *

В XV столетии характер тиранического правления меняется. Многие из мелких тиранов и некоторые из более крупных, например Скала и Каррара, погибли; более могущественные увеличили свои владения и внутренне сформировали их более определенно. При новой Арагонской династии^{17*} Неаполь стал более могущественным. Однако наиболее характерным для этого столетия является стремление кондотьеров к независимой власти, даже к короне - дальнейший шаг по пути к чисто реальному и высокая награда как за талант, так и за злодейство. Более мелкие тираны, дабы обеспечить себе поддержку, охотно идут теперь на службу к более крупным, становятся кондотьерами, которые обеспечивают своих властителей деньгами, гарантируют безнаказанность за преступления, возможно, даже способствуют расширению подвластных им земель.

В целом крупные и мелкие из них должны были стараться действовать более осмотрительно и расчетливо, воздерживать-

ся от слишком массовой жестокости; они могли совершать лишь столько зла, сколько нужно было для их целей, - это прощало им незаинтересованными. О пиетете, существовавшем в легитимных западноевропейских княжествах, здесь нет и помин, самое большее - это разновидность столичной популярности; существенную помощь Итальянским князьям должны были оказывать лишь талант и холодный расчет.

Характер Карла Смелого^{18*}, который с необыкновенной страстью стремился к достижению абсолютно нереальных целей, был настоящей загадкой для итальянцев. «Швейцарцы - ведь это сплошь крестьяне, и даже если перебить их всех, это не принесло бы никакого удовлетворения бургундским магнатам, которые стремились погибнуть в бою. Если бы герцог получил Швейцарию без сопротивления, то его годовые доходы не возросли бы и на 5000 дукатов и т. д.»²⁷ О том средневековом, что было в Карле, его рыцарских фантазиях и идеалах, обо всем этом в Италии не имели никакого понятия. А то, что он раздавал оплеухи своим подчиненным военачальникам²⁸, оставляя их, однако, при себе, третировал свои войска, чтобы наказать их за поражение, а затем снова позорил своих тайных советников перед войсками - это привело к тому, что дипломаты Юга потеряли к нему всякий интерес.

Однако Людовик XI^{19*}, который в своей политике превзошел итальянских князей, действуя в их же манере и объявив себя почитателем Франческо Сфорца²⁰, в области образования вследствие своей вульгарной природы очень отличается от этих властителей.

В итальянских государствах XV века доброе и злое переплетаются весьма странным образом. Личность князя становится столь всесторонне значимой, столь характерной²⁹ для его положения и задач, что нравственное суждение с трудом применимо к нему.

Основы власти по-прежнему остаются нелегитимными, и это проклятие остается на них и не исчезает. Императорские подтверждения владельческих прав и ленные пожалования земель ничего не меняют, так как народу безразлично, купили ли его властители кусок пергамента в далеких странах или у заезжего иностранца³⁰. Если бы от императоров был бы какой-то толк, то они вообще не позволили бы властителям поддаться - такова была логика обыденного народного сознания. Со времени римского похода Карла IV²¹ императоры только *санкционировали* в Италии возникшее помимо них соотношение сил, не имея возможности *гарантировать* его иначе, чем грамотами. Пребывание Карла в Италии - постыдный политический спектакль; у Маттео Виллани^{31 22}

можно прочесть о том, как Висконти сопровождали Карла в своих владениях и как они, наконец, выпроводили его, как он, подобно ярмарочному торговцу, стремился поскорей получить деньги за свой товар, т. е. за привилегии, каким жалким он выглядел в Риме и как он, наконец, ни разу не вынув меч из ножен, с полным мешком денег возвратился к себе через Альпы³².

Сигизмунд²³¹ (1414 г.) в первый раз прибыл по крайней мере с благими намерениями склонить Иоанна XXIII^{24*} к участию в его соборе; именно тогда, когда император и папа с высокой башни Кремоны наслаждались панорамой Ломбардии, их «гостеприимному хозяину», тирану Габрино Фондоло, хотелось сбросить обоих вниз. Второй раз Сигизмунд приехал как искатель приключений; больше полугода он сидел в Сиене словно в долгой тюрьме и лишь с трудом попал в Рим на коронацию.

Что же можно сказать о Фридрихе III^{25*}?

Его приезды в Италию выглядели как развлекательные прогулки за счет тех, кто хотел добиться от него письменного подтверждения каких-либо прав, или тех, кому льстило с помпой принимать императора. Так обстояло дело с Альфонсом Неаполитанским^{26*}, потратившим 150 000 золотых гульденов на императорский визит³³. Во время своего второго возвращения из Рима (1469 г.), Фридрих в Ферраре³⁴ целый день занимался раздачей титулов (80 за день), не выходя из комнаты; он жаловал титулы и звания кавалеров (*cavalieri*), графов (*conti*), докторов (*dottore*), нотариев (*notare*) и даже графские титулы в различных существовавших тогда вариантах: *conte palatino*, *conte* с правом *dottori*, т. е. с собственным правом пожалования до пяти титулов *dottori*, *conte* с правом легитимизации незаконнорожденных, с правом назначать нотариев, объявлять утративших честь нотариев честными и т. д. Однако его канцлер требовал за соответствующие грамоты такой признательности, которую в Ферраре находили несколько чрезмерной³⁵. О том, что думал герцог Борсо^{27*}, когда его царственный патрон раздавал грамоты и весь его маленький двор оказывая титулованным, не сообщается. Гуманисты, писавшие тогда высокие слова, разделялись по своим интересам.

В то время как одни из них³⁶ прославляли императорский двор в Риме с обычным ликованием придворных поэтов, Поджо³⁷ ^{28*} высказывал сомнение по поводу того, что собственно должна означать коронация: ведь древние венчали императора-победителя и венчали его лавровым венком.

Со времени правления Максимилиана I^{29*} начинается новая политика по отношению к Италии, связанная с общим вторжением чужих народов. Начало ее - пожалование лена Лодовико

Моро^{30*} и устранение его несчастного племянника - не предвещало удачи. По современной теории интервенции, в том случае, если два противника нападают на страну, может появиться третья сила и принять в этом участие; таким образом, Империя могла также претендовать на свою долю. Однако о праве и т. п. в этом случае и речи быть не могло. Когда Людовика XII^{31*} (1502 г.) ожидали в Генуе, когда огромного имперского орла убрали с фронтона главного зала дворца дождей и разрисовали все лилиями, хронист Сенарега³⁸ спросил, что собственно означает этот пощаженный при стольких переворотах орел и что за притязания на Геную были у Империи. Никто не знал иного ответа, кроме старого изречения: Генуя - это *camera imperii* (палата Империи). Вообще, в Италии никто не разбирался в вопросах такого рода. Лишь тогда, когда Карл V^{32*} объединил под своей властью Испанию и Империю, он мог силами Испании удовлетворить и притязания Империи. Но то, что он завоевал таким образом, пошло на пользу не Империи, а испанской монархии.

С политической нелегитимностью династий XV столетия было также связано равнодушие к законности рождения, бросавшееся в глаза иностранцам, например Коммину^{33*}. Легитимность как бы предоставлялась в придачу.

В то время как на севере, в Бургундии, незаконнорожденным давались во владение некоторые, определенным образом ограниченные уделы и епископства и т. п., в Португалии династия, происходившая от незаконнорожденных, удерживала трон, только прилагая громадные усилия, в Италии не было княжеского рода, в главной линии которого не было бы потомства незаконнорожденного и который не относился бы к этому совершенно спокойно. Арагонская династия в Неаполе была незаконнорожденной линией рода, так как сам Арагон унаследовал брат Альфонса I. Великий Федерико Урбинский^{34*}, возможно, вообще не принадлежал к роду Монтефельтро.

Когда Пий II^{35*} отправился на собор в Мантую (1459 г.), по пути остановившись в Ферраре, для торжественной встречи выехало восемь незаконнорожденных из дома д'Эсте³⁹ и среди них сам правящий герцог Борсо и двое внебрачных сыновей его же внебрачного брата и предшественника Леонелло.

Леонелло имел и законную супругу; она была внебрачной дочерью Альфонса I Неаполитанского и африканки⁴⁰. Незаконнорожденные допускались к власти часто уже потому, что законные сыновья были несовершеннолетними, а опасности грозили постоянно; появилась некая разновидность сеньората, при которой законность или незаконность рождения не принимались во внимание.

Целесообразность, индивидуальные качества и талант значили здесь больше, чем законы и обычаи остальной Западной Европы. Ведь это было время, когда сыновья пап основывали княжества!

В XVI веке под влиянием иностранцев и начинающейся Контр-реформации отношение к этому стало строже; Варки^{36*} находят, что наследование престола законными сыновьями «требуется разумом и с незапамятных времен является волей неба»⁴¹. Кардинал Ипполито Медичи^{37*} обосновывал свое притязание на власть над Флоренцией тем, что он, может быть, был рожден в законном браке или же по крайней мере был сыном знатной женщины, а не служанки (как герцог Алессандро^{38*})⁴². Теперь появляются мorganатические браки по любви, которые в XV веке по нравственным и политическим основаниям не имели бы никакого смысла.

Однако высшей и наиболее удивительной формой нелегитимности в XV столетии является основание кондотьярами, каково бы ни было их происхождение, княжеств. В сущности не чем иным было и завоевание норманнами Южной Италии в XI веке; теперь же планы подобного рода стали держать в постоянном напряжении весь Апеннинский полуостров.

Утверждение предводителя наемников в качестве властителя страны могло происходить и без узурпации, когда его сюзерен сам наделял его землей из-за недостатка в деньгах и людях⁴³; помимо этого кондотьеру требовалось (даже если он на время увольнял большинство своих людей) надежное место, где он мог бы иметь зимнюю квартиру и хранить необходимые запасы. Первым примером такого взлета вчерашнего главаря банды разбойников является Джон Хоуквуд, получивший от папы Григория XI^{39*} Баньякавалло и Котиньолу. Когда же с Альберико да Барбиано на авансцену вышли итальянские войска и полководцы, возникла возможность завоевать княжества или же расширить пределы своих владений, если кондотьер уже имел где-либо подвластную территорию. Первая большая вакханалия этой солдатской жажды власти восторжествовала в Миланском герцогстве после смерти Джангалеаццо (1402 г.); правление его двух сыновей (с. 15) было заполнено главным образом свержением Этих воинственных тиранов, а после смерти крупнейшего из них — Фачино Кане — дом Висконти унаследовал вместе с его вдовой ряд подвластных городов и 400 000 золотых гульденов; кроме того, Беатриче ди Тенда привлекла на свою сторону солдат своего первого мужа⁴⁴. Начиная с этого времени и сформировались безнравственные сверх всякой меры отношения между властителями и их кондотьярами, что является характерным для XV века. Старый анекдот⁴⁵, один из тех, которые нигде и все же всюду истинны, описывает это примерно так: «У

жителей некоего города - имеется, очевидно, в виду Сиена - был полководец, освободивший их от вражеского угнетения; они каждый день совещались, как им вознаградить его, и решили, что никакое вознаграждение, бывшее в их силах, не будет достаточным, даже и в том случае, если они сделают его властителем города. Тогда наконец поднялся один из них и сказал: «Давайте убьем его и будем поклоняться ему как святому городам. Так с ним и поступили, примерно как римский сенат с Ромулом»^{40*}.

В действительности кондотьярам не приходилось опасаться никого больше, чем своего господина; если они воевали успешно, то становились опасными и их физически устраняли, как Роберто Малатеста^{41*}, сразу же после победы, которую он одержал для Сикста IV^{42*} (1482 г.); при первой же неудаче им мстили, как венецианцы Карманьоле^{43*} (1432 г.)⁴⁶. Положение вещей в моральном отношении было таково, что кондотьеры должны были отдавать жену и детей в заложники, они не вызывали доверия и сами не ощущали его. И тем не менее им надо было становиться героями самоотверженности, обладать характером Велисария^{44*}, чтобы не накапливать в душе глубочайшую ненависть; лишь абсолютное нравственное совершенство могло удержать их от того, чтобы не стать законченными злодеями. И именно такими, полными презрения ко всему святому, полными жестокости и предательства по отношению к людям, мы их и видим; почти все они были людьми, которых не страшило ни в жизни, ни в смерти отлучение от церкви или папский интердикт. Но вместе с тем некоторые из них становились личностями, в них развивался талант, доходящий до высочайшей виртуозности, что и встречало признание и восхищение солдат; это первые армии Нового времени, где доверие к полководцу без всяких иных соображений становится движущей силой.

Это блестяще проявляется, например, в жизни Франческо Сфорца^{47*}; нет такого сословного предрассудка, который бы мог воспрепятствовать осуществлению его намерения завоевать высочайшую популярность у каждого отдельного человека и использовать ее в трудные минуты; случалось, что противники при одном виде его слагали оружие и приветствовали его с непокрытой головой, так как все считали его «отцом воинства».

Род Сфорца вообще представляет особый интерес, так как в нем можно с самого начала наблюдать весь процесс подготовки к образованию княжества⁴⁸. Фундаментом этого была необычайная плодовитость семейства: у уже прославленного Джакомо — отца Франческо — было около 20 братьев и сестер, получивших суровое воспитание в Котиньоле близ Фаэнцы и вы-

росших под впечатлением бесконечных романьольских вендетт между ними и домом Пазолини. Весь дом представлял собой поистине арсенал и караульное помещение; матери и дочери были также весьма воинственны. Уже на тринадцатом году жизни Джакопо тайно покинул дом и уехал сначала в Паникале к папскому кондотьеру Бальдрини, тому самому, кто и мертвый продолжал вести свое войско, ибо из покрытой знаменем палатки, где лежало его набальзамированное тело, передавался пароль войскам - пока не был найден достойный преемник.

Джакопо, поднимаясь все выше и выше на разной службе, собрал вокруг себя своих приближенных и получил с их помощью именно то, что иному князю переходит по наследству от длительно существовавшей династии.

Эти родственники сохраняли боеспособную армию, пока он лежал раненый в Кастель дель'Нуово в Неаполе; его сестра собственноручно взяла в плен посланцев короля и тем самым спасла ему жизнь.

На далеко идущие планы указывает то, что Джакопо был исключительно надежен в денежных делах и поэтому сохранял доверие банкиров и после поражений; он повсюду защищал крестьян от солдатских грабежей и не любил, когда разрушали завоеванные города; но особенно то, что он выдал свою очаровательную возлюбленную Люцию (мать Франческо) замуж за другого, чтобы быть свободным для брачного союза, который помог бы ему занять княжеский престол. Браки его родственников также были подчинены определенному плану. Он был далек от безбожия и беспутной жизни своих братьев по воинскому ремеслу, а три наказа, которые он дал своему сыну, выпуская его в свет, были таковы: не соблазняя чужую жену; не бей никого из своих людей, а если это случится, отошли его очень далеко; и наконец, никогда не садись на тугоузду или теряющую подковы лошадь.

Но прежде всего как личность он являл собой если не великого полководца, то великого воина (солдата), физически сильного и тренированного человека, с открытым, располагающим к себе лицом крестьянина; он обладал замечательной памятью, помнил всех своих солдат, их лошадей и оплату солдат в течение многих лет. Его образование было лишь итальянским; но весь свой досуг он использовал для изучения истории и приказывал переводить для себя греческих и латинских авторов.

Франческо, его еще более прославленный сын, с самого начала явно стремился к высокой власти; он завоевал могущественный Милан благодаря блистательному полководческому искусству и несомненному предательству (1447-1450 гг.).

Его пример манил. Эней Сильвий⁴⁹ писал об этом времени так: «В нашей столь подверженной изменениям Италии, где ничто не прочно и нет больше старой власти, слуги легко становятся королями». Но один человек, сам себя называвший «человеком Фортуны», который занимал тогда воображение всей страны, - Джакомо^{45'} Пиччинино, сын Николо. Все открыто задавались одним животрепещущим вопросом: удастся ли и ему основать свое княжество или нет? Более крупные государства были явно заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать этому, и Франческо Сфорца также считал, что род военачальников, ставших властителями, должен окончиться на нем самом.

Но войска и их предводители, которых посылали против Пиччинино, когда он, например, намеревался завоевать Сиену, видели⁶⁰ свой интерес в том, чтобы поддержать его: «Если с ним будет покончено, нам останется только снова мирно пахать землю». Держа его в осаде в Орбетелло, они в то же время снабжали его продовольствием, и он с почетом смог выйти из окружения. Но и он в конце концов все-таки не избег своей судьбы. Вся Италия спорила о том, что произойдет, когда он после визита к Сфорца в Милан (1465 г.) поехал к королю Ферранте^{46'} в Неаполь. Несмотря на все поручительства и высокие обязательства, последний, по сговору со Сфорца, приказал убить его в Кастель Нуово⁶¹. И кондотьеры, владевшие доставшимися в наследство государствами, никогда не чувствовали себя уверенными в своей судьбе; когда Роберто Малатеста и Федерико Урбинский умерли в один и тот же день (1482 г.), один в Риме, а другой в Болонье, обнаружилось, что каждый из них, умирая, завещал свое княжество другому⁶²! По отношению к сословию, которое позволяло себе столь многое, считалось дозволенным все.

Еще совсем юный Франческо Сфорца женился на богатой наследнице из Калабрии, Полиссене Руффа, графине Монтальто, которая родила ему дочку; одна из его теток отравила жену и ребенка и завладела наследством⁶³.

Со времени падения Пиччинино появление новых княжеств кондотьеров воспринималось как нетерпимый далее скандал; четыре «великих государства» - Неаполь, Милан, Папское государство и Венеция - создали как будто некую систему равновесия, которая не терпела более никаких нарушений такого рода. В Папском государстве, кишевшем мелкими тиранами, которые частично еще были или оставались кондотьерами со времени Сикста IV, nepоты добились исключительного права на подобные предприятия. Но достаточно было какого-либо колебания в отдельных случаях, чтобы кондотьеры вновь давали о себе знать.

В дни жалкого понтификата Иннокентия VIII^{47*} дело было близко к тому, что бывший ранее на бургундской службе капитан Боккалино чуть было не передался к туркам вместе с городом Озимо, который он завоевал для себя⁵⁴; можно было только радоваться тому, что он при посредничестве Лоренцо Великолепного^{48*} удовлетворился денежной компенсацией и уехал. В 1495 г. при общей неразберихе, вызванной войной, которую вел Карл VIII^{49*}, на политической арене появился кондотьер Видоверо из Брешии⁶⁶; уже раньше он завоевал город Чезена, убив множество дворян и горожан; но крепость не сдалась и ему пришлось уйти.

Теперь во главе войска, которое ему уступил другой авантюрист, Пандольфо Малатеста из Римини, сын вышеупомянутого Роберто и венецианский кондотьер, Видоверо отнял у архиепископа Равенны город Кастельнуово. Венецианцы, которые опасались худшего и без того были теснимы папой, «доброжелательно» приказали Пандольфо при случае арестовать приятеля; он сделал это, хотя «с болью в сердце», затем пришел приказ повесить его. Пандольфо предусмотрительно сначала удавил его в тюрьме, а потом показал народу. Последним более значительным примером подобных узурпации является знаменитый кастелян из Муссо^{50*}, который во время смуты в Милане после битвы при Павии (1525 г.)^{51*} притяжал на озеро Комо.

* * *

В общем, говоря о деспотических государствах XV столетия, можно утверждать, что все гнусности чаще всего встречались в мелких и самых мелких государствах. Именно здесь в многочисленных семействах, члены которых хотели жить в соответствии со своим рангом, постоянно возникали споры о наследстве; Бернардо Варано из Камерино убил (1434 г.) двух своих братьев⁶⁶ потому, что его сыновья хотели получить их наследство. Там, где какой-либо правитель города выделялся деятельным, бескровным, умеренным правлением и заботой о культуре, он, как правило, принадлежал к могущественному дому или же зависел от политики такового. К этому типу принадлежал, например, Алессандро Сфорца⁵⁷, князь Песаро, брат великого Франческо и тесть Федерико Урбинского (1473 г.).

Как хороший правитель, справедливый и доступный регент, он после долгих войн спокойно правил, собрал великолепную библиотеку и проводил свой досуг в ученых и благочестивых беседах. Джованни II Бентивольо Болонский (1462-1506 гг.)^{52*},

чья политика была обусловлена политикой д'Эсте и Сфорца, также можно причислить к деятелям такого типа. А что за кровавое одичание мы видим, напротив, в домах Варани из Камерино, Малатеста из Римини, Манфредди из Фаэнцы и прежде всего Бальоне из Перуджи. События в доме последнего в конце XV в. нам особенно хорошо известны из великолепных исторических источников - хроник Грациани и Матараццо^{68 53*}.

Бальоне были одним из тех родов, чья власть не оформилась в виде княжества, а в большей степени была верховенством в городе и опиралась на богатство семейства и фактическое влияние на замещение должностей. Один из членов семейства признавался остальными в качестве главы; однако между членами его различных ветвей царил глубокая, тайная ненависть. Им противостояла аристократическая партия, возглавляемая семейством Одди; в 1487 г. все были вооружены и все дома этих семейств полны бравы (наемных убийц); каждый день совершались насилия; при погребении убитого немецкого студента две коллегии вступили в вооруженную борьбу друг с другом. Иногда бравы, бандиты, состоявшие на службе у различных родов, устраивали сражения на открытых площадях города. Напрасно жаловались купцы и ремесленники; правители и nepоты папы молчали или спешно ретировались.

Наконец Одди были вынуждены оставить Перуджу, и тогда город становится военным лагерем, где целиком и полностью господствуют Бальоне, превратившие даже собор в казарму для своих войск. Заговоры и измены жестоко карались; после того как в 1491 году 130 человек, вторгшиеся в город, были разбиты и повешены у дворца, на площади города соорудили 35 алтарей, три дня служили мессы и проходили процессии, чтобы избавить это место от проклятия. Nepот папы Иннокентия VIII был среди бела дня заколот в переулке, nepот же Александра VI^{54*}, посланный чтобы уладить конфликты, не добился ничего, кроме открытых насмешек.

Главы правящего семейства Гвидо и Ридольфо вели бесчисленные переговоры со святой, творящей чудеса, доминиканской монахиней сестрой Коломбой из Риети, которая, угрожая большими невзгодами в будущем, призывала к миру, естественно безрезультатно. В этой связи хронист постоянно указывает на богобоязненность и благочестие лучших граждан Перуджи в эти страшные годы. При приближении Карла VIII (1494 г.) Бальоне и расположившиеся лагерем в Ассизи и его окрестностях высланные ими Одди вели между собой такую войну, что все строения в долине были сравнены с землей, поля

оставались невозделанными, крестьяне дичали, превращаясь в разбойников и убийц, а олени и волки заселили буйно разросшийся кустарник, пожирая трупы убитых, «мясо христиан».

Когда папа Александр VI бежал в Умбрию от возвращавшегося обратно из Неаполя Карла VIII (1495 г.), в Перудже у него возникла мысль, что он мог бы навсегда избавиться от Бальоне; он предложил Гвидо устроить нечто вроде рыцарского турнира, чтобы где-нибудь собрать их всех вместе, но Гвидо считал, что «самым прекрасным зрелищем было бы увидеть вместе все войско Перуджи», и папа отказался от своего плана. Вскоре после этого высланные Одди вновь предприняли нападение, в ходе которого лишь личное мужество Бальоне позволило им одержать победу. В этом сражении на главной площади города восемнадцатилетний Симонетто Бальоне сражался с немногими сотоварищами против нескольких сотен, он упал, получил более 20 ран, но поднялся снова, когда на помощь ему пришел Асторре Бальоне верхом на коне, в золоченых стальных доспехах, с соколом на шлеме: «Подобный Марсу по виду и подвигам, он ринулся в гущу сражения».

В те годы Рафаэль был двенадцатилетним мальчиком в учении у Пьетро Перуджино. Возможно, впечатления этих дней увековечены в ранних, небольших по размеру изображениях святых Георгия и Михаила; возможно, что-то взято оттуда и продолжает жить в знаменитой картине, изображающей св. Михаила; и если Асторре Бальоне и нашел где-то свое воплощение, то в облике небесного воина в «Илиодоре».

Противники были частью уничтожены, частью в панике бежали и не имели больше сил повторить нападение. Некоторое время спустя им было частично дано прощение и разрешение вернуться. Но в Перудже не стало спокойнее; внутренний раздор в правящем семействе проявился теперь в новых ужасных преступлениях. Против Гвидо, Ридольфо и их сыновей Джанпаоло, Симонетто, Асторре, Джисмондо, Джентиле, Маркантонио и других объединились два внучатых племянника, Грифоне и Карло Барчилья, последний был также племянником князя Варано ди Камерино и зятем одного из изгнанных ранее - Джеронимо делла Пенна. Тщетно Симонетто, имевший дурные предчувствия, молил на коленях своего дядю позволить ему убить этого Пенна; Гвидо отказал ему в этом.

Заговор внезапно созрел ко времени свадьбы Асторре с Лавинией Колонна в середине лета 1500 года. Празднество началось и несколько дней продолжалось при зловещих предзнаменованиях, нарастание которых замечательно описано

Матараццо. Присутствовавший на свадьбе Варано собрал всех соучастников вместе; с дьявольской хитростью Грифоне было указано на стремление его супруги Дзенобии к единовластию и на ее вымышленную связь с Джанпаоло и, наконец, каждому заговорщику была определена его жертва. Дома всех Бальоне были удалены друг от друга и большей частью расположены на месте нынешней крепости. Каждый из заговорщиков получил подкрепление из 15 брави; оставшихся поставили на стражу. В ночь на 15 июля двери были взломаны, Гвидо, Асторре, Симонетто и Джисмондо были убиты; остальным удалось бежать.

Тело Асторре лежало на улице рядом с телом Симонетто; видевшие его и «особенно иностранные студенты» сравнивали его с древним римлянином, столь достойным и великим он выглядел.

Выражение же лица Симонетто было столь бесстрашным, будто сама смерть не смогла одержать над ним верх. Победители обходили друзей дома, чтобы представиться, но нашли всех в слезах и в приготовлениях к отъезду в свои имения. Бежавшие Бальоне собрали войско и на следующий день ворвались во главе с Джанпаоло в город, где другие их сторонники, которым Барчилья только что угрожал смертью, немедленно перешли на их сторону; когда у церкви Сан Эрколано Грифоне попал в его руки, Джанпаоло приказал своим людям убить его; Барчилья и Пенна бежали к главному виновнику несчастья, Варано, в Камерино; в одно мгновение, почти без потерь, Джанпаоло стал властителем города.

Аталанта, все еще красивая и молодая мать Грифоне, которая за день до этого вместе с его женой Дзенобией и двумя детьми Джанпаоло уехала в свое имение и прогнала с материнским проклятием поспешившего вслед за ней сына, теперь вернулась с невесткой, разыскивая умирающего сына. Все избегали обеих женщин: никто не хотел, чтобы его сочли убийцей Грифоне, боясь навлечь на себя проклятие матери. Но люди ошибались; она сама потребовала от сына простить того, кто нанес ему смертельный удар, и он умер с ее благословением. Люди благоговейно смотрели вслед обеим женщинам, когда они в своих окровавленных платьях шли по площади. Это та самая Аталанта, для которой Рафаэль впоследствии написал свое знаменитое «Положение во гроб». Таким образом она положила свою собственную печаль на алтарь наивысшего и самого святого горя матери.

Собор, рядом с которым происходила большая часть этих трагических событий, был обмыт вином и освящен заново. Со времени свадьбы все еще стояла триумфальная арка, расписанная изображением подвигов Асторре и хвалебными стиха-

ми того, кто описывает нам все это, славного Матаратцо. Возникла новая легендарная история Бальоне, которая является лишь отражением этой цепи жестокостей. Легенда утверждает, что с давних пор в этом роде все умирали насильственной смертью, однажды 27 сородичей сразу; их дома разрушались и обломками мостили дороги и т. п. При Павле III^{55*} действительно начался снос их дворцов.

Однако теперь у Бальоне появились добрые намерения навести порядок в собственной партии и защитить должностных лиц от титулованных злодеев. Но проклятие рода продолжало действовать подобно кажущемуся потушенным пожару. В понтификат Льва X^{66*} в 1520 году Джанпаоло заманили в Рим и обезглавили; один из его сыновей, Орацис, властвовавший в Перудже лишь временно и в период жестоких столкновений как приверженец партии герцога Урбино, которому также угрожал папа, вновь свирепствовал в собственном доме самым отвратительным образом. Были убиты дядя и три двоюродных брата, после чего герцог приказал передать ему, что этого довольно⁶⁹. Его брат Малатеста Бальоне-флорентийский полководец, обессмертивший свое имя предательством в 1530 г., а его сын Ридольфо - последний в роду, получивший в 1534 году путем убийства легата и чиновников короткую, но страшную власть над Перуджей.

* * *

Властители Римини будут попадаться нам довольно часто. Дерзость, безбожие, военный талант и высокое образование редко сочетаются так в одном человеке, как в Сиджизмондо Малатеста (ум. 1467 г.). Но там, где преступления множатся, как это произошло в этом роде, они перевешивают талант и увлекают тирана в пропасть. Упомянутый выше Пандольфо, внук Сиджизмондо, еще держался лишь потому, что Венеция не желала падения своего кондотьера, несмотря на все его преступления; когда же его подданные (1497 г.) по веским причинам⁶⁰ бомбардировали его крепость в Римини и затем позволили ему бежать, венецианский комиссар привел обратно виновного в братоубийстве и прочих преступлениях.

Тридцать лет спустя члены дома Малатеста превратились в нищих изгнанников.

Около 1527 года, как во времена Чезаре Борджа, разразилась настоящая эпидемия, разрушающая эти мелкие династии; лишь очень немногие пережили ее и даже не на благо себе. В Мирандоле, где властвовали мелкие князья из рода Пико, в 1533

году находился бедный ученый Лилио Грегорио Джиральди^{57*}, бежавший из разоренного Рима к гостеприимному старому князю Джованни Франческо Пико (племяннику знаменитого Джованни^{58*}); в связи с обсуждением устройства надгробия, которое князь хотел приготовить для себя, появилось сочинение⁶¹, посвящение которого датируется апрелем того же года. Но как же печально звучит позднейшая приписка: «В октябре этого же года несчастный князь был лишен своим племянником жизни и княжества, а мне едва удалось бежать в самом жалком состоянии».

Бесхарактерная полугитания, которую осуществлял Пандольфо Петруччи в раздираемой междуусобицами Сиене, едва ли достойна подробного рассмотрения. Ничтожно и злобно правил он с помощью профессора права и астролога и возбуждал ужас, совершая убийства. Его летним развлечением было сбрасывание огромных камней с горы Монте Амиата; он не обращал внимания на то, кого и что они встретят на своем пути. После того как ему удалось то, что не удалось самым хитрым, - он избежал козней Чезаре Борджа - он позднее умер тем не менее презираемым и забытым. Но его сыновья продержались еще довольно долго с помощью своего рода совместного властвования.

* * *

Из более значительных династий следует особо рассмотреть Арагонскую. Ленное владение, существующее здесь со времен норманнского вторжения в виде баронского землевладения, придает государству своеобразный характер, так как в остальной Италии, за исключением южной части Папского государства и некоторых других областей, существует лишь обычное землевладение, и государство не позволяет более приобретать наследственные права на землю. Альфонс Великий (1458 г.), получивший власть над Неаполем с 1435 г., являет собой пример иного рода, чем его действительные или мнимые потомки. Блистательный во всем своем образе жизни, никого не боявшийся среди своего народа, проявлявший исключительную любезность в обращении, он не только не осуждался за свою позднюю страсть к Лукреции д'Аланья, а, наоборот, вызывал этим восхищение окружающих; дурной чертой его характера была расточительность⁶², которая позже привела к неизбежным отрицательным последствиям. Бессовестные финансовые ведомства становились сначала всемогущими, пока обанкротившийся король не завладел их имуществом; проповедовалась идея крестового похода, чтобы под таким предло-

гом обложить налогами духовенство; при сильном землетрясении в Аbruццах оставшиеся в живых должны были продолжать платить налоги за погибших. При всем этом Альфонс был самым гостеприимным хозяином своего времени для высоких гостей (см. с. 18) и прославился непрестанными пожертвованиями кому угодно, в том числе и врагам; в вознаграждении же за литературные труды он вообще не знал предела - так, Поджо за латинский перевод «Киропедии» Ксенофонта получил 500 золотых монет.

Ферранте⁶³, сменивший Альфонса, считался его незаконным сыном от испанской дамы, но, возможно, его отцом был валенсийский маран^{59*}. Сделало ли его мрачным и жестоким его происхождение или заговор баронов, угрожавших его жизни, но среди тогдашних князей он был в любом случае самым ужасным. Неудачный в своей деятельности, признанный одним из сильнейших политиков своего времени, он, не будучи развратником, направлял все свои способности, включая злопамятность и глубочайшее притворство, на уничтожение своих противников.

Оскорбленный всем, чем только можно оскорбить князя, ибо состоявшие с ним в родстве предводители баронов вступили в сношения со всеми его внешними врагами, он привык считать чрезвычайное повседневным. Средства для борьбы и внешних войн извлекались теми же магометанскими способами, которые применял Фридрих II: зерном и маслом торговало только правительство; всю торговлю вообще Ферранте сконцентрировал в руках крупного купца Франческо Коппола, который делился с ним своими доходами и поставил себе на службу всех судовладельцев; к этому добавились принудительные займы, казни, конфискации, безудержная симония и контрибуции с церковных корпораций. Кроме охоты, которой он безоглядно предавался, Ферранте оставил себе два развлечения: он держал своих живых противников в надежно охраняемых темницах, а бальзамированных мертвых сохранял в той одежде, которую они носили при жизни^{64 65*}. Он посмеивался, говоря со своими доверенными лицами о пленниках; из коллекции мумий даже не делалось тайны. Его жертвами были почти исключительно люди, которых он предательски захватил за своим королевским столом. Совершенно дьявольским было отношение к соседешнему на королевской службе большому первому министру Антонелло Петруччи, который постоянно испытывал страх смерти, что неизменно доставляло удовольствие Ферранте, пока наконец подозрение в участии в последнем заговоре баронов не послужило поводом для его ареста и казни, одновременно с Копполой. Описание этого у Караччоло^{61*} и Порцио^{62*} повергает в ужас.

Из сыновей короля старший, герцог Альфонс Калабрийский^{63*}, получил право своего рода соправителя; это был дикий и жестокий развратник, превзошедший отца в откровенности и не стеснявшийся демонстрировать свое презрение к религии и ее обычаям. Лучшие, живые черты тогдашних тиранов у этих князей искать не следует; все, что они взяли от культуры и образования, - лишь роскошь или внешний блеск. Настоящие испанцы появляются в Италии почти всегда уже деградировавшими; но последний представитель этого маранского рода (1494 и 1503 гг.) проявляет бросающиеся в глаза черты вырождения. Ферранте умирает от забот и страданий; Альфонс подозревает своего родного брата Федеригио, единственного порядочного человека в семье, в измене и оскорбляет его самым недостойным образом; наконец он, считавшийся до сих пор одним из лучших полководцев Италии, потеряв самообладание, опрометчиво бежит в Сицилию, оставив своего сына, младшего Ферранте^{64*}, в жертву французам и всеобщей измене. Династия, правившая подобным образом, должна была бы по крайней мере дорожить своей жизнью, чтобы ее наследники и потомки могли надеяться на реставрацию. Но жестокий человек никогда не бывает смелым («Jamais homme cruel ne fut hardi»), как по этому поводу несколько односторонне, но в целом совершенно справедливо замечает Коммин.

* * *

Истинно итальянским, в понимании XV столетия, предстает княжество в правление герцогов Милана, власть которых со времен Джангалеаццо представляет собой полностью сформировавшуюся абсолютную монархию. Последний Висконти, Филиппо Мария (1412-1447 гг.) был в высшей степени странным человеком, к счастью, очень хорошо описанным⁶⁵. Что страх может сделать с человеком, обладающим значительными дарованиями и занимающим высокое положение, выражено в данном случае, можно сказать, математически совершенным образом; все средства и цели государства он концентрирует на единственной задаче - сохранении своей особы, надо только сказать, что его жестокий эгоизм не переходил в кровожадность. Он сидит в Миланской крепости с ее великолепными садами, аллеями и местами для прогулок, в течение многих лет ни разу не выходя в город; выезжает лишь в загородные поселения, где находятся его великолепные замки; флотилия барок, влекомая быстрыми лошадьми, доставляет

его туда, по специально проложенным каналам, оборудованная всем необходимым для дворцового этикета.

Тот, кто попадал в крепость, подвергался многократному досмотру, никто не должен был стоять у окна, дабы не иметь возможности подать сигнал. Изощенной системе проверок подвергались те, кто составлял ближайшее окружение герцога; им он доверял высшие дипломатические и лакейские должности, так как то и другое было здесь одинаково почетно. И этот человек вел долгие тяжкие войны и вершил постоянно большие политические дела, т. е. он должен был непрерывно направлять с поручениями своих людей, наделяя их широкими полномочиями. Его безопасность держалась только на том, что ни один из них не доверял другому, что кондотьеры при помощи шпионов и посредников, а высшие чиновники путем изолированно подогреваемого раскола в их среде, в частности путем соединения в каждом действии хорошего и дурного, держались в состоянии неведения и раздора. В глубине души Филиппо Мария пытается обрести безопасность между двумя противоположными полюсами мировоззрения: он верит в созвездия и в слепую необходимость и в то же время обращается ко всем, кто мог бы помочь ему в трудную минуту, он читает древних авторов и французские рыцарские романы - и этот человек, не желавший слышать никаких упоминаний о смерти⁶⁶ и даже приказывавший удалять из крепости своих умирающих фаворитов, чтобы никто не омрачал счастливую атмосферу в крепости, намеренно ускорил свою собственную смерть, отказавшись от кровопускания и лечения раны, и умер с достоинством;

Его зять, ставший его наследником, счастливый кондотьер Франческо Сфорца (1450-1466 гг., с. 22 сл.), вероятно, более всех других итальянцев соответствовал духу XV века. Нигде победа гения и индивидуальной силы не была выражена столь блистательно, как в нем, а кто не склонен был это признавать, мог тем не менее почитать в его лице любимца Фортуны. Милан открыто признал честью получить столь знаменитого владетеля; при вступлении в город, толпа народа на руках внесла его на коне в собор, и он не смог спешиться⁶⁷. Итог его жизни был в описании знатока подобных вещей, папы Пия II, таков⁶⁸: «В 1459 году, когда герцог прибыл на съезд князей а Мантую, ему было 60 (скорее 58) лет; в верховой езде он был подобен молодому человеку, он был высок и очень импозантен, выражение его лица - серьезно, речи спокойны и благосклонны, все его поведение было истинно княжеским, он обладал неповторимым единством духовного и физического совершенства и был

непобедим в бою, - таков был человек, который из низкого состояния поднялся до власти над государством. Его супруга была прекрасна и добродетельна, а дети прелестны, как ангелы небесные; он редко болел; все его главные желания исполнились. Но и с ним случились несчастья; его супруга из ревности убила его любовницу; его старые товарищи по оружию и друзья, Трило и Бруноро, покинули его и перешли к королю Альфонсу; другого своего друга Чарполлоне он вынужден был казнить за измену; ему пришлось пережить, что его брат Алессандро подстрекал французов против него; один из его сыновей интриговал против него и попал в заключение; завоеванную им марку Анкона он вновь потерял в ходе войны. Никому не выпадает столь безмятежное счастье, чтобы не приходилось иногда вести борьбу с грозящей опасностью. Счастлив тот, кому выпадает мало превратностей судьбы». На этом отрицательном определении счастья ученый папа расстается с читателем. Если бы у него была возможность заглянуть в будущее или же он пожелал бы обобщить выводы о полностью неограниченной княжеской власти, то от его взгляда не укрылась бы следующая постоянная черта: ненадежность будущего для семьи герцога.

Те самые ангелоподобные и заботливо обучаемые и всесторонне образованные дети, став зрелыми, полностью деградировали из-за неограниченного эгоизма.

Галеаццо Мария (1466-1476 гг.), виртуоз всего внешнего, гордился своим красивым почерком, высокими жалованиями, которые он платил, кредитами, которыми он пользовался, своими сокровищами (2 миллиона золотых монет), знаменитыми людьми в своем окружении, войском и соколиной охотой, которые он содержал. При этом он охотно выступал с речами, так как хорошо говорил; может быть, лучше всего речь его была в тех случаях, когда он мог оскорбить венецианского посла⁶⁹. При этом у него бывали причуды, например, он приказал расписать за ночь комнату фигурами; были и чудовищные жестокости по отношению к приближенным и безоглядное распутство.

Некоторым фантазерам казалось, что он обладает всеми свойствами тирана; они убили его и передали государство его братьям, один из которых, Лодовико Моро, отстранив заключенного в темницу племянника, захватил всю власть. На время этой узурпации приходится вторжение французов и трагическая судьба всей Италии. Лодовико Моро был наиболее законченным типом князя того времени, и воспринимается как создание природы, которое не может вызывать гнев.

При глубочайшей аморальности выбираемых им средств Ло-

довико Моро в их использовании совершенно наивен; он, вероятно, очень удивился бы, если бы кто-либо пожелал объяснить ему, что не только за цели, но и за средства несут моральную ответственность, и считал бы свое стремление по возможности избегать смертных приговоров исключительной добродетелью. Полумифическое почтительное отношение итальянцев к его политической силе он воспринимал как естественную дань⁷⁰; еще в 1496 году он похвалялся, что папа Александр - его капеллан, император Макс - его кондотьер, Венеция - его казначейство, король Франции - его курьер^{65*}, которого он может посылать куда угодно⁷¹.

С достойной удивления осмотрительностью он оценивает возможные выходы из тяжелейшей ситуации 1499 года, надеясь, что делает ему честь, на благость человеческой природы; своего брата, кардинала Асканио, который просит позволения переждать опасную ситуацию в миланской крепости, он отсылает из-за того, что некогда у них был тяжкий спор: «Монсиньор, не считите за оскорбление, но я не доверяю Вам, хотя Вы и мой брат», - он уже нашел коменданта крепости, этого «гаранта своего возвращения», человека, которому он делал только добро и не причинил никакого зла⁷². Комендант же сдал крепость.

Внутри герцогства Моро стремился править добродетельно и с пользой для государства, поэтому в Милане и также в Комо, он рассчитывал на свою популярность; однако впоследствии (начиная с 1496 г.) повышая налоги, превысил возможности своего государства; в Кремоне он приказал тайно, только из соображений целесообразности, удушить уважаемого горожанина, возражавшего против новых налогообложений; с тех пор при аудиенциях он установил барьер, чтобы люди находились на значительном расстоянии от него⁷³, и им приходилось при переговорах говорить очень громко. При его дворе, самом блестящем в Европе, так как бургундский двор уже не существовал, нравы упали чрезвычайно низко; отец торговал дочерью, супруг - супругой, брат - сестрой⁷⁴. Однако герцог оставался деятельным и считал себя вследствие того, что создал себя своими деяниями, близким к тем, кто также был обязан своим положением собственным духовным возможностям, т. е. к ученым, поэтам, музыкантам и художникам. Академия, основанная им⁷⁶, существовала в первую очередь для него самого, а не для обучаемых учеников; ему нужна была не слава знаменитостей, а общение с ними и их деяния.

Известно, что Браманте^{66*} сначала оплачивали скудно⁷⁶; но Леонардо^{67*} до 1496 года получал справедливую плату - да и что вообще могло удерживать его при этом дворе, если он не оставался там добровольно? Мир был открыт ему как, может быть,

никому из смертных того времени, и если что-либо указывает на то, что в Лодовико Моро было нечто высокое, то именно столь длительное пребывание великого мастера при его дворе. Когда позже Леонардо служил Чезаре Борджа и Франциску I^{68*}, то и в них он, вероятно, оценил необычные природные дарования.

Из сыновей Моро, которых после его низложения дурно воспитывали чужие люди, старший, Массимилиано, совершенно не похож на отца; младший, Франческо, был по крайней мере способен к взлету. Милан, который в те времена столь часто менял правителей и при этом испытывал бесконечные страдания, пытается по крайней мере защитить себя от враждебных действий французов, отступающих в 1512 году под натиском испанской армии, и Массимилиано просят предоставить городу подтверждение того, что миланцы не причастны к их изгнанию из Италии и могут без обвинения в мятеже сдать новому завоевателю⁷⁷. Следует обратить внимание и с политической точки зрения на то, что в такие переходные моменты несчастные города, как, например, Неаполь при бегстве арагонцев, обычно отдаются на разграбление бандам разбойников (подчас и очень знатных).

Во второй половине XV в. следует отметить два особенно хорошо устроенных государства, управляемых деятельными князьями: княжество рода Гонзага^{69*} в Мантуе и Монтефельтро в Урбино. Гонзага были как семейство достаточно единодушны; с давних времен в их семье не было тайных убийств, и они могли показывать своих умерших людям. Маркиз Франческо Гонзага⁷⁸ и его супруга Изабелла д'Эсте при всех случавшихся иногда разногласиях оставались достойной и дружной супружеской парой и воспитали выдающихся и счастливых сыновей в такое время, когда их малому, но очень важному по своему значению государству часто грозила величайшая опасность. Того, что Франческо как правитель и кондотьер будет проводить прямолинейную и честную политику, не могли ни требовать, ни даже ожидать ни император, ни французские короли, ни Венеция; однако по крайней мере со времени битвы при Таро (1495 г.) он ощущал себя, насколько это касалось его воинской чести, патриотом Италии и передал этот же образ мыслей своей супруге. Каждое проявление героической верности, например при защите Фаэнцы от Чезаре Борджа, она воспринимает как спасение чести всей Италии. Наши суждения о ней не нуждаются, в свидетельствах художников и писателей, которые щедро отблагодарили свою прекрасную правительницу за ее покровительство; собственные письма достаточно характери-

зуют ее как непоколебимо спокойную, лукавую в своих наблюдениях и любезную женщину. Бембо^{70*}, Банделло^{71*}, Ариосто^{72*} и Бернардо Тассо посылали свои произведения этому двору, хотя он и был малым, не имел большой власти, а его казна часто бывала пуста; столь тонкого, приятного общества, как это, со времен распада (1508 г.) старого Урбинского двора нигде более не было; даже двор Феррары был здесь превзойден во многих существенных чертах, в частности, например, в свободе передвижения. Изабелла была выдающимся знатоком искусства, и один лишь список ее небольшого, в высшей степени изысканного собрания не оставит ценителя равнодушным.

* * *

В лице великого Федерико (1444-1482 гг.), - был ли он на самом деле настоящим Монтефельтро или нет, - Урбино имел одного из самых выдающихся представителей итальянских правителей. Как кондотьер он обладал политической моралью кондотьеров, в чем они виновны лишь наполовину; как властитель своей маленькой страны он проводил политику, целью которой было тратить завоеванное во внешнем мире богатство внутри страны, а ее облагать, насколько это возможно, небольшими налогами.

О нем и его знаменитых преемниках Гвидобальдо и Франческо Мария сказано: «Они возводили здания, заботились о возделывании земель, всегда жили в одном и том же месте и содержали множество людей; народ любил их»⁷⁹.

И не только государство было рассчитанным и организованным произведением искусства, но также и двор, причем в любом смысле. Федерико содержал 500 человек; придворные должности были столь совершенны, как ни при одном дворе крупнейших монархов, но здесь ничего не расточалось, все имело свое предназначение и точный контроль. Здесь не играли в азартные игры, не злословили, не хвастались, так как двор должен был быть одновременно местом воинского воспитания сыновей других властителей, образование которых было делом чести для герцога. Дворец, который он себе построил, не был самым великолепным, однако классическим по совершенству архитектурного замысла; в нем Федерико собрал свое главное сокровище - знаменитую библиотеку. Так как он чувствовал себя в абсолютной безопасности в стране, где всякий получал от него помощь или заработок и никто не был нищим, он ходил всегда безоружным и без доспехов; никто не мог уподобиться ему - гулять в открытых садах, прини-

мать свою скромную трапезу в открытом зале, где ему читали из Ливия (а во время поста - духовную литературу). Затем он слушал лекцию по древней истории и шел в монастырь кларисс, где беседовал с настоятельницей о святых вещах, стоя перед решеткой в отведенном для бесед месте. Вечером он охотно руководил гимнастическими упражнениями молодых людей своего двора на лугу при монастыре св. Франциска, откуда был прекрасный вид, и внимательно следил за тем, чтобы во время игр их движения были совершенны. Он всегда стремился к тому, чтобы быть человечным и доступным для подданных, посещал работавших на него в их мастерских, постоянно давал аудиенции и удовлетворял прошения по возможности в течение одного дня, в который они были поданы. Неудивительно, что люди, встречая его на улицах, преклоняли колени и говорили: «Dio ti mantenga, Signore!» («Да поможет тебе Бог, Синьор!»). Мыслящие же люди называли его светочем Италии⁸⁰.

Его сын Гвидобальдо, обладавший высокими достоинствами, но преследуемый несчастьями и болезнями, сумел все же (1508 г.) передать государство в надежные руки своего племянника Франческо Мария, бывшего также nepотом папы Юлия II^{73*}; Франческо удалось по крайней мере уберечь страну от длительного чужеземного владычества. Достойна удивления та готовность, с которой эти князья воздерживаются от сопротивления завоевателям: Гвидобальдо - Чезаре Борджа, Франческо Мария — войскам Льва X, - и бегут от них; они убеждены, что их возвращение будет тем легче и желаннее, чем меньше пострадает страна от бесплодной обороны. Когда Лодовико Моро исходил из тех же соображений, он забыл о многих других причинах испытываемой к нему ненависти.

Двор Гвидобальдо усилиями Бальдассаре Кастильоне^{74*} стал бессмертным образцом высшей школы тонкой обходительности; его эклога «Тирси» была им исполнена перед этими людьми и для их прославления (1506 г.), а позже, в 1518 году, он перенес разговоры своего «Cortigiano» («Придворного») в общество высокообразованной герцогини (Елизаветы Гонзага).

* * *

Правление дома д'Эсте в Ферраре, Модене и Реджо занимает странное промежуточное положение между насилием и популярностью⁸¹. Во дворце происходят ужасные вещи; княгиню обезглавливают по лживому обвинению в связи с ее пасынком (1425 г.); рожденные в браке и вне брака

принцы бегут, но и на чужбине им угрожают подосланные убийцы (последнее убийство было совершено до 1471 г.); при этом еще происходили и непрерывные заговоры извне; незаконнорожденный потомок незаконнорожденного пытается отнять власть у единственного законного наследника престола (Эрколе I); позднее, в 1493 г., Эрколе отравил свою последнюю супругу, узнав, что она хотела отравить его по поручению своего брата Ферранте Неаполитанского. Эту цепь трагедий завершает заговор двух незаконнорожденных против их братьев, правящего герцога Альфонса I и кардинала Ипполита. Однако этот заговор был вовремя раскрыт и закончился для его участников пожизненным заключением.

В дальнейшем фискальная система в этом государстве получила наибольшее развитие, как и должно было произойти, так как из всех больших и средних итальянских государств оно подвергалось наибольшим угрозам и весьма нуждалось в укреплениях и вооружениях. Вместе с ростом налогов должно было улучшиться и благосостояние страны, и маркиз Николо (1441 г.) высказывал пожелание, чтобы его подданные были богаче других народов. Если быстрый рост населения указывает на действительно возросшее благосостояние, то исключительно важным фактом является то, что в 1497 г. в чрезвычайно разросшейся столице уже не было домов, которые сдавались в наем⁸².

Феррара является первым современным европейским городом; здесь впервые по приказу правителей возникли столь крупные равномерно расположенные помещения для квартировки войск; здесь за счет концентрации чиновничества и искусственно насаждаемой промышленности увеличилась плотность населения столицы; богатых беженцев со всей Италии, в частности флорентийцев, приглашали поселиться здесь и строить дворцы. Однако косвенное налогообложение достигло во всяком случае приемлемого уровня. Герцог заботился о своем народе так же, как это делали и другие итальянские государи (например, Галеаццо Мария Сфорца): в голодные годы зерно закупалось за границей⁸³ и распределялось среди населения, по-видимому, бесплатно; в обычные же времена герцог обеспечивал себя за счет монополии, если не на зерно, то на многие другие продукты питания: солонину, рыбу, фрукты, овощи, причем последние заботливо выращивались на валах Феррары и вблизи от них.

Одним из самых сомнительных источников доходов казны была продажа ежегодно вновь занимаемых должностей, распространенная по всей Италии; применительно к Ферраре мы располагаем в этом вопросе наибольшими сведениями. Например, в 1502 году большинство купило свои должности по очень

высоким ценам (salati); это были самые различные должности: сборщики таможенных пошлин, управляющие доменом (masari), нотариусы, подеста, судьи и даже капитаны, т.е. высшие герцогские чиновники в городах княжества. Одним из так называемых «людоедов», дороже всех заплативших за свою должность и ненавидимых народом «более самого дьявола», назван Тито Строчи - надо надеяться, что это не знаменитый поэт, писавший по-латыни⁷⁵. В это же время года герцог обычно объезжал Феррару, т.е. совершал так называемое «andar per ventura», принимая дары, во всяком случае от зажиточных горожан. Но дарили ему только продукты, а не деньги.

Делом чести герцога⁸⁴, о чем знала вся Италия, была строго своевременная уплата жалованья солдатам и профессорам университета; строго следили, чтобы солдаты не осмеливались причинять вреда горожанам или крестьянам, чтобы Феррара была неприступной, а в крепости всегда имелась внушительная сумма в золотых монетах.

О разделении касс и речи быть не могло; министр финансов одновременно был и министром двора. Постройки, предпринятые Борсо (1430-1471 гг.), Эрколе I (до 1505 г.) и Альфонсом I (до 1534 г.), были весьма многочисленны, но в большинстве своем невелики: из этого следует, что герцогский дом при всей любви к роскоши, - Борсо появлялся только в шитой золотом одежде, украшенной драгоценностями, - не желал допускать чрезмерных расходов. К тому же Альфонс знал, что его изящные маленькие виллы подвластны грядущим событиям - как Бельведер с его тенистыми садами, так и Монтана с ее прекрасными фресками и фонтанами.

Жизнь в условиях постоянной внешней угрозы без сомнения развила в этих правителях высокие личные способности и деятельный характер; в столь искусственных условиях существования только виртуоз мог достигнуть успеха, и каждый должен был подтверждать и доказывать, что он достоин обладать властью. В характере каждого из них были темные стороны, однако каждый обладал и чем-то таким, что составляло идеал итальянцев. Кто из государей тогдашней Европы столь заботился о своем образовании, как, например, Альфонс I? Его путешествие во Францию, Англию и Нидерланды было, собственно говоря, предпринято с целью обучения и дало ему точные знания о состоянии торговли и ремесла в этих странах⁸⁵.

Было бы глупо порицать его занятия токарными работами в часы отдыха, так как с этим было связано и его мастерство в литье пушек, и его свободное от каких-либо предрассудков стрем-

ление всегда иметь при себе мастеров своего дела. Итальянские князья, в отличие от своих северных современников, не ограничивались в своем общении дворянами, считающими себя единственным достойным классом в мире и внушающими эту сословную спесь также и князю; здесь князь может и должен знать и использовать каждого, и дворянство по рождению представляет собой замкнутый слой, но в своем общении ориентировано на личное, а не кастовое достоинство, о чем еще будет речь ниже.

Отношение жителей Феррары к этому правящему дому является собой весьма странную смесь из скрытого страха, из того истинно итальянского духа тщательно продуманной демонстрации и вполне современной лояльности подданных; восхищение перед личностью переходит в новое чувство долга. Город Феррара в 1451 г. поставил на главной площади конную статую умершему в 1441 г. маркизу Николо; Борсо не постеснялся в 1454 г. поставить не-далеке собственную сидячую бронзовую статую, и, сверх того, город в самом начале его правления постановил воздвигнуть в его честь «мраморную триумфальную колонну».

На жителя Феррары, который, находясь в Венеции, публично плохо отзывался о Борсо, по возвращении донесли, и суд приговорил его к изгнанию и конфискации имущества, а один из лояльных граждан чуть не убил его во время суда; тогда он с веревкой на шее отправился к герцогу и вымолил себе полное прощение.

Вообще это княжество было достаточно насыщено шпионами, и герцог лично проверял ежедневные списки иностранцев, подавать которые было строго предписано владельцам гостиниц. У Борсо⁸⁶ это еще было связано с его гостеприимством, не позволявшим не оказывать внимание сколь-нибудь значительному путешественнику; для Эрколе I⁸⁷ - это только мера безопасности. В Болонье также в правление Джованни II Бентивольо проезжающий должен был получать записку у одних ворот, чтобы выехать через другие⁸⁸. Популярность герцога весьма возрастала, когда он внезапно низлагал чиновников-угнетателей; так произошло, когда Борсо арестовал своих первых и тайных советников, когда Эрколе I с позором сместил сборщика податей, который в течение долгих лет обогащался, используя свою должность; тогда народ зажег праздничные огни и звонил в колокола. В одном случае, однако, Эрколе зашел слишком далеко в мерах, предпринятых в отношении начальника полиции (или, как его еще можно назвать, *capitaneo di giustizia*) - Грегорио Дзампанте из Лукки (на эту и подобные должности уроженец родного города не годился). Даже сыновья и братья герцога трепетали перед ним; штрафы, налагаемые им, исчислялись

всегда в сотнях и тысячах дукатов, а пытать арестованных начинали еще до допроса. Крупнейшие преступники подкупали его, а он ложью добивался для них у герцога помилования. С какой радостью подданные заплатили бы герцогу 10 000 дукатов и больше, только бы он избавил их от этого врага Бога и рода человеческого; но Эрколе сделал его крестным отцом своих детей и кавалером, и Дзампанте откладывал ежегодно 2 000 дукатов; правда, он питался только голубями, вскормленными у него в доме, и не выходил на улицу без окружающей его толпы телохранителей и сбиров. Его надо было устранить, и в 1496 г. два студента и крещеный еврей, смертельно оскорбленные им, убили Дзампанте в его собственном доме во время сиесты и поскакали на заранее приготовленных лошадях по городу, распевая: «Люди, выходите! Бегите к нам! Мы убили Дзампанте!»

Посланная погоня опоздала, и они, благополучно переправившись через ближайшую границу, оказались в безопасности. Конечно, тут же во множестве появились пасквили, одни в форме сонетов, другие в форме канцон.

С другой стороны, целиком в духе этого княжества суверен диктует двору и народу почтительное отношение к своим наиболее полезным слугам. Когда в 1469 г. умер тайный советник Борсо Лодовико Казелла, то в день похорон ни одному судебному трибуналу, ни одной лавке в городе, ни одной университетской аудитории не было дозволено быть открытыми; каждый должен был сопровождать тело в церковь Сан Доменико, так как и сам герцог участвовал в похоронной процессии. Он шел за гробом в трауре и со слезами на глазах - «первый из рода д'Эсте, провожавший в последний путь подданного», за ним шли родственницы Казеллы, каждая в сопровождении придворного; дворяне вынесли тело горожанина из церкви в галерею вокруг монастырского двора, где его и похоронили. Вообще официальное сопереживание чувствам князя впервые появилось в этих итальянских государствах⁸⁹. В своей сущности это может иметь и прекрасную человеческую ценность, но выражение этого чувства, особенно у поэтов, как правило, двусмысленно. В одном из ранних стихотворений Ариосто⁹⁰, написанном на смерть Лианоры Арагонской, супруги Эрколе I, наряду с неизбежными траурными строками, которые повторяются из столетия в столетие, есть и вполне современные черты: «Эта смерть нанесла Ферраре рану, которая не скоро заживет; покровительница города стала теперь его заступницей перед Богом, так как Земля была недостойна ее; правда, богиня смерти не пришла к ней, как к нам, простым смертным, с окровавлен-

ной косой, а приблизилась, как подобало (onesta), с таким дружеским взглядом, что исчез всякий страх».

Но мы можем встретить и другие формы сочувствия; поэты и писатели, целиком зависевшие от милости правящего дома и рассчитывавшие на нее, рассказывают нам о любовных похождениях князей, иногда при их жизни⁹¹, в манере, которая столетия спустя показалась бы верхом нескромности, тогда - всего лишь невинной любезностью. Лирические поэты воспевали случайные страсти своих высоких, притом состоявших в законном браке господ: Анджело Полициано⁷⁶ - любовные увлечения Лоренцо Великолепного, Джовиано Понтано⁷⁷ (с особым тщанием) - любовницу Альфонса Калабрийского. Это стихотворение⁹² против воли автора свидетельствует о гнусной душе Арагонца; он и в любви должен быть счастливейшим, и горе тому, кто может стать счастливее его. То, что великие художники, например Леонардо, писали портреты любовниц своих повелителей, было само собой разумеющимся.

В герцогстве Эсте не ожидали прославления от другого, а прославляли себя сами. Борсо приказал написать свой портрет в галерее регентов в Палаццо Скифаноя (Schifanoja), а Эрколе праздновал (впервые в 1472 г.) годовщину своего восшествия на престол, устраивая процессии, которые открыто сравнивали с процессией в праздник Тела Христова; все лавки были заперты, как в воскресенье; в центре процессии шли все, принадлежавшие к дому Эсте, в том числе незаконнорожденные, в шитых золотом одеждах. То, что вся власть и достоинство исходит от князя, является предоставляемым им отличием, издавна символизировалось при этом дворе⁹³ орденом Золотой Шпоры, утратившим то значение, которое он имел для средневекового рыцарства. Эрколе I к шпоре прилагал еще и шпагу, платье, шитое золотом, и деньги, за что без сомнения требовалась регулярная служба.

Меценатство, сделавшее этот двор известным всему миру, частично распространялось на университет, бывший одним из самых лучших в Италии, частично - на службу при дворе и в государстве; особенно большие затраты на это не производились. Боярдо⁷⁸ как богатый дворянин и высший государственный чиновник целиком принадлежал только к этой сфере; когда Ариосто начал что-то представлять собой (как поэт) то не было, по крайней мере, в подлинном своем значении ни миланского, ни флорентийского, ни урбинского ни, тем более, неаполитанского двора, и он удовлетворился местом среди шутов и музыкантов кардинала Ипполита, до тех пор пока Альфонс не взял его к себе на службу. Иначе обстояло

дело позже с Торквато Тассо, обладания которым двор добивался с подлинным рвением.

* * *

Любое сопротивление внутри государства этой концентрированной княжеской власти было безуспешным. Элементы создания городской республики были навсегда уничтожены, все было ориентировано лишь на власть и силу. Политически бесправное дворянство и там, где у него были феодалные владения, могло делить себя и своих вооруженных брави на гвельфов и гибеллинов, приказывая им носить перо на берете или же буфы на штанах так⁹⁴, а не иначе - мыслящие же люди, как, например, Макиавелли⁹⁵, прекрасно понимали, что Милан или Неаполь слишком «коррупционированы», чтобы стать республикой. Над каждой из двух мнимых партий совершался удивительный суд, который давно уже в действительности являлся лишь проявлением старой фамильной ненависти, скрытой в тени силы. Итальянский князь, которому Агриппа Неттесгеймский^{96 79} посоветовал отменить эти партии, воскликнул: «Ведь их столкновения приносят мне штрафами до 12000 дукатов в год!» - И, например, когда в 1500 г. во время кратковременного возвращения Моро в свои владения гвельфы из числа жителей Тортоны призвали часть французского войска в свой город, чтобы они покончили с гибеллинами, французы действительно сначала разграбили и разрушили дома гибеллинов, а потом поступили также и с гвельфами, и Тортона была полностью опустошена⁹⁷. - И в Романье, где любая страсть и любая месть становились бессмертными, названия «гибеллины» и «гвельфы» полностью лишились политического смысла. Политическим заблуждением народа было представление, что гвельфы были якобы профранцузской, а гибеллины - происпанской партией. Я не вижу, чтобы те, кто эксплуатировал это заблуждение, добились очень многого. Французам приходилось после каждого вторжения оставлять Италию, а что произошло с Испанией после того как она погубила Италию, для нас очевидно.

Вернемся, однако, к княжествам эпохи Возрождения. Возможно, что кристально чистые души и тогда могли считать любую власть исходящей от Бога и верить, что эти князья, если бы каждый поддерживал их добровольно и от чистого сердца, со временем стали бы добродетельными и забыли о своем насильственном приходе к власти. Но от страстных, щедро одаренных фантазией умов этого требовать невозможно. Как пло-

хие врачи, они считали, что болезнь можно победить, устранив ее симптомы, и думали, что достаточно убить князей, и свобода придет сама собой. Или же они не заходили столь далеко в своих мыслях и хотели только дать выход общей ненависти или отомстить за несчастье своей семьи, или за личные оскорбления. Власть не считала себя связанной какими-либо законодательными ограничениями, и ее противники также ничем не ограничивали себя в выборе средств. Уже Боккаччо открыто говорит⁹⁸: «Должен ли я называть властителя королем или князем и хранить ему верность, как стоящему надо мной? Нет! Ибо он враг всего сущего. Против него я могу употребить оружие, заговоры, шпионов, засаду, хитрость; это святое, необходимое дело. Нет лучшей жертвы, чем кровь тирана». Здесь мы не можем разбирать каждый отдельный случай; Макиавелли в общеизвестной главе своих «Discorsi» подробно рассматривает заговоры, античные и современные ему, начиная с греческих тиранов, и совершенно хладнокровно судит о них в зависимости от их целей и шансов на успех. Здесь достаточно ограничиться двумя замечаниями об убийствах во время богослужения и о влиянии древности.

Было почти невозможно добраться до хорошо охраняемого властителя иначе, чем во время торжественных церковных процессий; к тому же семейство князя никогда нельзя было встретить собравшимся вместе по иному поводу. Так, жители Фабриано" (1435 г.) убили правящее семейство тиранов Кьявелли во время богослужения и по уговору при словах молитвы «Credo» «Et incarnatus est»⁸⁰. В Милане (1412 г.) герцог Джован Мария Висконти был убит при входе в церковь Сан Готтардо, герцог Галеаццо Мария Сфорца (1476 г.) - в церкви Сан Стефано, а Лодовико Моро (1484 г.) избежал кинжалов приверженцев овдовевшей герцогини Боны только потому, что вошел в церковь не через тот вход, у которого его ждали заговорщики. И это не было проявлением какого-либо особого безбожия, неуважения к святыням; убийцы Галеаццо молились перед тем, как совершить свое дело, святым, в чью честь была названа церковь, и прослужили там первую мессу. Однако это явилось причиной частичной неудачи заговора Пацци против Лоренцо и Джулиано Медичи (1478 г.), так как бандит Монтесекко, нанятый для совершения убийства на званом ужине, отказался убивать во Флорентийском соборе; вместо него нашлись два духовных лица, которые «привыкли к святым местам и поэтому не испытывали страха»¹⁰⁰.

Что же касается древности, влияние которой на нравствен-

ные и особенно на политические вопросы будет нами часто затрагиваться, то пример подавали сами властители, ибо образом их государственной идеи и поведения служили нравы Римской империи. Тому же следовали и их противники, которые, как только они от теоретического осмысления переходили к действиям, уподобляли себя античным тираноубийцам. Трудно доказать, что в главном, в принятии решения о переходе к самим действиям, они ориентировались именно на этот пример, но обращение к древности все же не оставалось только лишь фразой или вопросом стиля поведения. Самые удивительные сведения мы имеем об убийцах Галеаццо Сфорца - Лампуньяни, Ольджати и Висконти¹⁰¹. Все трое руководствовались чисто личными мотивами, и все-таки в основе их решения была, может быть, общая причина. Гуманист и учитель ораторского искусства, Кола де' Монтани возбудил в множестве очень молодых миланских дворян смутное желание славы и подвигов во имя отчизны, а с двумя из названных выше он поделился своими мыслями об освобождении Милана. Скоро он оказался под подозрением, был выслан из города и вынужден был предоставить молодых людей их собственному пламенному фанатизму.

Примерно за десять дней до убийства они дали торжественную клятву в монастыре Сан Амброджо; «потом, - говорит Ольджати, - в отдаленном помещении я поднял взор к святому Амвросию и молил его о помощи нам и всему его народу. Небесный покровитель города призывался помочь задуманному, так же как затем св. Стефан, в чьей церкви все и произошло. Они втянули в заговор многих других, устроили в доме Лампуньяни свою постоянную ночную штаб-квартиру и упражнялись в умении владеть кинжалом. Убийство удалось им, но Лампуньяни был убит на месте людьми герцога, а остальные схвачены. Висконти проявил раскаяние, но Ольджати, несмотря на все пытки, продолжал утверждать, что содеянное ими - богоугодное дело, и в тот момент, когда палач пронзал ему грудь, сказал: «Крепись, Джироламо! О тебе будут еще долго вспоминать; смерть горька, но слава вечна!»

Но сколь ни идеальными были эти намерения, в способе осуществления заговора проглядывает образ одного из самых гнусных заговорщиков, ничего общего не имевшего со свободой, — Катилины⁸¹". В хрониках Сиены ясно сказано, что заговорщики изучали Саллюстия, и это очевидно и из признания Ольджати¹⁰².

И в других случаях нам будет встречаться это ужасное имя. Дело в том, что для тайных заговоров, если отвлечься от их целей, не было более вдохновляющего примера, чем этот.

Как только флорентийцы освобождались или желали освободиться от Медичи, убийство тирана становилось открыто признанным идеалом. После бегства Медичи в 1494 г.^{82*} из их дворца вынесли бронзовую группу Донателло¹⁰³ - Юдифь с мертвым Олоферном, и поставили ее перед дворцом правителей на то место, где теперь стоит Давид Микеланджело, написав на постаменте: *Exemplum salutis publicae cives posuere*^{83*}, 1495. Но особенно часто стали теперь ссылаться на Брута Младшего, которого еще Данте¹⁰⁴ поместил в последний круг ада вместе с Кассием и Иудой Искариотом, так как он предал Империю. Пьетро Паоло Босколи^{84*}, заговор которого против Джулиано, Джованни и Джулио Медичи не удался (1513 г.), горячо восторгался Брутом, утверждая, что готов подражать ему, если найдет своего Кассия^{86*}; в качестве такового к нему присоединился Агостино Каппони. Его последние слова в тюрьме¹⁰⁵ - один из важнейших документов, свидетельствующих о состоянии религии в то время, - показывают, с какими усилиями он освобождался от римских фантазий, чтобы умереть христианином. Его друг и его исповедник подтвердили ему по его требованию, что св. Фома Аквинский проклял все заговоры вообще; но тот же духовник впоследствии втайне признался этому же другу, что св. Фома делал различие и разрешал заговор против тирана, который силой навязал себя народу против его воли.

Когда Лоренцино Медичи^{86*} убил герцога Алессандро (1537 г.) и бежал, появилась его собственная или во всяком случае сочиненная по его поручению апология¹⁰⁶ содеянного, где убийство тирана оценивается как величайшая заслуга; он сравнивает себя, ничуть не стесняясь, с Тимолеоном^{87*}, убившим брата из патриотических побуждений, - на тот случай, если Алессандро был действительно Медичи и, значит, его родственником, хотя и дальним. Другие же сравнивали его с Брутом; что даже значительно позже у самого Микеланджело были мысли подобного рода, доказывает его бюст Брута в Уффици. Он оставил его незавершенным, как и большинство своих произведений, но, конечно, не потому, что принимал близко к сердцу убийство Цезаря, как это утверждается в двустии, начертанном на постаменте.

В итальянских княжествах эпохи Возрождения было бы тщетно искать радикализм масс, такой, какой обнаруживается в монархиях Нового времени. Каждый внутренне протестовал против княжеской власти, но скорее стремился приспособиться к ее условиям терпимым, выгодным для себя образом, а не выступать против нее, объединившись с другими. Дело должно было дойти

до крайности, как это было в Камерино, Фабриано, Римини (с. 28), чтобы народ уничтожил или изгнал правящее семейство. К тому же все, как правило, знали, что это приведет лишь к смене властелина. Звезда республик, несомненно, закатилась.

* * *

Некогда итальянские города в высшей степени владели той силой, которая позволяет городу стать государством. И требовалось только одно - чтобы эти города объединились в крупную федерацию; эта идея, в той или иной форме постоянно возникала в Италии. В результате вооруженной борьбы XII-XIII вв. действительно возникали крупные, могущественные в военном отношении союзы городов, и Сисмонди (II, 174) полагает, что время последних вооруженных выступлений Ломбардской лиги против Фридриха Барбароссы (с 1168 г.) было тем моментом, когда могла бы сложиться всеобщая итальянская федерация.

Но более могущественные города уже приобрели характерные черты, которые сделали федерацию невозможной: как конкуренты в торговле, они позволяли себе использование крайних средств друг против друга и принуждали слабейшие соседние города к беспорядку, зависимому от них положению, т.е. полагали, что придут к победному финалу в одиночку и что целое им не нужно, подготавливая тем самым почву для любой другой диктатуры. И она возникла, когда внутренние раздоры дворянских партий между собой и с горожанами стали вызывать жажду твердой власти, а уже имевшиеся отряды наемников поддерживали за деньги любое дело, после того как однопартийное правительство привыкло считать ненужным всеобщее ололчение горожан¹⁰⁷. Тирания поглотила свободу большинства городов; кое-где тиранов изгоняли, но не навсегда, а лишь ненадолго; тирания снова восстанавливалась, так как для нее были в наличии внутренние условия, а противостоящие ей силы были исчерпаны.

Среди городов, сохранивших свою независимость, два города имеют огромное значение для всей истории человечества: Флоренция - город постоянного движения, который оставил нам сведения о всех мыслях и намерениях и отдельных людей, и общества в целом, в течение трех столетий принимавших участие в этом движении; затем Венеция - город видимого спокойствия и политического молчания.

Это - две величайшие противоположности, которые только можно себе представить, и обе несравнимы ни с чем во всем мире.

Венеция считала себя чудесным таинственным творением, в котором с давних пор действовало еще нечто отличное от человеческого разума.

Существовал миф о торжественном основании города: в полдень 25 марта 413 года переселенцы из Падуи заложили первый камень у Риальто, чтобы в истерзанной варварами Италии было одно священное, неподверженное нападениям убежище.

Последующие поколения приписали этим основателям свои представления о будущем величии; М. Антонио Сабеллико^{88*}, торжественно описавший это событие в прекрасных льющих гексаметрах, влагает в уста священника, который совершает обряд освящения города, обращение к небу: «Если мы когда-либо отважимся на великое дело, то пошли нам успех! Теперь мы преклоняем колени перед бедным алтарем, но если наши обеты не напрасны, то однажды Тебе, Господи, здесь будут воздвигнуты сотни храмов из мрамора и золота!»¹⁰⁸.

Сам островной город казался к концу XV в. тогдашнему миру как бы ларцом с драгоценностями. Тот же Сабеллико описывает Венецию¹⁰⁹ с ее древними церквами с куполами, с косо срезанными башнями, инкрустированными мраморными фасадами с их особенным великолепием, где позолота потолков сочетается со сдачей в наем каждого угла.

Он приводит нас на заполненную народом площадь перед Сан Джакомо у Риальто, где совершение сделок обнаруживает себя не громкой речью или криком, а многоголосым гулом, где в портках¹¹⁰ и прилегающих улицах сидят менялы и сотни ювелиров, а над ними расположено бесконечное множество лавок и складов; по другую сторону моста он описывает большой фондако^{89*} немцев, в залах которого сложены их товары и живут их люди и перед которым в канале вплотную друг к другу стоят их корабли, за ними - флот, груженный вином и растительным маслом, а вдоль берега, заваленного фашинами кладовые торговцев. Затем от Риальто до площади св. Марка парфюмерные лавки и трактиры. Так он ведет читателя от дома к дому вплоть до обоих лазаретов, являвших собой пример высокой целесообразности, которую можно было обнаружить только здесь. Забота о людях вообще была отличительной чертой венецианцев и в мирное время, и на войне; их уход за ранеными, в том числе и за врагами, был предметом удивления всего мира¹¹¹.

Все государственные учреждения Венеции могли вообще служить образцом; пенсионная система применялась систематически, распространяясь даже на наследников. Богатство, уверенность и жизненный опыт способствовали пониманию таких

вопросов. Эти стройные, белокурые люди^{90*} с их мягкой осторожной походкой и рассудительной речью мало отличались друг от друга своей одеждой и поведением; украшения, особенно жемчуг, носили женщины. В то время общее процветание, несмотря на убытки, нанесенные войной с турками, было еще поистине блестящим; накопленная энергия и общие предрассудки Европы и позже еще позволили Венеции вынести тяжелейшие удары, такие, как открытие морского пути в Ост-Индию^{91*}, падение господства мамелюков в Египте^{92*} и война с Камбрейской лигой^{93*}.

Сабеллико, уроженец Тиволи, привыкший к непринужденным речам тогдашних филологов, с удивлением замечает¹¹², что молодые нобили, слушающие его утренние лекции, никоим образом не желают обсуждать с ним вопросы политики: «Когда я спрашивал их, что думают, говорят, чего ждут люди от того или другого движения в Италии, они все в один голос отвечали, что не знают этого». Однако от деморализованной части аристократии можно было, несмотря на государственную инквизицию, узнать многое, но не такой ценой.

В последнюю четверть XV в. изменники были и в высших учреждениях¹¹³; папы, итальянские князья, даже совершенно незначительные кондотьеры, состоявшие на службе республики, имели доносчиков, частично постоянно оплачиваемых. Дошло до того, что Совет десяти счел целесообразным скрывать важные политические сведения от Совета Прегади^{94*}; предполагали даже, что Лодовико Моро располагает там определенным количеством голосов. Дали ли какие-нибудь результаты ночные казни отдельных виновных и высокая оплата доносчиков (например, 60 дукатов пожизненной пенсии), сказать трудно; но главную причину, бедность многих нобилей, нельзя было сразу устранить. В 1402 г. два нобили внесли предложение, чтобы государство ежегодно предоставляло 70 000 дукатов на помощь бедным аристократам, не занимающим какой-либо должности. Это предложение должно было поступить в Большой совет, где оно могло бы получить большинство голосов, но Совет десяти вовремя вмешался, и инициаторы проекта были сосланы в Никозию на Кипр¹¹⁴. Около этого времени один представитель семейства Соранцо был повешен за ограбление церкви, а другой, из Контарини, закован в цепи за кражу со взломом; другой член этой семьи предстал в 1499 г. перед Синьорией с жалобой, что уже много лет не состоит ни в какой должности, доход его составляет лишь 16, а долги - 60 дукатов, у него 9 детей, он ничего не умеет и недавно был выброшен на улицу. Неудивительно, что некоторые богатые нобили строили

дома, разрешая бедным жить в них бесплатно. Упоминание о строительстве даже целых рядов таких домов как о богоугодном деле часто встречается в завещаниях¹¹⁶.

Но если враги Венеции основывали свои надежды на недостатках такого рода, они заблуждались. Можно предположить, что размах торговли, обеспечивавшей и самым незначительным людям щедрое вознаграждение за их труд, и колонии в восточном Средиземноморье отвлекали опасные силы от политики. Но разве Генуя, несмотря на сходные преимущества, не пережила бурные политические события? Причина незыблемости Венеции состоит скорее во взаимодействии обстоятельств, нигде больше в своей совокупности не существовавших. Непрístupный город Венеция с давних времен принимал участие во внешних отношениях лишь после холодного размышления; деятельность итальянских партий вне своих границ она почти полностью игнорировала, а союзы заключала лишь ради быстродостижимых целей и на самых выгодных условиях. Основной чертой венецианцев было поэтому стремление к гордой, даже полной презрения, изоляции, и как следствие этого внутри города складывалась большая солидарность, на что наложила свой отпечаток и ненависть к венецианцам жителей остальной Италии. Население самого города было связано общими интересами как в колониях, так и во владениях на континенте, жителям которых (т. е. городов до Бергамо) дозволялось покупать и продавать свои товары только в Венеции. Столь искусственное преимущество могло быть сохранено лишь при спокойствии и согласии внутри города, - подавляющее большинство это понимало и для заговоров почва была поэтому неподходящей. Если же недовольные и были, то объединения их удавалось избежать разделением на аристократию и бюргерство, что очень затрудняло сближение. В жизни наиболее опасных аристократов и богатых - главном источнике всех заговоров - посредством крупных торговых сделок и путешествий, а также участия в непрекращающейся войне с турками, устранялась праздность. При этом военачальники щадили этих людей, подчас даже более, чем было дозволено, и некий венецианский Катон⁹⁵ предсказал падение Венеции, если это опасение нобилей причинить друг другу неприятность будет продолжаться за счет справедливости¹¹⁶. В общем постоянная свободная деятельность дала венецианской аристократии здоровую направленность.

Если зависть и честолюбие требовали удовлетворения, то для этого существовали официальная жертва, учреждение и легальные средства. Моральные пытки, которые в течение многих лет претерпевал на глазах всей Венеции дож Франческо

Фоскари⁹⁶ (1457 г.), может, вероятно, служить страшным примером такой, возможной лишь в аристократических государствах, мести. Совет десяти, который проникал во все, располагал безусловным правом решать вопросы жизни и смерти, ведал кассами и отдавал военные приказы, включал в свой состав инквизиторов; этот совет, который предрешил падение Фоскари и ряда других могущественных лиц, ежегодно переизбирался всей правящей кастой, Gran Consiglio⁹⁷ и тем самым служил непосредственным его представителем. На эти выборы вряд ли серьезно влияли интриги, так как небольшая продолжительность пребывания в должности и связанная с ней ответственность не делала ее особенно привлекательной. Настоящий венецианец не скрывался от этих и других учреждений, сколь тайной и насильственной ни была их деятельность; он всегда являлся по требованию, и не только потому, что у республики были длинные руки и она могла вместо него привлечь к ответственности его семью, а потому, что в большинстве случаев расследование выявляло причины, а не руководство жадной кровью¹¹⁷. Вообще, вероятно, ни одно государство не обладало большей моральной властью над своими подданными, чем Венеция, даже на расстоянии. Если, например, в Совете Прегади и были изменники, то это полностью возмещалось тем, что каждый венецианец в другом государстве был прирожденным разведчиком для своего правительства. Разумелось само собой, что венецианские кардиналы в Риме извещали свое правительство о всех тайных делах папской консистории. Кардинал Доменико Гримами перехватывал близ Рима (1500 г.) депеши, которые Асканио Сфорца посылал своему брату Лодовико Моро и переправлял их в Венецию; его отец, обвиненный в тяжелых преступлениях, публично сослан перед Gran Consiglio, другими словами, перед всем светом, на эту заслугу своего сына¹¹⁸.

Об отношении Венеции к ее кондотьерам мы уже говорили выше (с. 21). Особую гарантию их верности она находила в их большом числе, что настолько же затрудняло измену, настолько облегчало ее разоблачение. При чтении армейских списков Венеции возникает недоуменный вопрос - как при таком пестром по своему составу войске удавалось обеспечивать общие действия? В списках, относящихся к периоду войны 1495 г., приводятся¹¹⁹ 15 526 лошадей, распределенных по небольшим отрядам: 1 200 из них у Гонзага Мантуанского, 740 - у Джофредо Борджа; затем следуют шесть предводителей с 600-700, десять - с 400, двенадцать - с 200-400, около четырнадцати -

с 100-200, девять - с 80, шесть - с 50-60 и т. д. Это - отчасти старые венецианские войска, отчасти отряды, возглавляемые городскими аристократами и землевладельцами Венеции; однако большинство военных предводителей были князьями или правителями города либо их родственниками. К концу добавлялось 24 000 пехотинцев, о составе и начальниках которых ничего не известно, а также еще 3 300 человек, вероятно, особых по характеру оружия подразделений. В мирное время в городах континента гарнизоны вообще отсутствовали или их было очень мало. Венеция полагалась не столько на верность, сколько на разумность подчиненных ей городов.

В войне с Камбрейской лигой (1509 г.) Венеция, как известно, вообще освободила эти города от присяги и предпочла, чтобы они просто сравнили прелести вражеской оккупации с мягким правлением метрополии. Поскольку городам, находившимся в подданстве Венеции, не пришлось прибегать к измене, чтобы отложиться от св. Марка, и они, следовательно, могли не бояться наказания, они с полной готовностью вернулись в подчинение привычной власти. Кстати сказать, эта война была результатом раздававшихся в течение столетия жалоб о жажде Венеции к увеличению своей территории. Она же иногда совершала ошибку умных людей, которые и от своих противников не ожидают, по их мнению, нелепых, нерасчетливых поступков¹²⁰. В таком же оптимистическом настроении, быть может, наиболее свойственном некогда аристократам, совершенно игнорировали вооружение Мухаммеда II^{98*}, служившее подготовкой к взятию Константинополя, и подготовку к походу Карла VIII до тех пор, пока неожиданное все-таки произошло¹²¹. Событием такого рода была и Камбрейская лига, которая, как казалось, противоречила прямому интересу главных ее основателей, Людовика XII и Юлия II. Но в папе концентрировалась старая ненависть всей Италии к венецианцам, и он закрыл глаза на вторжение чужой армии в страну, а что касается политики кардинала Амбуаза^{99*} и его короля, то Венеции уже давно следовало разглядеть их злобствующую тупость и опасаться ее. Большинство других участников Лиги руководствовались завистью, которая противостоит как полезная кара богатству и власти, но сама по себе является жалким свойством. Венеция вышла из этой войны с честью, хотя и не без ощутимого ущерба.

Власть, основы которой столь сложны, деятельность и интересы которой распространялись на столь большую арену, немислима без полного обзора всего, без постоянного подведения баланса сил и обязательств, прибыли и убытка. Вене-

цию можно считать родиной современной статистики, наряду с ней, пожалуй, Флоренцию, а затем развитые итальянские княжества. Ленное государство средневековья дает в лучшем случае общие перечни княжеских прав и доходов (урбары), производство воспринимается в них как неизменное, каковым оно в общем и является, пока речь идет о земле. В противоположность этому города всего Запада, вероятно, уже очень рано, воспринимали свое производство в области промышленности и торговли как постоянно меняющееся и действовали соответственно этому; однако торговый баланс - даже в период расцвета Ганзы - оставался односторонним. Флот, войска, политическое давление и влияние просто вписывались в приход и расход торговой книги. Только в итальянских государствах соединение следствий полного политического сознания, пример мусульманской администрации и давние занятия производством и торговлей привели к созданию подлинной статистики¹²². Основанное на насилии южноитальянское государство императора Фридриха II (с. 10) поставило свою организацию на службу концентрации власти для борьбы за существование. В Венеции, напротив, последняя цель - наслаждение силой и жизнью, дальнейшее развитие унаследованного от предков, расширение выгодной промышленности и открытие новых рынков сбыта.

Ряд авторов говорят об этом очень определенно¹²³. Мы узнаем, что население города составляло в 1422 г. 190 000; возможно, что в Италии раньше всех стали считать не по очагам, по способным носить оружие, по тем, кто мог самостоятельно передвигаться и т. п., но по душам населения - по anime, исходить из этого как из нейтральной основы всех исчислений. Когда флорентийцы примерно в то же время хотели заключить союз с Венецией против Филиппо Мария Висконти, им в данный момент в этом отказали, исходя из ясного, подтвержденного выводением точного баланса убеждения, что война между Миланом и Венецией, т. е. между покупателем и продавцом, нелепость. Уже вследствие одного того, что герцог увеличит свое войско, герцогство станет из-за роста налогов плохим потребителем. «Лучше пусть будут побеждены флорентийцы, тогда они, привыкнув к жизни в свободном городе, переселятся к нам и переведут к нам свои шелковые и шерстяные ткацкие фабрики, как это сделали притесняемые жители Лукки». Удивительна предсмертная речь дожа Мочениго^{100*} (1423 г.), обращенная к ряду сенаторов, которых он призвал к своему ложу¹²⁴. В этой речи даны важнейшие элементы статистического обзора всех сил и имуществ Венеции. Мне неизвестно, существует ли - а

если существует, то где - основательный анализ этого трудного акта; лишь в качестве курьеза приведу из него следующее:

После выплаты военного займа в 4 миллиона дукатов государственный долг (il monte) составлял к тому моменту еще 6 миллионов дукатов. Общий торговый оборот, по-видимому, составлял 10 миллионов за вычетом 4 миллионов (так сказано в тексте). На 3000 navigli, 300 navi и 45 галерах находились соответственно 17000, 8000 и 11000 моряков (более 200 на галере). К ним следует добавить 16000 корабельных плотников. Дома в Венеции оцениваются в 7 миллионов и приносят доход со съемщиков в полмиллиона¹²⁵. В городе есть аристократы, имеющие доход от 70 до 4000 дукатов. В другом источнике государственный доход оценивается в том же году в 1 100 000 дукатов; из-за нарушения торговых связей в военное время доход снизился к середине столетия до 800 000 дукатов¹²⁶.

Если Венеция в подобных расчетах в их практическом применении раньше других полностью выразила важную сторону современного государственного устройства, то в достижении той культуры, которая тогда выше всего ценилась в Италии, она несколько отстала. Здесь отсутствует влечение к литературе вообще и увлечение классической древностью в особенности¹²⁷. Способности к философии и красноречию, полагает Сабеллико, столь же велики, как к торговле и к государственному устройству; уже в 1459 г. Георгий Трапезундский^{101*} положил к ногам дожа латинский перевод книги Платона «Законы» и был назначен учителем философии с ежегодным доходом в 150 дукатов; свою риторику он посвятил Синьории¹²⁸. Однако обозревая историю венецианской литературы, которую Франческо Сансовино^{102*} дал в виде приложения к своей известной книге¹²⁹, мы обнаруживаем там в XVI веке почти только теологические, юридические и медицинские специальные работы, а также истории, а в XV веке гуманизм представлен, вплоть до появления Эрмолао Барбаро^{103*} и Альдо Мануччи^{104*}, очень скудно в сопоставлении со значением города. Библиотека, переданная по завещанию кардинала Виссариона^{105*} государству, почти не была защищена от разорения и расхищения. Для решения научных вопросов ведь существовала Падуя, где медики и юристы в качестве составителей государственно-правовых заключений получали самую высокую оплату. Участие Венеции в итальянской поэзии было долгое время очень небольшим, но в начале XVI в. все упущенное было наверстано. Даже изобразительное искусство Возрождения пришло в Венецию извне и лишь к концу XV в. развилось здесь в полную силу. Есть здесь и другие, еще более приметные духовные отставания.

Но это государство, которое полностью держало в своей власти клир, замещало все важные церковные должности и не раз противостояло курии, отличалось благочестием особого рода¹³⁰. Для того чтобы получить мощи святых и другие реликвии из завоеванной турками Греции, приносятся большие жертвы, и дож принимает их в торжественной процессии¹³¹. На «нешитый хитон»^{106*} решено было (1455 г.) истратить 10 000 дукатов, но его не удалось получить. Дело здесь не в народном одушевлении, а в тайном решении высшего правительственного учреждения, от которого можно было, не возбуждая волнения, воздержаться, и во Флоренции при подобных обстоятельствах несомненно бы воздержались. Благочестие масс и их твердую веру в отпущение грехов каким-либо Александром VI мы оставляем вне нашего рассмотрения. Но самый город, который подчинил себе церковь больше, чем где бы то ни было, таил в себе на самом деле своего рода духовный элемент, и символизирующий государство дож выполнял в двенадцати важнейших процессиях¹³² (andate) функцию, близкую к духовной. Большая часть этих праздников была учреждена в честь политических событий; они соревновались с большими церковными праздниками, главным из этих торжеств было знаменитое обручение с морем, которое всегда происходило в день Вознесения Христова.

Высшее политическое сознание, наибольшее богатство форм развития обнаруживаются во Флоренции, в этом смысле безусловно заслуживающей наименования первого современного государства мира. Здесь весь народ совершает то, что в княжеских государствах является делом одной семьи. Удивительный дух Флоренции, остро рассуждающий и одновременно художественно творящий, непрерывно меняет политическое и социальное состояние общества и столь же непрерывно описывает и судит его. Так Флоренция стала родиной политических доктрин и теорий, экспериментов и интриг, но также, наряду с Венецией, и родиной статистики и прежде всего первой - ранее всех государств мира - родиной исторического изображения в современном смысле слова. К этому присоединилось впечатление от Древнего Рима и знание его историков; Джованни Виллани признается¹³³, что импульс к своему большому труду он получил в 1300 г. в связи с юбилеем^{107*} и сразу после возвращения приступил к работе над ним. Однако ведь многие из 200 тысяч пилигримов, которые были в тот год в Риме, вероятно, не уступали ему по таланту и направленности интересов, но они же не написали историю своих городов! Ибо не каждый мог столь уверенно сказать: «Рим находится в упадке,

но мой родной город - на подъеме; поэтому я решил написать о его прошлом вплоть до настоящего момента и предполагаю продолжать описывать события, пока я буду их свидетелем». И кроме свидетельств о ходе своего развития Флоренция достигла благодаря своим историкам и большей славы, чем любой другой город Италии¹³⁴.

Наша задача здесь дать не историю этого замечательного государства, а указать на некоторые признаки свободы и объективности, которые появились у флорентийцев.

Около 1300 г. Дино Компани¹⁰⁸ описывал борьбу, происшедшую в его дни в городе. Политическое положение города, внутренние движущие силы партий, характер вождей, короче говоря, вся совокупность непосредственных причин и действий описаны здесь так, что все превосходство флорентийцев в вынесении суждений и в описаниях не вызывает сомнения. А величайшая жертва этих кризисов - Данте Алигьери, политик, достигший зрелости благодаря родине и изгнанию! Свой сарказм по поводу беспрерывных изменений и экспериментов над государственным строем он излил в несокрушимых терцинах¹³⁵, которые останутся пословицами и будут применяться повсюду в сходных условиях; он взывал к родине с таким упорством и с такой тоской, что сердца флорентийцев должны были содрогнуться.

Его мысли распространились по всей Италии и всему миру, и если его агитация в пользу Империи, как он ее понимал, не что иное как заблуждение, то нельзя не признать, что молодые грезы только что зародившегося политического мышления обладают у него поэтическим величием. Он гордится, что первым вступил на этот путь¹³⁶, правда, руководимый Аристотелем, но по-своему вполне самостоятельно. Его идеальный император - справедливый, человеколюбивый, только от Бога зависящий верховный судья, наследник римского мирового господства, которое было санкционировано правом, природой и волей Божьей. Завоевание мира было правомерным, божественным решением об отношении Рима к другим народам; Бог признал эту Империю тем, что именно тогда воплотился в человека, покоровшись при рождении переписи, введенной Августом, перед смертью - суду Понтия Пилата и т.д. Если нам и трудно принять эти и другие аргументы такого рода, то страстное чувство Данте всегда захватывает. В своих письмах¹³⁷ он выступает как самый ранний публицист, быть может, самый первый неспециалист, выпустивший на свою ответственность тенденциозные сочинения в форме писем. Он приступил к этому рано; уже пос-

ле смерти Беатриче¹⁰⁹ он выпустил памфлет о состоянии Флоренции, адресованный «властителям мира», и его более поздние открытые письма, времени изгнания, также обращены к императорам, князьям и кардиналам. В этих письмах и в книге «О народном языке» в различных формах повторяется выражение связанного со столькими страданиями чувства, что изгнанник может и вне родного города обрести новую духовную родину в языке и культуре, которую отнять у него уже никто не может. К этому мы еще вернемся.

Обоим Виллани, Джованни и Маттео, мы обязаны не столько глубокими мыслями, сколько свежими практическими суждениями и основанием флорентийской статистики наряду с важными данными о других государствах. Торговля и промышленность пробудили здесь наряду с политическим мышлением и мышление в области государственной экономики. О финансовых условиях в целом такими знаниями не обладал никто в мире, начиная со сведений о кассе папской курии в Авиньоне, в огромную денежную наличность которой (25 миллионов ко времени смерти Иоанна XII^{110*}) можно поверить только на основании столь достоверных источников¹³⁸. Только здесь мы узнаем о колоссальных займах, например займах английского короля у флорентийских домов Барди и Перуцци, потерпевших убыток в 1 355 тыс. золотых гульденов своих денег и денег компании (1338 г.) и все-таки сумевших опять подняться¹³⁹. Но важнее всего данные, касающиеся государства того времени¹⁴⁰, о государственных доходах (свыше 300 000 золотых гульденов) и расходах; о населении города (здесь еще очень несовершенно исчисленном по потреблению хлеба *in bocche*, т. е. по ртам, как равное 30 тыс.), и о населении государства; о преобладании мальчиков на 300-500 среди 5800-6000 ежегодно крещеных детей в баптистерии (*battistero*)¹⁴¹, о школьниках, из них 8000-10000 в шести школах учатся читать, 1000-1200 учатся считать; затем 600 учеников в четырех школах обучают латинской грамматике и логике. За этим следует статистическое исчисление церквей и монастырей, больниц (с более чем 1000 кроватей в целом); очень ценные данные о шерстяной промышленности; о чеканке монеты, снабжении продовольствием городов, составе чиновничества и т. д.¹⁴². Попутно узнаем, например, как при учреждении новых государственных налогов (*monte*) в 1353 г. и в последующие годы произносились проповеди - у францисканцев в их поддержку, у доминиканцев и августинцев против них¹⁴³.

Нигде в Европе экономические последствия Черной смерти не обрели и не могли обрести такого внимания и такого

изображения, как здесь¹⁴⁴. Лишь флорентиец мог нам сообщить о неоправдавшихся ожиданиях, что при малочисленности людей все станет дешевым; напротив, удовлетворение жизненных потребностей и оплата труда выросли вдвое; простой народ вначале вообще не хотел работать, а стремился только хорошо жить; в частности, работников и служанок можно было найти в городе только за очень высокую оплату; крестьяне соглашались обрабатывать лишь самую лучшую землю, а малоплодородную не засеивали; завещания огромных средств в пользу бедных впоследствии оказались бессмысленными, так как бедняки либо умерли, либо не были больше бедными. И наконец, в связи с завещанием бездетного благодетеля, который завещал всем нищим города по шесть динариев, делается попытка произвести большое статистическое исчисление нищенствующих¹⁴⁵.

Статистический подход получил впоследствии, особенно у флорентийцев, большое развитие; прекрасно, что в нем, как правило, проявляется связь с историческим в высоком смысле, с общей культурой и искусством. В записи 1422 г.¹⁴⁶ одним росчерком пера сообщается о 72 меняльных лавках вокруг нового рынка (*mercato nuovo*) с наличным оборотом в 2 миллиона золотых гульденов, о новой тогда выделке расшитых золотом тканей, о шелковых материях, о Филиппо Брунеллески¹⁴⁷, откапывающем памятники древней архитектуры, о Леонардо Аретино¹⁴⁸, секретаре республики, возродившем античную литературу и красноречие; наконец, об общем благополучии спокойного тогда в политическом отношении города и о счастье Италии, освободившейся от чужеземных наемных войск. См. выше (с. 54) приведенные статистические данные, относящиеся к Венеции почти того же времени, свидетельствующие, правда, о значительно больших владениях, доходах и арене действий; корабли Венеции уже давно господствуют на морях, тогда как Флоренция в 1422 г. посылает свою первую собственную галерею в Александрию. Между тем, кто не усмотрит в флорентийской записи более высокий дух? Подобные и сходные заметки обнаруживаются во Флоренции каждое десятилетие, причем объединенные в обзоры, тогда как в других местах встречаются в лучшем случае отдельные высказывания.

Мы приближенно узнаем об имуществе и делах первых Медичи; они тратили на подаяния, публичные постройки и налоги в период от 1434 до 1471 гг. не менее 663 755 золотых гульденов, из которых на одного Козимо падает сверх 400 000¹⁴⁷, а Лоренцо Великолепный радуется, что деньги так хорошо потрачены. В 1478 г. вновь создается чрезвычайно важный и в

своем роде полный обзор¹⁴⁸ торговли и ремесел города, а также частично или полностью посвященный искусству; в нем речь идет о золотой и серебряной парче и камчатной ткани, о резьбе и инкрустации по дереву (*intarsia*), об арабесках на мраморе и песчанике, о портретах из воска, об искусстве золотых дел мастеров и ювелиров. Более того, врожденные способности флорентийцев к исчислению всего внешнего бытия проявляются также в их домовых, деловых и сельскохозяйственных книгах, которые значительно превосходят такого рода подсчеты, обнаруживаемые у остальных жителей Европы XV века. Теперь стали с полным основанием издавать избранные места из этих документов¹⁴⁹, однако понадобится еще большая работа, чтобы извлечь из них ясные результаты общего характера. Во всяком случае здесь перед нами государство, в котором отцы, умирая, требовали в завещании¹⁵⁰, чтобы государство взимало с их сыновей штраф в 1000 гульденов, если они не будут регулярно заниматься ремеслом.

Быть может, ни один город мира не имеет для первой половины XVI в. такого документа, как прекрасное описание Флоренции у Варки¹⁵¹. В описательной статистике, как и в ряде других отношений, здесь вновь даются образцы - пока еще не погибли свобода и величие этого города¹⁵².

Наряду с этими исчислениями внешнего бытия продолжается описание политической жизни, о чем речь шла выше. Флоренция не только переживает больше политических форм и оттенков, чем другие свободные государства Италии и Запада, но и несравненно чаще описывает их. Они дают полное отражение отношения классов и отдельных людей к меняющемуся общему облику города. Картины великих бюргерских демагогии во Франции и Фландрии, нарисованные Фруассаром¹⁵³, сообщения наших немецких хроник XIV века поистине значительны, однако по духовной полноте, по многостороннему обоснованию хода событий флорентийцы бесконечно превосходят всех. Господство аристократии, тирания, борьба среднего сословия с пролетариатом, полная, половинчатая и мнимая демократия, главенство одного дома, теократия при Савонароле, даже смешанные формы, подготовившие власть Медичи, все это так описано, что открываются все внутренние побуждения¹⁵³.

И наконец, Макиавелли рисует в «Истории Флоренции» (до 1492 г.) свой родной город как совершенно живое существо с индивидуальным природным развитием. В наши задачи не входит исследовать, произвольно ли и в каких пунктах произвольно действовал Макиавелли, подобно тому как он, - что нам из-

вестно, - поступал в жизнеописании Каструччо Кастракани^{114/}, произвольно трактованного им типа тирана. На каждую строчку «Истории Флоренции» можно найти возражение, и все-таки это не затронуло бы ее высокую исключительную ценность. А какое созвездие знаменитых имен образуют его современники и последователи - Джакопо Питти^{116*}, Гвиччардини^{116*}, Сеньи^{117*}, Варки, Веттори^{118*}! А какую историю описывают эти мастера! В их работах нам полностью представлены последние десятилетия Флорентийской республики - незабываемое, величественное зрелище. В этих сообщениях об упадке высокой своеобразной жизни тогдашнего мира одни могут увидеть лишь собрание поразительных странностей, другие - с дьявольской радостью констатировать банкротство благородного и возвышенного, третьи - объяснять эти события как важный судебный процесс, но независимо от их оценок она останется до конца дней предметом серьезных размышлений.

Главным злом, все время ухудшавшим положение дел, было господство Флоренции над подчиненными, некогда могущественными врагами, такими, например, как пизанцы, что постоянно требовало применения насильственных мер. Единственным, правда, героическим средством, применить которое мог только Савонарола и то лишь в особенно благоприятных обстоятельствах, было превращение Тосканы в федерацию свободных городов - эта идея в виде запоздалой грезы привела патриота из Лукки¹⁶⁴ на эшафот (1548 г.). От этой беды и несчастной склонности флорентийских гвельфов к чужеземному правителю и связанной с этим привычкой к интервенциям чужеземцев все и произошло. Однако кто может не восхищаться этим народом, который под водительством святого монаха, в состоянии подъема дает в Италии первый пример милосердия к побежденным врагам, тогда как вся предшествующая история говорит лишь о мщении и уничтожении? Пламя, которое здесь возгорается от патриотизма и нравственно-религиозного преобразования, вскоре покажется издали как бы погасшим, но его лучшие результаты вновь проявляются в памятной осаде 1529-1530 гг. Конечно, эту грозу на Флоренцию навлекли «глупцы», как писал в то время Гвиччардини, но и он признает, что они совершили то, что казалось невозможным; и если он полагает, что мудрые люди избежали бы беды, то это имеет только тот смысл, что Флоренция должна была безропотно и бесславно предаться в руки врагов. Она сохранила бы тогда свои великолепные пригороды и сады, обеспечила бы бесчисленному числу своих граждан спокойную жизнь и благополучие и была

бы бедней на одно из своих великих воспоминаний нравственного характера.

Флорентийцы во многом служат великим образцом и являются самым ярким выражением характера итальянцев и современных европейцев вообще, и таковы они также в своих отрицательных чертах. Если Данте сравнивал все время улучшающую свой государственный строй Флоренцию с большим, беспрестанно меняющим свое положение, чтобы избавиться от страданий, то этим он определил основную черту жизни этого государства. Большое заблуждение Нового времени заключается в представлении, будто можно *создать* государственный строй, произвести его посредством исчисления наличных сил и направлений¹⁶⁶, - это всегда происходит во Флоренции в бурные времена ее истории, и даже Макиавелли не был свободен от этого. Появляются государственные деятели, которые посредством искусного распределения и разделения власти значительно контролируемых выборов, мнимых учреждений и т. п. пытаются создать определенное прочное состояние, удовлетворить сильных и слабых или обмануть их. При этом они наивно пользуются примерами древности и официально заимствуют отсюда наименования партий - оптиматы, аристократия (*ottimati, aristocrazia*)¹⁶⁶. Лишь с того времени мир привык к этим терминам и придал им конвенциональный европейский смысл, тогда как прежние названия партий применялись лишь в каждой отдельной стране и либо обозначали непосредственно явление местного характера, либо были делом случая. А как сильно окрашивает факт и как стирает его окраску данное ему название!

Из всех, кто считал себя способным построить государство¹⁶⁷, Макиавелли был бесспорно самым великим. Он всегда воспринимает наличные силы как живые, активные, правильно и великодушно толкует альтернативы и не пытается обманывать себя или других. В нем нет и тени тщеславия или стяжательства, и пишет он не для публики, а либо для властей и правителей, либо для друзей. Он опасен не ложной гениальностью, не превратным толкованием понятий, а пылкой фантазией, которую он с трудом сдерживает. Его политическая объективность порой ужасает своей откровенностью, но она возникла во время крайних бедствий и опасностей, в такое время, когда люди уже с трудом верили в право или не предполагали возможность справедливости. Добродетельное возмущение такой откровенностью не производит на нас, видевших, как действуют правые и левые силы, особого впечатления. Макиавелли

был по крайней мере способен забывать о себе, видя развитие событий. Вообще он - патриот в высшем смысле слова, хотя в его сочинениях нет (за исключением нескольких слов) прямого энтузиазма, и несмотря на то, что сами флорентийцы стали в конце концов считать его преступником¹⁵⁸. Но как ни далеко он, по примеру многих других, ни заходил в поступках и речах, благо государства было его первой и последней мыслью.

Его полная программа устройства нового флорентийского государства изложена в докладной записке Льву X¹⁵⁹, составленной после смерти младшего Лоренцо Медичи, герцога Урбинского (1519 г.), которому он посвятил свою книгу «Государь». Положение вещей уже иное и полностью искаженное, предложенные средства и пути часто далеко не моральные; но очень интересно видеть, как он надеется на то, что наследницей Медичи будет республика, причем умеренно демократическая по своему характеру. Трудно представить себе более искусное сочетание уступок папе, его сторонникам, с одной стороны, и защиты различных интересов Флоренции - с другой; мы как бы видим часовой механизм. В «Рассуждениях» («Discorsi») высказаны многочисленные принципы, отдельные замечания, параллели, политические перспективы и т. п. для Флоренции, и среди них встречаются изумительной красоты озарения.

Макиавелли признает закон прогрессирующего и совершенствующего толчка развития государств и требует, чтобы государственный строй был гибким и способным к изменению, ибо лишь таким образом можно избежать внезапных смертных приговоров и изгнаний. По такой же причине, чтобы исключить насильственные меры частного характера и интервенции («смерть всякой свободы»), он предлагает ввести против вызвавших негодование граждан судебное обвинение (*accusa*), тогда как во Флоренции удовлетворялись лишь поношениями в их адрес. Он мастерски характеризует вынужденные запоздалые решения, играющие такую большую роль в критические периоды. Вместе с тем иногда фантазия и обстоятельства времени заставляют его прибегнуть к неумеренной похвале народа, который способен лучше, чем какой-либо правитель, выбрать нужных ему деятелей и которого можно «уговорами» побудить отказать от заблуждений¹⁶⁰. Что касается господства в Тоскане, то у него нет сомнений, что оно должно принадлежать его родному городу, а необходимость вновь покорить Пизу (в особом *Discorso*) считает жизненно важной; он сожалеет, что Ареццо после мятежа 1502 г. не был уничтожен, и в общем даже допускает, что итальянские республики должны продвигаться

вовне и увеличиваться, чтобы обезопасить себя от нападений и установить мир в своих границах. Флоренция всегда действовала неправильно и вызвала смертельную вражду Пизы, Сиены и Лукки, тогда как Пистойя, с которой «обращались по-братски», добровольно подчинилась ей.

Сравнивать с единственной в своем роде Флоренцией многие, еще существовавшие в XV в. республики, совершенно неоправданно: Флоренция была местом формирования итальянского, более того, современного духа Европы вообще. Сиена страдала от тяжелейших органических недостатков, и относительное процветание ее ремесел и искусств не должно вводить в заблуждение. Эней Сильвий¹⁶¹ с тоской взирает на «веселые» имперские города Германии, где жизнь не омрачают конфискации имущества и наследства, деспотические власти и партии¹⁶².

Генуя, собственно, не относится к сфере нашего рассмотрения, ибо до Андреа Дориа^{119*} не была связана с Возрождением, вследствие чего житель Ривьеры считался в Италии презирающим всякое высшее образование¹⁶³. Борьба партий носила здесь такой дикий характер и сопровождалась такими потрясениями всех основ существования, что трудно даже понять, каким образом генуэзцам после всех революций и оккупации удавалось возвращаться к терпимому состоянию. Быть может, удавалось это потому, что почти без исключения все, участвующие в управлении государством, одновременно занимались торговлей¹⁶⁴. И Генуя служит удивительным примером того, какую степень неуверенности может вынести предпринимательство в целом, и в частности богатство, с каким внутренним состоянием совместимо обладание колониями.

Лукка не имеет в XV в. большого значения. [От первых десятилетий этого столетия, когда город жил в условиях полутиранического правления семейства Гвинджи, мы располагаем свидетельством луккского историка Джованни ди Сер Камбио, которое можно считать красноречивым памятником, характеризующим положение таких правящих домов в республиках вообще¹⁶⁵. Автор сообщает нам: о величине наемных войск в городе и его окрестностях и их распределении там; о раздаче всех должностей своим избранным приверженцам; о составлении описи всего оружия, находящегося в личном владении, и о разоружении всех подозрительных лиц; о надзоре над отправленными в изгнание, которые под страхом угрозы полной конфискации имущества вынуждаются к тому, чтобы не покидать предписанные им места обитания; об устранении опасных возмутителей посредством совершаемых втайне убийств; о принужде-

нии выехавших купцов и ремесленников к возвращению назад; об устранении по мере возможности представительного собрания граждан (consiglio generale) посредством его замены состоящей лишь из собственных приверженцев комиссией из 12 либо 18 человек; о сокращении всех статей расходов в интересах неизбежных наемников, без которых пришлось бы жить в сознании постоянной опасности, но которым приходилось теперь всячески потакать (i soldati si facciano amici, confidanti e savî^{120*}). Наконец, здесь делается признание в том, что хозяйство в настоящий момент находится в бедственном положении, особенный спад постиг производство шелка, но также и другие ремесла, а также виноделие, для исправления же положения предлагается повысить пошлины на привозные вина и полностью принудить сельскую местность (contado) покупать все, за исключением продуктов питания, в городе. Замечательное место, и мы считали бы вовсе нелишним, если бы кто-то сопровождал его даже и для нас подробным комментарием; в настоящий же момент мы можем на него только указать как на одно из многих доказательств того факта, что в Италии последовательное политическое мышление.]

* * *

Так же, как государства Италии в большинстве своем были по своему внутреннему строю художественными произведениями, т.е. осознанными, зависящими от рефлексии, покоящимися на зримых основах творениями, их отношение друг к другу и к внешнему миру также должно было быть произведением искусства. То, что почти все они основаны на сравнительно недавних узурпациях, таит в себе такую же опасность для их внешних, как и для их внутренних отношений. Никто не признает безоговорочно другого; тот же самый счастливый случай, который привел к основанию и утверждению собственного господства, должен действовать и в отношениях с соседним государством. Ведь отнюдь не всегда зависит от властелина, будет ли он спокойно занимать свой престол или нет. Потребность увеличивать свою территорию, вообще действовать, свойственна всякой нелегитимной власти. Так, Италия становится родиной «внешней политики», которая постепенно и в других странах стала признанным правовым состоянием. Совершенно объективное, свободное как от предрассудков, так и от нравственных сомнений, отношение к вопросам международной политики достигает подчас совершенства, в котором оно представляется изящным и величественным, хотя в целом создается впечатление разверзающейся бездонной

пропасти. Интриги, лиги, вооружения, подкупы и предательства составляют в Своей совокупности историю внешних отношений Италии того времени.

Долгое время предметом общих обвинений была прежде всего Венеция; ее обвиняли в том, что она стремится завоевать всю Италию или привести ее к такому упадку, что все государства этой страны, впад в бессилие, подпадут под ее власть¹⁶⁶. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти жалобы исходят не от народа, а от окружения князей и правительств, которых подданные в большинстве случаев ненавидят, тогда как правительство Венеции вследствие своего мягкого управления пользуется общим доверием¹⁶⁷. И Флоренция с бешено ненавидящими ее подвластными ей городами очень проигрывала в сравнении с Венецией, даже если оставить в стороне зависть, вызываемую успехами Венеции в торговле и ее продвижением в Романье. В конце концов Камбрейской лиге удалось (с. 52) ослабить государство, которое должна была бы защищать объединенными силами вся Италия.

Но и по отношению друг к другу все они полны ожиданий худшего по внушению собственной нечистой совести и всегда готовы к крайним мерам. Лодовико Моро, арагонцы в Неаполе и Сикст IV, не говоря уже о более слабых властителях, поддерживали в Италии опасное беспокойство. Если бы эта ужасная игра ограничивалась хотя бы Италией! Но по логике вещей она приводила к тому, что обращались к постороннему вмешательству и помощи, главным образом, французов и турок.

Прежде всего расположено к французам было само население. С ужасающей наивностью Флоренция признается в своей давней, связанной с партией гвельфов симпатии к французам¹⁶⁸. И когда Карл VIII действительно появился на юге альпийских отрогов, вся Италия подчинилась ему с таким восторгом, который удивил даже его людей¹⁶⁹. В представлении итальянцев (достаточно вспомнить Савонаролу) жил идеальный образ великого, мудрого и справедливого спасителя и правителя, только это был уже не император, как у Данте, а французский король династии Капетингов. С его уходом иллюзия исчезла, но прошло еще долгое время, пока стало понятно, насколько Карл VIII, Людовик XII и Франциск I не понимали, в чем состоит их подлинное отношение к Италии и какими второстепенными основаниями они руководствовались. Иначе, чем народ, пытались использовать французов князья. Когда закончились войны между Францией и Англией, когда Людовик XI стал плести свои дипломатические сети и забрасывать их во все стороны, когда, наконец, Карл Бургундский начал

лелеять свои авантюристические планы, кабинеты итальянских государств шли им навстречу и интервенция французов должна была рано или поздно неизбежно произойти, даже независимо от притязаний на Неаполь и Милан, с той же неизбежностью, как она давно уже произошла, например, в Генуе и Пьемонте. Венецианцы ждали этого уже в 1462 г.¹⁷⁰ Какой смертельный страх испытывал герцог Милана Галеаццо Мария во время войны Людовика XI с Карлом Бургундским, ибо, являясь как будто союзником того и другого, он должен был опасаться вторжения обоих, ясно показывает его переписка¹⁷¹.

Система равновесия четырех главных итальянских государств, как ее понимал Лоренцо Великолепный, была всего лишь постулатом светлого оптимистического духа, далекого как от политики преступного экспериментирования, так и от пристрастия флорентийцев к гвельфам, и надеждой на лучшее. Когда Людовик XI предложил ему в войне против Ферранте Неаполитанского и Сикста IV вспомогательные войска, он сказал: «Я не могу предпочитать личную пользу, когда грозит опасность всей Италии; дай Бог, чтобы французским королям никогда не захотелось испытать свои силы в этой стране! Если это случится, Италия погибла»¹⁷². Для других же правителей Италии французский король был то средством, то предметом устрашения, они угрожают его вмешательством, как только не находят выхода в каком-либо трудном положении. Наконец, папы полагали, что могут совершенно безопасно использовать Францию в своих интересах, и Иннокентий VIII считал, что может, рассердясь, отправиться на север и вернуться в Италию с французским войском в качестве завоевателя^{173 121*}.

Следовательно, мыслящие люди предвидели чужеземное завоевание задолго до похода Карла VIII в Италию¹⁷⁴. И когда он вновь перешел через Альпы, всем стало ясно, что началась эра интервенций. С этого момента одна беда сменяет другую. В Италии слишком поздно поняли, что Франция и Испания, грозящие Италии вторжением, стали крупными державами, которые уже не удовлетворяются поверхностными выражениями приверженности, а готовы к смертельной борьбе за влияние и владения. Они стали уподобляться централизованным итальянским государствам, даже подражать им, но в колоссальном масштабе. Намерения грабить земли и обменивать их в течение некоторого времени кажутся бесконечными. Закончилось же все, как известно, полным перевесом Испании, которая в качестве меча и щита контрреформации на длительное время подчинила себе также папство.

Грустные размышления философов свелись тогда только к тому, чтобы показать, как все, обращавшиеся за помощью к

варварам, кончали плохо. В XV в. открыто и без всяких опасений устанавливали связь и с турками; это представлялось таким же политическим средством, как любое другое. Понятие общего «христианства Запада» подчас значительно колебалось уже в период крестовых походов; Фридрих II вообще отказался от него, однако новое продвижение Востока, тяжкое положение и гибель греческой (византийской) империи возродили прежнее настроение христиан Запада (хотя и не прежнее рвение). Италия является в этом отношении исключением.

Сколь ни велики страх перед турками и действительная опасность, почти нет сколько-нибудь значительного итальянского государства, которое бы не объединялось кошунственно с Мухаммедом II и его преемниками против других итальянских государств. А там, где это не происходило, каждое допускало такую возможность для другого - и это было еще не худшим; так, например, венецианцы обвиняли наследника неаполитанского престола Альфонса в том, что он послал людей, которым предписал отравить цистерны Венеции¹⁷⁵. Что такой преступник, как Сиджизмондо Малатеста может позвать турок в Италию, считали вполне возможным¹⁷⁶. Но и неаполитанские арагонцы, у которых Мухаммед, как будто подстрекаемый другими итальянскими правителями¹⁷⁷, в один прекрасный день отнял Отранто, натравили вслед за тем султана Баязета II^{122*} на Венецию¹⁷⁸. То же совершил Лодовико Моро. «Кровь убитых и стенания плененных турками взывают к Богу об отмщении!» - пишет государственный летописец. В Венеции, где все становилось известным, было также известно и то, что Джованни Сфорца, князь Песаро, двоюродный брат Моро, предоставил приют едущим в Милан турецким посланцам¹⁷⁹.

Наиболее достойные папы XV в., Николай V^{123*} и Пий II, умерли в состоянии глубокой скорби из-за сближения итальянских государств с турками; Пий II скончался во время приготовлений к крестовому походу, который он даже предполагал возглавить; их преемники же растратили собранные всем христианским миром «турецкие деньги» и осквернили основанное на этом отпущение грехов ради денежной спекуляции в своих интересах¹⁸⁰. Иннокентий VIII соглашается стать тюремщиком бежавшего принца Джема за обещанную ежегодную плату его брата Баязета II, а Александр VI поддерживает в Константинополе мероприятия Лодовико Моро, направленные на подготовку турецкого вторжения в Венецию (1498 г.), в ответ на что она грозит ему созывом собора¹⁸¹. Таким образом, очевидно, что пресловутый союз Франциска I с Сулейманом II^{124*} не был чем-то новым и неслыханным.

Впрочем, в ряде случаев и население не видело в переходе под власть турок чего-то особенно страшного. Даже если поданные только угрожали этим угнетающим их правительствам, это служит признаком привычности этой мысли. Уже в 1480 г. Баттиста Мантовано¹²⁵ дает ясно понять, что большинство жителей Адриатического побережья имеют в виду нечто подобное и что в частности Анкона этого желает¹⁸². Когда Лев X очень угнетал Романию, делегат Равенны сказал в лицо его легату, кардиналу Джулио Медичи следующее: «Ваше преосвященство, светлейшая республика Венеция не хочет нас принять, чтобы не ссориться с церковью, но если в Рагузу придут турки, мы подчинимся им»¹⁸³.

При начавшемся уже тогда подчинении Италии испанцам то, что страна была защищена по крайней мере от варварства, которое явилось бы следствием господства турок, может служить сомнительным, хотя и не лишенным основания утешением¹⁸⁴. Своими силами Италия не могла бы избежать такой судьбы. Если после всего допустимо сказать что-либо хорошее о тогдашнем государственном управлении в Италии, то это может относиться лишь к объективному, непредубежденному отношению к таким вопросам, которые еще не были омрачены страхом, страстью или злобой.

Здесь не было ленной системы в понимании северных народов с искусственно обоснованными правами, и власть, которой каждый обладал, он обладал (как правило), по крайней мере фактически, полностью. Здесь нет дворянской свиты, которая поддерживает в правителе абстрактное понятие чести со всеми его странными следствиями; правители и советники Италии едины в том, что действовать надлежит только исходя из положения вещей и поставленной цели. По отношению к используемым людям, по отношению к союзникам, каково бы ни было их происхождение, не проявляется кастовое высокомерие, которое могло бы отвратить кого-нибудь, и в завершение всего сословие кондотьеров, где происхождение вообще не имеет никакого значения, достаточно свидетельствует о характере фактической силы. И наконец, правители в качестве образованных деспотов знают собственную страну и страны соседей несравненно лучше, чем их современники на севере, и вычисляют до мельчайших деталей способность к действиям друзей и врагов как в экономическом, так и в моральном отношении; они проявляют себя, несмотря на серьезные ошибки, как прирожденные статистики.

С такими людьми можно было вести переговоры, можно было надеяться определить их поведение посредством действительных оснований. Когда великий Альфонс Неаполитанский был взят в плен Филиппо Мария Висконти (1434 г.), он сумел убедить того, что господство над Неаполем дома Анжу вместо его господства сделает французов господами Италии, и Филиппо отпустил его без выкупа, заключив с ним союз¹⁸⁶. Вряд ли так поступил бы какой-либо правитель северных стран, и уж, конечно, никто из тех, чья моральность в целом была бы тождественна моральности Висконти. Полное доверие к силе фактических оснований доказывает и знаменитое посещение Лоренцо Великолепным - к полному недоумению флорентийцев - вероломного Ферранте в Неаполе, который не мог не испытывать искушения захватить его в плен; этому не препятствовали и его моральные качества¹⁸⁶. Все дело было в том, что захватить в плен могущественного правителя, а затем его освободить живым после получения от него ряда подписей и нанесения ему других оскорблений, как и поступил Карл Смелый с Людовиком XI в Перонне, представлялось итальянцам просто глупостью¹⁸⁷; поэтому возвращения Лоренцо надо было либо вообще не ждать, либо ждать его, увенчанного славой. В это время применялось, особенно венецианскими послами, такое искусство политического убеждения, о котором по ту сторону Альп получили понятие лишь благодаря итальянцам; о нем не следует судить по официальным речам, ибо они относятся к гуманистической школьной риторике. Конечно, в дипломатической практике не было также недостатка в грубости и наивности¹⁸⁸, несмотря на очень развитый в общем этикет. Едва ли не трогательным предстает нам Макиавелли в своих «Legazioni» («Посольства»). Недостаточно осведомленный, не обладающий необходимыми полномочиями, воспринимаемый как подчиненный агент, он не теряет своего свободного высокого дара наблюдения и удовольствия от сообщений, основанных на непосредственных данных. - [Да и вообще Италия была и остается преимущественно страной политических «Инструкций» и «Донесений». Разумеется, ловко вести переговоры умели и в других державах, однако только здесь мы обладаем многочисленными историческими памятниками, относящимися уже к столь ранней эпохе. Уже большое донесение, отосыщающееся к последним неделям жизни напуганного Ферранте Неаполитанского (17 января 1494 г.), написанное рукой Понтано в адрес кабине-

та Александра VI, дает живейшее представление об этом роде государственных документов, а ведь оно доводится до нашего сведения лишь мимоходом, как одно из целого ряда донесений Понтано¹⁸⁹. Как же много равных ему по значению и живости документов завершавшегося XV и начинавшегося XVI в. может быть еще скрыто от нас, - уж не говоря о более поздних эпохах дипломатии!] Об изучении людей как народа и как индивидуальностей, которое шло у итальянцев параллельно с изучением обстоятельств, речь пойдет в особом разделе.

Здесь мы лишь вкратце остановимся на том, каким образом и война принимала характер произведения искусства. На Западе в средние века подготовка воина была вполне соответствующей господствующей системе обороны и вооружения, существовали также всегда гениальные изобретатели в области искусства укреплений и осады, однако развитию стратегии и тактики мешали многочисленные фактические и временные ограничения военной обязанности и честолюбие дворянства, представители которого могли, например, спорить перед лицом врага о первенстве в военных действиях и своим неистовством приводили к поражению именно в важнейших сражениях, таких, как при Креси и Мопертью^{126**}.

В Италии, напротив, действовало иначе организованное наемное войско, а раннее появление огнестрельного оружия способствовало как бы демократизации в этой области, не только потому, что самые крепкие замки сотрясались от бомбард, но и потому, что обретенная бюргерами способность в качестве инженеров, литейщиков и артиллеристов имела первостепенное значение. При этом с известной болью ощущалось, что значению индивида - душе маленького, прекрасно подготовленного итальянского наемного войска - наносился ущерб действующим издали средством разрушения, и существовали отдельные кондотьеры, которые всячески избегали применять недавно изобретенную в Германии¹⁹⁰ ручную бомбарду; так, Паоло Вителли^{127*191} приказал выколоть глаза и отрубить руки взятому в плен вражескому стрелку (schioppetieri), тогда как применение пушек он считал оправданным и сам использовал их. В целом, однако, изобретения по возможности использовались, и итальянцы стали в области применения средств нападения, а также строительства крепостей учителями всей Европы. Ряд правителей - Федерико Урбинский, Альфонс Феррарский - обрели такие специальные знания в этой области, по сравнению с которыми знание Максимилиана I кажется поверхностным.

В Италии впервые возникли наука и искусство ведения вой-

ны в целом; здесь мы впервые встречаемся с удовольствием от правильного ведения войны как такового, что было вполне совместимо с частой сменой господства партий и определяемыми чисто фактическими условиями действиями кондотьеров. Во время войны между Миланом и Венецией 1451-1452 гг., между Франческо Сфорца и Джакомо Пиччинино, в штабе последнего находился литератор Порчеллио^{128*}, который по поручению неаполитанского короля Альфонса должен был составить реляцию¹⁹² о происшедших событиях. Она написана по-латыни, не очень чисто, но свободно, в духе тогдашней гуманистической напыщенности, в целом по образцу Цезаря со вставленными в изложение речами, чудесами и т. п., а так как в течение ста лет совершенно серьезно спорили о том, кто более велик, Сципион Африканский Старший или Ганнибал¹⁹³, то Пиччинино пришлось согласиться на то, что он на протяжении всего произведения именуется Сципионом, а Сфорца - Ганнибалом. Однако о миланском войске также необходимо было дать объективную информацию; и софист велел доложить о себе Сфорца, его провели вдоль рядов войска, он все хвалил и обещал передать все увиденное в назидание потомству¹⁹⁴. Литература Италии того времени богата также описаниями военных действий и записей стратагем для использования знатоками и вообще образованными людьми, реляции того же времени на севере, например описание Дибольдом Шиллингом^{129*} войн в Бургундии, напротив, подобны по своей бесформенности и протокольной точности хроникам. Величайший дилетант, выступавший когда-либо в качестве такового¹⁹⁶ в области военных действий, Макиавелли, написал тогда свое «Искусство войны» («Arte della guerra»). Субъективная подготовка воина находила свое полное выражение в той торжественной борьбе одной или нескольких пар, известной уже задолго до знаменитого поединка близ Барлетты (1503 г.)^{130*196}. Победитель мог быть уверен в ожидающем его прославлении, не известном на севере: его воспевали поэты и гуманисты. Исход такой борьбы уже рассматривается не как суд Божий, а как победа личности; для зрителей же это - завершение волнующего пари и удовлетворение чести войска или нации.

Само собой разумеется, что такое рациональное отношение к проблемам войны при известных обстоятельствах сменялось ужасными злодеяниями, не связанными даже с политической ненавистью, а представляющими собой просто реализацию обещанного разграбления. После сорокадневного разорения Пьяченцы (1447 г.), которое Сфорца вынужден был разрешить своим солдатам, город был длительное время пуст и

его пришлось заселять насильственно¹⁹⁷. Однако все это не идет ни в какое сравнение с теми бедствиями, которые претерпела Италия от чужеземных войск, особенно от испанцев; в них, может быть, из-за примеси незападной крови или привычки к исполнению приговоров инквизиции пробудилась дьявольская сторона природы. Тому, кто познакомился с их ужасными злодеяниями в Прато, Риме и т. д., трудно впоследствии проявлять интерес к Фердинанду Католику^{131*} и Карлу V как к явлениям духовного порядка. Они знали, что представляют собой их орды, и все-таки дали им волю. Акты их кабинетов, постепенно появляющиеся на свет, могут представлять собой важнейшие документы, но живую политическую мысль никто не станет искать в бумагах таких правителей.

* * *

Папства и Папской области¹⁹⁸ как совершенно исключительного образования мы до сих пор при установлении характера итальянских государств вообще касались лишь попутно. Именно того, что представляет интерес в итальянских государствах, сознательного увеличения и концентрации средств власти, в Папской области было меньше всего, ибо здесь духовная сила непрерывно помогает и заменяет недостаточное развитие светской. Какие испытания выдержало конституированное таким образом государство в XIV - начале XV веков! Когда резиденция папы была переведена на юг Франции (Авиньонское пленение^{132*}), сначала все вышло из колеи; но у Авиньона были деньги, войска и крупный государственный и военный деятель, который вновь подчинил папское государство, испанец Альборнос^{133*}. Еще большей была опасность полного распада, когда к этому добавилась схизма, и ни римский, ни авиньонский папа не были достаточно богаты, чтобы вновь подчинить себе потерянное государство; однако после восстановления церковного единства это удалось совершить в понтификат Мартина V^{134*}, и еще раз, после того как в понтификат Евгения IV^{135**} опасность возобновилась. Однако папское государство было и оставалось полной аномалией среди государств Италии; в Риме и в окрестностях Рима против папы выступали знатные семьи Колонна, Савелли, Орсини, Ангвиллара и другие; в Умбрии, в Марке^{136*} и в Романье теперь почти не было тех городских республик, которым папство некогда было столь мало благодарно за их преданность, зато существовало множество крупных и мелких княжеских домов, послушание и вассальная

верность которых не многого стоили. В качестве особых, основанных на собственной силе династий они имели собственные интересы; о важнейших из них было уже сказано выше (с. 24 сл., 35 сл.).

Нам надлежит все-таки уделить некоторое внимание и Папскому государству как некоему целому. Начиная с середины XV в., его ждут новые кризисы и опасности, поскольку политика итальянских государств с разных сторон направлена на то, чтобы овладеть им и перевести в сферу своих интересов. Меньшие опасности такого рода приходят извне или от народа, источником больших являются сами папы.

Заальпийские страны могут сначала остаться вне нашего рассмотрения. Когда папству грозила смертельная опасность, ни Франция в правление Людовика XI, ни Англия в период начала войны Алой и Белой розы, ни тогда полностью расшатанная Испания, ни обманутая в своих надеждах на Базельский собор Германия не оказали и не могли оказать ему никакой помощи. В самой Италии же было известное число образованных, впрочем, и необразованных, людей, для которых предметом своего рода национальной гордости было то, что папство принадлежит Италии, очень многие были заинтересованы в том, чтобы это осталось без изменения, многие еще верили в силу папского рукоположения и благословения¹⁹⁹, в том числе и преступники, подобные Вителлоццо Вителли, молившего Александра VI об отпущении грехов, когда сын папы^{137*} приказал его удавить²⁰⁰. Однако все это не спасло бы папство перед лицом действительно решительных противников, которые сумели бы использовать существовавшие ненависть и зависть.

При столь незначительной надежде на помощь извне самые страшные опасности возникают в самом папстве. Уже по одному тому, что папы жили и действовали в духе светских правителей итальянских княжеств, они должны были познакомиться и с их мрачными сторонами; но их своеобразная природа еще дополнила это особыми темными моментами.

Что касается города Рима, то с давних пор было принято делать вид, что происходящих в нем волнений не нужно опасаться, так как ряд изгнанных народным мятежом пап возвращался, и римляне в собственных интересах должны были желать присутствия курии. Однако в Риме не только время от времени возникал специфический антипапский радикализм²⁰¹, но в самых опасных мятежах заметны были и тайные действия внешних сил. Так случилось и при заговоре Стефано Поркари против того папы, который предоставил городу Риму наибольшие

преимущества, против Николая V (1453 г.). Целью Поркари было уничтожение папской власти вообще; у него было много сообщников, которые, правда, не называются²⁰², но их несомненно следует искать в итальянских правительствах. В тот же понтификат Лоренцо Валла закончил свою знаменитую декларацию против дара Константина^{138*} пожеланием скорой секуляризации Папского государства²⁰³.

Банда последователей Катилины, с которой приходилось бороться Пию II (1459 г.)²⁰⁴, также не скрывала, что ее целью является падение господства священства в целом, и их главный предводитель Тибурцио обвинял прорицателей в том, что они неправильно предсказали ему выполнение его желания именно в этом году. Об их планах знали и их поддерживали некоторые римские аристократы, герцог Тарентский и кондотьер Джакопо Пиччинино. А если принять во внимание, какая добыча ждала их во дворцах богатых прелатов (они прежде всего имели в виду кардинала Аквилеи), то приходится скорее удивляться тому, что в почти не охраняемом городе такие попытки не совершались чаще и успешнее. Не случайно Пий II предпочитал, чтобы его резиденция была где угодно, только не в Риме, и еще Павел II^{139*} испытал (1468 г.) сильный страх из-за действительного или мнимого мятежа такого рода²⁰⁵. Перед папами стоял выбор: либо быть побежденными в результате подобного нападения, либо силой усмирить партии аристократов, под защитой которых формировались такие банды разбойников.

Эту задачу поставил перед собой ужасный Сикст IV. Впервые в его почти полной власти был Рим и окрестности, особенно после преследования дома Колонна, что и позволяло ему действовать столь независимо в решении вопросов понтификата и всей политики Италии, презируя жалобы и угрозы собора и всего Запада. Необходимые денежные средства он извлекал из переходящей все мыслимые границы симонии, которая распространялась на возведение в сан кардиналов и на предоставление мельчайших милостей и пожалований²⁰⁶. Сам Сикст обрел папское достоинство не без подкупа.

Такая всеобщая продажность могла иметь дурные последствия для римского престола, но до этого было еще далеко. Иначе обстояло дело с nepотизмом, который одно время угрожал самому понтификату. Из всех nepотов наибольшим расположением Сикста пользовался сначала кардинал Пьетро Риарио^{140*}, человек, который с недавнего времени занимал воображение всей Италии²⁰⁷, отчасти вследствие своей невероятной роскоши, отчасти благодаря слухам о его безбожии и его

политических планах. В 1473 г. он заключил союз с миланским герцогом Галеаццо Мария, по которому тот должен был стать королем Ломбардии, а его, nepота, снабдить деньгами и войском, чтобы он, вернувшись в Рим, мог занять папский престол. Сикст будто бы добровольно готов был ему его уступить²⁰⁸. Этот план, который привел бы к секуляризации Папской области и к наследованию папского престола, не был осуществлен из-за внезапной смерти Пьетро. Второй nepот, Джироламо Риарио, сохранил принадлежность к светскому сословию и не покушался на понтификат, но с его времени папские nepоты усилили беспорядки в Италии, так как стремились стать во главе большого княжества. Раньше случалось, что папы пытались использовать свое верховное господство (над Неаполем) в пользу своих родственников²⁰⁹, но со времен Каликста III^{141**} это уже было нелегко, и Джироламо Риарио после неудачной попытки подчинить Флоренцию (и кто знает, сколько у него было еще других планов) пришлось удовлетвориться созданием подвластной ему территории в пределах Папского государства. Оправдывалось это тем, что если Рим не предпримет соответствующих мер, Романья с ее князьями и городскими тиранами либо совсем перестанет подчиняться верховному господству папы, либо станет добычей Сфорца и венецианцев. Однако кто мог в те времена и в тех условиях гарантировать, что ставшие суверенными nepоты и их преемники будут сохранять послушание папам, когда те перестанут их интересоваться? Папа подчас не был уверен даже в собственном сыне или племяннике и у него часто возникало искушение заменить nepота своего предшественника собственным. Обратное воздействие всех этих отношений на папство было весьма сомнительного свойства: все средства принуждения, в том числе и духовные, применялись без всякого стеснения для достижения сомнительной цели, которой подчиняли другие цели св. Престола, а когда эта цель после сильных потрясений и при общей ненависти достигалась, то возникала династия, которая была в высшей степени заинтересована в уничтожении папства.

После смерти Сикста Джироламо мог только с большими усилиями и с помощью дома Сфорца (к которому принадлежала его жена) удержать власть над своим полученным посредством интриг княжеством (Форли и Имола). На следующем конклаве (1484 г.), на котором был избран Иннокентий VIII, произошло нечто подобное новой внешней гарантии папства: два кардинала, князья владетельных домов, Джованни д'Арагона, сын короля Ферранте, и Асквнио Сфорца, брат Моро, бесстыдно продали обещание по-

мочь за деньги и сан²¹⁰. Таким образом, владетельные дома Неаполя и Милана теперь были вследствие участия в доходах заинтересованы в сохранении папства. На следующем конклаве, на котором все кардиналы, кроме пяти, были подкуплены, Асканио получил огромные взятки и сохранил надежду²¹¹, что на следующем конклаве будет избран папой.

Лоренцо Великолепный также хотел, чтобы дом Медичи не остался ни с чем. Он выдал свою дочь Маддалену за сына нового папы, Франческетто Чибо, и ждал не только всевозможных милостей для своего сына кардинала Джованни (будущего Льва X), но и быстрого возвышения своего зятя²¹². Однако в последнем случае он требовал невозможного. Для Иннокентия VIII не могло быть и речи о дерзком, стремящемся создать государство непотизме, потому что Франческетто был ничтожным человеком, которого, как и его отца, интересовало только наслаждение властью в самом примитивном смысле, а именно приобретение больших денег²¹³. То, как отец и сын добивались этого, должно было в конце концов привести к полной катастрофе, к распаду государства.

Если Сикст доставал деньги продажей индульгенций и санов, то Иннокентий и его сын создали банк светских прощений, где за высокие таксы можно было получить отпущение грехов, таких, как грабёж и убийство. С каждого покаяния 150 дукатов шли в папскую казну, а все сверх этого - Франческетто. В последние годы этого понтификата Рим был полон протезируемых и непротезируемыми убийцами; партии, подчинения которых начал добиваться Сикст, теперь вновь прочно утвердились. Папе в хорошо охраняемом Ватикане достаточно было расставлять кое-где западни, в которые должны были попасть способные внести выкуп преступники. Для Франческетто же существовала только одна проблема: как ему после смерти папы бежать с достаточно большой суммой денег. Однажды при ложном сообщении о смерти папы (1490 г.) он выдал себя: он пытался захватить все наличные деньги и сокровища церкви, а когда ему в этом воспрепятствовали, потребовал, чтобы с ним отпустили по крайней мере турецкого принца Джема, живой капитал, ибо его можно было передать за высокую цену Ферранте Неаполитанскому²¹⁴.

Трудно, конечно, предвидеть политические возможности давно прошедших времен; однако невольно напрашивается вопрос, выдержал бы Рим еще два, три таких понтификата? Также и перед лицом богобоязненной Европы неразумно было давать ситуации заходить настолько далеко, что не только пу-

тешественники и пилигримы, но даже посольство короля Германии Максимилиана было недалеко от Рима ограблено до нитки, и некоторые послы возвращались, так и не доехав до Рима.

Подобное положение не соответствовало понятию обладания властью, присущему высокоталантивому Александру VI (1492-1503 гг.), и он прежде всего восстановил общественную безопасность и точную выплату всех причитающихся наемникам денег.

Строго говоря, здесь, где речь идет об итальянских формах культуры, этот понтификат можно было бы не рассматривать, ибо Борджа столь же не являются итальянцами, как и неаполитанский дом. Александр публично говорит с Чезаре по-испански, Лукрецию¹⁴²¹ в испанском наряде во время приема в Ферраре воспевают испанские буффоны; доверенные слуги - испанцы, так же, как и пресловутое воинство Чезаре в войне 1500 г., и даже палач - испанец. Дон Микелетто и отравитель Себастьян Пинсон, по-видимому, испанцы. При всех своих многочисленных занятиях Чезаре как-то убивает в закрытом помещении шесть диких быков по всем правилам испанской корриды. Однако коррупцию, которую возглавляет эта семья, она нашла в Риме уже очень развитой.

Каковы были ее представители и что они сделали, часто и подробно описывалось. Их ближайшей целью, которой они и достигли, было полное подчинение Папского государства - все²¹⁶ мелкие правители, преимущественно более или менее строптивые вассалы церкви, были изгнаны или уничтожены, а в самом Риме повергнуты в прах обе большие партии, мнимые гвельфы Орсини и мнимые гибеллины Колонна. Но применяемые средства были настолько страшны, что последствия их неминуемо уничтожили бы папство, если бы неожиданное событие (одновременное отравление отца и сына) внезапно не изменило положение вещей.

Александр мог не обращать особого внимания на моральное возмущение Запада; находящийся вблизи он заставлял испытывать страх и оказывать ему почтение; правителей других стран он сумел привлечь на свою сторону, Людовик XII даже всемерно помогал ему; что же касается населения, то оно вообще не знало, что происходило в Центральной Италии. Единственный действительно опасный момент, когда Карл VIII находился вблизи, неожиданно благополучно миновал; впрочем, и тогда речь шла не о папстве как таковом²¹⁶, а о замене Александра лучшим папой. Наибольшую постоянную и увеличивающуюся опасность для понтификата представляли собой сам Александр и прежде всего его сын Чезаре Борджа.

В отце жажда власти, алчность и сладострастие соединялись с сильной и талантливой натурой. Он полностью с первых дней наслаждался властью и роскошью. В средствах для этого он был совершенно неразборчив; не вызывало сомнения, что принесенные им для избрания в папы жертвы он возместит с лихвой²¹⁷ и что симония при покупке должностей будет значительно превзойдена симонией при их продаже. К этому добавлялось, что Александр вследствие занимаемых им раньше должностей вице-канцлера^{143*} и других был лучше осведомлен о возможных источниках денежных поступлений и умел их использовать лучше, чем любой другой член курии. Уже в 1494 г. кармелит Адамо из Генуи, читавший в Риме проповеди против симонии, был найден убитым тридцатью ударами ножа в своей кровати. Александр не возводил в сан ни одного кардинала, не уплатившего ему крупных сумм.

Когда же папа со временем подчинился власти сына, средства насилия приняли подлинно сатанинский характер, который неизбежно оказывал обратное действие и на цели. То, что совершалось по отношению к римским аристократам и династам Романьи, превзошло по вероломству и жестокости даже то, к чему, например, арагонцы Неаполя уже приучили мир, превзошло оно все известное до сих пор и по способности обманывать. Ужасен способ, посредством которого Чезаре изолирует отца, убив брата, зятя, других родных и придворных, как только ему становится неудобным расположение к ним папы или вообще их поведение. Александру пришлось дать согласие²¹⁸ на убийство своего любимого сына, герцога Кандийского, так как сам он дрожал перед Чезаре.

Но каковы же были сокровенные планы Чезаре? Еще в последние месяцы его господства, после того как он только что убил кондотьеров в Синигалье и фактически стал властелином папского государства (1503 г.), в его присутствии скромно говорили: герцог хочет лишь подчинить партии и тиранов, и все это для пользы церкви; сам он удовлетворится только Романьей, при этом он может быть уверен в благодарности всех последующих пап, поскольку он убрал с их пути Орсини и Колонна²¹⁹. Но никто не считал это его последним желанием.

Папа Александр пошел несколько дальше в разговоре с венецианским послом, поручая своего сына покровительству Венеции: «Я позабочусь, - сказал он, - о том, чтобы когда-нибудь папский престол перешел либо к нему, либо к вашей республике»²²⁰. Чезаре же к этому добавил: пусть папой станет тот, кого

хочет видеть таковым Венеция, а для этого венецианские кардиналы только должны действовать единодушно.

Имел ли он при этом в виду себя, сказать трудно. Во всяком случае слова отца достаточно свидетельствуют о желании Чезаре занять папский престол. Несколько больше мы узнаем косвенным путем от Лукреции Борджа, ибо ряд мест в стихах Эрколе Строцци¹⁴⁴ можно считать отзвуком ее высказываний, которые она в качестве герцогини Феррары могла себе позволить. Сначала и она говорит о надежде Чезаре занять папский престол²²¹, однако вместе с тем в ее словах сквозит намек на его надежду получить власть над всей Италией²²², в конце содержится намек и на величественные планы Чезаре в качестве светского властителя - именно поэтому некогда он отказался от шапки кардинала²²³.

В самом деле не может быть сомнения в том, что Чезаре, независимо от того, изберут ли его папой или нет после смерти Александра, намеревался любой ценой сохранить власть над папским государством, но после всех его деяний он вряд ли мог бы в качестве папы длительное время эту власть сохранять. Именно он секуляризировал бы папское государство²²⁴ - он вынужден был бы это сделать, чтобы продолжать господствовать над ним. Если мы не ошибаемся, то это является существенной причиной тайной симпатии, испытываемой Макиавелли к великому преступнику; только Чезаре и никто другой сможет, как он надеялся, «выдернуть железо из раны», т. е. уничтожить папство, источник всех нашествий и раздробления Италии. - Интриганов, которые думали, что понимают замыслы Чезаре и указывали ему на возможность овладеть Тосканским королевством, он с презрением удалил²²⁶.

Однако делать выводы из его посылок - тщетное занятие не вследствие его особой демонической гениальности, которой он так же не обладал, как, например, герцог Фридрихландский, потому что применяемые им средства вообще не свидетельствуют о последовательных действиях. Быть может, в чрезмерности зла для папства снова могла открыться возможность спасения и без той случайности, которая положила конец его господству.

Даже если считать, что уничтожение всех мелких властителей в папском государстве вызвало сочувствие к Чезаре, даже если исходить из того, что следовавшее в 1503 г. за ним войско - лучшие солдаты и офицеры Италии с Леонардо да Винчи в качестве главного инженера - является доказательством его великих планов, то другие его действия явно относятся к области иррационального, и мы впадаем в своем суждении в такое

же недоумение, как его современники. К этому относятся прежде всего разорение и жестокости в захваченных государствах²²⁶, которые Чезаре хотел сохранить за собой и над которыми он хотел господствовать.

Таково было состояние Рима и курии в последние годы понтификата Александра. Составляли ли отец и сын подлинные проскрипционные списки²²⁷ или решения об убийстве принимались в каждом данном случае, - несомненно, что Борджа ставили своей целью тайное уничтожение всех, кто так или иначе стоял на их пути или владения которых их привлекали. Капиталы и движимое имущество были наименьшими приобретениями; значительно доходнее для папы было прекращение выплаты рент духовным лицам и получение доходов с освободившихся кафедр, а также плата за их замещение. Венецианский посол Паоло Капелло²²⁸ в 1500 г. сообщает: «В Риме каждую ночь находят четверых-пятерых убитых, епископов, прелатов и других, так что все жители Рима дрожат, опасаясь быть убитыми герцогом (Чезаре)». Сам он по ночам проходит со своей стражей по улицам запуганного города²²⁹, и есть все основания считать, - не только потому, что он, подобно Тиберию, не хотел показывать при свете дня свое ставшее ужасным лицо, а чтобы удовлетворить свою бешеную страсть к убийству, пусть даже совершенно незнакомых ему людей. Уже в 1499 г. отчаяние, вызванное этим, было столь велико и всеобщее, что народ напал на многих папских гвардейцев и убивал их²³⁰. Те же, кто оказывался недоступным открытому насилию Борджа, погибали от яда.

В случаях, требовавших осторожности, употребляли белоснежный, приятный на вкус порошок²³¹, который действовал не молниеносно, а постепенно, и мог быть подмешан к любой еде или питью. Уже принцу Джему он был подмешан в сладком напитке, до того как Александр передал его Карлу VIII (1495 г.); в конце же своего жизненного пути этим ядом отравились отец и сын, выпив по ошибке вино, предназначенное для богатого кардинала. Официальный составитель эпитафий в Ватикане, Онуфриво Панвинио¹⁴⁶⁺²³², называет трех кардиналов, отравленных по приказанию Александра (Орсини, Феррерио и Микиэль), и указывает на четвертого, ответственность за смерть которого несет Чезаре (Джованни Борджа); впрочем, в те годы смерть богатых прелатов в Риме почти всегда вызывала подобные подозрения. Даже мирных ученых, удалявшихся в провинциальный город, настигал безжалостный яд. Вокруг папы начали происходить пугающие явления: удары молнии, ураганы, сотрясавшие

стены и жилища, случались и раньше и ввергали жителей Рима в ужас, но когда в 1500 г.²³³ они стали повторяться часто, в них увидели вмешательство дьявола («cosa diabolica»).

Слух об этих событиях стал, наконец, распространяться в разных странах вследствие пребывания в Риме многих посетителей во время юбилея²³⁴ 1500 года; бесстыдная эксплуатация отпущения грехов без сомнения оказала свое действие, приводя к тому, что все взоры обратились на Рим²³⁵. Кроме возвращающихся пилигримов на Севере появились странные, одетые в белое грешники из Италии и среди них беженцы из папского государства, которые не умолчали о происходившем в Риме. Но как можно определить, какой силы должно было достигнуть негодование Запада, чтобы стать действительно опасным для Александра. «Он уничтожил бы, - говорит Панвинио²³⁶, - и еще оставшихся богатых кардиналов и прелатов, чтобы унаследовать их владения, если бы он в разгар своих планов о возвеличении сына не умер». А что только не совершил бы Чезаре, если бы сам не оказался смертельно болен, когда смерть настигла его отца? Каким был бы конклав, если бы Чезаре заставил сокращенную с помощью яда коллегия кардиналов, пользуясь имеющимися у него средствами, выбрать его папой, к тому же тогда, когда вблизи не было французской армии? Воображения не хватает, чтобы проследить возможные гипотезы такого рода.

Вместо этого выбрали Пия III, а после вскоре наступившей его смерти, под влиянием общей реакции - Юлия II.

Каковы бы ни были личные черты Юлия II, он в ряде существенных отношений явился спасителем папства. Знание о ходе вещей при всех понтификатах, начиная с понтификата его дяди Сикста, позволило ему глубоко проникнуть в подлинные основы и условия папской власти; в соответствии с этим он и построил свою деятельность, посвятив ей всю силу и страстность своей непоколебимой души. Не обращаясь к симонии, он с общего одобрения занял престол св. Петра, и с этого момента полностью прекратилась, по крайней мере явная, торговля высшими церковными должностями.

У Юлия были фавориты, среди них и очень недостойные, однако в nepотизме он был неповинен, благодаря особому везению: его брат, Джованни делла Ровере^{146*}, был мужем наследницы Урбино, сестры последнего Монтефельтро, Гвидобальдо, и от этого брака произошел родившийся в 1491 г. Франческо Мария делла Ровере, который был одновременно законным наследником герцогства Урбино и папским nepотом. Все осталь-

ное, приобретенное Юлием лично или в походах, он с высокой гордостью подчинял церкви, а не своему дому; Папское государство, которое он нашел в полном распаде, он оставил, полностью подчинив и увеличив его за счет Пармы и Пьяченцы. Не его вина, что и Феррара не отошла к церкви. 700 000 дукатов, которые он постоянно хранил в церкви св. Ангела, после его смерти кастелян должен был передать будущему папе. Он наследовал кардиналам, даже всем духовным лицам, умершим в Риме, причем с достаточным постоянством²³⁷, но он никого не отравлял и не убивал. То, что он сам участвовал в военных действиях, было для него неизбежным и скорее приносило ему пользу в Италии в то время, когда человек должен был быть либо молотом, либо наковальней и личность оказывала большее воздействие, чем обретенное право.

Если он, несмотря на свои громогласные заявления: «Вон, варвары!», тем не менее больше всех способствовал тому, что испанцы утвердились в Италии, то для папства это было безразлично, даже отчасти выгодно. И разве от испанского престола не следовало ждать наибольшего уважения к церкви²³⁸, тогда как итальянские правители, быть может, лелеяли лишь кощунственные мысли о ней?

Как бы то ни было, но этот оригинальный человек, неспособный подавить гнев и не скрывавший действительное расположение, производил в высшей степени желаемое впечатление грозного папы («pontifice terribile»)¹⁴⁷. Он мог даже с относительно чистой совестью решиться созвать собор в Риме, противопоставив это выступлению всей европейской оппозиции против соборов. Подобный властитель нуждался и в величественном внешнем символе его правления. Юлий нашел его в создании храма св. Петра. Его план, задуманный Браманте, может, пожалуй, служить величайшим выражением единовластия вообще. Но и в других областях искусства продолжает жить память об этом папе и его образ, и не случайно латинская поэзия того времени с большей пылкостью воспевала Юлия, нежели его предшественников. Описание вступления в Болонью в конце сочинения кардинала Адриано да Корнето¹⁴⁸, «Iter Julii secundi» («Путь Юлия II») отличается особенно торжественным тоном, а Джованн Антонио Фламинио¹⁴⁹ воззвал в одной из своих лучших элегий²³⁹ к папе-патриоту с просьбой о защите Италии.

На Латеранском соборе Юлий строжайшим постановлением²⁴⁰ запретил симонию при избрании папы. После его смерти (1513 г.) жадные кардиналы пытались обойти это запрещение, предложив,

чтобы приходы и должности избираемого были бы равномерно распределены между ними; в этом случае они избрали бы наиболее богатого кардинала (совершенно непригодного Рафаэле Риарио)²⁴¹. Однако противодействие преимущественно более молодых членов св. Коллегии, желавших избрать либерального папу, помешало осуществить эту недостойную комбинацию и избран был Джованни Медичи, знаменитый Лев X.

Мы еще не раз вернемся к нему, когда речь будет идти о Высоком Возрождении: здесь следует лишь указать на то, что в его понтификат папство вновь подверглось серьезным внутренним и внешним опасностям. К ним не следует относить заговор кардиналов Петруччи, Саули, Риарио и Корнето, ибо последствием его могла быть только смена лиц, занимающих определенные должности; к тому же Лев удачно применил противодействующее этому средство, назначив неслыханное число - 31^{160*} - новых кардиналов, причем эта мера произвела хорошее впечатление, потому что в ряде случаев вознаграждала за подлинные заслуги²⁴².

Очень опасны были, однако, те пути, на которые Лев вступил в первые два года своего понтификата. Посредством вполне серьезных переговоров он пытался предоставить своему брату Джулиано Неаполитанское королевство, а своему племяннику Лоренцо - большие владения в Северной Италии, в которые входили бы Милан, Тоскана, Урбино и Феррара²⁴³. Совершенно ясно, что Папское государство стало бы в таком обрамлении апанажем дома Медичи и его даже незачем было бы секуляризировать. Различные политические причины помешали осуществлению этого плана: Джулиано вовремя умер; чтобы предоставить что-либо Лоренцо, Лев решился на изгнание урбинского герцога Франческо Мария делла Ровере, и эта война принесла ему безграничную ненависть и бедность, а когда Лоренцо в 1519 г. умер²⁴⁴, все добытое с таким трудом перешло церкви. Бесславно и вынужденно он совершил таким образом то, что, будучи совершенно добровольно, принесло бы ему вечную славу. Его попытки, направленные против Альфонса Феррарского, и осуществление некоторых планов, затрагивавших ряд мелких тиранов и кондотьеров, отнюдь не подняли его репутацию.

И все это в то время, когда правители Запада год за годом привыкали к колоссальной политической игре, ставкой и выигрышем в которой всегда была та или иная область Италии²⁴⁶. Кто мог бы поручиться, что вслед за огромным увеличением их могущества за последние десятилетия они не распространят свои вож-

деления и на Папское государство? Еще при жизни Льва произошел пролог того, что было затем осуществлено в 1527 г. В конце 1520 г. несколько отрядов испанской пехоты появились - как будто по собственному побуждению - на границах Папского государства, просто чтобы получить с папы выкуп²⁴⁶; однако они были отогнаны отрядами папы. Общественное мнение против коррупции церковной иерархии приняло в последнее время более определенное выражение, и проникательные люди, как, например, младший Пико делла Мирандола²⁴⁷, настойчиво призывали к реформам. Тем временем выступил Лютер.

В понтификат Адриана VI^{151*} (1521-1523 гг.) немногие робкие реформы уже запоздали перед лицом мощного движения в Германии. Адриан мог лишь высказывать свое отвращение к предыдущим привычкам, к симонии, nepотизму, расточительству, бандитизму и безнравственности. Опасность лютеранства даже не воспринималась здесь как самая страшная опасность; лишь проникательный венецианский наблюдатель, Джироламо Негро, высказывает предвидение близкой, страшной беды для Рима²⁴⁸.

В понтификат Климента VII^{162*} весь горизонт Рима затянуло туманом, подобным той серо-желтой завесе сирокко, который иногда делает там такими вредоносными поздние месяцы лета. Папу ненавидят как в непосредственной близости, так и в отдалении; в то время как недовольство мыслящих людей растет²⁴⁹, на улицах и площадях появляются проповедующие отшельники, которые предсказывают гибель Италии, даже мира, и называют папу Климента Антихристом²⁵⁰; партия дома Колонна вновь поднимает голову; неукротимый кардинал Помпео Колонна^{153*}, одно существование²⁵¹ которого уже является постоянным мучением для папы, решается напасть на Рим (1526 г.), надеясь с помощью Карла V стать папой, как только Климент умрет или будет взят в плен. Для Рима не было удачей, что Клименту удалось бежать в замок св. Ангела; но судьба, которая его ждала, была хуже смерти.

Посредством ряда обманов того типа, которые позволительны только сильным и губительны для слабых, Климент способствовал походу в Италию испанско-немецкого войска под водительством Бурбона^{164*} и Фрундсберга^{156*} (1527 г.). Несомненно²⁵², что Карл V замыслил серьезно покарать Рим, но не мог заранее предположить, до чего дойдут в своем рвении его не получившие оплаты орды. Собрать армию почти что без денег было бы в Германии невозможно, если бы не было известно, что она идет в поход на Рим. Быть может, где-нибудь будут обнаруже-

ны письменные поручения Бурбону на случай того или иного развития событий, причем написанные в достаточно мягкой форме, но историки не дадут обмануть себя этим. Католический король и император обязан только счастливой случайности, что его люди не убили папу и кардиналов. Случись это, никакая софистика не могла бы объявить его невиновным в этом. Убийства бесчисленных мелких людей и вымогательства с помощью пыток и работорговли показывают достаточно убедительно, что было вообще возможно при «sacco di Roma»^{150*}.

Папу, вновь бежавшего в замок св. Ангела, Карл V хотел, даже получив огромный выкуп, передать в Неаполь, и бегство Климента в Орвието произошло, по-видимому, без всякого соглашения с испанцами²⁵³.

Помышлял ли Карл о секуляризации папской области (чего ждал весь мир²⁶⁴), действительно ли его отговорил от этого Генрих VIII Английский^{167*}, останется навсегда тайной.

Но если такое намерение и было, оно сохранялось недолго. В опустошенном Риме проснулся дух церковной и светской реставрации. Это сразу же ощутил, например, Садолето^{255 158*} «Если наши страдания, - пишет он, - умилоствовали гнев и строгость Божий, если эти страшные наказания вновь откроют нам путь к лучшим нравам и законам, тогда наше несчастье еще, быть может, не столь велико... Пусть о Божьем заботится Бог, мы же видим перед собой жизнь, ведущую к нашему совершенствованию, и ее у нас не отнимет никакая сила оружия; направим же наши дела и мысли на то, чтобы искать подлинный блеск священства и наше подлинное величие и мощь в Боге».

В самом деле этот критический 1527 год значил много, серьезные голоса стали вновь слышны. Рим слишком много страдал, чтобы даже при Павле III не стать вновь веселым, в корне испорченным Римом времени Льва X.

К страдающему папству сразу же проявились симпатии как политические, так и церковные. Короли не могли допустить, чтобы один из них притязал на роль тюремщика папы, и заключили для его освобождения Амьенский мир (18 августа 1527 г.). Они использовали для этого в своих целях неприязнь, вызванную действиями императорского войска. Одновременно император оказался в Испании в затруднительном положении, ибо его прелаты и гранды выражали ему решительный протест при каждой встрече с ним. Когда стало известно о предстоящем посещении его духовными и светскими лицами в траурной одежде, Карл ощутил беспокойство,

что это может привести к столь же опасным последствиям, как усмиренное несколько лет тому назад восстание комунерос^{159*}, и отменил это собрание²⁶⁶. Он не только не посмел продолжать свое дерзкое обращение с папой, но и, независимо от всякой внешней политики, был вынужден примириться с жестоко обиженным им папой. Настроение в Германии, которое указывало ему иной путь, он также не принял во внимание, как и ситуацию в Германии вообще.

Возможно, что, как утверждает один венецианец, его мучила совесть при мысли о разграблении Рима²⁶⁷, что ускорило искупление, подкрепленное подчинением флорентийцев папскому дому, дому Медичи. Непот и новый герцог, Алессандро Медичи, вступил в брак с незаконной дочерью императора^{160*}.

Впоследствии Карл благодаря идее собора сохранил в значительной степени власть над папством и мог его одновременно притеснять и защищать. Но страшная опасность, секуляризация, в частности грозящая изнутри как следствие действий пап и их nepотов, была устранена на века благодаря немецкой Реформации.

Также, как именно Реформация обусловила возможность и успех похода на Рим (1527 г.), она вынудила папство стать выражением духовной мировой мощи, возглавить всех ее противников и подняться из «состояния упадка к пониманию фактических отношений». Во времена Климента VII, Павла III, Павла IV^{161*} и их преемников вместе с отпадением от католической церкви половины Европы постепенно складывается совершенно новая возрожденная иерархия, устраняющая все опасности в собственном доме, особенно nepотизм как средство основания государства²⁵⁸, и в союзе с католическими князьями, преисполненная новым духовным импульсом, она видит свое главное дело в восстановлении утраченного. Она может быть понята только в противоположении к отпавшим от нее. В этом смысле можно с полным основанием сказать, что папство в моральном отношении было спасено своими смертельными врагами. Упрочилось и его политическое положение, став неприкосновенным, правда, под надзором Испании; почти без усилий оно наследовало после смерти своих вассалов (легитимной линии дома д'Эсте и делла Ровере) герцогства Феррару и Урбино^{162*}. Не будь Реформации, - если это вообще можно себе представить, - все Папское государство, вероятно, давно уже перешло бы к светским властителям.

В заключение остановимся вкратце на воздействии сложившейся политической ситуации на дух итальянской нации в целом.

Совершенно очевидно, что общая политическая неустойчивость в Италии XIV и XV вв. должна была вызвать у людей более благородных по своему складу патриотическое недовольство и противостояние. Уже Данте и Петрарка²⁵⁹ провозглашают идею единой Италии, на реализацию которой должны быть направлены все высокие стремления. Можно, конечно, возражать, что это лишь энтузиазм отдельных высокообразованных людей, о котором нация в своей массе ничего не ведала, но и в Германии тогда дело вряд ли обстояло иначе, несмотря на то что она, по крайней мере по своему имени, обладала единством и признанным верховным властителем, императором. Первое громкое прославление Германии в литературе (за исключением нескольких стихов миннезингеров) принадлежит гуманистам времени Максимилиана I²⁶⁰ и кажется иногда эхом итальянских декламаций. И все-таки Германия фактически стала единым народом раньше, причем в совершенно иной степени, чем жители Италии когда-либо со времен римлян.

Франция обязана сознанием единства своего народа борьбе с англичанами, а Испания не смогла даже присоединить родственную ей Португалию. Для Италии существование Папского государства и условия жизни в нем были препятствием для установления единства страны, на устранение которого едва ли можно было надеяться. Если кое-где в политических сношениях эмфатически и упоминается об общем отечестве, то большей частью лишь с целью задеть другое, также итальянское государство²⁶¹. Действительно серьезные, глубоко горестные призывы к национальному чувству раздаются только в XVI в., когда уже было поздно, когда французы и испанцы заняли страну. О местном патриотизме можно сказать, что он выступает вместо этого чувства национального единства, но не заменяет его.

Глава II

Развитие индивидуальности

В устройстве этих государств, как республик, так и тираний, заключается если не единственная, то главная причина раннего превращения итальянцев в людей современного типа. Что итальянец стал первородным сыном в современной Европе, связано с этим.

В средние века обе стороны сознания - обращенного человеком к миру и к своей внутренней жизни - пребывали как бы под неким общим покровом, в грезе и полудремоте. Этот покров был соткан из веры, детской робости и иллюзии; сквозь него мир и история представляли в странной окраске, а человек познавал себя только как часть расы, народа, партии, корпорации, семьи или какой-либо другой формы общности. В Италии этот покров впервые развеивается; пробуждается *объективное* видение государства и *объективное* к нему отношение, как и ко всему миру вообще; вместе с этим с полной силой заявляет о себе *субъективное* начало, человек становится духовным *индивидом*¹ и познает себя таковым. Так некогда возвысились греки над варварами, арабы как индивиды - над другими жителями Азии как людьми расы. Нетрудно доказать, что большую роль в этом играли политические условия.

Уже значительно раньше кое-где намечалось развитие самодовлеющей личности, на севере в это время либо неизвестной либо принимающей другие формы. Группа решительно настроенных отступников X века, описанная Лиутпрандом^{163*}, некоторые современники Григория VII^{164*} (достаточно прочесть Бенцо из Альбы^{166*}), ряд противников Гогенштауфенов проявляют такие свойства. С конца XIII века в Италии уже множество тех, кого можно считать личностями; оковы, в которые была заключена индивидуальность, сломлены; безграничной становится деятельность людей в различных сферах. Великое творение Данте было бы невозможно в любой другой стране; для

Италии великий поэт уже в силу ярко выраженной индивидуальности стал национальным герольдом своего времени. Однако изображение всего богатства человеческих черт в литературе и искусстве, многообразная их характеристика будет дана в других разделах; здесь речь пойдет только о психологическом факте как таковом. Этот факт выступает в истории во всей своей целостности и решительности; Италии XIV века неведомы ложная скромность и лицемерие, никто не боится быть и казаться иным², чем другие.

Прежде всего тирания в высшей степени способствовала развитию индивидуальности самого тирана, кондотьера³, затем тех, кому он протезировал и талант которых одновременно беспощадно использовал - секретарей, должностных лиц, поэтов, компаньонов. Дух тиранов вынужден был проникать во все свои внутренние источники, как постоянные, так и сиюминутные; их наслаждение жизнью усиливается и концентрируется духовными средствами, чтобы придать наибольшую ценность быть может, лишь краткому времени власти и влияния.

Но и подданные не были лишены такого импульса. Мы остаемся в стороне тех, кто проводил свою жизнь в тайном противостоянии и заговорах, и обратимся только к тем, кто оставался просто частным лицом и удовлетворялся этим, как большинство городских жителей Византийской империи и магометанских государств. Конечно, подданным дома Висконти, например, было часто достаточно трудно сохранять достоинство дома и личности, и нравственному характеру бесчисленного множества их в результате служения тирану был нанесен ущерб. Не столько тому, что называют индивидуальным характером, ибо именно во времена общего политического бессилия сильнее и многообразнее утверждаются различные стороны и стремления частной жизни.

Богатство и образование, в той мере, в какой они могли проявляться и вступать в соревнование, в сочетании со все еще достаточно значительной муниципальной свободой и наличием церкви, не тождественной государству, как в Византии и в исламском мире, - все эти элементы в своей совокупности способствовали, без сомнения, возникновению индивидуального образа мыслей, а отсутствие борьбы партий добавляло необходимый для этого досуг. В тираниях XIV в., вероятно, впервые полностью сформировался тип политически индифферентного человека с его отчасти серьезными, отчасти дилетантскими занятиями. Правда, требовать документальных подтверждений этого невозможно. Авторы новелл, от которых можно было бы

ждать указаний такого рода, дают описание ряда необыкновенных людей, но всегда только односторонне, исходя из определенного намерения и лишь поскольку этого требует рассказываемая история, к тому же сценой им большей частью служат республиканские города.

В республиканских городах условия способствовали иным образом развитию индивидуального характера. Чем чаще господство переходило от одной партии к другой, тем больше от индивида требовалось владеть собой при осуществлении власти и пользовании ею. Так, в истории Флоренции⁴ Государственные деятели и народные вожди являют собой столь несомненно личностное существование, как мало кто в тогдашнем мире, разве что Якоб Артевельде^{166*}.

Члены побежденных партий оказывались часто в положении, сходном с положением подданных тираний с тою лишь разницей, что однажды почувствованная свобода или власть, а, быть может, и надежда вновь их обрести, придавала их индивидуализму особый размах. Именно среди этих людей, не по доброй воле пользующихся досугом, мы обнаруживаем, например, Аньоло Пандольфини^{167*} (1446 г.), чье сочинение «О домоводстве»⁵ является первой программой законченного сложившегося частного существования. Его сопоставление обязанностей индивида и ненадежной, неблагодарной государственной деятельности⁶ может быть названо своего рода истинным памятником времени.

И наконец, изгнание обладает тем свойством, что оно либо полностью уничтожает человека, либо поднимает его на большую высоту. «Во всех наших густо населенных городах, - говорит Джовиано Понтано⁷, - мы видим массу людей, которые добровольно покинули свою родину: добродетели ведь берут всегда с собой». В самом деле, далеко не все из них были формально изгнаны, многие покинули родину добровольно, потому что ее политическое и экономическое состояние стало невыносимым. Выходцы из Флоренции в Ферраре, выходцы из Лукки в Венеции образовали целые колонии.

Космополитизм, развившийся в наиболее тонких по своей духовной природе изгнанниках, представлял собой высшую ступень индивидуализма. Данте находит новую родину, как уже было сказано (с. 56) в языке и культуре Италии, но выходит и за эти пределы, говоря: «Моя родина - весь мир!»⁸. А когда ему предложили вернуться во Флоренцию на недостойных условиях^{168*}, он в своем ответе написал: «Разве я не везде могу видеть свет солнца и звезд? Не могу размышлять о благородней-

ших истинах повсюду, не выступая при этом покрытым позором перед народом и городом? И куска хлеба я также не буду лишен»⁹. С высокой непреклонностью подчеркивают и художники свою свободу от связи с определенной местностью. «Лишь тот, кто всему научился, - говорит Гиберти^{10 169*} - нигде не будет чужеземцем; даже лишившись своего имущества, без друзей, он все-таки гражданин каждого города и может бесстрашно и с презрением относиться к переменам своей судьбы». Подобное же утверждает находящийся в изгнании гуманист: «Где ученый человек поселился, там его добрая родина»¹¹.

При очень обостренном понимании истории культуры, можно было бы, вероятно, шаг за шагом проследить увеличение в XV в. числа широко образованных людей. Ставили ли они перед собой как осознанную и ясно сформулированную цель гармоническое завершение духовного и внешнего существования, сказать трудно; однако многие из них обладали таковым, насколько это вообще возможно при несовершенстве всего земного. Если отказаться от возможности вывести общее заключение в соотношении счастья, одаренности и характера в такой индивидуальности, как Лоренцо Великолепный, то можно обратиться к такой индивидуальности, как Ариосто, главным образом к тому, как он выразил себя в своих сатирах. В какой гармонии здесь находятся гордость человека и поэта, ирония по отношению к собственным наслаждениям, тонкая насмешка и глубокая благожелательность!

В тех случаях, когда импульс к высочайшему развитию личности сочетался с действительно мощной и при этом многосторонней натурой, подчинившей себе все элементы тогдашней образованности, возникал «всесторонний человек», l'uomo universale, который встречается только в Италии. На протяжении всего средневековья в различных странах были люди, обладавшие энциклопедическими знаниями, так как области отдельных наук были близки друг к другу; вплоть до XII в. встречаются и многосторонние художники, ибо проблемы архитектуры были относительно просты и однородны, а в скульптуре и живописи над формой преобладало то, что должно было быть изображено. Напротив, в Италии эпохи Возрождения мы видим отдельных художников, которые создают одновременно во всех областях новое и по-своему совершенное и при этом еще производят величайшее впечатление как личности. Иные многосторонни вне искусства, которым они занимаются, также в чрезвычайной обширной сфере духовности.

Данте, которого уже при жизни одни называли поэтом, дру-

гие философом, третьи теологом¹², источает во всех своих сочинениях полноту покоряющей личной силы, подчиняющей читателя даже независимо от предмета. Какую силу воли предполагает уже непоколебимо равномерная разработка «Божественной комедии». Если же обратиться к содержанию, то вряд ли есть во всем внешнем и духовном мире важный предмет, который бы не был им изучен и сказанное им по поводу которого - часто лишь несколько слов - не было бы важным свидетельством его времени. Для изобразительного искусства он может считаться источником - и это поистине так по причинам куда более существенным, чем несколько строк, посвященных художником того времени; вскоре он стал еще и источником вдохновения¹³.

XV век — прежде всего и преимущественно век многосторонних людей. Нет биографии, в которой не шла бы речь о существенных, выходящих за рамки дилетантизма, дополнительных занятиях описываемого лица. Флорентийский купец и государственный деятель — часто одновременно ученый в области обоих древних языков. Самые знаменитые гуманисты знакомят его и его сыновей с «Политикой» и «Этикой» Аристотеля¹⁴; дочери также получают высокое образование, и вообще зачатки высшего частного воспитания следует искать именно в этой сфере. От гуманиста, в свою очередь, требуется величайшая многосторонность, его знания в области филологии должны служить отнюдь не только, как теперь, объективному ознакомлению с миром классической древности, но и повседневному приращению в реальной жизни. Так, например, наряду с изучением Плиния^{15170*} человек этого времени создает музей экспонатов естественной истории; начиная с географии древних, он приходит к современной ему космографии; следуя образцу их исторических работ, он пишет книги по истории своего времени; в качестве переводчика комедий Плавта он становится и режиссером сценических представлений; он по возможности близко воспроизводит все существенные формы античной литературы вплоть до диалогов Лукиана и наряду с этим выступает как личный секретарь и дипломат, не всегда на благо себе.

Над этими многосторонними людьми возвышаются некоторые люди поистине всесторонние. Прежде чем мы обратимся к рассмотрению отдельных интересов жизни и образования, мы здесь, на пороге XV века, остановимся на одном из этих могущественных людей, на Леоне Баттисте Альберти^{171*}. В его биографии¹⁶ - она не более чем фрагмент - очень мало сказано о нем как художнике, а о его большом значении в истории архи-

тектуры вообще не упоминается, и далее мы увидим, что он представлял собой и вне этой особой славы.

Во всем, что приносит похвалу, Леон Баттиста с детства был первым. О его всесторонних физических упражнениях и гимнастическом искусстве рассказывают невероятное - как он, сомкнув ноги, перепрыгивал через плечи людей, как в соборе он швырял монету вверх так, что можно было слышать звук ее удара о самые высокие своды, как трепетали и дрожали самые дикие лошади, когда он был в седле, - ибо он хотел являться людям совершенным в трех способностях: в движениях, в верховой езде и в искусстве речи. Музыку он изучал без учителя, и тем не менее его композиции вызывали восхищение профессиональных музыкантов. В трудных обстоятельствах он многие годы изучал оба права (церковное и светское. —Ред.), пока тяжело не заболел от переутомления; он в 24 года, почувствовав, что его память ослабла, но способность понимания сохранилась, обратился к физике и математике и одновременно стал изучать все виды умения, существующие в мире, расспрашивая о тайнах ремесла и знакомясь с опытом художников, ученых и ремесленников всех родов, вплоть до сапожников. Параллельно он занимался живописью и моделированием, в частности создавая весьма схожие изображения также по памяти. Особенное восхищение вызывала таинственная панорама¹⁷, в которой демонстрировались то звезды и восход луны над скалистыми горами, то местности, изобилующие горами и бухтами с приближающимся флотом в сиянии солнца или в тени облаков. Но он радостно признавал и созданное другими и вообще рассматривал всякое создание людей, которое следовало закону красоты, едва ли не как нечто божественное¹⁸. К этому присоединялась писательская деятельность, в первую очередь в области искусства, которая дала веги и основные свидетельства для возрождения формы, в частности архитектуры; затем ему принадлежат латинские прозаические сочинения, новеллы и т.п. (некоторые из них сочли античными), а также шуточные застольные речи, элегии и эклоги; итальянское сочинение «О домоводстве» в четырех книгах¹⁹ и даже надгробная речь на смерть своей собаки. Его серьезные и шуточные высказывания были достаточно значительны, чтобы их собрали; примеры их, часто длинной в множество столбцов, сообщаются в названном жизнеописании Альберти. Все, что он имел и знал, он, подобно истинно богатым натурам, сообщал, ничего не скрывая, и дарил свои величайшие открытия. И наконец, сообщается и о глубочайшем источнике его существа - едва ли не нервном,

в высшей степени симпатическом сопереживании всему в мире. При виде прекрасных деревьев и полей он плакал, красивых, достойных старцев он почитал как «блаженство природы» и не уставал взирать на них; и животные совершенного строения вызывали его благосклонность как особо одаренные природой; не раз, будучи больным, он выздоравливал при виде прекрасной местности²⁰. Неудивительно, что, видя, сколь таинственно и глубоко он связан с внешним миром, люди приписывали ему и дар предвидения. Ему приписывали предсказание кровавого кризиса дома д'Эсте, судьбы Флоренции и пап на много лет вперед; в его власти было также проникновение в любой момент в душу человека, физиогномика. Само собой разумеется, что этот человек обладал в высшей степени интенсивной силой воли; подобно величайшим представителям Возрождения, он также говорил: «Люди способны своими силами достигнуть всего, как только они этого захотят».

Леонардо да Винчи относится к Альберти, как завершающий к начинающему, как мастер к дилетанту. Если бы только и в данном случае сочинение Вазари^{172*} было дополнено описанием его личности, как это сделано применительно к Леону Баттисте. Грандиозные контуры личности Леонардо мы обречены навек лишь отдаленно предполагать.

* * *

Описанному до сих пор развитию индивида соответствует и новый вид значимости во внешнем мире: современная слава²¹.

Вне Италии отдельные сословия жили внутри своих рамок, каждое со своим понятием сословной чести. Поэтическая слава трубадуров и миннезингеров, например, существует только для рыцарского сословия. Напротив, в Италии в отношении к тирании или к демократии установилось равенство сословий, проявляются также зачатки общества, находящие опору, как здесь следует заметить, предвосхищая дальнейшее изложение, в итальянской и латинской литературе; такая почва была необходима для развития этого нового элемента жизни. К этому присоединялось то, что римские авторы, которых стали рьяно изучать, были преисполнены и пронизаны понятием славы, и что предмет их - изображение мирового господства Рима - воспринимался в Италии как прямая параллель. Все воление и все свершения итальянцев были преисполнены нравственной предпосылкой, еще не известной другим странам Запада.

Здесь вновь, как и во всех серьезных случаях, следует прежде всего обратиться к Данте. Он всеми силами и всей душой стремился к лаврам поэта²²; в качестве публициста и литератора он также подчеркивает, что достигнутое им - нечто совершенно новое, что он хочет на этой колее не только быть первым, но и называться таковым²³. Однако в своих прозаических произведениях он уже говорит об отрицательных сторонах большой славы; он знает, что при личном знакомстве со знаменитостью многие остаются неудовлетворенными, и объясняет это отчасти детской фантазией людей, отчасти завистью, а отчасти и собственной виной данного человека²⁴. И наконец, в его великом творении твердо выражен его взгляд на ничтожность славы, хотя таким образом, из которого явствует, что его сердце еще не вполне свободно от стремления к ней. В «Рае» сфера Меркурия служит местопребыванием тех блаженных²⁵, которые на Земле стремились к славе и этим нанесли ущерб «лучам любви». Особенно характерно, что бедные души в аду (Inferno) требуют, чтобы Данте вновь пробудил на Земле воспоминание о них, их славу, и не дал забыть о них²⁶, тогда как души в чистилище (Purgatorio) молят лишь о заступничестве²⁷; и в знаменитом месте²⁸ жажда славы, lo gran disio dell'eccelesienza, уже потому порицается, что духовная слава не абсолютна, а зависит от времени и от обстоятельств, так что ее могут превзойти и затмить более великие последователи.

Новое поколение поэтов-филологов, следовавшее за Данте, быстро завоевало славу в двойном смысле: они сами становятся признанными знаменитостями Италии и одновременно в качестве поэтов и историков сознательно распоряжаются славой других. Высшим символом такого рода славы считается коронование поэта, о котором речь пойдет ниже.

Современник Данте, Альбертино Муссато^{173*}, поэт, коронованный в Падуе епископом и ректором, пользовался славой, приближающейся к обожествлению: каждый год на рождество к его дому приходила торжественная процессия докторов и студентов коллегий университета с трубами и, кажется, с горящими свечами, чтобы приветствовать²⁹ и одарить его. Это великопение продолжалось, пока он (в 1318 г.) не впал в немилость правящего тирана из дома Каррара.

Полностью наслаждается новым фимиамом, ранее доступным лишь героям и святым, также Петрарка, убеждая себя в более поздние годы, что все это представляется ему ничтожным и обременительным фактом его жизни. Его «Письмо к потомкам»³⁰ является отчетом старого знаменитого человека,

вынужденного удовлетворить любопытство публики. Он ждет признания славы от потомства, современникам он предпочитает его запретить³¹; в его «Диалогах о счастье и несчастье»³² при обсуждении славы акцент падает на речь противника, доказывающего ее ничтожность. Но можно ли к этому относиться серьезно, если Петрарка радуется тому, что его сочинения известны византийскому самодержцу из Палеологов^{33 174*}, а также императору Карлу IV? И в самом деле, он еще при жизни был известен далеко за пределами Италии.

И разве он не ощутил вполне оправданную растроганность, когда при посещении родного города, Ареццо, друзья повели его в дом, где он родился, и сообщили ему, что город заботится о том, чтобы в доме ничего не менялось!³⁴ До этого почитались и сохранялись только жилища отдельных великих святых, например, келья св. Фомы Аквинского у доминиканцев в Неаполе, *portuincula* (обитель) св. Франциска близ Ассизи; в лучшем случае подобным полумифическим признанием, которое вело к такой чести, пользовались отдельные крупные правоведа; так, народ еще к концу XIV в. называл старое строение в Баньола недалеко от Флоренции «студией» Аккурсио^{176*} (род. около 1150 г.), позволив, впрочем его разрушить³⁶. Высокие доходы и политические связи отдельных юристов (выступавших в качестве консультантов и составителей прошений) надолго порождали воображение людей.

К культу родного дома присоединился и культ гробниц великих людей³⁶; для Петрарки к этому присоединяется также культ места, где он умер; в его честь Арквато стало любимым местом пребывания падуанцев, где были воздвигнуты изящные строения³⁷, - в то время, когда на севере еще долгое время не было «классических мест», а известны были только паломничества в места, где хранились иконы и реликвии. Для городов стало делом чести обладать останками своих или чужих знаменитостей; нельзя не удивляться тому, с какой серьезностью флорентийцы уже в XIV в. - задолго до Санта Кроче - стремились превратить свой собор в пантеон, где Аккурсио, Данте, Петрарке, Боккаччо и юристу Дзаноби делла Страда^{176*} предполагалось воздвигнуть великолепные гробницы³⁸. Еще в XV в. Лоренцо Великолепный лично обратился к жителям Сполето с просьбой уступить ему для собора тело художника фра Филиппе Липпи^{177*}; в ответ было сказано, что у них вообще нет избытка достопримечательностей, а особенно знаменитых людей, и поэтому они просят не принуждать их исполнить его желание; действительно, ему пришлось ограничиться надгробным памят-

ником. Данте также, несмотря на обращения, которыми Боккаччо с горькой эмфазой подстрекал его родной город³⁹, продолжал мирно покоиться в церкви Сан Франческо в Равенне, «между древними гробницами императоров и раками святых, в более почетном обществе, чем то, которое ты, о родина, могла ему предоставить». Случилось, что некий странный человек безнаказанно взял свечи с распятия на алтаре и, поставив их на могилу Данте, сказал: возьми их, ты более достоин их, чем тот - Распятие⁴⁰.

Итальянские города стали вспоминать своих сограждан и жителей города в древнее время. Неаполь, вероятно, никогда совершенно не забывал о гробнице Вергилия, хотя бы потому, что с его именем было связано некое полумифическое представление. Жители Падуи еще в XVI в. считали себя обладателями подлинных останков не только своего основателя троянца Антенора^{178*}, но и Тита Ливия⁴¹. «Сулмона, - говорит Боккаччо⁴², - сетует, что Кассий похоронен вдали в изгнании, Парма радуется, что Кассий покоится в ее стенах». Мантуанцы выпустили в XIV в. монету с бюстом Вергилия и воздвигли статую, которая должна была представлять его; в 1392 г. опекун тогдашнего Гонзага, Карло Малатеста приказал из средневекового юнкерского высокомерия⁴³ сбросить статую, но вынужден был, поскольку слава древнего поэта была сильнее, вернуть ее на прежнее место. Быть может, уже тогда показывали в двух милях от города грот, где, по преданию, предавался размышлениям Вергилий⁴⁴, так же как *Scuola di Virgilio* (школа Вергилия) - город под Неаполем. Комо заявил свои права на обоих Плинийев⁴⁶ и прославил их к концу XV в. двумя сидячими статуями, которые помещались под изящными балдахинами на фасаде собора.

История и возникшая в это время топография стараются не пропустить ничего, служащего славе своей местности, тогда как в хрониках севера лишь кое-где среди перечислений пап, императоров, землетрясений и комет встречается упоминание о том, что в это время «процветал» также тот или иной знаменитый муж. Как произошло под влиянием господства понятия славы развитие замечательной биографической литературы, мы покажем в другой связи, здесь же ограничимся указанием на местный патриотизм топографов, выражавших притязания на славу своего города.

В средние века люди гордились своими святыми и их мощами и реликвиями в церквах⁴⁶. С их перечисления начинается около 1450 г. свое изложение и падуанский панегирик Микеле Са-

вонарола⁴⁷; затем, однако, он переходит к «знаменитым мужам», которые не были святыми, но своим высоким духом и доблестью (*virtus*) заслужили, чтобы их причисляли к святым (*adnec-ti*)» - совершенно так же, как в древности знаменитый человек уподоблялся герою⁴⁸. Дальнейшее перечисление в высшей степени характерно для того времени. Оно начинается с Антенора, брата Приама, основавшего вместе с отрядом бежавших троянцев Падую; потом называются: король Дардан^{179*}, победивший в Эвганийских горах Аттилу^{180*}, преследовавший и затем убивший его в Римини шахматной доской; император Генрих IV¹⁸¹, построивший собор; какой-то король Марк, голова которого хранится в Монселиче.

После них несколько кардиналов и прелатов в качестве основателей приходов, коллегий и церквей; знаменитый теолог фра Альберто, августинец, ряд философов, начиная с Паоло Венето^{182*} и известного всему миру Пьетро из Абано^{183*}; юрист Паоло Падовано; затем Ливии и поэты - Петрарка, Муссато, Ловато^{184*}. Если ощущается недостаток в знаменитых военных деятелях, автор возмещает его учеными, утешаясь большей продолжительностью духовной славы; ведь военная слава часто погребается вместе с телом, а если она сохраняется, то только благодаря ученым. Все-таки честью для города является, если в нем погребены по их собственному желанию знаменитые воины из других городов, как Пьетро де Росси из Пармы^{185*}, Филиппо Арчелли из Пьяченцы^{186**}, и особенно Гаттамелата из Нарни^{187*} (1442 г.), чья бронзовая конная статуя, «подобно торжествующему цезарю» стояла у церкви Санто. После них автор называет множество юристов и медиков, аристократов, которые не как столь многие «получили достоинство рыцарей, но и заслужили его», и наконец, знаменитых механиков, художников и музыкантов. Завершается этот перечень фехтовальщиком, Микеле Россо, изображения которого как знаменитого мастера своего дела можно было видеть во многих местах.

Наряду с такими местными пантеонами, в создании которых использовались мифы, легенды, репутации и удивление народа, поэты-филологи строят общий пантеон мировой славы; они пишут сборники о знаменитых мужчинах, знаменитых женщинах, часто непосредственно следуя Корнелию Непоту, Псевдо-Светонию, Валерию Максиму, Плутарху (*Mulierum virtutes* - Добродетели женщин), Иерониму (*De viris illustribus* - О знаменитых мужах) и т. д. Или они пишут о визионерских триумфальных шествиях и идеальных олимпийских собраниях, как, например, Петрарка в его «*Trionfo della fame*» («Триумф сла-

вы»), Боккаччо в его «*Amorosa visione*» («Видение любви»), называя сотни имен, из которых три четверти по крайней мере относятся к древности, а остальные к средним векам⁴⁹. Постепенно эта новая, относительно более современная часть начинает вызывать большее внимание; историки вводят в свои произведения характеристики и возникают собрания биографий знаменитых современников, как, например, написанное Филиппо Виллани, Веспасиано Фьорентино^{188*} и Бартоломео Фацио^{189*60}, и, наконец, Паоло Джовио^{190*}.

На севере, пока итальянцы не оказали влияние на его авторов (например, на Тритемия^{191*}), существовали только легенды о святых и отдельные рассказы и описания жизни князей и духовных лиц; все они еще очень близки к легенде, и о славе, т. е. о лично завоеванной известности, в сущности нет и речи. Поэтическая слава ограничивается еще определенным сословием, и имена художников севера мы узнаем едва ли не только в той мере, в какой они выступают в качестве ремесленников и членов цехов.

Поэт-филолог в Италии твердо уверен, как уже было сказано, в том, что он раздает славу, даже бессмертие, а также способствует забвению⁵¹. Уже Боккаччо сетует на то, что прославляемая им красавица остается непреклонной и он не может воспевать и сделать ее знаменитой; он хочет попытаться прибегнуть к порицанию⁵². Саннадзаро^{192*} в двух прекратных сонетах угрожает трусливо бежавшему от Карла VIII Альфонсу Неаполитанскому, что он будет навек забыт⁵³. Анджеоло Полициано серьезно предупреждает (1491 г.) короля Португалии Жуана^{54 193*} в связи с открытиями в Африке, чтобы он своевременно позаботился о славе и бессмертии и переслал ему во Флоренцию материал «для обработки» (*operosius excolende*), так как в противном случае с ним может произойти то же, что со всеми теми, чьи дела, отторгнутые от содействия ученых, остаются скрытыми «в большой куче мусора, состоящей из человеческих слабостей». Король (или его гуманистически настроенный канцлер) согласился с этим и обещал распорядиться, чтобы составленные на португальском языке анналы о событиях в Африке были отправлены в итальянском переводе во Флоренцию для их переработки на латинском языке; было ли это осуществлено, нам неизвестно. Эти претензии совсем не так бессмысленны, как это представляется на первый взгляд; редакция, в которой предстают эти сообщения (в том числе и важнейшие) современникам и потомству, отнюдь не безразлична.

Итальянские гуманисты, их характер изложения и их латин-

ский язык довольно долго, действительно, господствовали в читающем мире Запада, а итальянских поэтов вплоть до XVIII в. читали гораздо больше, чем поэтов любой другой нации. Имя Америго Веспуччи¹⁹⁴ из Флоренции стало благодаря его описанию своего путешествия названием четвертой части света, и если Паоло Джовио при всей своей поверхностности и элегантно произвольности все-таки надеялся на бессмертие⁵⁶, он был не так уж неправ.

Наряду с такими попытками обеспечить себе славу внешними средствами в некоторых случаях завеса поднимается и перед нами предстает в пугающе откровенном выражении огромное честолюбие и жажда величия, не зависящие ни от предмета, ни от успеха. Так, Макиавелли в предисловии к «Истории Флоренции» порицает своих предшественников (Леонардо Аретино, Поджо) за их слишком тактичное умолчание о деятельности городских партий. «Они очень ошибались и доказали, что мало знают, каково честолюбие людей и их жажда бессмертия своего имени. Сколь многие, неспособные выделяться похвальными поступками, стремились к этому посредством поступков позорных! Названные писатели не принимали во внимание, что поступки, обладающие величием, свойственным действиям правителей и государств, всегда приносят скорее славу, чем порицание, какими бы они ни были и каким бы ни был их результат»⁵⁶. Описывая поражающие и ужасные поступки, мудрые историки указывают на то, что их причиной служило глупее желание совершить что-либо великое и значительное.

Здесь открывается не просто искажение обычного тщеславия, а нечто действительно демоническое, т. е. отсутствие свободы в принятии решения, связанное с применением крайних мер и с равнодушием к результату как таковому. Макиавелли именно так и воспринимает характер Стефано Поркари⁶⁷; примерно то же сказано об убийцах Галеаццо Мария Сфорца в источниках; убийство герцога Флоренции Алессандро (1537 г.) даже Варки (в пятой книге) приписывает жажде славы совершившего его Лоренцино Медичи. Еще значительно сильнее подчеркивает этот мотив Паоло Джовио⁶⁸: Лоренцино, опозоренный памфлетом Мольсы^{196*} за порчу античных статуй в Риме, размышляет о поступке, «новизна» которого заставит забыть о прежнем позоре, и убивает своего родственника и князя. -Таковы подлинные черты этой эпохи взбодраженных, но уже близких к отчаянию сил и страстей, напоминающей время Филиппа Македонского, когда был сожжен храм в Эфесе.

* * *

Коррективом не только славы и возникшей жажды славы, но и большего развития индивидуализма вообще служит насмешка и ирония, по возможности в победоносной форме остроты. Мы узнаем из источников, как в средние века вражеские армии, враждующие князья и властители доводят друг друга символическими насмешками до крайнего раздражения или как на побежденную сторону возлагается высший символический позор. Наряду с этим, в теологических спорах под влиянием античной риторики и эпистолографии острота становится оружием, и в провансальской поэзии развивается особая разновидность насмешливых песен, тон которых не чужд и миннезингерам, о чем свидетельствуют их политические стихи⁶⁹. Однако самостоятельным элементом жизни насмешка могла стать лишь тогда, когда появился развитый индивид, ее постоянная жертва, со своими притязаниями.

Тогда насмешка не ограничивается словом и пером, она становится реальной: она проявляется в шутках и проказах, так называемых *burle* (шутки) и *beffe* (насмешки), которые составляют основное содержание многих сборников новелл.

В появившихся, вероятно, к концу XIII в. «Ста старых новеллах» еще нет острот, порождений контраста, и *burla*⁶⁹; их цель - только передать в простом и красивом изложении мудрые речи и полные смысла истории и басни. Но если что-либо доказывает раннее происхождение этого сборника, то именно отсутствие иронии. Ибо вместе с XIV в. появляется «Божественная комедия» Данте, который по выражению презрения значительно превосходит всех поэтов мира и по одной только великой жанровой картине обманщиков в аду⁸¹ может быть назван высоким мастером комического изображения. Петрарка положил начало⁶² изданию сборников иронических рассказов в манере Плуларха (Апофтегмата - Сентенции и др.).

Убедительную подборку того, что в течение этого века получило во Флоренции ироническое выражение, дает в своих новеллах Франко Саккетти^{196*}. Это, собственно, не рассказы, а ответы, данные в соответствующих обстоятельствах, ужасающие наивности, высказываемые юридическими, придворными шутами, беспутными женщинами; комизм заключается в вопиющей противоположности этих истинных или мнимых проявлений наивности к отношениям в свете и к обычной моральности; все ставится с ног на голову. Используются все средства изображения, например, подражание некоторым верхнеитальян-

ким диалектам. Часто вместо остроты выступает явная наглая дерзость; грубый обман, богохульство и непристойность; некоторые шутки кондотьеров⁶³ можно причислить к самому грубому и злому из всего, что вообще когда-либо было написано. Некоторые *burla* очень смешны, другие же должны служить мнимым доказательством своего превосходства, торжества над другими. Что рассматривалось как победа той или иной стороны, как часто жертве осмеяния удавалось ответным ударом привлечь смеющихся на свою сторону, мы не знаем; во всем этом было много зловредности, бессердечной и пустой, что часто делало жизнь во Флоренции очень неприятной⁶⁴.

Изобретатели и рассказчики таких шутовых сообщений стали необходимой фигурой; среди них, вероятно, были первоклассные мастера, значительно превосходящие обыкновенных придворных шутов, которые не выдерживали конкуренции, постоянно меняющегося состава публики и быстрого понимания слушателей (преимущества пребывания во Флоренции). Поэтому некоторые флорентийцы разъезжали по дворам тиранов Ломбардии и Романьи⁶⁵, где их расчеты оправдывались, тогда как в своем родном городе, переполненном остроумием, им доставалось немного. Лучший тип этих людей - забавник (*Giotto piasevole*), НИЗШИЙ - скоморох и обыкновенный дармоед, появляющийся на свадьбах и пирах со словами: «То, что меня не пригласили, не моя вина». Иногда они помогают разорить молодого мота⁶⁶, но в целом их презирают и считают паразитами; выше же стоящие остряки считают себя подобными князьям, а в своих остротах видят поистине нечто суверенное. Дольчибене заявил некогда в Ферраре Карлу IV, который объявил его «королем итальянских шутов»: «Вы покорите мир, ибо Вы друг папы и мой друг; Вы сражаетесь мечом, папа - буллами, а я - языком!»⁶⁷. Это не просто шутка, а предвосхищение Пьетро Аретино^{197*}.

Знаменитыми остроусловами середины XV в. были священник Арлотто из местности близ Флоренции, известный своими более тонкими остротами (*facezie*), и Гоннелла, шут при дворе Феррары, подвизавшийся в области буффонады. Вряд ли стоит сравнивать истории обоих со священником из Каленберга и Тилем Уленшпигелем; истории тех возникли совершенно иным, полумифическим образом, в создании их участвовал весь народ, и они относятся к сфере общезначимого, общедоступного; Арлотто и Гоннелла были историческими, известными в данной местности и сложившимися в ее условиях личностями. Если же допустить такое сравнение и распространить его на «шван-

ки» других народов, то в целом обнаружится, что «шванк» во французском фаблю⁶⁸, как и у немцев, рассчитан в первую очередь на выгоду или наслаждение, тогда как остроты Арлотто и проделки Гоннеллы являются как бы самоцелью и создаются ради торжества, ради удовлетворения. (Истории Тиле Уленшпигеля отличаются особым оттенком, являясь персонифицированной, большей частью довольно плоской насмешкой над отдельными сословиями и ремеслами.) Придворный шут дома д'Эсте не раз спасался от наказания посредством злой иронии и способности к мести⁶⁹.

Разновидности *uoto piasevole* и шута намного пережили свободу Флоренции. При дворе герцога Козимо блистал Барлаккья, в начале XVII в. - Франческо Рисполи и Курцио Мариньоли. Поразительно проявление в папе Льве X чисто флорентийского пристрастия к проделкам шутов. Ненасытный в своей склонности к тончайшим духовным наслаждениям правитель требовал за трапезой присутствия нескольких остроумных шутников и прожорливых чревоугодников, среди них двух монахов и калеки⁷⁰; во время празднеств он обращался с ними в духе изысканного, чисто античного сарказма, как с паразитами, приказывая подавать им под видом вкусного жаркого обезьянье и воронье мясо. Вообще Лев X обычно пользовался бурлеском; в частности, одним из его духовных развлечений было ироническое отношение к своим излюбленным занятиям - к поэзии и музыке; он и его фактотум, кардинал Биббиена^{198*}, приветствовали карикатуры на них⁷¹. Оба они не считали ниже своего достоинства длительное время употреблять усилия на внушение добродетели старому секретарю, что он крупный знаток в области теории музыки, пока тот в это не поверил. Импровизатора Барбалло из Гаэты Лев X довел непрерывной лестью до того, что тот серьезно стал домогаться в качестве поэта коронования на Капитолии; в день покровителей дома Медичи, св. Космы и Дамиана, он, одетый в пурпур и увенчанный лаврами, должен был сначала увеселять своими рассказами гостей на папском пире и, когда все уже едва сдерживали смех, сесть во дворе Ватикана на позолоченного слона, которого король Португалии Мануэл Великий^{199*} прислал в дар Риму; папа же взирал на это сверху в свой лорнет⁷². Животное испугалось шума литавр и труб, и криков браво, и его нельзя было заставить перейти мост замка св. Ангела.

Пародия на торжественное и возвышенное, которая предстает здесь в виде шествия, занимала уже тогда большое место в литературе⁷³. Правда, ей приходилось искать иную жертву,

чем было дозволено Аристофану, выведившему в своих комедиях великих трагиков. Однако та зрелость культуры, которая привела в определенное время греков к созданию пародии, привела и здесь к ее расцвету. Уже к концу XIV в. в сонетах осмеиваются посредством подражания любовные жалобы Петрарки и другие произведения такого рода; подвергается насмешкам посредством сведения к скрытой бессмыслице даже торжественность формы сонета в четырнадцать строк как таковая. Затем сильный импульс к пародированию вызвала «Божественная комедия», и Лоренцо Великолепный достиг высшего комизма в подражании стилю «Ада» (Inferno) («Застолье» или «Пьяницы» - «Simposio» или «I Veoni»); Луиджи Пульчи^{200*} подражает импровизаторам в своем «Моргайте»; к тому же его поэзия и поэзия Боярдо, уже поскольку она парит над своим предметом, местами является полусознанной пародией на средневековую рыцарскую поэзию. Великий пародист Теофило Фоленго^{201*} (знаменит около 1520 года) непосредственно переходит к этой манере. Под именем Лимерно Питокко он сочиняет «Орландино», где рыцарские нравы служат лишь забавными рамками в духе рококо для множества современных автору идей и картин; под именем Мерлина Кокайо он описывает в комическом Духе в полулатинских гекзаметрах деяния и путешествия фантастических бродяг, также с тенденциозными добавлениями с применением аппарата научного эпоса своего времени («Opus Masagolicoium» - произведение макаронического стиля). С тех пор пародия постоянно и подчас в полном блеске присутствует на итальянском Парнасе.

В средний период Возрождения острота теоретически расчленяется и ее практическое применение в благородном обществе устанавливается точнее. Теоретиком остроумия является Джовиано Понтано⁷⁴; в его сочинении о речи, в частности в четвертой книге, он пытается, анализируя множество отдельных шуток или *facetiae*, прийти к общему принципу. Бальдассаре Кастильоне в своем «Придворном»⁷⁶ учит, как следует применять остроты в обществе людей определенного положения. Конечно, речь идет в сущности только об увеселении третьих лиц рассказами забавных или изящных историй и повторением смешных выражений; от прямых острот скорее предостерегают, ибо этим воздается слишком много чести несчастным больным и преступникам; остротами можно также вызвать раздражение могущественных, избалованных милостями людей и побудить их к отмщению. При повторении рассказов человеку общества рекомендуется мудро держать меры в подражании, т.е. в гримасах. За этим в книге дано не

просто для повторения, а в качестве парадигмы для будущих острот, богатое собрание связанных с предметами или со словами острот, которые методически располагаются по типам, многие из них очень хороши. Значительно строже и осмотнительнее возникшая приблизительно два десятилетия спустя доктрина Джованни делла Каза^{202*}, в которой дано наставление о достойном образе жизни⁷⁶; исходя из последствий, он рекомендует полностью исключить из острот и бурлеск, и намерение достигнуть торжества. Он - герольд реакции, которая неминуемо должна была наступить.

* * *

Италия стала школой злословия, какой с тех пор не было больше в мире, даже во Франции времен Вольтера. Конечно, у Вольтера и его друзей не было недостатка в духе отрицания, но где найти в XVIII в. такое число подходящих для насмешки жертв, бесчисленных людей, обладающих высоким и своеобразным развитием, знаменитостей во всех областях - государственных деятелей, духовных лиц, изобретателей и первооткрывателей, литераторов, поэтов и художников, которые к тому же открыто демонстрировали бы свое своеобразие. В XV - XVI вв. существовало множество таких людей и, наряду с этим, благодаря общему уровню образования возник слой остроумных, но бессильных людей, прирожденных критиков и злопыхателей, зависть которых требовала гекатомб; к этому еще присоединялась и зависть знаменитостей друг к другу. Этим отличались прежде всего филологи: Филельфо^{203*}, Поджо, Лоренцо Валла и другие, тогда как художники XV в. жили почти совсем мирно, соревнуясь друг с другом, что надлежит принять к сведению в истории искусства.

Большой рынок славы, Флоренция, идет, как было сказано, в течение известного времени впереди других городов. «Острые глаза и злые языки» - примета флорентийцев⁷⁷. Мягкая насмешка над всем и каждым была, вероятно, повседневным господствующим там тоном.

Макиавелли в весьма удивительном прологе к своей «Мандрагоре» выводит, справедливо или несправедливо, явный упадок моральной силы из общего злословия, угрожая, впрочем, недооценивающим его самого напоминанием, что он также умеет злословить. За Флоренцией следует папский двор, с давних пор средоточие обладателей самых злобных и при этом самых тонких умов.

Ведь уже «Facetiae» Поджо вышли из лживой каморки (bugiale) апостолических писарей, а если вспомнить, сколько при папском престоле теснятся разочарованных искателей мест, преисполненных надежды врагов и конкурентов тех, кто пользуется благосклонностью влиятельных лиц, праздных безнравственных прелатов, то не может вызывать удивление, что Рим стал подлинной отчизной диких пасквилей и основанной на наблюдении сатиры. Если к этому еще добавить общую неприязнь к господству духовенства и известную потребность черни приписывать могущественным людям самые отвратительные свойства, то мы получим невероятную сумму позора⁷⁸.

Кто мог, защищался от этого наиболее успешно презрением, как в ответ на истинные, так и на вымышленные обвинения, а также блестящим, радостным образом жизни⁷⁹. Люди же более чувствительные могли впасть в отчаяние, если они глубоко ощущали свою вину и еще глубже - обвинения в дурных поступках⁸⁰. Постепенно самая злая клевета распространялась на каждого, и именно строгая добродетель вернее всего возбуждала злобу.

О великом проповеднике фра Эджидио да Витербо^{204*}, которого Лев X за его заслуги сделал кардиналом и который в беде 1527 г. показал себя достойным и популярным монахом⁸¹, Джовио говорит, что его аскетическая бледность сохраняется посредством чада от сырой соломы и т. п. В такого рода рассказах Джовио - истый член курии⁸²; как правило, он сообщает свою историю, затем говорит, что сам этому не верит, а в конце в общем замечании дает понять, что кое-что все-таки было.

Подлинной жертвой римских насмешек был добрый Адриан VI; стало общепринятым воспринимать его только в комическом аспекте. С Франческо Берни^{205*}, владевшим страшным пером, он с самого начала испортил отношения, угрожая, что распорядится бросить в Тибр не статую Пасквино^{206*}, как утверждали⁸³, а пасквильянтов. Местью было знаменитое «Capitoli» «против папы Адриана», продиктованное в сущности не ненавистью, а презрением к смешному голландскому варвару; дикие угрозы обращены к кардиналам, его избравшим. Берни и другие⁸⁴ описывают окружение папы с той же пикантной лживостью, с которой современные парижские фельетоны искусно превращают «Так» в «Иначе», «Ничто» в «Нечто». Биография, которую Паоло Джовио написал по поручению тортосского кардинала и которая была задумана как дифирамб, представляет собой для каждого, кто умеет читать между строк, верх издевательства. Очень смешно читать (особенно итальянцам того вре-

мени), как Адриан домогается получить от соборного капитула Сарагосы ладанку с челюстью св. Ламберта, как набожные испанцы снабжают его разного рода украшениями, «пока он не становится похожим на наряженного папу», как он совершает свой стремительный и безвкусный переход из Остии в Рим, как совещается об утоплении или сожжении Пасквино, внезапно прерывает важнейшие обсуждения при докладе, что еда подадена, и, наконец, завершает свое жалкое правление, умирая от чрезмерного потребления вина; вслед за этим ночные гуляки повесили на дом его лейбмедика венки с надписью: «Liberatori patriae S.P.Q.R.»²⁰⁷. Правда, при общем сокращении рент Джовио также потерял свою ренту, получив в возмещение приход только потому, что он «не поэт», т. е. не язычник. Но так уж было, видимо, predetermined, чтобы Адриан оказался последней великой жертвой такого рода. Со времени бедствий Рима (1527 г.) вместе с крайней беспутностью жизни исчезли и дерзкие речи.

Но пока они еще процветали, свою деятельность начал, преимущественно в Риме, величайший хулиган Нового времени, Пьетро Аретино. Характеристика его позволит нам не заниматься многими более мелкими представителями того же рода.

Нам он известен главным образом по трем последним десятилетиям его жизни (1527-1556 г.), которые он провел в единственном возможном для него убежище, в Венеции. Находясь там, он держал всех знаменитых людей Италии как бы в состоянии осады; сюда шли подарки иностранных правителей, которые нуждались в нем или боялись его пера. Карл V и Франциск I одновременно платили ему пенсию, ибо каждый из них надеялся, что Аретино досадит другому; Аретино льстил обоим, но склонялся скорее на сторону Карла, поскольку он был господином в Италии. После победы Карла V над Тунисом (1535 г.) этот тон переходит в смешное обожествление; дело в том, что Аретино не переставал надеяться, что с помощью Карла станет кардиналом. По всей вероятности, он пользовался особым покровительством и как папский агент, ибо посредством его высказываний или умолчаний можно было оказывать давление на мелких правителей Италии и на общественное мнение. Он делал вид, что глубоко презирает папство, поскольку хорошо его знает; истинная же причина состояла в том, что Рим уже не мог и не хотел ему платить⁸⁶. О Венеции, где он нашел прибежище, он мудро молчал. Дальнейшие его отношения к выдающимся людям - не более чем попрошайничество и подлое вымогательство.

Аретино впервые злоупотреблял публичностью в своекоры-

стных целях. Памфлеты, которыми обменивались сто лет тому назад Поджо и его противники, были по своей направленности и тону столь же низки, однако они были рассчитаны не на прессу, а на своего рода тайную, частичную публичность; Аретино же рассчитывает на полную и безусловную публичность и является в известном смысле одним из родоначальников журналистики. Он периодически печатает свои письма и статьи, после того как они, вероятно, прежде курсировали в различных кружках⁸⁶.

Преимущество Аретино по сравнению с сатирическими писателями XVIII в. в том, что он не обременяет себя какими-либо принципами, - ни просвещения, ни филантропии, ни других добродетелей, ни принципами науки; весь его багаж выражен в известном латинском девизе: «Veritas odium parit»²⁰⁸. Поэтому он не знал и ложных положений в отличие, например, от Вольтера, которому приходилось отрицать, что «Pucelle» («Орлеанская девственница») написана им, и скрывать многое другое на протяжении всей жизни. Аретино подписывал все и открыто хвастался также и впоследствии своими пресловутыми «Ragionamenti»²⁰⁹. Его литературный талант, его ясная и пикантная проза, его богатый опыт в наблюдении над людьми и событиями сделали бы его при всех обстоятельствах достойным внимания, хотя концепция подлинного произведения искусства, действительный драматический дар, способность к созданию, например, комедии у него полностью отсутствовали; кроме самой грубой или изысканной злобы он обладал блестящим даром гротескного остроумия, которое в отдельных случаях не уступает и остроумию Рабле^{87 210}.

При таких обстоятельствах и с такими намерениями и средствами он бросается на свою добычу или вначале кружит вокруг нее. То, как он увещевает Климента VII не сетовать, а простить⁸⁸, в то время как жалобные вопли опустошенного Рима проникают в замок св. Ангела, темницу папы, - издевательство дьявола или обезьяны²¹¹. Подчас, когда он вынужден полностью отказаться от надежды на дары, его бешенство находит выход в диком реве, как, например в Capitolо герцогу Салерно. Этот герцог некоторое время оплачивал его деятельность, но затем больше не хотел; ужасный же Пьерлуиджи Фарнезе²¹², герцог Пармы, никогда не обращал на него внимания. Поскольку этот правитель вообще не мог рассчитывать на добрые слова, задеть его было нелегко. Аретино, правда, попытался⁸⁹ сравнить его внешность со сбором, мельником и булочником.

Забавнее всего Аретино, когда он просто жалко попрошай-

ничает, как, например в Capitolо Франциску I; состоящие же из угроз и лести его письма и стихи невозможно, несмотря на всю их комичность, читать без отвращения. Вряд ли существует нечто подобное его письму Микеланджело от ноября 1545 г.⁹⁰, где наряду с восхищением (по поводу Страшного суда) он угрожает ему, порицая его безбожие, неприличие и воровство (у наследника Юлия II) и затем добавляет в примирительной приписке: «Я хотел только показать Вам, что если Вы божественны, т. е. из вина (di-vino), то я тоже не из воды - d'aqua». Аретино хотел то ли из безумного тщеславия, то ли из желания пародировать всякую знаменитость, чтобы его также называли божественным; впрочем, он действительно стал настоящим знаменит, что в Ареццо дом, в котором он родился, считался достопримечательностью города⁹¹. Вместе с тем он иногда в Венеции не решался в течение нескольких месяцев выйти из дома, боясь попасть в руки какого-нибудь разгневанного флорентийца, например молодого Строцци; он перенес удары кинжала и побои⁹², хотя они и не привели к результату, который предсказал ему в своем знаменитом сонете Берни: он умер дома от удара.

Аретино делает в своей лести значительные различия: не-итальянцам он высказывает ее прямо и грубо⁹³, людям, таким, как герцог Козимо, он преподносит ее в другой форме. Он восхищается красотой тогда еще молодого герцога, который действительно, подобно Августу, обладал в высокой степени этим качеством; хвалит его нравственный образ жизни, бросая укоризненный взгляд на денежные дела матери Козимо Марии Сальвиати, и заключает жалобными стенаниями и просьбой о помощи ввиду растущей дороговизны. То обстоятельство, что Козимо ежегодно, несмотря на свою бережливость, выплачивал ему определенную сумму⁹⁴, достаточно высокую (в последнее время 160 дукатов), объясняется его определенной опасностью в качестве испанского агента. Аретино мог злобно насмехаться над Козимо, поносить его и одновременно грозить флорентийскому поверенному в делах, что он уговорит герцога вскоре отозвать его. И хотя Козимо знал, что Карл V видел его насквозь, ему не хотелось, чтобы при императорском дворе курсировали остроты и сатирические стихи Аретино. Полностью обусловлена обстоятельствами и лесть Аретино пресловутому маркизу Мариньяно, который пытался в качестве «кастеляна Муссо» основать собственное государство. Благодаря за посланные ему 100 скуди, Аретино пишет: «Вы обладаете всеми качествами правителя, с этим согласился бы каждый, если бы неизбежная

для всех новичков насильственность не делала Вас несколько грубым (aspro)»⁹⁶.

Часто обращали внимание" как на нечто особенное, что Аретино хулил только мир, но не Бога. То, во что он верил, не имеет никакого значения, принимая во внимание его поведение, не имеют никакого значения и его назидательные сочинения, которые он писал, руководствуясь лишь внешними обстоятельствами⁹⁶ К тому же я не представляю себе, что могло его заставить богохульствовать. Он не был ни доцентом, ни теоретическим мыслителем и писателем; выжимать же из Бога угрозами и льстивыми речами деньги он не мог, вследствие чего и не ощущал раздражения от отказа. А зря такой человек усилия не тратит.

Лучшее выражение духа современной Италии - абсолютная невозможность появления там подобного характера и подобной деятельности; но с исторической точки зрения Аретино всегда будет иметь важное значение.

Глава III

Возрождение античности

И вот теперь, когда наш историко-культурный обзор достиг настоящего этапа, нам следует вспомнить и об античности, «возрождение» которой как раз и дало всей этой эпохе ее страдающее односторонностью собирательное название. Обстоятельства, о которых шла у нас речь выше, должны были потрясти нацию и привести ее к созреванию и безо всякой античности, да и те новые духовные веяния, которые нам предстоит перечислить в дальнейшем, в большинстве своем вполне мыслимы и без нее. Однако античный мир придавал разнообразнейшие оттенки как всему тому, о чем мы уже говорили, так и тому, о чем речь еще пойдет впредь, и во всех тех случаях, когда суть вещей вполне понятна и без античности, когда она осталась бы тою же самой и без нее, на самой форме явлений все-таки стоит ее печать, и происходят они через ее посредство. «Возрождение» не стало бы той высшей неизбежностью мировой истории, которой оно явилось, когда бы возможно было с такой легкостью отрешиться от воздействия античности. Однако нам должно настаивать на том (и это - одно из основных положений данной книги), что не одна только античность, но ее союз с существовавшим подле нее духом итальянского народа покорил весь западный мир. Свобода, которую сохранил за собой при этом народный дух, распределена весьма неравномерно. Так, если рассматривать, к примеру, исключительно новолатинскую поэзию, свобода эта зачастую весьма незначительна; а вот в области изобразительных искусств и во многих других сферах она чрезвычайно велика, и здесь союз между двумя далеко отстоящими друг от друга культурными эпохами одного народа оказывается, в силу полного сохранения за ними самостоятельности, единством, а потому он в высшей степени оправдан и плодотворен. Прочая Европа могла выбирать: то ли принять мощный шедший из Италии импульс в

штыки, то ли целиком или хотя бы наполовину к нему присоединиться. И там, где такое присоединение происходило, у нас нет оснований предаваться стенаниям по поводу преждевременной гибели наших средневековых культурных форм и представлений. Будь они в состоянии себя защитить, они продолжали бы жить. Когда бы тем поэтическим натурам, что мечтают о возврате этих эпох, довелось провести в них хоть один час, они живо запросились бы обратно, на наш вольный воздух. Да, в ходе великих процессов любого характера гибнут и многие благородные цветы, не оставив по себе непреходящего следа в традиции и поэзии; однако для нас это не причина желать, чтобы оказалось не имевшим места само великое событие. А событие это состояло в том, что помимо церкви, являвшейся до тех пор объединяющей Европу силой (хотя быть таковой ей оставалось уже недолго), теперь возникла новая духовная среда, которая, распространяясь из Италии, стала жизненной атмосферой всех высокообразованных европейцев. Наиболее резкое порицание, которое могло бы быть высказано в этой связи, - это обвинение в иссякании духа народности в культуре, в становящемся теперь явным разрыве между образованными и необразованными людьми по всей Европе. Однако порицание это тут же теряет всякую силу, поскольку приходится признать, что этот разрыв, хотя теперь он ясно осознан, преодолеть все еще невозможно. К тому же в Италии он вовсе не столь резок и непримирим, как в других местах. Ведь томик Тассо, этого великого итальянского художника слова, вполне может здесь очутиться и в руках у бедняка.

* * *

Римско-греческая античность, оказывавшая начиная с XIV в. столь мощное воздействие на итальянскую жизнь в качестве основы и источника культуры, цели и идеала бытия, а отчасти и нового сознательного контраста, эта античность уже издавна кое в чем воздействовала и на все средневековье в целом, в том числе и за пределами Италии. Та образованность, представителем которой являлся Карл Великий^{213*}, была уже в сущности, при ее сопоставлении с варварством VII и VIII вв., Возрождением, и ничем иным быть не могла. Как для северного романского архитектурного стиля характерно, помимо общей, доставшейся ему от античности формальной основы, также и прямое проникновение чисто античных форм, так и вся монастырская ученость постепенно усвоила огромный объем материала из римс-

ких авторов, и даже сам их стиль, начиная с Эйнгарда^{214**}, никогда не оставался без подражателей в этой среде.

Однако пробуждение античности происходит в Италии иначе, чем на Севере. Как только Италия вышла из эпохи варварства, в этом наполовину все еще античном народе во весь голос заявляет о себе осознание собственного прошлого: итальянцы в восторге от него и желают его воспроизвести. Если за пределами Италии речь идет об ученом, рефлектирующем использовании отдельных элементов античности, в ней самой это принимает формы ученого, но в то же время и общенародного, практического перехода на сторону античности вообще - поскольку она представляет собой воспоминание о собственном прошлом величии. Легкодоступность латинского языка, обилие живых воспоминаний и сохранившихся памятников - все это чрезвычайно способствует такому развитию событий. На этой основе, но также и на основе направленных в противоположном направлении воздействий со стороны все же изменившегося за истекшее время народного духа, а также воздействий германско-лангобардских форм государственности, общеевропейского рыцарства и культурных влияний со стороны Севера, религии и церкви вырастает новое единство: современный итальянский дух, которому было на роду написано подать пример всему Западу в целом.

То, каким образом античность, стоило завершиться эпохе варварства, проявляется в изобразительных искусствах, можно с полной отчетливостью увидеть, например, на тосканской архитектуре XII в. и скульптуре XIII в. Также и в области поэзии нет недостатка в аналогиях, особенно если мы будем исходить из того предположения, что величайший латиноязычный поэт XII в., задавший тон целому жанру тогдашней латинской поэзии, был итальянцем. Мы говорим о том авторе, из-под пера которого вышли лучшие вещи так называемой «*Carmina Burana*». Эти рифмованные строфы изливают на нас ничем не сковываемую радость земного бытия и связанных с ним удовольствий, бытия, гениями-хранителями которого вновь выступают древние языческие боги. У всякого, кто прочитает эти стихотворения одним духом, неминуемо рождается предположение, что автор - итальянец и, возможно, ломбардец; однако на этот счет здесь имеется также и ряд вполне конкретных указаний¹. Эта латинская поэзия *clerici vagantes*^{216*} XII в. есть в определенной степени, как и бьющая в глаза необычайная ее фривольность, продукт общеевропейской культуры, однако поэт, сочинивший песню «*De Phyllide et Flora*» и «*Aestuans interius*», скорее всего не был уроженцем Севера, как не был им и утонченный созер-

цательно настроенный сибарит, которому принадлежит стихотворение «Dum Dianae vitrea sero lampas oritur» (р. 124). Здесь перед нами возрождение античного мировоззрения, проступающего сквозь средневековую стихотворную форму особенно выпукло. Множество относящихся к этому и следующему столетиям сочинений со старательной подражательностью воспроизводят гекзаметр и пентаметр, сдабривая их приправой разнообразных античных, иной раз мифологических, реалий, однако это ни в малейшей степени не создает впечатления античности. В написанных гекзаметром хрониках и прочих сочинениях Вильгельма Аппула^{216*} нередко доводится столкнуться с прилежным штудированием Вергилия, Овидия, Лукана^{217*}, Стация^{218*} и Клавдиана^{219*}, однако античная форма остается делом учености в чистом виде, точно так же как и античный материал у таких собирателей, как Винцент из Бове^{220*} или мифолог и аллегорист Алан Лилльский^{221*}. В самом деле, Возрождение не есть фрагментарное подражание и собирательство, но именно рождение заново, и оно-то как раз и происходит в этих стихотворениях неизвестного клирика XII столетия.

Однако широкий, даже всеобщий переход итальянцев на сторону античности начинается лишь в XIV в. Для этого было необходимо развитие городской жизни, которое было достигнуто в одной только Италии и лишь теперь. Для этой городской жизни характерны: совместное проживание и фактическое равенство дворян и горожан*, образование однородного общества (с. 94), испытывавшего нужду в образовании и имевшего на то досуг и средства. Однако образование, как только оно почувствовало желание расстаться с фантастическим миром средневековья, не было в состоянии так вот вдруг, через чистую эмпирию перейти к познанию физического и духовного мира: для этого оно нуждалось в вожде, каковым вызвалась служить классическая древность во всей ее полноте объективных, самоочевидных истин во всех областях духа. Форма заимствовалась отсюда с благодарностью и восхищением; иногда античность составляла основное содержание этого образования². Способствовала этому также и ситуация в Италии: со времени падения Гогенштауфенов Священная Римская империя или вовсе отказалась от притязаний на Италию или же была не в состоянии там удержаться, папский же престол был переве-

* Речь идет о *лополанах* (от *роло* — народ), торгово-ремесленном населении торговых средневековых городов Северной и Средней Италии. По-немецки этот термин переводится как «Burger», по-русски может быть передан как «горожане». {Ред.}

ден в Авиньон. Большинство существовавших здесь в реальности государственных режимов утвердились насильем и были нелегитимны; в таких условиях пробудившийся к сознанию дух старался обрести новый устойчивый идеал. Потому-то так и случилось, что видение и даже императив римско-итальянского мирового господства прочно утвердились в умах итальянцев, а в лице Кола ди Риенцо они попытались обрести даже и свое практическое воплощение. То, каким образом взялся он за разрешение этой задачи во время своего первого трибуната, могло вылиться только в презабавную комедию, однако воспоминание о древнем Риме образовывало надежный базис для национальных чувств. Заново вооружившись своей культурой, итальянцы скоро на деле почувствовали себя самым развитым народом в мире.

Нашей ближайшей задачей является теперь показать это духовное движение не во всей его полноте, но лишь во внешних проявлениях, в основном у его истоков³.

* * *

Начать с того, что сами римские развалины⁴ окружены теперь совсем иными чувствами уважения и трепета, нежели во времена, когда были составлены «Mirabilia Romae»^{222*} и компилятивное сочинение Вильгельма из Мальмсбери^{223*}. Фантазии благочестивого паломника, человека, верующего в волшебное, охотника за сокровищами⁶, отступают в путевых заметках на задний план перед чувствами историка и патриота. В этом смысле и следует понимать слова Данте⁶: камни римских стен заслуживают благоговения, и та почва, на которой выстроен город, благороднее, нежели об этом склонны судить люди. Нескончаемая череда юбилеев^{224*} почти не оставляет по себе следа в литературе в собственном смысле слова. Самое ценное, с чем возвращается домой Джованни Виллани с юбилея 1300 года (с.55) - это принятое им решение заняться писанием истории, к чему его побудило созерцание римских развалин. Петрарка дает нам еще одно свидетельство умонастроения, находившегося на водоразделе между классической и христианской древностью. Он рассказывает, как они с Джованни Колонна^{226*} часто забирались на гигантский купол терм Диоклетиана⁷. Здесь, на приволье, посреди глубокой тишины, в виду открывавшейся во все стороны панорамы, они беседовали, бросая время от времени взор на окружающие развалины, не о делах, не о ведении домашнего хозяйства и не о политике, но об истории, причем Петрарка по большей части прини-

мал сторону античности, Джованни же - христианства. Говорили они также и о философии, и о первооткрывателях искусств. Как это нередко случалось и после них, вплоть до Нибура и Гиббона, мир римских развалин пробуждал в людях склонность к исторической созерцательности.

* * *

Те же самые смешанные чувства обнаруживает и Фацио дельи Уберти^{226*} в своем написанном около 1360 года «Dittamondo», вымышленном визионерском описании путешествия, в котором его сопровождает древний географ Солин^{227*} - подобно тому как Вергилий сопровождал Данте. И как они посещают Бари, чтобы почтить св. Николая, а Монте Каргано - в память архангела Михаила, так и в Риме упоминается легенда об Арачели и св. Марии в Трастевере, однако мирское великолепие древнего Рима явно берет здесь верх. Благородной наружности старуха^{228*} в разодранном одеянии (это сам Рим) повествует им исполненную славы историю и подробно изображает древние триумфы⁸. Потом она проводит чужестранцев по городу и дает им пояснения относительно семи холмов и обилия руин - *che comprender potrai, quanto fui bella*^{229*}!

К сожалению, что касается следов античности, этот Рим авиньонских и схизматических пап был уже совсем не тот, что всего лишь одним поколением перед этим. Губительным опустошением, лишившим примечательных черт наиболее важные из еще сохранявшихся зданий, явился снос 140 укрепленных домов наиболее видных римских граждан, проведенный сенатором Бранкалеони около 1258 года. Ведь не приходится сомневаться, что знать заселяла наиболее сохранные и самые высокие развалины⁹. И все-таки в те времена в городе оставалось несравненно больше остатков старины в сравнении с тем, что высится здесь теперь. Так, возможно, многие руины еще сохраняли свою облицовку и мраморные инкрустации там, где ныне остался один лишь каркас из обожженного кирпича. Это послужило импульсом для серьезной топографии древнего города. В экскурсиях Поджо по Риму¹⁰ обследование самих развалин было впервые тесно связано с изучением древних авторов и надписей (в их поисках он облазил¹¹ все заросли); фантазия отступила здесь на второй план, а воспоминания о христианском Риме сознательно опущены. Вот бы сочинение Поджо было обширнее и снабжено иллюстрациями! Он застал намного больше сохранившихся памятников, чем Рафаэль во-

семью десятилетиями спустя. Сам Поджо еще видел гробницу Цецилии Метеллы и колоннаду одного из храмов на склоне Капитолия: сначала в целости, а позднее - уже в полуразрушенном виде, что объяснялось несчастливой способностью мрамора легко превращаться в результате обжига в известь. Колоссальный колонный зал возле храма Минервы постепенно, колонна за колонной также постигла та же судьба. Автор одного письма 1443 г. сообщает о продолжении этого обжига извести, «что это просто стыд и срам: ведь новые здания имеют жалкий вид, и если есть в Риме что прекрасное, так это руины»¹². Тогдашние обитатели Рима в их деревенских плащах и башмаках выглядели на взгляд приезжих какими-то пастухами; и правда, коровы паслись здесь вплоть до самого Банки. Единственным поводом для общественных сходок были церковные процессии по случаю некоторых праздников; в связи с ними можно было также лицезреть красивых женщин.

В последние годы жизни Евгения IV (ум. 1447 г.) Блонд из Форли написал сочинение «Roma instaurata»^{230*}, уже прибегая к Фронтину^{231*} и старинным «Областным книгам» (Libri regionali), а также (как можно думать) - к Анастасию^{232*}. Цель его состоит далеко уже не в одном лишь отображении существующего, но в большей степени - в разыскании погибшего. Судя по тому, что сказано в посвящении папе, перед лицом всеобщего запустения Блонд утешает себя наличием в Риме великолепных реликвий святых.

В лице Николая V (1447 - 1455) на папский престол восходит человек, обладающий тем новым монументальным духом, что был характерен для Возрождения. Когда Рим обрел более высокий статус и началось его благоустройство, с одной стороны, возрастала опасность для руин, но с другой, росло и уважение к ним как к одной из достопримечательностей города. Пий II полон антикварных интересов, и пусть нечасто он заговаривает о римских древностях, зато все свое внимание он посвятил древностям всей прочей Италии, а что до окрестностей города, то он первым их хорошо узнал и описал¹³ в таком полном объеме. Как духовное лицо и как космографа его в равной степени интересовали как античные, так и христианские памятники и природные диковины. Не приходилось ли ему совершать над собой насилие, когда он писал, например, следующее: «Нола снискала больше славы памятью св. Павлина, нежели воспоминаниями, связанными с Римом или с героической борьбой Марцелла^{233*}»? Не то чтобы у нас были основания сомневаться в его вере в священные реликвии; просто в духе Пия II ощущается уже в большей степени исследовательская жилка по отно-

шению к природе и античности, в нем чувствуется попечение о монументальном, об одухотворенном наблюдении жизни. Уже в последние годы своего папства, мучимый подагрой и все-таки сохраняющий чрезвычайно бодрое расположение духа, он приказывает нести себя в паланкине через горы и доли - в Тускулум, Альбу, Тибуры^{234*}, Остию, Фалерии, Окрикулум, делая попутно записи обо всем, что он там увидел. Он проходит по древним римским дорогам и линиям водопровода, старается определить границы древних племен вокруг Рима. Во время одной вылазки в Тибуры с великим Федерико Урбинским тот и другой проводят время в приятнейших беседах об античности и ее военном деле, в особенности же - о Троянской войне. Даже в ходе поездки на Конгресс в Мантую (1459 г.) Пий II пытается, пусть впустую, отыскать упоминаемый Плинием лабиринт в Клузии и осматривает на Минции так называемую виллу Вергилия. То, что даже от своих аббревиаторов^{236*} такой папа должен был требовать классической латыни, ясно почти само собой. А еще как-то во время Неаполитанской войны Пий II амнистировал арпинатов - как земляков Цицерона, а также Гая Мариа, в честь которых многие из них получили имена при крещении. Лишь ему одному, как знатоку и покровителю, Blond мог посвятить свое сочинение «Roma triumphans», первую великую попытку сводного изложения римских древностей.

Разумеется, интерес к римской древности вырос за это время также и по всей Италии. Уже Боккаччо¹⁴ называл мир руин Байи «замшелыми стенами, которые тем не менее новы для современных сердец»; и с тех пор они стали считаться величайшей достопримечательностью в окрестностях Неаполя. Возникают уже и собрания древностей всякого рода. Чириако из Анконы извездил не одну только Италию, но и другие страны древнего orbis terrarum^{236*}, и привез большое количество надписей и рисунков. На вопрос, чего ради он так трудится, Чириако ответил: «Чтобы разбудить мертвых»¹⁵. Начиная с этого времени история отдельных итальянских городов оснащается действительной или вымышленной связью с Римом, будь то ссылки на непосредственное основание им или на колонии, выведенные оттуда¹⁶. Как кажется, еще издавна расторопные специалисты по генеалогии взяли за правило возводить родословные некоторых семейств к знаменитым римским родам. Это было столь привлекательно, что-такого обыкновения продолжали держаться, даже несмотря на начавшуюся в XV в. критику. Пий II без тени смущения обращается в Витербо¹⁷ к римским ораторам, просившим его о скорейшем возвращении обратно, со следующими словами: «Рим - это в такой же степени моя

родина, как и Сиена, поскольку мой дом, Пикколомини, в древности переселился из Рима в Сиену, что доказывается и частотой употребления имен Эней и Сильвий в нашей семье». Очевидно, он бы нисколько не возражал против того, чтобы принадлежать к роду Юлиев. Также и Павел II (Барбо из Венеции) позаботился о том, чтобы его дом, несмотря на вступавшее с такой возможностью в противоречие происхождение из Германии, был выведен от римлянина Агенобарба^{237*}, который вначале вместе с римской колонией очутился в Парме, а уж его потомки, вследствие политических распрей, выехали в Венецию¹⁸. Поэтому никого не должно удивлять то, что семейство Массими желало происходить от Квинта Фабия Максима^{238*}, а Корнаро^{239*} - от Корнелиев. И напротив - что-то совершенно необычное для следующего XVI столетия есть в том, что автор новелл Банделло старается возвести свой род к знатному остготу (I, новелла 23).

Но вернемся обратно в Рим. Горожане, «называвшие себя в те времена римлянами», с охотой смирились с тем энтузиазмом, который испытывала в их отношении прочая Италия. Мы еще увидим, что при Павле II, Сиксте IV и Александре VI устраиваются пышные карнавалы, должные изображать излюбленную фантастическую картину этого времени - триумф древнеримских императоров. Сколько-нибудь приподнятые чувства находили себе здесь выход всякий раз именно в такой форме. При таком настроении умов неудивительно, что 18 апреля 1485 года по городу распространился слух о том, что найдено дивно прекрасное, хорошо сохранившееся тело молодой античной римлянки¹⁹. Ломбардские каменщики, раскопавшие античный склеп на участке монастыря Санта Мария Нуова на Аппиевой дороге, за пределами гробницы Цецилии Метеллы, нашли мраморный саркофаг, на котором якобы значилось: «Юлия, дочь Клавдия». Все же остальное - чистые порождения фантазии: сами ломбардцы якобы в то же мгновение исчезли вместе с сокровищами и драгоценными камнями, лежавшими в саркофаге для украшения тела; само же тело оказалось покрыто консервирующей жидкостью и выглядело таким свежим и упругим, словно принадлежало только что умершей девочке пятнадцати лет; говорили даже, что кожа девочки еще хранит цвета жизни, а глаза ее и губы полуоткрыты. Тело перенесли во дворец Консерватории и сюда началось сущее паломничество желавших его увидеть; многие приходили сюда также и затем, чтобы ее зарисовать, «потому что она была так прекрасна, что невозможно было это ни пересказать, ни описать, а если бы и возможно было описать или поведать, те, кто ее не видал, этому

бы не поверили». По приказанию Иннокентия VIII тело девушки зарыли ночью в тайном месте перед Порты Пинциана: во внутреннем дворе дворца Консерватори остался стоять один лишь пустой саркофаг. Вероятно, лицо покойной было закрыто отлитой по нему раскрашенной маской, выполненной в идеализированном стиле из воска или другого подобного материала; в пользу этого говорят также и упоминаемые в описаниях позолоченные волосы. Трогательным в этой истории является не сам по себе факт находки, но глубокая убежденность в том, что дошедшее от античности тело, которое, как были убеждены эти люди, они видели перед собой, должно было неизбежно оказаться прекраснее всего существующего ныне.

Между тем росла также и масса практических познаний в отношении Рима - на основании раскопок. Уже при Александре VI были открыты так называемые гротески, т. е. стенные и потолочные росписи древних, а в Порто д'Анцо был найден Аполлон Бельведерский. При Юлии II последовали знаменитые находки «Лаокоона», ватиканской «Венеры», «Торса», «Клеопатры» и многих других²⁰. Дворцы вельмож и кардиналов также постепенно начали наполняться античными статуями и их фрагментами. Для Льва X Рафаэль осуществил ту знаменитую реконструкцию всего древнего города, о которой рассказывается в знаменитом письме, написанном им самим (либо Кастильоне)²¹. После горьких сетований по поводу все еще продолжавшегося, т. е. даже при Юлии II, разрушения Рима, он призывает папу встать на защиту немногих сохранившихся свидетельств величия и мощи тех божественных душ древности, воспоминание о которых еще и теперь воспламеняет сердца способных ощущать возвышенное людей. С замечательной вдумчивостью он дает обоснование предмета сравнительной истории искусств вообще и формулирует в конце письма то понятие «съемки», которое не потеряло своего значения до сих пор: он требует, чтобы с каждого сохранившегося памятника были последовательно сняты план, фронтальное изображение и разрез. Здесь мы не в состоянии подробно рассказывать о том, как археология стала начиная с этих времен вырастать в особую дисциплину, что происходило прежде всего в связи с этой священной столицей мира и ее топографией, как и о том, какую грандиозную программу выдвинула в связи с этим витрувианская Академия²². Нам же следует задержаться во временах Льва X, при котором наслаждение античностью сплеталось с иными наслаждениями в какое-то чудесное цельное впечатление, освящавшее римскую жизнь. По всему Ватикану слышалось пение и раздавалась струнная музыка; звуки эти разносились по всему Риму как некое запо-

ведение жизненных радостей, пускай лично для себя Лев едва ли смог добиться того, чтобы ими были заглушены заботы и скорби, а сделанная им сознательная ставка на то, чтобы продлить свою жизнь через увеселения²³, оказалась несостоятельной по причине ранней смерти. Невозможно выйти из-под обаяния величественных картин Рима при Льве в том их виде, как они изображаются Паоло Джовио, как бы хорошо ни были засвидетельствованы также и негативные стороны всего этого: раболепие парвеню и тайная нищета прелатов, которые, невзирая на долги, должны были жить на уровне своего положения²⁴, случайный и непредсказуемый характер покровительства, оказывавшегося Львом литературе, и, наконец, его вопиюще гибельная финансовая политика²⁵. Тот же Ариосто, который так хорошо все это знал и высмеивал, тем не менее дает в своей VI сатире полное мечтательной грусти изложение своей беседы с высокообразованными поэтами, которые должны его провести по городу руин, описание полных учености советов, которые ему удалось бы здесь выслушать насчет собственных сочинений, и, наконец, - картину сокровищ, собранных в ватиканской библиотеке. Именно это, а не давно оставленная надежда на покровительство со стороны Медичи, говорит он, могло бы явиться для него соблазнительной приманкой, когда бы его пожелали убедить снова отправиться в Рим в качестве посла Феррары.

Сами по себе руины и в самом Риме, и за его пределами, пробуждали помимо археологического рвения и восторженно-патристического энтузиазма еще и элегически-сентиментальные чувства. Уже у Петрарки и Боккаччо мы наталкиваемся на отдельные мотивы в таком духе (с. 115, 118); Поджо (там же, с. 116) часто заглядывает в храм Венеры и Ромы и, будучи убежден, что это храм Кастора и Поллукса, где часто собирался сенат, погружается здесь в воспоминания о великих ораторах Крассе, Гортензии^{240*}, Цицероне. Особенно сентиментальное настроение присуще, наконец, Высказываниям Пия II в связи с его описанием Тибура²⁶, а вскоре вслед за этим возникает первое идеализированное изображение руин вместе с его описанием у Полифило^{27 241*}: развалины мощных сводов и колоннад, сквозь которые поднимаются старые платаны, лавры и кипарисы, окруженные кустарником. Едва ли возможно понять причину этого, однако теперь входит в обиход помещать изображение Рождества Христова, согласно Священной истории, среди возможно более живописных дворцовых руин²⁸. То, что искусственные развалины стали в конце концов принадлежностью пышной парковой архитектуры, - всего лишь практическое выражение того же чувства.

Однако бесконечно важнее архитектурных и вообще относящихся к изобразительному искусству остатков античности были, разумеется, остатки письменные, как греческие, так и латинские. Их в абсолютном смысле слова принято было считать за источник всякого вообще знания. Книжность этого времени великих открытий изображается нередко; мы можем здесь прибавить только несколько штрихов, которым обычно уделяется меньше внимания²⁹.

Как ни велико было воздействие античных писателей в Италии вот уже в течение длительного времени, но в особенности в XIV в., однако речь здесь шла преимущественно о дальнейшем распространении уже давно известных авторов, чем об открытии новых. Наиболее популярные латинские поэты, писатели, историки, ораторы и сочинители эпистолярного жанра вместе с рядом латинских переводов отдельных сочинений Аристотеля, Плутарха и немногих других греков - к этому-то, в сущности, и сводился, тот арсенал, которым вдохновлялось поколение Боккаччо и Петрарки. У последнего, как известно, имелся греческий Гомер, которым он восторгался, не будучи в состоянии его читать. Первый латинский перевод «Илиады» и «Одиссеи» с грехом пополам, прибегая к помощи одного калабрийского грека, осуществил Боккаччо. Лишь в XV в. начинается великая серия новых открытий, систематическое формирование библиотек на основе осуществления новых списков рукописей и исполненная рвения работа над переводами с греческого языка³⁰.

Разумеется, без энтузиазма отдельных собирателей этой эпохи, вкладывавших в это занятие все свои возможности до полного их исчерпания, мы обладали бы лишь малой частью авторов, дошедших до нашего времени; особенно это касается греков. Еще в бытность свою монахом папа Николай V влез в отчаянные долги, чтобы покупать рукописи и заказывать их копии; уже в ту пору он открыто исповедовал две великие страсти Возрождения: к книгам и строительству³¹. Став папой, он сдержал слово: переписчики работали на него не покладая рук, а агенты обшаривали полсвета. Перотто²⁴² получил у него за латинский перевод Полибия 500 дукатов, Гварино²⁴³ уже получил 1000 золотых гульденов за Страбона и должен был получить еще 500, когда бы папа не скончался так рано. Николай V оставил после себя предназначенную в пользование всех членов курии библиотеку, состоявшую из 5000 или, как оказалось при пересчете, 9000 томов³², которая составила ядро Ватиканской библиотеки. Библиотека должна была разместиться в самом дворце как благороднейшее его украшение - подобно тому как то же самое некогда имело место у царя Птолемея Фила-

дельфа²⁴⁴ в Александрии. Когда по причине разразившейся чумы Николай V вместе со двором отправился в Фабриано, он взял с собой своих переводчиков и компиляторов - чтобы они не умерли.

Флорентиец Николо Никколи^{33 246}, член кружка ученых друзей, собравшихся вокруг старшего Козимо Медичи²⁴⁶, пустил все свои средства на приобретение книг; в конце концов, когда у него самого больше ничего не осталось, Медичи предоставляли ему любые средства, в которых он нуждался для этих целей. Ему мы обязаны полным текстом Аммиана Марцеллина, сочинением Цицерона «Об ораторе» и многим другим. Он подвиг Козимо на приобретение великолепнейшего экземпляра Плиния из одного монастыря в Любеке. Со щедрой доверчивостью он одалживал свои книги, а также позволял людям читать их у него дома столько, сколько они хотели, после чего беседовал с ними о прочитанном. Собрание Никколи, 800 томов, оцененных в 6000 золотых гульденов, поступило после его смерти при посредничестве Козимо в монастырь Сан Марко на условии сохранения доступа к нему общественности.

Из двух великих разыскателей книг, Гварино и Поджо, последний³⁴, как известно, отчасти по поручению Никколи, развивал кипучую деятельность в южнонемецких монастырях, делая это в связи с собором в Констанце. Там им были обнаружены шесть речей Цицерона и первый полный текст Квинтилиана²⁴⁷ - Сен-Галленский, теперь Цюрихский, кодекс. За 32 дня Поджо его полностью переписал, притом чрезвычайно красивым почерком. Он смог значительно дополнить Силия Италика²⁴⁸, Манилия²⁴⁹, Лукреция, Валерия Флакка²⁵⁰, Аскония Педианского²⁵¹, Колумеллу²⁵², Цельса²⁵³, Авла Геллия²⁵⁴, Стация и многих других. Вместе с Леонардо Аретино Поджо выявил еще 12, теперь уже последних пьес Плавта, а также речи Цицерона против Верреса.

Руководствуясь чувством античного патриотизма, знаменитый грек кардинал Виссарийон³⁵, подвергаясь тягчайшим лишениям, собрал 600 манускриптов как языческого, так и христианского содержания, и разыскивал теперь надежное место, в котором он мог бы их сохранить, с тем чтобы его несчастная родина, если она когда-либо освободится, смогла вновь обрести свою утраченную литературу. Венецианская синьория (с. 54) заявила о своей готовности построить подходящее помещение, и еще до сих пор в библиотеке св. Марка хранится часть этих сокровищ³⁶.

За возникновением знаменитой библиотеки Медичи стоит своя совершенно особая история, входившая в подробности которой мы теперь не можем. Главным собирателем у Лоренцо Великолепного был Иоанн Ласкарис²⁶⁵. Как известно, после разграбления 1494 г.

собрание должно было вновь, книга за книгой, восстанавливаться кардиналом Джованни Медичи (Львом X).

Библиотека Урбино³⁷ (ныне в Ватикане) была всецело создана великим Федерико да Монтефельтро (с. 36), который начал собирать книги еще мальчиком, а впоследствии постоянно содержал в разных местах от 30 до 40 *scrittori*^{256*} и за все время истратил на это свыше 30000 дукатов. Собрание этой библиотеки было весьма систематически продолжено и дополнено, главным образом с помощью Веспасиано, и то, что рассказывает об этом он сам, особенно примечательно, поскольку являет собой картину идеальной библиотеки этого времени. К примеру, в Урбино имелись каталоги Ватиканской библиотеки, библиотеки Сан Марко во Флоренции, библиотеки Висконти в Павии и даже каталог библиотеки Оксфорда. На их основании можно было с гордостью обнаружить, что по полноте сочинений отдельных авторов библиотека Урбино многократно превосходила их всех. Если говорить в целом, перевес был, быть может, на стороне средневековья и теологии: здесь имелся полный Фома Аквинский, полный Альберт Великий^{257*}, полный Бонавентура^{258*} и пр. Но вообще библиотека эта была чрезвычайно разносторонней и содержала, например, все какие только возможно было достать сочинения по медицине. Среди «*gподерни*»^{260*} в числе первых значились великие писатели XIV в., прежде всего Данте и Боккаччо; за ними следовали 25 отборанных гуманистов, представленных всеми их итальянскими и латинскими сочинениями, а также вообще всем, что они перевели. Среди греческих рукописей значительное преобладание было за отцами церкви, однако и из классики здесь среди прочего значились один за другим: все сочинения Софокла, все сочинения Пиндара, все сочинения *Менандра*. Что касается последнего, то речь, очевидно, идет о кодексе, который исчез из Урбино очень рано³⁸, в противном случае филологи уже вскоре издали бы его.

Также мы можем составить себе представление, каким образом возникали тогда рукописи и библиотеки. Непосредственная покупка древнего манускрипта, который бы содержал редкий или единственный полный текст древнего автора была, естественно, редким подарком судьбы и на такую возможность рассчитывать не приходилось. Первое место среди переписчиков и почетное звание *scrittori* в собственном смысле слова приобретали люди, знавшие греческий язык. Были они всегда немногочисленны, и труд их щедро оплачивался³⁹. Прочие, *copisti* в собственном смысле, были частью работниками, только этим и жившие, а частью - бедные ученые, нуждавшиеся в дополнительном заработке. Замечательно, что во времена Николая V

переписчиками в Риме были преимущественно немцы и французы⁴⁰, по всей вероятности, люди, о чем-либо ходатайствовавшие перед курией, которые должны были откуда-то добывать деньги на свое пребывание здесь. Когда, к примеру, Козимо Медичи пожелал срочно заложить библиотеку для своего любимого поместья Бадии под Фьезоле, он вызвал к себе Веспасиано и получил от него совет: отказаться от покупки наличных в запасниках книг, поскольку то, что желательно бывает купить, в запасниках отсутствует, но разместить заказы на переписку. После этого Козимо заключил с ним соглашение о размере поленной оплаты, Веспасиано же нанял 45 писцов и представил за 22 месяца 200 готовых томов⁴¹. Указатель, на основании которого осуществлялась работа, Козимо получил из рук самого Николая V⁴². (Разумеется, церковная литература и партии для церковного хора далеко превосходили по объему все остальное.)

Рукописи выполнялись тем изящным новоитальянским письмом, начало которого относится еще к XIV в. Когда смотришь на книгу, относящуюся к этому времени, уже сам вид этого письма доставляет наслаждение. Папа Николай V, Поджо, Джанноццо Манетти^{260*}, Николо Никколи и другие знаменитые ученые были сами прирожденные каллиграфы, и потому они требовали одного лишь во всех отношениях прекрасного и мириться только с ним одним. Также и все прочее оформление книги, даже в том случае, когда здесь не имелось никаких миниатюр, носило печать чрезвычайно тонкого вкуса, что особенно доказывают кодексы Лауренцианской библиотеки с их легкими линейными заставками в начале и конце. Материалом для книг служил, если она выполнялась для важных господ, исключительно пергамент, переплет же, будь то в Ватиканской библиотеке или в библиотеке Урбино, делался из карминно-красного бархата с серебряными застежками. Вполне понятно, что при таком настроении умов, когда благоговение перед содержанием книги было желательно по мере сил обнаружить в ее оформлении, внезапно появившиеся печатные книги натолкнулись поначалу на сопротивление. Федерико да Урбино «стыдился бы» иметь печатную книгу⁴³.

Однако утомленные переписчики (не те, что зарабатывали перепиской на жизнь, но многочисленные люди, вынужденные переписывать книгу для того, чтобы ею обладать) ликовали по поводу немецкого изобретения⁴⁴. Вскоре оно стало применяться в Италии для размножения сначала римских авторов, а затем также и греческих (причем долгое время в этих целях оно применялось исключительно здесь), и все же дело подвигалось далеко не

так споро, как можно было ожидать, учитывая всеобщий энтузиазм по поводу этих сочинений. На протяжении некоторого времени формируются начала современных отношений авторов и издательства⁴⁵, а при Александре VI возникает предварительная цензура, поскольку ныне становится совсем не так легко уничтожить книгу, как этого еще смог добиться Козимо от Филельфо⁴⁶.

То, каким образом мало-помалу, в связи с прогрессом в изучении языков и античности вообще, формировалась теперь критика текста, в столь же малой степени лежит в поле зрения данной книги, как и история учености вообще. Нам следует заниматься не самим знанием, которым обладали итальянцы, но воспроизведением античности в литературе и жизни. Однако да будет нам все же дозволено сделать еще одно замечание в отношении исследований как таковых.

Греческая ученость была сосредоточена преимущественно во Флоренции и вообще характерна в основном для XV и начала XVI в. Движение, начало которому было положено Петраркой и Боккаччо⁴⁷, как следует думать, не простиралось далее сочувствия со стороны нескольких воодушевленных дилетантов. С другой стороны, в 1520-е годы, по мере вымирания колонии ученых греческих беженцев, пресеклись и исследования в области греческого языка вообще⁴⁸, так что истинным везением было то, что за это время овладеть им удалось северянам (Эразму, Этьенам²⁶¹, Бюде²⁶²). Колония эта была основана Мануилом Хрисолором²⁶³ и его родственником Иоанном, а также Георгием Трапезундским, затем приблизительно около момента падения Константинополя и после него сюда прибыли Иоанн Аргиропуло²⁶⁴, Теодор Газа²⁶⁵, Дмитрий Халкондил²⁶⁶, выросший настоящими греками своих сыновей Теофила и Василия, Андроник Каллист, Марк Мусурос²⁶⁷ и семейство Ласкарис²⁶⁸, а также несколько других. Однако со времен завершения покорения Греции турками не произошло выдвигания поросли новых ученых мужей, за исключением сыновей беглецов и, быть может, одного-двух кандиотов²⁶⁹ и киприотов. То, что теперь, приблизительно около времени кончины Льва X, начался также упадок исследований и в области греческого языка как такового, отчасти имело причиной общую перемену в умонастроениях⁴⁹, а кроме этого, и относительное пресыщение содержанием классической литературы. Разумеется, совпадение этой тенденции с вымиранием ученых греков также не является чем-то случайным. Если в оценке уровня изучения греческого языка самими итальянцами принять за точку отсчета момент около 1500 г., то это была эпоха, когда оно достигло высшего расцве-

та: тогда учились разговаривать по-гречески люди, которые полстолетия спустя, уже будучи стариками, все еще обладали такой способностью, например папы Павел III и Павел IV⁵⁰. Разумеется, однако, для такой степени овладения предметом было необходимо общение с природными греками.

За пределами Флоренции платные учителя греческого языка почти постоянно имелись в Риме и Падуе, в Болонье же, Ферраре, Венеции, Перудже, Павии и других городах они по крайней мере появлялись время от времени⁵¹. В области греческого языка бесконечно велики заслуги, числящиеся за типографией Альдо Мануччи в Венеции, где впервые были напечатаны по-гречески наиболее важные и объемистые авторы. При этом Альдо постоянно рисковал своим состоянием: то был издатель и типограф, каких поискать за всю историю издательского дела во всем мире.

Хотя бы парой слов следует здесь упомянуть и то, что помимо классических исследований довольно значительное место завоевала в Италии также и ориенталистика. То, что Джанноццо Манетти⁶², великий флорентийский ученый и государственный деятель (1459 г.), выучил древнееврейский язык и вообще познал всю иудейскую ученость, было связано с догматической полемикой с евреями. Его сын Аньола должен был с детства изучать латинский, греческий и еврейский языки. Сам папа Николай V поручил Джанноццо сделать новый перевод полной Библии, поскольку бытовавшие в филологических кругах этого времени настроения склонялись к тому, чтобы отказаться от Вульгаты⁵³. Да и помимо них еще задолго до Рейхлина²⁷⁰ находилось немало гуманистов, включавших в круг своих занятий также и еврейский язык, а Пико делла Мирандола обладал талмудистской и философской ученостью образованного раввина. Потребность в изучении арабского языка создала прежде всего медицина, которая более не могла удовлетворяться старинными латинскими переводами великих арабских врачей. Внешним же поводом для этого явились венецианские консульства на Востоке, при которых состояли итальянские врачи. Иеронимо Рамузио, венецианский врач, переводил с арабского и умер в Дамаске. Андреа Монгаджо из Беллуно⁵⁴ долгое время оставался в Дамаске ради Авиценны²⁷¹. Он выучил арабский язык и исправил текст своего автора; венецианское правительство назначило его преподавать этот предмет в Падуе.

Прежде чем перейти к рассмотрению воздействия, оказывавшегося гуманизмом как таковым, нам следует еще немного задержаться на Пико. То был единственный человек, отважив-

шийся на то, чтобы во рсеуслышание и с большой настойчивостью отстаивать науку и истину всех времен, выступая против одностороннего возведения античности на недостижимый пьедестал⁶⁵. Он ценит содержательную сторону не только Аверроэса^{272*} и еврейских исследователей, но также и схоластиков средневековья; ему кажется, что он слышит, как они говорят: «Мы будем жить вечно - не в школах педантов, но в кругу мудрецов, где обсуждению подвергается не вопрос о матери Андромахи или о сыновьях Ниобы, но о глубинных основаниях человеческих и божественных вещей. Кто подойдет поближе, заметит, что также и варвары обладают духом (Mercurium), бющимся не на языке, но в груди». Владея мощным, вовсе не лишенным изящества латинским языком и ясной манерой изложения, Пико с презрением относится к педантическому пуризму и общей завышенной оценке заимствованной формы, особенно когда это связано с односторонностью и ущербом для великой целостной истины в ее существовании. На примере Пико возможно видеть, какой высокий взлет извела бы итальянская философия, когда бы Контрреформация не обезобразила здесь всю высшую духовную жизнь.

Но что это были за люди, соединившие благоговейно почитаемую античность с современностью и превратившие первую в основное содержание современного для них образования?

Это поистине тысячеликая толпа, предстающая нынче в одном, а завтра - в ином облике; однако и в эпохе, и в них самих присутствовало сознание того, что они являют собой новый элемент гражданского общества. В качестве их предшественников возможно рассматривать прежде всего тех странствующих клириков XII в., о поэзии которых шла речь выше (с. 113): тот же самый скитальческий образ жизни, те же свободные и даже более чем свободные воззрения на жизнь и по крайней мере начатки той же «антикизации» поэзии. Однако в противовес всему средневековому, все еще преимущественно духовному образованию, к тому же и находившемуся в руках духовных лиц, ныне на свет появляется новое образование, ориентированное в основном на то, что средневековью предшествовало. Люди, являющиеся его активными проводниками, становятся важными господами⁵⁶, потому что они знают то, что знали древние, потому что они пытаются писать так, как писали древние, потому что они начинают мыслить и едва ли не чувствовать так, как думали и чувствовали древние. Традиция, которой они себя посвящают, воспроизводится в тысяче разнообразных эпизодов.

Нередко приходится слышать сетования авторов Нового времени, жалующихся на то, что ростки несравненно более самостоятельного, по всей видимости, в существе своем итальянского образования, в том виде, как они проявились во Флоренции около 1300 года, были впоследствии полностью заглушены гуманистическими тенденциями⁵⁷. В это время во Флоренции все поголовно умели читать, даже погонщики ослов распевали канцоны Данте, а лучшие из сохранившихся итальянских манускриптов принадлежали первоначально флорентийским рабочим. Тогда-то и стало возможным появление на свет такой популярной энциклопедии, как «Tesoro» Брунетто Латини^{273*}. В основе же всего этого лежали превосходные личностные свойства, да еще доведенные во Флоренции до совершенства участием в государственных делах, торговле и путешествиях, но главным образом - полным отказом от всяческой праздности. В те времена флорентийцы высоко ценились и использовались во всем мире, и не напрасно именно в этом 1300 году папа Бонифаций VIII^{274*} назвал их «квинтэссенцией». Под мощным напором гуманизма эта доморощенная тенденция стала приходиться приблизительно с 1400 г. в упадок: начиная с этого времени все стали ждать разрешения всех вопросов от одной лишь античности, по причине чего дали литературе выродиться в сплошное цитирование. Сама утрата Италией свободы также связана с данным аспектом, поскольку эрудиция эта покоилась на порабощении авторитетам, приносила свои суверенные городские права в жертву римскому праву, а потому искала и находила благосклонность сильных мира.

К этим жалобам мы еще будем время от времени возвращаться при оценке истинных масштабов нанесенного ущерба и положительных моментов, его компенсировавших. В настоящий же момент необходимо прежде всего констатировать тот факт, что культура энергичного XIV столетия была уже сама с неотвратимостью направлена на полную победу гуманизма и что именно величайшие деятели чисто итальянского духа были людьми, широко распахнувшими двери перед безудержным увлечением античностью в XV в.

И в первую очередь здесь следует назвать Данте. Когда бы итальянская культура была продолжена рядом гениев его калибра, такие люди, даже в условиях сильнейшей насыщенности античными элементами, смогли бы сохранить в высшей степени своеобразный национальный характер. Однако ни Италия, ни весь Запад в целом не смогли произвести на свет второго Данте, и, таким образом, он был и остается тем, кто впервые с

настойчивостью выдвинул античность на передний план культурной жизни. Хотя Данте и не рассматривает античный и христианский мир в «Божественной комедии» как совершенно равноправные, однако постоянно проводит между ними параллели. Как раннее средневековье сопоставляло типы и антитипы из повествований и картин Ветхого и Нового завета, так и Данте, как правило, соединяет вместе языческий и христианский примеры одного и того же факта⁶⁸. Не следует забывать также и того, что просторы христианской фантазии и христианской истории были хорошо изведаны, в то время как мир античный был сравнительно неизвестным, многообещающим и будящим воображение, что в условиях поголовного участия в нем общества гарантировало ему перевес, когда не стало обеспечивавшего баланс между ними Данте.

В умах большинства живущих ныне людей Петрарка существует в качестве великого итальянского поэта, в то время как слава, которой он пользовался у современников, была в гораздо большей степени связана с тем, что он как бы олицетворял в своей личности античность, подражал всем жанрам латинской поэзии и писал письма, которые, являясь исследованиями по отдельным вопросам античности, имели недоступную нашему разумению, но для этого лишенного учебников времени очень понятную ценность.

Чрезвычайно схожим образом обстоит дело с Боккаччо: на протяжении 200 лет слава его гремела по всей Европе в связи с его мифографическими, географическими и биографическими компилятивными работами на латинском языке, еще до того, как по сю сторону Альп стало известно о его «Декамероне» хоть сколько-нибудь поподробнее. В одном из этих сочинений, «De genealogia Deorum»^{276*}, в книгах 14-й и 15-й, содержится достойное нашего внимания дополнение, в котором Боккаччо рассматривает вопрос относительно положения, занимаемого молодым гуманизмом по отношению к своему собственному столетию. Мы не должны обманываться тем, что он постоянно говорит об одной только «поэзии», поскольку при ближайшем рассмотрении можно заметить, что Боккаччо имеет в виду вообще всю духовную деятельность поэта-филолога⁶⁹ в целом. Вот с ее врагами и ведет он непримиримейшую борьбу: с распущенными невеждами, знающими толк только в кутежах и беспутстве; с теологами-софистами, которым Геликон, Кастальский ключ и Фебова роща представляются сущей нелепицей; с алчными юристами, почитающими поэзию за нечто излишнее, поскольку за нее не платят денег; и, наконец, с (описанными

иносказательно, однако вполне узнаваемыми) нищенствующими монахами, которые охотно сокрушаются по поводу язычества и безнравственности⁶⁰. За этим следует позитивная защита, похвала поэзии, а именно ее глубокого, подчас аллегорического смысла, некоторой вполне оправданной затемненности, которая должна служить средством устрашения тупого ума невежд. И наконец, автор оправдывает новое отношение, занимаемое эпохой в отношении язычества вообще, явно ссылаясь при этом на свои ученые труды⁶¹. Ведь необходимость в ином, нежели теперешнее, отношении существовала тогда, когда древняя церковь вынуждена была обороняться от язычников. Но теперь - хвала Иисусу - истинная религия укрепилась, все язычество искоренено и торжествующая церковь завоевала неприятельский лагерь. Ныне нам возможно рассматривать и разбирать язычество почти (fere) безо всякой опасности. Это тот же самый аргумент, что выдвигало в свою защиту и все Возрождение.

Таким образом, на свет явилось здесь нечто новое, а с ним - и новая группа людей, бывших представителями этого явления. Совершенно бесплодны споры относительно того, не должно ли было это новое явление замереть в своем победоносном шествии, сознательно себя ограничить и сохранить определенные права первенства за чисто национальным духом. Ни в чем не были тогда люди так убеждены, как в том, что именно античность и составляет высшую славу итальянской нации.

Чрезвычайно характерной для этого первого поколения поэтов-филологов была одна символическая церемония, которая не пресеклась еще и в XV - XVI вв., но лишилась здесь своего высшего патетического выражения; мы говорим об увенчании поэта лавровым венком. Начало церемонии теряется в глубинах средневековья, а положения строгого ритуала она так никогда и не достигла: то была общественная демонстрация, обнаруживаемый явно всплеск литературного воодушевления⁶² и уже по этой причине - нечто зыбкое. Например, у Данте, можно думать, с ней была связана идея некоего полурелигиозного посвящения: он желал собственноручно увенчать себя венком над купелью Сан-Джованни, где был крещен он сам, как и тысячи других флорентийских детишек⁶³. Со своей славой он мог, говорит его биограф, принять лавры в каком угодно месте, однако желал, чтобы это произошло только у него на родине, и по этой причине умер неувенчанным. В дальнейшем мы здесь узнаем, что до той поры обычай этот не был в ходу и было принято считать, что римляне переняли его у греков. Несомненно,

что ближайшая к нему реминисценция действительно брала свое начало в устроенных по греческому образцу на Капитолии состязаниях кифаристов, поэтов и других художников, которые со времени Домициана торжественно справлялись каждые пять лет и, возможно, на некоторое время пережили гибель Римской империи. Однако, поскольку нелегко было отыскать второго такого поэта, кто, подобно Данте, отважился бы короновать сам себя, возникал вопрос о том, кто возьмет на себя функцию присуждающего венки органа. Альбертино Муссато (с. 95) был увенчан около 1310 года в Падуе епископом и ректором университета. Относительно права на то, чтобы увенчать Петрарку (1341 г.), спорили Парижский университет, ректором которого был как раз в это время уроженец Флоренции, и римские городские власти; что же до назначившего самого себя его экзаменатором короля Роберта Анжуйского^{276*}, то он с удовольствием перенес бы церемонию в Неаполь. Однако Петрарка предпочел всему этому увенчание римским сенатором на Капитолии. И в самом деле, на протяжении некоторого времени этот венок оставался честолюбивой целью многих: в качестве такой он привлекал, например, Якоба Пицингу, видного сицилийского чиновника⁶⁴. Однако в Италии в это время появился Карл IV, который доставлял себе удовольствие тем, что угождал церемониями тщеславным людям и бездумным массам. Основываясь на том измышлении, что увенчание поэтов было некогда делом древних римских императоров, а потому ныне по праву принадлежит ему, он увенчал в Пизе флорентийского ученого Дзаноби делла Страда⁶⁵, к большому неудовольствию Боккаччо (см. ук. место), не желавшего признавать этот *laurea pisana*^{277*} за полноценный. И в самом деле, возможно было задать вопрос, с какой стати этот полуславянин брал на себя функции судьи в отношении достоинств итальянских поэтов! Однако и позже разъезжающие по Италии императоры увенчивали отдельных поэтов, в стороне от чего в XV в. не пожелали оставаться также и папы и прочие правители, пока наконец место и обстоятельства вообще не утратили здесь какое-либо значение. Во времена Сикста IV Академия⁶⁶ Помпония Лета^{278*} присуждала венок от своего имени. Флорентийцам хватило такта, чтобы увенчивать своих знаменитых гуманистов, однако делалось это лишь посмертно. Так были увенчаны Карло Аретино^{279*} и Леонардо Аретино; хвалебную речь, посвященную первому из них, перед всем народом, в присутствии членов совета, произнесил Маттео Пальмери^{280*}, посвященную же второму - Джанноццо Манетти. Ораторы стояли в головах носи-

лок, на которых, укутанное в шелковые драпировки, было выставлено тело усопшего⁶⁷. Кроме того, Карло Аретино был почитен еще и надгробием (в Санта Кроче), великолепнейшим памятником вообще всего Возрождения.

* * *

Воздействие античности на образование, о чем пойдет у нас речь впредь, прежде всего предполагало, что гуманизм должен был овладеть университетами. Это действительно произошло, однако не в том масштабе и не с теми последствиями, которые возможно было предвидеть.

Большинство итальянских университетов⁶⁸ достигли настоящего расцвета лишь тогда в XIII и XIV вв., когда растущее благосостояние потребовало также возрастания заботы об образовании. Поначалу чаще всего здесь имелось лишь три профессуры: церковного и светского права и медицины; со временем сюда добавились один риторик, один философ и один астроном, последний, как правило, хотя и не всегда, был то же самое, что астролог. Оплата труда различалась чрезвычайно: в некоторых случаях профессора даже премировались определенной суммой сразу. С подъемом образования разгоралось соперничество, так что университеты старались переманить друг у друга знаменитых учителей. При таких обстоятельствах были времена, когда Болонья вынуждена была половину своих государственных доходов (20 000 дукатов) расходовать на университет. Как правило, в университет приглашали лишь на время⁶⁹, и даже на один семестр, так что преподаватели должны были вести бродячую жизнь, как актеры. Однако иногда ученые занимали кафедры пожизненно. В некоторых случаях бралось обещание, что ученый не будет преподавать более ни в каком месте. Кроме того, существовали также и неоплачиваемые, добровольные учителя.

Из всех перечисленных вакансий гуманисты нацеливались, разумеется, преимущественно на место профессора риторики; однако вопрос о том, сможет ли данный гуманист выступать также в качестве юриста, медика, философа или же астронома, целиком и полностью зависел от того, насколько велика была степень освоения им сведений из области античности. Как состояние самих наук, так и внешнее положение преподавателей было еще чрезвычайно неустоявшимся. Так, не следует упускать из виду то обстоятельство, что жалованье и реальные выплаты отдельным юристам и врачам намного превосходили

то, что доставалось остальным (первые, главным образом, получали деньги в качестве видных консультантов по вопросам притязаний и процессов содержавших их государств). В Падуе в XV в. встречается жалование юриста в 1000 дукатов⁷⁰, а одному знаменитому врачу предлагали жалование в 2000 дукатов и право практики⁷¹ (до того он получал в Пизе 700 золотых гульденов). Когда юрист Бартоломео Сочини^{281*}, профессор в Пизе, принял от Венеции назначение в Падую и хотел выехать туда, флорентийское правительство его задержало и соглашалось освободить лишь под залог в 18 000 золотых гульденов⁷². Уже в силу такого соотношения цен на различные специальности можно понять, что известные филологи проявляли себя как юристы и врачи; с другой стороны, постепенно оформлялась та тенденция, что всякий ученый, желавший что-либо собой представлять в любой области, должен был в большой степени проникнуться гуманистическим духом. В скором времени мы еще вернемся к отдельным отличавшимся широким охватом видам практической деятельности гуманистов. -

Однако приглашение на работу филолога как такового, пусть даже в отдельных случаях это было связано с довольно приличными окладами⁷³ и побочными доходами, являлось, вообще говоря, делом преходящим и непостоянным, так что один и тот же человек мог трудиться в целом ряде заведений. Очевидно, смена лиц приветствовалась, и от каждого ждали какой-то новизны, что легко понятно в случае науки, находившейся еще в процессе становления, т. е. в большой степени зависевшей от личностей. Кроме того, не во всех случаях можно было положительно утверждать, что преподаватель, читающий курс по античным авторам, действительно принадлежит к университету соответствующего города: при легкости, с которой преподаватели появлялись и уходили, при большом числе мест, которыми возможно было располагать (в монастырях и пр.), вполне могло хватить одного лишь частного преподавания. В те самые первые десятилетия XV столетия⁷⁴, когда Флорентийский университет достиг своего высшего блеска, когда в аудитории здесь набивались придворные Евгения IV, а возможно, уже и Мартина V, когда Карло Аретино и Филельфо читали курсы друг с другом по очереди, во Флоренции существовал не только второй почти полный университет у августинцев в Сан Спирито, не только целое объединение ученых у камальдуленцев в Анджели, но еще и видные горожане, просто как частные лица, собирались вместе или же поодиночке и устраивали чтение филологических или философских курсов для себя и других. Фило-

логические и антикварные занятия в Риме долгое время не имели почти никакой связи с университетом (Sapienza) и основывались почти исключительно, с одной стороны, на особом личном покровительстве отдельных пап и прелатов, с другой же - на замещении должностей в папской канцелярии. Лишь при Льве X произошла большая реорганизация «Sapienza» с его 88-ю преподавателями, среди которых были величайшие итальянские знаменитости, в том числе и в области антиковедения; новый расцвет длился, однако, лишь короткое время. Относительно кафедр греческого языка в Италии мы уже вкратце говорили (с. 126-127).

Вообще говоря, чтобы представить себе тогдашние научные выступления, следует по возможности отвлечься от наших теперешних академических учреждений. Личное общение, диспуты, постоянное употребление латинского языка, а нередко - также и греческого, наконец, частая смена преподавателей и весьма ограниченное число книг придавали учебному процессу того времени такой облик, который нам теперь очень трудно вообразить.

Латинские школы имелись во всех сколько-нибудь значительных городах, причем далеко не только в качестве подготовительной ступени для образования высшего, но в силу той причины, что знание латинского языка шло здесь непосредственно за чтением, письмом и счетом, а уж за ним следовала логика. Существенным представляется здесь то, что школы эти зависели не от церкви, но от городских властей, многие же из них были чистой воды частными учебными заведениями.

Под руководством отдельных выдающихся гуманистов эта система школьного обучения не только достигла благодаря рациональной организации высокой степени совершенства, но стала в полном смысле высшим образованием. На том, чтобы дать образование детям правящих домов двух верхнеиталийских городов, были сосредоточены усилия институтов, которые могут быть названы единственными в своем роде.

При дворе Джован Франческо Гонзага в Мантуе (правил с 1407 по 1444 г.) явился великолепный Витторино да Фельтре^{75282*}, один из тех людей, что посвящают все свое существование достижению одной-единственной цели, к чему они в высшей степени готовы как по силам, так и по уму. Вначале он воспитывал сыновей и дочерей правящей династии, причем вывел одну из девушек на уровень подлинной учености. Но когда слава о нем распространилась по всей Италии и возможности учиться у Витторино искали дети из видных и богатых семей как из близ-

ких, так и из отдаленных мест, Гонзага не только пошел на то, чтобы его семейный учитель воспитывал также и этих детей, но, можно думать, он почитал за честь для Мантуи то, что она является местом воспитания представителей высшего света. Здесь впервые преподавание научных дисциплин было уравновешено гимнастикой и всевозможными благородными телесными упражнениями - для всех школьных питомцев в равной степени. А кроме того, сюда присоединилась еще одна группа воспитанников, в образовании которой Витторино, быть может, видел высшую цель своей жизни: бедные и талантливые дети, которых он кормил и возвращал в своем доме «per l'amore di Dio»²⁸³ рядом с барчуками, вынужденными мириться с тем, что им приходится жить под одной крышей с талантливыми, но незнатными товарищами. Собственно говоря, Гонзага должен был ежегодно выплачивать Витторино 300 золотых гульденов, однако он покрывал также и все превышение этой суммы, что зачастую составляло еще столько же. Он знал, что Витторино гроша не присвоит и несомненно догадывался, что одновременное воспитание неимущих является тем подразумеваемым условием, на основании которого этот удивительный человек ему служит. Дом содержался в столь строгих религиозных правилах, каких не сыскать и в монастыре.

Большой акцент на ученость ставился Гварино из Вероны⁷⁶, который был в 1429 г. вызван Николо д'Эсте в Феррару для воспитания его сына Леонелло, а начиная с 1436 г., когда его воспитанник был уже почти взрослым, стал в университете профессором красноречия и обучал там же двум древним языкам. Уже помимо Леонелло у него было много других учеников из разных краев, а в собственном доме - некоторое число отобранных им бедняков, которых он частично или полностью содержал; его вечера были посвящены занятиям с этими учениками. Это также была обитель строгой религиозности и нравственности: Гварино, как и Витторино, нисколько не трогало то, что большинство гуманистов этого столетия не снискали сколько-нибудь значительных похвал на этой стезе. Самое поразительное здесь то, каким образом Гварино, при всех тех обязанностях, что приходилось ему исполнять, умудрялся еще делать переводы с греческого и писать собственные труды.

Но и помимо этого, при большинстве дворов Италии воспитание детей правителей, по крайней мере отчасти или на протяжении отдельных лет, попадало в руки гуманистов, которые таким образом сделали еще один шаг в направлении придворной жизни. Писание трактатов о воспитании принцев, раньше

относившееся исключительно к епархии теологов, как нечто само собой разумеющееся становится также их делом, так что Эней Сильвий, например, направил двум молодым немецким государям из дома Габсбургов⁷⁷ обстоятельные рассуждения на тему их дальнейшего образования, где, ясное дело, им обоим настойчиво рекомендовалось культивировать гуманизм в итальянском смысле. Верно, он знал, что напрасно переводит бумагу, и потому позаботился о том, чтобы эти сочинения разошлись по свету. Однако отношение гуманистов к правителям нуждается в особом рассмотрении.

Прежде всего заслуживают внимания те граждане, главным образом Флоренции, которые сделали из занятий антиковедением главную цель своей жизни и частью сами сделали великими учеными, частью же - великими дилетантами, поддерживавшими ученых. (Ср. с. 121 ел.) В самом деле, они приобрели столь ощутимое значение для переходного времени начала XV в., потому что именно на них гуманизм впервые воздействовал как неотъемлемый элемент повседневной жизни. Только следом за ними принялись всерьез заниматься тем же правители и папы.

Уже неоднократно у нас заходила речь о Николо Никколи и о Джанноццо Манетти. Веспасиано изображает нам Никколи (р. 625) как человека, который даже в окружении своем не терпел ничего такого, что могло бы нарушить его античное настроение. Прекрасный его облик в длинных одеждах, любезная речь, дом, полный чудных древностей, - все это производило своеобразнейшее впечатление. Он был во всем безмерно чистоплотен, особенно во время еды: здесь перед ним на белой как снег скатерти стояли античные сосуды и хрустальные бокалы⁷⁸. Тот способ, каким он внушил интерес к своим занятиям одному охочему до развлечений флорентийцу⁷⁹, слишком очарователен, чтобы здесь об этом не рассказать.

Пьеро де'Пацци, сын одного видного купца, сам назначенный судьбой на ту же роль в обществе, обладавший привлекательной наружностью и целиком преданный мирским радостям, ни о чем на свете не помышлял столь мало, как о науке. Однажды, когда он проходил мимо дворца подеста⁸⁰, Никколи подозвал его к себе. Пьеро подошел на зов высокочтимого мужа, хотя прежде никогда с ним не разговаривал. Никколи его спросил, кто его отец. «Месфир Андреа де'Пацци», - был ответ. Следующий вопрос был о том, каковы его занятия. Пьеро ответил так, как имеют обыкновение отвечать молодые люди: «Живу в свое удовольствие, attendo a darmi buon tempo». Тогда Никколи сказал: «Сын такого отца, да еще наделенный такой внешностью, ты должен стыдиться, что не

знаком с латинской премудростью, которая была бы тебе столь великим украшением. А если ты ее не познаешь, будешь никчемным человеком, и как только цвет твоей юности увянет, не будешь иметь никакого достоинства (virtu)». Когда Пьеро это услышал, он тут же согласился, что это правда, и ответил, что с радостью возьмется бы за дело, если бы смог найти учителя. Никколи на это ответил: «Позволь об этом позаботиться мне». И действительно, он рекомендовал ему одного ученого человека по имени Понтано, учившего Пьеро и латинскому, и греческому языку; Пьеро поселил его у себя на дому и платил ему 100 золотых гульденов в год. Вместо мотовства, которому Пьеро предавался прежде, теперь он день и ночь учился и стал другом всех образованных людей и государственным деятелем возвышенного образа мыслей. Он выучил наизусть всю «Энеиду», а также множество речей из Ливия, в основном по дороге между Флоренцией и своим загородным домом под Треббио.

В другом, более возвышенном смысле представлял античность Джанноццо Манетти⁸¹. В раннем возрасте, почти что ребенком, он превзошел купеческую ученость и служил бухгалтером у одного банкира. Однако через какое-то время эта деятельность показалась ему суетной и преходящей, и он устремился к науке, которая одна способна обеспечить человеку бессмертие. Первым среди флорентийской знати он с головой погрузился в книги и стал, как уже упоминалось, одним из величайших ученых своего времени. Однако когда государство решило его использовать в качестве поверенного в делах, сборщика налогов и наместника (в Пеше и Пистойе), он исполнял свои обязанности так, словно в нем пробудился некий возвышенный идеал, совместный результат его гуманистических занятий и его религиозности. Он собирал наиболее ненавистные налоги из определенных государством и не брал за свои труды никакой платы; в качестве наместника провинции он отвергал все подношения, заботился о подвозе зерна, неустанно улаживал тяжбы и вообще делал все в целях обуздания страданий добром. Горожане Пистойи так и не смогли уяснить, в сторону какой из двух местных партий он все-таки в большей степени склонялся; как бы в качестве символа их общей судьбы и равных прав он поставил на досуге историю их города, которая в пурпурном переплете как святыня хранилась в городском дворце. Когда Манетти уезжал, город преподнес ему свое знамя с гербом и роскошный серебряный шлем.

Что касается прочих ученых горожан Флоренции этого времени, нам следует сослаться в связи с ними на Веспасиано (который всех их знал) уже потому, что сам тон, сама атмосфе-

ра, в которой он пишет, предпосылки, при которых ему пришлось общаться с этими людьми, представляются куда более важными, нежели отдельные их достижения. Уже в переводе, не говоря о кратких ссылок, которыми мы вынуждены здесь ограничиться, это первейшее достоинство его книги улетучивается без всякого следа. Писатель он не из первых, однако он в курсе всех веяний и обладает глубинным ощущением их духовного значения.

Когда пытаешься анализировать то волшебное влияние, которое Медичи XV столетия, и прежде всего Козимо Старший (ум. 1464 г.) и Лоренцо Великолепный (ум. 1492 г.), оказывали на Флоренцию и своих современников вообще, обнаруживается, что наряду с политическим их значением они осуществляли наимогущественнейшее руководство образованием той эпохи. И в самом деле, кто, обладая положением Козимо, как купца и главы местной партии, имел бы на своей стороне всякого, кто здесь мыслит, исследует и пишет, кто с самого своего рождения почитался бы первым человеком во Флоренции, а кроме того, обладал бы первенством перед всей Италией еще и с точки зрения образования, - всякий такой человек несомненно являлся бы правителем в полном смысле слова. На долю Козимо выпала к тому же еще и совершенно особенная слава - человека, признавшего в платоновской философии⁸² прекраснейший цветок мира античной мысли, а затем пронизавшего свое окружение осознанием этого факта и таким образом способствовавшего второму, уже в рамках гуманизма, появлению античности на свет. То, каким образом все происходило, известно нам до мельчайших подробностей⁸³: это было связано с приглашением во Флоренцию ученого Иоанна Аргиропуло и с личным рвением самого Козимо в последние годы его жизни, так что в том, что касается платонизма, великий Марсилио Фичино^{284**} должен был бы себя называть духовным сыном Козимо. При Пьеро Медичи Марсилио Фичино выглядел уже форменным главой школы, от перипатетиков к нему переметнулся также сын Пьеро, внук Козимо, светлейший Лоренцо; среди славнейших его товарищей по школе можно назвать Бартоломео Валори, Донато Аччайоли^{286*} и Пьерфилиппо Пандольфини. В ряде мест своих сочинений вдохновенный учитель говорит о том, что Лоренцо изведаль все глубины платонизма и высказывал свое глубокое убеждение в том, что без платонизма было бы затруднительно стать хорошим гражданином и христианином. Знаменитый союз ученых, окружавших Лоренцо, был связан воедино этим возвышенным движением идеалистической

философии и выделялся изо всех объединений такого рода. Лишь посреди такого окружения Пико делла Мирандола мог чувствовать себя счастливым. Однако самое ценное, что возможно выделить в этом кружке, - это то, что наряду со всем культивировавшимся здесь почитанием древности это была поистине благословенная обитель итальянской поэзии и что изо всех исходивших от личности Лоренцо лучей света именно этот может быть назван самым мощным. Пусть как государственно-го деятеля его судят как кому угодно (с. 60, 66): чужаку не следует без особенной нужды ввязываться во внутрифлорентийское сведение счетов в вопросе о провинностях и роковых случайностях. Однако нет ничего более безосновательного, чем возведение на Лоренцо обвинения в том, что в духовной области он покровительствовал преимущественно посредственностям и что это по его вине Леонардо да Винчи и математик фра Лука Пачоли^{286*} оказались за пределами страны, а Тосканелли^{287*}, Веспуччи и другие остались, самое малое, без поддержки. Блистать в равной степени во всех областях Лоренцо, разумеется, не мог, однако он был одним из самых многосторонних людей изо всех великих, которые когда-либо пытались покровительствовать духу и развивать его, а кроме того, человеком, у которого это, возможно, более, чем у прочих, являлось результатом глубокой внутренней потребности.

Наше нынешнее столетие также считает своим долгом достаточно громко заявлять о высокой значимости, которую оно придает образованности вообще, но в области античности в особенности. Однако нигде, кроме как у этих флорентийцев XV - начала XVI в., мы не сможем найти такой полной и воодушевленной самоотдачи, признания того, что эта потребность - первейшая изо всех. В пользу этого утверждения имеются и косвенные свидетельства, отмечающие прочь какие-либо сомнения: не стали бы люди так часто позволять собственным дочерям предаваться наукам, когда бы занятия эти не почитались за наиболее возвышенное благо земного существования; они не смогли бы превращать изгнание в обитель блаженства, как Палла Строцци^{288*}; наконец, не было бы таких людей, которые, несмотря на то что совершенно ни в чем себе не отказывали, тем не менее сохраняли силы и стремление критически разбирать «Естественную историю» Плиния, как Филиппе Строцци^{84 289*}. Дело здесь вовсе не в том, чтобы кого-то хвалить или порицать, но в проникновении в дух времени в его живых проявлениях.

И помимо Флоренции в Италии имелось много других городов, где отдельные люди и целые общественные круги деятель-

но способствовали делу гуманизма, иной раз используя на это все свои средства, и поддерживали обитавших здесь ученых. Относящиеся к этому времени собрания писем обрушивают на нас массу примеров личных взаимоотношений такого рода⁸⁵. Открыто исповедуемые настроения высокообразованных людей двигали их почти исключительно в этом направлении.

* * *

Однако настало время бросить взгляд на гуманизм при дворах правителей. Выше (с. 12, 92) мы уже указывали на внутреннюю взаимосвязь между опирающимся на силу правителем и филологом, который также предоставлен исключительно собственной личности, своему таланту. И если последний, как он сам в этом подчас признавался, предпочитал государев двор свободным городам, так это по причине более щедрого вознаграждения. В то время, когда казалось, что великий Альфонс Арагонский может стать властелином всей Италии, Эней Сильвий писал⁸⁶ другому уроженцу Сиены: «Если под его властью Италия обретет мир, это было бы мне больше по сердцу, чем (если бы это случилось) под властью городских правительств, потому что благородная королевская натура вознаграждает всякое достоинство»⁸⁷. И как прежде люди излишне легко позволяли возбудить свои симпатии к этим государям похвалами, которые уделяли им гуманисты, так в Новое время была с излишней выпуклостью подчеркнута неприглядная сторона этих явлений, а именно купленная лесть. Как бы то ни было, неизменным остается всецело положительное свидетельство в пользу первого, а именно то, что эти люди полагали себя обязанными стоять на самом вершине образования (как бы односторонне оно ни было) своего времени и своей страны. Очень глубокое впечатление производит на нас непринужденное бесстрашие, проявлявшееся некоторыми папами⁸⁸ в отношении последствий, которых следовало ждать от тогдашнего образования. Николай V был спокоен насчет судеб церкви, потому что тысячи ученых мужей стояли рядом с ним, готовые прийти на помощь. При Пии II жертвы, приносившиеся на алтарь науки, уже далеко не столь значительны, его поэтическое окружение представляется весьма и весьма умеренным, однако сам он лично с гораздо большими основаниями является главой республики ученых, чем предпоследний папа перед ним^{290*}. Лишь Павел II был уже охвачен страхом и подозрительностью насчет гуманизма собственных секретарей, а трое пап, следовавших за ним,

Сикст, Иннокентий и Александр, с охотой принимали посвящения и вволю позволяли воспевать себя в стихах (существовала даже «Борджиада», по всей вероятности, в гекзаметрах⁸⁹), однако были чересчур заняты иными вопросами и слишком много думали о других опорах своей власти, чтобы много знать о поэтах-филологах. Юлию II удалось отыскивать своих поэтов, потому что сам он был незаурядным объектом для воспевания (с. 82), впрочем он, как кажется, не слишком-то о них пекся. За ним последовал Лев X, «подобно Нуме за Ромулом», т.е. после бряцания оружия, раздававшегося в предыдущий понтификат, все теперь питали надежду на понтификат, целиком и полностью посвященный музам. Удовольствие, доставляемое прекрасной латинской прозой и благозвучными стихами, составляло неотъемлемую часть жизненной программы Льва, и, само собой, его меценатство достигло в этом отношении столь многого, что латинские поэты — его приближенные — в своих бесчисленных элегиях, одах, эпиграммах и речах⁹⁰ дают чрезвычайно яркую картину этой радостной, блестящей эпохи, духом которой дышит также и принадлежащая Джовио биография. Возможно, вообще во всей истории Европы не было второго такого государя, который был бы столь многосторонне воспет при таком малом количестве хоть сколько-то достопамятных событий жизни. Как правило, поэты получали к нему доступ около полудня, когда виртуозы заканчивали свою игру на струнных инструментах⁹¹, однако один из лучших поэтов из всей этой компании⁹² дает понять, что они пытались к нему пробиться на каждом шагу, как в саду, так и в наиболее укромных помещениях дворца, а тот, кому это не удавалось, пытался достичь того же с помощью просительного письма в форме элегии, где выступал весь Олимп⁹³. Ибо Лев, который был органически не способен к бережливости в денежных вопросах и желал видеть вокруг себя только радостные и счастливые лица, одаривал людей таким способом, о котором вскоре, во времена последующей скудости, стали вспоминать как о чем-то совершенно легендарном⁹⁴. О проведенной им реорганизации «Sapienza» речь уже была (с. 135). Чтобы не впасть в преуменьшение влияния, оказанного Львом на гуманизм, нам не следует фиксировать внимание на многих скоморошествах, имевших здесь место; не следует также дать сбить себя с толку оставляющей двусмысленное впечатление иронии (с. 103), с которой подчас касается этих предметов он сам. Суждение наше должно основываться на широких возможностях в духовной области, которые можно отнести к категории «импульса»; они не могут быть учте-

нив общей картине, однако во многих частных случаях их присутствие действительно может ощущаться при использовании более тонких методов исследования. То воздействие, которое начиная приблизительно с 1520 года оказали на Европу итальянские гуманисты, неизменно так или иначе обуславливалось тем импульсом, что исходил от Льва. Это был папа, имевший право сказать в привилегии, данной типографии на вновь обретенного Тацита⁹⁵: великие авторы — это норма жизни, утешение в несчастье; покровительство ученым и приобретение замечательных книг он с давних пор почитал своей высшей целью, и теперь он также благодарит небеса за возможность способствовать удовлетворению нужд человеческого рода через предоставление привилегии данной книге.

В результате разграбления Рима в 1527 г. во все стороны отсюда рассеялись как художники, так и литераторы, и слава о великом умершем покровителе распространилась теперь уже вплоть до отдаленнейших уголков Италии.

Из светских государей XV в. наивысшее рвение к античности было проявлено великим Альфонсом Арагонским, королем Неаполитанским (с. 29). Можно полагать, в этом вопросе он был абсолютно искренен: по прибытии его в Италию античный мир с его памятниками и литературными произведениями произвел на него глубокое впечатление, в соответствии с которым он и должен был теперь строить свою жизнь. Удивительно легко он передал свой своевольный Арагон с прилегающими землями своему брату, чтобы полностью посвятить себя новому владению. На службе у него состояли — отчасти один вслед за другим, отчасти же один подле другого⁹⁶ — Георгий Трапезундский, младший Хрисолор, Лоренцо Валла, Бартоломео Фацио и Антонио Панормита²⁹¹, бывшие его историками. Последний должен был ежедневно толковать самому Альфонсу и его двору Тита Ливия, в том числе и в лагере во время походов. Эти люди обходились ему ежегодно в 20 000 золотых гульденов; за «Historia Alphonsi»²⁹² Альфонс даровал Фацио 500 дукатов и еще сверх того — 1500 золотых гульденов по окончании работы со следующими словами: «Это делается не затем, чтобы Вам заплатить, потому что оплатить Вашу работу вообще невозможно, даже если бы я подарил Вам один из лучших своих городов; однако со временем я приложу усилия к тому, чтобы Вас отблагодарить». Когда Альфонс принял к себе секретарем Джанноццо Манетти на великолепных условиях, он сказал: «С Вами я разделил бы свой последний хлеб». Еще будучи посланником-поздравителем от Флоренции по случаю свадьбы принца Фер-

ранте, Джанноццо произвел на короля такое впечатление, что тот сидел на троне неподвижно, «как статуя», не сгоняя даже мух, садившихся ему на лицо. Излюбленным его местом, как кажется, стала библиотека Неаполитанского замка, где он сидел у окна, из которого открывался особенно живописный вид на море и слушал мудрецов, когда они, например, обсуждали вопрос о Троице. Ибо Альфонс был глубоко религиозен и помимо Ливия и Сенеки приказывал читать себе вслух также и Библию, которую он знал почти наизусть. Способен ли кто в полной мере понять, какие чувства довелось испытать Альфонсу (с. 97) в связи с останками якобы Ливия, обнаруженными в Падуге? Когда в результате усерднейших ходатайств он получил от венецианцев кости из этих останков и оказал им в Неаполе благоговейный прием, в его душе, должно быть, причудливым образом переплелись христианские и языческие чувства. Во время одного похода в Абруццы кто-то издалека показал Альфонсу Сульмону, родину Овидия, и он приветствовал город и возблагодарил гения этого места. Ему доставляла явное удовольствие возможность осуществить в реальности предсказание великого поэта относительно его будущей славы⁹⁷. Однажды у Альфонса возникла идея самому явиться в античном обличье, а именно во время его знаменитого вступления в окончательно завоеванный Неаполь (1443 г.): недалеко от рынка в стене была проделана брешь шириной в 40 локтей и через нее он и проехал на позолоченной повозке, как римский триумфатор⁹⁸. Память об этом навеки запечатлена в великолепной мраморной триумфальной арке в Кастелло Нуово. Основанная им неаполитанская династия (с. 30) унаследовала от его рвения в отношении античности, как, впрочем, и из остальных его положительных качеств, очень мало или же вовсе ничего.

Несравненно большей в сравнении с Альфонсом ученостью отличался Федерико да Урбино⁹⁹, который имел вокруг себя меньшее число людей, денег нисколько не транжирил и в отношении освоения античности, как и вообще во всем, действовал строго по плану. Для него и для Николая V было неполноно большинство переводов с греческого языка, а также некоторые наиболее значительные комментарии, переработки и т. п. Людям, к услугам которых прибегал Федерико, он давал много, однако делал это целенаправленно. В Урбино не было речи о поэтическом дворе; сам хозяин был наиболее ученым из всех. Разумеется, античность составляла только часть его образования: как совершенный государь, полководец и человек он вообще овладел большей частью тогдашней науки, причем в прак-

тических целях, ради дела. В качестве теолога он сравнивал, например, Фому и Скота и знал также отцов церкви Востока и Запада, первых - в латинских переводах. Что касается философии, Федерико, как представляется, оставил целиком всего Платона своему современнику Козимо, но из Аристотеля он был хорошо знаком не только с «Этикой» и «Политикой», но и с «Физикой» и многими другими сочинениями. Значительный перевес в прочем круге его чтения - за всеми теми античными историками, которые были в его распоряжении: именно их, но не поэтов «он перечитывал снова и снова и приказывал читать их себе вслух».

Все Сфорца¹⁰⁰ также в большей или меньшей степени были образованны, а кроме этого, доказывали на практике и свое меценатство (с. 21, 32), о чем уже упоминалось выше. Герцог Франческо склонен был в связи с воспитанием собственных детей рассматривать гуманистическое образование как нечто само собой разумеющееся: если государь был в состоянии на равных общаться с наиболее образованными людьми, это, надо думать, почиталось за преимущество. Лодовико Моро, бывший сам прекрасным знатоком латыни, выказывал большую заинтересованность во всей духовной жизни, пределы которой далеко выходили за пределы античности (с. 34).

Мелкие правители также старались приобрести аналогичные преимущества, и несправедливо было бы полагать, что они прикармливали своих придворных литераторов лишь затем, чтобы те их прославили. Такой государь, как Борсо из Феррары (с. 39), при всем своем тщеславии, все-таки уже не производит впечатление человека, ожидавшего от поэтов бессмертия, с каким бы усердием эти последние ни льстили ему «Борсеидой» и т. п.; для этого самоощущение его как государя слишком развито. Уже само общение с учеными, интерес к античности, потребность в изящной переписке на латинском языке неотделимы от правителей этой эпохи. Как сокрушался высокообразованный в практическом отношении герцог Альфонс (с. 39) о том, что болезнь, которой он страдал в юности, заставила его посвятить себя одностороннему оздоровлению посредством занятия ремеслом¹⁰¹! Или же это его высказывание метит скорее в то, чтобы держать литераторов от себя поодаль? Уже современники были не в состоянии заглянуть в такую душу, какой обладал он.

Даже мелким тиранам из Романьолы нелегко было обойтись без одного-двух, а то и нескольких придворных гуманистов: домашний учитель и секретарь - это здесь зачастую одно

и то же лицо, иной раз становящееся даже правой рукой государя¹⁰². Зачастую мы излишне спешим, высказывая презрение к этим не носившим печати особого величия взаимоотношениям, поскольку забываем, что в сфере духа величайшие достижения уж никак не связаны с размахом.

И во всяком случае большим своеобразием должны были отличаться занятия при дворе в Римини, у наглого язычника и кондотьера Сиджизмондо Малатесты. Он собрал вокруг себя некоторое число филологов и щедро одарил некоторых из них, к примеру, поместьями, в то время как другие были в состоянии по крайней мере поддержать свое существование, состоя у него на службе в качестве офицеров¹⁰³. В его крепости (arx Sismundea) они, в присутствии самого rex^{293*}, как они называли Сиджизмондо, устраивали свои диспуты, протекавшие зачастую очень остро. Разумеется, в своих латинских стихах гуманисты превозносили Малатесту и его роман с прекрасной Изоттой, в честь которой, собственно, и была затеяна знаменитая перестройка церкви Сан Франческо в Римини - в качестве ее надгробия, Divae Isottaе Sacrum^{294*}. А когда филологи умирали, они попадали в (или под) саркофаги, которыми украшены ниши обеих внешних стен этой самой церкви; из высеченных на них надписей явствует, что данный человек похоронен во времена, когда здесь правил «Сигизмунд, сын Пандульфа»¹⁰⁴. Сегодня нам затруднительно поверить в то, чтобы такое чудовище, каким был этот государь, испытывало потребность в образовании и общении с учеными людьми, и тем не менее человек, отлучивший его от церкви, сжегший его самого in effigie^{295*} и пошедший на него войной, а именно папа Пий II, сказал: «Сиджизмондо знал истории, обладал обширными познаниями в философии; как бы от природы был он предназначен ко всему, за что ни брался»¹⁰⁵.

* * *

Имелись, однако, две вещи, в отношении которых как республики, так и папы с государями не в состоянии были обойтись без гуманистов: это написание писем и составление публичных и торжественных речей.

Секретарю следовало быть хорошим латинистом не из одних только соображений хорошего стиля. Скорее наоборот: лишь относительно гуманистов существовало стойкое убеждение, что они обладают образованностью и даром, необходимыми для секретарских обязанностей. По этой причине величайшие

ученые XV в. в большинстве своем провели значительную часть своей жизни на подобной службе у государства. Гражданство и происхождение не играли при этом никакой роли: из четырех великих флорентийских секретарей, водивших здесь пером с 1429 по 1465 г.¹⁰⁶, трое, а именно Леонардо (Бруни), Карло (Марсуппини) и Бенедетто Аккольти, происходили из подвластного Флоренции города Ареццо, а Поджо был из Терра Нуова, также из флорентийской области. Но и в принципе обыкновение определять на многие из высших государственных должностей иностранцев был введено в практику еще с давних времен. Леонардо, Поджо и Джанноццо Манетти также довелось какое-то время быть личными папскими секретарями, а Карло Аретини^{236*} должен был им стать. Blond из Форли и, несмотря ни на что, Лоренцо Валла также были выдвинуты на эту должность. Начиная с Николая V и Пия II¹⁰⁷ папский дворец все больше и больше привлекает в свою канцелярию самые значительные силы, даже при не имевших склонности к литературе папах конца XV в. В принадлежащей Платине^{297*} истории пап жизнеописание Павла II есть не что иное, как забавная месть гуманистов единственному папе, который не был в состоянии управляться со своей канцелярией, этим кружком «поэтов и ораторов, сообщавших курии ровно столько же блеска, сколько и она им». Стоило понаблюдать, как кипятились эти гордые господа, когда начиналась борьба за право первенства, например, при попытке адвокатов консистории добиться равного с ними положения или даже взять над ними верх¹⁰⁸. Одним духом привлекается здесь авторитет евангелиста Иоанна, которому были открыты secreta coelestia^{298*}, писца Порсенны, которого Муций Сцевола принял за самого царя^{299*}, Мецената^{300*}, бывшего личным секретарем Августа, архиепископов, которые называются в Германии канцлерами^{301**}, и пр.¹⁰⁹ «Апостольские писцы держат в своих руках важнейшие дела мира, ибо кто помимо них пишет и распоряжается в вопросах католической веры, борьбы с еретиками, установления мира, посредничества между величайшими монархами? Кто как не они дают статистические обзоры всего христианского мира? Они - люди, приводящие в изумление королей, правителей и целые народы тем, что исходит непосредственно от пап. Они составляют распоряжения и инструкции для легатов; приказание же им самим поступают только от пап, в распоряжении которых они находятся днем и ночью». Однако на самую вершину славы впервые выдвигаются лишь два знаменитых секретаря и стилиста Льва X: Пьетро Бембо и Джакомо Саделето.

Не все канцелярии писали с изяществом: в ходу был, и даже преобладал, засушенный бюрократический стиль с весьма нечистым латинским языком. Среди приводимых Корио^{302*} миланских документов яркое впечатление оставляют помещенные рядом с образцами этого сухого стиля несколько писем, должно быть, написанных членами дома самого государя, причем в наиболее критические моменты истории¹¹⁰: их латынь отличается большой чистотой. Верность стилю, демонстрируемая даже в испытаниях, - это, видимо, заповедь правильного образа жизни и следствие привычки.

Можно себе представить, как прилежно штудировались в эти времена сборники писем Цицерона, Плиния^{303*} и др. Уже в XV в. появился целый ряд указаний и форм по написанию писем на латыни (как боковое ответвление больших работ по грамматике и лексикографии), обилие которых в библиотеках вызывает изумление и по сей пору. Но чем чаще отваживались сюда вторгнуться люди некомпетентные, прибегавшие к подобным вспомогательным средствам, тем больше сил прилагали в этой области также и виртуозы, и письма Полициано, а в начале XVI в. также и Пьетро Бембо, представляются высшими достижениями, которые вообще только возможны, причем в области не одного только латинского стиля, но и эпистолярного жанра как такового.

С наступлением XVI века заявляет о себе также и классический эпистолярный стиль на итальянском языке, и здесь Бембо опять оказывается на самой вершине. Это - абсолютно современный, намеренно удаляющийся от латинского языка вид письма, и тем не менее духовно он полностью проникнут античностью и определяется ею.

В еще более ярком ореоле, чем письмоводитель, перед нашим взором является оратор¹¹¹, поскольку все это происходит в такое время и среди такого народа, который удовольствию, доставляемому слухом, отводит первенствующее место, а все души воспламенены воображаемыми картинами римского сената и его ораторов. Красноречие теперь полностью эмансипировано от церкви, в которой оно находило убежище в средние века; оно составляет необходимый элемент и украшение возвышенного образа жизни. Многие торжественные моменты, заполняемые теперь музыкой, отдавались в те времена латинским или итальянским речам. Пусть наш читатель сам составит суждение о том, к чему это вело.

Совершенно никакой роли не играло то, к какому сословию принадлежал оратор: требовался прежде всего доведенный до

виртуозности гуманистический талант. При дворе Борсо из Феррары придворный врач, Джеронимо да Кастелло, должен был обращаться с приветственными речами как к Фридриху III, так и к Пио II¹¹²; женатые миряне выходили в церквах за кафедры проповедников по всякому радостному или же скорбному поводу, даже в дни церковных праздников. Съехавшимся на Базельский собор делегатам-неитальянцем несколько необычным показалось то, что в день св. Амвросия миланский архиепископ дал выступить Энею Сильвио, не принявшему тогда еще никакого посвящения. Несмотря на ворчание теологов, они проявили к этому снисхождение и выслушали его с величайшим любопытством¹¹³.

Перечислим сначала наиболее важные и наиболее часто встречавшиеся поводы для произнесения публичных речей.

Прежде всего, не напрасно именовались ораторами посланники государств в другие государства: помимо проходивших за закрытыми дверьми переговоров существовал еще и неизбежный парадный выход, публичная речь, произносившаяся в возможно более пышной обстановке¹¹⁴. Как правило, из зачастую весьма многочисленной делегации слово брал, согласно заранее достигнутому уговору, один представитель, однако с большим знатоком красноречия Пием II, перед которым всякий держал речь с удовольствием, бывало и так, что ему приходилось выслушивать одного за другим всех членов посольства¹¹⁵. В те времена ученые государи, владевшие словом, охотно, с блеском выступали и сами, будь то по-итальянски или по-латински. Дети дома Сфорца были вышколены в этом отношении, совсем еще юный Галеаццо Мария произнес уже в 1455 г. на Большом венецианском совете складную речь на заданную тему¹¹⁶, а его сестра Ипполита приветствовала папу Пия II на конгрессе в Мантуе изысканной речью¹¹⁷. Судя по всему, весьма значителен был вклад ораторской деятельности Пия II на протяжении всей жизни в то возвышение, которое ожидало его напоследок. Будучи величайшим дипломатом и ученым во всей курии, он, возможно, так бы и не стал папой, когда бы не слава и не волшебство его красноречия. «Ибо не существовало ничего более возвышенного, чем поток его речи»¹¹⁸. Поэтому ясно, что еще до выборов множеству людей считали его наиболее достойным кандидатом на то, чтобы занять папский престол.

Так что обыкновенно по поводу всякого торжественного приёма к государям обращались с речью, причем нередко речь длилась и по часу. Разумеется, это происходило лишь тогда, когда было известно, что государь — любитель красноречия или желал бы таковым считаться¹¹⁹ и если под рукой имелся

сносный оратор, будь то придворный литератор, университетский профессор, чиновник, врач или духовное лицо.

Люди с жадностью хватались также за любой иной повод из политической сферы, и в зависимости от репутации, которой пользовался оратор, послушать его стекались все, кто испытывал к образованности пиетет. По случаю ежегодной смены чиновников и даже при представлении новопосвященного в сан епископа должен был выступать какой-нибудь гуманист, который в иных случаях¹²⁰ мог изъясняться сапфическими строфами или гекзаметрами. Многие вновь вступающие в должность чиновники также должны были самолично произнести обязательную речь о своей специальности, к примеру «О справедливости» - и счастье тому, кто был к этому подготовлен. Во Флоренции даже кондотьеры (кто бы они ни были и как бы они ни выглядели) вынуждены были уступить воодушевлению горожан и выслушивать речь по случаю вручения полководческого жезла, обращенную к ним перед лицом всего народа самым образованным из государственных секретарей¹²¹. По-видимому, под Лоджа де'Ланци, зале для торжеств, где правительство являлось народу, или рядом с ней, находилась настоящая ораторская трибуна (*rostra, ringhiera*).

Из памятных годовщин речами почитались прежде всего дни смерти государей. Собственно говоря, речь на похоронах выпадала главным образом на долю гуманистов, произносивших ее в церкви в светском одеянии, причем делалось это над гробом не только государя, но и должностных лиц и других видных людей¹²². Так же точно зачастую обстоило дело с речами по случаю помолвки и бракосочетания, разве только они (как можно полагать) произносились не в церкви, а во дворце, как, например, речь, которую держал Филельфо при помолвке Анны Сфорца и Альфонса д'Эсте в Миланском замке. (Хотя нельзя исключать и той возможности, что это происходило во дворцовой часовне.) Видные частные лица также доставляли себе подобными свадебными речами изысканное удовольствие. В Ферраре в таких случаях просто разыскивали Гварино¹²³, а уж тот мог отправить на торжество одного из своих учеников. Сама церковь брала на себя в случае венчания и похорон одну лишь церемонию в узком смысле слова.

Академические речи по случаю представления нового профессора, а также в связи с началом занятий¹²⁴ произносились самими профессорами, делавшими это с применением всех риторических красот. Впрочем, и заурядная, читаемая с кафедры лекция зачастую приближалась к речи в собственном смысле слова¹²⁶.

Адвокатам аудитория, собиравшаяся в каждом отдельном случае, давала масштаб средств, которые должны были использоваться в произносимой речи. В зависимости от обстоятельств, она могла быть оснащена полным филологически-антикварным арсеналом.

В особый разряд попадают произносившиеся по-итальянски речи перед солдатами, имевшие место иной раз перед битвой, иногда же - после нее. Федерико да Урбино¹²⁶ держался в этом отношении классических традиций: одному отряду за другим внушал он гордость и воодушевление, когда они стояли перед ним в полной боевой готовности. Возможно, многие речи у военных историков XV в., например Порчеллио (с. 71), вымышлены только отчасти, частью же основываются на том, что было действительно произнесено. Чем-то в ином роде были обращения к формировавшейся начиная с 1506 г., главным образом по инициативе Макиавелли, флорентийской милиции¹²⁷, произносившиеся на первых порах по поводу учений, а позднее - в связи с ежегодными празднованиями. Кто-то из граждан, с мечом в руке, одетый в нагрудный панцирь, произносил эту речь в церкви каждого квартала перед собравшейся там милицией.

Наконец, в XV в. проповедь в собственном смысле слова бывает иной раз уже невозможно отличить от речи, поскольку много духовных лиц также вступили в круг античной образованности и претендовали на определенное влияние и в этой среде. Так, достигший святости еще при жизни народный любимец, уличный проповедник Бернардино да Сиена³⁰⁴ почитал своим долгом не пренебрегать уроками риторики знаменитого Гварино, хотя ему предстояло произносить проповеди исключительно по-итальянски. Требования, предъявлявшиеся даже к проповедникам покаяния, были в это время выше, чем когда-либо еще; то здесь, то там можно было натолкнуться на аудиторию, способную вынести обстоятельные философские рассуждения с кафедры и, более того, этого желавшую - как можно предполагать, в образовательных целях¹²⁸. Однако в данном случае мы говорим о священнослужителях, произносивших латинские проповеди на случай. Многие поводы для этого были у них перехвачены, как уже сказано, учеными мирянами. Речи по случаю праздников определенных святых, по поводу свадеб и смертей, представления епископов и т. д. и даже речь в связи с первой отслуженной приятелем-священником мессой или же торжественная речь перед капитулом ордена были отданы мирянам¹²⁹. И все же, каким бы ни был повод для праздника, проповеди перед папским двором в XV в. произносили, как пра-

вило, монахи. При Сиксте IV Джакомо да Вольтерра^{305*} в соответствии со всеми правилами искусства¹³⁰ последовательно перечисляет и критически разбирает этих проповедников. Федра Ингирами^{306*}, гремевший при Юлии II оратор по торжественным поводам, по крайней мере, имел духовное посвящение и возглавлял хор в церкви св. Иоанна Латеранского; но и помимо него среди прелатов было теперь достаточное количество людей, владевших изящной латынью. Да и в целом признававшееся ранее с чрезмерной безоговорочностью превосходство светских гуманистов выглядит теперь, в XVI в., в данном отношении, как, впрочем, и в других, о чем речь пойдет ниже, несколько смазанным.

Однако, говоря в общем и целом, что это были за речи, каково было их содержание? Итальянцам было не занимать природного красноречия на протяжении всего средневековья, и с давних пор риторика принадлежала к числу семи свободных искусств. Однако если речь заходит о воскрешении именно античных методов, то эту заслугу следует, по словам Филиппо Виллани, отнести на счет некоего флорентийца Бруно Казини, который умер в молодом еще возрасте в 1348 г. от чумы¹³¹. Имея в виду исключительно практические задачи, а именно снабдить флорентийцев способностью изящно и непринужденно вести себя на советах и в других общественных собраниях, он в соответствии с указаниями древних трактовал изобретение^{307*}, декламацию, жестикаляцию и манеру держаться в их взаимосвязи. Нам и раньше приходилось слышать об ориентированном исключительно на практическое использование риторическом воспитании: ничто не ценилось так высоко, как способность произнести экспромтом на изящной латыни что-то подходящее к данному случаю. Подъем в области изучения речей и теоретических трактатов Цицерона, Квинтилиана и императорских панегиристов, появление новых учебников¹³², использование успехов филологии в целом и большое, количество античных идей и предметов, при помощи которых было возможно и даже необходимо обогатить свой ум - все это вместе взятое довело до совершенства характер нового искусства красноречия.

Тем не менее искусство это чрезвычайно разнится от человека к человеку. Во многих речах ощущается истинное красноречие, а именно в тех из них, которые не отвлекаются от избранной темы; сюда можно в основном отнести речи, которые остались от Пия II. А те изумительные результаты, которые достигались Джанноццо Манетти¹³³, позволяют предположить в нем такого оратора, каких немного знает вся мировая исто-

рия. Большие аудитории, на которых он выступал в качестве посла Николая V перед дожами и советом Венеции, были событиями, память о которых сохранялась длительное время. В то же время многие ораторы пользовались данным поводом для того, чтобы вместе с несколькими льстивыми замечаниями, отпущенными по адресу знатных слушателей, обрушить на них бессодержательную массу заимствованных из времен античности слов и понятий. То, каким образом было возможно это выдерживать в течение двух и даже трех часов, мы сможем понять только в том случае, если не будем упускать из виду ощущавшийся в это время острый интерес к конкретным фактам античности, а также имевшие место до всеобщего распространения книгопечатания отсутствие либо сравнительная редкость переработок. Такие речи сохраняли по крайней мере то значение, которое было нами присвоено многим письмам Петрарки (с. 130). Однако некоторые из них переходили меру. Речи Филельфо в своем большинстве представляют собой чудовищную нанизанную на нить общих мест вереницу классических и библейских цитат. В промежутках отпускаются похвалы по адресу великих и прославленных личностей по определенной схеме, например в соответствии с основными добродетелями, и лишь с большими усилиями у него и других авторов возможно бывает обнаружить немногие действительно здесь присутствующие и обладающие истинной ценностью характеристики его эпохи. К примеру, речь одного профессора и литератора из Пьяченцы по случаю встречи герцога Галеаццо Мария в 1467 г. начинается с Юлия Цезаря, смешивает ворох античных цитат и цитат из аллегорического сочинения, принадлежащего самому автору, а заканчивается обращенными к правителю чрезвычайно бестактными поучениями¹³⁴. К счастью, был уже поздний вечер, и оратор вынужден был ограничиться тем, что передал свой панегирик в письменном виде. Филельфо также начинает речь по случаю одной помолвки с таких слов: «Этот перипатетик - Аристотель и пр.»; другие же с самого начала восклицают: «Публий Корнелий Сципион и т. п.», так что создается впечатление, что и им, и их слушателям не терпелось как можно скорее выслушать какую-нибудь цитату. К концу XV в. вкус как-то вдруг выправился, что в большой степени можно поставить в заслугу флорентийцам: с этих пор в цитировании соблюдается значительная умеренность, хотя бы уже потому, что за это время стали более распространенными справочные издания, в которых всякий мог в изобилии отыскать все, прежде приводившее в изумление государей и народы.

Поскольку речи по большей части составлялись в кабинете, за письменным столом, их рукописи можно было непосредственно использовать для дальнейшего распространения и обнародования. Великие мастера экспромтов должны были, напротив, иметь стенографов, которые бы за ними записывали¹³⁵. Далее, не все речи, которые имеются в наличии, были действительно предназначены только для того, чтобы быть произнесены; так, например, принадлежавший Бериальдо Старшему³⁰⁸ панегирик Лодовико Моро - это просто направленное в письменном виде сочинение¹³⁶. И как принято было сочинять письма воображаемым адресатам во все концы света, то ли ради упражнения, то ли в качестве готовых образцов, но также и в качестве полемических сочинений, существовали и речи по вымышленным поводам¹³⁷, как образцы готовых речей для приветствия видных должностных лиц, государей, епископов и многих других.

Также и в отношении красноречия смерть Льва X (1521 г.) и разграбление Рима (1527 г.) знаменуют собой начало упадка. Насилу ускользнув от бедствий, в которые погрузился Вечный город, Джовио¹³⁸ односторонне и в то же время в основном верно описывает причины этого упадка.

«Постановки Плавта и Теренция, некогда бывшие школой упражнения в латинской речи для виднейших римлян, вытеснены итальянскими комедиями. Изящный оратор более не находит вознаграждения и признания. Поэтому адвокаты консистории, например, пишут только вступления к своим речам, а остальные преподносят беспорядочно, как мутную мешанину неизвестно чего. Речи на случай и проповеди также находятся в глубоком упадке. Будь то речь на кончину кардинала или светского вельможи, исполнители завещания не обращаются к наиболее способному в городе оратору, которого им пришлось бы вознаградить сотней золотых монет, а нанимают за ничтожную сумму первого попавшегося дерзкого начетчика, для которого главное - чтобы о нем заговорили, пусть даже то будут величайшие поношения. Покойник, полагают они, все равно не почувствует ничего, даже когда на кафедру проповедника вскарабкается обезьяна в траурном одеянии, которая начнет с хриплых хнычущих бормотаний, постепенно переходя на громкий вой. Также и праздничные проповеди в ходе папского служения больше не приносят никакой истинной награды: монахи всех орденов вновь взяли их в свои руки и читают проповеди, словно для самых необразованных слушателей. А ведь совсем немного лет прошло с того времени, когда такая проповедь в присутствии папы могла открыть дорогу к епископской должности».

Вслед за эпистолярным жанром и красноречием гуманистов мы коснемся еще иных видов их творчества, являющихся в то же время в большей или меньшей степени воспроизведениями античных образцов.

Сюда относится прежде всего научное исследование - в собственном смысле слова или же в форме диалога¹³⁹, причем в последнем случае оно было непосредственным заимствованием у Цицерона. Чтобы хотя бы до некоторой степени воздать этому жанру должное, а не отбрасывать его с порога прочь как скопление сплошных длиннот, необходимо принять в расчет две вещи. Столетие, расцветавшее со средневековьем, во многих отдельных вопросах морального и философского характера нуждалось в некоем специальном посредничестве между собой и античностью, и место это занимают теперь исключительно сочинители трактатов и диалогов. Многие из того, что представляется нам теперь в их сочинениях общим местом, для них самих и для их современников было требовавшим больших усилий воззрением на вещи, суждения по поводу которых не произносились с самой античности. Далее, сам язык достигает здесь особенной красоты слога, будь то по-итальянски или по-латински. Построение предложений становится в них более непринужденным и разнообразным, чем в историческом повествовании, в речи или письме, и многие из итальянских сочинений этого жанра до сих пор считаются образцовой прозой. Немало этих работ были уже названы или еще будут приводиться впредь в связи с их содержательной стороной, теперь же речь у нас идет о них как об особом жанре. Начиная с писем и трактатов Петрарки и вплоть до конца XV в. здесь, так же как и у ораторов, в произведениях большинства перевес на стороне собирательства античного материала. Затем жанр просветляется, в особенности на итальянском языке, и в «Азоланских беседах» Бембо, в «Умеренной жизни» Луиджи Корнаро³⁰⁹ он достигает завершенной классической высоты. Также и здесь решающим обстоятельством было то, что за это время античный материал начал аккумулироваться в особых крупных трудах обобщающего характера, которые были теперь даже напечатаны, и более не стоял на пути у авторов трактатов.

Совершенно неизбежным было завоевание гуманизмом также и исторического жанра. При беглом сравнении относящихся к этой категории «Историй» с хрониками предыдущей эпохи, а именно с теми блестящими, красочными, полными жизни работами, наподобие той, что принадлежит Виллани, нам доводится испытать чувство глубокого разочарования. Насколько по-

блекшим и манерно-изысканным предстает рядом с ними все, что вышло из-под пера гуманистов, но особенно это касается, впрочем, работ их ближайших и наиболее прославленных флорентийских последователей, Леонардо Аретино и Поджо. Какие терзания испытывает читатель, догадываясь о том, что среди написанных по образцу Цезаря и Ливия фраз Фацио, Сабеллика, Фольеты, Сенареги, Платины (в сфере мантуанской истории), Бембо (в венецианских анналах) и даже самого Джовио (в «Истории») безвозвратно гибнут лучшие индивидуальные и местные краски, гложет интерес к действительным процессам в полном их объеме! Недоверие растет с осознанием того, что в образце, которым служит для них Ливий, они пытаются обнаружить достоинства даже безо всяких к тому оснований, как, например¹⁴⁰, в том, что он «превратил сухую и обескровленную традицию в изящество и полноту». Приходится (причем тут же) столкнуться даже с сомнительного свойства признанием, что историческое сочинение должно возбуждать, раздражать, потрясать читателя при помощи стилистических приемов - словно оно в состоянии занять место поэзии. В конце концов задаешь вопросом: а не *обязано* ли было презрение к современности, в котором иной раз¹⁴¹ открыто признаются перечисленные гуманисты, оказать негативное влияние на то, как они с ней обращаются? Невольно читатель начинает с большим сочувствием и доверием относиться к неприязательным анналистам, писавшим по-латински и по-итальянски и остававшимся верными этому древнему жанру, например, к анналистам Болоньи и Феррары, и тем больше благодарности испытывает он к лучшему из писавших по-итальянски хронистам в собственном смысле слова - таким, как Марин Санудо^{310*}, как Корио, как Инфессура^{311*}, пока с началом XVI столетия на сцене не появляется новая блестящая плеяда великих итальянских историков, писавших на родном языке.

И действительно, описание истории современности оказывалось несомненно более удачным там, где оно использовало местный язык, чем когда оно оказывалось вынужденным латинизироваться. Был ли итальянский более подходящим языком также и для повествования о давнем прошлом, для исторического исследования - это вопрос, который допускает, если речь идет об этом времени, различные ответы. Латинский язык был тогда давно уже *lingua franca*^{312*} ученых не просто в международном смысле, например между англичанами, французами и итальянцами, но также и в смысле межпровинциальном, т. е. ломбардец, венецианец, неаполитанец с их итальянским пра-

вописанием (пускай даже оно было давно тосканизировано и несло в себе лишь слабые следы диалекта) не были бы признаны флорентийцем. С этим еще возможно было смириться, когда речь шла о местной истории, которая была уверена в том, что отыщет читателя в региональном масштабе, но совсем не так просто обстояло дело с историей прошлого, которой надлежало отыскать более широкий круг читателей. В данном случае сочувствие со стороны местного населения должно было быть принесено в жертву всеобщему интересу ученых. Насколько велика была бы известность Блонда из Форли, когда бы его большие ученые труды были написаны на полуроманьольском итальянском языке? Да им было бы гарантировано прочное забвение хотя бы из-за одних только флорентийцев, в то время, как будучи написаны по-латински, они оказали величайшее влияние на ученость всего Запада. И сами флорентийцы также писали в XV в. на латинском языке, не из-за того лишь, что они придерживались гуманистических воззрений, но с целью содействовать более легкому распространению своих сочинений.

Наконец, имеются также латинские описания современной истории, обладающие полными достоинствами наиболее удачных итальянских сочинений. Как только исчезает моделированное по Ливию безостановочное повествование, это прокрустово ложе столь многих сочинителей, те же самые авторы предстают словно преображенными. Тот же самый упомянутый Платина, тот же Джовио, за которыми лишь с приложением больших усилий возможно следовать в их больших исторических работах, сразу же проявляют себя в качестве замечательных биографов. Мы уже бегло упоминали о Тристане Карачоло, о биографических сочинениях Фацио, о венецианской топографии Сабеллика и пр., до остальных же мы еще дойдем.

Исполнявшиеся на латыни изображения прошлых времен посвящались, разумеется, прежде всего классической античности. Чего возможно было ожидать от этих гуманистов в меньшей степени - это отдельных значительных работ по общей истории средневековья. Первым имеющим значение трудом этого рода была хроника Маттео Пальмери, начинающаяся с того места, где остановился Проспер Аквитанский^{313*}. Тот, кто невзначай открывает «Декады» Блонда из Форли, придет до некоторой степени в изумление, поскольку здесь он натолкнется на всемирную историю «*ab inclinatione Romanorum imperii*»^{314*}, как у Гиббона, наполненную исследованиями источников, относившихся к тому веку, и где первые 300 страниц in-folio посвящены раннему средневековью до смерти Фридриха II. И это в то са-

мое время, когда на Севере все еще стояли на позициях общеизвестных хроник пап и императоров, а также *fasciculus temporum*³¹⁶! В нашу задачу не входит критический разбор того, какими именно сочинениями пользовался Блонд и где он их добывал, однако придет время и эта честь будет ему сполна воздана в истории новой историографии. Уже из-за этой одной книги вполне основательным будет утверждение: лишь исследованием античности сделало возможным также и изучение средневековья, поскольку впервые приучило дух к объективному интересу к истории. Сюда добавилось еще и то, что для Италии той эпохи средневековье было пройденным этапом и дух был в состоянии это осознать, поскольку теперь он находился уже за его пределами. Нельзя сказать, что произносившиеся в отношении средневековья суждения сразу же были исполнены справедливости или даже благоговения: в области искусств прочно воцаряется предубеждение против произведений предшествующей эпохи, а гуманисты связывают начало новой эпохи с их собственным появлением на сцене. «Я начинаю, - говорит Боккаччо¹⁴², - надеяться и верить в то, что Бог смилостивился над именем итальянцев, поскольку вижу, что его изобильная благодать вкладывает в грудь итальянцев души, равные душам древних, раз они ищут себе славы на иных путях, нежели грабеж и насилие, а именно на тропе бессмертящей имена поэзии». Однако одностороннее и немилосердное это воззрение не закрывало дороги исследованиям высокоодаренных людей в то время, когда в остальной Европе о таком еще не могло быть и речи. Историческая критика в отношении средневековья сформировалась уже в силу того, что рациональное обращение гуманистов с материалом любого рода должно было пойти на пользу также и материалу историческому. В XV столетии критика эта до такой степени пронизала уже и историю отдельных городов, что пустые баснословные измышления позднего времени исчезают вовсе из древней истории Флоренции, Венеции, Милана и др., в то время как северные хроники все еще вынуждены плестись с грузом этих поэтических, по большей части не имеющих никакой ценности, фантастических измышлений, датированных XIII в. и позже.

В связи с Флоренцией мы уже касались тесной связи, существовавшей между локальной историей и вопросом относительно славы (с. 55 сл.). Венеция не могла отставать: точно также как, например, после блестящего триумфа флорентийских ораторов¹⁴³ венецианское посольство спешно пишет на родину, чтобы был прислан оратор также и от Венеции, венецианцы нуж-

даются в такой истории, которая выдержала бы сравнение с трудами Леонардо Аретино и Поджо. При таких обстоятельствах в XV в. возникают «Декады» Сабеллико, в XVI - «*Historia rerum venetarum*»³¹⁶ Пьетро Бембо; обе работы написаны по вполне недвусмысленному заказу республики, причем вторая - как продолжение первой.

Великие флорентийские историки начала XVI в. (с. 60) - люди, при их сравнении с латинистами Джовио и Бембо, в принципиальном смысле иные. Они пишут по-итальянски не только потому, что больше не в состоянии соперничать с рафинированным изяществом тогдашних цицеронианцев, но потому, что они, как Макиавелли, лишь в такой непосредственной жизненной форме способны воспроизводить свой материал, поскольку получен он в результате живого созерцания¹⁴⁴, а также потому, что им, как Гвиччардини, Варки и большинству других, близка идея возможно более обширного и глубокого воздействия их воззрений на ход вещей. Даже когда они, как Франческо Веттори, пишут для немногих друзей, им, в силу внутреннего побуждения, необходимо дать свидетельство в отношении людей и событий, а также объяснить и оправдаться по поводу своего собственного в них участия.

И в то же время они, при всем своеобразии их стиля и языка, предстают тем не менее находящимися под столь сильным воздействием античности, что их вовсе невозможно вообразить вне ее влияния. Они более не являются гуманистами, однако они прошли через гуманизм и обладают духом античного исторического труда в большей степени, чем большинство этих ливианствующих латинистов: ведь это граждане, пишущие для своих сограждан, как делали древние.

Мы не в состоянии проследить влияние гуманизма на материале прочих специальных дисциплин: каждая из них имеет свою особую историю, в которой итальянские исследователи этого времени, главным образом в силу вновь открытого ими фактического багажа античности¹⁴⁵, составляют новый большой раздел, с которого, собственно, и начинается современная эпоха соответствующей науки, причем в каких-то случаях это происходит более явно, в других же - менее. Также и в отношении философии нам приходится отослать читателя к специальным историческим изложениям. Влияние античных философов на итальянскую культуру представляется то необычайно большим, то весьма ограниченным. Первое имеет место прежде всего тогда, когда мы отдаем себе отчет в том, до какой степени понятия Аристотеля, прежде всего из его распространившихся еще

очень рано «Этики»¹⁴⁶ и «Политики», стали общим достоянием образованных людей по всей Италии и насколько он сам явился властителем дум в сфере самого способа отвлеченного мышления¹⁴⁷. Последнее же имеет место, когда мы понимаем всю незначительность догматического влияния античных философов и даже вдохновенных флорентийских платоников на дух нации в целом. То же, что представляется таким воздействием, как правило, оказывается лишь осадком образованности как таковой, следствием специфически итальянских духовных движений. Некоторые замечания на эту тему будут еще сделаны в связи с вопросом о религии. В подавляющем же большинстве случаев дело тут даже не в общем образовании, но в манере выражаться отдельных лиц или ученых кругов. Однако даже и здесь в каждом отдельном случае необходимо проводить различие между подлинным усвоением античного учения и простым следованием за модным поветрием. Ибо было много и таких людей, для которых античность, вообще говоря, была всего лишь модой, и это касается даже тех, кто отличался здесь глубокими познаниями.

В то же время не все то, что представляется аффектацией нашему столетию, и вправду было ею тогда. Обычай использования греческих и римских имен в качестве имен, даваемых при крещении, был тогда исполнен куда большего изящества и достоин большего уважения, нежели теперешнее обыкновение давать (по крайней мере девочкам) имена из романов. Как только энтузиазм в отношении античного мира превысил тот, что люди испытывали по поводу святых, стало представляться совершенно естественным и как нельзя более простым то, что один дворянский род окрестил своих сыновей Агамемноном, Ахиллом и Тидеем¹⁴⁸, что художник назвал своего сына Апеллесом³¹⁷, а дочь Минервой и т. д.¹⁴⁹ Люди находили оправдание даже тому, что вместо семейного имени, от которого они желали вообще теперь отказаться, брали благозвучные античные. Что до названия местности, общего для всех сограждан и еще не ставшего фамилией, то от него отказывались с тем большей охотой в том случае, когда оно, как имя святого, доставляло носителю некоторые беспокойства. Так, Филиппо да Сан Джеминьяно³¹⁸ назвал себя Каллимахом. Тот, кто, будучи недооценен и оркорблен собственной семьей, был вынужден искать счастья на чужбине в качестве ученого, мог с гордостью переименовать себя, даже если он был по рождению самим Сансеверино, в Юлия Помпония Лета. Также и практику простого перевода имени на латинский или греческий язык (как это вошло

почти что в обыкновение преимущественно в Германии) вполне можно считать извинительной для поколения, говорившего и писавшего по-латински и нуждавшегося в не просто склоняемых, но и с легкостью включаемых в прозу и стихи именах. Чем-то достойным порицания, а зачастую - и осмеяния, была перемена одной лишь *половины* имени, будь то личное имя или фамилия, с целью придания ему классического звучания и нового смысла. Так из Джованни возникал Иовиан или Янус, из Пьетро - Пиерий или Петрей, из Антонио - Аоний и т. п., и даже из Саннадзаро - Синцер, из Луки Грассо - Луций Красс и т. д. Ариосто, высказывающемуся насчет всего этого с такой язвительностью¹⁵⁰, еще довелось пожить в такие времена, когда детей стали называть в честь его героев и героинь¹⁶¹.

Не следует слишком уж строго осуждать также и подделку под античность многих жизненных обстоятельств, должностей, учреждений, церемоний и т. п., предпринимавшуюся писавшими по-латински авторами. Пока люди находили удовлетворение в простой, текучей латыни, как это имело место у писателей от Петрарки до Энея Сильвия, практика эта не колола глаза и была даже неизбежной, поскольку имело место стремление к абсолютно чистой, даже Цицеронианской латыни. Ведь современные реалии не вписывались в общий стилистический облик, если их искусственным образом не перекрещивали. Буквеведы только ликовали, когда им случалось именовать всякий городской совет - *patres conscripti*³¹⁹, всякий женский монастырь - *virgines vestales*³²⁰, всякого святого - *divus* или *deus*³²¹, в то время как люди, обладавшие более утонченным вкусом, как, например, Паоло Джовио, поступали так лишь в тех случаях, когда избежать этого было невозможно. Поскольку Джовио совсем это не подчеркивает, ни малейшей неловкости не вызывает то, что в своих благозвучных фразах он называет кардиналов - *senatores*³²², их декана - *princeps senatus*³²³, отлучение от церкви - *dirae*³²⁴¹⁵², карнавал - *Iupercalia*³²⁵ и т. д. На примере этого автора особенно очевидно, насколько осторожным следует быть с тем, чтобы на основании стилистических особенностей не вынести излишне поспешного суждения о способе мышления в целом.

Нам не следует здесь подробно проследить историю латинского стиля самого по себе. На протяжении целых двух веков гуманисты вели себя таким образом, словно латинский был вообще единственным достойным письма языком и должен был таковым оставаться. Поджо¹⁶³ скорбит о том, что Данте написал свою великую поэму по-итальянски, и, как известно, Данте

на самом деле попробовал это сделать по-латински, сочинив первую часть «Ада» поначалу гекзаметром. Судьба всей итальянской поэзии зависела от того, что дальше он не пошел¹⁶⁴, однако еще Петрарка в большей степени полагался на свои латинские стихи, нежели на сонеты и канцоны, и требование сочинять стихи по-латински было адресовано еще Ариосто. Нет в истории примеров более мощного давления в отношении дел литературных¹⁶⁵, однако итальянская поэзия в основном смогла его преодолеть, и теперь мы можем, не впадая в излишний оптимизм, сказать: вот и хорошо, что у итальянской поэзии имелось два речевых органа, поскольку и в одной и в другой области она смогла создать нечто превосходное и своеобразное, причем так, что всякий раз даешь себе ясный отчет, почему здесь стихи писались именно по-итальянски, а там - по-латински. Возможно, то же самое может быть сказано и в отношении прозы: позиции, занимавшиеся итальянским образованием в мире, и всемирная слава, которой оно пользовалось, зависели от того обстоятельства, что определенные предметы обсуждались здесь по-латински, т. е. *urbi et orbi*³²⁶⁻¹⁵⁶, в то время как итальянской прозой лучше всего владели как раз те люди, которым решение не писать по-латински стоило определенной внутренней борьбы.

Бесспорно, наиболее незамутненным источником прозы считался начиная с XIV в. Цицерон. Это произошло не только по причине некой абстрактной предрасположенности в пользу его словаря, его построения фразы и его литературной композиции, но потому, что его любезный стиль как автора писем, его блеск как оратора, его ясный и наглядный способ изложения философских вопросов нашли в итальянской душе полный отклик. Уже Петрарка в полной мере признавал слабости Цицерона как человека и государственного деятеля¹⁵⁷, хотя из чувства уважения к нему он этому не радовался. Начиная с него эпистолярный жанр развивался почти исключительно по образцу Цицерона, а за эпистолярным последовали и прочие жанры, кроме повествовательного. Однако сущее цicerоновское поветрие, отвергавшее любое выражение, если оно не восходило к первоисточнику, началось лишь в начале XV в., после того как грамматические сочинения Лоренцо Валла оказали свое воздействие на всю Италию, а высказывания самих римских историков литературы были пересмотрены и сопоставлены друг с другом¹⁶⁸. Только теперь представилась возможность с большей точностью и до мельчайших оттенков оценить стилиевые особенности античных авторов, с тем неизменным утешитель-

ным результатом, что только Цицерон является безусловным образцом или же, если говорить относительно всех жанров сразу, то было «бессмертное и едва ли не райское время Цицерона»¹⁵⁹. Отныне такие люди, как Пьетро Бембо, Пиерио Валериано³²⁷ и другие, направили все свои силы на достижение этой цели; теперь даже тот, кто издавна оказывал этому сопротивление и конструировал для себя на основании древнейших авторов архаистический способ выражения¹⁶⁰, наконец сдается и преклоняет перед Цицероном колени. Ныне Лонголий³²⁸ соглашается на то, чтобы, как рекомендует ему Бембо, в течение пяти лет читать одного лишь Цицерона; тот же Лонголий обаялся даже не употреблять ни одного слова, которое бы не встречалось у этого автора. В конце концов подобные настроения разразились той великой ученой распрей, в которой противоборствующими сторонами предводительствовали Эразм и старший Скалигер³²⁹.

Дело в том, что даже не все почитатели Цицерона были поначалу столь односторонни, чтобы усматривать в нем единственный источник языка. Уже в XV в. Полициано и Эрмолао Барбаро сознательно отваживались на то, чтобы стремиться к выработке собственной, индивидуальной латыни¹⁶¹, разумеется, на основе «бьющей край» учености, и к тому же стремились также и Паоло Джовио, который нам об этом сообщает. Он первым высказал по-латински, и это стоило ему больших усилий, множество вполне современных мыслей, особенно в области эстетики, что не всегда у него получилось удачно, но иногда - с замечательной силой и изяществом. Для его латиноязычных характеристик великих художников и скульпторов того времени¹⁶² примечательна чересполосица страниц, исполненных воодушевления и совершенно неудачных. Также и Лев X, связывавший свою славу с тем, «*ut lingua latina nostra pontificatu dicitur facta auction*»³³⁰⁻¹⁶³, склонялся к более свободной, не ставящей себе жестких рамок латыни; впрочем, много и невозможно себе представить, учитывая его ориентацию на удовольствие: ему нравилось, чтобы то, что ему приходилось слушать и читать, звучало действительно по-латински, живо и изящно. Наконец, Цицероном не было задано никакого образца в сфере латинской разговорной речи, так что возникла необходимость возвести на пьедестал также и других богов помимо него. Брешь была заполнена постановками Плавта и Теренция, устраивавшимися в Риме и за его пределами довольно часто и дававшими их участникам ни с чем не сравнимую возможность поупражняться в латинском как разговорном языке. Уже при Павле II¹⁶⁴

ученый кардинал Теано (вероятно, Никколо Фортигуэрра^{331*} из Пистойи) приобрел широкую известность тем, что брался даже за наиболее плохо сохранившиеся, лишенные списка действующих лиц пьесы Плавта и вообще уделял этому автору повышенное внимание, в основном из-за его языка, так что от него вполне мог исходить почин в отношении постановок этих пьес. За дело взялся тогда Помпоний Лет, и там, где на сцену колонных залов видных прелатов выходил Плавт¹⁶⁶, он брал на себя роль режиссера. Происходивший начиная с 1520 г. отказ от этого назван Джовио, как мы видели (с. 154), среди причин упадка красноречия в Италии.

Наконец, некую параллель Цицероновскому поветрию в литературе возможно отыскать и в области искусства; мы говорим о витрувианстве архитекторов. Здесь также о себе заявляет основной закон Возрождения, а именно тот, в соответствии с которым подвижка в области образования обыкновенно предшествует здесь движению в области соответствующего искусства. В данном случае разрыв между тем и другим возможно определить приблизительно в два десятилетия, если считать от кардинала Адриано да Корнето (1505?) до первых витрувианцев в абсолютном смысле слова.

Но чем, наконец, особенно гордились гуманисты - это новолатинской поэзией. И в той мере, в какой она помогает нам охарактеризовать гуманизм, необходимо поговорить и о ней.

Насколько мощным было предубеждение в ее пользу, насколько близка была она к окончательной победе, разбиралось выше (с. 162). Необходимо с самого начала осознать, что наиболее богатая в духовном плане и самая развитая нация тогдашнего мира отказалась в поэзии от такого языка, как итальянский, не из пустой прихоти, но имея в виду нечто полное глубокого смысла. Именно к этому ее побудило одно совершенно неодолимое обстоятельство.

То было восхищение античностью. Как всякое подлинное, не знающее удержу восхищение, оно с необходимостью влекло за собой подражание. В иные времена и у иных народов нам также приходится натолкнуться на отдельные разрозненные попытки, имеющие целью то же самое, но в одной только Италии были в наличии оба непереносимых условия существования и дальнейшего развития новолатинской поэзии, а именно всеобщий отклик со стороны образованного слоя нации и частичное воскрешение античного итальянского гения в самих поэтах, эти изумительные длящиеся свое звучание аккорды древних струн. Лучшее из того, что возникло таким образом, - это уже

более не подражание, но собственное свободное творчество. Всякий, кто не в состоянии переносить в искусствах никаких производных форм, кто уже не ценит античность либо, напротив, считает ее магически-неприкасаемой и неподражаемой, кто, наконец, не проявляет никакого снисхождения в отношении прегрешений у поэтов, которые должны были заново открыть или угадать долготы целого ряда слогов, тот пусть оставит эту литературу в покое. Наиболее прекрасные их сочинения создавались не для того, чтобы противостоять некоей абсолютной критике, а с тем чтобы доставить удовольствие самому поэту и многим тысячам его современников¹⁶⁶.

В наименьшей степени удача сопутствовала эпосу, основанному на историческом материале и сказаниях античности. Однако наличие существенных условий для живой эпической поэзии никогда не признавалось, как известно, не только в римских, но даже и в греческих образцах, исключая одного Гомера, так откуда же было им взяться у латинян Возрождения. И все же «Африка» Петрарки, вообще говоря, смогла отыскать себе так же много столь же воодушевленных читателей и слушателей, как и любой другой эпос Нового времени. Небезынтересны цель написания и история создания поэмы. В XIV столетии было признано, и совершенно справедливо, что время Второй пунической войны было эпохой, когда солнце Рима стояло в зените, и Петрарка хотел и должен был это выразить. Если бы Сирий Италик был к этому времени уже разыскан, Петрарка, возможно, остановился бы на иной теме, но за его отсутствием идея воспеть Сципиона Африканского Старшего была так по сердцу XIV столетию, что и другой поэт, Дзаноби ди Страда, также поставил перед собой эту задачу; лишь из глубокого преклонения перед Петраркой отказался он от своей зашедшей довольно далеко поэмы¹⁶⁷. Если вообще имеется какое-то оправдание «Африке», то оно заключается в том, что и в это время, и впоследствии поэма возбуждала такой повальный интерес к Сципиону, словно он был еще жив, и что он ставился здесь выше, чем Александр, Помпей и Цезарь¹⁶⁸. Много ли найдется в Новое время эпических поэм, которые бы могли похвастаться таким популярным для своего времени, в основе своей историческим и все-таки мифическим по способу рассмотрения сюжетом? Разумеется, в наше время поэма эта, собственно как поэма, совершенно неудобочитаема. Что до других исторических тем эпоса, мы вынуждены отослать читателя к курсам истории литературы.

Более богатым и плодотворным было продолжение сочини-

тельства на материале античного мифа, заполнение в нем поэтических лакун. Здесь достаточно рано на сцену выступила итальянская поэзия, уже в виде «Тезеиды» Боккаччо, считающей его лучшим поэтическим произведением. Маффео Вержо^{332*} сочинил при Мартине V по-латински XIII песнь «Энеиды». Далее, имеется некоторое число более мелких опытов в духе Клавдиана - «Мелеагрида», «Гесперида» и т. д. Но наиболее замечательны здесь мифы, вымышленные заново, наполняющие самые прекрасные местности Италии первобытным населением богов, нимф, гениев, а также и пастухов - поскольку в это время вообще уже невозможно провести грань между эпическим и буколическим. Вопрос о том, что пастушеская жизнь в этих то повествовательных, то диалогических эклогах описывается, начиная с Петрарки, почти исключительно¹⁶⁹ в условной форме, как некая оболочка фантазий и чувств любого рода, еще будет затронут по поводу, который представится ниже, теперь же речь идет исключительно о новых мифах. Явственнее, чем где-либо еще, проступает здесь двойственная роль древних богов в Возрождении: с одной стороны, они, разумеется, замещают общие понятия и делают излишними аллегорические фигуры, но в то же время они представляют собой свободный, независимый поэтический элемент, объект, исполненный нейтральной красоты, открытый для того, чтобы быть усвоенным и заново перекомбинированным всяким поэтическим произведением. В своих написанных по-итальянски «Нимфах Амето» и «Фьезоланских нимфах» Боккаччо дерзко выступил со своим воображаемым миром богов и пастухов из флорентийской округи. Однако шедевром следует признать принадлежащее Пьетро Бембо¹⁷⁰ стихотворение «Сарка»: сватовство речного бога, носящего это имя, к нимфе Гарда, пышная свадьба в пещере на Монте Бальдо, предсказание Манто, дочери Тиресия, относительно рождения у них сына Минция, основания Мантуи и будущей славы Вергилия, который-будет рожден как сын Минция и Майи, нимфы Анды. В этом выдающемся гуманистическом рококо Бембо удались необычайно красивые стихи, а также финальное обращение к Вергилию, которому может позавидовать любой поэт. Как правило, всему этому, как чистой воды декламации, дается невысокая оценка, относительно чего, как и в любом вопросе, где идет речь о вкусах, спорить не приходится.

Далее, создавались многочисленные эпические поэмы библейского и церковного содержания, написанные гекзаметром. Не всегда их авторы задавались целью подняться в церковной

иерархии или заслужить папскую милость: в случае лучших, как, впрочем, и в случае наиболее неуклюжих, таких как Баттиста Мантовано, написавший «Партенику», необходимо предполагать наличие совершенно искреннего желания своей ученой латинской поэзией послужить святому делу, с чем прекрасно гармонировало их полуязыческое понятие о католицизме. Гиральд^{333*} перечисляет целый ряд таких поэтов, среди которых в первый ряд должны быть поставлены Вида^{334*} с его «Христиадой» и Саннадзаро с его тремя песнями «De partu Virginis»^{335*}. Саннадзаро привлекает мощным равномерным потоком, в котором он бесстрашно смешивает языческое и христианское, пластической силой изображения, своей совершенной и отточенной работой. Вплетая строки из IV эклоги Вергилия^{336*} в песню пастухов у яслей, он не страшился, что его стихи проиграют при сопоставлении с теми. Переноса действие в потустороннюю сферу, Саннадзаро то здесь, то там проявляет дантовскую отвагу, как, например, заставляя царя Давида в лимбе патриархов встать со своего места, чтобы запеть и произнести пророчество, либо когда Предвечный обращается к небесным духам, восседая на троне в своем одеянии, блистающем образами всего элементарного существования. В иных случаях Саннадзаро без тени смущения сплетает античные мифы со своей главной темой, однако впечатления неуместности при этом не возникает, поскольку он пользуется языческими богами исключительно как обрамлением, не отдавая им никаких основных ролей. Тот, кто испытывает желание ознакомиться с художественными возможностями того времени в полном их объеме, не должен закрывать глаза на такое произведение, как это. Заслуга Саннадзаро представляется тем большей, что, надо сказать, смешение христианского и языческого в поэзии легче может создать ощущение неловкости, чем в изобразительном искусстве: последнее в состоянии неизменно доставлять глазу удовлетворение каким-либо определенным, воспринимаемым в качестве прекрасного объектом и в гораздо большей степени, чем поэзия, независимо от предметного значения своих объектов, поскольку в изобразительном искусстве сила воображения отталивается в большей степени от формы, в поэзии же - от самого предмета. Добрейший Баттиста Мантовано в его¹⁷¹ «Праздничном календаре» попытался отыскать другой выход: вместо того чтобы заставить богов и полубогов послужить Священной истории, он приводит их, как это делали отцы церкви, к столкновению с ней. Когда архангел Гавриил приветствует Деву в Назарете, Меркурий летит из Кармеля вслед за ним туда же и

подслушивает у дверей, а затем пересказывает то, что услышал, собравшимся богам и побуждает их пойти на крайние меры. В других случаях¹⁷², разумеется, Фетида, Церера, Эол и пр. оказываются у него вынуждены добровольно покориться Мадонне и ее величю.

Слава Саннадзаро, многочисленность его подражателей, воодушевленное его возвеличивание со стороны великих деятелей эпохи - все это показывает, до какой степени он был необходим и ценен своему столетию. Он разрешил проблему, стоявшую перед церковью к началу Реформации, продемонстрировав возможность сочинения стихов совершенно классических и в то же время христианских, и Лев, как и Климент, воздал ему за это щедрой благодарностью.

Наконец, гекзаметрами либо двестишиями преподносилась и современная эпоха, то преимущественно в повествовательной, то в панегирической форме (как правило, это делалось в честь какого-либо государя или его дома). Так возникли «Сфорциада», «Борсеида», «Борджиада», «Тривульциада» и пр., разумеется, при полном недостижении поставленной цели, потому что если кто и оказывался прославленным и бессмертным, то это совершалось во всяком случае не через посредство такого рода поэм, к которым весь мир питает неодолимое отвращение, даже в том случае, когда писания такого рода выходят из-под пера хороших поэтов. Совершенно иное воздействие оказывают небольшие, жанровые по форме и исполненные без патетики зарисовки из жизни знаменитых людей, как, например, красивое стихотворение об охоте Льва X близ Пало¹⁷³ или «Поездка Юлия II», принадлежащие Адриано да Корнето (с. 83). Блестящие изображения охоты в этом же роде имеются также у Эрколе Строцци, у только что названного Адриано и многих других, и очень жаль, что современный читатель отвращается от них или дает волю гневу в связи с лежащей в основе всех этих произведений лезть. Мастерство подачи материала, а иной раз и весьма немаловажная историческая ценность гарантируют этим прелестным стихотворениям более продолжительное существование, нежели многим пользующимся популярностью поэтическим произведениям "нашего времени.

Вообще говоря, все такие опусы становятся тем лучше, чем умереннее ощутим в них привкус патетики и обобщений. Существуют отдельные небольшого размера эпические стихотворения, принадлежащие известным мастерам, которые помимо воли автора по причине крайне неуклюжей затеянной в них мифологической возни производят на читателя неопишимо

комическое впечатление. Таково, например, скорбное стихотворение Эрколе Строцци¹⁷⁴ о Чезаре Борджа (с. 78 сл.). Слышится жалобная речь Ромы, связавшей все свои надежды с испанскими папами Каликстом III и Александром VI, а после видевшей в Чезаре провиденциальную личность, история которой пересказывается вплоть до падения в 1503 г. Тогда поэт вопрошает музу, какова в настоящий момент воля богов¹⁷⁵, и Эрато рассказывает: на Олимпе Паллада приняла сторону испанцев, а Венера - итальянцев; обе охватили руками колени Юпитера, после чего тот их поцеловал, ободрил и отговорился тем, что бессилен против судьбы, вытканной Парками, однако божественное обетование будет исполнено ребенком из дома Эсте-Борджа¹⁷⁶. Рассказав увлекательную историю обоих родов, Юпитер клятвою заверяет, что также мало способен разделить Чезаре бессмертием, как некогда, несмотря на величайшие ходатайства, Мемнона или Ахилла. Наконец, в утешение он говорит, что прежде Чезаре еще погубит немалое количество людей на войне. Тогда Марс отправляется в Неаполь и подготавливает здесь войну и раздоры, Паллада же спешит в Непи и является там больному Чезаре в облике Александра VI. После строгих внушений и наставлений относительно того, чтобы смириться и удовольствоваться славой своего имени, папская богиня скрывается с глаз, «как птица».

И все же мы без какой-либо необходимости отказываем себе в подчас немалом удовольствии, если в ужасе шарахаемся от всего того, во что плохо ли, хорошо ли вплетена античная мифология: иной раз искусству удается так же успешно облагородить эту саму по себе в общем-то условную составную часть, как живописи и скульптуре. Для любителей пародии здесь нет недостатка также и в первых ее плодах (с. 103 сл.), к примеру в «Макаронеиде», параллель к которой уже представляет собой комический пир богов у Джованни Беллини^{337*}.

Многие повествовательные стихотворения в гекзаметрах являются простыми упражнениями или переработками повествований в прозе, каковым читателем несомненно будет отдано предпочтение, если ему удастся их отыскать. Наконец, воспеваю в стихотворной форме подвергается теперь абсолютно все, всякий раздор и всякая церемония, что также характерно и для немецких гуманистов эпохи Реформации¹⁷⁷. При всем этом было бы несправедливо относить все это на счет праздности и чрезмерной легковесности в вопросе стихосложения. По крайней мере что касается итальянцев, то решающим для них обстоятельством являлся подавляющий перевес чувства сти-

ля, что доказываемся изобилием относящихся к этой эпохе написанных терцинами итальянских повествований, исторических изображений и даже памфлетов. Никколо да Уццано^{338*} чрезвычайно искусно исполнил в этом сложном итальянском стихотворном размере свой плакат с изложением нового государственного устройства, Макиавелли - обзор современной истории, третий автор-жизнь Савонаролы, четвертый - осаду Пьомбино Альфонсом Великим¹⁷⁸ и т. д., и все это с целью большей убедительности. Но с такими же основаниями многие другие авторы в угоду *своей* публике, чтобы привлечь к себе ее внимание, должны были прибегнуть к гекзаметрам. То, что писатели могли и желали преподнести читателю в этой форме, лучше всего наблюдать на материале дидактической поэзии. В XVI в. она претерпевает совершенно фантастический взлет, с тем чтобы воспеть в гекзаметрах получение золота, игру в шахматы, производство шелка, астрономию, венерические болезни и пр.; также сюда можно присоединить множество пространных стихотворений, написанных по-итальянски. Такую поэзию принято сегодня отвергать не читая, и мы не в состоянии сказать, насколько на самом деле достойны прочтения эти произведения¹⁷⁹. Одно можно утверждать с полной уверенностью - что эпохи, несравненно превосходящие нашу в отношении чувства прекрасного (мы говорим как о позднегреческом и римском мире, так и о Возрождении), не в состоянии были обойтись без этого жанра. На это могут возразить, что ныне поэтическая форма исключается не из-за недостатка чувства изящного, но вследствие более серьезного и универсалистского подхода ко всем образовательным ценностям. Что до нас, то мы воздержимся от суждений по этому поводу.

Некоторые из этих дидактических произведений время от времени издаются до сих пор, как, например, «Зодиак жизни» Марцелла Палинджени^{339*}, тайного протестанта из Феррары. С высшими вопросами относительно Бога, добродетели и бессмертия автор связывает обсуждение разнообразных внешних жизненных явлений, также и с этой стороны выказывая себя авторитетом по истории нравов, не заслуживающим пренебрежительного отношения. Однако в существенной своей части его поэма выходит за пределы Возрождения, поскольку здесь, в силу поставленных серьезных учебных целей, аллегория выдвигается уже на первое место в сравнении с мифологией.

Однако ближе всего к уровню античности поэты-филологи этого времени подошли в области лирики, в особенности в элегии; это касается также и эпиграммы.

Если говорить о легком жанре, то здесь Катулл производил на итальянцев совершенно чарующее впечатление. Многие изящные латинские мадригалы, многие небольшие инвективы, многие злобные послания представляют собой в чистом виде переработки его произведений; далее, ни словом не повторяя стихотворение о воробье Лесбии, однако находясь в полной зависимости от хода его мыслей оплакиваются бесчисленные усопшие собачки и попугайчики. Но имеются в данном жанре и такие небольшие по объему стихотворения, которые, когда бы какая-нибудь явная мета не указывала на XV или XVI в., были бы вполне способны ввести в заблуждение насчет их истинного возраста даже знатока.

* * *

В то же время среди написанных сапфическим, алкеевым и прочими размерами од едва ли возможно отыскать хоть одну, которая бы так или иначе ясно не заявляла о своем современном происхождении. Главным образом это есть результат риторической словоохотливости, присущей самим античным авторам, пожалуй, начиная лишь со Стация, а также режущей глаз нехватки лирической сосредоточенности, которой постоянно требует этот жанр. Отдельные части той или иной оды, 2-3 ее строфы вполне могут создавать впечатление античного фрагмента, однако более значительное по размеру произведение как целое редко сохраняет такой привкус. Когда же он тем не менее сохраняется, как, например, в случае изящной оды к Венере, принадлежащей Андреа Наваджеро^{340*}, читатель без труда выявляет заурядную переработку по мотивам античных шедевров¹⁸⁰. Некоторые авторы од завладевают сферой культа святых и строят свои обращения к ним, проявляя изрядный вкус, по образцу аналогичного содержания од Горация и Катулла. Таков Наваджеро в его оде к архангелу Гавриилу, но особенно это относится к Саннадзаро, заходящему в своем переименовании языческого благоговения чрезвычайно далеко. Он воспевает главным образом своего святого-покровителя¹⁸¹, чья часовня имела в его прекрасно расположенной небольшой вилле на берегу Посилитто, «там, где морские волны выпивают источник, точащийся из скалы, и ударяют в стены крохотного святилища». Его услада - ежегодный праздник св. Назария, а листовые орнаменты и гирлянды, которыми украшается церквушка именно в этот день, представляются ему жертвенными приношениями. Спасшись бегством вместе с изгнанным Федерико Арагонским^{341*}, с сердцем, полным печали, при-

носит он в Сен-Назере при впадении Луары своему святому, в день его праздника, венки из самшитовой и дубовой листы. Он вспоминает прошлые годы, когда молодые люди со всего Посилиппо съезжались на праздник святого на украшенных венками лодках, и молились о возвращении домой¹⁸².

* * *

Прежде всего обманчиво античное впечатление создается рядом стихотворений, написанных элегическим размером или просто гекзаметром, содержание которых простирается от элегии в собственном смысле до эпиграммы. И если велика была вольность, с которой гуманисты обращались с текстами римских элегиков, то они и в наибольшей степени ощущали себя приближающимися к ним в своих подражаниях им в этой области. Так, элегия Наваджеро к ночи столь же мало свободна от реминисценций, основанных на этих образцах, как и любое другое стихотворение этого жанра и этой эпохи, и тем не менее в ней слышен прекрасный отзвук античности. И вообще Наваджеро¹⁸³ озабочен в первую очередь подлинно поэтическим содержанием, которое передается им затем не рабски-подражательно, но с мастерской свободой в стиле «Антологии», Овидия, Катуллы, а также Вергилиевых эклог. К мифологии он прибегает чрезвычайно умеренно, например, чтобы в связи с молитвой к Церере и другим сельским божествам нарисовать картину самого неприятельного существования. Наваджеро успел только приступить к приветствию родине по случаю возвращения из посланнической миссии в Испанию. Если бы все прочее отвечало началу, у него вполне могло получиться нечто цельное, подобное «*Bella Italia, amate sponde*» Винченцо Монти^{342*}:

*Salve circa Deum, mundi felicius ora,
Formosae Veneris dulces salvete recessus;
Ut vos post tantos animi mentisque labores
Aspicio lustroque libens, ut munere vestro
Sollicitas toto depello e pectore curas!*^{343*}

Элегическая либо гекзаметрическая форма становится судом для любого возвышенного патетического содержания, и здесь находят свое выражение благороднейший патриотический подъем (с. 82, элегия к Юлию II) и исполненное напыщенности обожествление правителей¹⁸⁴, но также и нежнейшая меланхолия Тибулла. Марио Мольса, соперничающий со Ста-

цием и Марциалом в части льстивых выражений по адресу Климента VII и дома Фарнезе³⁴⁴, в написанной во время болезни элегии «к товарищам» высказывает такие прекрасные и поистине античные мысли о смерти, какие могли принадлежать кому угодно из древних, причем без заимствования у них сколь-нибудь существенных моментов. Саннадзаро с наибольшей полнотой постиг как форму, так и суть римской элегии и выполнил подражания ей; никакой другой поэт не оставил нам такое значительное число хороших и разнообразных стихотворений, написанных в этой форме. Отдельные элегии еще будут время от времени упоминаться нами - из-за их содержания.

Наконец, латинская эпиграмма предоставляла в это время полноценную возможность заложить основание известности ученого через посредство пары крепко сколоченных строчек, высеченных на пьедестале памятника либо со смехом передаваемых из уст в уста. О такого рода притязаниях становится известно уже очень рано. Как известно, Гвидо Полента³⁴⁵ желал украсить могилу Данте памятником, и вот к нему со всех сторон стали стекаться эпитафии¹⁸⁵ «от людей, желавших *показать себя* или почтить также память покойного поэта либо завоевать благосклонность Поленты». На могильном памятнике архиепископа Джованни Висконти (ум. 1354 г.) в Миланском соборе мы пониже 36 гекзаметров читаем: «Господин Габрий де Дзаморейс из Пармы, доктор прав, сочинил эти стихи». Постепенно сформировалась, в основном под влиянием Марциала, а также Катуллы, весьма разветвленная литература этого жанра. Беспредельно было торжество автора, когда эпиграмму принимали за античную, списанную с древнего камня¹⁸⁶, или же когда она представлялась всем такой удачной, что ее знала наизусть вся Италия, как, например, некоторые принадлежавшие Бембо. Когда Республика Венеция выплатила Саннадзаро за его хвалебное высказывание в трех двустихиях гонорар в 600 дукатов, это не было щедрым расточительством: эпиграмма почиталась за обращение ко всем образованным людям эпохи, за наиболее концентрированную форму славы. С другой стороны, не было тогда человека настолько могущественного, чтобы ему не могла доставить досады остроумная эпиграмма, и даже люди, стоявшие на самом верху, нуждались в отношении любой надписи, которую они собирались где-либо вырезать, в тщательном и сведущем совете, потому что, например, смехотворные эпитафии были чреваты опасностью быть включенными в сборники для потехи¹⁸⁷. Эпиграфика и сочинение эпиграмм протягивали друг другу руки: первая основывалась на прилежнейшем изучении античных надписей.

Городом эпиграмм и надписей был и оставался по преимуществу Рим. В этом государстве происхождение ничего не значило, всякий должен был сам позаботиться о своем увековечении; в то же время краткое насмешливое стихотворение было оружием в борьбе с соперниками. Уже Пий II со вкусом перечисляет двустишия, которые его главный поэт Кампано^{346*} сочинял по случаю всякого хоть сколько-нибудь значимого момента его правления. При последующих папах сатирическая эпиграмма достигла расцвета, а в отношении Александра VI и его приспешников она поднялась до высшей отметки скандальной непреклонности. И если Санназаро сочинял свои эпиграммы, будучи в относительно безопасном положении, то другие, пребывавшие в непосредственной близости к двору, шли на величайший риск (с. 78). Как-то однажды Александр VI на 800 человек увеличил свою охрану в связи с восемью угрожающими двустишиями, найденными прибитыми к дверям библиотеки¹⁸⁸; можно себе представить, как бы он поступил с автором, если бы тот дал себя поймать. При Льве X эпиграммы стали хлебом насущным: не существовало более подходящей формы и для прославления, и для поношения папы, наказания как названных, так и неназванных врагов и жертв, проявления остроумия, злобы, скорби, созерцательности и по действительным, и по вымышленным поводам. Тогда-то по поводу знаменитой группы «Богоматери со св. Анной и младенцем», изваянной Андреа Сансовино^{347*} для Сан Агостино, за латинские стихи засело не менее 120 человек, разумеется, не столько из благоговения, сколько из желания угодить заказчику этой работы¹⁸⁹. Этот последний, Иоганн Гориц из Люксембурга, папский референдарий по прошенням, не просто заказал в день св. Анны службу, но устроил большой литературный банкет в своем саду на склоне Капитолия. Это было время, когда стоило затратить усилия на то, чтобы в одном пространном стихотворении «de poetis urbanis»^{348*} дать обзор всей толпы поэтов, искавших счастья при дворе Льва, как это сделано Франческо Арсилли¹⁹⁰, человеком, который не нуждался в мещанстве ни в лице папы, ни в лице кого-либо другого, но хранил свободу речи также и в отношении коллег. После Павла III эпиграмма идет на спад, изведывая лишь единичные взлеты, эпиграфика^{349*} же продолжает процветать, пока в XVII в. она в конце концов не падет жертвой собственной напыщенности.

В Венеции эпиграмма также имела свою историю, которую мы можем проследить на «Венеции» Франческо Сансовино. Перед поэтами здесь стояла неизменная задача - сочинять девизы (brevi) объемом от двух до четырех строк гекзаметра к изображениям дождей в большом зале Дворца дождей; в девизах

должны были содержаться наиболее существенные моменты исполнения соответствующим лицом своих обязанностей¹⁹¹. Кроме того, в XIV столетии на гробнице дожа высекалась лаконичная прозаическая надпись, содержавшая одни лишь факты, а рядом - напыщенный гекзаметр или леонийский стих. В XV в. забота о стиле возросла, в XVI же она достигает своей высшей отметки, а вскоре начинается ее бессмысленная противоположность - прозопопея, пафос, превознесение правителей, одним словом, напыщенность. Довольно часто отпускаются колкости, за прямым одобрением именно этого покойного кроется порицание других. Уже очень поздно вновь встречается несколько эпитафий, сочиненных в намеренно упрощенном стиле.

Архитектура и орнаментальное искусство были целиком и полностью ориентированы на то, чтобы дать место надписям, часто многократно повторяющимся, в то время как, например, северная готика лишь скрепя сердце отдает надписям полезное пространство, а если, к примеру, говорить о гробницах, то здесь им отводятся места, в наибольшей степени подверженные угрозе уничтожения, а именно края.

Все, что было сказано нами до сих пор, ни в коей степени не имело той цели, чтобы убедить читателя в самостоятельной ценности этой латинской поэзии итальянцев. Речь шла только о том, чтобы обозначить ее культурно-историческое место и указать на ее необходимость. Уже тогда возникло¹⁹² карикатурное изображение этой поэзии - так называемая макароническая поэзия, главное произведение которой, «Opus macaronicum», было сочинено Мерлином Кокайо (т. е. Теофило Фоленго из Мантуи). О ее содержании речь у нас еще будет время от времени заходить; что же касается формы (строки гекзаметра и других размеров, вперемешку составленные из латинских и итальянских слов с латинскими окончаниями), то комический ее эффект основан главным образом на том, что эта смесь воспринимается на слух как обыкновенные оговорки, как поток речи не в меру шустрого латинского импровизатора. Соответствующие подражания из смеси немецких и латинских слов не дают об этом эффекте совершенно никакого представления.

* * *

После того как начиная с самых первых лет XIV в. несколько поколений блестящих поэтов-филологов заполнили Италию и весь мир культом античности, в значительной степени определили их образование и воспитание,

а зачастую вели здесь также государственные дела и в меру своих сил воспроизводили античную литературу, в XVI в. вся эта категория людей оказалась окруженной глубоким и всеобщим недоверием, причем произошло это в то время, когда ни у кого еще не возникало желания полностью отказаться от их наставлений и познаний. Все продолжают говорить, писать и сочинять стихи точно так же, как они, однако никто более не желает принадлежать к ним лично. К двум основным выдвигавшимся против них обвинениям - в злобном высокомерии и постыдных беспутствах - присоединяется теперь голос зарождающейся Контрреформации, обвиняющей их в неверии.

Здесь прежде всего неизбежно возникает вопрос: почему эти обвинения (не имеет значения, были ли они обоснованы или беспочвенны) не прозвучали раньше? Но нет, они отчетливо раздавались уже и раньше, но не производили особого впечатления, очевидно, по той причине, что слишком велика была тогда зависимость от литераторов в отношении фактического содержания античности, потому что эти люди были его обладателями, носителями и распространителями в наиболее личном смысле этих слов. И только с началом всеобщего распространения печатных изданий классиков¹⁹³, больших и толково составленных справочников и пособий, народ в значительной степени освободился от необходимости постоянного личного общения с гуманистами, а как только появилась возможность отказаться от них хотя бы наполовину, произошла эта перемена в настроении. Пострадали при этом - без какой-либо дискриминации - все, и агнцы и козлища.

А первоисточником этих обвинений были сами гуманисты и только они. Из всех людей, когда-либо принадлежавших к одному сословию, они в наименьшей степени обладали чувством сплоченности или же, когда оно все-таки стремилось прорваться наружу, относились к нему безо всякого уважения. Как только они начинали величаться одни перед другими, все средства для них становились хороши. В мгновение переходили они от научных обоснований к личным выпадам и беспочвеннейшим обвинениям: они желали не просто опровергнуть своего противника, но стереть его в порошок во всех смыслах. До некоторой степени это следует отнести на счет их окружения и их положения в обществе: мы видели, насколько эта эпоха, наиболее яркими орудиями которой являлись эти люди, была подвержена бурным взлетам и падениям - от славы к позору и обратно. Также и положение, которое занимали они в реальной жизни, было таково, что они были постоянно вынуждены защи-

щать свое существование. В такой-то обстановке приходилось им писать, произносить речи и изображать друг друга. Одни только сочинения Поджо содержат количество грязи, достаточное для того, чтобы вызвать предубеждение против всей компании, а как раз сочинения Поджо издавались всего чаще как по эту сторону Альп, так и за ними. Не следует слишком поспешно радоваться, отыскав среди этих людей в XV в. лицо, кажущееся на первый взгляд неприкосновенным: неизменно имеется опасность того, что в результате дальнейших изысканий вы наткнетесь на какое-либо обвинение, которое, даже если ему не верить, замутит картину. Множество непристойных латинских стихотворений и высмеивание собственного семейства, как, к примеру, в диалоге Понтано «Антоний», довершат все дело. XVI в. был хорошо осведомлен в отношении всех этих свидетельств, но и без того он был безмерно утомлен этими людьми. Они должны были поплатиться за то, что совершили, как и за бытовавшую до этого времени переоценку их значения. Их злой судьбе было угодно, чтобы величайший поэт нации отозвался о них со спокойным и исполненным величия презрением¹⁹⁴.

Что до обвинений, сплетшихся теперь в картину всеобщего отвращения, то слишком многие из них были небезосновательны. Вполне определенная, хорошо различимая жилка нравственной строгости и религиозности была характерна для многих филологов и продолжала в них свое бытие, так что вынесение огульного приговора всей этой категории людей будет признаком скудости познаний по данной эпохе, однако многие, и среди них наиболее яркие фигуры, виновны были.

Три обстоятельства объясняют и, возможно, уменьшают степень их виновности: непомерная, блестящая избалованность, когда счастье им благоприятствовало; отсутствие каких-либо гарантий внешнего существования, так что блеск и прозябание стремительно сменяли друг друга в зависимости от прихоти господ и злобности противников; и, наконец, вводящее в заблуждение влияние античности. Античность возмутила их нравственность, не передав им своей собственной; и в отношении религиозных предметов античность также оказала на них воздействие со своей скептической и негативной стороны, поскольку не могло быть и речи о том, чтобы перенять положительную веру в ее богов. Именно по той причине, что античность воспринималась ими догматически, т. е. как образец в отношении всякого вообще мышления и поведения, она нанесла им в этом отношении ущерб. Однако тот факт, что было, было столетие,

с безоглядной односторонностью обожествлявшее античный мир и его плоды, никак нельзя ставить в вину отдельным людям, но в нем следует усматривать высшее стечение исторических обстоятельств. Все образование как последовавших за этим столетием эпох, так и эпох будущих, покоится на том, что это имело место, причем произошло именно тогда и так - однобоко, с задвиганием всех прочих жизненных целей куда-то на задний план.

Сам жизненный путь многих гуманистов был, как правило, таков, что только наиболее сильные в нравственном смысле натуры могли по нему пройти без ущерба для себя. Первая опасность исходила подчас, пожалуй, от родителей, которые делали из зачастую чрезвычайно рано развивавшихся мальчиков вундеркиндов¹⁹⁵, имея в виду занятие ими в будущем места в том сословии, которое в те времена означало для человека все. Однако вундеркинды, как правило, так и остаются стоять на определенной ступени; в ином случае они оказываются вынуждены отвоевывать свое дальнейшее развитие и приобретать вес в обществе, проходя тяжелейшие проверки. Величавая поступь и слава гуманистов представляли опасную приманку также и для стремившегося выбиться наверх юноши: ему начинало казаться, что также и он может «вследствие прирожденного возвышенного образа мыслей более не обращать внимания на прозаические и низменные предметы»¹⁹⁶. И люди очертя голову бросались в эту полную перемен, изнурительную жизненную гонку, в которой причудливейшим образом друг друга сменяли напряженные занятия, служба в качестве домашнего учителя и секретаря, профессура, угождение государям, смертельная вражда и опасности, восторженное почитание и осыпание насмешками, бьющее через край изобилие и бедность. Самое поверхностное дилетантство могло подчас одержать верх над самой солидной ученостью. Однако корень зла заключался в том, что принадлежность к этому сословию почти невозможно было совместить с какой-либо постоянной родиной, поскольку принадлежность к нему прямо заключала в себе требование перемены мест либо настраивала человека таким образом, что нигде он не мог чувствовать себя хорошо продолжительное время. Местные обитатели вскоре ему надоедали, а ощущение на себе ненавидящих взглядов врагов не доставляло никакого удовольствия; да и в принципе люди эти постоянно требовали новизны (с. 134). Как ни многое напоминает нам здесь греческих софистов императорского времени - таких, какими описывает их Филострат^{350*}, следует все же сказать, что положение софи-

стов было более благоприятным, поскольку они были по большей части богаты либо легче обходились без богатства и вообще легче жили, являясь не столько учеными, сколько виртуозами слова. Гуманист же эпохи Возрождения должен был обладать как большой эрудицией, так и способностью тащить за собой целый воз различнейших состояний и занятий. За этим следовали беспорядочные наслаждения с целью как-то себя одурманить, а за ними, стоило только окружающим безоговорочно уверовать во все самое отвратительное, что говорится о данном человеке, - безразличие ко всей общепринятой морали. Такие характеры вообще невымыслимы без высокомерия: они нуждаются в нем уже для того, чтобы остаться на плаву, и сменяющееся ненавистью обожествление укрепляет их на этой позиции. Они представляют собой ярчайшие примеры и жертвы сбросившей оковы субъективности.

Как обвинения, так и сатирические изображения появляются, как отмечалось, уже весьма рано, поскольку всякому развитому индивидуализму, всякому роду выдающихся качеств соответствует определенный сарказм - как своеобразная розга. К тому же сами эти люди как раз и давали о себе ужаснейшие сведения, которыми надо было лишь воспользоваться. Еще в XV в. Баттиста Мантовано при перечислении семи чудовищ¹⁹⁷ помещает гуманистов, вместе со многими другими, в рубрику *Superbia*^{351*}. Он изображает их во всем их высокомерии Аполлоновых сыновей: то, как они выступают с мрачным, озлобленным видом, исполненным напускного величия, похожие на поклевывающих зерно журавлей, то оглядывающихся на собственную тень, а то предающихся грызущей тоске по фимиаму. Но лишь XVI в. устроил им форменное судебное разбирательство. Помимо Ариосто это главным образом засвидетельствовано их историком литературы Гиральдом, чей трактат¹⁹⁷ был написан еще при Льве X, но, видимо, около 1540 г. переработан. Античные и современные примеры-предостережения насчет нравственной распущенности и самой жалкой жизни литераторов обрушиваются на нас с этих страниц мощным потоком, а в промежутках выдвигаются тяжкие обвинения общего характера. Они касаются главным образом неуравновешенности, тщеславности, упрямства, самообожествления, неупорядоченной личной жизни, всякого рода распутства, еретичества, атеизма. Вслед за этим перечисляется красноречие при отсутствии убеждений, губительное влияние на власти, педантизм в отношении языка, неблагодарность к учителям, подобострастная лесть государям, которые сначала ловят литераторов на приманку, а

затем морят их голодом, и многое другое. Заключается все размышлением о той золотой эпохе, когда не было еще никаких наук. Вскоре самым страшным из всех обвинений стало обвинение в еретичестве, и сам Гиральд был вынужден при повторном издании совершенно невинного сочинения для юношества¹⁹⁸ цепляться за плащ герцога Эрколе II Феррарского, потому что слово было уже за теми людьми, которые находили, что предпочтительнее посвящать свои силы христианским материям, а не мифологическим исследованиям. Он же, напротив, предлагает задуматься, а не является ли в такие времена это занятие, напротив, единственным невинным делом, поскольку имеет своим Предметом научное изложение вполне нейтрального предмета.

Однако если история культуры обязана отыскивать такие высказывания, в которых наряду с обвинениями все-таки преобладает человеческое сострадание, то никакой другой источник не может быть поставлен рядом с часто упоминаемым сочинением Пиерио Валериано «О несчастье ученых»¹⁹⁹. Оно написано под воздействием гнетущего впечатления разграбления Рима, которое, вместе с бедствиями, доставленными им также и ученым, представляется автору как бы логическим концом уже давно свирепствующего против них злого рока. Пиерио следует в этом простому, в общем и целом верному ощущению: он не особенно-то носится с каким-то особым надменного нрава демоном, который преследует живущих духовной жизнью людей *по причине* их гениальности, но констатирует реальное положение дел, когда зачастую все определяется просто несчастным течением обстоятельств. Он не желает писать трагедию или все сводить к столкновению высших сил, и описывает поэтому также повседневную жизнь. Мы знакомимся здесь с людьми, которые теряют в беспокойные времена вначале свой доход, а затем и место, с людьми, которые гонятся за двумя местами, а не получают ни одного, с угрюмыми скрягами, которые постоянно носят свои деньги на себе, зашитыми в одежду, а после приключившегося ограбления сходят с ума, и с другими, которые, заняв приход, чахнут от меланхолической тоски по прежней свободе. Затем оплакивается смерть многих ученых от лихорадки или чумы, когда их кропотливо разработанные труды сжигались вместе с постелью и одеждой; другие же вынуждены жить и мучиться от угроз убийства со стороны коллег; то одного, то другого убивает алчный слуга или его захватывают в поездке злодеи и предоставляют ему томиться в темнице, потому что он не в состоянии заплатить выкуп. Многих уносит тайное сердечное горе, пересенная обида или оскорбление.

Один венецианец умирает от горя, потому что умер его сынок-вундеркинд, а мать и ее брат вскоре следуют за ним, словно ребенок утянул всех их следом за собой. Довольно многие, особенно среди флорентийцев, кончают жизнь самоубийством²⁰⁰, других же лишает жизни тайное судопроизводство тирана. Так кто же тем не менее счастлив? И каким образом это счастье проявляется? Не через полное ли притупление всех чувств в отношении таких несчастий? Один из собеседников в этом диалоге, в форму которого Пиерио заключил свое изложение, дает совет; это великолепный Гаспаро Контарини, и уже услышав это имя, мы должны ожидать, что нам будет сообщено по крайней мере кое-что чрезвычайно глубокое и верное из того, что думали тогда на эту тему. В качестве примера счастливого ученого ему видится фра Урбано Валериано^{352*} из Беллуно, на протяжении длительного времени преподаватель греческого языка в Венеции: он побывал в Греции и на Востоке, уже в преклонном возрасте путешествовал то по одной, то по другой стране, никогда не садясь на лошадь, никогда не имел ни гроша, отказывался от всех почестей и званий и после безмятежной старости умер в возрасте 84-х лет, не проболев, за исключением падения с лестницы, ни одного часа. Что отличает его от гуманистов? Они обладают большей свободой воли, большей раскованной субъективностью, нежели способны использовать для достижения счастья. В то же время нищенствующий монах, с детских лет находившийся в монастыре, даже никогда не ел и не спал вволю и поэтому воспринимает принуждение не как принуждение. Вследствие этой привычки среди всех лишений он сохраняет внутреннее жизненное спокойствие и оказывает благодаря такому впечатлению большее воздействие на слушателей, чем произвел бы своим греческим языком: в них возникла теперь полная убежденность в том, что от нас самих зависит-то ли мы причитаем в случае неудачи, то ли находим для себя утешение. «Посреди трудов и лишений был он счастлив, потому что желал быть таким, потому что не был избалован, суетен, непостоянен и ненасытен, но довольствовался всегда немногим или же вообще ничем». Если бы нам довелось послушать самого Контарини, возможно, сюда добавился бы еще и религиозный мотив; впрочем, вполне красноречиво и убедительно выглядит сам этот обутый в сандалиии философ практически направленный. В иных обстоятельствах мы встречаем родственный ему характере образе Фабио Кальви^{353*} из Равенны²⁰¹, толкователя Гиппократы. Глубоким стариком жил он в Риме на одних овощах, «как некогда пифагорейцы» и обитал в

развалине, не имевшей больших преимуществ перед бочкой Диогена. Из пенсiona, выплачивавшегося ему папой Львом, он брал только самое необходимое, а прочее отдавал другим. Он не отличался здоровьем, как фра Урбано, а конец его был таков, что навряд ли он мог рассмеяться перед смертью, поскольку при разграблении Рима испанцы утащили его, почти девяностолетнего старика, с собой, надеясь получить выкуп, и он умер в больнице от последствий голода. Однако его имя удостоилось быть занесенным в царство бессмертия, поскольку Рафаэль любил старика как родного отца и почитал его как мастера, и всегда спрашивал у него совета. Может быть, советы касались преимущественно антикварной реставрации древнего Рима (с. 120), но, возможно, распространялись и на куда более возвышенные вещи. Кто может сказать, насколько велика роль Фабио в замысле «Афинской школы» и других важнейших композиций Рафаэля?

Напоследок мы с удовольствием набросали бы привлекательную и умиротворяющую картину жизни, а именно жизни Помпония Лета, будь в нашем распоряжении на эту тему нечто более значительное, нежели письмо его ученика Сабеллика, в котором Лету намеренно придаются некоторые античные черты. И все же отдельные моменты отсюда мы приведем. Он был (с. 160) незаконным сыном из дома неаполитанских Сансеврино, правителей Салерно, однако не желал их признавать и написал им в ответ на приглашение жить вместе с ними знаменитую записку: *Pomponius Laetus cognatis et propinquis suis salutem. Quod petitis fieri non potest. Valet.*^{354*} Заурядной внешности человек с небольшими живыми глазами, в диковинном одеянии, он обитал в последние десятилетия XV в., будучи преподавателем в Римском университете, то в своем домике с садом на Эсквiline, то - в своем *vigne*^{355m} на Квиринале. Там он разводил уток и других птиц, здесь же обрабатывал участок в полном соответствии с предписаниями Катона, Варрона^{366*} и Колумеллы. В праздничные дни он совершал вылазки на ловлю рыбы или птиц, или просто лежал в тени у источника или над Тибром. Он презирал богатство и благополучие. Зависть и злословие были ему совершенно несвойственны, и он их не переносил также и в своем окружении; только в отношении иерархов он позволял себе весьма свободные замечания, да и вообще, за исключением последнего периода своей жизни, он почитался за ненавистника религии. Бежавший из Рима в связи с преследованиями гуманистов папой Павлом II, Лет был выдан ему Венецией, однако никакими средствами его не удалось за-

ставить сделать недостойные признания. После этого папы и прелаты приглашали его к себе и его поддерживали, а когда однажды во время волнений при Сиксте IV его дом был разграблен, люди устроили складчину и вернули ему больше того, что он потерял. Как преподаватель он был очень добросовестен: еще до света можно было видеть, как он спускается с Эсквилина с фонарем, и всегда он входил в уже набитую битком аудиторию. Поскольку в разговоре Лет заикался, он говорил с кафедры с большой осмотрительностью, и тем не менее красиво и размеренно. Даже небольшие его работы составлены аккуратно. Никто не обращался с древними текстами с такими тщанием и робостью, да и вообще он доказывал свое неподдельное благоговение также и перед иными останками античности - когда останавливался перед ними как зачарованный или раздражался слезами. По той причине, что Лет бросал собственные исследования, когда был в состоянии помочь другим, его очень и очень донимали, а когда он умер, Александр VI даже направил своих придворных сопровождать тело, которое несли самые выдающиеся его слушатели. На похоронах в Арачеле присутствовали 40 епископов и все иностранные послы.

Лет ввел в обычай представления в Риме античных, главным образом плавтовских пьес, постановкой которых он руководил (с. 164). Также и день основания города он ежегодно отмечал праздником, на котором его друзья и ученики выступали с речами и чтением стихов. В связи с двумя этими поводами оформилось и продолжило свое существование в дальнейшем то, что было названо Римской академией. Она была исключительно свободным объединением и не связана ни с каким определенным учреждением. Помимо указанных поводов она собиралась тогда²⁰², когда поступало приглашение покровителя либо для того, чтобы помянуть умершего члена, например Платину. В этом случае день начинался с того, что прелат, бывший среди них, читал мессу, после чего, например, тот же Помпоний поднимался на возвышение и произносил соответствующую речь; за ним выходил другой и читал двустушия. Диспуты и декламации как по случаю скорбных, так и радостных событий завершались пиршеством, и академики, к примеру Платина, уже с очень давних пор слыли гурманами²⁰³. В других случаях гости ставили также фарсы наподобие ателланы. Как свободное объединение с весьма переменчивым составом академия эта просуществовала до самого разграбления Рима, пользуясь гостеприимством Анджело Колоччи^{367*}, Ио. Кориция (с. 174) и других. Оценка того, насколько большую роль играла она в

духовной жизни нации, представляется столь же затруднительной, как и в случае всякого общественного объединения такого рода. Как бы то ни было, Садолето²⁰⁴ причисляет ее к числу наиболее ярких воспоминаний своей молодости. Довольно в значительном числе другие академии возникали и распадались в различных городах, всякий раз как такое образование делалось возможным в зависимости от числа и значения обитавших там гуманистов или покровительства богачей и правителей. Такой была Неаполитанская академия, собравшаяся вокруг Джовиано Понтано, часть которой переселилась в Лечче²⁰⁵, академия Порденоне, которую составлял двор полководца Альвиано^{368*} и пр. Об академии Лодовико Моро и ее особом значении для окружения этого государя речь уже была (с. 34).

Около середины XVI в. эти объединения претерпевают, как надо думать, почти полную трансформацию. Гуманисты, повсюду утратившие высокое положение в жизни и представлявшие собой объект подозрений для начинающейся Контрреформации, теряют руководство академиями, и итальянская поэзия занимает место латинской также и здесь. Вскоре любой скольконибудь значительный город имеет свою академию с возможно более вычурным названием²⁰⁶ и собственным, образованным взносами и отказами по завещаниям, имуществом. Помимо декламаций стихов от предыдущей, латинской эпохи был перенят устраиваемый время от времени пир и постановка драм молодыми людьми, а вскоре - и нанятыми актерами. Судьбы итальянского театра, а позднее также и оперы, долгое время оставались в руках этих объединений.

Открытие мира и человека

Итальянский дух, свободный от бесчисленных ограничений, препятствовавших продвижению вперед в других странах, высокоразвитый индивидуально и вышестоящий наследием античности, обратился к открытию окружающего мира, отважившись на то, чтобы приступить к его изображению в слове и форме. То, каким образом разрешило эту задачу искусство, будет рассказано в другом месте^{369*}.

В отношении поедок итальянцев в дальние края мы можем здесь себе позволить лишь замечание общего характера. Крестовые походы распахнули перед всеми европейцами дали и повсеместно пробудили авантюристический дух странствий. Очень затруднительно указать с точностью момент, начиная с которого дух этот начинает сочетаться с познавательным порывом или полностью становится ему на службу; как бы то ни было, раньше всего и в наиболее выраженной форме это произошло у итальянцев. Само их участие в крестовых походах имело иной смысл, нежели участие в них прочих наций, потому что итальянцы имели флот и коммерческие интересы на Востоке. С давних пор Средиземное море давало своим обитателям иное воспитание, нежели то, что получали жители удаленных от моря областей, а быть искателями приключений в том смысле, в каком ими были северяне, итальянцы вообще не способны по природе. Теперь же, когда итальянцы освоились во всех восточных средиземноморских гаванях, вполне естественно, что самые предприимчивые из них примкнули к сфере грандиозной кочевой жизни мусульман, которая также имела сюда выход: таким образом перед ними открывалась целая часть света. А не то их увлекал за собой, как это случилось с венецианцем Поло^{360*}, волны монгольского мира, которые уносили их еще дальше, к подножию трона Великого Хана. Уже достаточно рано нам приходится столкнуться с отдельными итальянцами, принимавшими участие в открытиях в акватории

Атлантического океана, как, например, генуэзцы, еще в XIII в. открывшие Канарские острова¹. В том же 1291 г., когда пала Птолемаида^{361*}, последний обломок христианского Востока, те же генуэзцы предприняли первую известную нам попытку открыть морской путь в Ост-Индию^{2 362*}: Колумб был лишь величайшим из целой плеяды итальянцев, состоявших на службе у западных держав и предводительствовавших их вылазками в дальние моря. Однако истинным первооткрывателем является не тот, кто случайно куда-нибудь забрел, но тот, кто искал - и нашел: лишь такой человек находится в непосредственной связи с мыслями и интересами своих предшественников, и отчет, который он впоследствии дает о том, что им совершено, отвечает соответствующим требованиям. По этой причине на протяжении всего позднего средневековья итальянцы оставались в полном смысле народом-первооткрывателем, пусть даже отдельные случаи их первенства в отношении прибытия на тот или иной берег оспариваются.

Более детальное обоснование этого утверждения относится к специальной области истории географических открытий. Однако снова и снова благородный образ великого генуэзца внушает нам восхищение: он бросил вызов новому континенту по другую сторону водных просторов, стал его разыскивать и нашел, он первым осмелился сказать: *il mondo e roso* - Земля не столь велика, как принято считать. В то время как Испания дала итальянцам Александра VI, Италия подарила Испании Колумба: за несколько недель до смерти этого папы (7 июля 1503 г.) Колумб отправляет с Ямайки благодарному католическому королю^{363*} свое замечательное письмо, которое никогда не смогут читать без величайшего волнения все последующие поколения. В кодицилле к своему завещанию, датированном «Вальядолид, 4 мая 1506 г.», он отказывает «своей горячо любимой родине, республике Генуя, молитвенник, подаренный ему папой Александром и служивший ему величайшим утешением в темнице, в битве и превратностях судьбы». Тем самым, как представляется, на это внушающее ужас имя Борджа был брошен последний отблеск милосердия и благодати.

Также кратко, как истории путешествий, нам следует коснуться и развития у итальянцев географических представлений, их участия в космографии. Даже при беглом сравнении их достижения в достижениями других народов обнаруживается их явное и существовавшее с самых давних пор преимущество. Где за пределами Италии возможно встретить в середине XV в. такое со-

единение интереса к географии, статистике и истории, какое мы обнаруживаем у Энея Сильвия, где можно разыскать такое сравнительно высокообразованное изложение? Не только в главном своем, собственно космографическом труде, но также в письмах и комментариях он с одинаковым мастерством изображает ландшафты, города, обычаи, ремесла и статьи доходов населения, политические системы и конституции - на основании своих собственных впечатлений или сообщений очевидцев. Разумеется, значение того, что описывается им лишь на основании книг, более ограничено. Уже краткий очерк³ той альпийской долины в Тироле, где Фридрих III пожаловал ему приход с содержанием, касается всех существенных жизненных аспектов этой местности и обнаруживает дар и методику объективных наблюдений и сравнений, которыми мог обладать только воспитанный на древних образцах соотечественник Колумба. Тысячи и тысячи людей - по крайней мере фрагментарно - видели и знали то же, что знал он, однако у них не было никакого побуждения набросать на этом основании картину, как не было и сознания того, что мир в таких картинах нуждается.

Также и в области космографии⁴ напрасно будет трудиться тот, кто попытался бы установить точное соотношение сведений, полученных путем изучения античных источников, и озарений собственно итальянского гения. Итальянцы объективно наблюдают предметы нашего мира и объективно с ними обращаются еще прежде, чем их знакомство с античностью станет более детальным, потому что сами они являются полуантичным народом, а также в силу того, что к этому их подготавливает их политическое состояние. Однако итальянцы не смогли бы так быстро достичь зрелости, если бы им не указали путь древние географы. Наконец, невозможно переоценить воздействие уже существовавших итальянских космографии на дух и намерения путешественников, первооткрывателей. И усилия дилетантов (пусть даже столь невысокой будет наша оценка заслуг Энея Сильвия) в области той или иной науки в состоянии возбудить такой всеобщий интерес к предмету, что он создаст для новых смельчаков почву преобладающего в обществе мнения, благоприятной предрасположенности окружающих. Истинные первооткрыватели во всех областях хорошо сознают, чем они обязаны таким посредникам.

Что касается позиций, завоеванных итальянцами в области естественных наук, то нам следует сослаться на отдельные специальные исследования, из которых нам известна лишь, судя по всему, чрезвычайно поверхностная и впадающая в негатив-

вистский уклон работа Либри⁵. Борьба относительно приоритета в вопросах отдельных открытий затрагивает нас тем меньше, что мы придерживаемся той точки зрения, что во всякое время и в каждом культурном народе вполне возможно появление человека с весьма заурядной подготовкой, который, будучи побуждаем непреодолимым порывом, бросается в объятия эмпирической науке и благодаря природному дарованию демонстрирует поразительные успехи. Такими людьми были Герберт Реймский^{364*} и Роджер Бэкон^{365*}; то, что они притом в полном объеме владели всем объемом знаний в своих областях, было просто необходимым следствием их целеустремленности. Ведь стоило только разорвать покров всеобщего заблуждения, вырваться из плена традиции и книг, преодолеть робость перед природой - и их взору открывались сотни и тысячи задач. Несколько иначе обстоит дело в том случае, если наблюдение природы и ее исследование присуще данному народу по преимуществу - и раньше, чем другим народам, где первопрородцу таким образом ничто не угрожает и ничто не обрекает на завесу молчания, но, напротив, он может рассчитывать на содействие со стороны родственных душ. То, что именно так и обстояло дело в Италии, можно считать точно удостоверенным⁶. Не без гордости итальянские естествоиспытатели отмечают в «Божественной комедии» указания и отзвуки естественнонаучных интересов Данте⁷. Мы не в состоянии судить относительно отдельных открытий или приоритетов на первое упоминание, которые приписываются ими Данте, однако всякому непосвященному бросается в глаза та полнота восприятия окружающего мира, о которой свидетельствуют дантовские образы и сравнения. Больше, чем всякий другой поэт Нового времени, заимствует он их у действительности, будь то природа или человеческая жизнь, и никогда не пользуется ими просто как украшениями, но всегда - для того, чтобы создать наиболее верное представление о том, что хочет сказать. В качестве профессионального ученого является он нам преимущественно в области астрономии, хотя не следует забывать о том, что многие места из бессмертной поэмы, представляющиеся нам теперь специально учеными, в те времена были понятны каждому. Отвлекаясь от своей учености, Данте адресуется именно к народной науке о небе, которую итальянцы, хотя бы в качестве мореплавателей, разделяли с людьми древности. Часы и календарь, распространившиеся в Новое время, сделали излишними эти сведения относительно восхода и захода созвездий, а с ними исчезло и все то, что пробуждало в народе интерес к

астрономии. Теперь имеются учебники по астрономии, да и в гимназической программе она значится, так что любой ребенок знает, что Земля движется вокруг Солнца (чего, кстати, не знал Данте), однако живое участие уступило здесь место полнейшему равнодушию, если только не брать в расчет специалистов.

Что до той лженауки, которая также связана со звездами, то ее существование вовсе не является свидетельством против практической жилки итальянцев; можно сказать, что в данном случае эта последняя пересекалась со страстным желанием заглянуть в будущее и преодолевалась им. Впрочем, об астрологии мы еще упомянем ниже, когда речь пойдет о нравственном и религиозном характере нации.

Церковь почти всегда терпимо относилась как к этой, так и к другим лженаукам, да и против подлинного исследования природы она выступала лишь в тех случаях, когда в обвинении (будь оно правдивым или ложным) упоминались еще и еретичество с некромантией, что в те времена лежало недалеко одно от другого. Что нам в настоящий момент важно, так это установить, бывали ли случаи (и если да, то когда именно), что доминиканские (и, разумеется, также францисканские) инквизиторы в Италии сознавали ложность этих обвинений и тем не менее выносили обвинительный приговор, будь то из прислужничества перед врагами обвиняемого или потаенной вражды к естествоиспытательству как таковому и постановке экспериментов в особенности. Последнее, конечно, случалось, однако почти всегда остается недоказуемо. То, что спровоцировало такие преследования на Севере, а именно сопротивление принятой схоластиками официальной системы науки о природе всему новому как таковому, в Италии встречается куда реже или вообще отсутствует. Пьетро из Абано (в начале XIV в.) пал, как известно, жертвой профессиональной зависти другого врача, обвинившего его перед инквизицией в ереси и колдовстве⁸. В случае его падуанского современника Джованнино Сангиначчи также возможно подозревать нечто подобное, поскольку он был новатором именно в области медицины; этот последний, впрочем, отделался простым изгнанием. Наконец, не следует упускать из виду и то, что мощь доминиканцев, именно в качестве инквизиторов, могла реализовываться в Италии в сравнительно меньшем масштабе, чем то было на Севере: как тираны, так и свободные государства в некоторых случаях демонстрировали по отношению к церковникам такое презрение, что без последствий оставались вещи куда более серьезные, чем просто изучение природы. Однако когда античность выступила на пер-

вый план в XV в., уже проделанные в старой системе бреши сыграли на руку светским исследованиям всякого рода, притом что гуманизм привлек к себе лучшие силы, чем, разумеется, нанес ущерб практическому естествознанию⁹. Здесь и там на сцену между тем выступает инквизиция и наказывает либо сжигает врачей как грешников и некромантов, причем всякий раз бывает невозможно определить, каков был истинный, наиболее глубокий повод для приговора. Но как бы то ни было, к концу XV столетия Италия в лице Паоло Тосканелли, Луки Пачоли и Леонардо да Винчи вне всякого сомнения предстает перед нами в области математики и естествознания первой нацией Европы, и ученые всех стран, в том числе Региомонтан³⁶⁶ и Коперник, свидетельствуют о том, что являются их учениками. Слава эта пережила даже Контрреформацию, и до сих пор итальянцы все еще находились бы здесь в первых рядах, когда бы не была проявлена насильственная забота о том, чтобы живые умы и планомерные исследования более не сходились в Италии воедино.

Важный признак всеобщего распространения интереса к естественным наукам можно усматривать также в рано проявившейся страсти к собирательству, сравнительному рассмотрению растений и животных. Италия гордится появившимися здесь раньше, чем где-либо еще, ботаническими садами, однако возможно, что это объяснялось прежде всего практическими целями, да и сам итальянский приоритет на это находится под вопросом. Куда важнее то, что при основании своих увеселительных садов правители и состоятельные частные лица как бы сами собой впадали в собирательство как можно большего количества разных растений, их различных видов и разновидностей. Так, великолепный сад принадлежавшей Медичи виллы Кареджи с имевшимися здесь бесчисленными видами деревьев и кустарников предстает перед нами в описаниях почти в качестве ботанического сада¹⁰. Такой же была в начале XVI в. и расположенная напротив Тиволи в римской Кампанье вилла кардинала Триульцио¹¹ - с разными кустами роз, деревьями всякого рода, среди которых были плодовые деревья всевозможных разновидностей, а помимо этого еще двадцать сортов винограда и большой огород. Очевидно, речь здесь идет о чем-то принципиально ином, нежели пара дюжин широко известных лечебных растений, которые имелись в наличии во всяком замке и монастыре по всей Европе: помимо получившей чрезвычайную утонченность культуры десертных плодов здесь проявляется интерес к растению как таковому, ради его примечательного

внешнего вида. История искусства показывает нам, насколько поздно освободились парки от этой страсти к собирательству, чтобы служить более широким архитектурно-художественным целям.

Содержание диковинных зверей, разумеется, также немислимо вне связи с повышенным интересом к наблюдению. Легкая доставка из южных и восточных портов, а также благоприятный итальянский климат делали возможной покупку наиболее крупных южных зверей или прием их в качестве дара от султанов¹². Прежде всего города и правители охотно содержали живых львов - даже тогда, когда лев не присутствовал в качестве элемента городского герба, как это было во Флоренции¹³. Ямы со львами находились в государственных резиденциях или рядом с ними, как в Перудже и во Флоренции; в Риме же они располагались на склоне Капитолийского холма. В некоторых случаях именно эти животные использовались для приведения в исполнение политических приговоров¹⁴, да и вообще служили поддержанию страха в народе. Помимо этого, их поведение принято было считать весьма значимым с точки зрения видов на будущее: их плодовитость, например, считалась знаком всеобщего процветания. Так, Джованни Виллани не погнушался упоминания также и о том, что присутствовал при родах львицы¹⁵. Часть львят обычно дарили дружественным городам и правителям, также жаловали ими и кондотьеров - в качестве приза за проявленную доблесть¹⁶. Помимо того, уже в весьма ранние времена флорентийцы содержали леопардов, для которых был нанят особый смотритель¹⁷. Борсо из Феррары¹⁸ устраивал бои своих львов с быками, медведями и дикими свиньями.

К концу XV в. при дворах многих правителей существовали уже настоящие зверинцы (*serragli*), как воплощение соразмерной с положением роскоши. «Великолепие государя, - пишет Матарацио¹³, - создается лошадьми, собаками, мулами, ястребами и другими птицами, придворными шутами, певцами и заморскими животными». При Ферранте в зверинце Неаполя содержался среди прочего одна жирафа и одна зебра (очевидно, подарки тогдашнего правителя Багдада²⁰). Филиппо Мария Висконти владел не только лошадьми стоимостью и в 500 и в 1000 золотых монет и дорогими английскими собаками, но еще и множеством леопардов, которые были свезены со всего Востока. Содержание ловчих птиц, пойманных по его поручению на Севере, обходилось ежемесячно в 3000 золотых монет²¹. Король Португалии Мануэл Великий отлично сознавал, что дела-

ет, когда посылал Льву Х слона и носорога²². Всем этим была между тем создана столь же благоприятная почва для развития научной зоологии, как и ботаники.

В практическом смысле развитие зоологии отразилось на конных заводах, среди которых мантуанский конный завод считался при Франческо Гонзага первым в Европе²³. Сравнительная оценка пород лошадей - занятие столь же древнее, как и само искусство верховой езды, а искусственное выведение смешанных пород, должно быть, вошло в обыкновение со времени крестовых походов; однако в Италии почетные призы, дававшиеся победителям скачек во всех сколько-нибудь значительных городах, были сильнейшим стимулом для того, чтобы вывести возможно более резвых лошадей. На мантуанском конном заводе выращивались неизменные победители таких состязаний, а кроме того, наиболее роднейшие боевые кони, т.е. такие лошади, которые явно выглядели наиболее царственными среди любых подношений великим государям. У Гонзага имелись жеребцы и кобылы из Испании и Ирландии, а также из Африки, Фракии и Киликии; ради последних он поддерживал отношения и водил дружбу с великими султанами. Все возможности использовались здесь для того, чтобы получить наилучший результат.

Но, кроме того, существовали еще и человеческие зверинцы: при великолепном дворе известного кардинала Ипполито Медичи²⁴, незаконного сына Джулиано, герцога Немурского, содержалась целая толпа варваров, разговаривавших более чем на двадцати различных языках, причем каждый, как представитель данного народа, являл собой нечто примечательное. Здесь имелись несравненные мастера вольтижировки мавританского происхождения, татарские стрелки из лука, чернокожие борцы, индийские ныряльщики, турки, сопровождавшие кардинала главным образом на охоте. Когда (в 1535 г.) его постигла ранняя кончина, эта разномастная толпа принесла тело кардинала из Итри в Рим, вплетя в мотив общегородской скорби о щедром вельможе свой многоязычный, сопровождавший энергичными жестами погребальный плач²⁶.

Эти несистематизированные заметки по вопросу об отношении итальянцев к естествознанию и об их интересе к разнообразию и богатству природных даров должными были только проиллюстрировать понимание автором имеющихся у него пробелов в данной области. К сожалению, автор едва ли в достаточной степени знаком даже с названиями специальных исследований, которые могли бы с лихвой эти пробелы восполнить.

Однако наряду с исследованием и познанием есть еще и иной способ приблизиться к природе, причем сделал это в своеобразной форме. Среди людей Нового времени итальянцы были первыми воспринявшими ландшафт в качестве более или менее прекрасного объекта, которым возможно наслаждаться²⁶.

Способность эта является всегда результатом долгого, неоднородного культурного процесса, за возникновением которого бывает непросто проследить, поскольку неявное ощущение такого рода может просуществовать длительное время, прежде чем обнаружит себя в поэзии и живописи и, таким образом, окажется себя сознающим. Так, к примеру, в античности искусство и поэзия сначала до некоторой степени освоились со всей человеческой жизнью в целом, а уже потом перешли к изображению пейзажей, причем ограниченный характер здесь так и не был преодолен. В то же время, начиная уже с Гомера и после него нам из бесчисленного множества отдельных слов и стихов открывается сильнейшее воздействие, которое природа оказывала на человека. Впоследствии германские племена, основавшие свои государства на фундаменте Римской империи, были с самого начала во всех смыслах подготовлены к познанию духа, заключенного в природном пейзаже, и если христианство на протяжении какого-то времени принуждало их угадывать проступающие лики ложных демонов в прежде почитавшихся источниках и горах, озерах и лесах, то вне всякого сомнения эта переходная стадия была уже вскоре преодолена. На вершине расцвета средневековья, около 1200 года, снова отмечается совершенно наивное наслаждение окружающим миром, которое в самой живой форме проявляется в миннезингерской поэзии различных народов²⁷. Из этой поэзии на нас изливается сильнейшее сопереживание, это проявляемое в отношении самых простых явлений, того, что вот она перед тобой, весна — с ее цветами, зелеными лугами и лесом. Однако это - исключительно передний план, лишенный какой-либо дали, в чем возможно убедиться также вполне конкретно, поскольку странствовавшие по отдаленнейшим краям крестonosцы не дают нам о том никаких свидетельств в своих песнях. Также и эпическая поэзия, такая точная в описании костюмов и оружия, остается на уровне набросков в своем изображении местности, и сам великий Вольфрам фон Эшенбах³⁶⁷ не создает сколько-нибудь приемлемого образа той сцены, по которой движут-

ся его действующие лица. Читатель этих стихов никогда бы не догадался, что эта посвятившая свои досуги поэзии знать всех европейских наций жила в тысячах расположенных на высоте замков, из которых открывался великолепный вид, или же такие замки посещала и была с ними хорошо знакома. Точно так же и тем латинским стихам путешествующих клириков (с. 113) еще не свойствен взгляд вдаль, пейзаж в собственном смысле слова, но то, что находится вблизи, отображается иной раз с такой яркостью красок, на какую не был способен, быть может, ни один из миннезингеров рыцарского сословия. Существует ли другое такое изображение Роши любви, как у этого, как мы полагаем, итальянского поэта XII столетия?

*Immortalis fieret
Ibi manens homo;
Arbor ibi quaelibet
Suo gaudet porno;
Viae myrrha, cinnamo
Fragrant, et amomo —
Conjectari poterat
Dominus ex domo...*^{368*28}

Как бы то ни было, для итальянцев природа уже издавна безгрешна и свободна от всяческого демонического воздействия. Св. Франциск Ассизский в своем гимне самым невинным образом превозносит Господа за сотворение небесных светил и четырех стихий.

Однако надежные свидетельства более глубокого воздействия на душу грандиозных открывающихся взору пейзажей начинаются с Данте. Он не только буквально несколькими строками дает нам убедительную картину утреннего воздуха с мерцающим вдали отблеском мягко колышущегося моря, картину бури в лесу и тому подобного, но и совершает восхождение на высокие горы с единственной целью: насладиться открывающейся далью²⁹; возможно, что со времен античности он был одним из первых людей, это сделавших. Боккаччо заставляет нас скорее догадываться о том, насколько захватывающим образом действует на него пейзаж, чем непосредственно это отражает в своих произведениях; и все же невозможно не видеть мощное, существовавшее по крайней мере в его фантазии, пейзажное обрамление его пастушеских романов³⁰. Петрарка, которого можно охарактеризовать как одного из первых людей Нового времени в полном смысле этих слов, с большей полно-

той и решительностью высказался в пользу важности пейзажа для чувствительной человеческой души. Светлый ум, впервые собравший воедино то, каким образом зарождалось и развивалось художественное чувство во всех литературах, а в своих «Природных видах» сам давший нам шедевр изобразительного мастерства, Александр фон Гумбольдт был не вполне прав в отношении Петрарки, что предоставляет и нам возможность собрать несколько колосков вслед за этим великим жнецом.

Так, Петрарка был не просто значительным географом и картографом (принято считать, что он составил самую раннюю карту Италии³¹), он не просто повторял то, что говорили древние³², но природный вид оказывал непосредственное воздействие на него самого. Наслаждение природой является для него наиболее желанным аккомпанементом всякой духовной деятельности: слияние того и другого побуждало его к ведению учено-отшельнической жизни в Воклюзе и прочих местах, к бегству прочь от мира и времени³³. Мы были бы к нему несправедливы, если бы на основании имевшихся у него слабых и неразвитых возможностей для изображения пейзажа заключили о несовершенстве его восприятия. Например, его описания изумительного залива Специя и Порто Венере, помещаемые им в конце VI песни «Африки» потому, что до этого они оставались невоспетыми ни древними, ни новыми авторами³⁴, есть не что иное, как простое перечисление. Однако тому же Петрарке уже введома красота скальных образований, и он способен отделять художественное значение пейзажа от его полезности³⁵. Во время его пребывания в лесах Реджо внезапно открывшийся ему величественный пейзаж оказывает на него такое действие, что он возвращается к давно заброшенной поэме³⁶. Однако наиболее сильное и глубокое впечатление оказывает на Петрарку восхождение на Монт Венту недалеко от Авиньона³⁷. Неосознанное влечение к простирающемуся сколько хватает глаз виду растет в нем все сильнее и сильнее, пока наконец случайно обнаруженное им место из Тита Ливия, где царь Филипп, враг Рима, совершает восхождение на гору Гем^{369*}, не приводит его к твердому решению. Он думает: то, что не было подвергнуто осуждению в старике царственного состояния, может быть вполне *извинительным* также и для частного молодого человека. Однако бесцельное восхождение на гору было чем-то неслыханным в его кругу, и потому нечего было и думать о том, чтобы его сопровождал кто-либо из друзей или знакомых. Петрарка взял с собой своего младшего брата, а с места последнего привала - двоих местных жителей. Уже возле горы старый пастух принялся уговаривать их повернуть обратно: за пятьдесят лет до того он также пытался со-

вершить восхождение, однако был вынужден вернуться ни с чем, и кроме сожалений, избитого тела и изодранной в клочья одежды ничего с горы не принес. И до него и после никто более не отваживался на то, чтобы пуститься в этот путь. Однако они, прилагая неописуемые усилия, продолжали продвигаться все дальше вверх, пока наконец облака не стали проплывать у них под ногами, и достигли вершины. Но напрасно стали бы мы здесь ожидать описания открывшегося вида, и это не потому, что поэт оказался в данном отношении бесчувственным: напротив, это происходит именно оттого, что впечатление было слишком сильным. Перед его взором проходит вся прожитая им жизнь со всеми ее глупостями; он вспоминает, что как раз сегодня исполняется десять лет с того дня, как молодым человеком он покинул Болонью, и обращает тоскующий взгляд в сторону Италии. Петрарка раскрывает книжечку, которая оказалась его спутницей в этот момент, «Исповедь» св. Августина, и взгляд его падает на следующее место из десятой книги: «И люди отправляются вдаль, и приходят в восхищение от высоких гор и широких морских просторов, от могучих ревущих потоков и океана, и от бега светил, и по этой причине покидают сами себя». Брат, которому он прочитал эти слова, не может взять в толк, почему после этого Петрарка захлопывает книгу и умолкает.

Несколько десятилетий, спустя, около 1360 г., Фацио дельи Уберти описывает в своей космографической поэме³⁸ (с. 116) дальние виды, открывающиеся с горы Альверния; правда, в описании чувствуется его заинтересованность в увиденном только в качестве географа и любителя древностей, однако очевидно, что он передает свои непосредственные впечатления. Но судя по тому, что ему известны явления, возникающие только на высоте более 10 000 футов над уровнем моря, а именно приливы крови, давление в глазах и сердцебиение (одолеть которые посредством губки с какой-то эссенцией помогает ему воображаемый попутчик Солин), ему приходилось восходить и на гораздо более высокие вершины. Разумеется, восхождения на Парнас и Олимп³⁹, о которых он также повествует, могут быть чистой воды вымыслом.

В XV в. ландшафтные образы были раз и навсегда похищены у природы великими мастерами фламандской школы, Хубертом и Яном ван Эйками³⁷⁰. И действительно, их пейзаж не является простым следствием стремления воссоздать видимость действительности, но обладает уже самостоятельным поэтическим содержанием, собственной душой, пусть пока еще в ограниченном масштабе. Оказанное тем самым воздействие на западное искусство невозможно отрицать, не осталось без

него также и итальянское искусство. Однако при всем том интерес, проявляемый образованным итальянцем к пейзажу, разбивается по своим собственным канонам.

Как в области научной космографии, так и в этой Эней Сильвий предоставляет нам одно из наиболее важных свидетельств. Действительно, Энея как человека можно было бы полностью вынести за скобки, однако при этом пришлось бы признаться, что мало найдется авторов, в которых с такой полнотой и живостью нашли свое отражение образ времени и его духовная культура, что мало найдется таких, которые бы так вплотную приблизились к среднему человеку раннего Возрождения. Да и в моральном отношении, заметим мимоходом, не следовало бы ставить его так уж низко, как это можно сделать, если односторонне принять за исходную точку обманутые в связи с его переменчивостью ожидания немецкой церкви на проведенном ею соборе⁴⁰³⁷¹.

Эней Сильвий интересует нас здесь прежде всего как первый человек, не просто наслаждавшийся итальянским пейзажем, но и вплоть до мелких подробностей его изобразивший. Особенно хорошо были ему известны Папское государство и южная Тоскана (его родина), а став папой, он в погожее время года проводил досуг в вылазках за город, на лоне природы. Теперь этот страдавший с давних пор подагрой человек получил возможность, пусть на носилках, переноситься по горам и долам, и если сравнить с этим наслаждения, которым предавались последующие папы, то Пий, испытывавший высшую радость от природы, античности и небольших по размеру, однако благородного вида строений, представляется наполовину святым, На прекрасном, живом латинском языке своих комментариев он совершенно свободно дает нам свидетельства своего блаженного состояния⁴¹.

Его глаз представляется нам столь же разносторонне вооруженным, как и глаз любого современного человека. С восторгом наслаждается Пий величественным, панорамным великолепием вида с высочайшей вершины Альбанских гор, Монте Каво, откуда перед ним открывается все, начиная с морского побережья Террачины перед мысом Чирче и до Монте Арджентаро, а также необозримые просторы суши со всеми городами-руинами древности, горными хребтами Средней Италии, зеленеющими далеко внизу лесами и блистающими невдалеке горными озерами. Он ощущает красоту месторасположения Тоди, того, как он господствует над своими виноградными долинами и заросшими оливковыми деревьями склонами, с видом на дальние леса и на долину Тибра, где над извиляющейся рекой выстраиваются один за другим множество замков и городков. Прелестная всхолмленная местность, ок-

ружающая Сиену, с ее виллами и монастырями на всех возвышенностях, - это его родина, и при описании ее сказывается его особое предпочтение. Однако ощущение счастья доставляют ему также и отдельные художественные мотивы в специальном смысле слова, как, например, выступающий в озеро Большена мыс Капо ди Монте: «Скалистые ступени, затененные листвой виноградников, круто спускаются вниз, к берегу, где между утесов высятся вечнозеленые дубы, постоянно оживляемые пением дроздов». По дороге вокруг озера Неми, пролегающей под каштанами и другими фруктовыми деревьями, его пронизывает чувство, что именно здесь, в этом «Дианином убежище», если это вообще где-нибудь возможно, способна проснуться поэтическая душа. Сплошь и рядом он проводил заседания консистории и папского суда, а также заслушивал посланников под старыми исполинскими каштанами или оливковыми деревьями, на зеленом лугу, возле бурлящих водных потоков. Он тут же воздает должное виду, такому, например, как сужающаяся лесная теснина с круто изогнутым перекрывающим ее мостом. Радуют его также и отдельные явления — своей красотой или полностью выявленным, чрезвычайно характерным видом: колышущиеся синевой льняные поля, покрывающий холмы желтый дрок, даже дикие заросли любых растений, как и отдельные великолепные деревья и источники, представившиеся ему природными чудесами.

Вершиной наслаждения Пия ландшафтами было его пребывание на Монте Амиата летом 1462 г., когда чума и нестерпимый зной внушали ужас перед пребыванием на равнине. Вместе со своей курией он обосновался на середине склона горы, в древнем лангобардском монастыре Сан Сальваторе: отсюда, в промежутки между сбегающими по крутому склону каштанами, можно оглядеть всю южную Тоскану, а вдали увидеть башни Сиены. Восхождение на самую вершину Пий предоставил своим спутникам, к которым присоединился также оратор из Венеции. Наверху они обнаружили два положенных друг на друга каменных блока, возможно, место жертвоприношения какого-то древнего народа, и, как полагали, видели за морем, далеко вдали, также Корсику и Сардинию⁴². В восхитительной летней прохладе, среди старых каштанов и дубов, на свежей траве, где никакая колючка не впивалась вам в ногу и не докучали и не представляли угрозы ни насекомые, ни змеи, папа пребывал в блаженнейшем настроении. Для папского суда, происходившего в определенные дни недели, он всякий раз отыскивал новое тенистое место⁴³: «Novos in convallibus fontes et novas inveniens umbras, quae dubiam facerent electionem»³⁷²».

При этом случалось так, что собаки поднимали крупного оленя с его находившейся невдалеке лежки, после чего можно было видеть, как олень этот, отбившись с помощью копыт и рогов, убежал вверх по горе. По вечерам папа имел обыкновение сидеть перед монастырем на месте, с которого открывался вид на долину Пальи, и вести оживленные беседы с кардиналами. Члены курии, отваживавшиеся во время охоты спуститься вниз, находили там невыносимую жару, которой было сожжено буквально все, настоящую преисподнюю, в то время как монастырь с его зеленым и погруженным в прохладу окружением представлялся обителью блаженных.

Все это - по сути своей современные наслаждения, а вовсе не воздействие со стороны античности. Как ни схожи с этим восприятия древних, все же тех немногочисленных высказываний на эту тему, которые могли быть известны Пию, было явно недостаточно для того, чтобы пробудить в нем такую восторженность⁴⁴.

Последовавший вскоре, в конце XV - начале XVI в., период второго расцвета итальянской поэзии, как и латинская поэзия того же времени, богаты доказательствами мощного воздействия ландшафтного окружения на душу человека, что тут же обнаруживается при знакомстве с лириками этого времени. Собственно, описания больших пейзажных картин почти до невозможности здесь обнаружить, так как лирика, эпос и новелла этого деятельного времени имели перед собой иные задачи. Боярдо и Ариосто с большой решительностью характеризуют ту природную обстановку, в которой происходит действие, однако делают это возможно коротко, не допуская, чтобы дали и широкие перспективы вносили хоть какой-нибудь вклад в создание настроения⁴⁶, поскольку оно создается здесь исключительно за счет действующих лиц и событий. Скорее, чем поэты, свидетельство нарастания ощущения природы могут давать созерцательные авторы диалогов⁴⁶ и сочинители эпистолярного жанра. Замечательна сознательность, с которой, например, Банделло сохраняет верность законам своего литературного жанра: в самих новеллах не может быть сказано ни слова сверх самого необходимого в отношении природного окружения⁴⁷, однако в предшествующих им всякий раз посвящениях неоднократно присутствует навевающее уют описание этого окружения — как сцены, в которой происходит беседа и собирается компания. Что касается авторов писем, то, к сожалению, приходится назвать Аретино^{48 373*} в качестве того, кто, быть может, первым обстоятельно выразил в словах великолепные вечерние эффекты игры света и облаков.

Однако и у поэтов возможно иной раз повстречать замечательные переплетения их собственных чувств с любовно выпитыми и изображенным в совершенном соответствии с законами жанра природным окружением. Так, Тито Строцци описывает в латинской элегии⁴⁹ (около 1480 г.) обиталище своей возлюбленной: старый, заросший со всех сторон плющом и окруженный деревьями домик с осыпающейся фреской святого, возле него часовня, сильно пострадавшая от прорывающихся сюда вод высоко поднявшейся и стремительно несущейся мимо По; невдалеке капеллан распахивает одолженной бычьей упряжкой свои тощие семь десятин земли. Это вовсе не реминисценция из римских элегиков, но самостоятельное, современное восприятие, и к концу этой главы мы еще приведем в параллель этому подлинное, а совсем не искусственно-буколическое отображение сельской жизни.

Нам могут возразить, что наши немецкие мастера начала XVI в. подчас с большим мастерством воспроизводят такое реалистическое окружение человеческой жизни, как, например, Альбрехт Дюрер^{374*} на своей гравюре о блудном сыне. Однако это две совершенно различные вещи: одно дело, когда такое сценическое оформление создает мастер, ставший великим внутри реалистического направления, и другое — когда поэт, в прочих отношениях драпирующийся в идеальные и мифологические одежды, спускается к действительности по внутреннему побуждению. А кроме того, и здесь, также как и в изображении сельской жизни, временной приоритет принадлежит итальянским поэтам.

* * *

К открытию мира культура Возрождения прибавляет еще большее достижение, заключающееся в том, что она впервые открывает и извлекает на белый свет содержание человека во всей его полноте⁶⁰.

Поначалу, как мы видели, эта эпоха сильнейшим образом развивает индивидуализм; затем она побуждает его же к чрезвычайно прилежному и многостороннему познанию индивидуального во всех его видах. Развитие личности существенным образом связано с познанием ее как в себе самом, так и в других.* В промежутке между этими чрезвычайно значимыми явлениями нам следовало бы поместить воздействие античной литературы - потому, что этой средой существенным образом видоизменяется и определяется способ познания и отображения

как индивидуального начала, так и человеческого вообще. Однако сама познающая мощь связана со временем и с нацией.

Явления, которые мы могли бы привести в подтверждение этого, немногочисленны. Следует сказать, что если где-либо в ходе своего изложения автор испытывал чувство, что он вступает в сомнительную область догадок, то это имеет место именно сейчас, так что то, что маячит перед его умственным взором в виде нежного, однако явно воспринимаемого им цветового перехода в духовной истории XIV и XV столетий, может быть лишь с большим трудом признано другими в качестве факта. Это постепенное проявление народной души может представляться каждому наблюдателю в ином свете. Время все расставит по своим местам.

К счастью, познание духовной сущности человека началось не с раздумий на темы теоретической психологии, поскольку хватало здесь уже Аристотеля, но с таланта наблюдателя и изобразителя. Непременный теоретический балласт ограничивается учением о четырех темпераментах и распространенным в те времена связыванием их с догматом о воздействии планет. С незапамятных времен эти застывшие в неподвижности элементы утверждают себя в качестве чего-то совершенно неизбежного в сфере суждений об отдельном человеке, однако они более не наносят вреда значительному общему продвижению вперед. Конечно, нельзя не удивляться тому, что этими категориями манипулируют в ту эпоху, когда целостный человек как в своей глубочайшей сущности, так и в характеристических внешних приметах мог быть показан нам не только посредством точного отображения, но и при помощи нетленных искусства и поэзии. Почти что комическое действие производит то, что такой вообще-то весьма трезвый наблюдатель, как Климент VII, хотя и считается принадлежащим к меланхолическому темпераменту, покоряется, однако, в своем суждении тем врачам, которые признают в папе скорее сангвинически-холерический темперамент⁵¹. Или же когда мы узнаем, что тот самый Гастон де Фуа^{375*}, победитель в битве при Равенне, которого писал Джорджоне^{376*} и высекал в камне Бамбайя^{377*} и которого изображают также все историки, обладал сатурническим характером⁵². Конечно, кто сообщает нам такое, желает сказать этим что-то весьма определенное; только вот категории, с помощью которых он выражает свое мнение, представляются диковинными и устаревшими.

В царстве свободного духовного отображения нас первыми встречают великие поэты XIV столетия.

Если собрать вместе все шедевры придворной и рыцарской

поэзии двух предшествующих столетии, нам представится целый ряд великолепных догадок и единичных картин душевных движений, которые на первый взгляд оспаривают у итальянцев первый приз. Даже не принимая во внимание лирику как таковую, уже у одного только Готфрида Страсбургского^{378*} в его «Тристане и Изольде» дается такая обладающая непреходящими чертами картина страсти. Однако жемчужины эти погружены в море условного и искусственного, и их содержание постоянно остается удаленным от полного объективирования внутренне-го человека и его духовных сокровищ.

Также и Италия - в лице своих трубадуров - имела тогда, в XIII столетии, долю в этой придворной и рыцарской поэзии. От них остались в основном канцоны, которые выстраивались ими также искусственно и принужденно, как песни всякого северного миннезингера. И по содержанию, и даже по ходу мыслей они имеют условно-придворный характер, даже в тех случаях, когда сам поэт принадлежал к буржуазному или ученому сословию.

Открываются уже, однако, два пути, указывающие на новое, свойственное именно итальянской поэзии будущее, и ими не следует пренебрегать, пусть даже поначалу речь здесь идет лишь о чем-то формальном.

Тому же Брунетто Латини (учителю Данте), который в том, что касалось сочинения канцон, стоял на принципах обычного стиля трубадуров, принадлежат самые ранние известные нам *versi sciolti*^{379*}, лишенные рифм одиннадцатисложники⁵³, и тут, в этой производящей на первый взгляд впечатление бесформенности поэзии, внезапно проявляется натуральная, лично пережитая страсть. Здесь налицо сопряженное с доверием к силе самого содержания сознательное ограничение внешних средств, подобное тому, которое несколько десятилетий спустя проявится во фресковой живописи, а еще позже - также и в станковой, когда будет наблюдаться отказ от цветов и живопись будет реализовываться исключительно при помощи темных и светлых тонов. Для времени, придающего такое исключительное значение искусственному моменту в поэзии, эти стихи Брунетто являются началом нового направления⁶⁴.

Однако в это же время, т. е. в первой половине XIII столетия, одна из многих строго установленных форм строфы, которые были тогда созданы на Западе, а именно сонет, становится главенствующей в Италии. Колебания в отношении расположения рифм и даже числа стихов⁶⁶ наблюдаются еще на протяжении сотни лет, пока Петраркой не был установлен нормальный его вид. В форму эту вливается поначалу высоколирическое

и созерцательное, впоследствии же - какое угодно содержание, так что мадригалы, секстины и даже сами канцоны занимают подчиненное место рядом с сонетами. Впоследствии сами итальянцы шуточно, а иной раз и мрачно жаловались на этот неизбежный шаблон, это четырнадцатистрочное прокрустово ложе чувств и мыслей. Другие же были и все еще продолжают быть чрезвычайно довольны этой формой и прибегают к ней в тысячу первый раз, чтобы вложить сюда свои реминисценции и принужденную монотонность, лишенные сколько-нибудь глубокой серьезности и какой-либо необходимости. По этой причине куда больше незначительных и дурных сонетов, нежели хороших.

И тем не менее нам сонет представляется колоссальным благословением для итальянской поэзии. Ясность и красота его построения, требование восхождения его содержания на новую высоту в имеющей живое строение второй половине, а также легкость выучивания его наизусть делали его снова и снова привлекательным и ценным для величайших мастеров. Или кто-либо способен всерьез утверждать, что они были бы способны сохранять ему верность, когда бы не были проникнуты сознанием его высокой ценности? Да ведь эти первоклассные мастера могли отыскать себе другие сколь угодно разнообразные формы, в которых выразили бы себя с той же силой. Однако по той причине, что сонет был ими поднят на высоту основной лирической формы, многие другие, также талантливые, хотя и с ограниченным дарованием поэты, которые в ином случае могли бы утонуть без следа в более протяженной лирической форме, вынуждены были сконцентрировать свои чувства на этом малом пространстве. Сонет стал таким всеобщим конденсатором мыслей и чувств, каким не обладает больше ни одна поэзия современных народов.

Таким образом, мир чувств, каким он предстает перед нами на итальянской почве, выступает во множестве в высшей степени определенных, сжатых и чрезвычайно действенных в своей краткости образов. Если бы у других народов имелась в наличии условная форма такого рода, мы, быть может, знали бы больше также и относительно их духовной жизни: возможно, тогда мы обладали бы рядом законченных изображений внешнего и внутреннего состояния, этими зеркалами души, а не были вынуждены ссылаться на притворную лирику XIV и XV столетий, которую почти никогда не следует принимать за чистую монету. В случае же итальянцев явный прогресс ощущается почти сразу по появлении сонета: действительно, во второй

половине XIII в. так называемые (окрещенные так уже в Новое время⁶⁶) «trovatori della transizione»³⁸⁰ на деле представляют собой переход от трубадуров к поэтам, т. е. к стихотворцам, находящимся под влиянием античности. Простое и сильное восприятие, энергичное обозначение ситуации, точность выражения и завершения в их сонетах и других стихотворениях уже предвещают скорый приход Данте. Некоторые партийные сонеты, вышедшие из-под пера гвельфов и гибеллинов (1260-1270 гг.) уже до некоторой степени подобны по своему звучанию его страсти, другие же напоминают о наиболее сладостном в его лирике.

Собственные теоретические воззрения Данте по поводу сонета неизвестны нам лишь потому, что последние книги его сочинения «О народном языке», в которых он собирался рассматривать сонеты и баллады, так и остались ненаписанными либо были утрачены. Однако на практике им оставлены в высшей степени великолепные отражения душевных состояний в форме сонетов и канцон. А в какое обрамление они помещены! «Новая жизнь», в которой Данте дает отчет в каждом стихотворении, столь же удивительна, как и сами стихи, и составляет с ними равномерно пронизанное одним и тем же духовным горением целое. Не зная к душе жалости, он регистрирует все оттенки ее радости и страдания, выражая все это в строжайшей художественной форме посредством неколебимой силы воли. Если прочесть внимательно эти сонеты и канцоны, а в промежутках - еще эти удивительные отрывки из его юношеского дневника, создается впечатление, что на протяжении всего средневековья все поэты себя избегали, он же, первый из всех, себя отыскал. Бесчисленное множество людей пыталось до него сплести искусственные строфы, однако он первый является художником в полном смысле слова, поскольку сознательно строит непреходящее содержание, облекая его в непреходящую форму. Субъективная лирика достигает у него совершенно объективных истинности и величины: большая часть вещей проработана настолько, что на протяжении столетий все народы могут присваивать все это себе и этому подражать⁶⁷. Однако там, где процесс творчества происходит в совершенно объективной форме и мощь его чувства обнаруживается только через внешние обстоятельства (каковы грандиозные сонеты «Tanto gentile...» и «Vede perfettamente...»), ему, как он полагает, необходимо в этом оправдываться⁶⁸. Вообще говоря, сюда же относится прекраснейшее из всех этих стихотворений, сонет «Deh peregrini che pensosi andate...».

Даже не написав «Божественной комедии», уже только благодаря этому чисто юношескому повествованию Данте все равно остался бы пограничным камнем между средневековьем и Новым временем. Дух и душа делают здесь вдруг энергичный прыжок к познанию своей исполненной тайны жизни.

То, какие откровения содержит в этом смысле сама «Божественная комедия», не поддается никакому измерению, и нам приходится пробежать по всей великой поэме, одной ее песни за другой, чтобы быть способными в полной мере оценить ее достоинство в этом отношении. К счастью, в этом нет никакой необходимости, поскольку «Божественная комедия» давно уже стала повседневной пищей западных народов. Ее план и основная идея принадлежат средневековью и обращены к нашему сознанию только в плане историческом; однако поэма является в существенном смысле началом современной поэзии благодаря своему богатству и высочайшему пластическому мастерству в отображении духовного на каждой ступени и при всяком превращении⁵⁹.

Судьба этой поэзии складывалась в будущем подчас неблагоприятно, на протяжении приблизительно полувека имел место даже так называемый ее упадок, однако в любом случае высший ее жизненный принцип всегда оставался в неприкосновенности, и когда в XIV, XV и начале XVI столетия какой-либо глубокий и оригинальный дух ставит свои силы на служение этой поэзии в Италии, он уже изначально обладает существенно более значительными возможностями, чем какой угодно поэт за ее пределами, даже если мы предположим за ними равенство в отношении одаренности, уровень которой, разумеется, бывает трудно определить.

Как и во всех прочих отношениях, образованность (к которой относится также и поэзия) шествует у итальянцев впереди изобразительных искусств, действуя скорее в качестве стимулирующего их средства. Так продолжается более столетия, до тех пор, пока духовно движимое, т. е. душевная жизнь, не находит в скульптуре и живописи такого выражения, аналог которому в какой-то степени можно отыскать только у Данте. Вопрос о том, в какой степени это приложимо или не приложимо вовсе к развитию искусства у других народов⁶⁰, и вообще насколько достоин сам этот вопрос нашего внимания, не слишком нас здесь заботит. Для итальянского же искусства он имеет определяющее значение.

Какова в этом отношении роль, принадлежащая Петрарке, решать читателям наиболее распространенного поэта. Если кто

подойдет к нему в мантии судьи, снимающего допрос, и с прилежной старательностью примется отыскивать в нем противоречия между человеком и поэтом, числящиеся за ним побочные любовные увлечения и иные слабости, то, приложив определенные старания, такой человек и на самом деле может полностью потерять вкус к его сонетам. В данном случае вместо поэтического наслаждения мы обладаем знанием человека во всей его «целостности». Вот только жаль, что письма Петрарки содержат так мало авиньонских сплетен, по которым можно было бы составить о нем понятие, а также что переписка его знакомых и друзей этих знакомых утрачена или же вовсе никогда не существовала. Однако вместо того, чтобы благодарить небо за то, что нам нет необходимости исследовать, Как и из гущи какой борьбы поэт смог донести до нас из своей среды и наполненной бедствиями жизни бессмертные творения, также и о Петрарке из немногочисленных «реликвий» в этом роде было составлено такое жизнеописание, что оно выглядит похожим более всего на обвинительный акт. Впрочем, поэт может утешиться: если издание и обработка переписки известных людей продолжится в Германии и Англии еще лет пятьдесят, скамейка грешников, на которой сидит он сам, постепенно заполнится изысканнейшим обществом.

Не закрывая глаза на немалое количество искусственного и претенциозного, в котором Петрарка подражает самому себе, продолжая стихосложение в собственной традиционной манере, мы восхищаемся в нем множеством великолепных картин душевных состояний, изображениями исполненных счастья и горести моментов, принадлежащих в полном смысле ему одному, поскольку до него никто на них просто не указывал, что, собственно, и составляет его ценность как для нации, так и для всего мира. Не во всех случаях способ выражения в равной мере прозрачен, нередко с наиболее прекрасным соседствует нечто для нас чужеродное: аллегорическая игра и хитроумная софистика, однако лучшее берет верх.

Также и Боккаччо в своих недооцененных сонетах⁶¹ достигает иной раз в высшей степени захватывающего изображения чувств. Возвращение на освященное любовью место (сонет 22), весенняя меланхолия (сонет 33), грусть стареющего поэта (сонет 65) воспеты им просто великолепно. В «Амето» он с такой проникновенностью описал облагораживающую и проясняющую силу любви, какой мало кто мог бы ожидать от автора «Декамерона»⁶². Наконец, также и его «Фьяметта» является большой, обстоятельной картиной душевной жизни, полной глубочайших

наблюдений, пускай даже осуществлено это далеко не равнозначно, и иной раз явное предпочтение отдано напыщенно громыхающей фразе; также и мифология с античностью вплетены сюда не всегда удачным образом. Если не ошибаемся, «Фьяметта» является как бы женским аналогом «Новой жизни» Данте или во всяком случае возникла под ее впечатлением.

Само собой разумеется, невозможно отрицать влияние античных поэтов, как элегиков, так и IV песни «Энеиды»⁶³, на этих и последующих итальянцев, однако мощный источник чувств бурлит внутри них самих. Кто сравнит их в этом отношении с их современниками за пределами Италии, признает за первыми наиболее раннее и полное выражение современного европейского мира чувств. Речь здесь идет вовсе не о том, чтобы установить, что выдающиеся люди других наций не были способны на такие глубокие и прекрасные восприятия, но о том, кто первым обнаружил у себя наиболее многостороннее знание душевных движений.

Но какова причина того, что в области трагедии итальянцы Возрождения оставили нам лишь малозначительные произведения? Ведь именно здесь возможно было явить миру в тысячеликом обличье и характер, и дух, и страсть через развитие, борьбу и поражение человека. Иными словами: какова причина того, что Италия не произвела на свет Шекспира? Ибо итальянцы ни в коей степени не уступают всему прочему театру Севера XVI и XVII столетий, с испанским же они не в состоянии конкурировать потому, что не прониклись духом религиозного фанатизма, абстрактное понятие чести вызывало у них лишь формальное сочувствие, а для того чтобы почитать или прославлять своих беззаконных правителей, они были чересчур умны и горды⁶⁴. Так что на самом деле речь здесь может идти лишь о кратком периоде расцвета английского театра.

На это возможно возразить, что ведь и вся прочая Европа произвела на свет только одного Шекспира, да и вообще такой гений является редким даром небес. Далее, возможно ведь, что Италия находилась как раз накануне высшего расцвета театрального искусства, когда разразилась Контрреформация, которая совместно с испанским господством (над Неаполем и Миланом, а косвенно - почти над всей Италией) надломилась или по крайней мере засушила самые пышные цветы итальянского духа. Вообразите себе Шекспира под властью испанского вице-короля, вблизи святейшего римского престола или же в собственной его стране десятилетия спустя, во время английской революции. Драма, в ее совершенной форме являю-

щаяся поздним ребенком всякой культуры, нуждается в своем, особом времени и счастливом стечении обстоятельств.

Однако в этой связи нам следует перечислить некоторые моменты, которые могли затруднить или оттянуть достижение итальянской драмой своего высшего расцвета, - пока благоприятный момент для этого не миновал безвозвратно.

В ряду наиважнейших из них следует вне всякого сомнения указать на иное место удовлетворения страсти к зрелищам, совершавшееся поначалу через посредство мистерий и иных религиозных процессий. Во всей западной культуре постановки драматизированной священной истории и священных сказаний являлись как раз источником и началом драмы и театра вообще; однако Италия, как это будет показано в следующей главе, с такой страстью отдалась художественно-декоративному великолепию мистерий, что драматический элемент был с неизбежностью отнесен на второй план. Из всех бесчисленных дорогостоящих представлений ни разу не смог развиваться такой жанр искусства, как «Autos sacramentales» Кальдерона^{381*} и других испанских поэтов, уж не говоря о том, чтобы извлечь отсюда пользу или построить на этом основание для светской драмы.

А когда эта драма все же заявляет о себе, она тут же в меру сил начинает соучаствовать в постановочном великолепии, к которому публика была в полной мере приучена мистериями. Не перестаешь удивляться тому, насколько богатыми и пестрыми были сценические декорации в Италии, в то время как на Севере довольствовались наипростейшим намеком на обстановку, в которой происходит действие. Однако само по себе это, быть может, еще не имело бы решающего значения, когда бы сама постановка - отчасти пышностью костюмов, отчасти же и главным образом пестротой *intermezzi*^{382*} - не отвлекала ум от поэтического содержания пьесы.

То обстоятельство, что во многих местах, и именно в Риме и Ферраре, ставились то на латинском, то на итальянском языке Плавт и Теренций, а также античные трагики (с. 154, 164), что местные академии (с. 183 сл.) имели в своих программах соответствующие формальные задания, что сами поэты Возрождения в полном смысле слова зависели от этих образцов, - все это, конечно же, сослужило в соответствующие десятилетия плохую службу итальянской драме; и все же я расцениваю эти моменты как второстепенные. Если бы сюда не вмешались Контрреформация и чужеземное господство, эти недостатки вполне могли бы обернуться достоинствами весьма плодотвор-

ного переходного периода. Во всяком случае победа родного языка в области трагедии и комедии была, к большому неудовольствию гуманистов⁶⁶, фактически решена вскоре после 1520 г. С этой стороны у наиболее развитой нации Европы не наблюдалось более никаких препятствий, и дело теперь было за тем, чтобы поднять драму до уровня духовного отображения человеческой жизни в высшем смысле этого слова. Инквизиторы и испанцы спугнули итальянцев и сделали невозможным драматическое отображение наиболее существенных и величайших конфликтов, в особенности в форме кладезя национальной памяти. Однако при этом нам также необходимо рассмотреть поближе те *intermezzi* отвлекающего характера - этой сущей пагубы для драмы.

Когда праздновалась свадьба принца Альфонса Феррарского с Лукрецией Борджа, герцог Эрколе лично представил высококородным гостям 110 костюмов, которые должны были использоваться для постановки пяти плавтовских комедий, причем внимание было обращено на то обстоятельство, чтобы ни один из них не использовался дважды⁶⁶. Однако что значила вся эта тафтово-каamelотовая роскошь в сравнении с декорациями балетов и пантомим, исполнявшихся в качестве интермедий плавтовских пьес! То, что рядом с этим сам Плавт представлялся такой живой юной даме, как Изабелла Гонзага, смертельно скучным и что все присутствовавшие на представлении жаждали поскорее увидеть именно интермедии, ясно само собой, если будет принято в расчет их пышное великолепие. Здесь были поставлены поединки римских воинов, которые искусно, в такт музыке размахивали своим античным оружием, танец мавров с факелами, танец диких людей с рогами изобилия, из которых изливались потоки жидкого огня; наконец, балет переходил в пантомиму, представлявшую спасение девушки от дракона. Также танцевали шуты в костюмах Пульчинеллы, колотившие друг друга свиными пузырями, и было еще много всего в том же роде. При феррарском дворе было принято, чтобы каждая комедия имела «свой» собственный балет (*moresca*)⁶⁷. Нерешенным остается, вопрос о том, не следует ли мыслить состоявшееся здесь же представление плавтовского «Амфириона» (в 1491 г., по случаю первого бракосочетания Альфонса с Анной Сфорца) скорее в качестве пантомимы с музыкой, нежели драмы⁶⁸. Во всяком случае то, что сюда было привнесено, перевешивало саму пьесу: здесь можно было наблюдать сопровождаемую гремющим оркестром хороводную пляску молодых людей, драпированных плющом и исполнявших одно

искусное па за другим; затем появился Аполлон, ударил по лире плектром и запел хвалебную песнь дому Эсте. Далее последовала, как бы интермедия внутри интермедии/мужиковатая жанровая сцена, или же фарс, а потом - вновь сценой завладела мифология с Венерой, Вакхом и их свитой, и была представлена пантомима: Парис на Иде. И только после этого была представлена вторая половина пьесы «Амфитрион», причем явно обыгрывалось имеющее состояться в будущем рождение Геркулеса из дома Эсте. Когда та же пьеса ставилась до этого (в 1487 г.) во дворе дворца, постоянно горел «рай со звездами и прочими колесами», т. е. иллюминация, возможно, еще и с фейерверком, которая, конечно, отвлекала на себя львиную долю внимания. Очевидно, лучше было, когда добавки такого рода выступали в качестве самостоятельных представлений, как то имело место при других дворах. Мы еще поговорим о праздничных представлениях у кардинала Пьетро Риарио, у Бентивольо в Болонье и прочих - когда будут рассматриваться праздники.

Особенно тяжелые последствия имело раз укоренившееся великолепие постановки для оригинальной итальянской трагедии. «Прежде в Венеции, - пишет Франческо Сансовино⁶⁹ около 1570 г., - с большой пышностью ставили кроме комедий также и трагедии античных и современных поэтов. Ради громкой славы, распространеннейшей об их оформлении (аррагати), сюда устремлялись многочисленные зрители - как местные, так и издалека. Однако празднества, устраиваемые ныне частными гражданами, происходят под крышей, и начиная с некоторого времени так сложилось, что карнавалы сопровождаются комедиями и иными веселыми и дорогостоящими удовольствиями». Т. е. роскошь способствовала смерти трагедии!

Отдельные подступы и попытки этих современных трагиков, наибольшая слава среди которых выпала на долю «Софонисбы» Триссино³⁸³ (1515 г.), принадлежат истории литературы. То же самое возможно сказать и относительно возвышенной, подражавшей Плавту и Теренцию комедии. Даже сам Ариосто не смог создать в этом жанре ничего сколько-нибудь замечательного. Напротив, народная комедия в прозе, как ее разрабатывали Макиавелли, Библиена, Аретино, вполне могла иметь будущее, когда бы ее не постигла гибель из-за ее содержания. Ведь прежде всего она была, с одной стороны, в высшей степени безнравственной, а с другой - направлена против тех сословий, которые начиная приблизительно с 1540 г. перестали допускать в отношении себя подобную общественную враждеб-

ность. И если в «Софонисбе» характеристика образов вынуждена была уступить блестящей декламации, то здесь она же подвергалась слишком уж небрежному обращению, обретаясь по соседству со своей сводной сестрой - карикатурой.

И тем не менее сочинительство трагедий и комедий продолжается без перерыва и впредь, нет недостатка также и в многочисленных осуществленных на деле постановках античных и современных пьес; однако используются они исключительно в качестве повода и предлога для того, чтобы создать сообразное общественному положению впечатление великолепия, гений же нации целиком и полностью разочарован в этом жанре как сколько-нибудь жизнеспособном. А как только на сцену выступили пастушеская драма и опера, тут уж и вовсе возможно стало обойтись без попыток что-то совершить в этом жанре.

В полном смысле национальным был и остался лишь один жанр: лишенная письменной основы «Commedia dell' arte», импровизировавшаяся по заданному сценарию. Она не слишком подходила для полноценной характеристики образов, поскольку в ней имелся узкий круг жестко определенных масок, характер которых был назубок известен каждому. Однако присущая нации одаренность столь властно склонялась к этому жанру, что посреди представлений даже записанных комедий актеры вдруг переходили к собственной импровизации⁷⁰, так что здесь и там мог возникать некоего рода смешанный жанр. Такими можно считать комедии, ставившиеся в Венеции Буркиеллой^{384*}, а впоследствии - обществом Армонио, Вал. Цуккато^{386*}, Лод. Дольче^{386*} и других⁷¹. Так, относительно Буркиеллы мы уже знаем, что он прибегал к увеличению комизма посредством примешивания греческого и славянского языка к венецианскому диалекту. Почти полностью соответствовали понятию «Commedia dell' arte» пьесы Анджело Беолько, прозванного «il Ruzzante»^{387*} (1502 - 1524), постоянными масками которого являются падуанские крестьяне (Менато, Веццо, Биллора и другие); должно быть, он изучил их диалект, когда проводил лето на вилле своего покровителя Луиджи Корнаро в Кодевиго⁷². Постепенно появляются все знаменитые местные маски, обломки которых до сих пор тешится Италия: Панталоне, Доктор, Бригелла, Пульчинелла, Арлекин и так далее. Разумеется, в основном все они куда старше, возможно, что и вообще они связаны с масками древнеримских фарсов, но лишь XVI век соединил их всех в одной пьесе. В настоящее время это уже не прослеживается с такой наглядностью, однако всякий большой

город придерживается своей местной маски: для Неаполя это Пульчинелла, для Флоренции - Стентерелло, в Милане - нередко просто великолепный Менекинг⁷³.

Конечно, это довольно-таки скучная замена для великой нации, которая, быть может, более всех прочих была наделена даром объективно отражать и рассматривать в зеркале драмы свои высшие проявления. Однако на протяжении столетий ей было в этом отказано враждебными силами, в появлении которых была и часть ее собственной вины. И все же искоренить разлитый в обществе талант драматического представления было невозможно, а по части музыки вся Европа была перед Италией в долгу. Кто желает признать в этом мире звуков замену или же косвенное выражение запрещенной драмы, вполне может этим утешиться.

Не следует ли ожидать того, что не дала драма, от эпоса? Однако итальянскую героическую поэму резко критикуют именно за то, что самой слабой её стороной является обрисовка и разработка характеров.

Прочие достоинства итальянского эпоса неоспоримы, и среди них - то обстоятельство, что на протяжении четырех с половиной столетий его на самом деле читали и постоянно печатали заново, в то время как почти что вся эпическая поэзия прочих народов превратилась в чистой воды литературно-исторический курьез. Или это зависит от читателя, который ожидает от нее и ценит в ней нечто иное, нежели читатель на Севере? По крайней мере уже частичного усвоения итальянского национального характера хватило нам для того, чтобы признать своеобразную ценность этой поэзии, однако есть в высшей степени достойные люди, которые прямо заявляют, что не возьмут в толк, о какой ценности здесь может вообще идти речь. Конечно, если кто возьмется за анализ Пульчи, Боярдо, Ариосто и Берни с точки зрения так называемого идейного содержания, ему негде будет разгуляться. Они - художники в своем роде, сочинявшие для несомненно и преимущественным образом художественно одаренного народа.

После постепенного угасания рыцарской поэзии круг средневековых сказаний продолжал жизнь частью в виде стихотворных переработок и собраний, частью же как прозаические романы. Последний вариант имел место в Италии в XIV в.; однако рядом с этим во весь свой огромный рост поднимались вновь пробудившиеся воспоминания об античности, погрузившие все средневековые фантастические образы в глубокую тень. Так, например, Боккаччо в своем «Любовном видении»

называет, правда, среди представленных в его волшебном дворце героев также и Тристана, Артуса, Галеотто и других, однако делает это в высшей степени коротко, словно он их стыдится, а последующие писатели, принадлежащие к каким угодно жанрам, и вовсе о них не говорят, а если говорят, то только в шутку. Однако народ хранил о них память, и из его рук они снова вернулись к поэтам XV столетия. Поэты эти были теперь в состоянии воспринять и отобразить доставшийся им материал совершенно заново, свободно; однако ими было совершено нечто еще более значительное, поскольку они тут же творчески его продолжили, и даже по большей части выдумали все заново. Чего требовать от них не следовало, так это чтобы они отнеслись к своему предмету с прежним пиететом. Напротив, вся Европа должна завидовать трюму, что они были еще способны включиться в сопричастность их народа некоему фантастическому миру, однако они оказались бы просто лицемерами, когда бы отнеслись к нему с благоговением, как к мифу⁷⁴.

Вместо того юни движутся по вновь завоеванным для художественной поэзии областям как полновластные властители. Основной их целью является, как можно полагать, по возможности чарующее и бодрящее воздействие отдельных песен при исполнении их вслух, да и сам этот род поэзии в высшей степени выигрывает, когда приходится слышать чтение этих поэм по частям, причем наизусть и с выражением, с легким оттенком комизма в голосе и жестах. Не следует ожидать, чтобы глубина и проработанность характеристик прибавила к ним нечто существенное: их может потребовать читатель, но слушатель об этом не думает, поскольку он постоянно слышит лишь какую-то часть и, в конце концов, видит перед собой одного только чтеца-декламатора. В отношении заданных сюжетом персонажей поэт находится в двойственном положении: его гуманистическое образование возражает против их средневековой сущности, однако в то же время их поединки, как сторона современной турнирной и военной жизни, требуют приложения всех его познаний и поэтического усердия, ставя в то же время исключительные по блеску задачи перед чтецом. Отсюда даже у Пульчи⁷⁵ нет пародии на рыцарство в собственном смысле слова, хотя зачастую комический и грубоватый способ выражения его паладинов находится на грани этого. Рядом с ними выставляется идеал драчливости, его забавный и добродушный Моргайте, который вяжет целые армии языком от колокола. Более того, Пульчи способен также и на то, чтобы показать относительность и этого своего героя, противопоставляя его абсурд-

ному и притом в высшей степени примечательному чудовищу Маргутте. Однако при этом Пульчи не придает обоим этим грубо и мощно выписанным характерам никакого особого значения, и история его продолжает свой чудесный ход даже тогда, когда они давно отсюда исчезли. Боярдо⁷⁶ также относится к своим персонажам с полной сознательностью и пользуется ими в шутку и всерьез, как ему заблагорассудится. Даже с демоническими существами он забавляется в свое удовольствие и иной раз намеренно их изображает в неуклюжем виде. Существуют, однако, другие художественные задачи, к которым он относится не менее серьезно, чем Пульчи, например, в высшей степени живые и, можно было бы сказать, технически точные изображения всех событий.

Пульчи читал свою поэму вслух, как только заканчивал еще одну песню, перед обществом Лоренцо Великолепного, Боярдо аналогичным образом делал это перед двором Эрколе Феррарского. Отсюда легко понять, на какие именно положительные стороны делался в таком случае упор, и как мало благодарности снижали бы здесь себе прописанные в деталях герои/Разумеется, при таких обстоятельствах сами поэмы не образуют никакого законченного целого и вполне могли быть вдвое короче или, напротив, длиннее своего действительного размера. Их композиция - это не композиция обширной картины на историческую тему, но скорее фриз или пышный орнамент из плодов, вокруг которого порхают пестрые образы. Насколько мало ожидаем мы индивидуальной проработанности, глубокой перспективы и различной глубины планов от фигур и орнаментов фриза, и даже, более того, их здесь не допускаем, - в такой же малой степени следовало их ожидать и от этих поэм.

Пестрое изобилие неожиданных находок, которыми в особенности, с постоянством новизны, удивляет нас Боярдо, осмеивает все наши принятые в настоящее время школьные определения сущности эпической поэзии. Для своего времени это было наиболее приятным способом ухода от занятий античностью, можно сказать, даже единственным выходом, если писателю желательно было прийти к самостоятельному повествовательному стихотворчеству. Ибо поэтизация античной истории способна была лишь на то, чтобы пустить автора по ложному пути, на который и вступил Петрарка в его написанной латинскими гекзаметрами «Африке», а полтора столетия спустя — Триссино с его написанной *versi sciolti* громадной поэме «Об освобожденной от готв Италии», которая отличается безукоризненным языком и версификацией и тем не менее застав-

ляет читателя недоумевать, что же все-таки - поэзия или история - потерпело больший урон в этом неудачно осуществленном союзе. А куда завлек тех, кто ему подражал, Данте? Визионерские «Триумфы» Петрарки - это последнее из всего, что было достигнуто в этой области, не оставляя пределов хорошего вкуса. «Любовное видение» Боккаччо есть не что иное, как простое перечисление исторических и мифических персонажей, расположенных по аллегорическим категориям. Остальные предпосылают тому, что им желательно изложить, вычурное подражание первой песне Данте, обзаводясь таким образом каким-нибудь аллегорическим провожатым, занимающим место Вергилия: Уберти выбрал для своей географической поэмы («*Dittamondo*») Солина, Джованни Санти для своей хвалебной поэмы, посвященной Федерико Урбинскому, - Плутарха⁷⁷. Единственным средством от этих заводящих на ложный путь опытов послужила тогда та самая эпическая поэзия, представителями которой были Пульчи и Боярдо. То нетерпение и восхищение, с которым они были встречены (чего, быть может, в отношении эпоса нам уж никогда не суждено пережить), великолепно доказывает, насколько велика была в них потребность. Речь ведь идет вовсе не о том, действительно ли в этих произведениях нашли свое воплощение абстрагированные уже в нашем столетии из Гомера и «Песни о Нибелунгах» идеалы истинной героической поэмы или же нет; во всяком случае здесь обрел свое воплощение идеал их собственного времени. Эти поэмы с бесчисленными описаниями поединков, что на наш взгляд как раз наиболее в них утомительно, удовлетворяли в то же время тот чисто предметный интерес, о котором нам затруднительно составить правильное представление - также, впрочем, как и о высокой оценке живой моментальной обрисовки ситуации как таковой:

То же может быть сказано и в отношении Ариосто: напрасно стали бы мы искать характеры в его «Неистовом Роланде»⁷³, поскольку то была бы попытка приложить к нему абсолютно неподходящий критерий. Да, они здесь попадают там и сям, и, более того, подаются даже с любовью, однако поэма ни на мгновение на них не останавливается; она скорее проиграла бы, а не выиграла в случае контрастного их выделения. Данное требование проистекает из тех запросов более общего характера, которым с точки зрения нашего времени он не отвечает: из-под пера столь мощно одаренного и прославленного поэта мы предпочли бы получить уж никак не приключения Роланда и тому подобное. В произведении значительного размера ему

следовало представить глубинные, протекающие внутри человека конфликты, выразить высшие воззрения своего времени на божественные и человеческие предметы, одним словом, дать те законченные образы, которые предлагают нам «Божественная комедия» и «Фауст». Вместо этого Ариосто действует совершенно в духе художников своего времени и обретает бессмертие, уходя от оригинальности в нашем сегодняшнем смысле слова: он продолжает творить, оставаясь в уже известном круге образов, и пользуется уже использованной раз деталью всякий раз, когда она ему может вновь пригодиться. То, какие преимущества могут быть при этом достигнуты, людям, лишенным художественного дара, объяснить бывает тем труднее, чем они учнее и чем более одарены духовно. Художественная цель Ариосто - блестящее и живое «действие», которое равномерно распространяется по ткани всей большой поэмы. В качестве компенсации за это ему приходится отказаться как от глубокой обрисовки характеров, так и от сколько-нибудь прочной спаянности повествования. Ему приходится вновь связывать утраченные и позабытые нити там, где это представляется удобным; его персонажи появляются и исчезают не потому, что того требует их глубинная личностная сущность, а в зависимости от требований самой поэмы. Правда, внутри этой внешне иррациональной и произвольной композиции Ариосто был построен мир совершенно закономерной красоты. Нигде он не впадает в описательство, но повсюду дает лишь столько обстановки и характеристик действующих лиц, сколько может быть гармонически объединено с продвижением действия вперед; еще в меньшей степени он разменивается на разговоры и монологи⁷⁹, но повсюду утверждает царственную привилегию истинного эпоса: все на свете преобразовывать в динамичные события. У Ариосто пафос никогда не сказывается в словах⁸⁰, нет его совершенно и в знаменитой XXIII песни и последующих, изображающих безумие Роланда. То же, что любовные истории в героической поэме лишены какого-либо лирического оттенка, является скорее заслугой поэта, поскольку истории эти далеко не всегда могут быть одобрены со своей нравственной стороны. Иногда они, несмотря на всю окутывающую их волшебную и рыцарскую атрибутику, обладают при этом такой действительной подлинностью, что возникает ощущение того, что здесь перед нами излагаются непосредственные события из жизни самого поэта. Полностью отдавая себе отчет в собственном мастерстве, Ариосто несомненно вплеп в свое великое произведение еще много всего из современности, вовлекая

сюда также славу дома Эсте - в обличье явлений и пророчеств. Изумительный поток его октав размеренно увлекает все сооружение вперед.

С появлением Теофило Фоленго или же, как он сам себя здесь называет, Лимерно Питокко, на сцену выступает уже давно и по полному праву ожидавшаяся пародия на рыцарство в целом⁸¹, к тому же заявляющая о себе куда более энергичной проработкой характеров, необходимой для свойственных ей комизма и реализма. Среди тумачков, под градом камней необузданной уличной молодежной компании одного заштатного римского городишки, Сутри, вырастает маленький Роланд - по всему видно, в мужественного героя, врага монахов и резонера. Условный мир фантазии, оформившийся начиная с Пульчи и служивший с тех пор рамками для эпоса, разумеется, разлетается здесь вдребезги; открытому осмеянию подвергается происхождение и сущность паладинов, например, через ослиный турнир во второй песни, на который рыцари являются с самыми диковинными амуницией и вооружением. Иной раз поэт выражает комическое сожаление по поводу необъяснимого коварства, присущего семейству Гано Майнцского, относительно чрезвычайно многосложного добывания меча Дуриндана и прочего, - словом, все предание служит ему главным образом лишь в качестве основы для комических нападок, сценок, тенденциозных излияний (среди которых имеются весьма красивые, например заключение главы VI) и непристойностей. Наряду с прочим здесь невозможно не заметить некоторого вышучивания Ариосто, и это было просто счастье для «Неистового Роланда», что «Орландино» с его лютеровской еретичностью довольно скоро попал в лапы инквизиции и его постигло вынужденное забвение. Вполне прозрачная пародия наблюдается, например, в том (глава IV, строфа 28), что дом Гонзага возводится к паладину Гвидоне, поскольку от Роланда должен был бы происходить дом Колонна, от Ринальдо - Орсини, от Руджеро же (согласно Ариосто) - дом Эсте. Возможно, здесь, в этой колкости по адресу Эсте, обошлось не без участия Ферранте Гонзага, покровителя поэта.

То, наконец, что в «Освобожденном Иерусалиме» Торквато Тассо характеристическая обрисовка образа является одной из сильнейших сторон поэта, доказывает лишь, насколько далеко ушел его образ мышления от господствовавшего примерно полстолетием прежде. Его достойное восхищения произведение является в основном памятником прошедшей за это время эволюции жанра и того направления, в котором она происходила.

Вне области поэзии итальянцы первыми среди всех европейских поэтов проявили не знающие усталости склонность и дар к тому, чтобы с точностью отобразить исторического человека со всеми его внешними и внутренними чертами и особенностями.

Разумеется, уже в раннем средневековье имелись достойные упоминания попытки такого рода, и легенда как постоянно имеющийся перед глазами образец биографии до определенной степени поддерживала интерес к индивидуальному изображению и мастерство в части его исполнения. В монастырских и соборных хрониках с большой наглядностью описаны многие иерархи, например, Майнверк из Падерборна^{386*}, Годехард из Хильдесхайма^{389*} и другие; от многих наших императоров также остались описания, составленные по античным образцам, чаще всего по Светонию, содержащие весьма ценные моменты. Можно сказать, что из этих и им подобных светских «vite»^{390*} постепенно образуется продолжающаяся параллель житиям святых. Однако ни Эйнгарда, ни Виппо^{391*}, ни Радевина^{82 392*} невозможно поставить рядом с принадлежащим Жуанвиллю^{393*} жизнеописанием св. Людовика^{394*}, которое высится одиноким утесом, как первое совершенное духовное изображение новоевропейского человека. Такие характеры, каким обладал св. Людовик, и вообще редки, а сюда добавляется еще более редкое счастье, именно то, что на основании всех отдельных деяний и событий, имевших место в жизни героя, совершенно наивный фактограф обнаруживает круг его мыслей и красноречиво нам его представляет. А ведь из каких скудных источников приходится нам черпать внутреннюю сущность тех же Фридриха II или Филиппа Красивого^{395*}! Многое из того, что фигурирует в качестве биографии вплоть до конца средневековья, есть на самом деле лишь исторический очерк эпохи, лишенный какого-либо вкуса к индивидуальности превозносимого человека.

Отныне итальянцы берут курс почти исключительно на разыскание характеристических черт выдающихся людей, что отличает Италию от остальной Европы, где это встречается лишь случайно, в каких-то экстраординарных случаях. Следует, однако, отметить, что этим развитым чувством индивидуального могут обладать лишь люди, выделившиеся из толпы и ставшие индивидуумами сами.

В связи с получившим чрезвычайно широкое распространение понятием славы (с. 94 сл.) возникает биографическая ли-

тература сборного и сравнительного характера, которая более не обязана придерживаться династического принципа либо принципа следующих друг за другом духовных лиц, как то было с Анастасией, Агнеллом^{396*} и их последователями или с биографами венецианских дождей. Скорее она должна отражать человека в меру его значимости. В качестве образцов влиянием пользуются, помимо Светония, также Непот, его «Viri illustres»^{397*}, и Плутарх - в той мере, в какой последний был известен и переведен. Основным образцом литературно-исторических записок служили, как представляется, жизнеописания грамматиков, риториков и поэтов, известные нам как приложение к Светонию⁸³, а также усиленно штудировавшееся принадлежащее Донату^{398*} жизнеописание Вергилия.

То, что в XIV в. появились биографические сборники, жизнеописания известных мужчин и женщин, было уже упомянуто выше (с. 97 сл.). Разумеется, в тех случаях, когда в них описываются не современники, а люди более ранних эпох, они зависят от более ранних излагателей. Первым имеющим большое значение самостоятельным достижением была, пожалуй, принадлежащая Боккаччо «Жизнь Данте». Написанная с легкостью и воодушевлением, богатая на произвольные оценки, эта работа все-таки создает в отношении личности Данте острое ощущение ее исключительности. Затем, в конце XIV в., последовали написанные Филиппо Виллани «Vite»^{399*} выдающихся флорентийцев. Здесь представлены люди всех занятий: поэты, юристы, врачи, филологи, художники, государственные и военные деятели, среди них и те, кто был тогда еще жив. Флоренция подана здесь как одаренное семейство, в котором принято отмечать отпрысков, с особой яркостью проявляющих этот семейный дух. Характеристики - исключительно краткие, однако в них присутствует истинный дар ухватывать наиболее типические особенности человека, а что делает их еще более замечательными, так это связывание воедино внешней характеристики человека с внутренней. Тосканцы⁸⁴, должно быть, так никогда и не прекращали полагать, что изображение людей есть дело, к которому у них особый дар, и в связи с этим они оставили нам наиболее важные характеристики итальянцев XV и XVI вв. вообще. Джованни Кавальканти^{400*} (в приложении к своей истории Флоренции, около 1450 г.) собирает примеры гражданской доблести и самопожертвования, политического благоразумия, а также военных дарований славных флорентийцев. Папа Пий II дает в своих комментариях ценнейшие портреты своих знаменитых современников; недавно было также переиздано со-

чинение, относящееся к его молодости⁸⁵, в котором собраны подготовительные материалы к этим портретам, придающие им, однако, весьма своеобразные черты и краски. Джакомо да Вольтерра мы обязаны живым описанием римской курии⁸⁶ после Пия. О Веспасиано Фьорентино речь шла уже неоднократно, и в качестве просто источника он может быть отнесен к наиважнейшим авторам, но все же его дар характеристики не может быть поставлен рядом с даром Макиавелли, Николо Валори, Гвиччардини, Варки, Франческо Веттори и других, которые, может быть, дали европейской историографии столь же значительный толчок в этом направлении, как и античные историки. Именно, не следует забывать, что многие из этих итальянских авторов стали известны на Севере еще в очень раннюю эпоху, в латинских переводах. Также и без Джорджо Вазари из Ареццо и его работы, имеющей непреходящее по важности значение, не существовало бы никакой истории искусства северных стран, как и вообще истории новоевропейского искусства.

Из уроженцев верхней Италии XV в. чрезвычайно большое значение следует придавать Бартоломео Фацио (из Специи, с. 392, прим. 60). В случае происходившего из Кремонезе Платины, его «Жизни Павла II» (с. 147) мы уже имеем пример биографической карикатуры. Однако еще важнее составленное Пьеркандидо Дечембрио^{401*} жизнеописание последнего Висконти⁸⁷, обширное и развернутое подражание Светонию. Сисмонди выражает сожаление, что столько сил было посвящено такому малозначительному предмету; однако возможно, что на описание человека более значительного автора бы просто не хватило, в то время как его дара вполне довольно, чтобы представить сочетающий в себе противоречия характер Филиппо Мария, а в нем и на нем - с удивительной точностью предпосылки, формы и последствия данного типа тирании. Картина XV в. была бы неполной без этой единственной в своем роде биографии, доводящей характеристические наблюдения до мельчайших подробностей. Позднее Милан обретает значительного мастера портрета в лице историка Корио; далее следует уроженец Комо Паоло Джовио, обширные биографии и малого объема похвальные речи которого обрели всемирную славу и стали образцом для подражателей во всех странах. Несложно было бы на сотне мест из Джовио доказать его поверхностность и недобросовестность, да ведь у человека, подобного ему, и не могло быть серьезных, возвышенных намерений. Дыхание эпохи веет на нас с его страниц, и его Лев, его Альфонс, его Помпео Колонна живут и двигаются перед нами в их целостной истинности и не-

обходимости, пусть даже глубинная их суть нам здесь не открывается.

Сколько мы можем судить, первое место среди неаполитанцев бесспорно принадлежит Тристану Караччоло (с. 30), хотя его намерения никогда не были чисто биографическими. В образах, которые он перед нами выводит, чудесным образом сплетаются вина и судьба, так что его можно было бы назвать бесознательным трагиком. Но истинная трагедия, которой тогда не нашлось места на сцене, полновластно врывается во дворцы, шествовала по улицам и площадям. Сочинение «Слова и деяния Альфонса Великого», принадлежащее Антонио Панормите и написанное еще при жизни короля, примечательно как одно из самых ранних такого рода собраний анекдотов и изречений, а также шуточных речей.

Лишь очень медленно остальная Европа следовала по пути итальянских достижений в отношении духовной характеристики⁸⁸, хотя великие политические и религиозные движения разорвали здесь столько оков, пробудили столь многие тысячи людей к духовной жизни. В отношении наиболее значительных личностей тогдашнего европейского мира нашими наилучшими поручителями, вообще говоря, являются опять-таки итальянцы, как писатели, так и дипломаты. Как стремительно и не встречая ниоткуда никакого сопротивления вырвались отчеты венецианских посланников XVI и XVII вв. на первое место по части изображения отдельных исторических личностей в Новое время!

Также и в области автобиографии итальянцы то здесь, то там показывают образцы истинных глубины и размаха, давая рядом с изображением чрезвычайно пестрой внешней жизни в высшей степени захватывающие описания внутреннего мира, в то время как у других наций, в том числе у немцев времени Реформации, автобиография в основном ограничивается внешними вехами судьбы, дух же проступает скорее из самого способа изложения. Похоже на то, что «Новая жизнь» Данте с ее непреклонной правдивостью указала путь всей нации.

Начало в этом отношении было положено династическими и семейными хрониками XIV и XV вв., довольно большое число которых в рукописной форме все еще, должно быть, сохраняется во флорентийских библиотеках: наивные, составленные в интересах дома и самого пишущего, истории жизни, как, например, принадлежащая Буонаккорсо Питти^{402*}.

Также и от комментариев Пия II мы напрасно стали бы ожидать более глубокой самокритичности; если здесь мы узнаем о

нем что-либо как о человеке, то на первый взгляд все сводится к его повествованию о том, как он сделал свою карьеру. Однако по зрелом размышлении эта замечательная книга может быть удостоена иной оценки. Существуют люди, которые в основном являются зеркалом того, что их окружает: мы проявляем к ним несправедливость, если продолжаем с упорством наводить справки об их убеждениях, внутренней борьбе и глубинных жизненных достижениях. Так, Эней Сильвий целиком и полностью отдавался делам, не особенно-то расстраиваясь по поводу какого-либо внутреннего нравственного раскола; в этом отношении его, насколько это было необходимо, защищала добрая католическая вера. И уже после того, как он принял самое непосредственное участие в разрешении всех духовных вопросов, которые занимали его эпоху, а в значительной мере во многих отношениях способствовал ее развитию, в конце жизни он сохранил достаточно живости духа, чтобы посвятить себя крестовому походу на турок и умереть с горя по поводу его срыва.

Также и автобиография Бенвенуто Челлини^{403*} не сводится к наблюдениям собственного внутреннего мира. В равной мере, отчасти против собственной воли он с захватывающей правдивостью и полнотой отображает целостного человека. Это ведь немаловажный факт, что Бенвенуто, наиболее значительные работы которого остались лишь в набросках и погипли, известный нам в качестве художника с определенной полнотой лишь в области малых декоративных форм, а в прочих отношениях, если судить на основании того, что реально уцелело, вынужденный оставаться в тени своих великих современников, - что этот самый Бенвенуто будет как человек занимать людей до конца времен. Ему не вредит то, что читатель зачастую подозревает автора во лжи или бахвальстве: все равно верх здесь берет впечатление страстной и энергичной, полностью сформировавшейся натуры. Рядом с ним, например, наши северные автобиографии, как бы ни высоко следовало иной раз оценивать их направленность и нравственную сущность, все же выглядят изображениями натур неполных. Бенвенуто - это такой человек, который все может, на все отваживается и носит собственную меру в себе самом. Нравится нам это или нет, в нем живет легко распознаваемый первообраз современного человека.

Нам следует здесь назвать еще одного человека, и тоже такого, чьи слова также не всегда следует принимать за чистую монету: Джироламо Кардано^{404*} из Милана (род. в 1500 г.). Его книжечка «De propria vita»^{405*89} переживает память о нем в каче-

стве выдающегося исследователя в области естественных наук и философии, как книга Бенвенуто - его художественные творения, хотя ценность сочинения Кардано состоит в ином. Слово врач, Кардано щупает пульс у самого себя и отображает физические, интеллектуальные и нравственные качества своей личности заодно с условиями, под влиянием которых качества эти сформировались, причем делает это насколько может искренне и объективно. В этом отношении он был способен превзойти открыто признаваемого им в качестве образца Марка Аврелия с его сочинением о себе самом потому, что сам он не был стеснен никакими заповедями стоической добродетели. Кардано не желал щадить ни себя, ни мир: его жизненный путь начинается с того, что его матери не удастся попытка избавиться от плода с помощью аборта. О многом говорит и то, что расположению звезд, которое имело место в день его рождения, он приписывает только свою судьбу и интеллектуальные способности, но не нравственные качества. Кроме того, Кардано открыто признается (гл. 10), что в молодости ему сильно навредило усвоенное из астрологии заблуждение относительно того, что он не переживет сорока, в крайнем случае - сорока пяти лет. Однако недопустимо, чтобы мы занимались здесь выписками из такой распространенной, имеющейся в каждой библиотеке книги. Кто начинает ее читать, ощущает себя во власти этого человека, пока не дойдет до конца. Действительно, Кардано сознается, что был шулером, мстительным и не знающим раскаяния человеком, что в своих речах он намеренно задевал людей, - сознается без наглости, но и без благочестивого раскаяния, и даже без желания заинтриговать читателя, а скорее с объективной и безыскусной правдивостью естествоиспытателя. Но что поражает больше всего, так это то, что этот 76-летний человек, с очень сильно пошатнувшейся верой в людей, после всех ужасов, что ему довелось пережить⁹⁰, тем не менее в определенном смысле счастлив: с ним все еще остается его внук, он все еще обладает своими колоссальными познаниями и славой, окружающей его труды. У него имеется порядочное состояние, положение в обществе и уважение окружающих, могущественные друзья, знание тайн природы, но что лучше всего: вера в Бога. Наконец, Кардано пересчитывает зубы у себя во рту: их осталось целых пятнадцать.

Когда писал Кардано, инквизиторы и испанцы уже проявляли по всей Италии заботу о том, чтобы такие люди больше не могли развиваться либо были тем или иным способом изве-

дены. Чрезвычайно велика дистанция, пролегающая между этими записками и мемуарами Альфиери^{406*}.

Однако было бы несправедливо завершить этот обзор автобиографий, не упомянув еще одного достойного внимания и в то же время счастливого человека. Это - известный философ житейской мудрости Луиджи Корнаро, жилище которого в Падуе было построено по классическим канонам и в то же время было приютом всех муз. В своем знаменитом трактате «Об умеренной жизни»⁹¹ он вначале описывает строгий жизненный распорядок, с помощью которого ему удалось, после болезней, донимавших его ранее, достичь здоровой и глубокой старости (тогда ему было 83 года). Далее Корнаро отвечает тем людям, что в принципе пренебрегают возрастом после 65 лет, почитая его чем-то вроде смерти заживо: он доказывает им, что его жизнь в высшей степени деятельна и непохожа на смерть. «Пусть они приходят, пусть поглядят и подивятся моему хорошему самочувствию, тому, как я без чьей-либо помощи сажусь на лошадь, как избегаю по лестнице и на холм, как я радостен, весел и доволен, насколько я свободен от душевных горестей и неприятных помышлений. Радость и покой не оставляют меня... Круг моего общения образован людьми исключительно разумными, учеными, замечательными, а когда их нет возле меня, я читаю и пишу, пытаюсь, сколько хватает сил, быть полезным другим таким образом, а также и всеми другими возможными способами. Все это совершаю я спокойно и вовремя, обитая в моем прекрасном жилище, находящемся в лучшем районе Падуи, где предусмотрены все ухищрения строительного искусства как на случай лета, так и зимы, и где имеется также сад и проточная вода: Весной и осенью я отправляюсь на несколько дней на свой холм, находящийся в прекраснейшем уголке Эвганеи, с колодцами, садом и покойным и красивым пристанищем. Там я участвую, как то подобает моему возрасту, в необременительной и доставляющей удовольствие охоте. Некоторое время провожу я в моей красивой вилле на равнине⁹²: все дороги сходятся там на одну площадь, посередине которой возвышается миленькая церквушка. Могучий рукав Brentы протекает через уголья - сплошь плодородные, хорошо возделанные поля: ныне все здесь густо заселено, а когда-то это были одни болота и дурной воздух, обиталище, предназначенное скорее для змей, чем для человека. Это я отвел отсюда воды; и тогда воздух оздоровился, здесь поселились и умножились в числе люди, и местность была устроена так, как это можно видеть теперь, так что поистине я могу сказать: в этом месте я соорудил Богу ал-

тарь и храм и населил его людьми, чтобы ему поклоняться. Я утешаюсь и блаженствую всякий раз, как сюда приезжаю. Весной и осенью я посещаю также ближние города, вижу со своими друзьями и беседую с ними, а через них знаколюсь с другими выдающимися людьми: архитекторами, живописцами, скульпторами, музыкантами и управляющими усадьбами. Я осматриваю, что нового они создали, вновь знаколюсь с уже мне известным и всегда узнаю много нового, что может пригодиться и мне: в отношении дворцов, садов, древностей, градостроительства, церквей и крепостей. Однако что приводит меня в моих поездках в величайшее восхищение - это красота окрестностей и городков, когда они со своими домами и садами раскидываются вокруг то по равнине, то на холме, а то вдоль рек и ручьев. И это мое удовольствие не убывает с ухудшением зрения или слуха: все мои чувства, слава Богу, находятся в совершенно неповрежденном состоянии, как и вкус, поскольку теперь те немногие простые яства, что я отвеживаю, приходятся мне по вкусу больше, чем некогда, когда я вел неупорядоченную жизнь, нравились лакомства».

Упомянув после этого выполненные им для республики работы по осушению болот и упорно предлагавшиеся им проекты по содержанию в порядке лагун, Корнаро говорит в заключение: «Это есть поистине с Божьей помощью осуществившееся обретение здоровой старости, которая свободна от тех духовных и телесных страданий, жертвой которых становится столько молодых людей, столько чахнувших стариков. И если вообще допустимо ставить рядом со значительным - малое, с серьезным - шутку, то плодом моей умеренной жизни является также и то, что на 83-м году жизни я еще смог написать чрезвычайно потешную комедию, полную благопристойной шутливости. А ведь вообще-то дело это - удел молодости, так же как трагедия - старости; и если к славе одного знаменитого грека причисляют тот факт, что он сочинил трагедию на 73-м году жизни, то не значит ли это, что я, будучи на 10 лет его старше, все же здоровее и бодрее, чем этот грек - в его тогдашнем возрасте? А чтобы у моего возраста не было недостатка в утешении, перед глазами у меня находится некоего рода телесное бессмертие - в виде моего потомства. Когда я возвращаюсь домой, меня встречают не один или два, но одиннадцать внуков в возрасте от двух до восемнадцати лет, все происходящие от одного отца и одной матери, причем все они отменного здоровья, талантливы (насколько об этом можно было судить доньше) и имеют склонность к образованию и добронравию. Некоторых из са-

мых младших я постоянно держу при себе в качестве шутов (buffoncello), поскольку дети в возрасте от трех до пяти лет - природжденные шуты. Старшие же принадлежат к моему кругу общения; но поскольку у них великолепные голоса, я наслаждаюсь еще и тем, что слушаю их пение и игру на различных инструментах. Да и сам я пою, причем теперь голос у меня лучше, звонче и звучнее, чем когда бы то ни было. Таковы отрады моей старости. Так что я живу полноценной, а вовсе не угасшей жизнью, и я не поменялся бы своей старостью с такой молодостью, которая подвержена страданиям».

В «Наставлении», прибавленном Корнаро много позже, когда ему было уже 95 лет, он почитает за счастье также и то, что его «Трактат» приобрел себе много сторонников. Корнаро скончался в Падуе в 1565 г., в возрасте более ста лет.

Наряду с характеристиками отдельных личностей возникает также способность выносить суждения о населении в целом и его изображать. По всей Западной Европе в эпоху средневековья города, племена и народы имели обыкновение друг на друга нападать со словами насмешки и издевательства, содержащими в себе при всех передержках зерно истины. Однако и в этом отношении итальянцы выделяются в смысле осознания ими духовных отличий, существующих между различными городами и местностями. Их местный патриотизм, как бы ни велик он был (больше, чем у какого-либо другого средневекового народа), уже на ранних этапах имел свою литературную сторону и связывался с понятием славы: описание местностей возникает параллельно с биографическим описанием (с. 97). Во времена, когда каждый крупный город начал воспевать себя в стихах и прозе⁹³, явились также и авторы, описывавшие наиболее важные города и группы населения в целом, отчасти серьезно сравнивая их друг с другом, отчасти же остроумно над ними издеваясь, а иногда делая это в такой форме, что серьезность и издевательство невозможно отделить друг от друга.

Рядом с некоторыми знаменитыми местами «Божественной комедии» наш взгляд падает на поэму «Dittamondo», принадлежащую Уберти (около 1360 г.)! В основном здесь специально упоминаются только отдельные выдающиеся явления и черты: вороный праздник у церкви св. Аполлинария в Равенне, колодцы в Тревизо, громадные подвалы возле Виченцы, высокие пошрины в Мантуе, лес башен в Лукке. Однако встречаются в поэме также хвалебные и язвительные отзывы иного рода: уже здесь Ареццо упоминается в связи с изощренными умами его уроженцев, Генуя - по поводу искусно подчеркнутых глаз и зу-

бов (?) женщин, Болонья - бессмысленного расточительства, Бергамо - неблагозвучного диалекта и здравомыслия обитателей и так далее⁹⁴. В XV в. всякий прославляет собственную родину, в том числе и за счет других городов. Так, Микеле Савонарола допускает, что лишь Венеция и Рим превосходят великолепием его Падую, Флоренция же для него в лучшем случае веселее⁹⁵ - к объективным сведениям о городах все это, понятно, мало что прибавляет. В конце столетия Джовиано Понтано в своем «Антонии» изображает вымышленное путешествие по Италии лишь для того, чтобы иметь возможность высказать в связи с этим ряд злобных замечаний. Однако XVI в. дает начало ряду таких правдивых и глубоких характеристик⁹⁶, которыми в ту пору не обладал ни один другой народ. Макиавелли в своих бесценных сочинениях изображает качества немцев и французов, а также политическое положение у них таким образом, что даже уроженец Севера, знакомый с историей собственной страны, будет благодарен флорентийскому мудрецу за пролитый им сюда свет. И вообще флорентийцы (с. 55, 59) чрезвычайно охотно изображают сами себя⁹⁷, явно нежась в лучах с лихвой заслуженного блеска достигнутой ими в духовной области славы. Быть может, то был пик их самоощущения, когда они, например, отнюдь не относили превосходство Тосканы в области искусств на счет гениальных способностей, но выводили его из старательности, из напряженных занятий⁹⁸. Хвалебные речи по адресу Тосканы со стороны славных итальянцев, уроженцев других областей, как, например, великолепную XVI песнь Ариосто, можно воспринимать в качестве воздаяния ей вполне заслуженного.

У нас имеется возможность привести только название одного, как можно полагать, весьма выдающегося источника по вопросу о различиях между населением различных областей Италии⁹⁹. Леондро Альберти^{100 407*} вовсе не так обстоятелен в отображении духа отдельных городов, как того можно было ожидать. Относящийся к середине столетия маленький анонимный¹⁰¹ «Комментарий» содержит рядом с многочисленными нелепостями немало ценных указаний на несчастливый упадок, в котором пребывала страна в середине столетия¹⁰².

Мы не в состоянии более детально оценить то, какое действие на другие нации могло оказать сравнительное рассмотрение, в особенности итальянскими гуманистами, населения отдельных местностей. Как бы то ни было, и в этом отношении, как и в области космографии, Италии, вообще говоря, принадлежит пальма первенства.

Однако открытие человека не ограничивается одним духовным изображением индивидуумов и народов: также и внешняя сторона человека рассматривается в Италии совершенно иначе, нежели на Севере¹⁰³.

Мы не отваживаемся рассуждать относительно места, занимаемого великими итальянскими врачами в прогрессе физиологии, художественное же исследование человеческого образа принадлежит не к нашей теме, но к истории искусств. Однако здесь может идти речь об общей тренированности глаза, которая сделала возможным появление в Италии объективных, имеющих всеобщее значение суждений в отношении телесных красоты и уродства.

Что первым делом поражает при внимательном чтении итальянских авторов того времени, так это точность и филигранность в обозначении внешних черт, а также полнота характеристики многих личностей¹⁰⁴. Жителям Рима до сих пор свойствен дар тремя словами сделать узнаваемым человека, о котором идет речь. Это стремительное схватывание характерных черт является, однако, существенным предварительным условием познания прекрасного и способности его описать. У поэтов обстоятельность описания является скорее пороком, поскольку одна-единственная черточка, подсказанная глубокой страстью, может создать у читателя куда более глубокий образ соответствующей личности. Нигде Данте не превознес Беатриче с большей силой, нежели там, где им изображается исключительное сияние, которое исходит от ее существа на все окружение. Однако речь у нас теперь идет не о поэзии, которая как таковая преследует свои собственные цели, но о способности обрисовать в словах как конкретные, так и идеальные образы.

Мастером в этом отношении является Боккаччо, причем не в «Декамероне», поскольку новеллы не допускают сколько-нибудь пространного описания, но в романах, где ему приходится посвящать этому досуг и прикладывать необходимое в таких случаях воодушевление. В своем «Амето» он дает описание¹⁰⁶ блондинки и брюнетки приблизительно так, как это делал бы художник сотню лет спустя - ибо и в этой области образованность как таковая идет далеко впереди возможностей искусства. В случае брюнетки (и в лишь ненамного ослабленном виде - блондинки) уже проявляются некоторые черты, которые мы назвали бы классическими. В словах Боккаччо «la spaziosa testa e distesa»⁴⁰⁸ содержится предчувствие укрупненных форм,

выходящих уже за пределы миловидности. Теперь брови не образуют, как то было в идеальном представлении византийцев, двух изогнутых дуг, но составляют сплошную сросшуюся воедино линию; нос, изображаемый им, заставляет представлять нос, приближающийся скорее к так называемому орлиному¹⁰⁶. Также и широкая грудь, умеренной длины руки, впечатление от изящной кисти (то, как она лежит на пурпурном одеянии), - все эти черты приводят на ум ощущение красоты, свойственное наступающему времени, и бессознательно сближающееся с идеалом высокой античной классики. В другом своем описании Боккаччо упоминает о ровном (а не выпуклом, как в средневековые) лбе, серьезных, миндалевидных карих глазах, округлой, лишенной впадин шее, и, разумеется, о весьма современной «крошечной ножке», а в случае черноволосой нимфы - также и о «паре плутовских проворных глаз»¹⁰⁷ и многом другом.

Я не могу положительно сказать, оставил ли по себе XV в. письменное описание своего идеала красоты: достижения, продемонстрированные в этом отношении живописцами и скульпторами, не сделали такое описание чем-то излишним, как это могло бы представиться на первый взгляд, потому что именно рядом с их реализмом у людей пишущих мог бы сохраниться некий специфический канон красоты¹⁰⁸. В XVI в. появляется Фиренцуола⁴⁰⁹ со своим в высшей степени примечательным трактатом о женской красоте¹⁰⁹. Необходимо в первую очередь отделить то, что было им усвоено исключительно от античных авторов и художников, как, например, определение размеров, выражаемое в величине головы, отдельные абстрактные понятия и тому подобное. В остатке — его в полном смысле собственное восприятие, которое он подкрепляет примерами ярких женщин и девушек из Прато. Поскольку же его сочинение является чем-то вроде речи, с которой он выступает перед этими же самыми горожанками Прато, т. е. наиболее придирчивыми судьями, Фиренцуоле приходится сохранять верность правде. Его принцип, о котором объявляет он сам, - тот же самый, что у Зевксиды⁴¹⁰ и Лукиана: соединение отдельных прекрасных деталей в высший идеал красоты. Он определяет цвета, встречающиеся в окраске кожи и волос, и отдает *biondo*^{411*} предпочтение - как самому основному и наиболее красивому цвету волос¹¹⁰, правда, при этом он понимает под ним скорее соломенный цвет с красноватым отливом. Далее, он требует, чтобы волосы были густые, вьющиеся и длинные, лоб - светлый и в высоту в два раза уже, чем в ширину, чтобы кожа была светлой и светящейся (*candido*), но не мертвенно бледной (*bianchezza*),

брови - темные и шелковистые, чтобы шире всего они были посередине, а к ушам и носу сужались, чтобы белки глаз были голубоватыми, а радужная оболочка была не вполне черной, хотя все поэты и воспевают в один голос *occhi neri*^{412*} в качестве подлинного дара Венеры, в то время как небесно-синий цвет глаз характерен для самой богини, а наиболее излюбленным цветом является нежный, живо поблескивающий темно-карий. Сами глаза должны быть крупными и выпуклыми, а веки красивее всего - белые с едва заметными красными прожилками; ресницы не должны быть ни слишком густыми, ни чересчур длинными, ни чрезмерно темными. Глазные впадины должны иметь тот же цвет, что и щеки¹¹¹. Уши средней величины должны быть крепко и хорошо посажены; в своих припухлых частях они должны иметь более живую окраску, чем в плоских, а края уха — быть прозрачными и отливать красным, как зернышки граната. Всего красивее белые и плоские, не слишком узкие виски¹¹². Красный цвет на щеках должен сгущаться на их закруглениях. Нос, которым в значительной степени определяются достоинства профиля, должен плавно и равномерно сужаться кверху; там, где кончается хрящ, должна иметься небольшая выемка, но не так, чтобы в результате выходил орлиный нос, который не идет женщинам. Нижняя часть лица должна иметь более нежную окраску, чем уши, однако это не должен быть холодный белый цвет; пространство над верхней губой должно быть нежно-розовым. От рта автор требует, чтобы он был скорее небольшого размера, однако не должен быть ни сложен дудочкой, ни приплюснут, губы не должны быть чересчур тонки, но красиво друг другу соответствовать; когда рот оказывается открытым без внешних причин (т. е. не в случае смеха или разговора), должны открываться самое большее шесть верхних зубов. Особенным лакомством являются ямочка в верхней губе, красивая припухлость губы нижней, разжигающая любовь усмешка в левом уголке рта и так далее. Зубы должны быть не слишком мелкими, а кроме этого - быть одного размера; они должны четко отделяться друг от друга и иметь окраску цвета слоновой кости; десны не должны быть слишком темными, им не следует быть цвета даже красного бархата. Подбородок должен быть округлым, но не быть ни срезанным, ни заостренным, и розоветь в направлении впадины; особую его славу составляет ямочка. Шея должна быть белой и округлой, не быть ни слишком длинной, ни чересчур короткой, впадины в ней и адамово яблоко должны быть лишь слегка намечены; при всяком повороте кожа должна образовывать красивые складки. От

плеч Фиренцуола требует ширины, а что касается груди, то в ее достаточной ширине он провозглашает даже высшее требование красоты. Кроме того, ни одна кость не должна здесь выступать наружу, и все расширения и сужения должны быть едва заметны, а что до цвета, то он должен быть *candidissimo*^{413*}. Ноги должны быть длинными и книзу - тонкими, однако не слишком сухими в голени, а кроме того, иметь мощные белые икры. Что до ступней, то Фиренцуола желает, чтобы они были маленькими, однако не тощими, подъем (как можно полагать) высоким, а цвет их - белый, как алебастр. Руки должны быть белыми, слегка розовеющими на выпуклостях; их конституция характеризует-ся им как мясистая и мускулистая, однако столь же нежная, как у Паллады, когда она стояла перед пастухом на Иде, одним словом, их строение должно быть сочным, свежим и крепким. От кистей рук он требует, чтобы они были белыми, особенно сверху, однако *большими* и несколько полноватыми, на ощупь же - как тонкий шелк, и имели розовую внутреннюю сторону с немногочисленными, но четко намеченными и не перекрещивающимися линиями, и не слишком выступающими бугорками. Пространство между большим и указательным пальцем не должно иметь морщин, а цвет его должен быть живым, пальцы - быть длинными, нежными и только на концах едва заметно утончаться, со светлыми, слегка выпуклыми и не слишком длинными, но также и не квадратными ногтями, которые должны быть подстрижены на ширину тупой стороны ножа.

Рядом с этой специальной эстетикой эстетика более общая занимает только подчиненное место. Наиболее глубокие основания красоты, которые глаз отыскивает *senza ar-rello*^{414*}, также и для Фиренцуолы остаются тайной, в чем он сам открыто сознается, и его определения *Leggiadria, Grazia, Vaghezza, Venusta, Aria, Maesta*^{415*} есть отчасти, как отмечалось, лишь филологические экзерсисы, отчасти же являются следствием тщетной борьбы с невыразимым. Смех определяется им (очевидно, вслед за античным автором), и очень мило, как сияние души.

На исходе средневековья во всех литературах отмечаются отдельные попытки дать строгое определение красоты¹¹³. Однако затруднительно отыскать труд, который можно было бы поставить рядом с тем, что вышел из-под пера Фиренцуолы. Например, куда меньшим авторитетом в сравнении с ним является писавший добрые полстолетия спустя Брантом^{416*}, поскольку им руководит не чувство прекрасного, но сладострастие.

К сфере открытия человека нам следует наконец отнести заинтересованное изображение реально протекающей человеческой жизни.

Вообще-то комическая и сатирическая сторона средневековых литератур не могла при преследовании своих целей обойтись без картины повседневной жизни. Но совершенно иное дело, когда эта жизнь изображается итальянцами Возрождения ради нее самой, поскольку она интересна сама по себе, являясь частью великой и всеобщей мировой жизни, волшебную окруженность со стороны которой они осознают. Взамен и помимо тенденциозного комического начала, находившего себе пищу в домах, на улицах городов, в деревнях, просто из желаниа прицепиться к горожанам, крестьянам или же попам, мы встречаемся здесь в литературе с началами серьезного жанра, причем задолго до того, как им займется живопись. И то, что одно зачастую сочетается еще и с другим, ничуть не мешает тому, чтобы это были принципиально различные вещи.

За сколь многими земными событиями должен был с вниманием и участием наблюдать Данте, прежде чем он смог с такой выuae осязаемой правдивостью изобразить свой потусторонний мир!¹¹⁴ Знаменитые картины работ в венецианском арсенале, опирающиеся друг на друга слепые перед церковными дверьми¹¹⁶ и тому подобное - далеко не единственные доказательства этого. Уже его искусство показать состояние души посредством внешних жестов свидетельствует о великом и упорном изучении жизни.

Поэты, следовавшие за Данте, редко сравниваются с ним в этом отношении, а в случае авторов новелл это запрещено высшим законом их жанра: не останавливаться на единичном (ср. с. 199, 228). Им следовало лишь предпосылать своим новеллам многословные введения и вести повествование так, как хотелось, но не рисовать при этом жанровых картин. Мы должны набраться терпения и подождать, пока люди, принадлежавшие уже к античному миру, не обретут возможность вдаваться в подробные описания и не начнут получать удовольствие от этого.

Здесь мы снова встречаемся с человеком, имевшим вкус ко всему - с Энеем Сильвием. К изображению его влечет не просто красота ландшафта, не просто интересные в космографическом или антикварном плане предметы (с. 117, 187, 197 сл.), но всякий жизненный процесс¹¹⁶. Среди весьма многочислен-

ных мест ею мемуаров, где изображаются такие сцены, которым до него вряд ли кто-либо посвятил хоть один росчерк пера, мы упомянем здесь только гонки гребных лодок на озере Больсена¹¹⁷. Никто и никогда не сможет доподлинно узнать, из каких античных сочинителей эпистолярного или повествовательного жанра почерпнул он эту особую охоту к изображению таких полных жизни картин, да и вообще следует сказать, что духовные соприкосновения между античностью и Возрождением зачастую чрезвычайно деликатны и сокровенны.

Далее, сюда относятся те описательные, посвященные охоте, путешествиям, церемониалам и тому подобному латинские стихотворения, речь о которых шла выше (с. 168). Есть и итальянские стихотворения этого, рода, как, например, описания знаменитого турнира Медичи, принадлежащие Полициано и Луке Пульчи¹¹⁷. Эпических поэтов в собственном смысле слова, таких как Луиджи Пульчи, Боярдо и Ариосто, подгоняет, не давая им остановиться, сама тема, однако всем им, в качестве принципиального момента мастерства, присуща непринужденная точность в изображении движения. Франко Саккетти доставляет себе однажды удовольствие тем, что передает короткие реплики процессии хорошеньких женщин¹¹⁸, застигнутых в лесу дождем.

Другие описания пребывающей в движении действительности легче всего отыскать у военных писателей и других авторов этого рода (ср. с. 71). Уже от более ранней эпохи до нас дошло иностранное стихотворение¹¹⁹, в котором мы имеем достоверный снимок сражения между наемниками XIV в., в основном в виде выкриков, команд и разговоров, слышащихся в его ходе.

Наиболее замечательны в этом роде правдивые описания жизни крестьян, которые особенно выделяются у Лоренцо Великолепного и поэтов его окружения.

Со времен Петрарки¹²⁰ существовала фальшивая и условная буколическая (ее можно было бы назвать еще «эклогической») поэзия, сочинявшаяся в подражание Вергилию, причем это могло делаться и по-латински, и по-итальянски. В качестве побочного к ней жанра на сцену явился пастушеский роман - от Боккаччо (с. 166) до «Аркадии» Саннадзаро, а позднее - пастушеская драма наподобие принадлежащих Тассо и Гварини¹¹⁸, произведения, для которых была характерна как отменного качества проза, так и совершеннейшее построение стиха, но в которых, однако, сами пастухи являются исключительно лишь наброшенным сверху идеальным одеянием для ощущений и чувств, происходящих из совершенно иного круга воспитания и образования¹²¹.

Однако наряду с этим в конце XV столетия в поэзии появляется также и поистине жанровое описание сельской жизни. Такая поэзия возможна была только в Италии, поскольку только здесь крестьянин (а также и колон - как собственник), как бы ни тяжка была подчас его доля, обладал человеческим достоинством и личной свободой, а также правом свободного передвижения. Различие между городом и деревней проявляется здесь далеко не столь резко, как на Севере: некоторые городки населены исключительно крестьянами, которые по вечерам вполне могут себя называть горожанами. Странствия каменщиков из Комо простираются едва не на всю Италию; Джотто, будучи ребенком, смог бросить своих овец и вступить в цех во Флоренции. И вообще наблюдался постоянный приток из сельской местности в города, причем некоторые жители горных областей были прямо-таки рождены для такого перехода¹²². Разумеется, внушенный образованностью гонор и городская спесь создавали благоприятные условия для того, чтобы поэты и авторы новелл могли вдоволь потешаться над villano⁴¹⁹⁺¹²³, и то, чему этим было положено начало, довершила импровизированная комедия (с. 211 сл). Однако где здесь тот тон мрачной, исполненной презрения расовой ненависти по отношению к vilains^{420*}, которая вдохновляет дворянских провансальских поэтов, а отчасти - также и французских хронистов? Вернее будет сказать¹²⁴, что итальянские авторы всех жанров с готовностью признают за крестьянами те величие и значимость, которые бывают им свойственны, и всячески это подчеркивают. Джовиано Понтано с восхищением повествует¹²⁵ о душевной крепости, присущей диким обитателям Абрुцц; в биографических сборниках, также как и у новеллистов, мы нередко встречаемся с героической крестьянской девушкой¹²⁶, которая подвергает опасности свою жизнь, чтобы защитить невинность или же семью¹²⁷.

В свете таких предпосылок возможно было поэтическое описание крестьянской жизни. Прежде всего здесь следует упомянуть пользовавшиеся некогда большой популярностью, да, пожалуй, вполне достойные того, чтобы с ними ознакомиться и в наше время, эклоги Баггисты Мантовано (одно из его наиболее ранних произведений, около 1480 г.). Они находятся еще на середине пути между подлинным и условным описанием сельского мира, однако первое одерживает верх. В основном здесь чувствуется позиция благожелательно настроенного сельского священника, не без привкуса некоторого просветительского рвения. Будучи монахом-кармелитом, Мантовано, должно быть, немало общался с сельскими жителями.

Однако совершенно иного порядка мощь, с которой погружается в мир крестьянских представлений Лоренцо Великолепный. Его «Ненча из Барберино»¹²⁸ читается как квинтэссенция подлинно народных песен, собранных в окрестностях Флоренции и отлитых в величественный поток октав. Объективность поэта настолько велика, что невозможно определить, испытывает ли он в отношении говорящего (крестьянского парня Валеры, который объясняется Ненче в любви) сочувствие или насмешливое презрение. Совершенно явно противопоставление условной буколической картине с паном и нимфами: Лоренцо сознательно отдается грубому реализму повседневной крестьянской жизни, и тем не менее все в целом оставляет по себе истинно поэтическое впечатление.

Признанной параллелью к «Ненче» является принадлежащая Луиджи Пулчи поэма «Бека из Дикомано»¹²⁹. Однако ему не хватает глубокой объективной серьезности: «Бека» сочинена не по внутреннему побуждению представить кусок народной жизни, но скорее из желания посредством чего-то в этом роде снискать одобрение образованной флорентийской публики. Поэтому здесь куда больше жанровой грубости, причем грубости сознательной, и изрядная примесь непристойностей. И все же круг интересов сельского ухажера определен им с чрезвычайным умением.

Третьим в этом союзе является Анджело Полициано с его написанной латинскими гекзаметрами поэмой «Рустикус»¹³⁰. Независимо от Вергилиевых «Георгик» он изображает в первую очередь сельский год в Тоскане, начиная с поздней осени, когда земледelec вырезает себе новый плуг и засеивает озимые. Очень богато и полно красот описание весенней нивы, также и лето содержит много прекрасных мест; однако шедевром всей вообще новолатинской поэзии представляется осенний праздник давилыщиков винограда. Полициано кое-что сочинял и по-итальянски, из чего можно заключить, что в кругу Лоренцо уже возможно было реалистически представлять некоторые картины подверженной страданиям жизни низших сословий. Его любовная песня цыгана¹³¹ является одним из наиболее ранних результатов в полном смысле современной тенденции с поэтическим пылом помещать себя в положение какого-либо разряда людей. Разумеется, с целью создания комического эффекта такие попытки предпринимались и прежде¹³², а во Флоренции распевавшиеся наряженными в маски процессиями песни представляли для этого повторяющуюся каждый карнавал возможность. Новым здесь является проникновение

в мир чувств другого человека, и в данном отношении «Ненча» и эта «Цыганская песня» представляют собой достойную упоминания новую главу в истории поэзии.

Также и здесь, наконец, необходимо указать на то, что образованность идет впереди изобразительного искусства. Еще целых 80 лет должны будут протечь после «Ненчи» до появления сельской жанровой живописи Джакомо Бассано^{421*} и его школы.

В следующей главе будет показано, что в Италии в это время потеряли значение различия в происхождении между людьми разных классов. Конечно, этому много способствовало то, что здесь впервые были познаны человек и человечество в их глубинной сути. Уже один этот итог Возрождения должен наполнить нас чувством благодарности к нему. Логическое понятие человечества имело и раньше, однако именно Возрождение извело, что это такое, на деле.

Высочайшие чаяния выражены в этом отношении Пико делла Мирандолой в его «Речи о достоинстве человека»¹³³, которую смело можно оценить как один из благороднейших заветов этого культурного периода. На исходе дней творения Бог создал человека, чтобы тот познавал законы мироздания, любил его красоту и изумлялся его величию. Бог не привязал человека ни к какому определенному месту, не отдал ему никакой определенной деятельности, не подчинил никакой необходимости, но дал ему подвижность и свободу воли. «Я поставил тебя посреди мира, - говорит Творец Адаму, - чтобы ты с тем большей легкостью мог оглядываться вокруг и видел все, что здесь есть. Я создал тебя как существо не небесное и не земное, не смертное и не бессмертное в исключительности этих качеств, чтобы ты мог свободно лепить и преодолевать сам себя: ты можешь выродиться в зверя и вновь возродиться в богоподобное существо. Звери приобретают то, чем должны быть, от тела своей матери; высшие духи с самого начала или уже вскоре после него¹³⁴ являются тем, чем останутся в вечности. Лишь ты один обладаешь развитием, ростом по собственной свободной воле, ты имеешь в себе ростки всевозможной жизни».

Глава V

Общественная жизнь и праздники

Всякий культурный период, представляющий собой окончательно оформившуюся целостность, выражается не только в государственном общегитии, в религии, искусстве и науке, но накладывает свой определенный отпечаток также и на общественное бытие людей. Так, средневековые имело лишь слегка изменявшиеся от страны к стране придворные и дворянские нравы и этикет, имело и свой определенный слой горожан.

В то же время нравы итальянского Возрождения представляют собой в основном полную противоположность средневековым. Уже сама их основа меняется, поскольку для принадлежности к высшему кругу общества не имели более никакого значения классовые различия, но важно было принадлежать к образованному сословию в современном смысле слова, а здесь рождение и вообще происхождение играют лишь ту роль, что могут быть связаны с доставшимся по наследству богатством и обеспеченным в связи с этим досугом. Это обстоятельство не следует абсолютизировать, поскольку средневековые сословные представления пытаются здесь оказать то большее, то меньшее воздействие, пусть хотя бы только для того, чтобы сохранить какое-то соотношение с европейской знатью; однако общезначимой чертой этого времени было все-таки слияние сословий в современном смысле слова.

Наиболее значимым был в этом отношении факт совместного проживания дворян и горожан в городах по крайней мере с XII в.¹, вследствие чего судьба и развлечения становились общими, возможность же взирать на мир с расположенного на горе замка отпадала с самого начала. Также и церковь в Италии никогда не позволяла себя использовать для того, чтобы на свой счет содержать младших сыновей дворян, как это было на Севере. Места епископов, настоятелей соборов и аббатов зачастую раздавались на основании низменнейших соображений, и

все-таки делалось это не из соображений знатности, а если епископы были здесь куда более многочисленны, бедны и, как правило, лишены всех мирских княжеских достоинств, то из-за этого они оставались жить в городе, где находился их собор, и вместе со своим соборным капитулом составляли часть образованного городского населения. И когда в Италии наверх выбились абсолютные властители и тираны, у дворянства в большинстве городов появился повод и досуг для того, чтобы погрузиться в такую частную жизнь (с. 89 сл.), которая была безопасна в политическом отношении и вдобавок украшена всевозможными более тонкими удовольствиями, а кроме того была с трудом отличима от жизни богатых горожан. Когда же поэзия и литература стали, со времен Данте, делом всех и каждого², когда окончательно восторжествовали образованность в античном смысле этого слова и интерес к человеку как таковому, кондотьеры же стали правителями, и уже не только равенство происхождения, но и вообще происхождение от состоящих в законном браке родителей перестало быть обязательным требованием при предъявлении притязаний на трон (с. 19), - тут уж возможно было поверить, что наступила эпоха равенства, понятие же знати безвозвратно упразднено.

Апеллируя к античности, теория данного вопроса, опираясь уже на одного только Аристотеля, могла как подтвердить, так и отвергнуть притязания дворянства. Данте, например, выводит еще³ из аристотелевского определения («благородство основывается на добродетелях и унаследованном богатстве») свое собственное утверждение: благородство основывается на собственных добродетелях или же на добродетелях предков. Однако в других местах его не удовлетворяет такое утверждение, и он сам себя корит⁴, когда в «Раю», во время разговора со своим предком Каччагвида, представляет благородное происхождение в виде всего лишь плаща, от которого время постоянно отхватывает куски, если не приставлять к нему изо дня в день новых достоинств. В «Пире»⁵ же Данте почти полностью перестает связывать понятия *pobile* и *pobilta*^{422*} с происхождением, а отождествляет их со способностью ко всякого рода нравственным и интеллектуальным совершенствам; особое ударение ставится при этом на высокую образованность, поскольку *pobilta* должна быть сестрой *filosofia*.

Чем последовательнее воцарялся впоследствии гуманизм в мировоззрении итальянцев, тем крепче становилось убеждение, что происхождение не имеет никакого значения в вопросе о том, чего стоит тот или иной человек. В XV столетии это была

уже господствующая теория. В своем диалоге «О благородстве»⁶ По'джо приходит со своими собеседниками - Никколо Никколи и Лоренцо Медичи, братом великого Козимо - к соглашению относительно того, что не существует более никакого благородства, кроме связанного с личными заслугами. Делаются чрезвычайно острые выпады против того, что согласно бытующим предубеждениям относится к «благородной» жизни. «Данный человек тем дальше удален от истинного благородства, чем дальше его предки были отъявленными злодеями. Усердие, проявляемое к соколиной охоте и травле зверей, не в большей степени отдает благородством, чем логовища этих самых зверей - бальзамом. Земледелие, как им занимались люди древности, было куда благороднее, чем эта бессмысленная скачка по лесам и горам, при которой человек чаще всего сам уподобляется зверю. Это должно являться отдыхом, а не делом всей жизни». Совершенно лишенными благородства представляется жизнь французских и английских рыцарей в сельской местности или в лесных замках, как и жизнь немецкого, промышленного грабежом рыцарского сословия. Тут Медичи принимает до некоторой степени сторону знати, однако, и это достаточно показательно, не ссылаясь на некое врожденное чувство, но поскольку в V книге «Политики» Аристотель признает и определяет ее как нечто сущее и основывающееся на достоинстве и наследственном богатстве. Однако Никколи ему возражает: это было высказано Аристотелем не как его собственное убеждение, но в качестве общепринятого мнения; в этике же, где он говорит то, что думает, он называет благородным того, кто стремится к истинному благу. И напрасно теперь выдвигает против него Медичи принадлежащее грекам выражение идеи благородства, а именно, если переводить дословно, «благородность», *eugenia*: более подходящим Никколи считает римское слово *pobilis*, т.е. достойный внимания, поскольку слово это ставит благородство в зависимость от дел⁷. Помимо этих доводов дается следующая краткая характеристика положения знати в различных областях Италии. В Неаполе знать ленива и не занимается ни своими поместьями, ни считающейся позорным занятием торговлей: дворяне бьют здесь баклуши, сидя по домам⁸ или проводят время верхом на лошадях. Римская знать также с презрением относится к торговле, однако самолично занимается своими поместьями; и тем, кто возделывает землю, даже как нечто само собой разумеющееся достается звание дворянина⁹: «Это - почтенное, пусть и крестьянское благородство». И в Ломбардии знать живет на доходы с наследствен-

ных земельных владений: происхождение и отказ от обычных занятий определяют здесь принадлежность к знати¹⁰. В Венеции нобили, правящая каста, поголовно занимаются торговлей; и в Генуе все сплошь - знатные и незнатные - являются купцами и мореплавателями, различаясь только своим происхождением; некоторые, конечно же, подобно разбойникам с большой дороги, подстерегают проезжих в расположенных на горах замках. Во Флоренции часть древней знати предалась торговле; другая часть (разумеется, куда менее значительная) довольствуется своим положением и ничем не занимается, кроме травли и соколиной охоты¹¹.

Решающим обстоятельством было то, что даже тот, кто имел основания гордиться своим происхождением, и это характерно почти для всей Италии, все же не в состоянии был кичиться им пред лицом образованности и богатства, а имевшиеся у него политические или придворные преимущества все-таки не возбуждали в нем чувства сословного превосходства. Венеция, по всей видимости, представляла собой исключение в этом смысле, поскольку жизнь нобилей имела здесь исключительно городской характер и обставлялась весьма немногочисленными почетными правами. По-иному обстояло дело в Неаполе, который остался отрезанным от духовного движения Возрождения более всего из-за большой кастовости местной знати и ее стремления к роскоши. На сильное влияние лангобардского и норманнского средневековья, а также позднефранцузского дворянства здесь уже в середине XV в. наложилось арагонское владычество, так что в Неаполе раньше всего случилось то, что возобладало по всей Италии лишь сотню лет спустя: частичная «испанизация» жизни, основным содержанием чего было презрение к труду и стремление к дворянским званиям. Воздействие этого сказалось в маленьких городках еще прежде 1500 г.; так, мы слышим жалобы, раздающиеся из Ла Кавы: городок этот был в полном смысле слова богатым, пока там жили славные каменщики и ткачи; теперь же, когда вместо мастерка и ткацкого стана здесь можно увидеть только шпоры, стремени и позолоченные пояса, когда всякий стремится к тому, чтобы стать доктором права или же медицины, нотариусом, офицером и рыцарем, настала подлинная нищета¹². Во Флоренции подобное развитие событий отмечается еще при Козимо^{423*}, первом великом герцоге: ему здесь обязаны тем, что молодых людей, относившихся теперь с презрением к торговле и ремеслу, он посвящал в рыцари своего ордена св. Стефана¹³. Это - полная противоположность умонастроению, существовавшему во Флоренции

прежде¹⁴, когда отцы ставили условием для получения наследства сыновьями определенное их занятие (с. 59).

Однако своеобразная страсть к завоеванию положения в обществе зачастую комичным образом пересекается у флорентийцев с уравнивающим всех и вся культом искусства и образованности: то было их стремление к рыцарскому достоинству, распространившееся как некое модное чудачество тогда, когда само звание рыцаря утратило уже какой-либо даже намек на смысл.

«Пару лет назад, - пишет Франко Саккетти¹⁵ в конце XIV в., - всякий мог видеть, как ремесленники, вплоть до пекарей и даже чесальщиков шерсти, ростовщиков, менял и вообще всякого сброда, все поголовно, стали рваться в рыцари. Ну на что чиновнику рыцарское достоинство, если он отправляется в сельский городишко в качестве *rettore*^{424*}? Да и вообще оно не согласуется с каким бы то ни было добыванием хлеба насущного. О, как же низко ты пало, несчастное достоинство! Эти рыцари творят как раз прямо противоположное всему длинному списку рыцарских обязанностей. Я пожелал сказать об этом, чтобы читатели осознали: рыцарство умерло¹⁶. И как теперь в рыцари посвящают даже покойников, так возможно было бы сделать рыцарем деревянную или каменную статую либо быка». Истории, которые приводит Саккетти как доказательство, действительно весьма красноречивы. Мы читаем здесь, как Бернабо Висконти издевательски удостоил титула человека, на спор перепившего соперника, как, впрочем, и самого побежденного, что лучшими считались немецкие рыцари с их эмблемами на шлемах и значках и тому подобное. Позднее Поджо¹⁷ потешается над многочисленными рыцарями, у которых нет даже коня и никакой военной подготовки. Тому, кто желал поддержать достоинство своего сословия при помощи, например, организации конной процессии со знаменами, приходилось во Флоренции несладко - как со стороны местных властей, так и зубоскалов¹⁸.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что это запоздалое, независимое от какой-либо родовой знати рыцарство лишь отчасти являлось результатом того смехотворного, ищущего титулов тщеславия; имела здесь еще и другая сторона. Турниры все еще продолжались, и формальное требование было таково, чтобы всякий, желавший принять в них участие, имел рыцарское звание. Однако эти проходившие на огороженной арене схватки, и особенно упорядоченные и иногда в высшей степени опасные для жизни поединки на копьях, предоставляли возможность выказать силу и мужество, от чего не мог отказаться развитый индивидум, независимо от его происхождения.

И не имело вовсе никакого значения то, что уже Петрарка с живейшим отвращением высказывался насчет турниров как опаснейшего безумия; ему не удалось обратить людей в свою веру патетическим восклицанием: «Нигде не приходится читать, чтобы Сципион или Цезарь бились на турнире»¹⁹. Как раз во Флоренции дело это снискало широкую популярность: горожане начали смотреть на свой турнир (разумеется, проходивший в менее опасной для жизни форме) как на некоторого рода упорядоченное развлечение, и Франко Саккетти²⁰ сохранил для нас бесконечно комическое изображение участника такого воскресного турнира. Он выезжает в Перетолу, где участие в турнире обходилось дешевле, на взятом у красильщика напрокат коне, которому озорники напихивают под хвост бодяков; животное что есть духу пускается наутек и вместе с облаченным в шлем всадником скачет обратно в город. Неизбежное завершение повествования - жестокая выволочка, устроенная герою возмущенной такой опасной выходкой супругой²¹.

Наконец, первые Медичи также с истинным жаром предались устройству турниров, поскольку они, незнатные частные лица, желали тем самым показать, что люди, которыми они себя окружили, не уступают никакому двору²². Уже при Козимо (в 1459 г.), а затем при Пьеро Старшем⁴²⁵ во Флоренции состоялись большие турниры, слава о которых распространилась чрезвычайно широко. В свете таких притязаний Пьеро Младший⁴²⁶ позабыл даже о государственных делах и желал, чтобы его изображали исключительно в доспехах. Случались турниры также и при дворе Александра VI. Когда кардинал Асканио Сфорца спросил турецкого принца Джема (с. 76, 80), как ему понравилось это зрелище, тот дал очень мудрый ответ: у него на родине такими вещами занимаются рабы, в случае гибели которых ущерба нет. В этом случае точка зрения человека с Востока независимо от него совпала с той, что придерживались древние римляне - и оказалась в противоречии со свойственным средневековью обычаем.

И независимо от этой имеющей немаловажное значение задержки рыцарского сословия с уходом со сцены, в Ферраре (с. 42), например, уже имелся придворный орден, посвящение в который приносило с собой звание «кавалера».

Какими бы ни были отдельные притязания и тщеславные устремления знати и кавалеров, итальянская знать занимала тем не менее позиции в самой гуще жизни, а не на ее обочине. Она постоянно находится на равной ноге со всеми сословиями, а талант и образованность входят в число ее домашних дел.

Знатности была необходимым условием того, чтобы состоять cortigiano^{427*} у государя²³, однако такое требование ставилось преимущественным образом для того, чтобы избрать людского предубеждения (per l'orpenion universale) и при совершенно явной гарантированности оттого заблуждения, что человек, не принадлежащий к знати, якобы не может обладать точно теми же достоинствами. И вообще пребывание недворян при правителе этим вовсе не исключается: дело состоит только в том, что у cortigiano как у совершенного во всех отношениях человека не должно быть изъяна в отношении любого преимущества. И если он избирает своим правилом некоторую сдержанность в отношении всего на свете, то это происходит не потому, что в его жилах струится голубая кровь, но потому, что того требует его тонкое индивидуальное совершенство. Речь здесь идет в полном смысле слова о современном аристократизме, при котором только образованность и богатство являются мерой общественного достоинства человека, причем богатство - лишь постольку, поскольку оно делает возможным посвятить жизнь образованию и всячески ему способствует.

Чем менее значительны были преимущества, которые давало происхождение, тем более высокие требования предъявлялись к индивидууму как таковому, к тому, чтобы он в полном объеме проявил все свои положительные качества; а кроме того, и общественная жизнь с тем большей необходимостью должна была установить себе пределы и облагородиться за счет своих собственных сил. Поведение отдельного человека и высшие формы общественной жизни делаются свободно и сознательно творимым произведением искусства.

Уже сам внешний вид и окружение человека, как и обычаи повседневной жизни, в Италии более совершенны, красивы и в большей степени утонченны, нежели у народов где-либо за ее пределами. Вопрос относительно жилищ высших сословий относится к ведению истории искусства; здесь необходимо подчеркнуть то, насколько жилища эти по удобству и своему гармоническому и разумному устройству превосходили замки, городские усадьбы и дворцы величайших людей Севера. Одежда менялась здесь таким образом, что невозможно ее даже сопоставить с модой других стран, тем более что с конца XV в. в Италию вошло в обиход перенимать у них фасоны. То, что итальянские художники изображают как современный им костюм, это есть, вообще говоря, наиболее красивое и изящное из всего, что имелось тогда в Европе, вот только невозможно быть уверенным, изображали ли они господствующее в моде,

и были ли они достаточно точны при его изображении. Как бы то ни было, несомненным остается то, что нигде не придавалось такое значение костюму, как в Италии. Эта нация была, да и остается щепетильной в том, что касается внешности; к тому же даже самые серьезные люди причисляли возможно красивое и шедшее к лицу одеяние к вещам, необходимым для полного совершенства личности. На какой-то период времени во Флоренции костюм был чем-то индивидуальным, и тогда всякий одевался по собственной моде (с. 389 прим. 2), и еще долгое время на протяжении XVI в. здесь обитали значительные люди, имевшие как раз такую склонность²⁴; прочие же были в состоянии по крайней мере наложить печать своей индивидуальности на то, что господствовало в моде. И когда Джованни делла Каза остерегает от всего бросающегося в глаза, выступает против всякого отклонения от главного направления в моде²⁶, это есть свидетельство упадка в Италии. Наша эпоха, которая, по крайней мере в том, что касается мужской одежды, в качестве высшего закона блюдет неброскость, теряет на этом куда больше, чем способна подозревать. Однако тем самым она берегает нам большое количество времени, что ужасам по себе (при нашей занятости) компенсирует все недостатки.

В Венеции²⁶ и Флоренции в эпоху Возрождения существовали предписанные костюмы мужчин, а насчет женщин были приняты законы против роскоши. Там же, где одежда никак не регулировалась, как, например, в Неаполе, моралисты отмечают, не без чувства глубокой горечи, что более невозможно отыскать какое-либо различие между знатью и мещанами²⁷. Помимо этого их удручает уже в ту пору чрезвычайно стремительная смена моды и (если мы правильно толкуем их слова) слепое поклонение всему, что приходит из Франции, в то время как зачастую это есть изначально итальянские моды, которые лишь возвращаются от французов назад в Италию. Поскольку частая смена фасонов одежды и подражание французским и испанским модам²⁸ служили удовлетворению обыкновенной страсти к фантовству, нам более до этого дела нет; однако помимо того здесь имеется также и культурно-историческое доказательство стремительности итальянской жизни в целом в десятилетия до и после 1500 г.

Особого рассмотрения заслуживает стремление Женщин существенным образом изменить свою внешность с помощью косметических средств. Ни в какой другой стране Европы, кроме Италии, с самого падения Римской империи не существовало столь многочисленных и многообразных дополнений по час-

ти облика, цвета кожи, волос²⁹. Все стремятся к нормальному внешнему виду, и силятся его достичь пусть даже с помощью наиболее бросающихся в глаза, совершенно очевидных средств введения в заблуждение. Здесь мы полностью отвлекаемся от всего прочего одеяния, которое было в XIV столетии³⁰ в высшей степени пестрым и нагруженным украшениями, позднее же на смену ему пришел костюм, для которого была характерна более благородная роскошь, и ограничиваемся косметикой в узком смысле этого слова.

Прежде всего в массовом порядке носят накладные шиньоны из белого и желтого шелка³¹; их запрещают и снова носят, пока наконец души людей не оказываются потрясены проповедником, призывающим к раскаянию, и тогда на городской площади оказывается возведенной изящных очертаний поленица для всесожжения (talamo), на которой рядом с лютнями, игрушками, масками, магическими записочками, песенниками и прочим хламом находят свое место также и шиньоны³²; а очищающий огонь превращает все это в пепел. Однако идеальным цветом, достигнуть которого люди стремились как в отношении своих собственных, так и накладных волос, был русский. А поскольку в те времена было принято считать, что солнце в состоянии сообщить волосам светлый цвет³³, то встречались такие дамы, которые в погожую погоду целыми днями стояли на солнце³⁴; помимо же этого для волос использовались красящие средства и всякого рода смеси. Сюда добавляется еще целый арсенал туалетных вод, косметических примочек и гримов для каждой части лица, даже для глазных век и зубов, о чем наша эпоха не имеет ни тени представления. Никакие насмешки поэтов³⁵, никакой гнев проповедников, никакие предостережения насчет раннего увядания кожи не в состоянии были отвратить женщин от обычая сообщать собственному лицу другой цвет, а отчасти - и другой вид. Очень может быть, что частые и пышные постановки мистерий, во время которых раскрашивались и наряжались сотни людей³⁶, способствовали укоренению пагубного обычая в повседневной жизни; как бы то ни было, он имел всеобщее распространение, и сельские девушки придерживались его сколько могли³⁷. И напрасны были все попытки убедить женщин, что это - отличительный знак распутниц: самые добропорядочные матери семейства, которые целый год даже не касались грима, все же красились по праздничным дням, когда им предстояло показаться на людях³⁸. Будем ли мы рассматривать все эти пороки как некую черту варварства, в качестве параллели которой можно вспомнить о рас-

крашивании лиц у диких племен, или же как следствие стремления к нормальной юношеской красоте в чертах и в цвете лица, в пользу чего говорят значительная изощренность и разнообразие этих косметических средств, - в любом случае мужчинам невозможно отказать в попытках отговорить женщин.

Во всяком случае применение парфюмерных средств вышло за обычные рамки разумного, распространяясь на все окружение человека. По случаю празднеств даже выючных животных умащали мазями и благовониями³⁹, а Пьетро Аретино благодарит Козимо I за благоуханный денежный подарок⁴⁰.

Далее, итальянцы были тогда также убеждены в том, что они чище северян. На основании общих культурно-исторических мотивов эти их притязания следует скорее разделить, нежели отвергнуть, поскольку чистоплотность является компонентой современства современной личности, а таковая ранее всего оформилась у итальянцев; также и то обстоятельство, что они были богатейшей нацией тогдашнего мира, говорит скорее в пользу этого, чем против. Доказательств, разумеется, получено никогда не будет, и если говорить о первенстве в отношении предписаний чистоплотности, то в качестве самых старых ее примеров можно указать на средневековую рыцарскую поэзию. Как бы то ни было, наверняка можно сказать то, что здесь усиленно подчеркивается всесторонняя опрятность некоторых выдающихся представителей Возрождения, особенно за столом⁴¹, а в качестве воплощения грязи всяческого рода в Италии фигурировал немец⁴². Из Джовио мы узнаем, что за неопрятные привычки усвоил Массимилиано Сфорца во время своего германского воспитания, и насколько сильно они бросались в глаза⁴³. Замечательно при этом то, что по крайней мере в XV в. гостиничные услуги попали в рукитлавным образом немцам⁴⁴, которые обслуживали преимущественно римских паломников. Однако в процитированном высказывании речь, видимо, идет преимущественно о сельской местности, поскольку в крупных городах ведущее место зарезервировали за собой известные итальянские предприятия⁴⁶. Нехватка сносных постоянных дворов в сельской местности объяснялась также необеспеченной безопасностью.

К первой половине XVI в. относится тот курс хороших манер, который был издан Джованни делла Каза, флорентийцем по происхождению, под названием «Il Galateo». Здесь содержится не только предписание чистоплотности в узком смысле слова, но и искоренение тех привычек, которые мы обыкновенно называем «неприличными», причем делается это с такой же непреклонной уверенностью, с какой моралист говорит о выс-

ших нравственных законах. В прочих литературах этот вопрос рассматривается в меньшей степени со стороны систематической, но скорее опосредствованно, на примере внушающих ужас изображений всякого рода хамства⁴⁶.

Но и вообще «Галатей» представляет собой красиво и с душой написанное наставление как в образцовом стиле жизни, так и по части деликатности и такта вообще. Еще и теперь люди всех сословий могут его прочесть с большой для себя пользой, а что касается вежливости, старая Европа почти не продвинулась дальше содержащихся здесь предписаний. Поскольку такт - свойство души, у всех народов он с самого начала всякой культуры прирожден некоторым людям, другие же приобретают его посредством приложения волевых усилий, однако первыми его признали - как общезначимую общественную обязанность и отличительный знак образованности и воспитанности - итальянцы. Да и сама Италия сильно изменилась за прошедшие двести лет. Явно ощущается, что для приличного итальянского общества осталось позади время скверных шуток, burle и beffe^{426*} (с. 101 сл.), которыми могли обмениваться знакомые и полужнакомые люди⁴⁷, что нация выходит за стены своих городов и усваивает космополитически-нейтральную вежливость и предусмотрительность. О положительной общественной жизни в собственном смысле речь пойдет ниже.

Вообще в XV и начале XVI в. все формы внешнего существования оказались в Италии утонченными и облагороженными, как ни у какого другого народа в мире. Уже в отношении части той совокупности малых и больших приспособлений, которые составляют вместе современный уют и комфорт, может быть доказано, что впервые они встречаются в Италии. Езда в экипажах по прекрасно вымощенным улицам итальянских городов⁴⁸ имела большое распространение, в то время как в прочих странах люди передвигались пешком и верхом, а если ездил в экипажах, то делали это вовсе не для удовольствия. Относительно мягких и упругих кроватей, изысканных ковров на полу, туалетных принадлежностей, о которых больше нигде и не слыхали, нам становится известно прежде всего от авторов новелл⁴⁹. Зачастую особо подчеркивается количество и тонкость белья. Многое в этой сфере принадлежит уже к области искусства: мы бываем поражены, убеждаясь во всесторонности его облагораживающего воздействия на роскошь, ибо искусство не просто украшает великолепными сосудами тяжелый буфет или легкую этажерку, стены — подвижной пышностью гобеленов, а десерт - бесконечно разнообразными фигурными сладостями,

но и изумительным образом полностью перемещает в свою сферу все столярные работы. Вся Западная Европа пыталась в эпоху позднего средневековья, насколько хватало средств, идти по тому же пути, однако частью то были по-детски аляповатые безделки, частью же они были скованы односторонним готическим декоративным стилем, в то время как Возрождение движется здесь совершенно свободно, решает всякую задачу, пронося в ее смысл, и работает на куда более широкий круг участников и заказчиков. В том же следует усматривать причину легкой победы, одержанной в течение XVI в. итальянскими декоративными формами всякого рода над северными, хотя были здесь и другие, более важные причины общего характера.

* * *

Высокое развитие общественной жизни, возникающей здесь как произведение искусства, как высшее и сознательное творение жизни народа, имеет свою важнейшую предпосылку и основание в языке.

Во времена высшего расцвета средневековья западноевропейская знать пыталась утвердить как в повседневном общении, так и в поэзии «учтивый» язык. В Италии, где диалекты разошлись друг от друга весьма далеко уже очень рано, в XIII в. также существовал так называемый «curiale», язык, общий как для дворов, так и для придворных поэтов. Решающий вес имело здесь то обстоятельство, что язык этот вполне сознательно старались сделать языком всех образованных людей, а также языком письменности. Такая цель открыто провозглашается во введении к составленной еще до 1300 г. «Сотне старинных новелл». И действительно, язык явно рассматривается здесь в качестве освободившегося из-под власти поэзии: выше всего ставится просто отчетливое и исполненное духовности изящное выражение в форме кратких высказываний, изречений и ответов. Все это окружается здесь таким благоговением, какое можно встреть только у греков и арабов: «Как много людей за целую прожитую ими жизнь не оказались ни разу не способны на *bel parlare*⁴²⁹!»

Однако дело, о котором здесь шла речь, было тем более нелегким, чем усерднее, причем с разных сторон, начинали к нему подходить. В гущу этой борьбы нас вводит Данте; его сочинение «Об итальянском языке»⁵⁰ является первой аргументированной работой по современному языку. Последовательность ее мыслей и ее результаты относятся к истории языкоз-

нания, где за нею на вечные времена закреплено выдающееся место. Нам же необходимо констатировать лишь то, что, должно быть, еще задолго до написания этого сочинения язык стал здесь важным вопросом повседневной жизни, что все диалекты обследовались с позиций партийных пристрастий и предпочтений и что рождение всеобщего идеального языка проходило в тяжких муках.

Разумеется, наиболее выдающееся достижение Данте в этом смысле - это его великая поэма. Тосканский диалект стал по сути основой нового идеального языка⁶¹. И если это утверждение заходит чересчур далеко, то все же автор, будучи иностранцем, может просить читателей о снисхождении, ибо, по сути, он следует в этом в высшей степени спорном вопросе господствующей точке зрения.

Страсти, кипевшие вокруг этого языка, борьба за его чистоту принесли не меньше вреда, нежели пользы, поскольку могли лишиться безыскусственности выражения многих в общем-то одаренных авторов. Прочие же, владевшие языком безупречно, со своей стороны терялись в бушующем великолепии его поступи и благозвучности, воспринимая их как вполне независимые от содержания преимущества. Действительно, даже незатейливая мелодия, если она будет исполнена на подобном инструменте, прозвучит великолепно. Но как бы то ни было, в смысле общественном язык этот обладал высочайшей ценностью. Он был дополнением к манерам благородного стиля, принуждая образованных людей - как в повседневном их существовании, так и в самые необычайные моменты - сохранять внешнее достоинство. Правда, грязь и злобность также с достаточным усердием укутывались этим классическим покровом, как некогда использовали они чистейшей воды антицизм, однако все самое изысканное и благородное также находило здесь свое адекватное выражение. Но особенно выдающуюся роль язык играл в отношении национальном, - в качестве родины для всех образованных людей всех государств этой рано расколотовой на части страны⁶². К тому же родина эта принадлежала не одной знати или иному сословию, так что даже у самого бедного и совершенно ничем не примечательного человека было время и возможность для того, чтобы ее приобрести, стоило ему только пожелать. Еще и теперь (может быть, даже чаще, чем в прежние времена) чужестранцу, оказавшемуся в таких областях Италии, где вообще-то господствует маловразумительный диалект, приходится поражаться, обнаруживая, что самые заурядные люди и крестьяне владеют здесь чрезвычай-

но чистым и чисто выговариваемым итальянским языком. И совершенно напрасно будет этот иностранец рыться в своей памяти, пытаясь там отыскать что-либо подобное в отношении Франции или даже Германии, где даже образованные люди придерживаются местного выговора. Разумеется, умение читать распространено в Италии гораздо шире, чем можно было ожидать судя по состоянию прочих дел, например, в той же Папской области, однако много ли было бы от этого толку, когда бы не широко распространенное и неоспоримое уважение к чистоте языка и выговора как некоему возвышенному и драгоценному достоянию? Одна местность за другой предприняла официальные шаги, приспособляясь к этому языку, были среди них и Венеция, Милан и Неаполь, пошедшие на это еще во времена расцвета литературы, отчасти - именно по его причине. Лишь в нашем столетии Пьемонт стал в полном смысле итальянским государством, что произошло в результате его свободного волеизъявления, когда он присоединился к этому важнейшему национальному достоянию, чистому языку⁶³. Уже с начала XVI столетия определенные жанры были совершенно свободно и намеренно отданы на откуп литературе на диалекте, причем не одни лишь комические, но и серьезные⁶⁴. Развившийся здесь стиль был способен на решение любых задач. У прочих народов сознательное разделение такого рода имеет место гораздо позже.

«Придворный»⁶⁵ с чрезвычайной полнотой отражает строй мыслей образованных людей по отношению к ценности языка как среды для возвышенного общения. Уже тогда, в начале XVI в., были люди, намеренно державшиеся устаревших оборотов из Данте и других тосканцев - его современников, просто из-за их архаичности. Однако наш автор безусловно запрещает их использование в устной речи, а также желает, чтобы они не употреблялись и в речи письменной, поскольку последняя в конце концов является всего только одной из форм беседы. Вслед за этим делается уступка: самой прекрасной будет такая речь, которая в наибольшей степени приближается к наипрекраснейшим сочинениям. Очень ясно здесь прослеживается мысль, что люди, имеющие сказать нечто значительное, сами изобретают собственный язык, подвижный и изменчивый, потому что является чем-то живым. Можно пользоваться любыми, самыми изысканными выражениями, если только ими все еще пользуется народ, в том числе и народ из нетосканских областей, а также в некоторых случаях - и французскими либо испанскими оборотами, если только их употребление уже укоренилось в отноше-

нии определенных предметов⁶⁶. Так, с душой и заботливостью был создан язык, не чистый старотосканский, но уже итальянский, богатый и обильный, как изысканный сад, полный цветов и плодов. Весьма существенную роль в общей виртуозности придворного, *cortigiano*, играет то обстоятельство, что лишь в этом достижении полного совершенства одеянии проявляется его тонкая мораль, его дух и поэзия.

Поскольку язык стал теперь достоянием живого общества, архаистов и пуристов, несмотря на все их усилия, в основном постигла неудача. В самой Тоскане было в наличии слишком много прекрасных авторов и говорунов, которые играючи перескакивали через установленные ими рамки или же над ними потешались: последнее случалось в основном тогда, когда откуда-то со стороны приезжал умник и силился убедить их, тосканцев, в том, что они ничего не смыслят в собственном языке⁶⁷. Уже само существование и воздействие такого писателя, как Макиавелли, разрывало в клочья все это их вышивание гладью, поскольку мощь его мыслей, его ясные и простые обороты являлись на свет в форме такого языка, которому были присущи скорее какие угодно иные достоинства, нежели чистый *trecentismo*⁶⁸. С другой стороны, было слишком много обитателей Верхней Италии, римлян, неаполитанцев и т. д., которым было по сердцу, если требования в отношении чистоты выражения на письме и в разговоре не вышались сверх всякой меры. По сути они полностью отказывались от языковых форм и оборотов собственного диалекта, так что иностранец скорее всего сочтет за ложную скромность то, например, что Банделло нередко заявляет самый решительный протест: «Нет у меня никакого стиля; я пишу не по-флорентийски, но зачастую просто по-варварски. Я не стремлюсь к тому, чтобы унаследовать язык какими-то новыми красотами: я всего лишь только ломбардец, да к тому же еще с лигурийской границы»⁶⁹. Однако всего скорее можно было на деле отстаивать свои позиции в борьбе с партией бюстителей чистоты посредством недвусмысленного отказа от каких-либо высших притязаний и овладения по мере сил великим общераспространенным языком: Немного было таких, кто мог бы здесь стать на равную ногу с Пьетро Бембо, родом венецианцем, который всю свою жизнь писал на чистейшем тосканском языке, воспринимая его, однако, почти как иностранный, или с Саннадзаро, который находился в такой же ситуации, будучи неаполитанцем. Существенный момент состоял в том, что с языком, как в его устной, так и в письменной форме, следовало обращаться с подобающим уважением. При этом можно было предоставлять пуристам предаваться их фанатизму, созыву языковых конг-

рессов⁵⁹ и всему прочему: настоящий вред они стали наносить лишь позднее, когда несравненно ослабел дух оригинальности в литературе, поддавшейся иным, куда более пагубным воздействиям. В конце концов Академии дела Круска было дозволено обращаться с итальянским так, словно это был мертвый язык. Однако она оказалась настолько слабосильной, что ничем не смогла помешать духовному влиянию французов в прошлом столетии. (Ср. с. 250 сл. прим. 56, с 422)

Этот любимый и ухоженный, обретший максимальную гибкость язык как раз и был той основой, которая в качестве средства общения лежала в основе всей общественной жизни. В то время как на Севере знать и правители проводили свой досуг в одиночестве или посвящали его поединкам, охоте, пирам и церемониалам, горожане же заполняли его играми и телесными упражнениями, в крайнем случае - стихотворчеством и празднествами, в Италии ко всему перечисленному добавлялась еще нейтральная сфера, в которой люди какого угодно происхождения, если только они обладали потребными для этого талантом и образованностью, предавались беседам и обмену серьезными и шутивными мыслями в облагороженной форме. Поскольку угощение в собственном смысле⁶⁰ было при этом всего лишь побочным моментом, возможно было без больших затруднений удержать от себя подальше людей тупых и обжор. Если мы вправе воспринимать буквально то, что писали авторы диалогов, беседа избранных умов заполнялась в числе прочего также и глубочайшими вопросами бытия: вынашивание мыслей происходило не так, как у северян - чаще всего в одиночку, но скорее коллективно. Однако мы скорее ограничились бы рассмотрением игривого общения, происходящего ради него самого.

По крайней мере в начале XVI в. общение это имело упорядоченные и прекрасные формы и основывалось на подразумеваемом, а зачастую также и открыто декларируемом и предписываемом соглашении, имеющем целью без какого-либо принуждения достичь целесообразности и приличия и являющемся прямой противоположностью всяческого этикета как такового. В тех кругах, в которых такое общение принимало характер постоянно существующего общества, имелись также и уставы, и формальное вступление, как, например, у тех сумасбродных обществ флорентийских художников, о которых повествует Вазари⁶¹. Такое совместное времяпрепровождение делало также возможной постановку наиболее известных современных комедий. Тем не менее мимолетное и непринужденное общение с легкос-

тью смирялось с предписаниями, которые обыкновенно провозглашала самая видная дама. Всему миру известно вступление к «Декамерону» Боккаччо, причем принято считать, что главенство Пампинеи над обществом есть чистого рода вымысел; конечно, в данном случае это несомненно вымысел, однако он основывается на очень часто имевшей место практике. Фиренцуола, который почти двумя столетиями позднее снабжает подобным вступлением свое собрание новелл, разумеется в куда большей степени следует реальности, когда он вкладывает в уста своей царицы общества настоящую тронную речь, в которой провозглашаются распорядок дня на предстоящее совместное пребывание в сельской местности. Сначала - утренний час философствования, во время которого совершается восхождение на холм; затем - трапеза⁶², сопровождаемая игрой на люте и пением; далее - проходящая в прохладном помещении декламация свежесочиненной канцоны, тема которой всякий раз задается с вечера; вечерняя прогулка к источнику, где все занимают места и каждый рассказывает по новелле; наконец, завершает все ужин и веселый разговор «такого рода, чтобы он еще годился для наших женских ушей, а что касается вас, мужчин, то необходимо, чтобы он не казался навеянным винными парами». Банделло, правда, не дает в предисловиях или посвящениях своих новелл подобных освящающих речей, поскольку различные общества, перед которыми рассказывался его истории, уже существуют как устойчивые образования, однако он дает нам представить себе другими способами, насколько богаты, многосторонни и изящны были общественные предпосылки для их существования. Многие читатели могут подумать, что обществу, которое способно выслушивать столь безнравственные истории, терять уже нечего, как невозможно ему и что-либо приобрести. Однако правильнее было бы поставить вопрос в следующей форме: на каких же неколебимых устоях должно основываться то общение, которое несмотря на все эти истории ничуть не отступает от соблюдения внешних форм, не распадается, которое в то же время сохраняет способность к серьезным обсуждениям и совещаниям! Потребность в возвышенных формах общения была сильнее, нежели что-нибудь другое. При этом нет нужды равняться на идеализированные общества, которые Кастильоне и Пьетро Бембо заставляют размышлять о высочайших ощущениях и жизненных целях: первый - при дворе Гвидобальдо Урбинского, а второй - в замке Азоло. Именно общество Банделло, при всех вольностях, которые оно допускает, задает наилучшую меру

благородных и в то же время непринужденных манер, дружелюбия по отношению ко всему миру и подлинного свободолюбия, а также того духа, того изящного поэтического и любого иного дилетантизма, которые и образовывали душу живую этого кружка. Чрезвычайно важным признаком ценности такого общества является то обстоятельство, что дамы, составлявшие его средоточие, всем этим как раз и славятся и внушают к себе глубокое уважение, да так, что это ни в коей мере не вредит их репутации. Так, например, Изабелла Гонзага, урожденная Эсте (с. 35), принадлежавшая к числу благодетельниц Банделло, возбуждала неблагоприятные для себя пересуды не собственным поведением, но свитой, состоявшей из девиц весьма свободного нрава⁶³. Джулия Гонзага Колонна, Ипполита Сфорца, в замужестве Бентивольо, Бьянка Рангона, Чечилия Галлерана, Камилла Скарампа и другие имели совершенно незапятнанную репутацию, либо, ввиду их общественной значимости, их поведению в прочих отношениях не придавалось ровно никакого значения. Самая знаменитая дама Италии, Виттория Колонна⁴³¹, была в полном смысле святой. Все то специфическое, что общается относительно непринужденного времяпрепровождения этого кружка в городе, на вилле, на купальных курортах, не может быть воспроизведено так, чтобы отсюда недвусмысленно усматривалось его превосходство над обществами остальной Европы. Однако следует прислушаться к тому, что говорит Банделло⁶⁴, и задаться вопросом, было ли возможно что-либо подобное, например, во Франции, прежде чем такие формы общения не были, и именно подобными ему людьми, пересажены туда. Разумеется, также и в ту эпоху все величайшие свершения в области духа происходили без содействия подобных салонов и не принимая их в расчет, однако мы были бы неправы, если бы слишком низко оценили их роль в развитии искусства и поэзии, хотя бы уже потому, что они помогали созданию того, что не существовало ни в одной другой стране: живого участия в произведениях искусств и вынесению их близких по духу суждений. Но даже если не принимать этого во внимание, такой род социальности был совершенно необходимым цветком той определенной культуры и способа существования, которые были свойственны тогдашней Италии, а с тех пор сделались общеевропейскими.

Общественная жизнь Флоренции прежде всего подвержена мощному влиянию со стороны литературы и политики. Лоренцо Великолепный - личность, безраздельно господствующая в своем кругу не в силу своего положения правителя, как могли

бы думать, но своих выдающихся природных качеств, и именно потому, что он предоставляет полную свободу всем этим столь различным между собой людям⁶⁶. Можно видеть, например, как бережно относился он к своему великому домашнему учителю Полициано и как, несмотря на то, что независимый стиль поведения ученого и поэта были лишь с трудом переносимы в условиях необходимых ограничений, накладывавшихся подготовкой дома к переходу в разряд правящих, а также ввиду оглядки на легко ранимую супругу, Полициано все же остается глашатаем и символом славы Медичи. Сам Лоренцо, как и должно Медичи, радуется возможности самолично возвеличить радости своего общения и представить их в монументальной форме. В великолепно импровизированной «Соколиной охоте» он шутивно изображает своих товарищей, а в «Пире»⁶⁶ делает это в истинно бурлескной форме, однако так, что мы в состоянии ощутить возможность также и серьезного общения. Богатые сведения о таком общении дают его переписка и сообщения о его ученых и философских беседах. Другие относящиеся к позднему периоду общественные кружки во Флоренции - это отчасти предающиеся теоретическим рассуждениям политические клубы, которые имеют в то же время также и поэтическую и философскую составляющую, как, например, так называемая Платоновская академия, которая по смерти Лоренцо собиралась в саду у Ручеллаи^{67,432}.

Разумеется, формы общественной жизни при дворах правителей зависели от личности их самих. Однако с начала XVI в. такие общества были чрезвычайно немногочисленны, а те, что существовали, имели весьма незначительный вес в данном отношении. Однако двор, существовавший в Риме при Льве X, являлся обществом настолько необычным, что подобных более невозможно отыскать во всей мировой истории.

Для двора, но в еще большей степени - для себя самого формирует себя придворный, которого изображает Кастильоне. Он является, в сущности, идеальным общественным членом в том его виде, которого как высшего своего достижения требует образованность этого времени, и скорее это двор предназначен для него, нежели он - для двора. Если поразмыслить, такой человек не испытывает нужды ни в каком дворе, поскольку сам обладает даром и манерами совершенного правителя и поскольку его спокойная неаффицированная виртуозность в отношении всех - как внешних, так и духовных - предметов предполагает слишком независимое существо. Внутреннее побуждение, приводящее придворного в движение, направлено,

хотя автор об этом и умалчивает, не на служение правителю, но на собственное совершенство. Один пример поможет это прояснить. Так, на войне придворный не допускает⁶⁸ для себя возможности выполнения даже весьма полезных и связанных с опасностью и самопожертвованием поручений, если они лишены стиля и некрасивы по форме, как, например, захват стада: что подвигает его на участие в войне, это не долг как таковой, но «Гпопоге»^{433*}. Нравственная позиция, занимаемая в отношении государя, которой требует от придворного IV книга, очень свободна и независима. Теория возвышенной любви (в III книге) содержит очень много тонких психологических наблюдений, которые, однако, в лучшем случае могут быть отнесены к общечеловеческой области, и исполненное величия, почти лирическое прославление идеальной любви (в IV книге) не имеет уже ничего общего со специальными задачами всего сочинения. Однако то, какими утонченными оказываются здесь чувства, как и то, какому глубокому анализу они подвергаются, дает нам почувствовать в «Придворном», как и в «Азоланских беседах» Бембо, всю незаурядную высоту достигнутой образованности. Разумеется, воспринимать этих авторов догматически, понимать их буквально ни в коем случае не следует. Но и то, что подобного рода речи действительно произносились в изысканном обществе, не следует ставить под сомнение, в том же, что в этом одеянии перед нами предстает не просто фраза, а подлинная страсть, мы убедимся ниже.

Из внешних навыков от придворного требуется прежде всего совершенство в отношении так называемых рыцарских искусств, а помимо этого - еще многое другое, в чем может возникнуть необходимость лишь при вышколенном, гармонически развитом, основанном на личностном соперничестве дворе, какого за пределами Италии в те времена не существовало. Многое же явно покоится на общем, почти абстрактном понятии совершенства. Придворный должен иметь приличные навыки во всех благородных играх, а также уметь прыгать, состязаться в беге, плавать, бороться. Особенно важно, чтобы он был хорошим танцором и (что ясно само собой) прекрасным наездником. Кроме этого, он должен владеть несколькими языками, по крайней мере итальянским и латинским, и разбираться в изящной литературе, а также обладать вкусом в области изобразительных искусств; в области же музыки от него требуется определенная степень исполнительской виртуозности, которую он должен по возможности держать в тайне. Однако ничто, за исключением одного только оружия, не вызывает по-настоящему серьезного от-

ношения с его стороны: из взаимной нейтрализации многих способностей как раз и возникает абсолютный индивидуум, в котором ни одно свойство не одерживает решительной победы.

Как бы то ни было, с уверенностью можно утверждать, что в XVI в. итальянцы, и в качестве писателей-теоретиков, и учителей-практиков, начали воспитание всей Европы по части благородных телесных упражнений и изысканных манер общения. В отношении верховой езды, фехтования и танцев они задавали тон как посредством изданий с иллюстрациями, так и непосредственного обучения. Тем, кто положил начало обучению гимнастике в отрыве как от военных упражнений, так и от игры в собственном смысле, был, быть может, Витторино да Фельтре (с. 135 сл.), после которого гимнастика так и сохранилась в виде требования высшей воспитанности⁶⁹. Решающим моментом было здесь то, что гимнастике обучали по всем правилам искусства. Однако, разумеется, насчет того, какие именно упражнения тогда существовали и соответствовали ли они тем, что в ходу теперь, мы ничего не в состоянии сказать. Но что помимо силы и ловкости очень большое значение придавалось, как цели занятий, еще и изяществу телодвижений, мы можем утверждать положительно не только на основании известного по прочим сферам способа мышления итальянской нации, но и по некоторым сообщениям. Довольно будет вспомнить великого Федерико да Монтефельтро (с. 36), то, как он по вечерам предводительствовал играми доверенной его попечению молодежи.

Народные игры и состязания у итальянцев в основных чертах не отличались от тех, что имели распространение в других европейских странах. В приморских городах сюда, разумеется, добавлялись еще состязания в гребле, и венецианские регаты славились уже с древности⁷⁰. Классической итальянской игрой была и все еще остается, как известно, игра в мяч, и ею здесь также занимались с большими рвением и блеском, нежели где-нибудь еще в Европе. Однако, разумеется, привести определенные свидетельства в пользу этого предположения невозможно.

В данном месте у нас речь должна пойти и о музыке⁷¹. Еще около 1500 г. сочинение музыки находилось в основном в руках нидерландской школы, которая вызвала восхищение незаурядным искусством и причудливостью своих творений. Однако одновременно с нею существовала также и Итальянская музыка, которая по своему звуковосприятию стоит несколько ближе к современным представлениям. Полстолетия спустя явился Палестрина^{434*}, мощь которого до сих пор продолжает оказывать сильнейшее воздействие на людей. О нем мы также зна-

ем, что он был великим новатором в своей сфере, однако вопрос относительно того, им ли именно или же кем-то еще был сделан решающий шаг в область современного музыкального языка, не решен окончательно настолько, чтобы дилетант мог прийти к какому-либо мнению по данному вопросу. Совершенно оставив в стороне вопрос о композиторском искусстве, мы попытаемся выяснить положение, которое занимала музыка в обществе того времени.

Весьма характерную черту как Возрождения, так и Италии можно усматривать во все большей специализации оркестра, в поиске новых инструментов, т. е. их звучаний и (в тесной связи с этим) в виртуозности, т. е. выявлении индивидуальности в отношении определенных областей музыки и определенных инструментов.

Из музыкальных инструментов, которые в состоянии были воспроизвести весь звуковой диапазон, еще с давних пор широко распространение получил не только орган, встречавший повсюду очень теплый прием, но и соответствующий струнный инструмент - *gravicemballo* или *clavicemballo*^{435*}. Как известно, до нас дошли отдельные их экземпляры, восходящие еще к началу XIV столетия, потому что их украшали своими картинами великие художники. Для слабых ручек женщин из семей правителей инструменты эти делались особенно легкими в обращении. В прочих же отношениях на первый план выдвинулась скрипка, снискавшая себе большую популярность. При дворе Льва X, дом которого еще в бытность его кардиналом был полон певцов и музыкантов, и который пользовался высокой репутацией также в качестве знатока и участника ансамблей, славились еврей Джован Мария и Джакомо Сансекондо. Первому Лев пожаловал графский титул и городок⁷²; полагают, что второй был в виде Аполлона изображен на «Парнасе» Рафаэля. В течение XVI в. составила уже табель о рангах в каждом музыкальном разряде, и Ломатцо^{436*} (около 1580 г.) называет по три приобретших известность виртуоза в области пения, игры на органе, лютне, лире, виоле да гамба, арфе, цитре, рожке и трубе; он выражает пожелание, чтобы их портреты были нарисованы на самих инструментах⁷³. Невозможно себе представить, чтобы столь многостороннее оценочное суждение было высказано в это время где-нибудь вне Италии, хотя повсюду были в ходу почти одни и те же инструменты.

Собственно, большое разнообразие инструментов обязано своим возникновением в первую очередь тому обстоятельству, что в обычае было составление их коллекций - просто ради

забавы. В чрезвычайно музыкальной Венеции⁷⁴ существовало немало таких коллекций, и если сходилась вместе некоторое число виртуозов, прямо тут же устраивался концерт. (В одной из таких коллекций можно было видеть немало инструментов, изготовленных по античным описаниям и изображениям, однако сообщения о том, умел ли кто-либо на них играть и как они звучали, отсутствуют.) Не следует забывать и о том, что некоторые из музыкальных инструментов имели великолепный, нарядный внешний вид и их возможно было чрезвычайно живописно расположить. В силу этого они могли составлять некий дополнительный раздел в коллекциях драгоценностей и художественных произведений.

Сами исполнители, к которым помимо собственно виртуозов относились отдельные любители либо целые составленные из них оркестры, объединялись вместе, составляя корпорации наподобие «академий»⁷⁵. Очень многие художники, работавшие в области изобразительных искусств, были сведущи также и в музыке, нередко достигая в ней высокого мастерства. Людей, занимавших в обществе высокое положение, отговаривали от игры на духовых инструментах по тем же основаниям, которые некогда отвратили от них Алкивиада и Афины Палладу^{437*76}. Изысканное общество любило сольное пение либо пение в сопровождении скрипки, но также и квартет струнных инструментов⁷⁷, а за его многосторонность - клавир. Однако многоголосое пение популярностью не пользовалось, «поскольку куда приятнее слушать, наслаждаться и оценивать один голос». Говоря иными словами, поскольку песня, несмотря на всю принятую в обществе скромность (с. 257), остается демонстрацией возможностей отдельного человека, лучше, если мы будем слушать (и наблюдать) каждого по отдельности. При этом предполагается, что сладчайшие звуки окажут свое действие на слушательницу, а потому людей преклонного возраста недумственно предлагается удерживать от выступлений даже в том случае, если они великолепно играют и поют. Ведь очень важно, чтобы каждый производил гармоническое впечатление как посредством издаваемого им голоса, так и своим внешним видом. В этих кругах совершенно не идет речь о композиции как о самостоятельном искусстве. В то же время случается так, что слова отражали ужасную судьбу самого певца⁷⁸.

Очевидно, этот дилетантизм, характерный как для высших, так и для средних слоев, был в Италии явлением куда более распространенным и в то же время ближе стоящим к искусству в собственном смысле, чем в какой-нибудь другой стране. Вся-

кий раз как речь заходит о каком-либо обществе, тут же дается и описание пения или игры на струнных инструментах, причем описание весьма выразительное. На сотнях портретов изображены люди то совместно музицирующие, то с лютней или чем-то в этом роде в руках, и даже по находящимся в церквах картинам, изображающим ангельские концерты, можно видеть, насколько хорошо знакомое художникам явление представляют собой музицирующие в повседневной жизни. Так, мы знаем о лютнисте Антонио Рота в Падуе (1549 г.), что он составил себе состояние, давая уроки игры, а также напечатал школу игры на лютне⁷⁹.

Можно себе представить, насколько богатым духовно, многосторонним и удивительным был этот музыкальный порыв в то время, когда в опере еще не концентрировался музыкальный гений, превращаясь в род некоторой монополии. Другое дело, что открытым остается вопрос о том, смогли ли бы мы в полной мере насладиться звуками того мира, если бы наше ухо их теперь вдруг услышало.

* * *

Существенным моментом для понимания высших форм общественной жизни Возрождения является выяснение того обстоятельства, что женщина почиталась здесь наравне с мужчиной. Нас не должны вводить в заблуждение встречающиеся время от времени у авторов диалогов хитроумные, а подчас и злобные исследования вопроса о неполноценности слабого пола. Не следует нам обманываться также и сатирой, как, например, третья сатира Ариосто⁸⁰, в которой женщина рассматривается как опасный большой ребенок, с которым мужчина должен уметь управляться, хотя их разделяет непреодолимая бездна. Последнее, вообще говоря, до определенной степени верно: именно *потому*, что образованная женщина находилась на одном уровне с мужчиной, здесь не было места расцвету того явления, возникающего впоследствии в цивилизованном обществе на Севере, что принято называть духовной и душевной общностью или высшим взаимодополнением.

Прежде всего образование женщин высших сословий ничем существенным не отличалось от образования мужчин. У итальянцев во времена Возрождения не возникало ни тени сомнения в том, следует ли давать дочерям и сыновьям совершенно одинаковое воспитание в области литературы и даже филологии (с. 140). Поскольку в этой новоантичной культуре обыкновенно

усматривали высшее жизненное достояние, к нему с готовностью допускали также и девочек. Мы уже видели, какого виртуозного владения латинской речью и письмом достигали даже дочери правителей (с. 145, 149). Другие же должны были разделять с мужчинами по меньшей мере их литературные интересы, чтобы быть в состоянии следить за беседой, которая касалась в те времена главным образом античности. Наконец, сюда примыкало деятельное участие в итальянской поэзии - через сочинение канцон, сонетов и импровизаций, в чем прославился ряд женщин начиная с венецианки Кассандры Федерле (конец XV в.)⁸¹. Витторию Колонна возможно даже считать причисленной к лику бессмертных. Если что-то может служить доказательством выставленного нами выше утверждения, так это упомянутая женская поэзия, совершенно мужская по своему тону. Как любовные сонеты, так и религиозные стихотворения настолько определены и точны по форме, так удалены от нежного мечтательного полумрака и налета дилетантизма, которые вообще-то тяготеют над женской поэзией, что их вполне можно было бы счесть за вышедшие из-под пера мужчины, когда бы значащиеся под ними имена, соответствующие о них сообщения и некоторые содержащиеся здесь высказывания не говорили о противном.

Дело в том, что с получением образования индивидуализм у женщин высших сословий получает развитие совершенно аналогичным образом с тем, как это происходит у мужчин, в то время как за пределами Италии вплоть до самой Реформации женщины, даже те, что сами являлись правительницами, очень редко проявляют свое личное начало. Такие исключительные фигуры, как Изабелла Баварская^{438*}, Маргарита Анжуйская^{433*}, Изабелла Кастильская^{440*} и др. выступают на первый план лишь ввиду совершенно необычных обстоятельств, можно сказать только под принуждением. В Италии же на протяжении всего XV в. жены правителей и особенно кондотьеров обладали своей собственной, характерной именно для них индивидуальностью и делили со своими мужьями как известность, так и славу (с. 389, прим. 3). Сюда же постепенно присоединяется целая когорта приобретших разнообразную известность женщин (с. 98), пускай даже их выделяло лишь то, что их способности, красота, воспитанность, высокая нравственность и благочестие образовывали в некотором роде гармоническое целое⁸². Здесь нет и помина о какой-либо самостоятельной, сознательной «эмансипации», поскольку все было ясно и так. Женщина, принадлежащая к верхнему общественному слою, должна была, как и

мужчина, стремиться к достижению состояния законченной, во всех отношениях совершенной личности. Тот же путь, что был до конца проделан мужчиной в сфере духа и сердца, должна была до конца пройти и женщина. От нее не требуется активной литературной деятельности, а если она становится поэтессой, от нее ждут некоего мощного душевного аккорда, но не обязательно, чтобы то были какие-нибудь интимности в форме дневников или же романов. Эти женщины и не помышляли о публице: прежде всего им следовало производить впечатление на выдающихся мужчин⁸³ и обуздывать их своеволие.

Наибольшей славы удостоивалась в те времена та из великих итальянок, о которой говорилось, что она обладает мужским духом, мужским характером. Достаточно только обратить внимание на совершенно мужской стиль поведения большинства женщин в героических поэмах, например у Боярдо и Ариосто, и мы поймем, что речь здесь идет о вполне определенном идеале. Звание «*virago*»⁴⁴¹, которое в нашем XIX в. возможно воспринимать как вполне двусмысленный комплимент, в те времена служило к одной лишь славе. Его с гордостью носила Катерина Сфорца^{442*}, жена, а впоследствии вдова Джироламо Риарио, наследственное поместье которого Форли она из всех сил обороняла сначала от партии убийц своего мужа, а затем от Чезаре Борджа. Она пала в борьбе, однако завоевала восхищение всех своих соотечественников и звание «*prima donna d'Italia*»⁴⁴³⁸⁴. Героическую жилку такого рода можно узнать и во многих женщинах Возрождения, пусть даже ни одна из них не имела повода проявить свой героизм. В Изабелле Гонзага (с. 35 сл.) эти черты проступают с полной очевидностью.

И уж конечно женщины такого рода были без какого-либо вреда для общественной морали вполне способны на то, чтобы позволить рассказывать в своем кругу новеллы, подобные собранным у Банделло, поскольку духом⁷, господствующим в этом обществе, была не нынешняя женственность, т. е. уважительное отношение к определенным предварительным условиям, интуициям и таинствам, но сознание напряжения и красоты, а также опасной, заряженной роковыми случайностями современности. Поэтому рядом с самыми пристойными формами общежития имеет место нечто такое, что представляется нашему столетию бесстыдством⁸⁵, поскольку мы просто не в состоянии представить себе соответствующий противовес, который являла собой полная мощи личность господствующей в обществе итальянки того времени.

Само собой разумеется, даже собрав все трактаты и диало-

ги, мы не получим определенного утверждения, подобного только что нами высказанному, с какой бы живостью ни обсуждались здесь положение и способности женщин, а также любовь.

Чего, вообще говоря, недоставало этому обществу, так это первоцвета юных девушек⁸⁶, которых совершенно неукоснительно держали в удалении также и в том случае, когда они воспитывались не в монастыре. Трудно сказать, вызывалась ли свобода в речах отсутствием при них девушек или же, напротив, это девушки не допускались к тому, чтобы их слушать, из-за раскованности разговора.

Общение с блудницами в некоторых случаях, кажется, также достигает здесь расцвета, словно стремились возобновить отношения древних афинян с их гетерами. Знаменитая римская куртизанка Империя была женщиной незаурядного духа и образованности, у некоего Доминико Кампана она научилась складывать сонеты, занималась также и музыкой⁸⁷. Прекрасная Изабелла де Луна, испанка по происхождению, считалась по меньшей мере чрезвычайно занимательной, но помимо этого являла собой удивительное соединение добродушия и в высшей степени дерзкой язвительности⁸⁸. В Милане Банделло знал величественную Катерину ди Сан Чельсо⁸⁹, которая великолепно играла, пела и декламировала стихи. И так далее. Все говорит о том, что знаменитые и духовно обогащенные люди, посещавшие этих дам, а подчас с ними жившие, предьявляли к ним запросы также и духовного характера. Отсюда ясно, что с наиболее славными из куртизанок обращались с величайшим почтением, и даже в случае разрыва связи с такой женщиной мужчина прикладывал усилия, чтобы у нее сохранилось хорошее о нем мнение⁹⁰, поскольку былая страсть оставляла по себе неизгладимое впечатление. Однако если говорить в целом, такое общество все же невозможно в духовном отношении поставить на один уровень с дозволенными, официально признанными формами общения, и следы, оставленные им по себе в поэзии и литературе, носят все же преимущественно скандальный характер. Мы совершенно справедливо удивляемся, когда узнаем, что среди 6 800 лиц, принадлежавших к данной категории, обитавших в Риме в 1490 г. (т. е. до прихода сифилиса)⁹¹, не было ни одной женщины высоких духовных качеств и выдающегося таланта. Те, кого мы называли выше, принадлежат к последующему времени. Образ жизни, мораль и философия публичных женщин, а именно стремительная смена пристрастий, корыстолюбие и глубокая страстность, так же как лицемерие и дьявольское коварство у некоторых из них в более зрелом воз-

возрасте, лучше всего изображены Джиральди^{444*} в новеллах, составляющих введение к его «Экатоммити». Пьетро Аретино в своих «Ragionamenti»^{445*}, напротив, рисует скорее свой собственный внутренний мир, нежели внутренний мир того обездоленного класса, которым на самом деле были эти женщины.

Любовниц правителей, как уже было сказано выше при обсуждении княжеской власти (с. 42), изображали в своих произведениях поэты и художники, благодаря чему они становились известны как своим современникам, так и последующим поколениям. В то же время от Алисы Перрье, Клары Деттин (любовницы Фридриха Победоносного^{446*}) до нас дошли одни только имена, а что до Агнес Сорель^{447*}, то о ней существует любовная легенда, скорее вымышленная, нежели истинная. Совершенно по-другому обстояло дело с возлюбленными королей эпохи Возрождения, Франциска I^{448**} и Генриха II^{449*}.

* * *

После общественной жизни нам следует бросить взгляд также и на домашний уклад, характерный для Возрождения. Обычно склонны рассматривать итальянцев того времени как людей совершенно потерянных для семейной жизни вследствие преобладавшего в обществе падения нравов. Данная сторона вопроса будет рассмотрена в следующей главе. Теперь же достаточно будет указать, что супружеская неверность в Италии имела для семьи далеко не столь разрушительные последствия, как это было на Севере - если только при этом не преступали определенные границы.

Домашний уклад нашего средневековья был продуктом господствовавших в обществе народных обычаев или же, если угодно, высшим продуктом естественного развития, основанным на побудительных мотивах развития народа, а также в соответствии образа жизни в зависимости от сословия и состояния. Рыцарство в эпоху своего расцвета совершенно игнорировало быт: жизнь рыцаря протекала в непрерывных переездах от одного двора к другому и в войнах. Рыцарское преклонение принадлежало исключительно посторонним женщинам, а не супругам, происходящее дома же, в собственном замке их не занимало. Возрождение впервые совершает попытку сознательно упорядочить также и домашний уклад, создать из него произведение искусства. Помощь в этом оказывало чрезвычайно высокое развитие хозяйства (с. 58) и рациональное его постро-

ение, но решающим фактором оставалась рассудочная рефлексия относительно всех вопросов совместного проживания, воспитания, организации и обслуживания.

Драгоценным свидетельством этого является принадлежащий Аньоло Пандольфини диалог о ведении домашнего хозяйства⁹². Отец обращается к своим ставшим взрослыми сыновьям и посвящает их во все детали своей деятельности. Мы наблюдаем крупное, богатое домашнее хозяйство, которое, благодаря разумной экономности и умеренности, сулит счастье и благополучие многим последующим поколениям. Основу всего составляет значительных размеров поместье, продуктами которого питается весь дом, а с поместьем соединяется промышленное производство, будь то шелковая или же шерстяная мануфактура. Как жилье, так и питание здесь в высшей степени основательны: все относящееся к домашнему устройству и обстановке должно быть большого размера, прочно и дорого, повседневная жизнь, протекающая же в этих рамках, должна быть возможно более простой. Все дополнительные траты, начиная с огромных расходов на представительство, которых требует фамильное достоинство, и до карманных денег младших сыновей, определяются на совершенно разумных, никак не случайных основаниях. Самым же важным моментом является воспитание, которое глава семейства осуществляет не просто в отношении детей, но всего дома в целом. Сначала он воспитывает свою супругу, превращая ее из робкой, выросшей в предусмотрительной изоляции девушки в уверенную распорядительницу слуг, настоящую хозяйку дома. Затем глава семейства воспитывает своих сыновей - без какой-либо излишней строгости⁹³, но посредством заботливой предусмотрительности и увещаний, «в большей степени на основе авторитета, чем силы». Наконец, что до служащих и слуг, их он также подбирает и обращается с ними в согласии с такими принципами, что они служат с охотой и сохраняют верность дому.

Необходимо подчеркнуть еще одну характерную особенность, раскрытие которой никоим образом не является специальной задачей рассматриваемой книжечки, однако затрагивается здесь с особым воодушевлением: это любовь образованного итальянца к сельской жизни. В те времена на Севере знать обитала в горных замках, а наиболее видные монашеские ордена - в своих наглухо закрытых монастырях. Но богатейшие горожане круглый год проживали в городе. В то же время в Италии, по крайней мере это относится к округе некоторых городов⁹⁴, была отчасти в большей степени обеспечена политичес-

кая и полицейская безопасность, отчасти же стремление к пребыванию вне городских стен было столь велико, что итальянцы мирились с возможными потерями в случае войны. Так возникло сельское жилище обеспеченного горожанина, вилла. В ней вновь оживает драгоценное наследие древнего Рима, как только преуспевание и образованность достигают в народе достаточного уровня.

Наш автор находит на своей вилле счастье и покой; впрочем, на этот счет лучше всего было бы выслушать его самого (р. 88). Если рассматривать дело с чисто хозяйственной стороны, одно и то же поместье должно по возможности производить все: зерно, вино, масло, иметь пастбища и леса (р. 84); такие поместья ценятся чрезвычайно дорого, потому что, купив его, впоследствии больше ничего не нужно покупать на рынке. Однако высшее наслаждение чувствуется во введении к этому предмету. «Вокруг Флоренции в прозрачном как хрусталь воздухе сосредоточено много вилл. Они располагаются на фоне радостного ландшафта, из них открываются великолепные виды; тут редки облака, нет никаких вредоносных ветров. Все здесь хорошо, в том числе и чистая, здоровая вода. А что до построек, то многие своей роскошью и великолепием напоминают княжеские дворцы и замки». Автор подразумевает здесь те образцовые в своем роде сельские дома, большинство из которых было в 1529г. понапрасну принесено флорентийцами в жертву интересам обороны города⁴⁵⁰.

В этих виллах, как и в тех, что расположены были на Бренте, в ломбардских предгорьях, у Посилиппо и Вомеро, формы общения также принимали более свободный характер, нежели в залах городских дворцов. Совместное проживание радушно приглашенных, охота и прогулки на воздухе описываются здесь и там с подлинным изяществом. Иногда сельская жизнь становилась началом глубочайшей духовной работы и благороднейшего поэтического творчества.

* * *

То, что вслед за рассмотрением жизни в обществе мы переходим к описанию праздничных процессий и представлений, не следует объяснять исключительно нашим произволом. Художественное великолепие, обнаруживаемое Италией Возрождения в этой связи⁹⁶, достигалось исключительно в результате сосуществования всех сословий, что также составляет основание итальянского общества. На Севере монастыри, дворы и сословия горожан также, как и в Италии, имели собственные праздники и представления, однако там стиль и содержание были

весьма различны, здесь же на, основе всеобщего образования и искусства, они развились до общей для всех высоты. Декоративная архитектура, оказывавшая помощь этим празднествам, заслуживает того, чтобы ей была посвящена специальная страница в истории искусств, пускай даже нам она представляется исключительно в виде фантастического образа, который приходится составлять на основе описаний. Здесь же мы занимаемся самим праздником как возвышенным моментом народного бытия, когда религиозные, нравственные и поэтические идеалы народа обретают зримый облик. Итальянские праздники в своей высшей форме - это есть подлинный переход от жизни к искусству.

Изначально двумя главными формами праздничного представления, как и повсюду в Западной Европе, были мистерия, т.е. драматизированная священная история или легенда, и процессия, т.е. пышное шествие, устраиваемое по случаю какого-либо связанного с церковью события.

Постановка мистерий осуществлялась в Италии сравнительно с другими странами чаще и в гораздо более роскошной, но также и более благородной форме, вследствие одновременного развития изобразительного искусства и поэзии. В отличие от остальных европейских стран здесь из мистерии сначала выделился фарс, а потом вообще вся светская драма, но уже рано происходит и обособление рассчитанной на создание красивого и пышного зрелища пантомимы с пением и балетом.

Из процессии в итальянских городах, расположенных на равнинах, с их широкими⁹⁶, хорошо вымощенными улицами развился *trionfo*, т.е. костюмированная процессия как на повозках, так и пешком, что первоначально имело в большей степени духовный, а впоследствии - мирской характер. Процессия по случаю праздника Тела Христова и карнавальное шествие имели один общий роскошный стиль, к которому примыкали и выезды государя. Прочие народы также подчас требовали в подобных случаях весьма обширных затрат, однако в Италии выработался способ их в полном смысле художественной подачи, который организовывал и оснащал процессию как осмысленное целое.

В наши дни от этого остались лишь жалкие остатки. И церковные процессии, и выезды правителей почти полностью лишились элемента драматического костюмированного представления, как из опасения насмешек, так и потому, что образованные классы, некогда посвящавшие этому все свои силы, по разным причинам более не испытывают от этого никакой радости. Да и на карнавалах мы не видим теперь больших процессий в масках. То же, что еще сохраняется, как, например, некоторые

духовные маски во время шествий братств, даже сам пышный праздник св. Розалии в Палермо, с полной отчетливостью обнаруживает, насколько далеко от этого ушла высокая образованность.

Праздники достигают своего полного расцвета лишь после того, как современность одержала в XV в. решительную победу⁹⁷, однако и в этом отношении Флоренция идет впереди всей Италии. Во всяком случае здесь уже очень рано существовало распределение обязанностей между городскими кварталами в подготовке общественных постановок, которые предполагали очень большие затраты в художественном отношении. Взять, например, то изображение ада на подмостках и барке, стоявшей на Арно 1 мая 1304 г., когда под зрителями провалился мост Алла Караджа⁹⁸. Равным образом и тот факт, что впоследствии флорентийцы могли разъезжать по остальной Италии в качестве организаторов праздников, *festaiuoli*⁹⁹, доказывает высокую степень совершенства, достигнутую ими ранее у себя в городе.

Если мы попытаемся выделить наиболее существенные преимущества празднеств в Италии перед теми, что имели место за ее пределами, то прежде всего привлекает внимание способность развитого индивидуума изобразить нечто индивидуальное, т.е. способность придумать и носить целостную маску, а также соответственно ей действовать. При этом художники и скульпторы оказывали помощь далеко не в одном украшении места, но и снаряжали соответствующим образом участников, снабжали их костюмами, гримом (с. 245 сл.) и всем прочим. Вторым обстоятельством является всеобщее понимание поэтического фона. В случае мистерий оно было в равной степени велико по всей Европе, поскольку библейские и легендарные истории были загодя известны всем и каждому, но вот что касается прочего, то Италия здесь имела преимущество. Для декламаций от лица священных или светски-идеальных образов она обладала полнозвучной лирической поэзией, которая была способна в равной степени увлечь старого и малого¹⁰⁰. Большинство слушателей (в городах) понимали даже персонажей мифологии и уж во всяком случае с большей легкостью, чем где бы то ни было, разгадывали аллегорические и исторические фигуры, поскольку они заимствовались из общераспространенного образовательного круга.

На данном моменте следует остановиться подробнее. Все вообще средневековье было преимущественно временем аллегорий: его теология и философия до такой степени усматри-

вали в своих категориях самостоятельные существа¹⁰¹, что поэзии и искусству, как кажется, было совсем нетрудно добавить сюда то, чего еще недоставало для превращения их в личности. В этом отношении все страны Запада находились в одинаковом положении: повсюду их умственный мир способен на порождение образов, вот только оформление и атрибуты их, как правило, загадочны и не особенно популярны. Так же зачастую дело обстоит и в Италии, причем и на протяжении всего Возрождения, и после него. Для этого было достаточно, чтобы какой-либо предикат соответствующего аллегорического образа был неверно раскрыт посредством атрибута. Даже Данте несвободен от таких ложных переносов¹⁰², а темнотой своих аллегорий он, как известно, даже в полном смысле слова гордится¹⁰³. Петрарка в своих «Триумфах» по крайней мере дает хотя и краткие, но ясные образы любви, целомудрия, смерти, славы и т.п. В то же время другие перегружают свои аллегии совершенно неудачными атрибутами. Например, в сатирах Винчигуэрры^{104 461*} зависть изображается с «зазубренными железными зубами», обжорство - кусающим свои губы, с растрепанными, взъерошенными волосами и т. д. (последнее, должно быть, затем, чтобы показать, что оно безразлично ко всему кроме еды). Мы не в состоянии подробно останавливаться здесь на том, насколько плохо в случае таких недоразумений приходилось изобразительным искусствам. Им, также как и поэзии, следовало почитать за счастье, если аллегория могла быть выражена при помощи мифологического образа, т. е. художественной формы, гарантированной от абсурда еще самой античностью, когда, к примеру, вместо войны возможно было использовать Марса, вместо страсти к охоте - Диану¹⁰⁵ и т. д.

Однако были в искусстве и поэзии и более удачные аллегии, и что до фигур такого рода, появлявшихся на итальянских праздничных процессиях, в их отношении мы должны предполагать по крайней мере, что публика требовала их ясной и отчетливой характеристики, потому что всем своим образованием она была подготовлена к тому, чтобы в таком виде их понять. За пределами Италии, например, при бургундском дворе, довольствовались чрезвычайно неясными фигурами, подчас символами в чистом виде, потому что принадлежность к знати связывалась с тем, чтобы быть посвященным или таковым казаться. Единственной отрядной аллегорией в случае знаменитого фазаньего обета 1453 г.^{106 452*} была прекрасная молодая всадница, явившаяся в виде Королевы наслаждений. Колоссальные настольные композиции с автоматами или живыми

людьми представляют собой чистой воды игрушки или отягощены плоским и принужденным нравоучительным смыслом. В статуе возле буфета, представлявшей собой обнаженную женскую фигуру, которую охранял живой лев, следовало видеть Константинополь и его будущего спасителя, герцога Бургундского. Все прочее, за исключением одной пантомимы (Ясон в Колхиде), представляется чрезвычайно глубокомысленным либо вовсе бессмысленным. Сам Оливье^{453*}, оставивший нам описание праздника, явился туда костюмированным как «Церковь»: он восседал в башне на спине у слона, которого вел великан, и распевал длинную жалобу по поводу победы неверных¹⁰⁷.

Однако при том, что аллегии итальянских стихотворений, произведений искусства и праздников стояли на более высоком уровне в том, что касается вкуса и стройности картины, они все-таки не составляли сильной стороны. Решающее преимущество¹⁰⁸ состояло скорее в том, что помимо олицетворений общих понятий здесь также знали и множество конкретных исторических представителей этих общих понятий, что имела привычка как к перечислению в стихах, так и изображению средствами искусства многочисленных знаменитых индивидуумов. «Божественная комедия», «Триумфы» Петрарки, «Любовное видение» Боккаччо, - прославленные произведения, именно на том и построенные, но также и помимо них великое, происшедшее через посредство античности, расширение образования ознаменовало нацию с этим историческим аспектом. И теперь эти фигуры появляются также и во время праздничных процессовий как полностью индивидуализированные, определенные маски либо по крайней мере в виде групп, характеристического эскорта главной аллегорической фигуры или основного понятия. При этом приобреталось умение составления групповых композиций, и это в то время, когда на Севере наиболее роскошные представления колебались между ни на чем не основанной символикой и пестрой бессмысленной игрой.

Начнем мы с наиболее, быть может, древнего жанра, а именно мистерий¹⁰⁹. Вообще говоря, в Италии они не отличаются от тех, что происходили по всей прочей Европе. И здесь на городских площадях, в церквях, в обходных галереях монастырей возводились большие подмости, сверху которых находился запирающийся рай, внизу, в некоторых случаях, ад, а между ними - собственно сцена, представлявшая, одно подле другого, все места земного действия драмы. И здесь библейская или легендарная драма нередко начинается с предварительной теологической беседы апостолов, отцов церкви, пророков, си-

вилл и добродетелей, а завершается все, в зависимости от обстоятельств, танцем. Само собой понятно, что полукомические интермеццо с участием восторженных персонажей не были чужеродным явлением также и для Италии, однако здесь этот момент не так грубо, как на Севере, бросается в глаза¹¹⁰. Что до подъема и спуска посредством искусно изготовленных машин, а это составляло основную приманку всякого зрелища, то в Италии эта практика была куда более значительной, чем где-либо еще, и у флорентийцев уже в XIV в. были в ходу язвительные реплики на тот случай, когда не все здесь шло гладко¹¹¹. Вскоре после этого Брунеллески^{454*} изобрел для праздника Благовещения на Пьяцца Сан Феличе тот не поддающийся описанию из-за его усложненности аппарат, который представлял собой небосвод, окруженный двумя ангельскими кругами, откуда спускался Гавриил на миндалевидной машине, Чекка же предложил для подобных празднеств свои соображения и механику¹¹². Духовные братства или городские кварталы, принимавшие на себя материальное обеспечение, а отчасти - и осуществлявшие сами постановки, требовали в зависимости от сумм, которыми они располагали, использования, по крайней мере в больших городах, всех доступных художественных средств. То же самое следует нам предполагать и в том случае, когда в связи с большими праздниками, устраивавшимися правителями, помимо светской драмы или пантомимы ставилась еще и мистерия. Разумеется, двор Пьетро Риарио (с. 74), а также дворы Феррары и др. не допускали, чтобы здесь был недостаток в хоть какой-либо мыслимой роскоши¹¹³. Если мы представим себе артистические дарования и богатые костюмы актеров, изображение мизансцен при помощи идеальных декораций в духе тогдашнего архитектурного стиля, с листовыми орнаментами и коврами, наконец, в качестве задника - великолепные постройки центральной площади большого города или ярко освещенные колонные залы дворца либо большого монастыря, в итоге получится весьма богатая картина. Однако в той же степени, в какой оформление повредило светской драме, высшее поэтическое развитие мистерии как таковой было сковано этим непропорциональным выпиранием страсти к зрелищам. В дошедших текстах мы обнаруживаем чрезвычайно убогий драматический сюжет с отдельными красивыми лирическо-риторическими пассажами, однако здесь и в помине нет того величественного символического размаха, что характерен для «Autos sacramentales» Кальдерона.

Бывало иной раз, что в маленьких городках, при более бед-

ных декорациях воздействие этих духовных драм на душу оказывалось более значительным. Так, однажды¹¹⁴ один из тех великих проповедников покаяния, о которых речь пойдет в последней главе, Роберто да Лечче^{455*}, завершил цикл своих великопостных проповедей во время чумы 1448 г. в Перудже представлением Страстей Господних в страстную пятницу. Участвовало очень мало действующих лиц, однако весь народ рыдал в голос. Разумеется, такие поводы давали возможность для применения средств воздействия, заимствованных из области самого грубого натурализма. Здесь можно видеть параллель картинам Маттео да Сиена^{456*}, лепным фигурам Гвидо Маццони^{467*}: изображавший самого Христа автор должен был появляться на сцене покрытым рубцами от ударов и кровавым потом, и даже с кровоточащей раной в боку¹¹⁵.

Поводы для постановки мистерий помимо определенных больших церковных праздников, бракосочетаний правителей и т. п. могли быть чрезвычайно различными. Когда, например, папа провозгласил Бернардино Сиенского святым (1450 г.), то, видимо, на большой площади его родного города состоялось изображение (*representazione*) его канонизации¹¹⁶, с яствами и питьем для всех присутствовавших. Или ученый монах мог отпраздновать присвоение себе звания доктора теологии постановкой легенды о покровителе города¹¹⁷. Стоило королю Карлу VIII появиться в Италии, как вдовствующая герцогиня Бланка Савойская встретила его в Турине некой полудуховного содержания пантомимой¹¹⁸, в которую было решено включить во-первых пастораль «Закон природы», потом - процессию патриархов «Закон милосердия». Затем шли история Ланселота Озерного и «об Афинах». А лишь только он добрался до Кьери, здесь его вновь ожидала пантомима, представлявшая разрешившуюся от бремени роженицу, окруженную благородными посетителями, явившимися с визитом^{468*}.

Однако если был вообще церковный праздник, претендовавший на то, чтобы по случаю его был приложен максимум усилий, так это праздник Тела Христова, с которым в Испании был связан особый разряд поэзии (с. 271). Что касается Италии, здесь мы имеем великолепное изображение «Corpus Domini»^{459*}, устроенного Пием II в 1462 г.¹¹⁹ в Витербо¹²⁰. Сама процессия, двигавшаяся от колоссального пышного шатра перед Сан-Франческо по главной улице на соборную площадь, была здесь только незначительной частью всего: кардиналы и самые богатые прелаты поделили весь путь между собой и не только снабдили его тентами, настенными коврами¹²¹, венками и т. п.,

но и возвели свои собственные сцены, на которых во время шествия разыгрывались краткие исторические и аллегорические сцены. Из рассказа нельзя до конца уяснить, все ли представляли здесь живые люди или кое-что изображали драпированные статуи¹²², но во всяком случае расходы были весьма велики. Здесь можно было видеть страдающего Христа между поющими мальчиками-ангелами, Тайную вечерю в соединении с образом св. Фомы Аквинского, борьбу архангела Михаила с демонами, ключ, из которого било вино, и оркестр ангелов, Гроб Господень со всей сценой Воскресения. Наконец, уже на соборной площади можно было видеть гробницу девы Марии, раскрывавшуюся после торжественной мессы и освящения: несомая ангелами, Богоматерь с пением поднималась в рай, где Христос ее увенчивал и подводил к предвечному Отцу.

Среди этих разыгрывавшихся на главной улице сцен особо выделялась своей роскошью и неясной аллегорией та, что была устроена кардиналом и вице-канцлером Родриго Борджа (впоследствии Александр VI)¹²³. Помимо этого здесь дает о себе знать тогда лишь зарождавшаяся любовь к праздничным орудийным салютам¹²⁴, которая была в особенности присуща дому Борджа.

Не столь многословен Пий II при описании устроенной в том же году в Риме процессии с полученным из Греции черепом св. Андрея. И в этом случае Родриго Борджа выделился особенной роскошью, а вообще праздник имел в себе нечто мирское, поскольку кроме извечных музыкальных ангелов здесь появились еще и другие маски, в том числе «сильные мужи», т.е. Геркулесы, которые, видимо, демонстрировали гимнастическое искусство в полном объеме.

Представления светского характера либо такие, в которых светский момент преобладал, в особенности проводившиеся при дворах выдающихся правителей, оценивались прежде всего по их пышности в смысле внешнего вида. Отдельные их элементы находились в мифологической и аллегорической связи друг с другом, насколько таковую возможно было с охотой и приятностью усмотреть. Недостатка в вычурности не наблюдалось: гигантские фигуры, из которых вдруг внезапно являлись толпы персонажей в масках, как, например, на встрече государя в Сиене (1465 г.)¹²⁵, когда из нутра золоченой волчицы вышел целый балет в двенадцать человек, оживающие настольные композиции, не имеющие, правда, такого бессмысленного размаха, как у герцога Бургундского (с. 270); однако в большей части всего присутствовал дух художества и поэзии. О смешении драмы с пантомимой при феррарском дворе мы уже гово-

рили по поводу поэзии. Всемирную известность snискали торжества, устроенные кардиналом Пьетро Риарио в Риме в 1473 г. по случаю проезда предназначавшейся в невесты принцу Эрколе Феррарскому Лианоры Арагонской¹²⁶. Драматические представления были здесь еще не чем иным, как просто мистериями церковного содержания, содержание же пантомим - мифологическое. Так, можно было видеть Орфея среди зверей, Персея и Андромеду, Цереру, которую везла упряжка драконов, а Вакха и Ариадну - упряжка пантер, а еще воспитание Ахилла и балет, составленный из знаменитых любовных пар в окружении толпы нимф. Балет был прерван разбойным набегом кентавров, победу над которыми одержал изгнавший их Геркулес. Незначительная и все-таки показательная в отношении господствовавшего в это время художественного вкуса подробность такова. На всех праздниках устраивались тогда изображавшиеся живыми людьми статуи в нишах, на колоннах и триумфальных арках, а также возле них. И когда через какое-то время эти статуи пением и декламацией обнаруживали, что они - живые, им способствовал в этом их естественный цвет и естественное одеяние. В залах же кардинала Риарио находился среди прочего живой, однако полностью вызолоченный мальчик, разбрызгивавший вокруг себя воду из фонтана¹²⁷.

Другие блестящие пантомимы такого рода были устроены в Болонье по случаю свадьбы Аннибале Бентивольо и Лукреции Эсте¹²⁸. Здесь вместо оркестров распевали хоры, самая прекрасная из толпы сопровождавших Диану нимф взлетала к Юноне Пронубе, а Венера со львом, т. е. в данном случае всего лишь переряженным человеком, проходила среди наряженного дикарями балета; декорации при этом очень естественным образом изображали рошу. Пребывание в Венеции в 1491 г. государынь из дома Эсте¹²⁹ сопровождалось торжественной встречей с буцентавром^{460*}, состязаниями в гребле и великолепной пантомимой «Мелеагр» во дворе Дворца дождей. В Милане Леонардо да Винчи¹³⁰ руководил праздниками герцога, а также других важных персон. Одна из его машин, которые вполне могли соперничать с машинами Брунеллески (с 271), представляла собой колоссальной величины изображение небесной системы со всеми ее движениями; всякий раз как какая-либо планета приближалась к невесте юного герцога Изабелле, соответствующий бог выходил из шара¹³¹ и пел сочиненные придворным поэтом Беллинчони^{461*} стихи (1489 г.). На другом празднике (1493 г.) была среди прочего выставлена модель конной статуи Франческо Сфорца, причем выставлена она была под три-

умфальной аркой на дворцовой площади. Из Вазари мы также узнаем, какими хитроумными автоматами помогал впоследствии Леонардо оказать торжественный прием французским королям как повелителям Милана. Однако и в небольших городах иной раз в этих случаях прилагались очень большие старания. Когда герцог Борсо (с. 39) прибыл в 1453 г. в Реджо для приведения города к присяге¹³², он был встречен у ворот большой машиной, при помощи которой св. Просперо, покровитель города, имел вид парящего в воздухе, в тени поддерживавшегося ангелами балдахина, а под ним вращался диск с восемью музыкальными ангелами, двое из которых выпросили у святого ключи от города и скипетр, чтобы передать то и другое герцогу. Далее следовал движимый скрытыми лошадьми помост, на котором возвышался пустой трон, за ним стояла Юстиция, имевшая при себе гения в качестве слуги, а по углам стояли четыре престарелых законодателя, окруженные шестью ангелами со знаменами. С обеих сторон ехали всадники в латах, также со знаменами; само собой разумеется, и гений и богиня не могли дать герцогу проследовать мимо них, к нему не обратившись. На второй повозке, вез которую, как можно полагать, единорог, ехала Caritas^{462*} с пылающим факелом; кроме того, здесь не могли отказать себе в античном удовольствии - зрелище корабля, влекомого спрятанными людьми. Корабль этот, как и обе аллегии, двинулся впереди герцога; однако уже перед Сан Пьетро все вновь остановилось: св. Петр с двумя ангелами слетел к герцогу с фасада в круглом ореоле, увенчал его лавровым венком и снова взлетел наверх¹³³. Клар устроил здесь еще и другую чисто церковную аллегию: на двух столбах стояли «Идолопоклонство» и «Вера»; после того, как последняя, которую изображала прекрасная девушка, произнесла свое приветствие, первый столб обрушился вместе со стоявшей на нем куклой. Далее ждала встреча с «Цезарем» в сопровождении семи прекрасных женщин, представленных им Борсо в качестве добродетелей, к которым тот должен стремиться. Наконец все прибыли в собор, однако после церковной службы Борсо вновь занял снаружи место на высоком золотом троне, и здесь часть уже названных масок вновь его приветствовала. Завершили все три слетевших с соседнего здания ангела, вручившие герцогу под мелодичное пение пальмовую ветвь как символ мира.

Рассмотрим теперь такие праздники, основным элементом которых была сама движущаяся процессия.

Несомненно, с самого раннего средневековья церковные процессии давали возможность для устройства маскарада, будь

то детишки в виде ангелов, сопровождавшие святые дары и святые образы и реликвии, которые носили по городу, или люди, участвовавшие в процессии Страстей Господних, например Христос с крестом, разбойники и воины, жены-мироносицы. Однако уже очень рано с большими церковными праздниками начинает соединяться идея общегородского шествия, с которым в силу наивных средневековых представлений уживается множество мирских моментов. Особенно примечателен перенятый у язычества¹³⁴ корабль-повозка, *carrus navalis*, который, как уже было отмечено в связи с одним примером, мог проводиться в связи с праздниками чрезвычайно разнообразного характера, и чье название сохранилось главным образом в слове «карнавал». Разумеется, такой корабль мог доставлять зрителю удовольствие просто как роскошно разукрашенный объект, без какого-либо сознания прежнего его значения. Так, например, когда Изабелла Английская встретила в Кёльне со своим женихом императором Фридрихом II^{463*}, ее встречала целая вереница влекомых скрытыми лошадьми кораблей-повозок с музицировавшими на них клириками.

Однако церковное шествие могло не только делаться более великолепным посредством всевозможных добавлений, но и быть просто замененным процессией духовных масок. Возможно, поводом для этого послужила уже проходившая по главным улицам города процессия отправлявшихся на мистерию актеров, а в более ранние времена определенный род духовных шествий мог сформироваться также и независимо от этого. Данте изображает¹³⁶ «trionfo»^{464*} Беатриче в сопровождении 24-х старцев Откровения, четырех мистических зверей, трех христианских и четырех главных добродетелей, св. Луки, св. Павла и других апостолов так, что приходится прийти к почти несомненному предположению о том, что такие шествия действительно появились уже очень рано. Это главным образом обнаруживается в самой повозке, на которой едет Беатриче, ибо в ней не только нет никакой необходимости в чудесном лесу видения, но, более того, она здесь совершенно неуместна. Или Данте рассматривал повозку лишь в качестве существенного символа триумфа как такового? И не послужила ли как раз его поэма стимулом к таким процессиям, форма которых была позаимствована у триумфов римских императоров? Как бы то ни было, то был излюбленный символ и для поэзии, и для теологии. Савонарола в своем «Триумфе креста» изображает¹³⁶ Христа на триумфальной колеснице, над ним - сверкающий шар троичности, в левой руке крест, в правой - оба Завета. Ниже

него - Дева Мария, а перед колесницей - патриархи, пророки, апостолы и проповедники; по обе ее стороны - мученики и учителя с раскрытыми книгами, а позади - весь обращенный народ; на большом же удалении - бесчисленные толпы врагов, императоров, властителей, философов, язычников: все они побеждены, идолы их богов разбиты, книги сожжены. (Одна известная в виде гравюры по дереву большого размера композиция Тициана довольно близка к этому описанию.) В 9-й и 10-й из тринадцати принадлежащих Сабеллико (с. 48 сл.) элегий на Богоматерь дается подробное описание ее триумфальной процессии, богато снабженное аллегориями, но главным образом представляющее интерес тем антивизионерским, пространным-конкретным характером, сообщаемым подобным сценам и реалистической живописью XV в.

Однако явлением куда более распространенным, чем эти духовные *trionfi*, были светские, устраивавшиеся непосредственно по образцу римских императорских процессий, как они были известны по античным рельефам, с дополнениями на материалах античных писателей. Исторические воззрения итальянцев той эпохи, с которыми это было связано, обсуждались выше (с. 94, 114 сл.).

Поначалу время от времени устраивались настоящие вступления в город одержавших победу завоевателей, причем вступления эти старались в как можно большей степени приблизить к античным образцам, что шло иной раз вразрез с волей самого триумфатора. Франческо Сфорца достало (в 1450 г.) характера отказаться от уже приготовленной триумфальной колесницы на том основании, что это - предрассудок королей¹³⁷. По крайней мере Альфонс Великий при входе своем¹³⁸ в Неаполь (в 1443 г.) воздержался от лаврового венка, чем, как известно, не погнушался Наполеон при своей коронации в Нотр-Дам^{466*}. Но в остальном процессия Альфонса (через пролом в стене, а затем - по городу до собора) была причудливой смесью античных, аллегорических и комических элементов. Запряженная четырьмя белыми лошадьми повозка, на которой Альфонс восседал на троне, была очень высока и целиком позолочена; двадцать патрициев несли древки балдахина из золотой ткани, в тени которого он ехал. В той части процессии, которую взяли на себя присутствовавшие здесь флорентийцы, впереди скакали элегантные молодые всадники, искусно потрясавшие копыями; за ними ехала повозка с Фортунной и семьей Добродетелей верхом на лошадях. Согласно неумолимой аллегорике, с которой иной раз смирялись также и художники этой эпохи, богиня

удачи¹³⁹ имела волосы только спереди, а позади была лысой, находившийся же на нижнем уступе той же повозки гений, изображавший скоротечность удачи, должен был поэтому держать ноги опущенными в таз с водой (?). Далее следовал снаряженный теми же флорентийцами отряд всадников в костюмах различных народов, также изображавших чужеземных государей и вельмож, а за ними - на высокой повозке, над вращающимся земным шаром - увенчанный лавровым венком Юлий Цезарь¹⁴⁰, итальянскими стихами разъяснивший королю все предшествовавшие аллегии, а потом присоединившийся к процессии. Шестьдесят флорентийцев, все в багрене и пурпуре, завершали эту роскошную демонстрацию своей знающей толк в празднествах родины. Однако затем появился отряд пеших каталонцев с подвязанными сзади и спереди игрушечными лошадьми и вступил в воображаемый бой с отрядом турок, как бы желая осмеять флорентийскую восторженность. Далее проехала огромная башня, двери которой охранял ангел с мечом; наверху стояли опять-таки четыре добродетели, каждая из которых обращалась к королю с особой песнью. В прочем великолепии процессии ничего из ряда вон выходящего не было.

При вступлении Людовика XII в Милан в 1507 г.¹⁴¹ помимо неизбежной повозки с добродетелями имелась еще живая картина: Юпитер, Марс и окутанная большой сетью Италия; далее следовала повозка, груженная трофеями и т. д.

Однако там, где действительность не предоставляла возможности празднования победной процессии, поэзия наверстывала упущенное - и за себя, и за государей. Петрарка и Боккаччо (с. 270) перечислили представителей всех категорий славы в качестве спутников и окружения аллегорического образа; теперь же свитой государей становятся знаменитости всей предшествующей истории. Поэтесса Клеофа Габриелли из Губбио воспела¹⁴² таким образом Борсо Феррарского. Она дала ему в провозатые семь королей (т. е. свободные искусства), вместе с которыми он взошел на колесницу, а затем - целую толпу героев, у каждого из которых на лбу, чтобы их легче было различать, было написано его имя. Затем следовали все знаменитые поэты, а на колесницах ехали боги. И вообще это было время каких-то бесконечных мифологических и аллегорических скачек на колесницах, и на наиболее важном сохранившемся от времени Борсо художественном памятнике, цикле фресок из дворца Скифаноя, мы видим целый фриз соответствующего содержания¹⁴³. Рафаэль, когда он должен был расписывать Camera della Segnatura¹⁴⁴, получил весь этот круг идей уже в

полностью изжитой, опошленной форме. То, каким образом ему удалось вдохнуть сюда новую и уже последнюю благодать, останется предметом нашего вечного изумления.

Собственно триумфальные въезды захватчиков были лишь исключениями. Однако любая праздничная процессия, будь то устроенная с целью придания пышности какому-либо событию, в большей или меньшей степени принимала характер и почти всегда - название *trionfo*. Остается только удивляться тому, что в круг этот не оказались вовлеченными также и погребальные церемонии¹⁴⁴.

Прежде всего, во время карнавалов, а также по другим поводам устраивались триумфы некоторых вполне определенных древнеримских полководцев. Так, во Флоренции это были триумфы Эмилия Павла (при Лоренцо Великолепном), Камилла (при посещении Льва X); устройством того и другого руководил художник Франческо Граначчи^{14 5467*}. В Риме первым устроенным по полной программе праздником такого рода был состоявшийся при Павле II триумф Августа после победы над Клеопатрой¹⁴⁶, на котором помимо потешных и мифологических масок (недостатка в которых не было и во время античных триумфов) присутствовали также и все прочие реквизиты: цари в цепях, шелковые^{468*} таблички с постановлениями народа и сената, костюмированный на античный лад якобы сенат вместе с эдилами, квесторами, преторами и пр., четыре повозки, заполненные поющими масками, и, без всякого сомнения, также еще и повозки с трофеями. Другие процессии воплощали в себе идею бывшего мирового господства римлян в более общей форме, и перед лицом реально существовавшей турецкой опасности бахвальство проявлялось здесь, например, в виде кавалькады пленных турок на верблюдах. Позднее, во время карнавала 1500 г., Чезаре Борджа, дерзко намекая на себя самого, устроил триумф Юлия Цезаря, в котором, приняло участие одиннадцать пышно разукрашенных повозок¹⁴⁷, разумеется, к большому неудовольствию явившихся в Рим по случаю священного года паломников (с. 80). Два общего содержания *trionfi*, очень красивых и носивших на себе отпечаток хорошего вкуса, были устроены двумя соперничавшими между собой обществами во Флоренции в 1513 г. - по случаю празднования избрания Льва X¹⁴⁸. В одном из них изображались три возраста человеческой жизни, в другом - века мировой истории, символически представленные пятью картинами из истории Рима и двумя аллегориями, изображавшими золотой век Сатурна и его конечное возвращение. Полное выдумки оформление повозок, которому

посвятили свои силы великие флорентийские художники, произвело такое впечатление, что было сочтено желательным постоянное периодическое повторение таких представлений. До сих пор подвластные Флоренции города подносили ей в ежегодный день принесения присяги на верность символические подарки (драгоценные ткани и восковые свечи) без каких-либо затей. Но теперь купеческая гильдия распоряжается¹⁴⁹ построить на первый случай десять повозок (к которым впоследствии должны были прибавиться еще много других) - не столько для того, чтобы перевозить дары, но чтобы их символизировать, и Андреа дель Сарто¹⁴⁹, украшавший несколько из них, несомненно придал им самый великолепный вид. Такие повозки для приношений и трофеев становятся теперь реквизитом любого праздничного события, даже в тех случаях, когда расходы устроителей ограничены. Граждане Сиены возвестили в 1477 г. о союзе между Ферранте и Сикстом IV, которому принадлежал также и их город, посредством того, что провезли по городу повозку, со «стоящим в ней, попирая ногами доспехи и оружие, одетым богиней мира человеком»¹⁶⁰.

Что до венецианских празднеств, то здесь вместо сухопутных повозок чудесное, фантастическое великолепие приобрело катание по воде. О выезде буцентавра для встречи государыни из Феррары в 1491 г. (с. 275) рассказывается как о совершенно сказочном спектакле¹⁶¹: перед ним плыли бесчисленные корабли с коврами и гирляндами, в которых сидели роскошно одетые молодые люди; на подвесных механизмах кружились вокруг гении с атрибутами богов; под ними толпились другие, одетые тритонами и нимфами; повсюду слышалось пение, разносился аромат благовоний и развевались вышитые золотом знамена. За буцентавром следовало такое количество судов всех видов, что на пространстве в целую милю не было видно воды. Что касается прочих празднеств, то помимо уже упоминавшейся пантомимы можно еще упомянуть, как о чем-то содержавшем в себе момент новизны, о состязаниях в гребле пятидесяти крепко сложенных девушек. В XVI в.¹⁶² знать была разделена на особые корпорации для устройства празднеств, главный элемент которых представляла собой какая-нибудь колоссальных размеров машина на одном из кораблей. Так, например, в 1541 г. во время праздника «Sempiterni» по Большому каналу двигалось округлое «мироздание», в открытом взорам нутре которого происходил великолепный бал. Карнавал также славился здесь балами, процессиями и представлениями всякого рода. Бывало, что даже площадь св. Марка мог-

ли счесть достаточно большой для того, чтобы устраивать на ней не только турниры (с. 420, прим. 22, 424, прим 70), но и *trionfi* по образу сухопутных городов. В случае одного праздника по поводу заключения мира¹⁶³ благочестивые братства (*scuole*) взяли на себя по части такой процессии. Среди канделябров с красными восковыми свечами, толп музыкантов и крылатых мальчиков с золотыми чашами и рогами изобилия в руках здесь можно было видеть повозку, на которой бок о бок восседали на троне Ной и царь Давид; затем шла Абигейль^{170*}, ведшая нагруженного сокровищами верблюда, и еще - вторая группа, уже политического содержания: Италия между Венецией и Лигурией, а на возвышении - три женщины-гении с гербами заключивших союз государей. Помимо этого везли также земной шар с изображением вокруг него созвездий. На других повозках, если мы правильно понимаем сообщение, везли изображения самих государей в натуральную величину, вместе со слугами и гербами.

Возможно, нигде в XV в. карнавал в собственном смысле слова не являлся зрителям в таком разнообразном обличье, как в Риме¹⁵⁴, если не принимать в расчет большие праздничные процессии. Прежде всего тут устраивались разного рода скачки по чрезвычайно разнообразной программе: были скачки на лошадях, на буйволах, на ослах, а еще - скачки, в которых участвовали старики, молодые люди, евреи и т. д. Еще Павел II угощал массу народа перед Палаццо ди Венеция, в котором обитал. Далее, игры на пьядца Навона, которые, возможно, так никогда полностью и не пресекались со времен античности, имели блестящую военную окраску: то был показательный бой рыцарей и парад вооруженных граждан. Затем чрезвычайно велика была в Риме свобода для ношения масок, длившаяся иной раз по несколько месяцев¹⁶⁶. Сикст IV не испугался того, чтобы проследовать сквозь толпы масок в самых многонаселенных районах города - на Кампо Фиоре и у Банки; уклонился он лишь от планировавшегося посещения масками Ватикана. При Иннокентии VIII имевшая место уже ранее безнравственность кардиналов достигла своего пика: во время карнавала 1491 г. они посылали один другому повозку, полную роскошно разряженных масок, шутов и певцов, декламировавших непристойные вирши; разумеется, сопровождали их всадники. Помимо карнавала римляне первыми, как можно думать, оценили значение грандиозных факельных шествий. Когда Пий II вернулся в 1459 г. с собора в Мантуе¹⁶⁶, весь народ приветствовал его факельной конной процессией, которая светящимся коль-

цом двигалась перед дворцом. Надо сказать, однажды Сикст IV предпочел не принимать такого ночного изъяснения чувств народа, желавшего явиться с факелами и оливковыми ветвями¹⁵⁷.

Однако флорентийский карнавал превосходил карнавал римский в том, что касалось одной определенной категории процессов, оставившей по себе памятник также и в литературе¹⁵⁸. Посреди роя масок - как пеших, так и конных, здесь появляется огромная повозка какой-либо фантастической формы, а на ней - мощный аллегорический образ в одиночку либо с группой подобающих ему попутчиков, например ревность с четырьмя очкастыми физиономиями на одной голове, четыре темперамента (с. 201) с соответствующими им планетами, три Парки, мудрость, господствующая над надеждой и страхом, лежащими перед ней в оковах, четыре стихии, возрасты человеческой жизни, ветры, времена года и т. д.; а также знаменитая колесница смерти с тут же раскрывающимися гробами. А то еще проезжала великолепная мифологическая сцена: Вахх и Ариадна, Парис и Елена и т. д. Или же, наконец, двигался хор людей, представлявших какое-либо состояние, один класс людей, например, нищих, охотников с нимфами, бедные души, бывшие при жизни жестокосердыми женщинами, отшельников, бродяг, астрологов, чертей, продавцов каких-то определенных товаров, а один раз - так даже il rorolo, народ как таковой: все они должны были в своих песнях всячески поносить ту категорию человечества, к которой принадлежали. А сами песни, которые были собраны и сохранились, содержат пояснения к процессии, причем делают это то в патетической, то в остроумной, то в чрезвычайно непристойной форме. Некоторые из особо дерзких приписываются самому Лоренцо Великолепному, вероятно, потому, что истинному автору назвать себя не хватило смелости. Однако Лоренцо наверняка принадлежит чрезвычайно красивая песня к сцене с Ваххом и Ариадной, припев которой, звучащий для нас как приветствие из XV в., содержит жалобное предчувствие краткости великолепия самого Возрождения:

*Quanto è bella giovinezza,
Che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman non c'è certezza*⁴⁸⁰.

Нравы и религия

Разумеется, отношение различных народов к высшим предметам - к Богу, добродетели и бессмертию - до определенной степени взору исследователя открывалось, однако никогда эти отношения не могут быть выстроены в строго параллельные ряды. Чем более явными свидетельствами представляются какие-либо высказывания в этой области, тем в большей степени следует остерегаться безусловного их принятия, их обобщения.

Прежде всего это касается суждений в отношении нравственности. В этой области у различных народов возможно выявить множество частных контрастов и оттенков, однако человеческой пронизательности не достанет на то, чтобы подвести под всем этим итог. Основной баланс национального характера, долг и совесть, остается скрытой от нас величиной уже хотя бы потому, что их недостаток имеет свою оборотную сторону, когда он проявляется просто как некая особенность национального характера и даже добродетель. Пусть тешат себя авторы, с охотой раздражающиеся по адресу народов филиппиками обобщающего характера, да еще составленными в самых энергичных выражениях. К счастью, европейские народы могут дурно друг с другом обращаться, однако судить друг друга они не могут. Великая нация, культура, деяния и переживания которой находятся в тесном переплетении с жизнью всего современного мира, не прислушивается к высказываемым по ее адресу обвинительным или оправдательным приговорам: она продолжает жить дальше, будь то при наличии одобрительных отзывов теоретиков или без него.

Поэтому то, что следует ниже, ни в коей степени не является приговором, но некоторыми замечками на полях, накопившимися в ходе многолетнего изучения итальянского Возрождения. Значение их имеет тем более ограниченный характер, что они относятся преимущественно к жизни высших сословий, от-

носителю которых мы информированы несравненно лучше, чем о сословиях других европейских народов. Однако из-за того, что и слава и осуждение звучат здесь громче, чем где бы то ни было, мы ни на шаг не приближаемся к обобщенному балансу нравственности.

Чей глаз способен проникнуть в глубины, в которых оформляются характеры и судьбы народов? в которых природное и пережитое выливаются в нечто третье и становятся второй, третьей природой народа? где даже те духовные дары, которые на первый взгляд представляются изначально данными, формируются на деле заново, причем сравнительно поздно? Обладал ли уже, например, итальянец XIII в. той легкой живостью и уверенностью целостного человека, той играющей всеми предметами оформляющей способностью в сфере слова и изображения, которые стали ему присущи с тех пор? А если мы не ведаем таких вещей, то как можем мы выносить суждения относительно бесконечно богатых и тонких капилляров, через которые дух и нравственность безостановочно перетекают друг в друга? Разумеется, на свете существует такая вещь, как личная ответственность, и совесть является ее голосом, однако в том, что касается общих суждений, народы следует оставить в покое. Народ, кажущийся больным, может быть близок к выздоровлению, а представляющийся здоровым - может скрывать в себе уже чрезвычайно развившийся зародыш смерти, выходящий наружу лишь с возникновением опасности.

* * *

К началу XVI в., когда культура Возрождения достигла своей вершины и в то же время политические бедствия нации были уже предрешены как практически неизбежные, не наблюдалось недостатка в серьезных мыслителях, связывавших эти бедствия с великой безнравственностью. Речь совсем даже не об этихпроповедниках покаяния, полагающих себя обязанными вопиять о худых временах, - их хватает во всяком народе и в любое время. Нет, сам Макиавелли посреди одного из самых важных своих рассуждений¹ открыто заявляет: да, мы, итальянцы, по преимуществу безрелигиозны и дурны. Кто-нибудь другой возможно бы сказал: «Мы получили преимущественно индивидуальное развитие; раса освободила нас от узких рамок ее нравов и религии, внешние же законы мы презираем, потому что наши правители нелегитимны, а их чиновники и судьи - порочны». Сам же Макиавелли прибавляет к

своим словам: «Потому что церковь в лице ее представителей подает нам самый дурной пример».

Не следует ли нам здесь еще добавить: «Потому что свое негативное воздействие оказала античность?» Как бы то ни было, прежде чем принять такую посылку, необходимо предусмотрительно ее ограничить. Прежде всего об этом возможно говорить в связи с гуманистами (с. 177-178), особенно в отношении их беспорядочной чувственной жизни. Что до прочих людей, то здесь дело с некоторым огрублением возможно охарактеризовать так, что с того времени, как они ознакомились с античностью, на место христианского жизненного идеала, святости, приходит идеал исторического величия (с. 97 прим.). Из-за вполне естественного ложного понимания этого идеала люди начинают считать не имеющими значения также и проступки, несмотря на которые великие люди все же стали великими. Очевидно, происходило это почти неосознанно, потому что если возникает необходимость в том, чтобы привести теоретические высказывания на эту тему, их опять-таки необходимо разыскивать у гуманистов, как, например, у Паоло Джовио, который оправдывает нарушение клятвы со стороны Джангалеаццо Висконти, поскольку посредством этого была обеспечена возможность основания государства, ссылаясь на пример Юлия Цезаря². Великие флорентийские историки и политики совершенно свободны от таких рабских цитат, и то, что представляется античным в их суждениях и поступках, является таковым потому, что сама их государственность по необходимости требовала до некоторой степени аналогичного античности способа мышления.

Но как бы то ни было, в начале XVI в. Италия находилась в глубоком нравственном кризисе, на выход из которого не надеялись даже лучшие люди.

Начнем с того, чтобы выявить наиболее могущественную моральную силу, оказывавшую противодействие злу. Эти высокоодаренные люди полагали, что обрели ее в форме чувства чести, являющегося загадочной смесью совести и самовлюбленности, которую сохраняет современный человек даже тогда, когда он (будь то по собственной вине или без нее) утратил все остальное - веру, любовь и надежду. Это чувство чести уживается с изрядным эгоизмом и великими пороками, оно способно быть введенным в величайшие заблуждения; однако и все то благородное, что еще сохраняется в личности, может на нем основываться, черпая из этого источника новые силы. В гораздо большей степени, чем принято полагать обыкновенно, чувство чести стало решающим мериллом поведения современного индивидуально развитого европейца; более того, и мно-

гие из тех, кто сверх этого сохранил верность обычаям и религии, бессознательно все-таки принимают наиболее важные решения в согласии с этим чувством³.

В наши задачи не входит прослеживание того, какие своеобразные оттенки этого чувства были известны уже античности и как впоследствии средневековые превратили честь в специфическом смысле в удел одного определенного сословия. Мы не беремся также вступать в дискуссии с теми, кто усматривает основную побудительную силу в одной лишь совести, ставя ее на место чувства чести. Верно, было бы куда лучше и приятнее, если бы дело обстояло таким образом, однако как только нам приходится признать, что наилучшие решения берут свое начало «в более или менее омраченной себялюбием совести», то не лучше ли назвать это смешение его настоящим именем? По крайней мере у итальянцев Возрождения бывает иной раз затруднительно отличить чувство чести от непосредственной жажды славы, в которую зачастую оно переходит. И тем не менее в существенных моментах это разные вещи.

В высказываниях на эту тему недостатка нет. Вместо множества других приведем одно особенно отчетливое; оно взято из недавно впервые явившихся на свет⁴ афоризмов Гвиччардини. «Тому, кто ставит честь на высокое место, удастся все, потому что он не страшится трудов, опасностей и затрат; я изведаль это на самом себе, так что могу сказать и написать: тщетны и мертвы те человеческие действия, которые берут свое начало не из этого мощного побуждения». Разумеется, нам следует здесь прибавить, что на основании имеющихся сведений о жизни автора речь в данном случае может идти исключительно о чувстве чести, но никак не о славе в собственном смысле слова. Однако с большей энергичностью, нежели кем-либо из итальянцев, данное обстоятельство было подчеркнуто Рабле. Следует признаться, мы помещаем это имя в наше исследование с крайней неохотой: то, что создано мощным, постоянно вычурным французом, дает нам примерную картину того, как должно было выглядеть Возрождение, лишенное формы и изящества^{5481*}. Однако решающим для нас обстоятельством является изображение им идеального существования в монастыре телемитов с культурно-исторической точки зрения, так что без этой не знающей границ фантазии картина XVI в. была бы неполна. Среди прочего Рабле повествует⁶ об этих своих кавалерах и дамах ордена свободной воли следующее:

En leur reigle n'estoit que ceste clause: *Fay ce que voudras*.

Parce que gens liberaes, bien nayz⁷, bien instructz, conversans en compaignies honnestes, ont par nature ung instinct et aguillon qui tousjours les poulse a faiczt vertueux, et retire de vice: lequel ilz nommoient honneur^{482*}.

Это та же самая вера в благость человеческой природы, которая воодушевляла также вторую половину XVIII столетия и прокладывала путь французской революции. Вот и у итальянцев каждый в отдельности обращается к этому своему благородному инстинкту, и если в общем и целом (главным образом под впечатлением национальных несчастий) суждения на его счет и его восприятие окрашено более пессимистическими тонами, этому чувству чести отводится все же неизменно высокое место. И если уж безграничное развитие индивидуума представляет собой стечение обстоятельств, обладающее всемирно-историческим значением, если оно было более мощным, чем воля отдельного человека, то великое явление представляет собой также и эта действующая в противоположном направлении сила - там, где она является на свет в Италии. Как часто и в борьбе со сколь яростными наскоками самовлюбленности одерживала она победу - мы сказать не в состоянии, а поэтому и вообще нашей человеческой способности суждения недостаточно, чтобы верно оценить абсолютное моральное достоинство нации.

Но что было силой, противостоявшей нравственности наиболее высокоразвитого итальянца эпохи Возрождения в качестве самой существенной и общей предпосылки, так это сила воображения. Это она, в первую очередь, сообщает его добродетелям и порокам своеобразную окраску; это лишь в условиях ее господства его не ведающая никаких границ самовлюбленность достигает полной чудовищности.

Так, из-за собственной фантазии итальянец становится первым в Новое время азартным игроком: она с такой живостью рисует ему картины будущего богатства и связанных с ним удовольствий, что он готов ставить на кон последнее. Несомненно, мусульманские народы обогнали бы его в этом отношении, если бы Коран с самого начала не установил, как средство защиты исламской нравственности, запрет на азартные игры, переключив фантазию своего народа на отыскание запряженных сокровищ. В Италии игорная горячка имела всеобщий характер, и уже тогда она достаточно часто угрожала существованию отдельного человека или даже его рушила. Уже в конце XIV в. Флоренция имела своего Казанову, некоего Буонаккорсо Питти, который в результате по-

стоянных своих поездок в качестве купца, партийного функционера, спекулянта, дипломата и профессионального игрока приобретал и утрачивал вновь такие колоссальные средства, что его партнерами могли быть исключительно государи, такие, как герцоги Брабантский, Баварский и Савойский⁸. Да и колоссальная лотерейная урна, как называли тогда римскую курию, создала у своих обитателей потребность в искусственном возбуждении, с абсолютной неизбежностью находившем себе выход — в промежутках между плетением высоко метящих интриг — в игре в кости. Франческетто Чибо^{483*}, например, как-то за два раза проиграл кардиналу Рафаэле Риарио 14 000 дукатов, после чего жаловался папе, что партнер его обжулил⁹. Впоследствии Италия, как известно, стала родиной организации лотерей.

Фантазия сообщает в Италии специфический характер также и мстительности. С давних пор чувство справедливости стало, пожалуй, чем-то весьма однородным для всего Запада, и его нарушение, поскольку оно остается безнаказанным, воспринимается повсюду здесь одинаково. Однако прочие народы, если они также не склонны к тому, чтобы с легкостью прощать, все-таки способны легче забывать, в то время как итальянская сила воображения способна сохранять картину несправедливости в ее чудовищной свежести¹⁰. То, что кровная месть почитается народной моралью за обязанность, что нередко она влечет за собой самые зверские действия — также придает этой всеобщей мстительности особое основание и опору. Городские правительства и трибуналы признают ее существование и ее оправданность и стремятся класть предел лишь наиболее вопиющим безобразиям. Но и среди крестьян случаются Фиёстовы трапезы^{484*} и широко распространенное взаимное уничтожение: нам стоит только выслушать хотя бы одного свидетеля¹¹.

Трое крестьянских мальчишек пасли коров в местности, называвшейся Аквапенденте, и один из них сказал: давайте испробуем, как вешают людей. Один из них сел на плечи другого, а третий набросил веревку сначала ему на шею, а потом привязал к дубу. Но тут появился волк, и оба мальчика убежали, оставив третьего висеть. После они нашли его уже мертвым и похоронили. В воскресенье пришел отец мальчика — принес ему хлеба, и один из мальчиков сознался ему в том, что произошло, и показал могилу. Старик же зарезал его ножом, распорол живот и забрал печень, а дома угостил ею его отца, после чего объявил ему, чьей печени тот поел. После этого меж двух семейств начались взаимные убийства, и в течение одного месяца жизни лишились 36 человек, как мужчин, так и женщин.

И такие вендетты, передающиеся на многие поколения и распространяющиеся также на побочных родственников и друзей, проникали в самые высшие сословия. Хроники и сборники новелл полны примеров этого, особенно актов мести по поводу обесчещенных женщин. Классическим полем для этого была прежде всего Романья, где вендетта переплеталась со всеми прочими мыслимыми формами межпартийной борьбы. Иной раз сказания с ужасающей яркостью живописуют то озверение, в которое мог впасть этот отважный и сильный народ. Вот, например, история одного видного жителя Равенны, запершего своих врагов у себя в башне, так что он мог бы всех их там сжечь. Однако вместо этого он распорядился их выпустить, после чего обнял и роскошно угостил, они же, впад от стыда в помрачение, составили против него форменный заговор¹². Благочестивые и даже святые монахи неустанно молились о примирении, однако всё, чего они могли добиться, — это несколько ограничить уже начавшиеся вендетты; возникновению же новых им, разумеется, воспрепятствовать было затруднительно. Даже сам папа не всегда мог добиться заключения мира: «Папа Павел II желал, чтобы прекратилась распря между Антонио Кафарелло и домом Альберино; он велел Джованни Альберино и Антонио Кафарелло явиться к себе и приказал им друг друга поцеловать и также объявил им о штрафе в 2000 дукатов, если они снова причинят друг другу ущерб, но через два дня после этого Антонио был заколот тем же самым Джакомо Альберино, сыном Джованни, который его перед этим ранил, и папа Павел был очень недоволен и приказал конфисковать у Альберино имущество, а дома снести до основания и изгнал отца и сына из Рима»¹³. Клятвы и церемонии, посредством которых примирившиеся пытались себя гарантировать от возврата к прежнему, были иной раз совершенно ужасными. Так, когда в 1494 г., вечером в канун Нового года члены партий *pope* и *popolani*^{485*} должны были попарно целоваться друг с другом в Сиенском соборе¹⁴, то по этому поводу была прочитана клятва, согласно которой за всяким, кто ее нарушит в будущем, отрицалось право как на жизненное благополучие, так и на вечное спасение, «клятва столь поразительная и страшная, какой до тех пор еще никому не приходилось слышать»: даже последнее утешение в смертный час должно было обратиться в проклятие для того, кто эту клятву нарушит. Очевидно, что такая клятва в большей степени отражает растерянность посредника, чем действительную гарантию мира, как и то, что именно настоящее примирение в наименьшей степени нуждается в таких словах.

Индивидуальная потребность в мести людей образованных и занимавших высокое положение в обществе, покоящаяся на солидном основании аналогичного народного обычая, разумеется, проявляется в тысяче обличий и находит себе безоглядное одобрение в общественном мнении, выражаемом в данном случае новеллами¹⁶. Весь свет сходится здесь в том, что в отношении тех оскорблений и нарушений, насчет которых тогдашнее итальянское правосудие не давало никакой правовой нормы, и уж тем более в отношении тех, против которых закона не было и не могло быть нигде и никогда, каждый должен сам себе завоевывать такое право. Единственно, что в мести должна присутствовать идейная сторона, так что удовлетворение должно состояться из фактического нанесения вреда и духовного обезоруживания оскорбителя: одна лишь неуклюжая грубая сила не считается в общественном мнении пригодной на то, чтобы доставить хоть какое удовлетворение. Безоговорочную победу должен одержать весь индивидуум в целом, со всей его предрасположенностью к славе и позору, а не один только кулак.

Для достижения цели итальянец того времени был способен на притворство во многих отношениях, однако был вовсе нелицемерен в принципиальных вещах - как перед лицом других людей, так и сам с собой. Поэтому также и месть помещается им, с полным простодушием, в разряд потребностей. Абсолютно хладнокровные люди особенно превозносят месть тогда, когда она, будучи отделена от страсти в собственном смысле слова, является на сцену ради целесообразности в чистом виде - «чтобы прочие люди узнали, что тебя следует оставить в покое»¹⁶. Однако случаев таких было абсолютное меньшинство в сравнении с теми, когда своего удовлетворения искала страсть. Эта месть четко отделяется от кровной мести: в то время как последняя удерживается скорее в рамках возмездия, *ius talionis*^{486*}, первая с необходимостью выходит за ее пределы, поскольку она требует не только согласия с чувством справедливости, но и желает вызвать у окружающих восхищение, а иной раз, в зависимости от обстоятельств - еще и смех.

В этом состоит также и причина зачастую длительной отсрочки. Как правило, «*bella vendetta*»^{487*} требовала для себя сочетания обстоятельств, которого во что бы то ни стало следовало дожидаться. Авторы новелл с неподдельным удовольствием то и дело повествуют о постепенном наступлении таких возможностей.

Нет нужды в разборе моральной стороны действий, при которых истец и судья представляют собой одно и то же лицо. Если

бы эта итальянская мстительность пожелала каким-то образом оправдаться, это могло бы совершиться через доказательство соответствующей национальной добродетели, а именно чувства благодарности: та самая фантазия, которая постоянно освежает в памяти пережитую несправедливость и ее преувеличивает, должна была хранить и воспоминание о приобретенном благе¹⁷. Никогда не сделается возможным осуществить доказательство такого тезиса в отношении целого народа, однако в следах подобного рода нет недостатка в душе итальянского народа. У простых людей сюда можно отнести искреннюю признательность за хорошее обращение, а у высших сословий - хорошую память в вопросах светского обращения.

Эта связь фантазии с моральными качествами итальянцев проступает сплошь и рядом. Если при этом, как кажется, в случаях, когда северяне в большей степени следуют велениям сердца, у итальянцев в большей степени проступает хладнокровный расчет, это связано с тем, что итальянцы получают более раннее и более интенсивное индивидуальное развитие. Там, где это случается также и за пределами Италии, мы сталкиваемся со схожими результатами; например, раннее отчуждение от дома и выход из-под отцовского авторитета в равной степени присущи и итальянской, и североамериканской молодежи. Впоследствии у более благородных натур формируются отношения свободной почтительности между детьми и родителями.

Это вообще необычайно трудная задача - выносить суждения относительно того, что принадлежит к душевной области у других народов. Она может быть чрезвычайно высокоразвитой, однако обладать такими чуждыми формами, что посторонний не сможет этого обнаружить и душевная сфера останется полностью от него закрытой. Может статься, все европейские нации одарены в этом отношении в одинаковой степени.

Однако если где-либо фантазия вмешивается в нравственность в качестве полноправной и своевольной госпожи, то это несомненно происходит в области недозволенного общения полов. Как известно, вплоть до самого появления сифилиса средневековые не гнушались заурядного блуда, сравнительная же статистика различных категорий проституции этого времени не относится к нашей теме. Однако что, как думается, было характерно именно для итальянцев эпохи Возрождения, так это то, что здесь брак и его права попирались в большей степени и с большей сознательностью, чем где-либо еще. На девушек высших сословий, запертых со всей возможной тщательностью, это не распространяется; кто был подвержен страстям, так это замужние женщины.

Замечательно при этом то, что сколько-нибудь заметного упадка института брака несмотря ни на что не происходит и семейная жизнь совершенно не испытывает того разрушения, которое бы имело место в аналогичных условиях на Севере. Налицо было желание жить целиком и полностью по собственному произволу, однако совершенно без отказа от семьи, даже в тех случаях, когда следовало опасаться, что семья эта принадлежит не тебе одному. Да и сама порода при этом ничего не утратила - ни физически, ни духовно, ибо что до того очевидного духовного спада, наступление которого ощущается около середины XVI в., то для него возможно назвать вполне определенные внешние причины политического и церковного свойства, даже если мы не захотим согласиться с тем, что круг возможных творческих достижений Возрождения просто достиг своего завершения. Несмотря на все излишества итальянцы продолжают принадлежать к наиболее здоровым и обладающим наилучшей наследственностью в телесном и духовном отношениях жителям Европы¹⁸ и, как известно, продолжают поддерживать это свое преимущество вплоть до сегодняшнего дня, когда нравы здесь чрезвычайно исправились.

Что удивляет, когда приступаешь вплотную к рассмотрению любовной морали Возрождения, так это бросающаяся в глаза резкая противоположность в высказываниях на эту тему. Авторы новелл и комедий создают такое впечатление, будто любовь заключается исключительно в наслаждении и для его достижения все средства, как трагические, так и комические, не только позволены, но чем они наглее и бесстыдней, тем интересней. А примешься читать лучших лириков и авторов диалогов, обнаруживается, что в них живет благороднейшее углубление и одухотворение страсти, последнее же и самое высокое ее выражение отыскивается в усвоении античных идей об изначальном единстве душ в божественном существе. Причем и то и другое воззрение были тогда истинными и могли уживаться в одном и том же индивидууме. Особо хвалиться здесь нечем, однако это факт, что в современном образованном человеке чувства не только бессознательно существуют на различных уровнях, но бывает, что и сознательно изображаются в соответственном виде, причем иной раз, в зависимости от обстоятельств - и в художественной форме. Лишь человек Нового времени является, как и античный, также и в этом отношении микрокосмом, которым не был и не желал быть человек средневековья.

Для начала следует рассмотреть мораль новелл. В боль-

шинстве из них, как сказано, речь идет о замужних женщинах и, соответственно, о супружеской неверности.

Чрезвычайно важным представляется здесь то упоминавшееся выше (с. 260 сл.) воззрение, согласно которому женщина и мужчина обладают равной значимостью. Высокообразованная, развитая в индивидуальном плане женщина распоряжается собой в Италии с куда большей самостоятельностью, нежели на Севере, и неверность не образует в ее жизни того ужасающего раскола, если только она в состоянии обезопасить себя от последствий. Право супруга на ее верность не имеет здесь того прочного основания, какое оно приобретает у северян через поэзию, а также страсть, сопряженную с ухаживанием и статусом невесты. Здесь молодая женщина вступает в мир после поверхностнейшего знакомства, прямо из-под родительской или монастырской опеки, и лишь теперь необыкновенно стремительно формируется ее индивидуальность. Главным образом такова причина того, что права супруга являются чем-то в высшей степени условным, но даже если кто и рассматривает их как *ius quaesitum*^{488*}, то это распространяется исключительно на внешние поступки, но не на ее сердце. Например, молодая прекрасная собой супруга одного старика отвергает подарки и послания молодого ухажера с непоколебимым намерением утвердить свое доброе имя (*honesta*). «Однако она радовалась любви юноши по причине незаурядных его достоинств, и признавала, что благородная женщина может любить выдающегося человека без ущерба для ее доброго имени»¹⁹. Каким же укороченным, однако, оказывается шаг от таких нюансов до полной готовности отдаться!

На измену жены взирают, однако, как на вполне оправданную меру в том случае, когда сюда добавляется еще и неверность мужа. Высокоразвитая в индивидуальном плане женщина воспринимает измену мужа не просто как горе, но еще и как глумление и унижение, именно как коварство, и теперь она осуществляет, причем зачастую с хладнокровным расчетом, заслуженную мужем месть. Выбор наказания, отвечающего данному случаю, предоставляется ее тактичности. Самая тяжкая обида могла, например, проложить путь к примирению и будущей покойной жизни, если только она оставалась окутанной глубокой тайной. Авторы новелл, узнававшие о таких случаях или измышлявшие их в соответствии с духом своего времени, полны восхищения в тех случаях, когда месть является в высшей степени точно отмеренной, когда она является произведением искусства. Понятно само собой, что супруг никогда по сути

не признает такого права на возмездие, и если с ним примиряется, то лишь из страха или из благоразумия. Когда же эти соображения отпадают, когда муж по причине неверности своей супруги должен был безусловно ожидать либо во всяком случае принять меры против того, чтобы быть осмеянным посторонними - тогда дело приобретало трагический оборот. Нередко за этим следовала сопровождающаяся насилием ответная месть и убийство. В высшей степени характерным подлинным источником этих поступков было то, что помимо самого супруга имеющими право и даже обязанными это сделать считали себя братья²⁰ и отец жены: в последних случаях ревность уже не имеет с этим ничего общего, нравственное чувство участвует тут в меньшей степени, главной же причиной является желание отбить у посторонних охоту позубоскалить. «Ныне, - говорит Банделло²¹, - приходится видеть, как одна женщина, с тем чтобы исполнить свои прихоти, отравляет мужа, поскольку, овдовев, она сможет делать, что ей заблагорассудится. Другая из страха того, что ее недозволенная связь будет открыта, велит любовнику убить супруга. Тут уже вступаются отцы, братья и супруги, чтобы смыть с себя позор при помощи яда, меча и других средств, и все же многие женщины продолжают жить, следуя своим страстям». В другом случае, когда он пребывал в более мягкосердечном настроении, у него вырывается: «О если бы не приходилось ежедневно слышать: этот убил свою жену, потому что заподозрил ее в неверности; тот задушил дочь, потому что она тайно обвенчалась; наконец, кто-то еще велел убить свою сестру, потому что она хотела выйти замуж против его желания! Ведь это ужасная жестокость, что все мы желаем делать то, что приходит нам на ум, но не дозволяем того же бедным женщинам. Когда они делают что-то, что нам не нравится, мы тут как тут с веревкой, кинжалом и ядом. Какая это глупость со стороны мужчин - полагать, что честь их самих и всего их дома зависит от желаний одной-единственной женщины!» К сожалению, исход таких историй можно было предвидеть заранее с такой уверенностью, что новеллист мог отметить находившегося в угрожаемом положении любовника печатью гибели, еще когда он находился в добром здравии. Врач Антонио Болонья²² тайно сочетался браком с овдовевшей герцогиней Мальфи из Арагонского дома; братьям герцогини удалось захватить ее вместе с детьми и умертвить в одном замке, Антонио же, который об этом еще ничего не знал, находился в Милане, где его уже караулили наемные убийцы, и под лютную пел в обществе у Ипполиты Сфорца историю своего не-

счастья. Один друг этого дома, Делио, «рассказал эту историю Шипионе Ателлано вплоть до этого момента и прибавил, что он посвятит ей одну из своих новелл, поскольку он знает наверняка, что Антонио будет убит». То, как это произошло почти что на глазах у Делио и Ателлано, с захватывающей силой изображается у Банделло (I, 26).

Однако до поры до времени новеллисты принимают сторону исключительно лишь всего хитроумного, ловкого и комического, что имеет место при супружеской неверности; с удовольствием изображают они затеваемые в домах прятки, условные подмигивания и записки, заранее снабженные подушками и сладостями сундуки, в которых возможно спрятать любовника, а потом и вынести его из дома, и многое другое. В зависимости от обстоятельств супруг изображается как и без того уже потешная фигура либо как ужасно мстительное существо; третьего не дано, тогда уж жену будут изображать мерзавкой и мегерой, а мужа или любовника - невинными жертвами. При этом можно заметить, что рассказы последней категории не являются новеллами в собственном смысле слова, но лишь ужасными случаями из действительной жизни²³.

С испанизацией итальянской жизни в ходе XVI столетия ревность, и без того уже склонная прибегать к в высшей степени насильственным средствам, еще возросла в своей пламенности, однако ее следует отличать от того имевшего свое основание в самом духе итальянского Возрождения возмездия за неверность, что можно было наблюдать здесь еще прежде. С уменьшением испанского влияния в области культуры достигшая своего пика в конце XVII в. ревность перешла в свою противоположность, в то безразличие, которое рассматривало чичисбея в качестве неизбежной в доме фигуры, а также мирилось с одним или несколькими воздыхателями (*patiti*).

Кто возьмется за то, чтобы сравнить колоссальный объем безнравственности, заключавшийся в описанных взаимоотношениях, с тем, что происходило в других странах? Действительно ли брак во Франции в XV в. был чем-то более неприкосновенным, нежели в Италии? Фаблио и фарсы заставляют нас сильно в этом сомневаться, и следует полагать, что неверность была здесь столь же частой, а вот трагический исход — реже, поскольку индивидуум с его запросами достиг здесь меньшего развития. Скорее можно вести речь о решающем свидетельстве, которым обладают в сравнении с итальянцами германские народы, а именно о той большей общественной свободе женщин и девушек, которая так приятно поражала итальянцев

в Англии и Нидерландах (с. 426 прим. 86). И все же и этому обстоятельству не следует придавать излишне большого веса. Неверность и здесь была, разумеется, весьма нередкой, и люди с более развитой индивидуальностью также доводили ее до трагедии. Стоит только припомнить, как тогдашние северные государи иной раз обходились со своими супругами при малейшем подозрении.

Однако помимо всего недозволенного в кругу итальянцев той эпохи имели хождение не только низменные влечения, не одни лишь тупые вождения заурядного человека, но и страсти благороднейших и лучших людей, причем не потому лишь, что незамужние девушки находились вне общества, но как раз по той причине, что совершенного мужчину сильнее всего привлекало уже прошедшее школу замужества и ею образованное женское существо. Именно эти мужчины коснулись наиболее возвышенных струн лирической поэзии, а также в своих трактатах и диалогах на темы всепоглощающей страсти попытались дать преображенное ее отображение: *l'amor divino*^{489*}. И если они жалуется здесь на жестокость крылатого бога, то это подразумевает не просто жестокосердие возлюбленной или ее холодность, но также и сознание неправомерности связи. Над этим своим несчастьем они пытаются возвыситься посредством того одухотворения любви, которое опиралось на платоновское учение о душе и в лице Пьетро Бембо нашло себе самого знаменитого своего представителя. Мы можем выслушать его самого в третьей книге его «Азоланских бесед», опосредствованно же - через Кастильоне, вкладывающего ему в уста великолепную заключительную речь из четвертой книги своего «Придворного». Оба этих автора вовсе не были стоиками в жизни, однако в те времена дорогого стоило, если человек был в одно и то же время знаменит и имел добрую репутацию, а в обоих этих качествах тому и другому отказать невозможно. То, что было ими высказано, современники восприняли как верную интуицию, а потому и нам не следует относиться к их словам с презрением, как к пустым риторическим фразам. Всякий, кто возьмет на себя труд перечитать речи «Придворного», убедится, в насколько малой степени их изложение способно дать верное о них представление. В Италии жили тогда несколько видных женщин, ставших знаменитыми в основном благодаря отношениям такого рода, например, Джулия Гонзага, Вероника да Кореджо, но прежде всего Виттория Колонна. Родина неутомимейших развратников и едчайших насмешников уважала этот род любви и этих женщин: в их пользу не может быть произнесено что-

то более значительное. И кто может сказать, не было ли в этом что-то и от тщеславия, не доставляло ли Виттории удовольствие просто выслушивать раздающиеся отовсюду изысканнейшие изъявления безнадежной любви со стороны наиболее выдающихся мужчин Италии? И если постепенно обыкновение это вошло в моду, немаловажным обстоятельством для нас является тот факт, что сама Виттория из моды не вышла и что даже в куда более поздние времена она все еще способна была производить чрезвычайно сильное впечатление. Пройдет немало времени до тех пор, когда хоть сколько-нибудь похожие явления возможно будет встретить в других странах.

* * *

И вообще фантазия, которой народ этот обладает в большей степени, чем какой-нибудь другой, является общей причиной того, что всякая страсть протекает чрезвычайно сильно и, смотря по обстоятельствам, становится иной раз преступной в средствах. Хорошо известна сила слабости, которая не способна владеть собой; в данном же случае, напротив, речь идет о вырождении силы. Подчас с этим связано еще и достигающее грандиозных размеров развитие личности: преступление приобретает своеобразную индивидуальную окраску.

Ограничений здесь очень и очень мало. Всякий человек, даже простой народ, ощущает себя вышедшим из-под сферы противодействия со стороны нелегитимного, основывающегося на насилии государства с его полицией, в справедливость же правосудия вообще никто больше не верит. В случае убийства, еще до того, как станут известны ближайшие подробности, всеобщая симпатия произвольным образом направляется на сторону убийцы²⁴. Мужественное, полное гордости поведение перед казнью и во время нее производит такое безграничное изумление, что рассказчики легко забывают упомянуть о том, за что же был приговорен человек, о котором идет речь²⁵. Когда же где-либо к внутренне ощущающемуся презрению к юстиции и ко многим неизбытым вендеттам присоединялась еще и безнаказанность, например во времена политических беспорядков, тогда подчас возникает впечатление, что как государство, так и гражданская жизнь стремительно катятся к распаду. Такие времена знавал Неаполь при переходе из-под власти Арагонского дома под французское, а затем испанское владение^{490*}, извещал их и Милан при многократных изгнаниях и

возвращения Сфорца. На авансцену здесь выходили люди, в глубине души никогда не признававшие ни государства, ни общества, теперь же предоставлявшие своей разбойничьей и чело­веконенавистнической самовлюбленности полную свободу. В качестве примера рассмотрим картину такого рода в меньшем масштабе.

Когда уже в 1480 г. Миланское герцогство было потрясено внутренним кризисом после смерти Галеаццо Мария Сфорца, какая бы то ни было безопасность в провинциальных городах сошла на нет. Так обстояло дело и в Парме²⁶, где миланский губернатор был запуган покушениями на его жизнь и пошел на попятную, выпустив на свободу ужасных людей, так что чем-то привычным стали здесь нападения на жилища, снос домов, убийства среди бела дня, и поначалу скрывавшие лица маска­ми преступники постепенно стали расхаживать поодиночке, впоследствии же что ни ночь по городу шатались большие вооруженные банды. В обращении при этом были дерзкие шутки, сатиры, угрожающие письма, появился и насмешливый направ­ленный против властей сонет, который, по всей видимости, воз­мутил их в большей степени, чем само ужасающее состояние дел. То, что из многих церквей были похищены дарохранитель­ницы вместе с самим причастием, придает этой распоясаннос­ти особенную окраску и направление. Разумеется, никто не в состоянии сказать, что случилось бы в любой другой стране мира даже и сегодня, когда бы правительство и полиция пре­кратили свою деятельность, но самим своим существованием делали невозможным формирование временного управления; однако тому, что происходило в таких случаях в Италии, при­сущ все-таки особый характер из-за того, что здесь значитель­но вмешательство мести.

Вообще Италия эпохи Возрождения оставляет такое впе­чатление, что также и в обычные времена здесь чаще, чем в других странах, происходили тяжелые преступления. Конечно, мы можем быть введены в заблуждение тем обстоятельством, что обладаем насчет Италии куда более конкретными сведени­ями в сравнении со всеми прочими странами и что та же фан­тазия, оказывающая воздействие на реальное преступление, измышляет также и преступление несуществующее. Общее ко­личество совершавшегося насилия было, возможно, одинако­во повсюду. Трудно сказать, была ли человеческая жизнь зна­чительно лучше гарантирована в полной сил, богатой Герма­нии около 1500 г., с ее дерзкими бродягами, напористыми ни­щими и устраивающими засады на дорогах рыцарями. Но как

бы то ни было, можно сказать наверняка, что спланированное, оплаченное, исполняемое чужими руками и ставшее уже про­фессией преступление приобрело в Италии широкое и ужа­сающее распространение.

Если мы обратим взгляд сначала на разбой, то Италия ока­жется, быть может, не в большей степени поражена этим злом, чем большинство северных стран, а некоторые благословенные местности, как, например, Тоскана, страдают им в меньшей сте­пени. Но попадают тут и специфически итальянские фигуры. Затруднительно будет отыскать, например, где-нибудь в другом месте фигуру доведенного своими страстями до озверения, по­степенно ставшего главарем разбойничьей шайки священнослу­жителя, следующий пример чего дает нам среди прочего эта эпо­ха²⁷. 12 августа 1495 года в железную клетку, вывешенную снару­жи башни Сан Джулиано в Ферраре, был заключен священник дон Николо де' Пелегати из Фигароло. Человек этот дважды отслужил свою первую мессу: в первый раз он совершил в тот же самый день убийство, за которое потом получил отпущение греха в Риме. После этого он убил четырех человек и женился на двух женщи­нах, с которыми и ездил. Затем он присутствовал при множестве убийств, одних женщин насилывал, а других силой уводил с со­бой, занимался разбоем в неслыханных размерах, убил еще мно­гих людей и рыскал по феррарской провинции с вооруженной, организованной бандой, убийствами и насилием заставляя пре­доставлять себе еду и жилье. Как подумаешь, что за всем этим стоит, выходит, что за священником этим числится колоссальное количество злодеяний. Вообще тогда среди столь мало контроли­ровавшихся и столь привилегированных лиц духовного звания и монахов было много убийц и других преступников, но второго та­кого Пелегати не было. Нечто в ином роде, хотя здесь тоже не было ничего благовидного, имело место тогда, когда отпетые люди напяливали на себя рясу с тем, чтобы ускользнуть от правосудия, как, например, тот корсар, с которым Мазуччо^{431*} познакомился в одном монастыре в Неаполе²⁸. Относительно того, как в этом от­ношении обстояло дело с папой Иоанном XXIII, более точных све­дений нет²⁹.

Время лично знаменитых главарей разбойничьих шаек на­чинается к тому же лишь позднее, в XVII в., когда политические противоречия, гвельфы и гибеллины, испанцы и французы бо­лее не сотрясали страну: разбойник приходит на смену партий­ному приверженцу.

В некоторых местностях Италии, куда не проникла культура, сельские жители неизменно были готовы к тому, чтобы убить вся-

кого пришельца, который попадетс я им в руки. Так обстояло дело, например, в более отдаленных районах Неаполитанского королевства, где первобытная дикость сохранялась, быть может, со времени римского латифундийного хозяйства, и где имелась полная невинной простоватости тенденция не проводить различия между чужаком и врагом, *hospes* и *hostis*. Люди эти были совсем не безрелигиозными: случилось, что устрашенный пастух являлся в исповедальню, чтобы покаяться в том, что во время поста ему при изготовлении сыра попало в рот две-три капли молока. Разумеется, знавший местные нравы исповедник выводывал у него в связи с этим, что еще ему со товарищи часто доводилось грабить и убивать проезжих, но только это, как нечто не выходящее здесь из порядка вещей, не пробуждало в нем никаких укоров совести³⁰. На то, в состояние какого озверения могли приходиться крестьяне во время политической сумятицы также и в других местностях, было указано в другом месте (с. 418 прим. 127).

Еще более ужасным признаком падения нравов в это время, чем разбой, была частота оплаченных, выполняемых чужими руками преступлений. В этом отношении, по общему признанию, Неаполь превосходил все прочие города. «Нет здесь ничего, что можно было бы купить так дешево, как человеческую жизнь», - говорит Понтано³¹. Однако и в других местностях обнаруживаются ужасающие масштабы таких злодеяний. Разумеется, рассортировать их по мотивам чрезвычайно нелегко, поскольку соображения политической целесообразности, партийной ненависти, личной вражды, мести и страха вступали здесь во взаимодействие. К большой чести флорентийцев следует сказать, что в эту эпоху у них, наиболее высококультурного народа Италии, такое происходит чрезвычайно редко³², возможно, потому, что для легитимных властей здесь еще существовало признаваемое населением правосудие, а может потому, что более высокая культура людей сообщала им иной взгляд на преступное вмешательство во вращение колеса судьбы. Дать себе отчет в том, что всякая пролитая кровь приводит к непредсказуемым последствиям, как и в том, в насколько малой степени может быть уверен зачинщик в определенном и продолжительном выигрыше даже в случае так называемого «полезного» преступления - если на это вообще где-либо были способны, то как раз во Флоренции. После гибели флорентийской свободы убийства из-за угла, главным образом заказные, как кажется, сразу же стремительно участились, и так было, пока правительство Козимо I не набрало такой силы, что его полиция³³ могла уже справляться со всеми преступлениями.

В прочей Италии оплачиваемые преступления совершались реже или чаще в зависимости от того, были ли здесь в наличии платежеспособные высокопоставленные подстрекатели. Никому не могло бы прийти в голову провести в этом отношении статистическое обобщение, однако если даже лишь малая часть всех смертей, которые молва рассматривала как вызванные насильственными причинами, была на самом деле убийствами, то уже это составляет очень значительное число. Государь и правительства подавали в этом отношении самый пагубный пример: они нисколько не колебались, включая убийство в арсенал средств своего всемогущества. Для этого вовсе даже не надо было быть Чезаре Борджа: и Сфорца, и Арагонская династия, а позднее - и марионетки Карла V также позволяли себе все то, что представлялось им целесообразным.

Постепенно народная фантазия до такой степени переполнилась домыслами этого рода, что люди вообще перестали верить в естественную смерть властителей. Конечно, что касается силы действия ядов, люди склонны были составлять себе о них совершенно фантастические представления. Мы склонны верить, что действие ужасного белого порошка (с. 80) Борджа могло быть заранее predeterminedено на какой-то определенный срок, так что действительно *venenum atterminatum*^{492*} мог быть тот яд, который правитель Салерно протянул кардиналу Арагонскому со словами: «Через несколько дней ты умрешь, потому что твой отец, король Ферранте, желал нас всех раздавить»³⁴. Однако отравленное письмо, посланное Катариной Риарио папе Александру VI³⁶, навряд ли было способно отправить его на тот свет, даже если бы он его прочитал; и когда врачи предупреждали Альфонса Великого, чтобы он не читал Тита Ливия, присланного ему Козимо де'Медичи, тот вполне справедливо ответил им, чтобы они прекратили говорить глупости³⁶. И уж тем более исключительно магическим должно было быть действие того яда, которым хотел лишь слегка помазать паланкин папы Пия II секретарь Пиччинино³⁷. Определить, в каком соотношении между собой находились минеральные и растительные яды, не представляется возможным; жидкость, которой лишил себя жизни художник Россо Фьорентино^{493*} (1541 г.) была, очевидно, сильной кислотой³⁸, так что ее невозможно было бы незаметно дать другому человеку. Что до употребления оружия, и прежде всего кинжала, для совершения потаенных преступлений, то, к сожалению, видные деятели в Милане, Неаполе и других городах имели для этого никогда не выходящие из употребления повод и средство, поскольку среди

толп вооруженных людей, в которых они нуждались для собственной защиты, вследствие праздности постоянно формировалась подлинная страсть к убийствам. Многие злодеяния остались бы несовершенными, когда бы господин не знал совершенно точно, что тому или иному человеку из свиты достаточно одного лишь его мановения.

Среди тайных средств, которыми губили людей, встречается (по крайней мере в виде намерения) также и волшебство³⁹, хотя это имеет место лишь в зависящем от иных обстоятельств контексте. Там, где говорится о *maleficii*, *malie*^{494*} и пр., чаще всего речь идет о том, чтобы взвалить на и без того уже ненавистного или вызывающего отвращение индивидуума все мыслимые ужасы. При дворах Франции и Англии XIV и XV вв. губительное, смертельное волшебство играет куда более существенную роль, чем среди высших сословий Италии.

Наконец, в этой стране, где индивидуальность достигает своего пика во всех отношениях, являются также законченные злодеи, которые совершают преступление ради него самого, а не как средство для достижения определенных целей, либо по крайней мере избирают его как средство для целей, выходящих за пределы всякой психологической нормы.

К этим внушающим ужас фигурам принадлежат, как представляется на первый взгляд, некоторые кондотьеры⁴⁰: Браччо да Монтоне^{495*}, Тиберто Брандолино, и еще - Вернер из Урслингена^{496*}, на серебряной нагрудной пластине которого было начертано: «Враг Бога, сострадания и милосердия». Насчет того, что эта категория людей в целом принадлежала к наиболее рано полностью эмансипировавшимся злодеям, можнонисколько не сомневаться. Однако мы перестаем давать им излишне поспешные оценки, как только даем себе отчет в том, что наиболее тяжкое их преступление (по разумению авторов их жизнеописаний) состояло в презрении к церковному отлучению и что уже под этим углом зрения вся личность данного человека озаряется мертвенным и жутким светом. Во всяком случае у Браччо такое умонастроение заходило очень далеко: так он мог прийти в ярость по поводу читающего псалмы монаха и приказать сбросить его с башни⁴¹, «однако к своим воинам он был справедлив и был великим полководцем». Да и вообще преступления кондотьеров чаще всего совершались ради выгоды, под влиянием их в высшей степени деморализованного положения, а казавшаяся преднамеренной жестокость, как правило, имела целью лишь всеобщее устрашение. Злодеяния Арагонской династии имели, как мы видели (с. 29 сл.), основ-

ной своей источник в мстительности и страхе. Мы скорее всего встретим безусловную жажду крови, дьявольское удовольствие, находимое в разрушении, в испанце Чезаре Борджа, жестокость которого в значительной степени превосходила преследовавшиеся им цели (с. 77). Далее, наслаждение злом как таковым наблюдается у Сиджизмондо Малатеста (с. 28 сл. и 146): то приговор не одной лишь римской курии⁴², но и приговор самой истории, признающей его виновным в убийстве, изнасиловании, супружеской неверности, кровосмешении, ограблении церкви, клятвопреступлении и предательстве, причем все это не по одному разу. Однако самое отвратительное, а именно попытка изнасиловать собственного сына Роберто, которой тот избежал, выхватив кинжал^{43 497*}, является, возможно, результатом не развращенности, но астрологического либо магического суеверия. То же самое предположение высказывалось уже для того, чтобы объяснить совершенное Пьерлуиджи Фарнезе из Пармы, сыном Павла III, изнасилование епископа из Фано⁴⁴.

Если нам будет позволено описать черты итальянского характера этого времени согласно тем сведениям, которыми мы на этот счет обладаем относительно высших сословий, результаты будут следующие. Основным недостатком этого характера является, как представляется, также и условием его величия: развитие индивидуализма. Индивидуум отрывается здесь, сначала внутренним образом, от существующей, по большей части тиранической и нелегитимной, государственности, так что все, что он теперь мыслит и делает, считается теперь — неважно, обоснованно или нет — изменой. Видя торжество эгоизма, он берет защиту справедливости в собственных делах в свои руки и из-за осуществляемой им мести подпадает под влияние темных сил, между тем как полагал достичь внутреннего мира. Его любовь обращается прежде всего в направлении другого столь же развитого индивидуума, а именно на супругу его ближнего. В отношении всего объективного, рамок и законов любого рода индивидуум сохраняет чувство собственной независимости и в каждом отдельном случае принимает самостоятельное решение, в соответствии с тем, каким образом находят внутри него общий язык чувство чести и выгода, соображения рассудка и страсть, примиренность и мстительность.

И если самовлюбленность как в широком, так и в наиболее конкретном смысле является корнем и почвой для всякого зла, то уже по этой причине развитой итальянец стоял тогда ближе ко злу, чем любой другой народ.

Однако это индивидуальное развитие низошло на итальян-

ца не по его вине, но по воле всемирно-исторического замысла; более того, оно низошло не только на него, но, в преобладающей своей части через посредство итальянской культуры, - также и на другие народы Западной Европы и является с тех пор высшей средой, в которой они живут. Само по себе это развитие не является ни благом, ни злом, но необходимостью: внутри него развивается современное благо и современное зло, нравственный баланс, существенным образом отличный от того, что свойствен средневековью.

Однако итальянцу Возрождения довелось первым выдержать напор этой новой эпохи. Со свойственной ему одаренностью и страстностью он стал наиболее приметным и показательным представителем этой эпохи со всеми ее взлетами и падениями. Бок о бок с глубочайшей развращенностью развивается благороднейшая личностная гармония и великолепное искусство, которое восславilo индивидуальную жизнь так, как на это не были способны ни античность, ни средневековье.

* * *

В теснейшей связи с нравственностью народа стоит вопрос, как он сознает Бога, т.е. о большей или меньшей вере в божественное руководство миром - пусть даже эта вера предопределяет мир ко благу или страданию и скорой гибели⁴⁵. Итальянское неверие этой эпохи имеет в высшей степени укоренившуюся репутацию и всякий, кто возьмет на себя труд доказательства этого, легко подберет сотни высказываний и примеров. Однако нашей задачей, в том числе и теперь, остается лишь обособление и различение; вынесение окончательного и общего приговора остается для нас непозволительным и в данном случае.

Предшествующая эпоха, созная Бога, имела своим источником и опорой христианство и церковь как выражение его внешней власти. С вырождением церкви люди должны были бы провести между ними различие и продолжать отстаивать свою религию несмотря ни на что. Однако такое требование легче предъявить, чем выполнить. Не всякий народ имеет достаточно спокойствия или душевной тупости для того, чтобы быть в состоянии перенести длящееся долгое время противоречие между принципом и внешним его проявлением. Деградивавшая церковь - вот на кого ложится наитягчайшая ответственность: всеми насильственными средствами отстаивала она замутненное и искаженное в интересах ее всемогущества учение как чистой воды истину, а в

сознании своей неприкасаемости допустила глубочайшее вырождение нравственности. Чтобы утвердить себя в этом состоянии, она наносила смертельные удары по духу и совести народов, многих же высокоодаренных людей, внутренне вышедших из-под ее господства, она толкнула в объятия неверия и озлобленности.

Здесь мы наталкиваемся на следующий вопрос: почему столь могучая в духовном плане Италия не ополчилась на иерархию с большей силой, почему она не смогла произвести Реформацию, подобную немецкой и - до нее?

На это есть выглядящий правдоподобным ответ: настроение, имевшее место в Италии, не смогло подняться выше отрицания иерархии, в то время как немецкая Реформация обязана своим возникновением и неодолимостью позитивным учениям, и прежде всего об оправдании верой и о недостаточной ценности добрых дел.

Действительно, данные учения оказали влияние на Италию лишь со стороны Германии, причем случилось это слишком поздно, когда испанское господство было уже достаточно мощным для того, чтобы все задавить, частью непосредственно, частью же - с помощью папства и его инструментов⁴⁶. Однако уже в очень ранних, происходивших в Италии религиозных движениях от мистиков XIII в. до Савонаролы, присутствовал также и очень сильный момент положительного содержания веры, и если им чего-либо не хватило для того, чтобы достичь зрелости, так это везения, которого также не хватило и в высшей степени позитивному христианскому гугенотству. Вообще говоря, в том, что касается частных, т. е. их начала и протекания, такие колоссальные события, как реформа XVI в., разумеется, не ухватываются никакими историко-философскими дедукциями, пусть даже их необходимость в общем и целом возможно было бы доказать с какой угодно очевидностью. Движения духа, его внезапные вспышки, их распространение и затухание являются и остаются загадкой для нашего взора во всяком случае в той мере, что нам становятся известны лишь те или иные участвующие в этом силы, но мы никогда не знаем их все.

Ко времени высшего расцвета Возрождения отношение высших и средних итальянских сословий к церкви было составлено из глубокого, полного презрения негодования, из приспособленчества к иерархии, поскольку она всеобъемлюще переплетена с внешней жизнью, а также из чувства зависимости от таинств, освящений и благословений. Как некую специфическую особенность Италии мы должны прибавить сюда еще большое индивидуальное воздействие святых проповедников.

Об испытывавшемся итальянцами негодованием по отношению к церковной иерархии, в особенности как оно проявляется в литературе и истории со времен Данте, имеется несколько объемистых трудов. Некоторые замечания о позиции, которую занимало папство по отношению к общественному мнению, нам пришлось уже выше сделать самим (с. 72 сл., 149), а если кто пожелал бы черпать самостоятельно самые сильные места из наиболее прославленных источников, пусть перечитает знаменитые места из «Discorsi» Макиавелли и (необезобразенного) Гвиччардини. Помимо папской курии некоторым моральным уважением могут пользоваться прежде всего некоторые лучшие епископы⁴⁷, а также многие священники; обычные же бенефициарии, регенты и монахи, напротив, почти все без исключения вызывают подозрение и зачастую окружены позорнейшими толками, распространяющимися на все соответствующее сословие.

Утверждалось уже, что из монахов сделали козлов отпущения для всего клира, поскольку только на их счет возможно было насмешничать, ничего не опасаясь⁴⁸. Однако это в высшей степени неверно. Они настолько излюблены новеллами и комедиями потому, что оба этих литературных жанра предпочитают изображать неизменные, хорошо известные типы, в случае которых фантазия с легкостью дополняет то, на что сделан только легкий намек. Кроме того, новелла не щадит также и духовенства в миру⁴⁹. В-третьих, бесчисленные выписки из всей прочей литературы доказывают, с какой открытой дерзостью было принято судить и рядить относительно папства и римской курии, однако мы и не должны ожидать того же от творений свободной фантазии. В-четвертых, в некоторых случаях монахи также были способны на страшную месть.

Верным, однако, является то, что в отношении монахов возмущение было наиболее резким и что они фигурировали в качестве живого примера бесполезности монастырской жизни, всей вообще церковной организации, системы веры и даже религии как таковой, независимо от того, делались ли эти выводы справедливо или нет. Необходимо при этом с большой вероятностью допускать, что Италия сохранила более отчетливую, чем другие земли, память о возникновении двух больших нищенствующих орденов, что здесь все еще сохранялось сознание того, что изначально они были проводниками реакции⁶⁰ против того, что принято называть еретичеством XII в., т.е. первого мощного взлета современного итальянского духа. И, разумеется, духовная полицейская служба, которая на протяжении особенно продолжительного времени была доверена

доминиканцам, не могла вызывать никаких других чувств, кроме ненависти и презрения.

Когда читаешь «Декамерон» или новеллы Франко Саккетти, начинаешь думать, что дерзкие речи против монахов и монахинь ими исчерпаны. Однако во времена Реформации или около того эти речи еще значительно прибавляют в резкости своего тона. Мы охотно оставим Аретино за скобками, поскольку в своих «Ragionamenti» он пользуется монастырской жизнью лишь как предлогом для того, чтобы отпустить на полную свободу свою собственную натуру. Но одного свидетеля, стоящего всех остальных, мы назовем - это Мазуччо в его первых десяти из всех пятидесяти новелл. Они написаны с чувством глубочайшего негодования, причем с той целью, чтобы передать это чувство другим, и посвящены наиболее видным лицам, самому королю Ферранте и принцу Альфонсу Неаполитанскому. Сами истории отчасти восходят к более старинным временам, а некоторые известны уже из Боккаччо; однако некоторые являются отражением ужасной неаполитанской действительности. Одурачивание и эксплуатация народных масс ложными чудесами, да еще в соединении с постыдным образом жизни, приводит здесь думающего читателя в самое безутешное настроение. О странствующих миноритах-конвентуалах^{498*} говорится: «Они обманывают, грабят и развратничают, а там, где им это больше не удастся, они представляются святыми и совершают чудеса, при этом один демонстрирует одеяние св. Винченцо^{499*}, другой - письмо⁶¹ св. Бернардино, а третий - уздечку осла Капистра-но^{500*}». Другие же «обзаваются сообщниками, которые, прикидываясь слепыми или смертельно больными, прикоснувшись к краю их рясы или к проносимым реликвиям, внезапно среди стечения народа излечиваются. Тогда все возглашают: «Misericordia!»^{501*}, звонят во все колокола и составляют пространные радостные отчеты». Случается так, что стоящий среди народа монах дерзко обзывает другого, стоящего за пультом, лжецом; однако внезапно обозвавший чувствует приступ одержимости, после чего проповедник его обращает и исцеляет - комедия да и только! Между тем герой рассказа смог вместе со своим сообщником собрать столько денег, что их хватило на то, чтобы купить у кардинала епископат, где тот и другой очень неплохо устроились. Мазуччо не проводит никакой особенной разницы между францисканцами и доминиканцами, поскольку одни впадают в их ненависть и партийную борьбу, а стоя на городских площадях⁶² люди спорят друг с другом, разделяясь на фран-

цисканствующих и доминиканствующих!» Монахини принадлежат исключительно монахам: стоит только монахине связаться с мирянином, ее сажают в карцер и преследуют, прочие же устраивают с монахами форменные свадьбы, на которых даже распеваются мессы, составляются брачные договоры и подаются роскошные яства и напитки. «Я сам, - говорит автор, - присутствовал там не однажды, но много раз, видел все это собственными глазами и трогал руками. А после такие монахини рожают хорошеньких монашков либо вытравливают плод. Если же кто возьмется утверждать, что это ложь, пускай он обследует выгребные ямы женских монастырей: он обнаружит там не меньшее количество нежных косточек, чем в Вифлееме при царе Ироде». Вот какие и подобные тому вещи скрывает за собой монастырская жизнь. Разумеется, на исповеди монахи друг друга успокаивают и позволяют читать следом за собой «Отче наш» после совершения такого, за что мирянину было бы отказано во всяком отпущении, все равно как еретика. «А потому пусть развернется земля и поглотит таких преступников вместе с их покровителями!» В другом месте Мазуччо, поскольку власть монахов в значительной степени основывалась на страхе перед загробным миром, высказывает чрезвычайно замечательное пожелание: «Не было бы для них лучшего наказания, чем если бы Бог теперь же упразднил чистилище: тогда они больше не могли бы жить милостыней и вынуждены были снова взяться за кирку».

Если при Ферранте и, более того, даже обращаясь непосредственно к нему самому, можно было писать такие вещи, то, вероятно, это было связано с тем, что король был озлоблен одним сфабрикованным специально для него ложным чудом⁶³. При помощи сначала захороненной, а потом откопанной вновь возле Таренто свинцовой таблички его попытались принудить начать схожее с тем, что имело место в Испании, преследование евреев, а когда он усмотрел подлог, ему было оказано сопротивление. Также он разоблачил одного лже-постника, как это сделал как-то до него его отец король Альфонс. По крайней мере двор Ферранте никоим образом не был повинен в тупой суеверности⁶⁴.

Мы выслушали автора, который знал, что делает, и он - далеко не единственный в этом роде. Насмешки и издевательства над нищенствующими монахами встречаются в массовом порядке и пронизывают всю литературу⁶⁵. Почти не приходится сомневаться в том, что в недолгом времени Возрождение бы с этими орденами разделалось, не случись немецкая Реформация, а за ней - Контрреформация. Их с большим трудом спас-

ли их популярные проповедники и их святые. Ведь дело стояло лишь за тем, чтобы в нужный момент договориться с таким папой, который презирал нищенствующие ордена, например, со Львом X. Если дух времени находил их исключительно комическими или же отвратительными, то и церкви они были только в тягость. И кто знает, что должно было бы произойти с самим папством, когда бы Реформация его не спасла.

Властные полномочия, которыми пользовался отец-инквизитор доминиканского монастыря в отношении соответствующего города, были к концу XV в. все еще достаточно велики, чтобы доставлять беспокойство образованным людям и вызывать их возмущение, однако невозможно было дальше насильем принуждать людей к постоянному страху и преданности⁶⁶. Просто, как это было раньше, наказывать людей за образ мыслей (с. 189 ел.) более было невозможно, а уж по поводу ошибочного учения тому, кто нисколько не сдерживался в высказываниях по поводу всего клира как такового, защититься ничего не стоило. Если только поддержки не оказывала мощная партия (как в случае Савонаролы) или не должно было быть наказано злое волшебство (как это часто имело место в городах Верхней Италии), в конце XV и начале XVI в. дело редко доходило до костра. В большинстве случаев, как представляется, инквизиторы довольствовались в высшей степени поверхностным отечением, в других же случаях бывало и так, что приговоренного забирали у них из рук уже по дороге на место казни. В 1452 г. в Болонье священник Никколо да Верона был как некромант, заклинатель дьявола и осквернитель причастия уже лишен сана на деревянном помосте перед собором Сан Доменико и теперь должен был быть отведен к костру на площади, когда по дороге его освободила толпа людей, посланная иоаннитом Акиле Малвецци, известным приятелем еретиков и растлителем монахинь. Легат (кардинал Виссарион) смог впоследствии задержать лишь одного из этих людей, который был повешен; Малвецци же продолжал преспокойно жить дальше⁶⁷.

Замечательно то, что высшие ордена, т. е. бенедиктинцы с их ответвлениями, несмотря на большее их богатство и благополучное существование, вызывали у всех куда меньшее отвращение, чем ордена нищенствующие: из десяти новелл, в которых говорится о *fratī*, лишь в одной в качестве предмета и жертвы избирается топасо. Немаловажным обстоятельством, шедшим этим орденам на пользу, было то, что они были старше, основаны без полицейских целей и не вмешивались в частную жизнь людей. Среди них встречались благочестивые, уче-

ные и одаренные духовно люди, однако один из них, Фиренцуола⁶⁸, описывает среднего монаха следующим образом: «Эти упитанные, в широких рясах люди проводят свою жизнь не в том, чтобы шататься босиком и молиться, нет, они сидят, обутые в изящные кордуановые туфли в красивых кельях, отделанных кипарисовыми панелями, сложив руки на животе. А когда им приходится потрудиться - оторваться от сидения, они с большим удобством едут на вьючных животных и сытых лошадаках - все равно как бы для моциона. Они не слишком-то изнуряют свой дух изучением многих книг, опасаясь, как бы знание не внушило им вместо монашеской простоты люциферовскую надменность».

Всякий имеющий представление о литературе этого времени признает, что здесь нами было сообщено лишь самое необходимое для понимания предмета⁶⁹. То, что такая репутация мирского клира и монахов в глазах огромного числа людей должна была потрясти веру в священное как таковое, представляется самоочевидным.

Какие ужасные суждения приходится здесь услышать! Мы сообщим лишь кое-что из напечатанного совсем недавно и пока еще мало известного. Гвиччардини, летописец и на протяжении многих лет служащий у пап из рода Медичи, говорит (в 1529 г.) в своих афоризмах следующее⁶⁰: «Нет человека, который бы питал большее отвращение к тщеславию, корыстолюбию и распутству священнослужителей, нежели то, которое испытываю я - как потому, что каждый из этих грехов достоин ненависти сам по себе, так и потому, что и каждый из них в отдельности, и все они вместе мало приличествуют людям, причисляющим себя к сословию, находящемуся в особой зависимости от Бога, и, наконец, потому еще, что все эти грехи находятся в таком противоречии друг с другом, что их соединение вместе возможно лишь во всецело извращенных личностях. И все же положение, занимаемое мной при многих папах, заставляет меня желать их величия - ради моей собственной выгоды. Но если бы не данное соображение, я любил бы Мартина Лютера как самого себя - не с тем, чтобы освободиться от законов, которые накладывает на нас христианство в том виде, как оно, вообще говоря, объясняется и понимается, но чтобы увидеть, как этой шайке мерзавцев (*questa caterva di scelerati*) будет указано на подобающее ей место, так чтобы они вынуждены были жить не греша либо лишиться власти».

Кроме того, тот же самый Гвиччардини полагает⁶¹, что мы пребываем в потемках в отношении всего сверхъестественно-

го, что философы и теологи произносят относительно всего этого одни только глупости, что чудеса происходят во всех религиях, что они не являются каким-то особым свидетельством в пользу какой-либо из них, а в конечном итоге сводятся к еще непознанным природным явлениям. Такое явление, как вера, способная сдвигать с места горы, которая обнаруживалась тогда у сторонников Савонаролы, он отмечает как нечто любопытное, хотя и не сопровождает едким замечанием.

Однако перед лицом таких настроений клир и монашество обладали также и немалым преимуществом - тем, что к ним все привыкли и что их существование соприкасалось и переплеталось с существованием каждого человека. Это - преимущество, которым издавна обладают в мире все древние и наделенные властью учреждения. У всякого был родственник в сутане священника или в монашеской рясе, определенные надежды на протекцию или будущий доход из церковных средств, а в самом сердце Италии обреталась римская курия, которая иной раз делала своих людей по-настоящему богатыми. Однако следует подчеркнуть еще и еще раз, что все это нисколько не накладывало ограничений на языки и перья. Авторы кощунственных сатир - по большей части сами монахи, бенефициарии и пр. Поджо, написавший «Фацетии», был клириком, Франческо Берни имел каноникат, Теофило Фоленго был бенедиктинцем⁶², Маттео Банделло, высмеивавший собственный орден, был доминиканцем и даже внуком генерала этого ордена. Что ими двигало - чрезмерное ощущение собственной безопасности? Или потребность отделить свою личность от дурной славы всего сословия? Или же пессимистический эгоизм под девизом: «На наш век хватит»? Быть может, здесь имелось что-то от этого всего. В случае Фоленго, разумеется, чувствуется уже вполне явное воздействие лютеранства⁶³.

Зависимость от благословений и таинств, о которой уже была речь (с. 73) в связи с папством, сама собой разумеется, если говорить о верующей части народа. Что касается людей свободомыслящих, то в них эта зависимость является признаком и свидетельством как мощи юношеских впечатлений, так и неодолимой магической силы привычных символов. Потребность умирающего - кем бы он ни был - в священническом причастии доказывает наличие остатков страха перед адом даже у такого человека, каким был этот самый Вителлоццо (там же). Более поучительный пример, чем этот, отыскать нелегко. Церковное учение о *character indelebilis*⁵⁰² священника, согласно которому его личность не имела совершенно никакого значения, принес-

ло хотя бы такие плоды, что и в самом деле возможно было относиться к священнику с отвращением и в то же время жадать его духовных даров. Разумеется, встречались и упрямцы, такие, например, как правитель Мирандолы Галеотто^{64 503*}, который умер в 1499 г. после длившегося уже 16 лет отлучения от церкви. Из-за него также и весь город в течение всего этого времени находился под действием интердикта, так что здесь ни мессу не служили, ни покойников не отпевали.

Однако совершенно блестящим рядом со всеми этими неоднозначными моментами представляется отношение нации к ее великим проповедникам покаяния. Всю остальную Западную Европу также время от времени брали за живое речи святых монахов, однако разве может это быть поставлено рядом с регулярными потрясениями итальянских городов и местностей? Кроме того, например, единственным, кто произвел в Германии в XV в. подобное впечатление⁶⁵, был уроженец Аbruцц, а именно Джованни Капистрано. Души, носящие в себе такой колоссальный заряд серьезности и религиозного призвания, тяготеют на Севере к интуитивному и мистическому складу; на Юге же они экспансивны, деятельны, исполнены свойственно этой нации высокого уважения к языку и речи. Север создает «Подражание Христу»^{604*}, действующее в тишине, поначалу в одних только монастырях, однако действующее на протяжении столетий; Юг же дает людей, способных оказывать на ближних колоссальное непосредственное впечатление.

Впечатление это в существенной своей части основывается на пробуждении совести. То были нравственные проповеди, лишённые какой бы то ни было абстрактности и полные конкретной применимости к жизни, да еще поддержанные освященной, аскетической личностью, и уж на их основе, при посредстве пришедшего в волнение воображения, происходили чудеса - даже против воли самого проповедника⁶⁶. Наисильнейшим доводом были не столько угрозы чистилищем и адом, сколько чрезвычайно живое изложение *maledizione*, т. е. мирского, действующего непосредственно на личность проклятия, связанного со злом. Тот, кто огорчает Христа и святых, пожнет плоды этого в своей жизни. Лишь так возможно было привести к раскаянию и покаянию погрязших в страстях, клятвах отомстить и преступлениях людей, что, собственно, и являлось здесь основной целью.

Так проповедовали в XV в. Бернардино да Сиена, Альберто да Сарцана^{506*}, Джованни Капистрано, Джакопо делла Марка, Роберто да Лечче (с. 272) и др.; наконец - Джироламо Савона-

рола. Ничто не вызывало в народе столь сильного предубеждения, как нищенствующие монахи, однако эти люди его преодолели. Надменные гуманисты критиковали их и осмеивали; однако стоило этим проповедникам возвысить голос⁶⁷, как все мгновенно и думать забывали о гуманистах. Дело это не было чем-то новым, и столь склонный к насмешливости народ, как флорентийцы, уже в XIV в. научился третировать таких проповедников в карикатурном их варианте, стоило им только появиться здесь за пультом⁶⁸. Однако когда явился Савонарола, он до того их увлек, что вскоре все их любимое образование и искусство обращалось в золу на разведенном им всеочищающем костре. Даже сильнейшая профанация со стороны лицемерных монахов, которые при помощи сообщников были в состоянии в любой момент вызвать у своих слушателей умиление и его распространить (ср. с. 308), не могло повредить самому делу. Люди продолжали потешаться над пошлыми проповедями монахов с вымышленными чудесами и демонстрацией поддельных реликвий⁶⁹ и относиться с глубоким уважением к подлинно великим проповедникам покаяния. Все это можно считать чисто итальянскими особенностями XV в.

Орден таких проповедников (это, как правило, орден св. Франциска, причем относящийся к так называемой *observantia*^{506*}) посылает их, смотря по обстоятельствам, туда, где в них возникает потребность. Происходит это главным образом в случае глубоких общественных или частных раздоров в городах, а также, разумеется, при ужасающем подъеме чувства небезопасности и безнравственности. Однако если слава проповедника растет, его желают видеть у себя уже все города, без особого для этого повода: он отправляется туда, куда его посылают начальники. Особым ответвлением этой деятельности является проповедь крестового исхода против турок⁷⁰; однако мы в данном случае в основном имеем дело с проповедью покаяния.

Последовательность проповедей, если методически их рассмотреть, представляется опирающейся на принятое в церкви перечисление смертных грехов; однако чем более тревожно создавшееся положение, тем скорее проповедник переходит непосредственно к своей основной цели. Выступления его начинаются, может быть, в одной из чрезвычайно обширных церквей ордена или в соборе; однако уже в скором времени самая большая городская площадь оказывается слишком маленькой для стекающегося со всей округи народа, и, случается, с таким скоплением людей бывает связана опасность для жизни самого проповедника⁷¹. Как правило, проповедь заканчивается ко-

лоссальной процессией, однако первые лица в городе, окружающие его в этом случае со всех сторон, лишь с трудом могут защитить его от людей, целующих ему руки и ноги и отрезающих куски от его ярысы⁷².

Первым успехом, добиться которого оказывается легче всего, после того как были произнесены проповеди против ростовщичества, спекуляции и безнравственной моды, является отвержение темниц, т. е. выпуск на свободу, разумеется, одних лишь бедняков, посаженных за долги, и сожжение предметов роскоши и орудий, служивших как для опасного, так и безобидного времяпрепровождения: здесь оказывались кости, карты, всякого рода игры, «личины», музыкальные инструменты, пеньники, записанные волшебные заклятия⁷³, фальшивые шиньоны и пр. Несомненно, все это красиво раскладывалось на помосте (talamo), наверху укреплялась еще фигура дьявола, после чего зажигался огонь (ср. с. 245).

После этого дело доходит до более закоренелых сердец: тот, кто давно уже не исповедовался, исповедуется теперь. Возвращается несправедливо удержанное имущество, чреватые бедой поносные речи берутся обратно. Такие ораторы, как Бернардино да Сиена⁷⁴, очень прилежно и буквально вникают в дела повседневного человеческого общения и его нравственную сторону. Немногие сегодняшние теологи могли бы попытаться произнести утреннюю проповедь хотя бы о «договорах, возмещениях, государственных откупках (monte) и выдаче замуж дочерей» - подобную той, что была однажды произнесена Бернардино во Флорентийском соборе. Непредусмотрительные проповедники легко совершают при этом ошибку, начиная с такой горячностью обрушиваться на отдельные категории людей, ремесла и должности, что возмущенные души слушателей тут же начинают искать возможности дать себе разрядку в практических действиях против них⁷⁵. Одна из проповедей Бернардино да Сиена, произнесенная им однажды (в 1424 г.) в Риме, имела помимо сжигания на Капитолии украшений и колдовских средств еще и другое следствие. «После этого, - говорится здесь⁷⁶, - была также сожжена ведьма Финичелла, потому что с помощью дьявольских средств она умертвила многих детей и околдовала многих людей, и весь Рим сошелся туда, чтобы на это посмотреть».

Однако основная цель проповеди, как было замечено выше, состояла в умиротворении раздора и в отказе от мести. Цель эта достигалась, как правило, лишь к концу цикла проповедей, когда поток всеобщей готовности к покаянию постепенно увле-

кал за собой весь город, когда сам воздух сотрясался⁷⁷ от крика всего народа: «Misericordia!» Тогда приходил черед радостных мирных договоров и объятий - даже в том случае, если противоборствующие партии разделяла череда взаимных убийств. Ради такого святого случая уже изгнанным из города позволялось специально для этого сюда возвратиться. Кажется, такие «расі»⁵⁰⁷ в основном соблюдались даже тогда, когда проходило возвышенное настроение умов, и в этом случае память о монахе благословлялась на протяжении многих поколений. Однако случались и зверские, чудовищные кризисы, как, например, между семействами делла Балле и Кроче в Риме (1482 г.), когда сам великий Роберто да Лечче напрасно возвышал свой голос⁷⁸. Незадолго до Страстной недели он еще обратился с проповедью на площади перед Минервой⁵⁰⁸ к бесчисленной собравшейся там толпе; однако в ночь перед Великим четвергом⁵⁰⁹ произошел ужасный уличный бой перед дворцом делла Балле возле гетто. Наутро папа Сикст отдал приказание снести этот дом до основания, после чего отслужил обыкновенные для этого дня службы. В Страстную пятницу Роберто, с распятием в руках, снова выступал с проповедью; однако он, как и его слушатели, мог только рыдать.

Склонные к насилию, находившиеся в разладе с самими собой натуры зачастую под впечатлением проповедника покаяния принимали решение уйти в монастырь. Среди них было много разбойников и преступников всех разновидностей, а также много безработных солдат⁷⁹. Здесь играло роль восхищение, заставлявшее людей попытаться в меру сил приблизиться к святому монаху хотя бы в смысле внешней жизненной позиции.

Наконец, завершающая проповедь является отчетливо пронизосимым благословением, смысл которого заключается в словах: *La pace sia con voi*⁵¹⁰! Большие толпы сопровождают проповедника в соседний город и слушают там весь цикл его проповедей еще раз.

При той колоссальной силе воздействия, которой обладали эти люди, клиру и правительствам желательно было не иметь в их лице хотя бы противников. Одним из средств для достижения этого было придерживаться того, чтобы в таком качестве выступали лишь монахи⁸⁰ или духовные лица, имевшие хотя бы посвящение низшего разряда, так чтобы орден или соответствующая корпорация до некоторой степени несла за них ответственность. Однако провести здесь вполне определенную границу было невозможно, поскольку на церковь, а значит, и на пульт проповедника долгое время предъявлялись притязания

во всевозможных общественных целях: для чтения судебных постановлений, оглашения решений властей, лекций и пр., и даже в случае собственно проповедей слово иной раз представлялось гуманистам и мирянам (с. 150 слл.). Однако и без того уже существовала некая промежуточная категория людей⁸¹, которые не были ни монахами, ни лицами духовного звания, но тем не менее отказались от мира: то были весьма многочисленные в Италии отшельники, и такие люди зачастую являлись в города, не получив никакого задания, и привлекали к себе толпы людей. Подобный случай произошел в Милане после второго французского завоевания (в 1516 г.), разумеется, во время большой общественной сумятицы: один тосканский отшельник, быть может из партии Савонаролы, долгие месяцы занимал пульт проповедника в соборе, самым жестоким образом обрушивался на церковную иерархию, поставил в соборе новый подсвечник и алтарь, творил чудеса и оставил это место лишь после ожесточенной борьбы⁸². В эти решающие для судеб Италии десятилетия повсюду множатся пророчества, а их, если уж они начались, бывает никак невозможно удержать в рамках какого-то определенного сословия. Известно, например, с какой истинной непреклонностью пророков держались перед разграблением Рима отшельники (с. 84 сл.). За недостатком у них красноречия такие люди вполне могли направлять также и посланцев с символами, как, например, тот аскет из-под Сиены, который (в 1496 г.) [в 1429 г.] послал в перепуганный город «отшельничка», т. е. своего ученика, с черепом на палке, на которой висела еще и записка с угрожающим библейским изречением⁸³.

Однако и сами монахи также зачастую вовсе не щадили государей, власти, клир и свое собственное сословие. Правда, проповеди, содержащей непосредственный призыв к свержению тиранического дома, какой была проповедь фра Джакомо Буссоларо⁸¹¹ в Павии в XIV в.⁸⁴, в последующие времена больше не наблюдается, однако здесь можно встретить мужественное порицание, направленное даже против папы в его собственной капелле (с. 404 прим. 129), и простодушные политические советы в присутствии государей, полагавших, что в них нисколько не нуждаются⁸⁶. На площади перед замком в Милане в 1494 г. слепой проповедник из Инкоронаты (т. е. августинец) посмел крикнуть из-за пульта, обращаясь к Лодовико Моро: «Господин, не показывай дороги французам, иначе будешь раскаиваться!»⁸⁶. Были прорицавшие монахи, дававшие, быть может, не столь уж политизированные, но такие ужасающие картины будущего,

что их слушатели теряли голову. Целое общество таких монахов - двенадцать францисканцев-конвентуалов - проследовали вскоре после выборов Льва X (1513 г.) по различным местностям Италии, в соответствии с тем как они их между собой поделили. Тот, кто проповедовал во Флоренции⁸⁷, фра Франческо да Монтепульчано⁵¹², вызвал всевозрастающий ужас у всего народа, поскольку его выражения, разумеется, скорее усиленные, чем ослабленные, достигали также и тех, кто в давке не мог пробиться к нему поближе. После одной такой проповеди он внезапно умер от «боли в груди»; тогда весь народ сошелся для того, чтобы целовать у тела ноги, из-за чего его тайно ночью похоронили. Однако лишь с огромными усилиями удалось притушить разгоревшийся снова дух пророчества, который охватил теперь также женщин и крестьян. «Чтобы после этого как-то вновь привести людей в более радостное настроение, Медичи, Джулиано (брат Льва) и Лоренцо устроили в Иванов день 1514 г. великолепные празднества, охоты, процессии и турниры, по случаю чего сюда помимо некоторых важных вельмож прибыли также шесть кардиналов, последние, правда, не в облачении».

Величайший проповедник покаяния и пророк был, однако, сожжен во Флоренции уже в 1498 г.: это был фра Джироламо Савонарола из Феррары⁸⁸. Мы вынуждены ограничиться здесь краткими замечаниями на его счет.

Мощным орудием, посредством которого он преобразовал Флоренцию и правил ею (в 1494- 1498 гг.), была его речь. Надо сказать, лишь весьма ограниченное представление о ней дают уцелевшие проповеди, в большей своей части с недостаточной точностью записанные прямо на месте. Нельзя сказать, чтобы внешне его средства были уж настолько величественны, поскольку его голос, произношение, риторическая обработка речей и т. п. составляли скорее слабую сторону, и если кто желал слышать владеющего стилем и искусного проповедника, шел к его сопернику - фра Мариано да Гинаццано. Но в речи Савонаролы была заложена та высочайшая личностная сила, которая с тех пор уже больше не встречалась вплоть до самого Лютера. Сам он считал это за озарение и поэтому без ложной скромности оценивал дело проповедника очень высоко: в большой иерархии духов непосредственно над проповедником стоят низшие ангелы.

Вначале эта целиком превратившаяся в пламя и горение личность осуществила другое, еще большее чудо: его собственный принадлежавший Доминиканскому ордену монастырь Сан

Марко, а потом и все доминиканские монастыри Тосканы пришли к единому мнению и добровольно осуществили значительную реформу. Когда знаешь, что представляли собой тогдашние монастыри и как бесконечно трудно было добиться, чтобы монахи согласились на самое малейшее изменение, вдвойне удивляешься такой всецелой перемене мнения, как эта. Когда же преобразования начались^{513*}, они были подкреплены тем, что значительное число людей одинаковых убеждений становились теперь доминиканцами. Сыновья из первых домов Флоренции поступали в Сан Марко в качестве послушников.

Эта реформа ордена в одной из земель Италии явилась теперь первым шагом в направлении национальной церкви, до которой, будь век этого человека продолжительнее, дело бы несомненно дошло. Разумеется, сам Савонарола желал реформирования всей церкви в целом и потому уже к концу своей деятельности разослал всем значительным государям настоятельные призывы к тому, чтобы созвать собор. Однако его орден и его партия были уже для Тосканы единственным мыслимым органом ее духа, стали солью земли, в то время как все соседние области пребывали в прежнем состоянии. Самоотверженность и воображение все в большей и большей степени побуждали его желать превратить Флоренцию в царство Божие на земле.

Предсказания, частичное осуществление которых наделило Савонаролу сверхчеловеческими свойствами, - это тот самый пункт, посредством которого всемогущая итальянская сила воображения овладевала даже лучше всего сохранившимися, преисполненными мягкости душами. Поначалу францисканцы-обсерванты полагали, что они, воспользовавшись тем отблеском славы, который был им оставлен св. Бернардино да Сиена, смогут усмирить великого доминиканца при помощи конкуренции. Они предоставили одному из своих людей пулы в соборе и поручили ему перещеголять принадлежавшие Савонароле предсказания несчастий еще более мрачными пророчествами, пока Пьеро де'Медичи, который тогда все еще правил Флоренцией, не приказал на время замолчать и тому и другому. Вскоре после этого, когда Карл VIII явился в Италию и Медичи были изгнаны, как это и было совершенно недвусмысленно предсказано Савонаролой, люди стали верить ему одному.

Необходимо здесь признать, что к собственным предчувствиям и видениям Савонарола не был склонен подходить с какой бы то ни было критикой; что же до чужих, к ним был он довольно критичен. В надгробной речи на смерть Пико делла Миран-

дола он довольно-таки немилосердно обращается со своим умершим другом. Поскольку Пико, несмотря на исходивший от Бога внутренний голос, все же не пожелал вступить в Орден, он сам, Савонарола, попросил Бога как-то его наказать; однако на самом деле он не желал его смерти, и пускай теперь посредством подаяния и молитв будет достигнуто то, чтобы душа его лишь на время задержалась в чистилище. Что до утешительного видения, бывшего Пико во время болезни, когда ему явилась Мадонна и пообещала, что он не умрет, то, признается Савонарола, он долго считал это дьявольским наваждением, пока ему не открылось, что Мадонна разумела здесь вторую смерть, а именно смерть вечную. Если это все и многое подобное в том же роде отдает заносчивостью, так ведь он, этот великий дух, и поплатился за все, причем расплата была самой жестокой. В последние свои дни Савонарола, надо полагать, признал ничтожность своих видений и предсказаний, и все же в нем сохранялось достаточно внутреннего мира, чтобы отправиться на смерть в блаженном состоянии. Однако его приверженцы помимо учения на протяжении трех десятилетий придерживались еще и его пророчеств.

В качестве преобразователя государства он трудился лишь постольку, поскольку в противном случае всем делом овладели бы вместо его приверженцев враждебные ему силы. Несправедливо было бы оценивать его на основании полудемократической конституции (с. 382 прим. 155) начала 1495 г. К тому же она не хуже и не лучше других флорентийских конституций⁸⁹.

Вообще говоря, то был наименее подходящий для вещей такого рода человек из всех, кого только можно представить. Действительным его идеалом была теократия, при которой всё в блаженном смирении преклоняется перед Незримым и любые конфликты страстей с самого начала исключены. Вся его натура заключена в той надписи дворца Синьории, содержание которой было его девизом уже к концу 1495 г.⁹⁰, и которая была возобновлена его приверженцами в 1527 г.: «Jesus Christus Rex populi florentini S. P. Q. decreto creatus»^{514*}. К земной жизни и ее условиям он имел столь же малое касательство, что и любой подлинный и строгий монах. Согласно его воззрениям, человек должен заниматься лишь тем, что находится в непосредственной связи со спасением души.

Насколько явственно выявляется это в связи с его воззрениями на античную литературу. «Единственным благом, - проповедует он, - которое принесли Платон и Аристотель, было то, что они произвели на свет много аргументов, которые возможно ис-

пользовать против еретиков. Все же и они, и прочие философы пребывают в аду. Старая женщина больше смыслит в вере, чем Платон. Для веры было бы хорошо, если бы многие представляющиеся полезными книги были уничтожены. Когда не было еще такого множества книг и такого множества рассудочных оснований (*ragioni naturali*) и диспутов, вера возрастала стремительнее, чем стало это происходить потом». Классическое чтение в школах он желает ограничить Гомером, Вергилием и Цицероном, а остальное дополнить из Иеронима и Августина. В то же время не только Катулл и Овидий, но и Тибулл с Теренцием должны быть запрещены. Здесь в данный момент раздается голос одной только уstraшенной нравственности, однако в особом своем сочинении Савонарола допускает общую вредоносность науки вообще. На самом деле, полагает он, ее должны были бы изучать немногие, чтобы не погибли окончательно традиции человеческих познаний, но особенно - для того, чтобы постоянно имелись в наличии борцы для опровержения еретических софизмов; все же прочие не должны выходить за пределы грамматики, добрых нравов и религиозного воспитания (*sacrae literae*). Так, разумеется, все образование снова перейдет в руки монахов, а поскольку странами и государствами опять-таки должны управлять «самые знающие и святые», то также и им следует быть монахами. Не станем даже задаваться вопросом, заходил ли в своих рассуждениях так далеко сам автор.

Более ребяческих рассуждений невозможно и вообразить. То простое соображение, что открытая заново античность и громадное расширение поля зрения и мыслительного горизонта могут, в зависимости от обстоятельств, явиться служащим к вящей славе религии испытанием огнем, просто не приходит славному нашему герою в голову. Он постоянно склонен запрещать то, что невозможно устранить другим способом. Да и вообще никакое звание не идет ему в меньшей степени, нежели либерал: так, например, для безбожных астрологов он держит наготове такой же точно костер, как тот, на котором впоследствии нашел свою смерть и он сам⁹¹.

Какой же мощью должна была обладать душа, жившая в этом узком духе! Как ярко должен был гореть этот человек, чтобы заставить флорентийцев с их образовательным порывом преклонить колени перед такими воззрениями!

А о том, от чего из искусства и света вообще были они готовы отказаться, можно судить по тем знаменитым жертвенным кострам, рядом с которыми, конечно же, почти ничтожными представляются все *talami* Бернардино да Сиена.

Разумеется, дело не обошлось со стороны Савонаролы без некоторых тиранически-полицейских мер. И вообще его вмешательство в ценившуюся так высоко свободу итальянской частной жизни нисколько не ограничивалось в масштабах; так, например, он требовал, чтобы слуги шпионили за своими хозяевами, дабы он был в состоянии осуществить свою моральную реформу. То, что лишь с величайшим трудом удалось впоследствии железному Кальвину, причем в условиях постоянно сохранявшегося осадного положения — полное преобразование общественной и частной жизни, — во Флоренции должно было остаться лишь попыткой, но уже и в качестве таковой это должно было до крайности ожесточить противников. В первую очередь сюда можно отнести организованную Савонаролой свору мальчишек, врывавшихся в дома и пытавшихся силой забирать те вещи, что назначались для сожжения на костре: то здесь, то там мальчишек этих выгоняли в толчки; тогда, чтобы поддержать любой ценой фикцию новой поросли «священного гражданства», их стали сопровождать в качестве защитников взрослые.

Таким вот образом могли быть организованы большие аутодафе на площади Синьории в последний день карнавала 1497 г. и еще одно - в тот же самый день год спустя. Здесь высилась ступенчатая пирамида, похожая на *gogus*, на котором сжигались тела римских императоров. Нижний слой ее образовывали личности, накладные бороды, маскарадные костюмы и т. п.; над ними были сложены книги латинских и итальянских авторов, среди прочих «Морганте» Пульчи, Боккаччо, Петрарка: частью то были дорогие издания на пергаменте и рукописи с миниатюрами; далее шли украшения и женские туалетные приспособления - духи, зеркала, вуали, шиньоны; еще выше - лютни, арфы, шахматные доски, триктрак, игральные карты; наконец, оба верхних уступа заключали в себе сплошь одни картины, особенно те, что изображали женские прелести - частью под классическими именами Лукреции, Клеопатры, Фаустины, частью же просто портреты, сделанные с прекрасных Бенчины, Лены Морелла, Бины и Марии де'Ленци. В первом случае присутствовавший здесь один венецианский купец предложил Синьории 20 000 золотых талеров^{515*} за содержимое пирамиды; ответом ему было лишь то, что с него было приказано также сделать портрет, после чего картину присоединили ко всем остальным. Когда стали зажигать, Синьория вышла на балкон; воздух наполнился пением, трубным завыванием и колокольным звоном. После этого все перешли на площадь перед Сан Марко, где все присутствующие танцевали, построившись в три концентрических кру-

га: в самой середине - монахи этого монастыря, менявшиеся местами с одетыми ангелами мальчиками, далее шли молодые клирики и миряне, и, наконец, с краю были старики, граждане и священники, причем последние были увенчаны оливковыми ветвями.

Никакие насмешки взявшей верх партии, которая, надо сказать, имела для них повод, а сверх того, еще и талант, не смогли впоследствии умалить память о Савонароле. Чем трагичнее складывалась судьба Италии, тем светлее становился в памяти переживших его людей образ великого монаха и пророка. Его предсказания могли не оправдаться в частностях, однако общее большое бедствие, о котором он возвестил, исполнилось в ужасающем и чрезмерном масштабе.

Но как ни велико было воздействие проповедников покаяния и как бы ни отчетливы были аргументы, с помощью которых Савонарола заявил права монашеского сословия как такового на спасительное проповедническое служение⁹², все это ни в коей мере не помогло этому сословию избежать всеобщего отрицательного суждения. Италия дала понять, что воодушевить ее способны одни только личности.

* * *

Если задаться целью изведать, насколько велика была сила прежней веры, отвлекаясь от вопроса о священстве и монашестве, сила эта может представиться нам то чрезвычайно незначительной, то необычайно мощной - в зависимости от того, с какой стороны, в каком освещении станем мы ее рассматривать. О полной невозможности для людей обойтись без таинств и благословений речь уже была (с. 73, 312); ознакомимся теперь с положением, которое занимали вера и культ в повседневной жизни. Определяющее значение имеют здесь народные массы и их привычки, а также внимание, уделявшееся властями тем и другим.

Все, что относится к покаянию и обретению спасения через добрые дела, пребывало у итальянских крестьян и низших классов вообще в том же состоянии распада и вырождения, что и на Севере, да и воззрения образованных слоев были также отчасти этим захвачены и определены. Те стороны народного католицизма, в которых он примыкал к античным, языческим призывам, задариваниям и умиловлениям богов, были глубочайшим образом укоренены в народном сознании. Уже цитировавшаяся по иному поводу 8-я эклога Баттиста Мантовано⁹³

содержит среди прочего обращенную к Мадонне молитву крестьянина, где тот обращается к ней как к особой богине-защитнице в отношении всех частных аспектов сельской жизни. А что за понятия были у народа относительно достоинств определенных мадонн как помощниц в экстренных случаях! Что творилось в голове флорентийки⁹⁴, которая как бы *ex voto*^{516*} жертвовала Аннунциате бочонок воску, потому что ее любовник, монах, постепенно выпил у нее бочонок вина, однако так, что отсутствовавший муж этого и не заметил. Опять-таки, подобно тому как это имеет место и теперь, отдельные святые являлись покровителями определенных областей жизни. Часто уже предпринимались попытки свести ряд общих ритуалов католической церкви к языческим церемониям, и все сходится в том, что и помимо этого множество местных народных обычаев, соединившихся с церковными праздниками, представляют собой неосознанные остатки различных древних языческих верований Европы. Однако кое-где в сельской местности Италии возможно столкнуться и с такими явлениями, в которых невозможно не признать наличие сознательных остатков языческой веры. Таков, например, обычай выставлять угощение для покойников за четыре дня до праздника основания папского престола, т. е. прямо в день древних Фералий, 18 февраля^{96 517*}. То было время, когда в ходу могли быть и многие другие лишь впоследствии искорененные обычаи в том же роде. Быть может, лишь на первый взгляд парадоксальным покажется утверждение, что народная вера в Италии была особенно крепко укоренена лишь до тех пор, пока она была язычеством.

Но позволим себе остановиться с несколько большей полнотой на том, насколько господство этой категории веры простиралось также и на верхние сословия. Как уже отмечалось выше, по поводу отношения к клиру, вера эта имела на своей стороне силу привычки и яркость впечатлений детства; заодно с ними действовала и любовь к праздничному церковному великолепию, а время от времени сюда еще присоединялись те большие эпидемии покаяния, которым трудно было противостоять даже насмешникам и нигилистам.

Однако было бы совершенно неправильно сразу же устремляться в этих вопросах в направлении обобщающих выводов. Например, мы склонны предполагать, что, например, отношение образованных людей к реликвиям святых должно содержать в себе ключ, при помощи которого мы сможем открыть по крайней мере некоторые ящички их религиозного сознания. И действительно, оказывается возможным проследить некоторые

градации в этом смысле, однако на протяжении долгого времени это невозможно сделать с той отчетливостью, которая нам желательна. Поначалу венецианское правительство, как представляется, разделяет в XV в. то благоговение к останкам тел святых, что господствовало тогда по всей Западной Европе (с. 55 сл.). И чужестранцы, проживавшие в Венеции, также не тяготились тем, чтобы мириться с этим предрассудком⁹⁶. Если мы пожелаем вынести суждение в отношении ученых Падуи по ее топографу Микеле Савонароле (с. 97), дело здесь будет обстоять не иначе, нежели в Венеции. С благоговением, к которому примешивается еще и благочестивый ужас, Микеле повествует нам, как в случае больших опасностей ночью по всему городу слышатся воздыхания святых, как у тела одной святой монахини в Сан Кьяра постоянно отрастают ногти и волосы, как она издает звуки в случае предстоящего несчастья, поднимает руки и т. п.⁹⁷ При описании часовни Антонио в Санто автор полностью впадает в какой-то лепет и фантазии. В Милане народ во всяком случае проявлял большой фанатизм в отношении реликвий, и когда однажды (в 1517 г.) при перестройке главного алтаря монахи в Сан Симпличиано по неосторожности распалили шесть святых тел, после чего на область обрушилась сильная буря с дождем, люди усмотрели⁹⁸ причину своих бед в этом святотатстве и избивали этих монахов на улицах города там, где их встречали. Однако в других местностях Италии, даже если это были сами папы, отношение к реликвиям представляется куда более двусмысленным, хотя здесь и невозможно вынести окончательное заключение. Известно, при каком всеобщем благоговении Пий II получил первоначально попавшую в Сан Маура голову апостола Андрея и (в 1462 г.) торжественно ее поместил в соборе св. Петра. Однако из его собственного сообщения видно, что сделал он это до некоторой степени из стыда, поскольку из-за этой реликвии уже шла соперничество между несколькими государями. Только тогда пришлось ему на ум превратить Рим во всеобщее прибежище изгнанных из их собственных церквей останков святых⁹⁹. При Сиксте IV население города проявляло в отношении этих вещей большую ревностность, чем сам папа, так что магистрат горько сетовал (в 1483 г.), когда Сикст отправил умирающему Людовико XI некоторые из латеранских реликвий¹⁰⁰. В это время в Болонье один мужественный человек возвысил свой голос, потребовав продать королю Испании череп св. Доминика^{518*}, а на выручку основать что-либо общественно полезное¹⁰¹. Наименьшее почитание к реликвиям проявляют флорентийцы. Между их реше-

нием почтить городского святого, св. Заноби, новым саркофагом и размещением заказа на него, отданного Гиберти, проходит 19 лет (1409 - 1428 гг.), да и в этом случае подряд отдается лишь случайно, поскольку мастер уже закончил подобную работу меньшего объема¹⁰². Возможно, реликвии несколько набились здесь людям оскомину с тех пор, как они (в 1352 г.) были обмануты одной хитрой аббатисой Неаполитанского монастыря, подсунувшей им поддельную, изготовленную из дерева и гипса руку покровительницы собора, св. Репараты¹⁰³. Или нам следует предположить, что скорее эстетическим чувством объясняется то, что здесь так решительно отворачивались от раскромсанных трупов, полуистлевших тканей и сосудов? А может, то было свойственное Новому времени понимание славы, которое удостоило бы тела Данте или Петрарки более пышных гробниц, чем всех двенадцати апостолов сразу? Но возможно, что и вообще по всей Италии, если отвлечься от Венеции и представляющего собой особый случай Рима, почитание реликвий отступило в большей степени на задний план¹⁰⁴ перед почитанием Мадонны, причем случилось это раньше, чем где-либо в остальной Европе, и здесь опять-таки кроется, пусть также в скрытой форме, рано давший о себе знать перевес в сторону чувства формы¹⁰⁶.

Могут спросить, возможно ли было большее почитание Богоматери, чем то, что имело место на Севере, где ей посвящены почти все наиболее грандиозные соборы, где ее прославляла необыкновенно богатая ветвь как латинской поэзии, так и поэзии на местных языках? Однако в противовес этому Италия может выставить куда более значительное число чудотворных изображений Марии, с их беспрестанным вмешательством в повседневную жизнь. Всякий значительный город имеет целый ряд таких изображений, от древнейших или считающихся древнейшими «картин св. Луки» и вплоть до работ современников, которые в ряде случаев могли дожить до чудес, связанных с их картинами. Произведения искусства оказываются здесь вовсе не такими безобидными, как полагает Баггиста Мантовано¹⁰⁶: в зависимости от обстоятельств они внезапно обретают магическую силу. Народная потребность в чудесах, особенно у женщин, могла быть этим в полной мере утолена, и уже из-за этого внимание к реликвиям могло несколько ослабнуть. Вопрос о том, насколько большой вклад внесли сюда насмешки авторов новелл по поводу поддельных реликвий, мы теперь рассматривать не станем¹⁰⁷.

Отношение людей образованных к почитанию Марии про-

является в несколько более ясной форме, нежели это было в случае почитания реликвий. Прежде всего в глаза бросается то, что, собственно говоря, в литературе Данте с его «Раем»¹⁰⁸ явился последним значительным поэтом Марии, между тем как в народе новые песни о ней появляются вплоть до сегодняшнего дня. Возможно, здесь захотят назвать имена Саннадзаро, Сабеллико¹⁰⁹ и других латинских поэтов, однако их по преимуществу все-таки литературные цели отнимали у них изрядную долю убедительности. Те же сочиненные по-итальянски стихотворения XV¹¹⁰ и начала XVI в., в которых к нам обращается непосредственная религиозность, по большей части могли быть написаны также и протестантами. Таковы соответствующие гимны и пр. Лоренцо Великолепного, Виттории Колонна, Микеланджело, [Гаспары Стампа^{519*}] и т. д. Помимо лирического выражения теизма, в основном в них звучит ощущение греха, сознание спасения через смерть Христа, тоска по вышнему миру, заступничество же Богородицы упоминается¹¹¹ лишь в порядке исключения. Здесь мы видим то же явление, которое повторится вновь в классическом образовании французов, в литературе эпохи Людовика XIV^{520*}. Лишь Контрреформация вернула почитание Марии обратно в художественную поэзию. Наконец, почитание святых нередко (с. 44 сл., 171) принимало у образованных людей существенно языческую окрашенность.

Мы могли бы, таким образом, критически пересматривать различные стороны тогдашнего итальянского католицизма и до некоторой степени установить более или менее вероятное отношение образованных людей к народной вере, так и не достигнув, однако, решительного результата. Существуют трудно-объяснимые контрасты. В то время как в церквях и для церквей здесь постоянно что-то строят, что-то ваяют, что-то рисуют, мы слышим доносящееся к нам из начала XVI в. сетование по поводу ослабления культа и небрежения в отношении самих церквей: *Templa ruunt, passim sordent altaria, cultus Paulatim divinus abit!*^{521*112}... Известно, насколько был выведен из себя находившийся в Риме Лютер лишенным какой-либо благодатности поведением священников во время мессы. Однако наряду с этим церковные праздники устраивались с такой пышностью и таким вкусом, о которых Север не имел даже понятия. Необходимо исходить из той предпосылки, что наделенный воображением народ особенно охотно оставлял в небрежении повседневное, чтобы дать себя увлечь из ряда вон выходящему.

Фантазией объясняются также и те эпидемии покаяния, о которых мы здесь еще поговорим. Их необходимо отделять от

воздействия, оказывавшегося теми великими проповедниками покаяния: эпидемии эти вызываются большими всеобщими потрясениями или страхом их наступления.

В средневековье по всей Европе время от времени разразилось нечто вроде бури, при которой массы народа оказывались вовлеченными даже в упорядоченное движение, как, например, в случае крестовых походов или процессий бичующихся. Италия принимала участие и в том и в другом; первые чрезвычайно многочисленные толпы бичующихся появились здесь сразу же после падения Эццелино и его дома, и как раз в округе той самой Перуджи¹¹³, с которой мы уже (с. 435 прим. 78) познакомились как с одним из главных мест пребывания проповедников покаяния в более поздние времена. Далее последовали флагелланты¹¹⁴ 1310 и 1334 гг., а затем - большой покаянный поход без бичевания, о котором Корио¹¹⁵ рассказывает под 1399 г. Нет ничего невероятного в том, что сами празднования юбилейного года были до некоторой степени учреждены с той целью, чтобы по возможности регулировать и делать безопасными эту жуткую страсть к странничеству религиозно возбужденных людских масс. Часть этого возбуждения отвлекли на себя ставшие за это время знаменитыми места паломничества в Италии, как, например, Лорето¹¹⁶.

Однако в страшные исторические моменты, уже гораздо позднее, уголья средневекового покаяния разгораются вновь, и перепуганный народ, особенно в случае, когда сюда прибавляются еще и выходящие из ряда вон природные явления, желает смягчить небеса самобичеванием и громкими криками. Так было, чтобы из бесконечного числа примеров избрать только два, во время чумы 1457 г. в Болонье¹¹⁷, то же имело место и при внутренних беспорядках 1496 г. в Сиене¹¹⁸. Однако по-настоящему потрясает то, что происходило в Милане в 1529 г., когда три ужасные сестры - война, голод и чума - заодно с испанскими пророчествованиями довели всю страну до крайней степени отчаяния¹¹⁹. Случилось так, что человеком, к которому здесь прислушивались, был испанский монах, фра Томмазо Нието^{522*}: он распорядился носить причастие в сопровождении шедших босиком процессий старых и малых жителей на новый манер, а именно укрепленным на разукрашенных носилках, покоившихся на плечах четырех одетых в льняные одежды священников - в напоминание о Ковчеге Завета¹²⁰, как его когда-то носил народ Израиля вокруг стен Иерихона. Так доведенный до крайности народ Милана напоминал старому Богу о его старом договоре с человеком, и когда процессия снова возвра-

тилась в собор, и казалось, что колоссальное здание вот-вот обрушится от отчаянного крика *miser cordia!* - тут, должно быть, было немало таких, кто поверил, что небеса должны вмешаться в законы природы и истории посредством какого-то спасительного чуда.

Однако существовало в Италии правительство, которое в такие вот времена поставило себя даже во главе всеобщего настроения и полицейскими мерами упорядочило наличную склонность к покаянию: то было правительство герцога Эрколе I Феррарского¹²¹. Когда Савонарола пользовался влиянием во Флоренции, а пророчества и покаяние начало охватывать народ все более широко, в том числе и по другую сторону Апеннин, добровольный пост начался также и в Ферраре (начало 1496 г.). Именно один лазарист^{523*} объявил здесь с амвона скорый приход наиболее ужасающих военных бедствий и голода изо всех, какие когда-либо видел мир; кто начнет теперь поститься, сможет избежать этого зла - так возвестила Мадонна одной благочестивой супружеской паре. После этого двор также не мог не начать поститься, однако теперь он сам принял на себя руководство религиозными чувствами. 3 апреля (на Пасху) был выпущен эдикт в отношении нравственности и благочестия, против поношения Бога и Девы Марии, запрещенных игр, содомии, конкубината, сдачи квартир публичным женщинам и их хозяевам, работы лавок в праздничные дни, за исключением торговцев хлебом и овощами и пр. Евреи и мараны, немалое число которых бежало из Испании сюда, снова должны были носить на груди нашитое на одежду желтое «О». Неподчиняющимся угрожали теперь не просто указанными в существовавшем до этого законе наказаниями, но и «еще большими, которые герцог почтет за благо назначить». После этого герцог вместе со своим двором много дней подряд посещал проповедь; 10 апреля там должны были присутствовать даже все феррарские евреи. Однако 3 мая начальник полиции (уже упоминавшийся выше, с. 40 сл. Грегорио Дзампанте) повелел объявить: кто давал судебным исполнителям деньги с тем, чтобы о нем не было сообщено как о богохульнике, может об этом заявить, чтобы получить свои деньги обратно вместе с дополнительным вознаграждением. Оказывается, гнусные эти люди вымогали у невинных людей по 2-3 дуката под угрозой на них донести, а потом друг друга выдали, после чего сами попали в каталажку. Но поскольку народ готов был платить уже только за то, чтобы не иметь дела с Дзампанте, на его призыв, вероятно, вряд ли кто отозвался. В 1500 г., после падения Людовико Моро, когда

подобные настроения стали возникать снова, Эрколе сам от себя¹²² назначил ряд новых процессий, при которых не должно было быть недостатка в одетых во все белое детишках с Иисусовыми знаменами; он сам ехал с процессией верхом, потому что на ноги-то был плоховат. Затем последовал эдикт, содержание которого было аналогично эдикту от 1496 г. Известны многочисленные церковные и монастырские постройки этого правительства, однако незадолго до того как он женил своего сына Альфонса на Лукреции Борджа (в 1502 г.), Эрколе велел явиться к себе даже олицетворенной святой, сестре Коломбе¹²³. Курьер канцелярии¹²⁴ забрал святую из Витербо вместе с 15 другими монахинями, и сам герцог привел ее по прибытии в Феррару в подготовленный специально монастырь. Проявим ли мы несправедливость к нему, если предположим, что во всем этом присутствовала сильнейшая примесь политического расчета? К идее осуществления своей власти домом Эсте, как она была определена выше (с. 37 сл.), принадлежит и такое использование религиозного аспекта и постановка его себе на службу едва ли не в полном согласии с законами логики.

* * *

Однако чтобы прийти к окончательным выводам в отношении религиозности человека Возрождения, нам следует избрать иной путь. Из целостной духовной позиции, занимаемой этим человеком, должно быть уяснено как его отношение к господствующей в стране религии, так и к идее божественного.

Эти люди Нового времени, носители образованности тогдашней Италии, религиозны от рождения, как все средневековые обитатели Западной Европы, однако их могучий индивидуализм делает их здесь, как и во всех прочих отношениях, полностью *субъективными*, а тот поток искусов, что изливается на них в связи с открытием внешнего и духовного мира, делает их вообще людьми преимущественно *светскими*. В прочей же Европе религия, напротив, еще долгое время остается чем-то объективно данным, так что эгоизм и чувственные удовольствия постоянно и непосредственно сменяются там чувствами благоговения и раскаяния: у последнего, в отличие от Италии, еще не имеется никакого соперника в духовной сфере или во всяком случае он куда менее значителен, нежели там.

Далее, еще с давних пор частые и тесные контакты с византийцами и мусульманами обеспечили здесь поддержание ней-

тральной *терпимости*, перед которой до некоторой степени отступает этнографическое представление о пользующемся предпочтением западноевропейском христианстве. А когда классическая древность с ее человеком и ее учреждениями окончательно превратилась в жизненный идеал, поскольку то было величайшим воспоминанием Италии, тут уж античная умозрительность и *скепсис* время от времени одерживали в душах итальянцев полную победу.

Поскольку, далее, итальянцы были первыми людьми новой Европы, безраздельно предавшимися размышлениям о свободе и необходимости, и поскольку делали они это в условиях, связанных с насилием и беззаконием политических отношений, которые зачастую представлялись блестящей и продолжительной победой зла, их сознание Бога лишилось стойкости, а их мировоззрение стало отчасти *фаталистическим*. А в связи с тем, что страстная их натура не желала пребывать в неизвестности, многие из них довольствовались дополнением из сферы античного, восточного и средневекового *суеверия*: они становились астрологами и магами.

Ну и наконец, эти могучие в духовном плане люди, носители Возрождения зачастую проявляют в религиозном отношении детские черты: они хорошо различают добро и зло, однако не ведают греха. Они верят, что способны восстановить всякое расстройство внутренней гармонии посредством своего пластического искусства и потому не знают раскаяния; однако с ним угасает и потребность в спасении, а одновременно с этим честолюбие и повседневное духовное напряжение полностью изгоняют мысль о загробном существовании либо придают ей поэтический облик вместо догматического.

Если представить себе все это к тому же еще опосредствованным и отчасти приведенным в беспорядок обладающей подавляющим господством *фантазией*, у нас возникает духовная картина этого времени, которая во всяком случае стоит ближе к истине, чем простые беспредметные сетования по поводу современного язычества. При ближайшем же изучении приходится еще, кроме того, убедиться, что под оболочкой этого состояния продолжает биться мощная струя подлинной религиозности.

Более подробное развитие сказанного должно ограничиться лишь самыми существенными примерами.

То, что религия как таковая снова по преимуществу стала делом отдельного субъекта и его обособленных представлений, было, перед лицом выродившегося и утверждавшего тираническими методами церковного учения, неизбежно, являясь

доказательством того, что европейский дух еще жив. Разумеется, чрезвычайно различны способы, посредством которых мы об этом узнаем: в то время как на Севере мистические и аскетические секты одновременно создавали для нового чувственного мира и способа мышления еще и новый дисциплинирующий устав, в Италии каждый шел своей собственной дорогой, и сотни, тысячи людей впали посреди открытого моря жизни в религиозное безразличие. Тем выше следует оценивать тех, кто смог пробиться к индивидуальной религии и ее сохранил. Ибо если они больше не принимали участия в старой церкви, такой, какой она была и какой она требовала себя представлять, - в том не было их вины; а чтобы один отдельно взятый человек мог от начала до конца проделать в себе весь тот огромный духовный труд, что выпал на долю немецким реформаторам, - предъявлять такое требование было бы немилосердно. Во что выливалась эта индивидуальная религия лучших людей, мы постараемся показать в заключение.

Обмирщенность, в смысле которой Возрождение, как представляется, резко противопоставлено средневековью, возникает прежде всего через обильный приток новых воззрений, мыслей и задач в отношении природы и человека. Если рассматривать ее саму по себе, обмирщенность эта не более враждебна религии, чем то, что приходит на ее место теперь, а именно так называемые образовательные интересы, только они, в том виде как предаются им мы, в очень малой степени воспроизводят картину того всестороннего возбуждения, в которое был тогда приведен человек обильной и разнообразной обрушившейся на него новизной. Так что эта обмирщенность была чем-то вполне серьезным, а к тому же была еще облагорожена искусством и поэзией. Такова возвышенная присущая современному духу неизбежность, что он более не в состоянии стряхнуть с себя эту обмирщенность, что он непреодолимо направляется на исследование человека и вещей и считает это своим предназначением¹²⁵. Как скоро и какими путями это исследование приведет нас обратно к Богу, каким образом окажется оно связанным с иной религиозностью личности - все это вопросы, ответить на которые нельзя, исходя из общих предписаний. Средневековье, которое, вообще говоря, обошлось без практики и без свободного исследования, не может выступать по этому делу чрезвычайной важности с каким-либо догматическим определением.

С исследованием человека, но также еще и с многими иными предметами были связаны терпимость и безразличие, с которыми произошла первоначальная встреча с мусульман-

ством. Разумеется, еще со времени крестовых походов итальянцам были присущи знакомство и восхищение значительной высотой культурных достижений исламских народов, особенно до монгольского половецья. Сюда еще добавлялись полумусульманские способы правления их собственных государей, тайная антипатия и даже презрение по отношению к церкви, какой она была, постоянно совершавшиеся поездки на Восток и непрекращавшаяся торговля с восточными и южными портами Средиземного моря¹²⁶. Известно, что уже в XIII в. у итальянцев обнаруживается признание мусульманского идеала благородства, достоинства и гордости, который скорее всего связывался с личностью какого-то определенного султана. Обычно при этом подразумевались эйюбидские или мамелюкские султаны вообще, если же называлось имя, то чаще всего это был Саладин¹²⁷. Даже османскими турками, чья разрушительная и опустошительная направленность ни для кого не была секретом, итальянцы были испуганы, как мы показали выше (с. 66 сл.), лишь наполовину, и население целых областей свыклось с мыслью возможного с ними сосуществования.

Наиподлиннейшим и показательнейшим выражением этого безразличия является знаменитый рассказ о трех кольцах, который среди остальных вкладывает в уста своего Натана Лессинг, после того как он еще за много веков до того был с некоторой робостью изложен в «Ста старых новеллах» (нов. 72 или 73) и с несколько большей смелостью - у Боккаччо¹²⁸. Мы никогда не сможем установить, в каком уголке Средиземного моря и на каком языке эта история могла быть впервые рассказана одним человеком другому; возможно, изначально она была куда более отчетливой, чем в обеих итальянских редакциях. Тайное условие, лежащее в ее основе, а именно деизм, с его важнейшими следствиями, будет нами обсуждаться ниже. С грубой уродливостью и искажением та же идея заключена в известном изречении о «троих всемирных обманщиках», а именно Моисее, Христе и Магомете. Если бы император Фридрих II, которому приписываются эти слова, думал подобным образом, он, конечно, выразил бы эту мысль в более остроумной форме. С подобными речами можно столкнуться и в тогдашнем исламе.

В конце XV в., во время достижения Возрождением максимального взлета, мы сталкиваемся с подобным способом мышления у Луиджи Пульчи, в его «Morgante maggiore». Фантастический мир, в котором существуют его персонажи, разделяется, как и во всех романтических героических поэмах, на христианский и мусульманский военный лагерь. В согласии со сред-

невековыми представлениями, победа и примирение враждующих сторон должны были бы сопровождаться крещением потерпевшей поражение мусульманской стороны, и импровизаторы, предшествовавшие Пульчи в разработке такого материала, должны были широко использовать этот мотив. Но в данном случае задача Пульчи состоит в том, чтобы дать пародию на этих своих предшественников, особенно самых негодных из них, и это делается им уже в обращениях к Богу, Христу и Мадонне, с которых начинаются отдельные песни поэмы. Однако еще более явно его подражание им просматривается в стремительности обращений и крещений, чья полная бессмысленность должна бросаться в глаза читателю или слушателю. Однако эти насмешки увлекают его дальше, вплоть до его исповедания веры в относительную благодать всех религий¹²⁹, в основе чего лежит, несмотря на его заверения в ортодоксии¹³⁰, в сущности своей теистическое воззрение. Кроме того, им сделан и другой, устремленный в иное направлении, чрезвычайно важный шаг прочь от средневековья. Альтернативы прошлых веков подражывали: правоверный или еретик, христианин или же язычник и мусульманин. И вот теперь Пульчи рисует образ великана Маргутте¹³¹, который перед лицом всех и всяческих религий весело сознается в собственном чувственном эгоизме и во всех грехах, отрицая в себе лишь одно, а именно утверждая, что он никогда не совершал предательства. Возможно, посредством этого благородного на свой лад чудовища поэт предполагал осуществить что-то достаточно значительное, быть может, Морганте должен был наставить его на путь истинный, однако персонаж этот вскоре ему опротивел, и уже в следующей песне он уготовил ему комический конец¹³². На Маргутте ссылаются как на доказательство безнравственности Пульчи; однако он является необходимым элементом картины мироздания в поэзии XV в. Где-то она должна была изобразить доведенный до гротескных размеров, ставший невосприимчивым ко всему догматическому, стихийный эгоизм, сохранивший в себе лишь остаток чувства чести. И в других поэмах в уста великанов, демонов, язычников и мусульман вкладываются такие речи, какие не мог произнести ни один христианский рыцарь.

С другой стороны, иным, если сравнивать его с исламом, было здесь воздействие античности, и осуществлялось оно не через ее религию, поскольку религия эта была слишком уж подобна тогдашнему католицизму, но через философию. Античная литература, которую почитали теперь как нечто непревзойденное, вся была полна побед, одержанных философией над

верой в богов; целый ряд философских систем и их фрагментов обрушились на итальянский дух, причем теперь уже не в качестве диковинок или ересей, но едва ли не догматов, которые пытались не столько отделить друг от друга, сколько друг с другом примирить. Почти во всех этих разнообразных мнениях и философемах присутствовало некое представление о Боге, однако в своей совокупности они образовывали мощный противовес христианскому учению о божественном руководстве миром. Тут кроется имеющий на самом деле кардинальное значение вопрос, над разрешением которого без удовлетворительного успеха билась уже теология средневековья и ответа на который стали теперь требовать от античной мудрости - это вопрос об отношении провидения к человеческой свободе и необходимости. Если бы мы захотели хотя бы поверхностно изложить историю этого вопроса начиная с XIV в., получилась бы целая книга. Здесь же мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми указаниями.

Если прислушаться к тому, что говорят Данте и его современники, античная философия соприкоснулась с итальянской жизнью прежде всего как раз той своей стороной, где она приходила в наиболее резкое противоречие с христианством: именно, в Италии появились эпикурейцы. Правда, сочинений самого Эпикура более не существовало, и уже поздняя античность имела о его учении более или менее одностороннее представление; и тем не менее достаточно было того образа эпикуреизма, который можно было вычитать у Лукреция и особенно Цицерона, чтобы получить представление о полностью обезбоженном мире. Трудно сказать, насколько далеко заходило буквальное восприятие учения и не являлось ли имя загадочного греческого мудреца скорее удобным ярлыком для толпы. Очевидно, доминиканская инквизиция прибегала к нему и против тех, кого было невозможно зацепить каким-то иным способом. То были в основном рано развившиеся отрицатели церкви, которых тем не менее затруднительно было привлечь к ответственности на основании определенных еретических учений и высказываний; однако достаточно им было обладать умеренной степенью благосостояния, чтобы против них было возможно выдвинуть это обвинение. В этом условном смысле пользуется данным словом, например, Джованни Виллани, когда уже флорентийские пожары 1115 и 1117 гг. он¹³³ расценивает как божественное наказание за еретичество, «среди прочего из-за распутной и роскошествующей секты эпикурейцев». Про Манфреда⁵²⁴ он говорит: «Его жизнь была эпикурейской, потому что

он не верил ни в Бога, ни в святых, а в одни только телесные удовольствия».

Более отчетливо высказывается Данте в IX и X песнях «Ада». Ужасное, пронизанное пламенем кладбищенское поле с наполовину открытыми саркофагами, из которых звучат голоса, исполненные глубочайшего страдания, вмещает в себе две большие группы побежденных или извергнутых церковью в XIII в. Одну составляли еретики, противопоставившие себя церкви посредством какого-либо намеренно распространяемого лжеучения; другую же - эпикурейцы, и их прегрешение против церкви состояло в общем настроении ума, находящем свое выражение в одной фразе - что душа гибнет вместе с телом¹³⁴. Однако церковь хорошо отдавала себе отчет в том, что одна эта фраза, если она укоренится, станет более опасной для ее могущества, чем всякое манихейство и патаренство^{526*}, поскольку она всецело обесценивала ее вмешательство в судьбу отдельного человека после смерти. А что теми средствами, к которым церковь прибегала в борьбе, она сама подвергает как раз наиболее одаренных людей в отчаяние и неверие - в этом она, разумеется, не создавалась.

Конечно, отвращение Данте к Эпикуру или во всяком случае к тому, что он принимал за его учение, было оправданным: поэт потустороннего мира должен был ненавидеть отрицателя бессмертия, а несотворенный и неуправляемый Богом мир, как и низменная цель существования, которую, как казалось, устанавливала эта система, была как нельзя более противна самому существу Данте. Но если приглядеться, то и на него некоторые философемы древнего философа произвели такое впечатление, перед которым отступает библейское учение о мировом руководстве. Или когда он¹³⁶ полностью отказался от идеи специального провидения, то были его собственные умозрительные рассуждения, сложившиеся под воздействием злости дня и ужаса перед лицом господствующей в мире неправды? Именно его Бог предоставляет все частности управления миром демоническому существу, Фортуне, которая не должна заботиться ни о чем другом, кроме смены, сплошного перетряхивания всех земных вещей и может с безразличным блаженством внимать человеческим стенаниям. Однако Данте непреклонен в том, что касается идеи нравственной ответственности человека: он верит в свободу воли.

Распространенная вера людей в свободу воли господствовала в Западной Европе с самых давних времен, поскольку ведь во все времена ответственность за то, что сделал человек, воз-

лагалась лично на него так, словно это подразумевалось само собой. Другое дело религиозное и философское учение, которому необходимо было привести природу человеческой воли в соответствие с великими законами мироздания. Здесь возникает вопрос относительно «больше» и «меньше», согласно которым и производится оценка нравственности как таковой. Данте не вполне свободен от астрологических химер, озарявших тогдашний горизонт ложным светом, однако он изо всех сил рвется вверх, к достойному воззрению на сущность человека. «Звезды, - говорит у него¹³⁶ Марко Ломбардо, - дают первый толчок к твоему действию, однако тебе дан свет в отношении добра и зла, а также свободная воля, которая после начальной схватки со звездами побеждает все, если она правильно воспитана».

Другие люди могли усматривать противостоящую свободе необходимость не в звездах, а в иных силах; как бы то ни было, отныне вопрос этот оставался открытым и его невозможно было обойти. Дабы ознакомиться с тем, как он рассматривался тогда в школах либо занимал умы исключительно кабинетных мыслителей, мы посоветовали бы читателю обратиться к истории философии. Однако в той мере, в какой он перешел в сознание более широких кругов, о нем следует поговорить нам.

XIV век был взволнован главным образом сочинениями Цицерона, который, как известно, считался эклектиком, но действовал скорее как скептик, поскольку он излагает теории различных школ, не приходя к положительным выводам. Во вторую голову читались Сенека и немногие переведенные на латинский язык сочинения Аристотеля. Ближайшим результатом этих штудий была приобретенная людьми способность размышлять о самых возвышенных вещах — во всяком случае вне рамок церковного учения, если не в прямом противоречии с ним.

Как мы видели, в XV в. чрезвычайно увеличился круг владельцев античных сочинений и их распространенность; наконец, получили хождение все сохранившиеся греческие философы - по крайней мере в латинском переводе. С самого начала чрезвычайно примечательно здесь то, что именно люди, бывшие одними из главных распространителей этой литературы, придерживались строжайшего благочестия и даже аскезы. (Ср. с. 177) О фра Амброджо Камальдолезе нам здесь говорить не следует, потому что он сосредоточился исключительно на переводе греческих отцов церкви и лишь после большого сопротивления по настоянию Козимо Медичи Старшего перевел на латинский Диогена Лаэртского. Однако его современники Николо Никколи, Джанноццо Манетти, Донато Аччайоли, папа

Николай V соединяют¹³⁷ со всесторонним гуманизмом чрезвычайно ученые познания в Библии и глубокую набожность. Мы уже подчеркивали (с. 135 ел.) схожую направленность Витторино да Фельтре. Тот же самый Маттео Веджо, что досочинил XIII песнь «Энеиды», испытывал такой энтузиазм к памяти бл. Августина и его матери Моники, что он не мог не повлечь за собой самых возвышенных следствий. Результатом и плодом таких устремлений было то, что Платоновская академия во Флоренции вполне официально поставила перед собой цель пронизать дух античности христианством: то был весьма примечательный оазис среди гуманизма этого времени.

Гуманизм же этот был, вообще говоря, по преимуществу мирским, и с расширением исследований в XV столетии он становился таким все в большей и большей степени. Его представители, с которыми мы познакомимся выше как с истинными форпостами лишенного оков индивидуализма, вырабатывали в себе, как правило, такой характер, что нам должна быть совершенно безразлична даже свойственная ему религиозность, которая иной раз выступает с вполне определенными претензиями. Репутация атеистов укрепилась за ними, вероятно, тогда, когда они стали проявлять безразличие, а сверх того, стали вести кощунственные речи против церкви: какого бы то ни было умозрительно обоснованного убежденного атеизма никто из них не выдвинул¹³⁸, да и не мог на это отважиться. Когда их размышления обращаются в направлении основополагающей идеи, это скорее всего оказывается некая разновидность поверхностного рационализма, летучий осадок, составленный из многих взаимно противоречивых идей древних, которыми они должны были заниматься, а также презрения к церкви и ее учению. К этой категории относились те рассуждения, которые едва не привели Галеотто Марцио^{139 526*} на костер, когда бы бывший его ученик, папа Сикст IV поспешно не выхватил его из рук инквизиции. Именно, Галеотто писал: всякий, кто правильно себя ведет и действует согласно внутреннему прирожденному закону, отправляется на небо, к какому бы народу он ни принадлежал.

Рассмотрим для примера религиозные воззрения одной фигуры меньшей величины, принадлежавшей к этой многочисленной толпе, Кодра Урчео^{140 527*}, бывшего первым домашним учителем последнего Орделаффи^{528*}, государя Форли, а потом долгие годы преподававшего в Болонье. Что касается церковной иерархии и монахов, он в полной мере высказывает неприменные обвинения в их адрес; его тон, вообще говоря, чрезвычай-

чайно дерзок, а кроме того, он позволяет себе постоянно пришеивать сюда свою собственную персону вместе с городскими слухами и шутками. Однако он способен назидательно говорить об истинном Богочеловеке Христе и в письме одному небожному священнику просит его упомянуть себя в молитвах. Как-то ему приходит в голову приступить к перечислению глупостей языческой религии следующим образом: «Наши теологи также нередко блуждают впотьмах и ссорятся de lana sergipna⁵²⁹ - из-за непорочного зачатия, Антихриста, причастия, предопределения и некоторых других предметов, по поводу которых лучше было бы помолчать, нежели распространяться в проповедническом рвении». Однажды, когда Урчео не было дома, его комната выгорела вместе со всеми рукописями. Когда он об этом узнал, то встал на улице против изображения Мадонны и закричал: «Слушай, что я тебе говорю: я не безумен, я говорю сознательно! Когда я тебя когда-нибудь призову в смертный час, ты меня не слушай и не забирай меня к своим! Потому что я хочу навек остаться с дьяволом!» Такая то была речь, после которой, однако, он счел за лучшее на протяжении шести месяцев прятаться у одного дровосека. При этом Урчео был настолько суеверен, что его постоянно пугали предсказания и необычные явления природы; лишь веры в бессмертие в нем не осталось. На заданный ему вопрос он сказал своим слушателям следующее: никто не знает, что происходит после смерти с человеком, его душой или его духом, и все разговоры насчет загробного мира - это средство запугивания для старых баб. Однако когда ему довелось умирать, он все же вручил свою душу или свой дух¹⁴¹ всемогущему Богу и теперь уже увещевал своих рыдающих учеников бояться Бога, особенно же - верить в бессмертие и воздаяние после смерти, и принял причастие с немалым воодушевлением. Нет никаких гарантий того, что гораздо более прославленные люди той же специальности, даже если они высказывали значительные мысли, были намного более последовательными в своей жизни. Большая их часть колебалась между свободомыслием и обрывками привитого в детстве католицизма, внешне же они мудро держались за церковь. -

Но поскольку теперь их рационализм связывался с начальными исторической критики, время от времени могла здесь появляться робкая критика библейской истории. Передают слова Пия II¹⁴², произнесенные им как бы имея в виду грядущие перемены: «Даже если бы христианство не было удостоверено чудесами, оно должно было бы быть принято уже по причине его высокой нравственности». Относительно легенд, поскольку они

содержали произвольные пересказы библейских чудес, уже и без того всякому было позволено вволю шутить¹⁴³, и это обстоятельство продолжало оказывать свое действие. Когда упоминаются иудействующие еретики, мы чаще всего склонны предполагать, что имело место отрицание божественности Христа; по крайней мере так обстояло дело с Джорджо да Новара, сожженным в Болонье около 1500 г.¹⁴⁴ Однако в той же Болонье приблизительно в это же время (в 1497 г.) доминиканский инквизитор вынужден был позволить ускользнуть имевшему высоких покровителей врачу Габриэлле Сало, который отделался одним лишь изъяснением раскаяния¹⁴⁵, хотя этот человек имел обыкновение высказывать следующие вещи. Христос был не Бог, но сын Иосифа и Марии от обычного зачатия; своим коварством он привел мир к порче; он вполне мог претерпеть крестную смерть за совершенные преступления; религия его в скором времени прекратит существование; в освященной гостии нет никакого его подлинного тела; чудеса свои он сотворил не благодаря божественной силе, но они произошли под влиянием небесных тел. Последнее опять-таки в высшей степени показательно: вера здесь присутствует, однако люди продолжают придерживаться магии¹⁴⁶.

В отношении идеи божественного управления миром гуманисты, как правило, не идут дальше холодного отстраненного наблюдения того, что происходит в условиях господствующего вокруг насилия и злоупотреблений власти. Из этого настроения возникло множество книг «О судьбе», со всеми возможными вариациями этого названия. По большей части они констатируют вращение колеса счастья и непостоянство всего земного, особенно в сфере политики; провидение также привлекается сюда, очевидно, только потому, что люди еще стыдятся гоголого фатализма, отказа от познания причин и следствий или неприкрытого отчаяния. Не без выдумки строит Джовиано Понтано естественную историю демонического Нечто, называемого Фортуной, из сотни по большей части пережитых им самим эпизодов¹⁴⁷. Более шутивно, в виде сна, трактует этот предмет Эней Сильвий¹⁴⁸. А намерение Поджо в одном сочинении, относящемся уже к его старости¹⁴⁹, состоит в том, чтобы изобразить мир в виде бездны несчастий и оценить как можно ниже счастье отдельных сословий. Это настроение так и остается преобладающим: на примере множества выдающихся людей сопоставляется должное и имеющееся их счастья и несчастья и получающаяся сумма дает по большей части неблагоприятный результат. Тоном, исполненным высокого достоинства, почти

элегически, Тристан Караччоло¹⁵⁰ превосходно изображает нам судьбу Италии и итальянцев, насколько ее возможно было обозреть около 1510 г. Со специфическим применением этого господствующего настроения к гуманистам составил впоследствии Пиерио Валериано свой знаменитый трактат (с. 180 слл.). Имелось несколько особенно привлекательных тем в этом роде, как, например, счастье Льва X. То привлекательное, что можно было сказать о нем с политической точки зрения, яркими мастерскими мазками обобщил Франческо Веттори; картину чувственных удовольствий Льва изображают Паоло Джовио и анонимная биография¹⁵¹; теневые стороны этого счастья, как и саму его судьбу, безжалостно рисует только что названный Пиерио.

При этом встречающиеся здесь время от времени надписи общественного назначения на латинском языке, в которых люди кичатся своим счастьем, вызывают чувство едва ли не ужаса. Так, Джованни II Бентивольо, правитель Болоньи, отважился приказать вырезать на камне на новопостроенной башне возле его дворца слова: его заслуги и его счастье обеспечили ему все мыслимые блага¹⁶² - и это всего за несколько лет до его изгнания. Людям, изъяснявшимся таким тоном в античности, по крайней мере дано было ощущение зависти богов. Очевидно, в Италии обычай во всеуслышание хвалиться своей удачей был введен кондотьерами (с. 23 сл.).

Но помимо всего этого наиболее сильное воздействие открытой заново античности на религию исходило не от какой-либо философской системы, какого-то учения или же мнения древних, но со стороны господствовавшей во всем оценки. Все предпочитали людей античности, а отчасти также и ее учреждения, людям и учреждениям средневековья, во всех отношениях на них равнялись и при этом оставались совершенно равнодушны к различиям в области религии. Все перемальвалось восхищением историческим величием. (Ср. 285; с. 392 прим. 42.)

Однако если говорить о филологах, сюда следует добавить еще целый ряд специального рода глупостей, которыми они привлекли к себе внимание всего света. Насколько был прав папа Павел II, когда поставил в вину своим аббревиаторам и их коллегам язычество, остается во всяком случае делом в высшей степени неясным, поскольку его основной жертве и биографу Платине (с. 147, 220) мастерски удалось выставить его при этом в таком свете, словно Павел стремился ему отомстить за что-то иное, и вообще Платина его изобразил преимущественно как комический персонаж. Обвинения в неверии, язычестве¹⁶³, отрицании бессмертия и пр. были выдвинуты против

арестованных лишь после того, как процесс по обвинению в заговоре ни к чему не привел. Да и Павел, если нас правильно информируют, был не тот человек, чтобы судить о чем бы то ни было духовном - увещевал же он римлян не давать своим детям никакого образования сверх чтения и письма. Это поповская ограниченность, схожая с отмечаемой у Савонаролы (с. 321), с той только разницей, что папе можно было возразить, что если образование отдаляет человека от религии, то основная вина за это ложится на него и ему подобных. При этом, однако, не следует сомневаться в том, что Павел действительно ощущал беспокойство по поводу языческих тенденций в его окружении. Что же тогда могли себе позволить гуманисты при дворе язычески-безбожного Сиджизмондо Малатесты (с. 439 прим. 132)? Разумеется, у этих в основном лишенных каких-либо основ людей почти все зависело от того, насколько далеко позволяло им заходить их окружение. И там, где они касались христианства, они приближали его к язычеству (с. 167 сл., 171). Надо видеть, насколько далеко заходит в смешении, например, Джовиано Понтано: святой называется у него не только *divus*, но и *deus*^{530*}; ангелов он считает просто тождественными античным гениям¹⁶⁴, а бессмертие с его точки зрения - это просто царство теней. В этом отношении дело доходило до совершенно невероятных крайностей. Когда в 1526 г. Сиена¹⁵⁵ была атакована партией изгнанников, добрый настоятель собора Тицио, который сам нам об этом и рассказывает, поднялся 22 июля с постели, вспомнил, что написано в III книге Макробия^{166531*}, прочитал мессу, а после этого произнес приведенную у этого автора формулу заклятия против врагов, только вместо слов «*Tellus mater teque Juppiter obtestor*» он сказал: «*Tellus teque Christe Deus obtestor*^{532*}». После того, как он продолжал это проделывать на протяжении трех дней, враг отступил. С одной стороны, такие вещи выглядят как невинные вопросы стиля и моды, с другой же, это есть настоящее религиозное отступничество.

Однако античность обладала еще и иным особенно опасным действием, причем именно догматического характера: она сообщала Возрождению свои формы суеверия. Кое-что из этого непрерывно сохранялось в Италии на протяжении средневековья; тем легче теперь все это полностью возрождалось. То, что в этом играло роль мощное воздействие воображения, само собой понятно. Лишь оно было в состоянии заставить замолчать пылкий итальянский дух.

Вера в божественное управление миром была, как сказано, потрясена у одних людей обилием несправедливости и несча-

стий. Другие, как, например, Данте, отдавали по крайней мере земную жизнь случаю и его бедствиям, а если они при этом тем не менее все же сохраняли в себе крепкую веру, то это объяснялось тем, что они прочно придерживались воззрения о высшем предназначении человека в загробном мире. Однако как только эта убежденность в бессмертии поколебалась, перевес перешел на сторону фатализма либо, в случае, когда происходило последнее, первое было его следствием.

Образовавшаяся брешь заполняется поначалу античной астрологией, а также, разумеется, и астрологией арабской. Из взаимного расположения планет между собой в каждый момент, а также из их отношения к знакам зодиака астрология угадывает будущие события и все течение жизни человека, предопределяя таким образом важнейшие принимаемые решения. Во многих случаях те действия, которые человек осуществлял на основании предписаний небесных тел, были в общем-то не более безнравственны, чем те, что были бы им избраны без этого; однако зачастую решение принималось с отнесением издержек на счет совести и чести. Чрезвычайно поучительно, что ни образование, ни просвещение не могли противостоять этому помрачению, потому что оно имело опору в страстной силе воображения, в горячем желании предвидеть и предопределять будущее, а также потому, что помрачение это подтверждалось также и античностью.

В XIII в. астрология внезапно с чрезвычайной энергичностью выступает на первый план итальянской жизни. Император Фридрих II возит своего астролога Теодора с собой, а Эццелино да Романо¹⁶⁷ - целую состоящую у него на жалованье свиту таких людей, среди них знаменитого Гвидо Бонатти⁵³³ и длиннородного сарацина Павла из Багдада. В отношении всех важных предприятий они должны были ему определять день и час, и массовые зверства, которые он приказывал совершать, могут в немалой своей части быть объяснены логическими выводами из их пророчеств. С этих пор никто больше не опасается обращаться с запросами к звездам; не только государи, но также и отдельные городские общины¹⁵⁸ содержат при себе заправских астрологов, а в университеты¹⁵⁹ с XIV по XVI в. на работу принимаются особые профессора этой лженауки, даже помимо астрономов в собственном смысле. Папы¹⁶⁰ по большей части открыто исповедуют впопашку звезд; правда, Пий II составляет здесь достойное исключение¹⁶¹, и точно так же он с презрением относился к толкованию снов, необычных природных явлений и колдовству. Однако сам Лев X, как представляется, относит к великим заслугам своего

понтификата то, что астрология процветает¹⁶², а Павел III не проводил ни одного заседания консистории¹⁶³ без того, чтобы звездочет не назначил ему часа.

Что касается лучших людей, то мы вполне могли бы предполагать, что они ни в малейшей степени не позволяли звездам определять свой способ поведения, что существовала граница, на которой религия и совесть давали приказ остановиться. На деле же достойные и набожные люди не только принимали участие в этом помрачении, но и сами выступали в качестве его представителей. Таким был маэстро Паголо из Флоренции¹⁶⁴, у которого мы сталкиваемся едва ли не с таким же намерением привить астрологию морали, какое явно заметно у позднего римлянина Фирмика Матерна¹⁶⁵³⁴. Жизнь его была в полном смысле жизнью святого аскета: он довольствовался самой малостью, презирал все мирские блага и собирал одни лишь книги. Как сведущий врач он ограничивал свою практику одними своими друзьями, однако ставил им то условие, что они непременно должны исповедоваться. Общение его ограничивалось нешироким, однако прославленным кругом людей, собиравшихся в монастыре Анджели вокруг фра Амброджо Камальдолезе (с. 336), а кроме того, беседами с Козимо Старшим, по крайней мере в последние годы его жизни. Ибо Козимо также ценил астрологию и пользовался ею, пускай лишь для определенных, скорее всего второстепенных целей. Вообще же Паголо давал астрологические советы одним только наиболее близким своим друзьям. Однако и не обладая такой нравственной строгостью, гадатель по звездам вполне мог быть уважаемым человеком и быть принятым в любом обществе, причем в Италии их имелось куда больше, чем в остальной Европе, где они встречаются лишь при наиболее выдающихся дворах, да и то не при всех. Всякий, кто устраивал себе в Италии дом на широкую ногу, держал, как только рвение на этот счет стало достаточно большим, также и астролога, который, разумеется, мог подчас и голодать¹⁶⁶. Через посредство литературы по данной науке, получившей чрезвычайно широкое распространение еще до возникновения книгопечатания, к тому же возник дилетантизм, в меру сил подражавший признанным мастерам в этой области. Наихудшей категорией астрологов были те, которые обращались за помощью к звездам лишь для того, чтобы связать с нею магические искусства или же скрыть их за нею.

Однако и без такого добавления астрология является достойным сожаления аспектом тогдашней итальянской жизни. Что за картину являли собой все эти высокоодаренные, разносто-

ронние, уверенные в себе люди, когда слепая жажда знать будущее и на него воздействовать сразу торжествовала над их могучей индивидуальной волей и решимостью! А ведь между тем, когда звезды возвещали что-то уж слишком неблагоприятное, они собирались с силами и действовали независимо, говоря при этом: *Vir sapiens dominabitur astris*¹⁶⁷, мудрец будет властвовать звездами, - и все лишь для того, чтобы вскоре снова впасть в прежнее ослепление.

Прежде всего всем детям из видных семейств составлялся гороскоп, и, случалось, полжизни человек влачил, ожидая исполнения никчемного предсказания событий, которые так и не наступали¹⁶⁸. Далее, звезды вопрошались насчет каждого важного решения наделенных властью лиц, особенно в отношении часа, когда следует начать действовать. От этого зависел отъезд царственных особ, прием иноземных послов¹⁶⁹, закладка фундамента больших зданий. Красноречивейший пример последнего рода мы встречаем в жизни вышеупомянутого Гвидо Бонатти, которого на основании всей его деятельности, а также значительного созданного им систематизирующего труда¹⁷⁰ можно считать возродившим астрологию в XIII в. Чтобы положить конец партийной борьбе гвельфов и гибеллинов в Форли, он уговорил здешних жителей заново возвести стены их города, приступив к этому в торжественной обстановке под указанным им сочетанием звезд: если в таком случае люди из обеих партий в один и тот же момент бросят в фундамент по камню, в Форли навек позабудут, что такое партийная вражда. Для этого дела было выбрано по одному гвельфу и одному гибеллину. И вот светлый миг настал: тот и другой держали в руке по камню, рабочие приготовили свои инструменты, и Бонатти подал сигнал. Гибеллин тут же бросил свой камень вниз, а вот гвельф замешкался, а потом и наотрез отказался это делать, поскольку сам Бонатти считался за гибеллина и вполне мог тайне замыслить какую-то каверзу против гвельфов. Ну и поносил же его астролог! «Да покарает Бог и тебя, и твою партию гвельфов с вашей недоверчивой злокозненностью! Да такой констелляции над вашим городом не будет теперь в ближайшие 500 лет!» И действительно, после этого Бог погубил гвельфов в Форли, однако теперь (пишет хронист около 1480 г.) гвельфы и гибеллины полностью здесь примирились и не приходится больше слышать названий их партий¹⁷¹.

Следующим, что попадает в зависимость от звезд, оказываются решения, принимаемые на войне. Тот же Бонатти помог великому вождю гибеллинов Гвидо да Монтефельтро одер-

жать целый ряд побед, указывая ему верный по сочетанию звезд час для выступлений; когда же Монтефельтро более не имел его при себе¹⁷², его покинуло все мужество для продолжения борьбы за свою тираническую власть и он удалился в миноритский монастырь, где и можно было его видеть на протяжении долгих лет — собирающим милостыню. Еще в Пизанскую войну 1362 г. флорентийцы поручили астрологу определить час своего выступления¹⁷³; они едва не опоздали, потому что внезапно был рекомендован путь в обход. Так, в предыдущих случаях они выезжали в поле по Виа ди Борго Сан Апостола, и результаты были всякий раз неутешительными; очевидно, с этой улицей, когда они выходили на бой с пизанцами, было связано дурное предзнаменование, и потому на этот раз войско вышло через Порта Росса. Но поскольку здесь не были сняты натянутые для защиты от солнца шатры, им пришлось (снова недобрый знак) нести знамена опущенными. И вообще астрологию невозможно было отделить от военного дела хотя бы потому, что ее придерживались большинство кондотьеров. Джакомо Кальдора⁵³⁵ был весел в самой тяжкой болезни, потому что знал, что падет в битве, как оно на самом деле и случилось¹⁷⁴; Бартоломео Альвиано был убежден в том, что как доставшиеся ему ранения в голову, так и его должность военачальника выпали по предопределению звезд¹⁷⁵; Никколо Орсини-Питильяно⁵³⁶ в 1495 г. запрашивает себе у физика и астролога Алессандро Бенедетто^{176 537*} благоприятный с точки зрения звезд час для заключения его договора о найме на венецианскую службу. Когда 1 июня 1498 г. флорентийцы в торжественной обстановке возвели в должность нового кондотьера Паоло Вителли, переданный ему командирский жезл был снабжен изображениями констелляций¹⁷⁷, причем сделано это было по желанию самого Вителли.

Иной раз остается не вполне ясным, вопрошались ли звезды перед важными политическими событиями или же астрологи рассчитывали констелляции, господствовавшие в соответствующий момент, лишь впоследствии, из любопытства. Когда Джангалеаццо Висконти (с. 15) одним мастерским ударом захватил в плен своего дядю Бернабо и его семейство (в 1385 г.), Юпитер, Сатурн и Марс находились в доме Близицево - так сообщает один современник¹⁷⁸, однако мы не знаем, это ли определило его решение действовать. Нередко сами гадатели по звездам руководствовались политическими соображениями и расчетом в большей степени, чем обращением планет¹⁷⁹.

Если уже на протяжении всего позднего средневековья вся

сплошь Европа от Парижа до Толедо позволяла себя запугивать астрологическими пророчествами чумы, войны, землетрясений, наводнений и т. п., то Италия в этом отношении совершенно от нее не отставала. Несчастливому 1494 году^{538*}, навсегда отворившему Италию для чужеземцев, предшествовали недвусмысленно дурные предсказания¹⁸⁰, однако нелишним было бы выяснить, не держались ли наготове такие пророчества на каждый будущий год еще задолго до него.

Однако в своей полной, античной последовательности эта система распространяется на такие области, где никто не ожидал бы с нею столкнуться. Если вся внешняя и духовная жизнь индивидуума определяется его гороскопом, то и большие духовные группы, например народы и религии, также находятся в подобной зависимости, а поскольку конstellации этих великих совокупностей подвержены изменениям, то им подвержены и сами совокупности. Идея того, что каждой религии определен ее век, проникает через это посредство астрологии и в итальянское образование. Соединение Юпитера, говорится здесь¹⁸¹, с Сатурном произвело на свет иудейскую веру, с Марсом - халдейскую, с Солнцем - египетскую, с Венерой - мусульманскую, с Меркурием - христианскую, а соединением его с Луной некогда будет произведена религия Антихриста. Уже Чекко д'Асколи^{539*} самым кощунственным образом рассчитал Рождество Христа и вывел из него его крестную смерть; по этой причине в 1327 г. ему выпало умереть во Флоренции на костре¹⁸². Учения такого рода влекли за собой в отдаленной перспективе окончательное затуманивание всего вообще сверхчувственного.

Тем более высокую оценку следует дать той борьбе, которую вел просветленный итальянский дух против всех этих ложных хитросплетений. Рядом с величайшими монументальными прославлениями астрологии, такими, как фрески в Салоне в Падуе¹⁸⁴, а также фрески в летнем дворце Борсо (Скифаноя) в Ферраре, рядом с беззастенчивыми восхвалениями¹⁸⁵, которые позволял себе даже Бераальдо Старший, постоянно звучит громкий протест неодураченных и мыслящих. Также и с этой стороны в античности уже была проведена подготовительная работа, однако эти люди не вторят древним, а высказываются на основании их собственного здравого человеческого рассудка и своих наблюдений. Отношение Петрарки к тем астрологам, которых он знал лично, - это резкий сарказм¹⁸⁶, он проникает всю их систему во всей ее злостной измышленности. Да и новелла, с самого ее появления, со «Ста старых новелл», астрологам почти всегда враждебна¹⁸⁷. Авторы флорентийских

хроник мужественнейшим образом отбиваются от астрологии, даже если им приходится излагать эти басни, поскольку они вплетены в традицию. Джованни Виллани неоднократно повторяет¹⁸⁸: «Никакое сочетание звезд не может принудить к чему-либо свободную человеческую волю, как не может оно определить Божью волю». Маттео Виллани объявляет астрологию грехом, который флорентийцы унаследовали вместе с другими суевериями от своих предков, язычников-римлян. Однако вопрос этот не оставался в рамках чисто литературных обсуждений: партии, которые формировались вокруг него, открыто вели борьбу друг с другом. Во время ужасного наводнения 1333 г. и другого, случившегося в 1345 г., вопрос о зависимости судьбы от звезд, Божьей воле и каре очень подробно дискутировался астрологами и теологами¹⁸⁹. Доводы против астрологии никогда не переставали раздаваться на протяжении всего Возрождения¹⁹⁰, причем их следует считать искренними, поскольку человек мог скорее угодить сильным мира сего через защиту астрологии, нежели нападками на нее.

В окружении Лоренцо Великолепного, среди славнейших его платоников, на сей счет господствовал раскол. Марсилио Фичино защищал астрологию и составлял детям из семьи гороскоп (и это, должно быть, тогда он предсказал маленькому Джованни, что тот станет папой - Львом X¹⁹¹). Напротив того, Пико делла Мирандола вписывает яркую страницу в историю этого вопроса своим знаменитым опровержением¹⁹². Он доказывает, что в вере в звезды коренится все безбожие и безнравственность: если бы астролог пожелал во что-то верить, ему прежде всего следовало бы почитать в качестве богов планеты, потому что это ведь от них исходит все счастье и все несчастье. Да и все прочее суеверие также находит здесь себе готовое на все орудие, поскольку геомантия, хиромантия и любого рода волшебство поначалу обращались к астрологии насчет правильного выбора часа. В отношении же нравов Пико говорит так: нет ничего, что бы до такой степени способствовало злу, чем когда само небо представляется изначальным его источником, ведь тогда должна полностью исчезнуть вера в вечное спасение и вечную погибель. Пико даже взял на себя труд проконтрролировать астрологов с эмпирической стороны: из сделанных ими за один месяц предсказаний погоды на будущий день три четверти были неверными. Самое же главное, однако, состояло в том, что он (в IV книге) выдвинул положительную христианскую теорию управления миром и свободы воли, которая, как представляется, произвела на образованных людей всей на-

ции большее впечатление, чем все проповеди раскаяния, которые зачастую более до них не доходили.

Однако прежде всего Пико отбил у астрологов охоту к дальнейшему публикованию их теоретических трудов¹⁹³, а те, которые уже напечатали их перед этим, в большей или меньшей степени этого стыдились. Например, Джовиано Понтано в своей книге «О судьбе» (с. 339) признал всю лженауку в целом и преподал ее теоретически в собственном большом сочинении¹⁹⁴ на манер Фирмика. Правда, и теперь в своем диалоге «Эгидий» он отказывается не от астрологии, но лишь от астрологов, превозносит свободную волю и ограничивает влияние звезд материальными предметами. Дело это остается в ходу, однако оно, как представляется, более так не господствует во всей жизни, как это было раньше. И в живописи, в меру своих сил прославлявшей помрачение в XV в., выражается теперь иной способ рассуждений: вокруг купола капеллы Киджи¹⁹⁵ Рафаэль изображает богов планет и небо неподвижных звезд, и фигуры хранящих и направляющих их прекрасных ангелов, сверху же их благословляет Предвечный Отец. Кажется, был в Италии и еще один враждебный астрологии момент: испанцы, в том числе их генералы, не имели к ней совершенно никакого отношения и если кто желал им угодить¹⁹⁶, совершенно открыто объявлял себя врагом этой полуеретической, поскольку она была полумусульманской, науки. Правда, еще в 1529 г. Гвичардини пишет: везет же астрологам, которым люди верят, даже если они среди ста неправд скажут одну истину, в то время как остальные, кто произнес среди сотни истин одну ложь, выходят из всякого доверия¹⁹⁷. Да и помимо этого презрение к астрологии вовсе не обязательно влекло за собой веру в провидение, оно могло привести также и к общему, неопределенному фатализму.

Как в этом, так и в прочих отношениях Италия не смогла без ущерба для себя прожить и изжить культурный импульс Возрождения, потому что на нее обрушились чужеземное завоевание и Контрреформация. Когда бы не это, она, вероятно, смогла бы полностью преодолеть фантастические бредни собственными силами. И тот, кто придерживается воззрения, что и интервенция и католическая реакция были неизбежны и могут быть целиком поставлены в вину самому итальянскому народу, должен счесть справедливым наказанием также и понесенные в связи с этим духовные потери. Жаль только, что очень многое было при этом утрачено и Европой в целом.

Чем-то куда более невинным, чем гадание по звездам, представляется вера в приметы. Все средневековые унаследовало

целый их арсенал из соответствующих ветвей своего язычества, и Италия в этом отношении не отставала ни на шаг. Однако своеобразным моментом здесь была та поддержка, которую оказывал гуманизм этому массовому помрачению: одному осколку язычества, доставшемуся по наследству, он приходит на выручку с другим, подвергшимся литературной обработке.

Народное суеверие итальянцев распространяется, как известно, на предчувствия и выводы из примет¹⁹⁸, с чем соединяется еще и по большей части невинная магия. Поначалу нет недостатка в ученых гуманистах, которые вполне здраво издеваются над этими вещами и в связи с этим о них повествуют. Тот самый Джовиано Понтано, что написал большой астрологический труд (с. 443 прим. 194), в своем «Хароне» с немалым сочувствием перечисляет всевозможные неаполитанские суеверия: отчаяние женщины, когда у ее курицы или гуся вскочит типун, глубоко озабоченность видного господина, когда к нему не возвратился ловчий сокол или у него охромела лошадь, магическое заклинание апулийских крестьян, произносимое ими в три субботних ночи, когда из-за бешеных собак местность делалась небезопасной и т. д. И вообще точно так же, как в античности, животному миру отдавалось здесь предпочтение в отношении всего несущего в себе указание будущего, и уж, конечно, те содержавшиеся на государственный счет львы, леопарды и пр. (с. 191) подавали народу своим поведением тем больше поводов для размышления, что люди произвольно привыкли видеть в них живой символ государства. Когда во время осады 1529 г. во Флоренцию прилетел подстреленный орел, Синьория выдала тому, кто его принес, четыре дуката, поскольку это считалось хорошим предзнаменованием¹⁹⁹. Далее, определенные моменты времени и места считались благоприятными или неблагоприятными для отправления определенных функций, либо вообще были способны все собой предопределить. Как сообщает Варки, флорентийцы верили, что суббота является их судьбоносным днем, в который имеют обыкновение происходить все важные вещи, как хорошие, так и дурные. Их предубеждение относительно выступления войск по определенным улицам уже (с. 346) упоминалось. У перуджинцев же, наоборот, одни их ворота, Porta eburnea⁶⁴⁰, считались сулящими удачу, так что все Бальоне приказывали войскам выходить на бой всякий раз через эти ворота²⁰⁰. Далее, метеоры и небесные знаки занимают здесь такое же место, как и во всем средневековье, и в необычные очертания облаков воображение и здесь вкладывает сражающиеся армии и верит в то, что высоко в воздухе слышится шум битвы²⁰¹. Однако еще более сомнительным становится суеверие, если оно соче-

тается со священными предметами, как, например, когда изображения Мадонны двигают глазами или плачут²⁰² или же когда злощастья страны ставятся в зависимость от какого-либо мнимого кощунства, искупления которого требует в таком случае чернь (с. 325). Когда над Пьяченцей в 1478 г. разразился сильный продолжительный дождь, стали говорить, что он не прекратится, пока некий ростовщик, незадолго перед этим погребенный в Сан Франческо, будет покоиться в священной земле. Поскольку епископ по доброй воле отказывал в разрешении откопать труп, молодые люди захватили его силой, посреди страшной сумятицы протащили по улицам и наконец выбросили в По²⁰³. Конечно, и Анджеоло Полициано полностью присоединяется к такому же взгляду на вещи, когда он ставит то же в вину Джакомо Пацци, одному из главных вдохновителей названного по имени его семьи заговора во Флоренции в 1478 г. Когда его душили, он в ужасных выражениях предал свою душу Сатане. И здесь начался дождь, да такой, что урожай зерновых оказался под угрозой; поэтому также и здесь толпа людей (в основном крестьян) выкопала в церкви труп, и мгновенно дождевые тучи разошлись и выглянуло солнце - «вот насколько счастливо было народное мнение», — прибавляет великий филолог²⁰⁴. Поначалу труп был зарыт в неосвященную землю, однако в один из следующих дней выкопан вновь и после чудовищного шествия по городу утоплен в Арно.

Такие и подобные им характерные черты весьма распространены в народе и могли с равными основаниями иметь место как в X, так и в XVI в. Однако и сюда вмешивается литературная античность. Относительно гуманистов было полностью достоверно, что они целиком и полностью находились под воздействием необычайных природных явлений и предзнаменований, примеры чего нами уже упоминались (с. 338 сл.). Если это все-таки необходимо еще обосновать, достаточно будет одного только Поджо. Тот самый радикальный мыслитель, который отвергает аристократию и неравенство людей (с. 238 сл.), верит не только во весь средневековый вздор относительно духов и чертей (fol. 167, 179), но и в необычайные природные явления по античному образцу, например в те, про которые рассказывали при последнем посещении Флоренции Евгением IV²⁰⁶. «Вечером тогда неподалеку от Комо видели 4 000 собак, которые пустились в путь в направлении Германии, за ними следовало большое стадо коров, а за ними - войско, пешее и конное, частью совсем без головы, частью же с едва видимыми головами, и наконец - огромный всадник, за которым вновь следовало стадо коров». Поджо также верит в войну сорок и галок (fol.

180). Он даже пересказывает, быть может сам того не замечая, вполне сохранившийся отрывок античной мифологии: на берегу Далмации появляется тритон, бородатый и с маленьким рогу, стоящий морской сатир, переходящий к низу в плавники и рыбе тело; он крадет с берега детей и женщин, пока пять смелых прачек не убивают его камнями и палками²⁰⁶. Деревянное изображение чудовища, которое показывают Поджо в Ферраре, заставляет его целиком в это уверовать. Правда, оракулы более не существуют и богов теперь уж невозможно вопрошать, однако раскрытие наугад тома Вергилия и истолкование мест, на которые при этом наталкиваются (*sortes virgiliae*^{541*}), снова входит в моду²⁰⁷. Помимо этого, характерные для поздней античности верования в демонов не остались без влияния на подобные же верования Возрождения. Сочинение Ямвлиха или Абаммона^{542*} о египетских мистериях, которое могло сослужить в этом отношении службу, было напечатано в латинском переводе уже в конце XV в. Даже Платоновская академия во Флоренции не осталась полностью свободной как от данного, так и иного ему подобного неоплатонического помрачения клонившейся к закату римской эпохи. Об этой вере и связанном с ней колдовстве и пойдет у нас теперь речь.

Народная вера в то, что принято называть миром духов²⁰⁸, в Италии примерно такова же, как и в прочей Европе. Прежде всего здесь также имеются привидения, т. е. явления умерших, и если воззрение на них несколько отличается от бытовавшего на Севере, то это проявляется единственно лишь в античном наименовании - *ombra*^{543*}. Если такая тень является человеку еще и в наше время, он для собственного спокойствия заказывает прочитать пару месс. То, что души злых людей являются в ужасном виде, понятно само собой, однако здесь прибавляется еще то особое воззрение, согласно которому привидения умерших вообще злы по природе. Мертвецы убивают маленьких детей, говорит капеллан у Банделло²⁰⁹. Очевидно, при этом он отделяет особую эту тень от души, поскольку последняя несет наказание в огне чистилища, и когда появляется именно она, обыкновенно она лишь рыдает и вопит. В других случаях то, что является, есть не столько образ как тень определенного человека, сколько образ события, какого-то прошлого состояния. Так объясняют чертовщину в старом дворце Висконти у Сан Джованни в Конка живущие по соседству люди: здесь когда-то Бернабо Висконти мучил и душил бесчисленные жертвы своей тирании, так что нет ничего удивительного в том, что теперь случаются явления²¹⁰. Нечистому на руку управляющему

домом для бедных в Перудже как-то вечером, когда он считал деньги, явилась целая толпа бедняков со свечами в руках и принялась танцевать вокруг; одна же исполинского вида фигура произнесла от их лица угрожающую речь - то был св. Ало, святой-покровитель дома для бедных²¹¹. Воззрения эти сами по себе были так хорошо понятны, что также и поэты смогли в них обнаружить общезначимый мотив. Так, например, прекрасно изображает Кастильоне явление застреленного Лодовико Пико^{544*} под стенами осажденной Мирандолы²¹². Разумеется, всего охотнее поэты пользуются этим мотивом тогда, когда сами они уже избавились от веры в привидения.

В Италии господствовала та же вера народа в демонов, что и у всех народов средневековья. Бытовало убеждение, что Бог дозволяет иной раз злым духам этого рода осуществлять подчас значительное разрушительное действие в отношении отдельных частей мира и человеческой жизни; единственной уступкой была та, что человек, к которому приближались демоны как искусители, мог использовать для сопротивления свою волю. В Италии демоническая сторона природных явлений в особенности легко приобретает в народных устах поэтические измерения. Ночью перед большим наводнением в долине Арно в 1333 г. один святой отшельник услышал в своей келье над Валломброза дьявольские шумы, перекрестился, встал в дверях и увидел, как мимо мчались черные, страшного вида вооруженные всадники. После того как он произнес заклинание, один из них дал ему ответ: «Мы едем чтобы потопить город Флоренцию за его грехи, если то позволит Бог»²¹³. С этим можно сравнить почти одновременное явление в Венеции (1340 г.), на основании которого какой-то великий мастер венецианской школы, быть может Джорджоне, написал изумительную картину: полная демонов галера, которая с быстротой птицы несется над бурлящей лагуной, чтобы погубить грешный островной город, и трое святых, которые, не будучи никем узнаны, поднимаются в барку бедного корабельщика и посредством своих заклинаний низвергают демонов и их корабль на дно морское.

К этой вере присоединяется еще иллюзорное представление, что посредством заклинания человек способен приблизиться к демонам и воспользоваться их помощью для удовлетворения своих земных целей - корыстолюбия, властолюбия и чувственности. В этом отношении, очевидно, поначалу было куда больше невинно осужденных, чем действительно виноватых. Лишь после того как стали жечь мнимых чародеев и ведьм, действительное использование заклинаний и колдовства стало

более распространенным. От костров, на которых приносили в жертву этих подозреваемых, поднимался наркотический дым, вдохновлявший к магии большее число пропащих людей. А тогда к ним присоединились еще и сознательные обманщики.

Общераспространенный и примитивный образ, в котором эта практика беспрерывно продолжалась, быть может, с самих римских времен²¹⁴, — это ведьмовство (strega). Оно может принимать вид совершенно невинного занятия, пока ограничивается только пророчествами²¹⁵, вот только переход от простых предсказаний к оказанию содействия часто остается незаметным, а между тем может оказаться решающей ступенью к падению. Если речь идет о действительном колдовстве, то ведьме главным образом доверяют возбуждение любви и ненависти между мужчиной и женщиной, но также и чисто разрушительные, злые воздействия, а именно иссушение маленьких детей, даже если это совершенно явно происходит вследствие небрежения и неразумия родителей. После всего остается еще вопрос, насколько далеко простирается действие, оказываемое ведьмой при помощи простых волшебных заклинаний, церемоний и непонятных формул, а насколько приходится ей прибегать к сознательному вызыванию демонов, уж не говоря о лекарствах и ядах, которые могли ею выдаваться с полным пониманием оказываемого ими действия.

С наиболее безобидной разновидностью этого, в области чего в конкуренцию с ведьмами еще отваживались вступить нищенствующие монахи, мы знакомимся, например, через ведьму из Газты, которую изображает нам Понтано²¹⁶. Его путешественник Суппатий попадает в ее жилище, как раз когда она принимает здесь одну девушку и одну служанку, которые пришли с черной курицей, девятью снесенными в пятницу яйцами, уткой и белой нитью, поскольку сегодня третий день после новолуния. Пока что она их отсылает и велит прийти в сумерках. Надо надеяться, речь здесь идет исключительно о прорицании: госпожа служанки забеременела от монаха, а возлюбленный девушки ей изменил и ушел в монастырь. Ведьма жалуется: «С тех пор, как мой муж умер, я живу этим делом и вполне могла бы не знать никаких забот, потому что у наших гаэтанок веры достаточно, когда бы мне не перебежали дорогу монахи, поскольку они толкуют сны, принимают деньги на отвращение гнева святых, обещают девушкам мужей, беременным - мальчиков, бесплодным - детей, а сверх того, по ночам, когда мужья на рыбалке, навещают женщин, с которыми договорились в церкви днем». Суппатий предостерегает ее от зависти со стороны

монастыря, однако она нисколько не опасается, потому что настоятель - старый ее знакомец.

Однако помрачение создает и худшую категорию ведьм: таких, которые злым колдовством лишают людей здоровья и жизни. В связи с ними, поскольку дурного глаза и т. д. было недостаточно, на ум прежде всего приходило содействие могущественных духов. Наказанием для них, как мы уже видели в случае с Финичеллой (с. 314), является смерть на костре, однако в то время с этим фанатизмом еще возможно было вступить в переговоры: согласно городскому закону Перуджи, например, они могли откупиться за 400 фунтов²¹⁷. В те времена к делу подходили еще не с полной серьезностью. На территории Папской области, в высоких Апеннинах, прямо на родине св. Бенедикта⁵⁴⁵ в Норче образовался настоящий рассадник ведьмовства и колдовства. Дело было явное и общеизвестное. Разъяснения на этот счет дает одно из наиболее примечательных писем Энея Сильвия²¹⁸, относящихся к раннему периоду его жизни. Он пишет своему брату: «Податель сего явился ко мне, чтобы спросить, не знаю ли я в Италии Венерину гору. Именно на такой горе должны обучать магическим искусствам, к которым его хозяин, саксонец по происхождению и выдающийся астроном²¹⁹, испытывает страстное влечение. Я ответил, что знаю Порто Венере - недалеко от Каррары на скалистом берегу Лигурии, где я по дороге в Базель провел трое суток. Также я выяснил, что на Сицилии имеется посвященная Венере гора Эрикс, однако я не слыхал о том, чтобы там обучали магии. Однако в ходе разговора я припомнил, что в Умбрии, в старом герцогстве (Сполето) неподалеку от города Нурсии⁵⁴⁶ есть место, где под отвесной стеной скалы имеется пещера, а в ней источник. Там бывают, как мне, помнится, доводилось слышать, ведьмы (striges), демоны и ночные тени, и тот, у кого достанет мужества, может видеть духов (spiritus), говорить с ними и учиться колдовству²²⁰. Я-то этого не видел, да и не старался увидеть, потому что чему можно научиться только через грех, того лучше вовсе не знать». Однако он называет того, от кого об этом слышал, и просит брата отвести к нему подателя письма, если тот еще жив. Эней заходит здесь в своей предупредительности по отношению к высокопоставленному лицу очень далеко, однако что до него лично, то он не только в большей степени свободен от всякого суеверия, чем его современники (с. 324, 343), но и выдержал на этот счет такое испытание, которое и теперь было бы не всякому образованному человеку по плечу. Когда во время Базельского собора он в течение 75 дней лежал в

Милане в лихорадке, его так и не смогли убедить послушаться врачей-чародеев, хотя прямо к его кровати подводили человека, чудесным образом вылечившего перед этим от лихорадки 2 000 солдат в лагере Пиччинино. Все еще больным Эней переправился через горы в Базель и излечился по дороге²²¹.

Далее нам приходится кое-что узнать об окрестностях Норчи через некроманта, который желал приобрести власть над великолепным Бенвенуто Челлини. Дело состояло в том²²², чтобы освятить новую колдовскую книгу, а наиболее удобным для этого местом являются как раз тамошние холмы. Правда, как-то учитель чародея святил книгу вблизи аббатства Фарфы, однако при этом возникли осложнения, с которыми не пришлось бы столкнуться у Норчи. А сверх того, нурсийские крестьяне - люди надежные, в деле этом сведущие и в случае чего способны оказать немалую подмогу. Однако вылазка не состоялась, а то Бенвенуто, вероятно, познакомился бы с сообщником мошенника. В те времена эта местность была у всех на слуху. Аретино где-то говорит о ведьмовском колодце: там жили сестра сивиллы Норчийской и тетка Фата Морганы. И, вероятно, приблизительно в то же время Триссина в своем большом эпосе²²³ воспел эту местность как обитель истинного пророчества, пустив для этого в ход все возможности поэзии и аллегории.

С печально знаменитой буллой Иннокентия VIII (1484 г.)²²⁴ ведьмовство и его преследование получает, как известно, статус гигантской отвратительной системы. Поскольку основными ее проводниками были немецкие доминиканцы, бич этот обрушился в основном на Германию, а в Италии прежде всего на те области, которые ближе всего прилегали к Германии. Уже сами папские распоряжения и буллы²²⁶, например, относятся к провинции доминиканского ордена Ломбардии, к епархиям Брешиа и Бергамо, к Кремоне. Так, из знаменитого теоретически-практического руководства Шпренгера «Молот ведьм»^{547*} мы узнаем, что в Комо уже в первые годы после выхода буллы была сожжена 41 ведьма; толпы итальянок бежали в область эрцгерцога Сигизмунда, полагая, что там они пока что будут в безопасности. Наконец, эта охота на ведьм совершенно неискоренимым образом входит в повседневную действительность некоторых несчастных альпийских долин, особенно Валь Камоника²²⁶. Очевидно, системе удалось хроническим образом заразить этим помрачением группы населения, бывшие к тому каким-то образом расположенными. Знакомая с историями и новеллами из Милана, Болоньи и т. д.²²⁷, мы должны понимать, что здесь идет речь именно об этой, в основном немецкой по

своему характеру разновидности ведьмовства. Если оно не распространилось на прочую Италию, то это, быть может, зависело от того, что здесь уже имелась и была хорошо известна развитая «стрегерия», покоившаяся на существенно иных основаниях. Итальянская ведьма занимается своим ремеслом: от своих клиентов она требует денег, но прежде всего - сознательного отношения. Здесь и речи нет об истерических сновидениях северных ведьм, о дальних полетах, инкубах и суккубах: стрега должна позаботиться о том, чтобы доставить удовольствие другим людям. Если о ней начинают думать, что она способна принимать различные образы, быстро перемещаться в отдаленные места, это ей может понравиться, поскольку повышает ее престиж, но, с другой стороны, здесь уже кроется опасность для нее, если верх одержит страх перед ее злобой и мстительностью, особенно в отношении околдовывания детей, коров и полевых плодов. Ее сожжение инквизиторами и местными властями может оказаться в высшей степени популярной мерой.

Однако наиболее важной областью деятельности стреги, как уже указывалось, были дела любовные, среди которых числятся такие, как возбуждение любви и ненависти, завязывание шнура с целью отомстить^{548*}, вытравливание плода любви, а по обстоятельствам - и то, чтобы якобы причинить смерть неверному или неверной при помощи магических обходов, или даже приготовление ядов²²⁸. Поскольку люди доверялись таким женщинам с чрезвычайной неохотой, возникло некоторого рода любительство, при котором люди потихоньку выучивались у ведьм то одному, то другому, а потом продолжали этим заниматься самостоятельно. Например, римские публичные женщины пытались поддержать собственное очарование при помощи чар другого рода, в духе Горациевой Канидии^{549**}. Аретино^{229 550*} не только мог на этот счет кое-что о них знать, но и был способен порассказать о них достоверные вещи. Он перечисляет гнусные отбросы, собранные у них в шкафах: волосы, черепа, ребра, зубы, глаза мертвецов, человеческая кожа, пуповины маленьких детей, подметки и куски одежды из могил. Они даже приносят с погостов гниющее мясо (и еще более немислимые вещи) и незаметно дают его отведать своему любовнику. Волосы, тесемки, срезанные ногти любовника они варят в масле, украденном из неугасимых церковных лампад. Самые невинные из их заклинаний - это когда они лепят сердце из горячей золы и его протыкают, припевая:

*Prima che'l fuoco spenghi
Fa ch'a mia porta venghi;
Tal ti pungo il mio amore^{551*}
Quale io fo questo cuore*

Бывали еще колдовские формулы при свете луны, знаки на земле и восковые или медные фигурки, которые вне всякого сомнения изображали любимого и с которыми обращались по обстоятельствам.

К вещам этим настолько привыкли, что женщина, которая, не имея ни красоты, ни молодости, тем не менее обладала большой привлекательностью для мужчин, тут же подпадала под подозрение в колдовстве. Мать Санги²³⁰ (секретаря при Клименте VII) отравила его возлюбленную, дело с которой обстояло именно таким образом. К несчастью, умерли также и ее сын и все общество его друзей, отведавших отравленного салата.

Далее следует, и уже не в качестве помощника, но конкурента ведьмы, еще лучше знакомый с опасными задачами колдун или заклинатель, *incantatore*. Иной раз он в равной степени или даже преимущественно является астрологом; но чаще всего он мог выдавать себя за астролога, чтобы не подвергнуться преследованиям как колдун, тем более что без толики астрологии для определения благоприятных часов не мог обойтись также и колдун (с. 344, 347). Но поскольку многие духи добры или индифферентны²³¹, то и их заклинатель может иной раз претендовать на сносную репутацию, и еще Сикст IV в 1474 г. в одном решительном папском послании²³² вынужден был выступить против некоторых болонских кармелитов, прямо с кафедры заявлявших, что ничего плохого нет в том, чтобы вопрошать демонов и ждать от них ответа. В самую такую возможность верили тогда, очевидно, очень многие; непосредственным доказательством этого служит уже хотя бы то, что даже самые набожные люди верили в вымоленные видения добрых духов. Савонарола весь полон такими представлениями, флорентийские платоники говорят о мистическом воссоединении с Богом, а Марцелл Палиндженио (с. 170) недвусмысленно дает понять, что общается с благими духами²³³. В то же время он убежден в существовании целой иерархии злых демонов, которые, обитая от луны и ниже, подкарауливают природу и человеческую жизнь²³⁴, и он даже рассказывает о личном знакомстве с ними, а поскольку целям нашей книги не отвечает систематическое изображение тогдашней веры в духов, то мы дадим по крайней мере рассказ Палиндженио в качестве частного примера²³⁵.

На Соракте, возле Сан Сильвестро, один благочестивый отшельник наставлял Палиндженио в ничтожности всего земного и бессмысленности человеческой жизни, а после, с наступлением ночи, тот отправился в Рим. Здесь, прямо на улице при ярком лунном свете присоединяются к нему трое людей, один из которых называет его по имени и спрашивает, откуда он идет. Палиндженио отвечает, что от мудреца с этой горы. «О глупец, - возражает тот, - неужто ты полагаешь, что на Земле кто-либо мудр? Лишь высшие существа (Divi) обладают мудростью, и к ним принадлежим мы трое, хотя мы и имеем человеческий облик. Я зовусь Сарацил, а эти двое Сатизель и Яна; наше царство - прежде всего Луна, где и вообще обитает большая толпа средних существ, господствующих над землей и морем». Не без внутреннего трепета Палиндженио спрашивает их, что за дело у них в Риме. Ответ таков: «Один из наших товарищей, Аммон, с помощью магической силы удерживается в рабстве одним юношей из свиты кардинала Орсини. Ибо примечайте, люди, - это, между прочим, доказательство вашего собственного бессмертия, - что вы можете принуждать нашего брата. Я сам как-то, будучи заключен в хрустальный сосуд, был вынужден служить одному немцу, пока бородатый монашек меня не освободил. Теперь мы хотим попытаться оказать эту услугу нашему товарищу в Риме, а заодно переправить в Орк пару видных господ». При этих словах демона поднимается ветерок, и Сатизель говорит: «Слышите, наш посланник уже возвращается из Рима, это дуновение возвещает о нем». И действительно, появляется еще один, которого они весело приветствуют и расспрашивают про Рим. Его известия в высшей степени антипапские по тону: Климент VII снова заключил союз с испанцами и надеется искоренить Лютерово учение не при помощи аргументов, но испанским оружием - чистая прибыль для демонов, которые в случае предстоящего большого кровопролития отведут бесчисленные души в ад. После этих речей, в которых Рим с его безнравственностью изображается как целиком впавший во зло, демоны исчезают и предоставляют поэту скорбно следовать своей дорогой²³⁶.

Если кто желает составить представление о том, насколько далеко можно было тогда заходить в признании этой связи с демонами, несмотря на «Молот ведьм» и пр., мы должны отослать его к пользовавшейся большой популярностью книге Агриппы Неттесгеймского «О тайной философии». Как можно думать, он, правда, написал ее рано, до того как побывал в Италии²³⁷, однако в посвящении Тритемию Агриппа называет сре-

ди прочих также и важные итальянские источники, пускай даже только для того, чтобы дать им низкую оценку заодно с остальными. В случае неоднозначных личностей, одной из которых был Агриппа, как и в случае шарлатанов и дураков, какими должны быть названы большинство остальных, нас очень мало интересует их система, которой они нередко прикрываются, вместе со всеми ее формулами, воскурениями, мазиями, пентаклями, костями мертвецов²³⁸ и пр. Однако, во-первых, система эта сплошь наполнена цитатами из античных суеверий, и, далее, ее воздействие на жизнь и страсти итальянцев представляется подчас весьма значительным и богатым следствиями. Можно полагать, что лишь наиболее развращенные из великих могли отдаваться этому делу полностью, однако сильные желания и страсти время от времени приводят к колдунам также и сильных, творческих людей всех сословий, и уже само сознание, что дело это возможно, в какой-то мере лишает веры в нравственный миропорядок даже наиболее чуждых всякому суеверию людей. Возникает впечатление, что при помощи денег и риска человек способен безнаказанно пренебречь всеобщими разумом и нравственностью и перескочить через ступени, которые в ином случае лежат между человеком и его дозволенными или недозволенными целями.

Сначала рассмотрим древнюю, находящуюся на грани исчезновения разновидность колдовства. От самых ранних веков средневековья, даже от античности многие итальянские города сохранили воспоминание о том, что их судьба связана с определенными зданиями, статуями и т. д. Некогда древние рассказыывали о посвященных жрецах или «телестах», которые присутствовали при основании отдельных городов и магически обеспечивали их благосостояние посредством определенных памятников, а также, видимо, и посредством тайного захоронения определенных предметов (telesmata)⁵⁵². Если что-то от римских времен продолжало теперь свою жизнь в народе, сохранившись в устном предании, так это данные традиции; вот только, разумеется, посвященных жрецов в ходе столетий сменили просто колдуны, поскольку религиозная сторона деятельности первых в античности становится теперь непонятной. В некоторых неаполитанских Вергилиевых чудесах²³⁹ вполне отчетливо живет древнейшее воспоминание об одном телесте, имя которого было со временем вытеснено именем Вергилия. Так и заключение таинственного изображения города в сосуд есть не что иное как античная телесма, а Вергилий как основатель стен Неаполя - это лишь видоизмененный присутствующий при ос-

новании города посвященный жрец. Народная фантазия со все более обильными результатами продолжает трудиться над этими предметами далее: пока Вергилий не оказывается также создателем и бронзовой лошади, головы на Ноланских воротах и бронзовой мухи над какими-то другими воротами, и даже грота Посилиппо и т. д. Все это - сплошь предметы, в некоторых отношениях осуществляющие магическую связь судеб, в то время как обе упомянутые черты⁵⁵³ определяют, как представляется, судьбы Неаполя вообще. И в средневековом Риме также имелись смутные воспоминания в том же роде. В Сан Амброджо в Милане находился античный мраморный Геркулес; про него говорили, что пока он стоит на месте, будет существовать государство (вероятно, государство германских императоров, которых венчали на престол в церкви Сан Амброджо)²⁴⁰. Флорентийцы были убеждены²⁴¹, что их (перестроенный позднее в баптистерий) храм Марса будет стоять до скончания времен, в соответствии с констелляцией, под которой он был построен во времена Августа. Правда, мраморную конную статую Марса они, будучи христианами, отсюда удалили, однако поскольку ее уничтожение (опять же на основании констелляции) навлекло бы на город большое несчастье, ее поставили на одну башню над Арно. Когда Тотила⁵⁶⁴ разрушил Флоренцию, статуя упала в воду и была оттуда извлечена, лишь когда Карл Великий заново основал Флоренцию. Теперь ее поставили на опору при въезде на Понте Веккьо - и на этом месте был в 1215 г. убит Буондельмонти⁵⁵⁵, так что и зарождение великой межпартийной борьбы гвельфов и гибеллинов было связано с этим ужасным идолом. При наводнении 1333 г. он исчез навсегда²⁴².

Однако такая же телесма обнаруживается и в другом месте. Уже упомянутый Гвидо Бонатти не удовлетворился тем, чтобы при основании заново городских стен Форли потребовать символической сцены примирения двух партий (с. 344). Он полагал, что при помощи бронзового или каменного изображения всадника, изготовленного им и захороненного с помощью астрологических и магических средств²⁴³, он защитил Форли не только от разрушения, но даже разграбления и взятия. Когда кардинал Альборнос (с. 72) приблизительно через шесть десятков лет правил Романьей, статуя была случайно найдена при земляных работах и выставлена, очевидно, по приказанию кардинала, на обозрение народу, чтобы тот понял, какими средствами ужасный Монтефельтро утверждал свою власть в пику римской церкви. Однако еще полстолетия спустя (1410 г.), когда внезапное нападение врагов на Форли закончилось неуда-

чей, народ снова обратился к силе статуи, которая, видимо, была спасена и снова захоронена. Однако то был, должно быть, последний раз, когда довелось порадоваться: уже на следующий год город был действительно завоеван. Закладка зданий во всем XV в. содержала в себе не только астрологические (с. 344), но и магические отзвуки. Просто поразительно, какую массу золотых и серебряных медалей папа Павел II закладывал в основание своих зданий²⁴⁴, и Латине было вовсе даже не неприятно узнать в этом добрую языческую телесму. Относительно средневекового религиозного значения такой жертвы²⁴⁵ как Павел, так и его биограф, разумеется, не имели представления.

Однако это официальное волшебство, которое, несомненно, было по большей части лишь досужими сплетнями, даже в отдаленной степени не приобретает значения тайной, используемой в личных целях магии.

Все, что из области магии встречалось особенно часто в повседневной жизни, собрал Ариосто в своей комедии о некрмантах²⁴⁶. Ее герой - один из многих изгнанных из Испании евреев, хотя он выдает себя также за грека, египтянина и африканца и беспрестанно меняет имена и маски. Хотя он способен⁵⁵⁶ с помощью своих заклинаний затемнить день и просветлить ночь, сдвинуть землю, сделаться невидимым, превращать людей в животных и т. д., однако вся эта похвальба является только вывеской: его истинной целью является эксплуатация несчастливых и охваченных страстями супружеских пар, и уж здесь-то оставляемые им следы подобны склизкой дорожке улитки, а часто - и последствиям разрушительного градобития. В своих целях он заставляет окружающих поверить, что сундук, в котором закрыт любовник, полон духов, и что сам он в состоянии заставить говорить труп и т. п. По крайней мере хорошим знаком является то, что поэты и авторы новелл могли выставить людей такого сорта в смешном свете и при этом рассчитывать на одобрение. Банделло не только рисует колдовство одного ломбардского монаха как жалкое и ужасное по своим последствиям мошенничество²⁴⁷, но еще и с подлинным негодованием изображает²⁴⁸ беды, беспрестанно преследующие легковверных дураков. «Такой человек надеется при помощи «Ключа Соломона» и многих других колдовских книжек отыскать в недрах земли спрятанные там сокровища, заставить свою даму подчиниться его воле, разузнать тайны государей, в один миг переместиться из Милана в Рим и тому подобное. Чем чаще он обманывается, тем упрямее становится... Вы только себе представьте, синьор Карло, то время, когда один наш друг, для того

чтобы вызвать к себе благосклонность своей возлюбленной, наполнял свою комнату черепами и мертвыми костями, словно это поГост!» Случаются в высшей степени отвратительные поручения - к примеру, вытащить у трупа три зуба, вырвать ему ногу с пальца и т. д., а потом, когда наконец приступают к заклинанию со всем его фокусничеством, несчастные участники иной раз умирают со страха.

Бенвенуто Челлини, правда, не умер во время известного великого заклинания (1532 г.) в римском Колизее²⁴⁹, хотя ему и его спутникам пришлось пережить ощущение глубочайшего ужаса: сицилийский священник, вероятно, видевший в нем своего возможного будущего пособника, даже сделал ему по пути домой комплимент - ему, мол, еще не приходилось встречать человека такого несокрушимого мужества. Что же касается самого заклинания, каждый читатель может представлять себе его ход так, как пожелает; решающим моментом здесь были, видимо, наркотические пары и заранее подготовившееся ко всему самому ужасному воображение: также и поэтому приведенный сюда юноша, на которого все это должно было произвести сильнейшее впечатление, смог увидеть куда больше остальных. О том же, что все дело было устроено в основном имея в виду Бенвенуто, мы можем заключить хотя бы по тому, что вообще-то для этого связанного с опасностью предприятия невозможно подыскать никакой другой цели, помимо любопытства. Ведь сам-то он первым делом вспомнил прекрасную Анжелику, чародей же говорит ему после, что все дела любовные - глупость в сравнении с отысканием сокровищ. Наконец, мы не должны забывать, что само произнесение слов: «Демоны сдержали данное ими мне слово, и ровно месяц спустя, как мне и было обещано, я сжимал Анжелику в объятиях» (гл. 68) щеко-тало тщеславие. Однако при том, что в истории своей Бенвенуто мог постепенно сам себя ввести в заблуждение, она все же имеет непреходящую ценность как пример господствовавших тогда воззрений.

Но вообще-то итальянские художники, даже самые «удивительные, причудливые и странные», нелегко увлекались чародейством. Правда, один такой художник - в связи со своими анатомическими штудиями - кроит себе камзол из кожи покойника, однако после увещеваний своего исповедника вкладывает его обратно в могилу²⁶⁰. Именно часто практиковавшееся изучение трупов могло наиболее радикальным образом опрокинуть веру в магическое воздействие различных их частей, и в то же время беспрестанное наблюдение и воссоздание форм

раскрывало перед художником возможность магии совершенно иного рода.

Вообще говоря, несмотря на приведенные примеры, чародейство и колдовство находится явно на спаде в начале XVI в., т.е. в то время, когда за пределами Италии оно как раз достигает расцвета, и тогда только и начинаются вояжи итальянских колдунов и астрологов на Север, поскольку на родине они ни у кого не вызывали большого доверия. XIV в. был веком, когда считали необходимым вести тщательное наблюдение за озером на горе Пилата у Скариотто, чтобы помешать колдунам в их освящении книг²⁵¹. В XV в. еще случались такие вещи, как, например, предложения вызвать ливень с тем, чтобы разогнать осаждающую город армию; и уже тогда правителю осажденного города (Никколо Вителли в Читта ди Кастелло) хватило разума, чтобы отослать заклинателей дождя как безбожников²⁶². В XVI в. таких вещей в официальном порядке больше не встретить, хотя частная жизнь во многих отношениях еще подпадает под влияние заклинателей. Именно к этому времени принадлежит классическая фигура немецкого чародея, д-ра Иоганна Фауста; в то же время образ чародея итальянского, Гвидо Бонатти, относится еще к XIII в.

Здесь, однако, необходимо прибавить, что упадок веры в заклинание не вел за собой неизбежного подъема веры в нравственный порядок человеческого бытия, но что у многих она, как и шедшая на спад вера в силу звезд, оставляла по себе лишь один тупой фатализм.

Несколько побочных разновидностей помрачения, а именно пиромантию, хиромантию²⁶³ и пр., до некоторой степени набравших силу лишь с закатом веры в заклинание и астрологию, мы должны здесь целиком обойти молчанием, и даже сама физиогномика оказывается далеко не столь интересной, как склонны мы обычно предполагать при упоминании этого названия. Именно она является не в качестве сестры и товарки изобразительного искусства и практической психологии, но в основном - как новая разновидность фаталистического помрачения, как явная соперница звездознательства, чем она скорее всего и являлась уже у арабов. Так, например, Бартоломмео Кокле²⁶⁴, составитель учебника по физиогномике, называвший себя метопоскопом^{557*}, наука которого, по выражению Джовио, уже выглядела как одно из наиболее выдающихся свободных искусств, не удовлетворялся тем, чтобы давать прорицания умнейшим людям, ежедневно обращавшимся к нему за советом, но еще и составил в высшей степени сомнительный «Указатель тех, кому

предстоят различные жизненные опасности». Джовио, хотя он и состарился в среде римского просвещения (in hac luce romana!), тем не менее находит, что содержащиеся здесь пророчества оправдываются как нельзя более часто²⁵⁵. Разумеется, в связи с этим нам приходится узнать и то, как люди, затронутые этими и подобными предсказаниями, мстили пророкам. Так, Джованни Бентивольо приказал пять раз стукнуть о стену подвешенного на привязанном к высокой винтовой лестнице канате Лукаса Гаурика, потому что Лукас предсказал ему²⁵⁶ утрату власти. Эрмес Бентивольо прислал Кокле убийцу, потому что несчастный метопоскоп, хотя и против воли, предсказал ему, что он, будучи изгнанником, падет в битве. Как кажется, убийца, пока умиравший был еще жив, над ним издевался: Кокле, мол, сам же ему предсказал, что вскоре он совершит постыдное убийство! Совершенно аналогичный достойный жалости конец ждал возродителя хиромантии, Антиоко Тиберто из Чезены²⁵⁷, - от Пандольфо Малатесты из Римини, которому он предсказал нечто наиболее неприятное из всего, что способен себе вообразить тиран: смерть в изгнании и крайнюю нищету. Тиберто был большого ума человек: о нем существовало мнение, что он в меньшей степени дает свои советы на основании методов хиромантии, нежели в соответствии со своим проникательным знанием людей. За высокую образованность его высоко ценили даже те ученые, которые ни во что не ставили его пророчества²⁵⁸.

Наконец, алхимия, которая впервые упоминается в античности лишь очень поздно, при Диоклетиане, играет во время расцвета Возрождения лишь служебную роль²⁵⁹. Этой болезнью Италия также переболела раньше, в XIV в., когда Петрарка в своей полемике против нее признает: попытки изготавливать золото являются здесь распространенным обычаем²⁶⁰. С того времени тот особый сорт веры, преданности и уединения, которых требуют занятия алхимией, становился в Италии явлением все более редким, в то время как итальянские и прочие ее адепты на Севере лишь тогда начали по-настоящему эксплуатировать видных людей²⁶¹. Уже при Льве X те немногие люди²⁶², которые все еще продолжали ей предаваться, назывались у итальянцев «мечтателями» (*ingenia curiosa*), и Аврелио Авгурелли^{558*}, который самому Льву, большому золотоненавистнику^{559*}, посвятил дидактическое стихотворение об изготовлении золота, получил в качестве ответного дара роскошный, однако пустой кошель. Мистическое учение посвященных, разыскивавших помимо золота еще и всеосчастливливавший фило-

софский камень, есть целиком и полностью плод Севера, расцветший буйным цветом из теорий Парацельса^{560*} и др.

Как с этим суеверием, так и с античным способом мышления вообще тесно связан подрыв веры в бессмертие. Однако и помимо того данный вопрос стоит с развитием современного духа как таковым еще во многих других, более глубоких взаимоотношениях.

Важным источником всех сомнений в бессмертии было поначалу желание не быть более ничем внутренне обязанным ненавистной церкви в том ее виде, какой она была. Мы видели, что людей, думавших так, церковь называла эпикурейцами (с. 335 ел.). Перед лицом смерти многие могли снова потянуться к таинствам, однако бесчисленное множество людей, во всяком случае в самые деятельные годы их жизни, жило и действовало исходя из предпосылки неверия в бессмертие. То, что у многих с этим должно было быть связано также и общее неверие, очевидно само по себе, но также всесторонне засвидетельствовано исторически. Это те люди, о которых Ариосто говорит: их вера не простирается выше крыши²⁶³. В Италии, особенно во Флоренции, человек поначалу мог жить, будучи заведомо неверующим, если только не проявлял по отношению к церкви открытой враждебности. Например, исповедник, который должен готовить к смерти политического преступника, для начала у него осведомляется, верит ли он. «Ибо прошел ложный слух, что у него нет веры»²⁶⁴.

Бедный грешник, о котором здесь идет речь, это упоминавшийся на с. 46 сл. Пьерпаоло Босколи, в 1513 г. принявший участие в покушении на незадолго перед этим восстановивший свое положение дом Медичи. Он может в полном смысле служить иллюстрацией тогдашнего религиозного брожения. С самого начала Босколи был предан партии Савонаролы, однако впоследствии увлекся античными идеалами свободы и возрождением язычества. Однако когда он был в заточении, его прежняя партия вновь занялась им и обеспечила ему блаженную в ее представлении кончину. Исполненным благочестия свидетелем и летописцем всего происходившего является представитель семьи художников делла Роббиа, ученый филолог Лука. «Ах, - вздыхает Босколи, - изведите Брута у меня из головы, чтобы я мог проделать путь ко Христу!» Лука отвечает: «Если вы этого желаете, это не трудно. Вы ведь знаете, что эти римские деяния были нам преподаны не по-простому, но в идеализированном виде (*con arte accresciute*)». И вот Босколи начинает принуждать свой рассудок к тому, чтобы уверовать, и жалу-

ется на то, что не может поверить по собственной воле. Вот если бы он мог пожить месяц с добрыми монахами, он бы стал придерживаться совершенно духовного образа мыслей! Далее оказывается, что эти люди из окружения Савонаролы знают Библию очень мало: Босколи знает из молитв лишь «Отче наш» и «Аве Мария», и теперь он настоятельно упрощает Луку сказать друзьям, чтобы они изучали Священное писание, ибо лишь то, что человек выучил при жизни, остается с ним при смерти. После этого Лука читает и толкует ему Страсти по Евангелию от Иоанна; странным образом бедняга вполне уразумевает божественную природу Христа, в то время как его человеческая природа доставляет ему затруднения. Он был бы счастлив постигнуть последнее так зримо, «словно Христос как бы вышел навстречу ему из лесу». В ответ на это друг призывает его к смирению, поскольку все это - сомнения, насылаемые Сатаной. Затем Босколи вспоминает о неисполненном им юношеском обете совершить паломничество в Импрунету, и его друг обещает ему это исполнить за него. Между тем приходит исповедник, которым по просьбе Босколи был определен монах из монастыря Савонаролы, и вначале дает ему то вышеупомянутое разъяснение относительно точки зрения Фомы Аквинского на убийство тирана, а потом убеждает его претерпеть смерть с мужеством. Босколи отвечает: «Патер, не теряйте времени на это: для этого мне достаточно философов. Но помогите мне претерпеть смерть из любви ко Христу». Все дальнейшее - причащение, прощание и сама казнь - изображаются в высшей степени умиротворенно. Следует в особенности выделить одну подробность: уже положив голову, на плаху, Босколи просит палача еще мгновение повременить с ударом: «Именно, все это время (с объявления смертного приговора) он стремился к воссоединению с Богом, однако так и не достиг желаемого, но теперь ему подумалось, что в этот миг через полное напряжение сил он сможет всего себя вручить Богу». Очевидно, то было выражение Савонаролы, которое, будучи понято Босколи лишь наполовину, и вызывало в нем беспокойство.

Если бы у нас было побольше признаний такого рода, духовная картина этого времени обогатилась бы для нас многими имеющими важное значение чертами, которых мы не находим ни в одном трактате, ни в одном стихотворении. С еще большей отчетливостью мы увидели бы и то, насколько силен был прирожденный человеку религиозный импульс, но и насколько субъективно и шатко было его отношение к религии и сколь мощные враги противостояли ему в этом. Невозможно отри-

цать: люди с подобными внутренними свойствами непригодны для того, чтобы основать новую церковь, однако история западноевропейского духа была бы неполной без рассмотрения этой эпохи итальянского брожения, в то время как без оглядки на другие нации, не принимавшие участия в движениях мысли, история эта вполне мыслима. Однако вернемся к вопросу о бессмертии.

Если неверие приобрело столь значительное распространение среди высокоразвитых людей, это объяснялось в том числе и тем, что все духовные и душевные силы людей были в весьма значительной степени отвлечены решением великой задачи земного существования — открыть и воспроизвести мир в слове и образе. Об этом неизбежном обмирщении Возрождения речь у нас уже (с. 331 сл.) была. Однако помимо того эти исследования и это искусство с той же самой необходимостью порождали общий дух сомнения и поиска. Если этот дух мало заявляет о себе в литературе, если он дает поводы лишь для разрозненных попыток критики библейской истории (с. 338), нам не следует полагать, что его и вообще не было. Он был лишь заглушен только что упомянутой потребностью описания и изображения во всех областях, т. е. позитивным художественным импульсом; кроме того, его, как только он желал перейти к теоретическим обоснованиям, также сдерживала и еще существовавшая насильственная власть церкви. Однако этот дух сомнения должен был с неизбежностью обратиться прежде всего к вопросу относительно посмертного состояния, и это должно было произойти по причинам, слишком очевидным для того, чтобы существовала необходимость их называть.

Кроме того, сюда присоединилось еще и воздействие античности, причем осуществлялось оно в данной сфере по двум направлениям. Во-первых, предпринимались попытки усвоить психологию древних, и с этой целью, чтобы выяснить окончательное их мнение в этом вопросе, до дыр штудировали Аристотеля. В одном относящемся к этому времени диалоге в духе Лукиана²⁶⁵ Харон рассказывает Меркурию, что лично спросил Аристотеля относительно его веры в бессмертие, когда перевозил его в своей лодке. Так вот, осторожный философ, хотя уже и умерший телесно, но все-таки продолживший свое существование, даже и на этот раз не пожелал дать ясный ответ - так чего же следует ожидать через много столетий, когда будут истолковываться его сочинения! Тем усерднее спорили люди относительно его мнений и мнений других древних писателей в отношении истинных свойств души, ее возникновения, ее пред-

существования, ее единства во всех людях, ее абсолютной вечности, и даже ее странствий, и находились такие, что вещали на такие темы прямо с амвона²⁶⁶. Диспуты были весьма жаркими уже в XV в.: одни доказывали, что Аристотель несомненно учил о бессмертии души²⁶⁷; другие жаловались на жестокосердечие людей, которым для того чтобы вообще поверить в существование души, желательно было бы столкнуться с ней нос к носу²⁶⁸. Филельфо в своей надгробной речи о Франческо Сфорца приводит весьма пестрый ряд высказываний античных и даже арабских философов в пользу бессмертия и завершает эту мешанину, в печатном виде²⁶⁹ занимающую полтора узких листа ин-фолио, двумя строками: «А сверх того у нас имеются Ветхий и Новый Завет, превышающие всякую истину». Между тем сюда присоединились еще флорентийские платоники - с теорией души Платона, а также, как, например, Пико, с очень важными ее дополнениями из христианского учения. Однако образованный мир был заполонён мнением противников бессмертия. К началу XVI в. неудовольствие, которое испытывала по этому поводу церковь, увеличилось настолько, что на Латеранском соборе (1513 г.) Лев X должен был издать конституцию²⁷⁰ для защиты бессмертия и индивидуальности души, последнее - против тех, кто учил, что душа во всех людях одна и та же. Однако несколько лет спустя появилась книга Помпонацци^{561*}, где была показана невозможность философского доказательства бессмертия, после чего развернулась борьба между его критиками и апологетами, прекратившаяся лишь с наступлением католической реакции. Предсуществование души в Боге, мыслившееся в большей или меньшей степени в согласии с учением об идеях Платона, долго оставалось весьма распространенным представлением, пришедшимся по сердцу, например, поэтам²⁷¹. Вопрос о том, какие последствия влечет это за собой для продолжения существования души после смерти, вплотную не рассматривался.

Второе воздействие со стороны античности исходило прежде всего из того замечательного фрагмента VI книги сочинения Цицерона «О государстве», который известен под названием «Сон Сципиона». Вероятно, без комментария Макробия фрагмент этот был бы утрачен, как и вся вторая половина сочинения. Однако теперь он распространялся в бесчисленных списках²⁷², а с началом книгопечатания - и в многочисленных изданиях, и многократно комментировался заново. Здесь дается изображение просветленного, пронизанного гармонией сфер существования великих людей. Это языческое небо, в пользу ко-

торого были постепенно подысканы и другие высказывания древних, постепенно вытесняло небо христианское в той же мере, в какой идеал исторического величия и славы вытеснил в тень идеал христианской жизни; при этом к тому же чувствам не доводилось изведать того оскорбления, как в случае учения о полной гибели личности. Так, уже Петрарка основывает свою надежду в основном на этом «Сне Сципиона», на рассуждениях, содержащихся в других сочинениях Цицерона и на платоновском «Федоне», и все это без какого-либо упоминания Библии²⁷³. «Почему я, - вопрошает он в другом месте, - будучи католиком, не должен разделять ту надежду, которую вне сомнения нахожу у язычников?» Несколько позднее Колуччо Салютати^{662*} написал свое (имеющиеся только в рукописи) сочинение «Труды Геркулеса», в заключении которого доказывалось, что деятельному человеку, претерпевшему неслыханные тяготы на земле, по праву принадлежит звездная обитель²⁷⁴. И если Данте еще строго держался того, что даже величайшие язычники, которых он охотно удостоил бы рая, все же не в состоянии выйти из лимба при входе в ад²⁷⁵, то теперь поэзия обеими руками хватается за новые либеральные идеи о потустороннем мире. Согласно стихотворению Бернардо Пульчи^{563**} на смерть Козимо Старшего, на небе он будет встречен Цицероном, который также носил имя «Отца отечества», Фабиями^{564*}, Курием^{565*}, Фабрицием^{566*} и многими другими: вместе с ними он составит украшение хора, поют в котором исключительно непорочные души²⁷⁶.

Однако имелась в античных авторах и другая, менее отрадная картина загробного существования, а именно мир теней Гомера, а также тех поэтов, которые не стали приукрашивать и гуманизировать это состояние. На некоторые умы это также производило впечатление. Джовиано Понтано в одном месте²⁷⁷ вкладывает в уста Саннадзаро рассказ о некоем видении, посетившем его в полусне рано поутру. Ему явился покойный друг, Феррандо Януарий, с которым он некогда часто беседовал о бессмертии души. И вот теперь Саннадзаро его спрашивает, правдой ли является вечность и ужас адских мук. После некоторого молчания тень ему отвечает совершенно в духе Ахилла, отвечавшего на вопрос Одиссея: «Скажу тебе и удостоверю лишь то, что мы, отделенные от телесного существования, ощущаем в себе сильнейшее желание снова к нему возвратиться». После этого Феррандо шлет ему привет и пропадает.

Не следует упускать из вида, что такие воззрения на посмертное состояние отчасти являлись следствием, отчасти же -

причиной отмирания важнейших христианских догматов. Понятия греха и спасения должны были почти полностью уничтожиться. Мы не должны позволить ввести себя в заблуждение тем воздействием, что оказывали проповедники раскаяния, как не должны обманываться и эпидемиями раскаяния, о которых шла речь выше (с. 313 и сл., 328 и сл.), потому что даже если предположить, что наравне с остальными в этом принимали участие также и индивидуально развитые сословия, причиной тому была лишь потребность в умирении, разрядке энергичных натур, ужас по поводу великих несчастий страны, обращенный к небу вопль о помощи. Пробуждение совести вовсе не обязательно имеет следствием ощущение греховности и потребности в спасении, и даже чрезвычайно интенсивное внешнее покаяние вовсе не предполагает раскаяние в христианском смысле. Когда достигшие высокого развития люди Возрождения рассказывают нам, что их принципом является: «Ни в чем не раскаиваться»²⁷⁸, то это, разумеется, могло относиться к нейтральным в нравственном смысле областям, просто ко всему неразумному и нецелесообразному, однако презрительное отношение к раскаянию само собой распространяется также и на область нравственности, поскольку его источником является общее, как раз-таки индивидуальное, ощущение силы. Пассивное и созерцательное христианство с его постоянным соотношением с вышним миром не господствовало более в душах этих людей. Макиавелли отваживается на то, чтобы сделать следующий за этим вывод: оно может оказаться не идущим на пользу также и государству и делу защиты его свободы²⁷⁹.

Однако какой облик должна была принимать несмотря ни на что сохранявшаяся у глубоких натур сильная религиозность? То был теизм или же деизм, называйте это как кому понравится. Последнее наименование может быть присвоено тому способу мышления, который просто стряхнул с себя христианство - без того, чтобы искать или же найти какую-либо замену для своих чувств. Наличие же теизма мы признаем в тех случаях, когда имеется такое возвышенное положительное благоговение перед божественным существом, которого не знало средневековье. Оно не исключает христианства и способно в любой момент совместиться с его учением о грехе, спасении и бессмертии, однако присутствует в умах уже и без последнего.

Иной раз такое учение выступает с детской непосредственностью, даже с полуязыческим оттенком: Бог представляется ему всемогущим исполнителем желаний. Аньоло Пандольфини рассказывает²⁸⁰, как после свадьбы он заперся вдвоем с

женой и преклонил колени перед домашним алтарем с иконой Мадонны, после чего они, однако, стали молиться не Мадонне, но Богу, чтобы он ниспослал им способность правильно распоряжаться имуществом, долгую совместную жизнь в радости и согласии, а также многочисленное мужское потомство. «За себя я молился о богатстве, близких людях и чести, за нее - о непорочности, благопристойности, а также чтоб она могла стать хорошей хозяйкой дома». Когда к этому добавляется еще и мощный заряд античности в части способа выражения, бывает трудно отделить друг от друга языческий стиль и теистические убеждения²⁸¹.

Также и в несчастьи это умонастроение высказывается подчас с берущей за живое правдивостью. Сохранилось несколько обращений к Богу, относящихся к позднему периоду Фиренцуолы, когда он вот уже на протяжении года страдал лихорадкой; в них он, несмотря на подчеркнутое причисление себя к верующим христианам, выражает явно теистическое сознание²⁸². Он не воспринимает свое страдание ни как расплату за грехи, ни как испытание и подготовку к миру иному: все действие разыгрывается исключительно между ним и Богом, поместившим могучую любовь к жизни между человеком и его отчаянием. «Я проклинаяю, но одну только природу, поскольку Твое величие запрещает мне называть Тебя самого... пошли мне смерть, Господи, я молю тебя, пошли мне ее теперь же!»

Конечно, напрасно стали бы мы искать в этих и им подобных высказываниях вполне явных доказательств разработанного, сознательного теизма. Все их авторы еще почитали себя отчасти христианами и, кроме того, в силу различных оснований уважительно относились к существующему церковному учению. Однако ко времени Реформации, когда мышление принуждено было проясниться, данные воззрения вышли на уровень отчетливого сознания. Определенная часть итальянских протестантов заявила о себе как об антитринитариях, а социниане - как беглецы, в большом удалении от родины, совершили знаменательную попытку создать церковь этого направления. Из всего, что нами сказано до сих пор, выясняется по крайней мере, что в данной области проявляли активность и иные настроения помимо гуманистического рационализма.

Пожалуй, средоточие всех теистических воззрений следует видеть в Платоновской академии во Флоренции и прежде всего - в самом Лоренцо Великолепном. Теоретические работы этих людей и даже их письма открывают нам лишь половину их сущности. Это верно, что Лоренцо с молодых лет и до самого кон-

Примечания

Примечания к главе I

ца жизни выражался в духе догматического христианства²⁸³, а Пико даже находился под воздействием Савонаролы и придерживался монашески-аскетического образа мышления²⁸⁴. Однако в гимнах Лоренцо²⁸⁶, на которые мы пытались указать как на высочайший духовный результат деятельности этой школы, безоговорочно выражается теизм, причем исповедующий такое мировоззрение, которое старается рассматривать мир как единый великий нравственный и физический космос. В то время как люди средневековья рассматривали мир как юдоль скорби, которую императоры и папы должны охранять до явления Антихриста, в то время как в фаталистах Возрождения чередуются периоды колоссальной энергии и тупой резиньяции или суеверия, здесь, в кругу²⁸⁶ избранных умов, рождается идея, что видимый мир сотворен Богом из любви, что он является отображением предсуществующего в Боге прообраза, и что Бог останется навсегда его движителем, вечно продолжающим свое творение. Душа отдельного человека способна на то, чтобы вначале через познание Бога вовлечь его в свои узкие рамки, однако затем, уже через любовь к нему, расширить себя до бесконечности, и это явится блаженством на Земле.

Отзвуки средневековой мистики соприкасаются здесь с платоническими учениями и свойственным Новому времени духом. Быть может, здесь вызревал высший плод того познания мира и человека — и этого уже вполне достаточно, чтобы назвать итальянское Возрождение проводником нашей эпохи.

¹ F. Kugler. *Geschichte der Baukunst* (первая половина 4-го тома, где рассматривается архитектура и декоративное искусство итальянского Возрождения).

² Macchiavelli, *Discorsi* L. I, с. 12.

³ Правители и их сторонники называются вместе *lo stato* («государство»), и за этим наименованием, должно быть, впоследствии закрепилось значение совместного обитания на данной территории.

⁴ Hoffer: *Kaiser Friedrich II.*, S. 39 ff.

⁵ *Cento novelle antiche*, npv. .1, 6, 20, 21, 22, 23, 29, 30, 45, 56, 83, 88, 98.

⁶ Scardeonius, *de urbis Patav. antiqu.* В *Thesaurus Gravius* VI, III, p. 259.

⁷ Sismondi, *Hist. des. rep. italiennes*, IV, p. 420; VIII, p. I. s.

⁸ Franco Sacchetti, *Novelle* (61, 62).

⁹ Petrarca, *de rep. optime administranda*, ad. Franc. Carraram. (*Opera*, p. 372, s.)

¹⁰ Только сто лет спустя также и жена правителя становится матерью страны. Ср. речь Hieron. Crivelli у гроба Бьянки Марии Висконти, у *Muratori* XXV, col. 429. Насмешливое перенесение этого именованя у Джак. Вольтерра (*Murat.* XXIII, col. 109) на сестру папы Сикста IV, которую он называет *mater ecclesiae* (матерью церкви. — лат.).

¹¹ Попутно высказывается пожелание запретить появление свилей на улицах Падуи, ибо вид их неприятен уже сам по себе, а помимо того пугает лошадей.

¹² Petrarca, *Rerum memorandar. liber III*, p. 460. - Имеются в виду Маттео I Висконти и, правивший тогда в Милане Гвидо делла Торре.

¹³ Matteo Villani, V, 81: Тайное убийство Маттео II Висконти его братьями.

¹⁴ Filippo Villani, *Istorie* XI, 101. - Также и Петрарка находит, что тираны разряжены, «как алтари в праздничные дни». - Античная триумфальная процессия Кастрокане в Лукке подробно описана в принадлежащей Тегримо истории его жизни, у *Murat.* XI, col. 1340.

¹⁵ *De vulgari eloquio*, I, с. 12: ... qui non heroico more, sed plebeo sequuntur superbiam etc. (которые удовлетворяют свою гордыню не как герои, но как плебеи и пр. (лат.). - И. М.).

¹⁶ Проявляется это, правда, лишь в сочинениях XV в., но в основе лежат, несомненно, прежние фантазии: L. B. Alberti, *de re aedif.* V, 3. - Franc. di Giorgio, *Trattato*, у Delia Valle, *Lettere Sanesi*, III, 121.

¹⁷ Franco Sacchetti, nov. 61.

¹⁸ Matteo Villani, VI, 1.

¹⁹ Паспортное бюро в Падуе около середины XIV в., определяемое Franco Sacchetti, nov. 117, как *quelli della bullette* (те, что с квитанциями - (ит.). В последнее десятилетие правления Фридриха II, когда господствовал контроль над личностью, паспортная система была, вероятно, уже очень развита.

²⁰ Corio, *Storia di Milano*, fol. 247, s.

²¹ Как, например, у Паоло Джовио: Viri illustres, Jo. Galeatius.

²² Corio, fol. 272, 285.

²³ Cagnola, в Arch. stor. II [III], p. 23.

²⁴ Так Corio, fol. 286, и Poggio, Hist. Florent. IV, у Murat. XX, col. 290.

- О планах добиться императорской власти говорится у Каньолы, ук. соч., и в сонете Trucchi, Poesie ital. inedite, II, p. 118:

*Stan le citta lombarde con le chiave
In man per darle a voi... etc.
Roma vi chiama: Cesar mio novello
lo son ignuda, et l'anima pur vive:
Or mi coprite col vostro mantello etc.*

(*Стоят ломбардские города с ключами в руках,
чтобы отдать их вам... и т. д.*

*Рим к вам взывает: мой юный Цезарь,
я нага, но дух все еще жив:*

так покройте меня своей мантией и т. д. (ит.);

Рим по-итальянски, как и по-латински, женского рода. - И. М.)

²⁵ Corio, fol. 301 и слл. Ср. Ammian. Marcellin. XXIX, 3.

²⁶ Так пишет Paul. Jovius: Viri illustres, Jo. Galeatius, Philippus.

²⁷ De Gignis: Depeches des ambassadeurs milanais, II, p. 200 (N. 213). Ср. II, 3 (N. 144) и II, 212 (N. 218).

²⁸ Paul. Jovius, Elogia.

²⁹ Именно это и является тем соединением силы и таланта, что носит у Макиавелли название virtù (доблести. - ит.) и мыслится совместимым со scelleratezza (злодейством. - ит.).

³⁰ Об этом см. Franc. Vettori, Arch. stor. VI, p. 293, s. «Пожалование леном со стороны человека, который живет в Германии и является римским императором только по имени, не способно превратить злодея в истинного властителя города».

³¹ Matteo Villani, IV, 38, 39, 56, 77, 78, 92; V, 1, 2, 21, 36, 54.

³² То был итальянец, Фацио дельи Уберти (Dittamondo, L. VI, с. 5, около 1360 г.), еще веривший в то, что Карл IV способен на крестовый поход в Святую землю. Это место одно из лучших во всей поэме и вообще характерно. Упрямый турок отгоняет поэта от Гроба Господня:

*Col passi lunghi e con la testa bassa
Oltre passai e dissi: ecco ve/gogna
Del Christian che'l saracin qui lassa!
Pocchia al pastor (nany) mi volsi per rampogna:
E tu ti stai, che sei vicar di Christo
Co' frati tuoi a ingrassar la carogna?
Similmente dissi a quel sofista (Карлу IV)*

*Che sta in Buemme (Богемии) a plantar vigne e fichi,
E che non sira di si caro acquisto:
Che fai? perche non segui i primi antichi
Cesari de' Romani, e che non siegui,
Dico, gli Otti, i Corradi, i Federichi?*

*E che pur tieni questo imperio in tregui?
E se non hai lo cuor d'esser Augusto.
Che nol rifiuti? O che non ti dilegui? etc.*

(*Замедлив шаг, направив в землю взор,
Я отошел, сказав: «Позор несмытый,
Что сарацин здесь правит до сих пор!»
И пастырю понес свои обиды:
«Слуга Христов, чего так медлишь ты?
Святые ль братья мертвечиной сыты?»
А королю: «Бежав от суеты,
В Богемии ты садом поглощен,
И нет в тебе возвышенной мечты!*

*Что медлишь ты? След Цезарей - вот он,
Здесь римлян славных прошагали ноги,
Оттоны, Конрады и Фридрихи затем.
Покой державы все хранишь убогий?*

*Но коли дремлет августейший дух,
Сложи корону и уйди с дороги!» и пр.) (ит.) - И. М.)*

³³ Подробнее см. у Vespasiano Fiorent., p. 54. Ср. 150.

³⁴ Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 215, s.

³⁵ Haveria voluto scortigare la brigata (желал обчистить все общество (ит.) - И. М.).

³⁶ Annales Estenses, у Murat. XX, col. 41.

³⁷ Poggii Hist. Florent. pop. L. VII, у Murat. XX, col. 381.

³⁸ Senarega, de reb. Genuens., у Murat. XXIV, col. 575.

³⁹ Перечислены в Diario Ferrarese, у Murat. XXVI [XXIV], col. 203. Ср. Pii II Comment. II, p. 102.

⁴⁰ Marin Sanudo, Vita de' duchi di Venezia, у Murat. XXII, col. 1113.

⁴¹ Varchi Stor. Florent. I, p. 8.

⁴² Soriano, Relaz. di Roma 1533, у Tommaso Gar, Relazioni, p. 281.

⁴³ Относительно последующего ср. Canestrini, во введении к t. XV Arch. stor.

⁴⁴ Cagnola, Arch. stor. III, p. 28: et (Filippo Maria) da lei (Beatr.) ebbe molto texoro e dinari, e tutte le giente d' arme del dicto Facino, che obedivano a lei (и он (Филиппо Мария) получил от нее (Беатриче) много богатств и денег, а также всех солдат вышеупомянутого Фачино, которые ей повиновались (ит.) - И. М.).

⁴⁵ Infessura, у Eccard, scriptores II, col. 1911. Эту альтернативу предлагает Макиавелли победоносному кондотьеру, см. Discorsi, I, 30.

⁴⁶ Отравили ли они также и Альвиано в 1516 г. и верны ли приводимые для этого основания? Ср. Prato в Arch. stor. III, p. 348. - Республика заставила Коллеони объявить ее своей наследницей, а после его смерти в 1475 г. произвела еще и настоящую конфискацию его имущества. Ср. Malipiero, Annali Veneti, в Arch. stor. VII, I, p. 244. Ей нравилось, когда кондотьеры оставляли свои деньги в Венеции. Ibid., p. 351.

⁴⁷ Cagnola, в Arch. stor. III, p. 121, s.

⁴⁸ По крайней мере у Паоло Джовио в его Vita magni Sfortiae (Viri illustres) это одна из самых привлекательных биографий.

⁴⁹ Aen. Sylvius: De dictis et factis Aiphonsi, Opera, fol. 475.

⁵⁰ Pii II Comment. I, p. 46, ср. 69.

⁵¹ Sismondi X, p. 258. - Corio, fol. 412, где вина возлагается также и на Сфорца, усматривавшего в растущей популярности Пиччинино в военной сфере опасность для его собственных сыновей. - Storia Bresciana, у Murat. XXI, col. 902. - О том, как венецианский верховный кондотьер Коллеони был в 1466 г. введен в искушение, рассказывает Malipiero, Annali Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 210.

⁵² Allegretto, Diarii Sanesi, у Murat. XXIII, col. 811.

⁵³ Orationes Philelpi, fol. 9, в надгробной речи на кончину Франческо.

⁵⁴ Marin Sanudo, Vita de' duchi di Venezia, у Murat. XXII, col. 1241,

⁵⁵ Malipiero, Annali Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 407.

⁵⁶ Chron. Eugubinum, у Murat. XXI, col. 972.

⁵⁷ Vespas. Fior., p. 148.

⁵⁸ Arch. stor. XXI [XVI], parte I и II.

⁵⁹ Varchi, Stor. fiorent. I, p. 242, s.

⁶⁰ Malipiero, Annali Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 498.

⁶¹ Lil. Greg. Giralduus, de vario sepeliendi ritu. - Уже в 1470 г. в этом доме разразилось бедствие в миниатюре. Ср. Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 225.

⁶² Jovian. Pontan.: de liberalitate, и de obedientia, I, 4. Ср. Sismondi X, p. 78, s.

V Tristano Caracciolo: de varietate fortunae, у Murat. XXII. Jovian. Pontan.: de prudentia, 1. IV; de magnanimitate, 1. 1; de liberalitate, de immanitate. Cam. Porzio, Congiura de' Baroni, passim. - Comines, Charles VIII, chap. 17 с общей характеристикой арагонской династии.

⁶⁴ Paul. Jovius, Histor. I, p. 14, в речи одного миланского посланника; Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 294.

⁶⁵ Petri Candidi Decembrii Vita Phil. Mariae Vicecomitis, у Murat. XX.

⁶⁶ Его страшило, quod aliquando «non esse» necesse esset (что когда-нибудь придется не быть (лат.) - И. М.).

⁶⁷ Corio, fol. 400; - Cagnola, в Arch. stor. III, p. 125.

⁶⁸ Pii II Comment. III, p. 130. Ср. II, 87. 106. Другую, более мрачную оценку счастья Сфорца дает Караччоло, de varietate fortunae, у Murat. XXII, col. 74.

⁶⁹ Malipiero, Ann. Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 216, 221.

⁷⁰ Chron. Venetum, у Murat. XXIV, col. 65.

⁷¹ Malipiero, Ann. Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 492. Ср. 481, 561.

⁷² Его последний с ним разговор, примечательный по содержанию и несущий на себе печать подлинности, у Senarega, Murat. XXIV, col. 575..

⁷³ Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 336, 367, 369. Народ же думал, что он охраняет свои сокровища.

⁷⁴ porio, fol. 448. Последствия этого положения особенно ясно видны на относящихся к Милану новеллах и введениях Банделло.

⁷⁵ Amoretti, Методе storiche sulla vita ecc. di Lionardo da Vinci, p. 35, s. 83, s.

⁷⁶ См. его сонеты у Trucchi, Poesie inedite.

⁷⁷ Prato в Arch. stor. III, p. 298, ср. 302.

⁷⁸ Родился в 1466 г., помолвлен с шестилетней Изабеллой в 1480 г., наследовал престол в 1484 г., женился в 1490 г., умер в 1519 г. Изабелла умерла в 1539 г. Ее сыновья - Федерико (1519 - 1540, стал герцогом в

1530 г.) и знаменитый Ферранте Гонзага. Нижеследующее сообщается d'Arco, Arch. stor. Append, t. II, на основании переписки Изабеллы, с приключениями.

⁷⁹ Franc. Vettori, в Arch. stor. Append, t. VI, p. 321. - Специально о Федерико см. Vespas. Fior., p. 132, s.

⁸⁰ Castiglione, Cortigiano, L. I.

⁸¹ Нижеследующее - прежде всего на основании Annales Estenses, у Murat. XX и Diario Ferrarese, у Murat. XXIV.

⁸² Diario Ferr., I. c. col. 347.

⁸³ Paul. Jovius, Vita Alfonsi ducis, в viri illustres.

⁸⁴ Paul. Jovius, I. c.

⁸⁵ В этой связи можно упомянуть также и о путешествии Льва X в бытность его кардиналом. Ср. Paul. Jovii vita Leonis X, Lib. I. Его намерения были менее серьезны, направлены больше на развлечения и познание мира в целом, а впрочем, вполне современны по духу. Ни один северянин, в сущности, не путешествовал тогда с такой целью.

⁸⁶ Jovian. Pontan.: de liberalitate.

⁸⁷ Giraldu, Hecatommithi, VI, nov. 1.

⁸⁸ Vasari XII, 166, V. di Michelangelo.

⁸⁹ Ранний пример, Бернабо Висконти, с. 15.

⁹⁰ Как Capitolo 19, а также вореge minori.ed. Lemonnier, vol. I, p. 425, озаглавленное Elegia 19. Девятнадцатилетнему поэту причина этой смерти (с. 31) была, разумеется, неизвестна.

⁹¹ В Hecatommithi Джиральди речь в I, nov. 8 и VI, nov. 1, 2, 3, 4, 10 идет о Эрколе I, Альфонсе I и Эрколе II, все написаны еще при жизни двоих последних. - Многие о других государях - их современниках также у Банделло.

⁹² Наряду с прочими изданиями - в Deliciae poetar. itolor.

⁹³ Упоминается уже в 1367 г. при Николо Старшем, в Polistore, у Murat. XXIV, col. 848.

⁹⁴ Burigozzo, в Arch. stor. III, p. 432.

⁹⁵ Discorsi I, 17.

⁹⁶ De incert. et vanitate scientiar. cap. 55.

⁹⁷ Prato, в Arch. stor. III, p. 241.

⁹⁸ De casibus virorum illustrium, L, H, cap. 15.

⁹⁹ Corio, fol. 333. Нижеследующее - ibid. fol. 305, 422, s. 440.

¹⁰⁰ Такова цитата из Gallus, у Sismondi XI, 93.

¹⁰¹ Corio, fol. 422. -Allegretto, Diarii Sanesi, у Murat. XXIII, col. 777. - См. выше с. 376, прим 69.

¹⁰² Ср. с собственных слов Ольджати у Корио такое место: Quisque nostrum magis socios potissime et infinitos alios sollicitare, infestare, alter alteri benevolos se facere coepit. Aliquid aliquibus parum donare; simul magis noctu edere, bibere, vigilare, nostra omnia bona polliceri, etc. (Каждый из нас принялся возможно энергичнее воздействовать на союзников и бесчисленное множество других людей - возбуждать их и тревожить, вызывать благожелательность друг к другу. Мы стали с легкостью прощать всем то, что были нам должны; по большей части по ночам вместе есть, пить и бодрствовать, делать распоряжения относительно всего нашего имущества и т. д. (лат.). Наш перевод по возможности не удаляется от оригинала, а потому лишь в малой степени пе-

редакт напористый и динамичный (главным образом за счет выстраивания плотных глагольных рядов) стиль, несомненно находящийся под влиянием Саллюстия - И. М.).

¹⁰³ Vasari III, 251, примечание к V. di Donatello.

¹⁰⁴ «Ад» XXXIV 64.

¹⁰⁵ Записано слышавшим это самолично Лукой делья Роббиа, Arch. stor. I, p. 273. Ср. Paul. Jovii vita Leonis X, Lib. III, in Veri illustres.

¹⁰⁶ У Roscoe, Vita di Lorenzo de' Medici, vol. IV, приложение 12.

¹⁰⁷ В отношении последнего момента см. Jac. Nardi, Vita di Ant. Giacomini, p. 18.

¹⁰⁸ Genethliacon, в его Carmina. — Ср. Sansovino, Venezia, fol. 203. - Наиболее старая венецианская хроника, у Pertz. Monum. IX, p. 5, 6, относит основание островных поселений к лангобардскому времени, а поселений у Риальто - к еще более позднему.

¹⁰⁹ De situ venetae urbis.

¹¹⁰ Облик всей этой местности был впоследствии изменен новыми постройками начала XVI в.

¹¹¹ Benedictus, Carol. VIII, у Eccard, scriptores II, col. 1597, 1601, 1621. - В Chron. Venetum, у Murat. XXIV, col. 26 перечисляются политические добродетели венецианцев: bonta, innocenza, zelo di carita, pieta, misericordia (доброта, простодушие, человеколюбивое рвение, набожность, милосердие (ит.)).

¹¹² Epistolae, lib. V, fol. 28.

¹¹³ Malipiero, Ann. Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 377, 431, 481, 493, 530. II, 661, 668, 679. Chron. Venetum, у Murat. XXIV, col. 57. - Diario Ferrarese, ib., col. 240.

¹¹⁴ Malipiero, Arch. stor. VII, II, p. 691. Ср. 694, 713 и I, 535.

¹¹⁵ Marin Sanudo, Vite de' Duchi, у Murat. XXII, col. 1194.

¹¹⁶ Chron. Venetum, у Murat. XXIV, col. 105.

¹¹⁷ Chron. Venetum, у Murat. XXIV, col. 123, s. и Malipiero, ук. соч. VII, I, p. 175, s. повествуют об аналогичном случае с адмиралом Антонио Гримани.

¹¹⁸ Chron. Ven. ук. соч. col. 166.

¹¹⁹ Malipiero, ук. соч. VII, I, p. 349. Другие списки в таком роде у Marin Sanudo, Vite de' Duchi, у Murat. XXII, col. 990 (под 1426 г.), col. 1088 (под 1440 г.), у Corio, fol. 435-438 (под 1483 г.), у Guazzo, Historie, fol. 151, s.

¹²⁰ Гвиччардини заметил (Ricordi, № 150), быть может, впервые, что в политике потребность в мести может взять верх даже над явными соображениями собственной выгоды.

¹²¹ Malipiero, ук. соч. VII, I, p. 328.

¹²² Еще достаточно ограничен по охвату и все-таки уже очень важен относящийся к Милану статистический обзор на 1288 г., приводимый в Manipulus Florum (Murat. XI, 711, s.). В нем перечисляются: количество дверей в домах, общая численность населения и число способных носить оружие, количество лоджий в домах знати, а также колодцев, печей, трактиров, мясных лавок, рыбаков, величина потребности в зерне, число собак и ловчих птиц, цены на дрова, сено, вино и соль; затем число судей, нотариусов, врачей, школьных учителей, переписчиков, оружейников, кузнецов, количество больниц, монастырей и духовных объединений. - Быть может, еще более ранний статистический

обзор дан в Liber de Magnalibus Mediolani у Heinr. de Hervordia, ed. Potthast, p. 165. [— Ср. также относящуюся приблизительно к 1280 г. статистику по Асти у Ogerius Alpherius (Alfieri), de gestis Astensium, Histor. patr. monumenta, Scriptorum torn. III, col. 684, ss.]

¹²³ Прежде всего Marin Sanudo, Vite de' Duchi, у Murat. XXII, passim.

¹²⁴ У Sanudo, ук. соч., col. 958. То из этой речи, что относится к к торговле, сообщено у Scherer, Allg. Gesch. des Welthandels, I, 326, Anm.

¹²⁵ Разумеется, здесь подразумеваются все дома, а не только те, что принадлежали городу. Последние приносили иногда громадный доход; ср. Vasari XIII, 83, Vita di Jac. Sansovino.

¹²⁶ Так у Sanudo, ук. соч., col. 963. Государственный баланс за 1490 г., col. 1245.

¹²⁷ Вероятно, эта неприязнь переросла у венецианца Павла II в прямую ненависть, так что он называл всех вообще гуманистов еретиками. Platina, Vita Pauli, p. 323.

¹²⁸ Sanudo, ук. соч., col. 1167.

¹²⁹ Sansovino, Venezia, Lib. XIII.

¹³⁰ Ср. Heinric. de Hervordia ad a. 1293 (pag. 213, ed. Potthast).

¹³¹ Sanudo, ук. соч., col. 1158, 1171, 1177. Когда мощи св. Луки были доставлены из Боснии, разгорелся спор с бенедиктинцами св. Джустини в Падуе, которые полагали, что уже обладают этими мощами, и папский престол должен был вынести определение. Ср. Гвиччардини, Ricordi, № 401.

¹³² Sansovino, Venezia, Lib. XII.

¹³³ G. Villani, VIII, 36. - 1300 год является также твердо установленной датой для «Божественной комедии».

¹³⁴ Уже около 1470 г. это констатируется Vespasiano Fiorent, p. 554.

¹³⁵ «Чистилище» VI, конец.

¹³⁶ De Monarchia I, 1.

¹³⁷ Dantis Allighierii epistolae, cum notis C Witte. Как хотелось ему, чтобы в Италии был император, так же-было желательно и пребывание здесь папы. См. письмо (p. 35), написанное во время конклава в Карпентре в 1314 г.

¹³⁸ Giov. Villani, XI, 20. Ср. Matt. Villani, IX, 93.

¹³⁹ Эти и подобного рода сведения у Giov. Villani, XI, 87. XII, 54.

¹⁴⁰ Giov. Villani, XI, 91, s. — По-иному — Macchiavelli, Stor. fiorent. lib. II.

¹⁴¹ Священник откладывал при крещении мальчика черный, при крещении девочки белый боб, в этом и состоял весь контроль.

¹⁴² В основательно построенной Флоренции уже была постоянная пожарная команда, ibid., XII, 35.

¹⁴³ Matteo Villani III, 106.

¹⁴⁴ Matteo Villani I, 2-7, ср. 58. - Что касается периода чумы, наиболее важно здесь знаменитое описание Боккаччо в начале «Декамерона».

¹⁴⁵ Giov. Villani, X, 164.

¹⁴⁶ Ex annalibus Ceretani, у Fabroni, Magni Cosmi vita, adnot. 34.

¹⁴⁷ Ricordi Лоренцо, у Fabroni, Laur. Med. magnifici vita, adnot. 2 и 25. - Paul. Jovius: Elogia, Cosmus.

¹⁴⁸ Принадлежащий Бенедетто Деи, у Fabroni, ibid., adnot. 200. Время устанавливается на основе Varchi III, p. 107. - Относящееся к области

финансов предложение некоего Лодовико Гетти с важными указаниями - у Roscoe, vita di Lor. de Medici, т. II, приложение 1.

¹⁴⁹ К примеру, в Archivio stor. IV.

¹⁵⁰ Libri, Histoire des sciences mathm. II, 163, s.

¹⁵¹ Varchi, Stor. fiorent. III, p. 56, s. в конце IX книги. Несколько явно ошибочных цифр вполне могли закрасться при переписывании либо печатании.

¹⁵² Что до соотношения денежных единиц и богатств по Италии в целом, я, за недостатком иных вспомогательных средств, могу здесь привести некоторые разрозненные сведения, случайно обнаруженные мной в разных местах. Золотые монеты, о которых идет речь в большинстве указаний, следующие: дукаты, цехины, золотые флорины, золотые скуди. Достоинство их приблизительно одно и то же, от 11 до 12 франков на наши деньги.

Например, в *Венеции* дож Андреа Вендрамин (1476 г.) считается очень богатым при состоянии в 170 000 дукатов (Malipiero, ук. соч., VII, II, p. 666.)

В 1460-е гг. патриарх Аквилеи Лод. Патавино с 200 000 дукатов почитается «едва ли не богатейшим из всех итальянцев. (Gasp. Veropens., Vita Pauli II, у Murat. III, II, col. 1027.) В прочих местах - баснословные указания.

Избрание сына в кардиналы обошлось Антонио Гримани (с. 51) в 30 000 дукатов. Его собственная наличность оценивается в 100 000 дукатов. (Chron. Venetum, Murat. XXIV, col. 125.)

О хлебной торговле и рыночных ценах в Венеции см. в особенности Malipiero, ук. соч., VII, II, p. 709, s. (Сообщение от 1498 г.)

Около 1522 г. уже больше не Венеция, но Генуя считается вслед за Римом богатейшим городом Италии. (Чему можно верить на основании свидетельства одного лишь Франч. Веттори; см. его Storia, в Archiv. stor. Append, torn VI, p. 343.) Банделло, parte II, nov. 34 и 42, упоминает богатейшего генуэзского купца своего времени, Ансальдо Гримальди.

Франч. Сансовино принимает, что за периоде 1400 по 1580 г. деньги упали в стоимости наполовину. (Venezia, fol. 151, bis.)

Есть мнение, что соотношение цен на хлеб в *Ломбардии* около середины XV в. и в середине нашего столетия выглядит как 3 к 8 (Sacco di Piacenza, в Arch. stor. append, torn. V, примечание издателя Скарабелли.)

В *Ферраре* во времена герцога Борсо имелись богатые люди с состоянием по 50 и 60 тысяч дукатов. (Diario Ferrarese, Murat. XXIV, col. 207, 214, 218; баснословное указание - col. 187.)

Данные в отношении *Флоренции* совершенно выбиваются из ряда, они не позволяют составить представление о положении в целом. Так, те займы чужеземным государям, которые относятся сообщениями на счет только одной семьи или даже нескольких, были на самом деле большими предприятиями крупных компаний. То же касается и чудовищного налогообложения потерпевших поражение партий, как, например, когда 77 семей выплатили с 1430 по 1453 г. 4 875 000 золотых гульденов. (Varchi III, p. 115, s.)

Имущество умершего Джованни Медичи (1428 г.) было оценено в

179 221 золотых гульденов, однако из двух его сыновей Козимо и Лоренцо только один последний оставил после смерти (1440 г.) уже 235 137. (Fabroni, Laur. Med., adnot. 2.)

Свидетельством всеобщего роста доходов является, например, то, что уже в XIV в. 44 мастерских златокузнецов на Понте Веккьо приносили государству 800 золотых гульденов арендной платы ежегодно. (Vasari II, 114, Vita di Taddeo Gaddi.) - Дневник Буонаккорсо Питти (у Delecluze, Florence et ses vicissitudes, vol. II) заполнен указаниями цифр, однако они дают лишь общее представление о высоких ценах и заниженной стоимости денег.

Что касается *Рима*, доходы курии, поскольку они поступали со всей Европы, показательными не являются; также и здесь не следует особенно доверяться данным, сообщаемым относительно папских сокровищ и имущества кардиналов. Известный банкир Агостино Киджи оставил (в 1520 г.) состояние общей стоимостью в 800 000 дукатов (Lettere pittoriche, I. Append. 48.)

¹⁵³ Что касается внутренней политики Козимо (1434-1464 гг.) и его внука Лоренцо Великолепного (ум. 1492 г.), автор воздерживается от какого бы то ни было суждения в этой связи. Отрицательное мнение, достойное того, чтобы к нему прислушаться (Джино Каппони) см. в Arch. stor., I, p. 135, s.

¹⁵⁴ Франческо Бурламакки, отец главы протестантов Лукки Микеле Бурламакки. Ср. Archiv. stor. Append, torn II, p. 176. - Хорошо известно, как Милан в XI — XIII вв. своей жесткостью по отношению к родственным городам способствовал образованию большого деспотического государства. И с пресечением рода Висконти (1447 г.) Милан упустил возможность дать свободу Северной Италии главным образом потому, что там и слышать не желали о федерации равноправных городов. Ср. Corio, fol. 358, s.

¹⁵⁵ В третье пред рождественское воскресенье 1494 г. Савонарола указал в своей проповеди способ создать новый государственный строй следующим образом: каждое из 16 городских обществ (comagnia) должно выработать свой проект, гонфалоньеры выберут четыре лучших из них, а Синьория - самый лучший! Однако на деле все вышло иначе, причем под влиянием самого проповедника.

¹⁵⁶ Последнее - лишь после 1527 г., после изгнания Медичи; см. Varchi I, 121 etc.

¹⁵⁷ Macchiavelli. Storie fiorent. I. III. Un savio dator della leggi (мудрый законодатель (ит.) - И. М.) мог бы спасти Флоренцию.

¹⁵⁸ Varchi, Stor. fiorent. I, p. 210.

¹⁵⁹ Discorso sopra il reformar lo stato di Firenze, в Opere minori, p. 207.

¹⁶⁰ С тем же воззрением, несомненно заимствованным у Макиавелли, мы снова встречаемся у Монтекея.

¹⁶¹ Aen. Sylvii apologia ad Martinum Mayer, p. 701. - Схожее находим у Macchiavelli, Discorsi I, 55 и ук. соч.

¹⁶² То, как совершенно современная полуобразованность и отвличенность мышления проникают подчас в политику, показывает разделение на партии в 1535 г., Delia Valle, Lettere sanesi III, p. 317. Несколько лавочников, возбужденных чтением Ливия и «Discorsi» Макиавелли, совершенно серьезно потребовали учредить народных трибунов и

другие римские магистраты, заменив ими дурное правление знати и чиновников.

¹⁶³ Pierio Valeriano, de infelicitate literator., в связи с Бартоломео делла Ровере.

¹⁶⁴ Senarega, de reb. Genuens. у Murat. XXIV, col. 548. Насчет ощущения нестабильности ср. особенно col. 519, 525, 528 etc. Очень искреннюю речь посланника при капитуляции государства перед Франческо Сфорца в 1464 г. см. у Cagnola, Arch. stor. III, p. 165, s.

¹⁶⁵ Baluz. Miscell. ed. Mansi, torn. IV, p. 81, ss.

¹⁶⁶ Так еще сравнительно поздно говорит Varchi, Stor. fiorent. I, 57.

¹⁶⁷ Правда, Галеаццо Мария Сфорца говорит в 1467 г. венецианскому агенту обратное, но это лишь забавное бахвальство. Ср. Malipiero, Ann. Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 216 и ел. При любом удобном случае города и сельские местности добровольно переходят под власть Венеции, разумеется, прежде всего те, кто находится под властью тиранов, Флоренции же приходится силой удерживать в повиновении привыкшие к свободе соседние республики, как замечает Гвиччардини (Ricordi, № 29).

¹⁶⁸ Пожалуй, с наиболее сильным выражением этого мы сталкиваемся в инструкции направляемому к Карлу VII послу в 1452 г., у Fabroni, Cosmus, adnot. 107.

¹⁶⁹ Comines, Charles VIM, chap. 10: Французов почитают comme saints (все равно что за святых - (фр.) - И. М.). - Ср. chap. 17. - Chron. Venetum у Murat. XXIV, col. 5, 10, 14, 15. - Matarazzo, Cron. di Perugia, Arch. stor. XVI, II, p. 23. Бесчисленные высказывания в таком духе невозможно даже перечислить.

¹⁷⁰ Pii II Commentarii, X, p. 492.

¹⁷¹ Gingins, Depeches des ambassadeurs Milanais etc. I, p. 26, 153, 279, 283, 285, 327, 331, 345, 359. II, p. 29, 37, 101, 217, 306. Карл уже говорил однажды, что хочет отдать Милан молодому Людовику Орлеанскому.

¹⁷² Nicolo Valori, Vita di Lorenzo.

¹⁷³ Fabroni, Laurentius magnificus, adnot. 205, s.

¹⁷⁴ К примеру, Джовиано Понтано в его «Хароне». В конце он ждет здесь образования единого государства.

¹⁷⁵ Comines, Charles VIII, chap. 7. - О том, как на войне Альфонс пытался захватить своего противника врасплох при переговорах, рассказывает Нантипорто, у Muratori, III, II, col. 1073. Это в полном смысле предшественник Чезаре Борджэ.

¹⁷⁶ Pii II Comment. XL. I, p. 492. - То, что говорил Галеаццо Мария Миланский венецианскому агенту, было, вероятно, пустым хвастовством. Ср. Malipiero, Ann. Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 222. - Насчет Боккалино см. с. 24.

¹⁷⁷ Porzio, Congiura de' barohi, 1. I, p. 4. В то, что к этому приложил руку и Лоренцо Великолепный, верится с трудом.

¹⁷⁸ Chron. Venetum у Murat. XXIV, col. 14 и 76.

¹⁷⁹ Malipiero, ук. соч., p. 565, 568.

¹⁸⁰ Trithem., Annales. Hirsaug. ad a. 1490, torn. II, p. 535, s.

¹⁸¹ Malipiero. ук. соч., p. 161. Ср. p. 152. - Выдача Джема Карлу VIII, см. p. 145, из чего ясно, что между Александром и Баязетом велась

переписка самого недостойного характера, даже если приводимые Буркардом документы подложны.

¹⁸² Bapt. Mantuanus, de calamitatibus temporum, в конце II книги, в песне nereиды Дориды, обращенной к турецкому флоту.

¹⁸³ Tommaso Gar, Relazioni della corte di Roma, I, p. 55.

¹⁸⁴ Ranke. Geschichte der romanischen und germanischen Volker. - Мнение Мишле (Reforme, p. 467), что в Италии турки оевропеились бы, меня не убеждает. - Быть может, впервые на это предназначение Испании намекает Федра Ингирами в торжественной речи, произнесенной перед лицом Юлия II в 1510 г. по случаю празднования взятия Буджи флотом Фердинанда Католика. Ср. Anecdota litteraria II, p. 149.

¹⁸⁵ Ср. прочих Corio, fol. 333. Ср. обращение со Сфорца, fol. 329.

¹⁸⁶ Nic. Valori, Vita di Lorenzo. - Paul. Jovius, Vita Leonis X, L. I; последний пишет явно на основании надежных источников, хотя и не без риторики.

¹⁸⁷ Если в этом и сотне других случаев Коммин проявляет в своих наблюдениях и суждениях не меньшую объективность, чем любой итальянец, то следует принять во внимание его общение с итальянцами, в частности с Анджело Катто.

¹⁸⁸ Ср. Malipiero, ук. соч., p. 216, 221, 236, 237, 478 etc.

¹⁸⁹ [У Villari, storia di G. Savonarola, vol. II, p. XLIII Documenti, среди которых находятся также и другие примечательные письма политического содержания. - Другие документы конца XV в. см. прежде всего у Baluzius, Miscellanea, ed. Mansi, v. I.]

¹⁹⁰ Pii II Comment. L. IV, p. 190 ad a. 1459.

¹⁹¹ Paul. Jovius, Elogia. Вспоминается при этом Федерико Урбинский, «которому стыдно было бы» допустить в своей библиотеке печатную книгу. Vespas. Fiorent.

¹⁹² Porcellii commentaria Jac. Picinini, у Murat. XX. Продолжение в отношении войны 1453 г. ibid. XXV.

¹⁹³ По недоразумению Порчеллио называет Сципиона Эмилианом, в то время как на самом деле он имеет в виду Сципиона Африканского Старшего.

¹⁹⁴ Simonetta, Hist. Fr. Sfortiae, у Murat. XXI, col. 630.

¹⁹⁵ В качестве такового он тогда и фигурировал. Ср. Bandello, parte I, nov. 40.

¹⁹⁶ Ср., например, De obsidione Tiphernatium, во II томе rer. italicar. scriptores ex codd. fiorent., col. 690. Весьма показательный эпизод из 1474 г. - Поединок между маршалом Бусико и Галеаццо Гонзага в 1406 г. - у Cagnola, Arch. stor. III, p. 25. - С каким пиететом относился Сикст IV дуэлям своих гвардейцев, рассказывает Инфессура. Следовавшие за ним папы издавали буллы, вообще запрещающие дуэли. Sept. Decretal. V. Tit. 17.

¹⁹⁷ Подробнее см. Arch. stor. Append, torn. V.

¹⁹⁸ Раз и навсегда отсылаем читателя в этой связи к книгам: Ranke, Papste, Bd. 1 и Sugenheim. Geschichte der Entstehung und Ausbildung des Kirchenstaates.

¹⁹⁹ Впечатление от благословений Евгения IV во Флоренции, Vespas. Fior., p. 18. - Величие функций Николая V см. Infessura (Eccard, II, col. 1883, seq.) и J. Manetti, Vita Nicolai V (Murat. III, II, col. 923). - Выражения преклонения перед Пием II см. Diario Ferrarese (Murat. XXIV, col. 205) и

Pii II Comment, passim, особенно IV, 201, 204. XI, 562. Также и профессиональные убийцы не решаются приблизиться к папе. - Важные функции рассматривались как нечто очень существенное любящими пышность Павлом II (Platina I.e. 321) и Сикстом IV, который, невзирая на подагру, сидя читал пасхальную мессу (Jac. Volaterran. diarium, Murat. XXIII, col. 131). Народ удивительным образом различает магическую силу благословения и недостойность самого благословляющего; когда папа в 1481 г. не мог дать благословение в день праздника Вознесения Христова, народ роптал и проклинал его (ibid., col. 133).

²⁰⁰ Macchiavelli, Scritti minori, p. 142, в знаменитом описании бойни в Синигалье. (Речь идет о том эпизоде, когда в 1502 Чезаре Борджа под надуманным предлогом собрал здесь пятерых своих основных противников, руководителей отрядов из разных городов, и приказал их перебить. Я. Буркхардт еще упомянет об этом через несколько страниц. — И. М.) - Конечно, испанцы и французы были еще более ревностны, чем итальянские солдаты. Ср. у Paul. Jov. vita Leonis X (L II) сцену перед битвой у Равенны, когда испанское войско теснилось вокруг плачущего от радости легата, моля об отпущении грехов. Далее (ibid.) - французы в Милане.

²⁰¹ У тех еретиков из Поли в Кампанье, которые верили, что признаком истинного папы должна быть бедность Христова, можно просто предположить вальденство. О том, как они были арестованы при Павле II, повествует Infessura (Eccard II, col. 1813), Platina, p. 317 etc.

²⁰² L. B. Alberti: de Porcaria conjuratione у Murat. XXV, col. 309 seqq. Поркари желал omnem pontificiam turbam funditus extinguere (упразднить до основания всю папскую свиту (лат.). Автор заключает: Video sane, quo stent loco res Italiae: intelligo, qui sint, quibus hic perturbata esse omnia conducatur... (Я прекрасно понимаю, в каком положении находятся итальянские дела, и понимаю, кто те люди, которым было бы выгодно, чтобы все здесь пришло в расстройство (лат.). Он их называет: extrinsecos impulsos (внешние подстрекатели (лат.). - И. М.) и говорит о том, что у Поркари отыщутся и последователи его злодейств. Впрочем, собственные фантазии Поркари похожи на грезившиеся Кола ди Риенцо.

²⁰³ Ut Papa tantum vicarius Christi sit et non etiam Caesaris... Tunc Papa et dicetur et erit pater sanctus, pater omnium, pater ecclesiae (Чтобы папа был лишь викарием Христовым, но не викарием императора... Вот тогда папа справедливо будет именоваться святым отцом, отцом всех людей, отцом церкви (лат.).

²⁰⁴ Pii II Comment. IV, p. 208, seqq.

²⁰⁵ Platina, Vitae Papar. p. 318.

²⁰⁶ Battista Mantovano, de calamitatibus temporum, L. III. Араб продает ладан, житель Тира - пурпур, индеец - слоновую кость; venalia nobis templa, sacerdotes, altaria, sacra, coronae, ignes, thura, preces, coelum est venale Deoque (у нас же продаются храмы, священники, алтари, таинства, короны, факелы, благовоения, молитвы, даже небо и Бог (лат.). — И.М.).

²⁰⁷ См., например, Annales Placentini, у Murat. XX, col. 943.

²⁰⁸ Corio, Storia di Milano, fol. 416 no 420. Пьетро помогал уже при избрании Сикста, см. Infessura, у Eccard, scriptores II, col. 1895. - По утверждению Macchiavelli, storie fior. L. VII, венецианцы отравили кардинала. Оснований для этого у них было, в самом деле, достаточно.

²⁰⁹ Уже Гонорий II хотел после смерти Вильгельма I в 1227 г. присоединить Апулию к папскому государству как «принадлежащую св. Петру».

²¹⁰ Fabroni, Laurentius mag., adnot. 130. Один согладатай сообщает о них двоих: hanno in ogni elezione a mettere a sacco questa corte, e sono i maggior ribaldi del mondo (на каждых выборах они отдают этот двор (т. е. папскую курию. - И. М.) на разграбление, так что это два наиболее отъявленных негодяя в мире (ит.). В итальянском оригинале обыгрывается букв, значение mettere a sacco («грабить») - «класть в мешок» - И. М.).

²¹¹ Corio, fol. 450.

²¹² В высшей степени характерное письменное напоминание Лоренцо у Fabroni, Laurentius mag., adnot. 217, а в извлечении - у Ranke, Papste, I, p. 45.

²¹³ А кроме того, еще и доходы с неаполитанских ленов, и поэтому Иннокентий призвал Анжуйскую династию против несговорчивого в таких вопросах короля Ферранте.

²¹⁴ См. прежде всего Infessura, у Eccard, scriptores II, passim.

²¹⁵ За исключением болонских Бентивольо и дома Эсте в Ферраре. Последний был вынужден пойти на породнение: Лукреция Борджа вышла замуж за принца Альфонса.

²¹⁶ Согласно Корио (fol. 479), Карл подумывал о созыве собора, о низложении папы и даже о том, чтобы забрать его с собой во Францию, собираясь это сделать сразу же по возвращении из Неаполя. Согласно Бенедикту, Carolus VIII (у Eccard, scriptores II, col. 1584), Карл, когда папа и кардиналы отказали ему в признании его новой короны, размышлял de Italiae imperio deque pontificis statu muntando (о власти в Италии и о внесении изменений в статус папства (лат.). - И. М.), однако сразу же после он остановился на том, чтобы удовлетвориться личным унижением Александра. Впрочем, папа бежал от него. - Подробности того, что последовало за этим у Pilorgerie, Campagne et bulletins de la grande armee d'Italie 1494-1495 (Paris, 1866, in-8), где обсуждается величина опасности, грозившей Александру в отдельные моменты. Даже на своем обратном пути (p. 281, s.) Карл не пожелал его обидеть.

²¹⁷ Corio, fol. 450. - Malipiero, Ann. Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 318. - Какая жажда стяжательства охватила все семейство, видно, наряду с прочим, из Малипьери, ук. соч., p. 565. Одного неопота великолепно принимают в Венеции в качестве папского легата; посредством раздачи отпущений грехов он собирает огромные деньги. Его слуги крадут при отъезде все, до чего могут дотянуться, даже расшитую золотом ткань с главного алтаря одной церкви в Мурано.

²¹⁸ Об этом у Panvinio (Contin. Platinae, p. 339): insidiis Caesaris fratris interfectus... connivente... ad scelus patre (он был убит в результате происков брата, а согласие на злодейство было дано отцом (лат.). - И.М.). Несомненно, это подлинное высказывание, перед которым должны отступить изложения Малипьери и Матарачцо (где вина возлагается на Джованни Сфорца). — Глубокое потрясение Александра также указывает на его вину. О теле, выловленном в Тибре, Саннадзаро высказался так:

*Piscatorem hominum ne te non, Sexte, putemus.
Piscaris natum retibus, ecce, tuum.*

(*Душ человеческих ловцом мы тебя, Сикст, не считали*

Сетью рыбачьей сына ты изловил своего (лат.)

Игра слов: Сикст по-латински означает «шестой», а Александр как раз и был Александром VI. С другой стороны, Сикст IV занимал папский престол за одного папу до Александра. - И. М.)

²¹⁹ Macchiavelli, Opere, ed. Milan. Vol. V. p. 387, 393, 395, в Legazione al Duca Valentino.

²²⁰ Tommaso Gar, Relazioni delta corte di Roma. I, p. 12 в донесении P. Capello. Дословно: «Папа чтит Венецию больше, чем любого властителя мира e perè desidera che ella (Signoria di Venezia) protegga il figliolo, e dice voler fare tale ordine, che il papato o sia suo o vera della Signoria nostra (и поэтому желает, чтобы она (Синьория Венеции) оказывала покровительство сынку и хочет, как он говорит, установить такой порядок, что папский престол перейдет либо к нему, либо к нашей Синьории)». «Suo» (к нему) может относиться только к Чезаре. Притязательное местоимение часто ставится вместо местоимения личного.

²²¹ Strozzi poetae, p. 19, в «Охоте Эрколе Строцци»: ...cui triplicem fata invidere coronam (к тройной короне которого питала зависть судьба (лат.). Затем - в скорбном стихотворении на смерть Чезаре, p. 31, seq.: speraretque olim solii decora alta paterni (надеялся некогда на древние почести отцовского престола (лат.).

²²² Там же - Юпитер, якобы, некогда обещал: Affore Alexandri sobolem, quae poneret olim Italiae leges atque aures saecula referret etc. (Будет у Александра отпрыск, который некогда установит для Италии законы и возвратит золотой век и т. д. (лат.). - И. М.)

²²³ Там же - *sacrumque decus maiora parantem deposuisse* (готовясь к большему, он отказался от священной почести (лат.). - И. М.)

²²⁴ Он был, как известно, женат на французской принцессе из дома Альбре и имел от нее дочь: каким-нибудь способом он уж попытался бы основать династию. Мы не располагаем сведениями о том, что он принимал меры для получения вновь шапки кардинала, хотя (согласно Макиавелли, ук. соч., p. 285) должен был рассчитывать на скорую смерть своего отца.

²²⁵ Макиавелли, ук. соч., p. 334. Притязания на Сиену и, возможно, на всю Тоскану были налицо, но они еще не созрели; для их осуществления нужно было согласие Франции.

²²⁶ Макиавелли, ук. соч., p. 326, 351, 414. - Matarazzo, Cronaca di Perugia, Arch. stor. XVI, II, p. 157 и 221: «Он хотел, чтобы его солдаты были расквартированы в соответствии с их желанием, так чтобы в мирное время они получили еще большую выгоду, чем на войне».

²²⁷ Так Pierio Valeriano, de infelicitate literator., в связи с Джованни Реджо.

²²⁸ Tommaso Gar, ук. соч., 11.

²²⁹ Paulus Jovius, Elogia, Caesar Borgia. - В книге XXII принадлежащих Раф. Волатеррано Commentarii urbani содержится составленная при Юлии II и тем не менее весьма осторожная характеристика Александра. Здесь говорится: Roma... nobilis jam carnificina facta erat (благородный Рим уж превратился в пыточную (лат.). - И. М.)

²³⁰ Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 362.

²³¹ Paulus Jovius, Histor. II, fol. 47.

²³² Panvinius, Epitome pontificum, p. 359. Попытка отравить будущего

папу Юлия II, см. p. 363. Согласно Сисмонди, XIII, 246, такой смертью умер и Лопес, кардинал Капуи, в течение многих лет доверенное лицо, которому были известны все тайны. Согласно Санудо (у Ranke, Papste, I, S. 52, прим.), также и кардинал Вероны.

²³³ Prato, Arch. stor. III, p. 254. [— Cp. Attilius Alexius у Baluz. Miscell., 518, s.]

²³⁴ Весьма энергично папой использованного. Cp. Chron. Venetum у Murat. XXIV, col. 133.

²³⁵ Anshelm, Berner Chronik, III, S. 146 - 156. - Trithem. Annales. Hirsaug. torn. II, p. 579, 584, 586.

²³⁶ Panvin. Contin. Platinae, p. 341.

²³⁷ Этим и объясняется пышность надгробий прелатов, сооруженных при их жизни: таким образом у папы отнимали хотя бы часть добычи.

²³⁸ Действительно ли Юлий надеялся на то, что ему удастся убедить Фердинанда Католика посадить на трон Неаполя изгнанную боковую линию Арагонской династии, остается, несмотря на то что говорит Джовио (Vita Alphonsi Ducis), очень сомнительным.

²³⁹ Оба стихотворения, например, у Roscoe, Leone X, ed. Bossi IV, 257 и 297. - Правда, когда в августе 1511 г. Юлий много часов находился в обмороке и его сочли умершим, несколько беспокойных голов из знатных семейств - Помпео Колонна и Антимо Савелли - сразу решили создать «народ» на Капитолий и призвать его к свержению папской власти, а vendicarsi in liberta... a publica ribellione (завоевать себе свободу... с помощью народного восстания (ит.), как сообщает Гвиччардини в книге X.

²⁴⁰ Septimo decretal. L. I. Tit. 3, cap. с 1 по 3.

²⁴¹ Franc. Vettori, в Arch. stor. VI, p. 297.

[²⁴² Кроме того, они ему принесли, должно быть (согласно Paul. Lang., chronicon Citicense), 500 000 золотых гульденов; один только францисканский орден, генерал которого также стал кардиналом, уплатил 30 000.]

²⁴³ Franc. Vettori, ук. соч., p. 301. - Arch. stor. append. I, p. 293, s. - Roscoe, Leone X, ed. Bossi VI, 232, s. - Tommaso Gar, ук. соч., p. 42.

²⁴⁴ Ariosto, Sat. VI. vs. 106. Tutte morrete, ed è fatal che muoja Leone appresso... (Все умираете вы, но роковой будет близкая смерть Льва... (ит.). - И. М.)

²⁴⁵ Вместо многочисленных примеров вот одна комбинация такого рода: Lettere de' principi I, 46, в одном донесении из Парижа кардинала Библиены от 1518 г.

²⁴⁶ Franc. Vettori, ук. соч., p. 333.

²⁴⁷ У Roscoe, Leone X, ed. Bossi VIII, p. 105 имеется послание Пико, направленное Пирхеймеру в 1517 г. Он опасается того, что еще при Льве зло окончательно одержит верх над добром, et in te bellum a nostrae religionis hostibus ante audias geri quam parari (и ты раньше услышишь о том, что враги нашей религии ведут войну, чем о том, что они к ней готовятся (лат.). - И. М.)

²⁴⁸ Lettere de' principi, I. Рим, 17 марта 1523 г.: «Это государство в силу ряда причин висит на волоске, и дай Бог, чтобы нам не пришлось вскоре бежать в Авиньон или на край света. Я предвижу скорое падение этой духовной монархии... Если Бог нам не поможет, мы пропали».

²⁴⁹ Negro, ук. соч., под 24 октября (должно было бы стоять - сентября) и 9 ноября 1526 г., 11 апреля 1527 г.

²⁵⁰ Varchi, Stor. fiorent. I, 43, 46, s.

²⁵¹ Paul. Jovius, Vita Pomp. Columnae.

²⁵² Ranke, Deutsche Geschichte. II, 375 ff.

²⁵³ Varchi, Stor. fiorent. II, 43, s.

²⁵⁴ Там же и у Ranke, Deutsche Geschichte. II, S. 394 Anm. Все полагают, что Карл переведет свою резиденцию в Рим.

²⁵⁵ Его письмо к папе, а именно отправленное из Карпентры, от 1 сентября 1527 г., в Anecdota litt. IV, p. 335.

²⁵⁶ Lettere de' principi, I, 72. Кастильоне обращается к папе, Бургос, 10 декабря 1527 г.

²⁵⁷ Tommaso Gar, relaz. delta corte di Roma. I, 299.

²⁵⁸ Дому Фарнезе это до некоторой степени удалось, звезда Караффа закатилась.

²⁵⁹ Petrarca, epist. fam. I, 3, p. 574, где он благодарит Бога за то, что родился итальянцем. Далее - Apologia contra cuiusdam anonymi Galli calumnias, от 1367 г., p. 1068, s.

²⁶⁰ Я имею в виду прежде всего сочинения Вимпелинга, Бебеля и др. в I томе scriptores, опубликов. Schardius. [— Сюда же следует прибавить относящуюся к несколько более раннему времени Felix Fabri (Hist. Suevorum), а из позднейшей эпохи - Irenicus (Germaniae exegesis, 1518).]

²⁶¹ Один пример взамен множества: ответ дожа Венеции одному флорентийскому агенту по поводу Пизы в 1496 г., у Malipiero, Ann. Veneti, Arch. stor. VII, I, p. 427.

Примечания к главе II

¹ Следует обратить внимание на выражения uomo singolare, uomo unico (исключительный человек, человек, единственный в своем роде (ит.). - И. М.) для обозначения высшей ступени индивидуального развития.

² Поэтому во Флоренции около 1390 г. не существовало никакой господствующей моды в отношении мужской одежды: каждый стремился одеваться по своему вкусу. Ср. канцону Франко Саккетти contro alle nuove foggie, в Rime, publ. dal Poggiaii, p. 52.

³ Также это в полной мере относится и к их женам, что можно обнаружить в доме Сфорца, а также в различных семействах правителей Северной Италии. Ср. в принадлежащих Якобу Бергоменскому Clareae mulieres биографии Баггисты Малатеста, Паолы Гонзага, Орсины Торелла, Боны Ломбарда, Риккарды Эсте и важнейших представительниц дома Сфорца. Среди них немало подлинных virago (мужедев); нет недостатка также и в дополнении индивидуального развития гуманистической культурой.

⁴ Франко Саккетти в своем Capitolo (Rime, publ. dal Poggiaii, p. 56) насчитывает около 1390 г. в господствующих партиях более сотни имен значительных людей, умерших на его памяти. Сколько бы ни было среди них посредственностей, все в целом это может служить убедительным доказательством пробуждения индивидуальности. - Относительно Vite Филиппо Виллани см. ниже.

⁵ Trattato della governo delta famiglia. Существует выдвинутое в последнее время предположение, согласно которому это сочинение при-

надлежит архитектору Л. Б. Альберти. Ср. Vasari IV, 54, прим. 5, ed. Lemonnier. - О Пандольфине ср. Vespas. Fior., p, 379.

⁶ Trattato, p. 65, s.

⁷ Jov. Pontanus, de fortitudine, L. II. Семьдесят лет спустя Кардано (De vita propria, cap. 32) мог с горечью спросить: Quid est patria, nisi consensus tyrannorum minorum ad opprimendos imbelles timidos, et qui plerumque sunt innoxii? (Что есть родина, если не сговор мелких тиранов, чтобы притеснять робких и невинных людей, по большей части неопасных? (лат.). - И. М.)

⁸ De vulgari eloquio, Lib. I, cap. 6. - Об идеальном итальянском языке cap. 17. Духовное родство всех образованных людей cap. 18. - Но тут же и ностальгия в знаменитых местах «Чистилища» VII11 и слл. и «Рая» XXV 1.

⁹ Dantis Aligherii Epistolae, ed. Carolus Witte, p. 65.

¹⁰ Ghiberti, secondo commentario, cap. XV. (Vasari, ed. Lemonnier, I, p. XXIX.)

¹¹ Codri Urcei Vita, предшествующая его Opera. - Правда, отсюда недалеко уже и до Ubi bene, ibi patria (где хорошо, там и родина (лат.)) - Множество не связанных с местом пребывания нейтральных духовных наслаждений, к которым образованные итальянцы становились все в большей степени способны, в значительной степени облегчало им изгнание. Впрочем, космополитизм - признак любой эпохи высокой образованности, ибо люди открывают новые миры и уже не чувствуют себя уютно в старом мире. У греков он очень отчетливо проступает после Пелопоннесской войны. Платон, по словам Нибура, не был хорошим гражданином, а Ксенофонт - еще худшим; Диоген же и вовсе провозгласил отсутствие родины истинным удовольствием и называл себя, как сказано у Лаэртция, aropolis («безродным» (греч.), букв. «лишенный полиса». - И. М.)

¹² Boccaccio, Vita di Dante, p. 16.

¹³ Ангелы, которых он рисовал на табличках в годовщину смерти Беатриче (Vita puova, p. 61), были, возможно, чем-то большим, нежели просто наброски дилетанта. Аретино говорит, что он egregiamente (превосходно (ит.). - И. М.) рисовал и был большим любителем музыки.

¹⁴ В отношении того, что говорится здесь и ниже, ср. прежде всего Веспасиано Фьорентино, перворазрядный источник по всему, что касается флорентийской образованности XV в. Сюда относятся p. 359, 379, 401 etc. - Также изящная и поучительная Vita Jannocitii Manetti (род. в 1396 г.) у Murat. XX.

¹⁵ Нижеследующее, к примеру, из принадлежащей Петрарке характеристики Пандольфо Колленуччо, у Roscoe, Leone X, ed. Bossi III, p. 197, s., и в Opere del Conte Peticari, Mil. 1823, vol. II.

¹⁶ У Murat. XXV, col. 295, s. К этому - дополнение из Vasari IV, 52, s. - Во всяком случае всесторонним дилетантом и мастером в ряде областей был, например, Мариано Сочини, если верить его характеристике, данной Энеем Сильвием (Opera, p. 622, epist. 112).

¹⁷ Ср. Ibn Fimas у Hammer, Literaturgescheh. der Araber, I, введение, S. 51.

¹⁸ Quidquid ingenium esset hominum cum quadam effectum elegantia, id prope divinum ducebat (То, что с известным изяществом совершалось талантом человека, он почитал едва ли не божественным (лат.).

¹⁹ Это и есть та утраченная работа, которая (ср. с. 388 прим. 5)

теперь вновь считается в существенных моментах воспроизводимой в трактате Пандольфини.

²⁰ В его работе *De re aedificatoria*, L. VIM, cap. 1 имеется определение того, что могло бы быть названо красивой дорогой: *si modo mare, modo montes, modo lacum fluentem fontesve, modo aridam rupem aut planitiem, modo nemus vallemque exhibebit* (если с нее будет обнаруживаться то море, то горы, то озеро или ручей, то иссушенная скала или равнина, то роща или долина (лат.) - И. М.).

²¹ Вот вам один автор вместо целого их списка: *Blondus, Roma triumphans*, L. V, p. 117, s., где собраны определения славы (*gloria*) из трудов античных авторов и настоятельно провозглашается, что христианину также позволительно стремиться к славе. - Сочинение Цицерона *De gloria*, которым еще располагал Петрарка, было с тех пор, как известно, утрачено.

²² «Рай» XXV, начало: *Se mai continga etc.* (Если когда-либо случится и пр.) - Ср. *Vossaccio, Vita di Dante*, p. 49. *Vaghissimo fu e d'onore e di rompra, e per avventura piu che alia sua inclita virtut non si sarebbe richiesto* (Он в сильнейшей степени жаждал и почестей и великолепия, хотя в то же время он не стал бы требовать более, чем полагалось его замечательной доблести (ит.) - И. М.).

²³ *De vulgari eloquio*, Lib. I, cap. 1. Но особенно - в *de Monarchia*, Lib. I, cap. 1, где он желает дать определение монархии не просто для того, чтобы оказаться полезным миру, но еще и *ut palmam tanti bravii primus in team gloriam adipiscar* (чтобы первым снискать в венок моей славы пальмовую ветвь за такую победу (лат.) - И. М.).

²⁴ *Convito*, ed. Venezia 1529, fol. 5 и 6.

²⁵ «Рай» VI 112 ел.

²⁶ Например, «Ад» VI 89, XIII 53, XVI 85, XXXI 127.

²⁷ «Чистилище» V 70, 87, 133, VI 26, VIII 71, XI 31, XIII 147.

²⁸ «Чистилище» XI 79-117. Помимо *gloria* здесь собраны сразу: *grido, fama, rumore, nominanza, onore*, - громкие синонимы одного и того же понятия. Боккаччо сочинял стихи, как признается он в письме к Иог. Пицинге (*Opere volgari*, vol. XVI), *perpetuandi nominis desiderio* (из желания увековечить имя (лат.) - И. М.).

²⁹ *Scardeonius, de urb. Patav. antiq.* (Graev. Thesaur. VI, III, col. 260). Вопрос о том, следует ли здесь читать *cereis, muneribus* (со свечами и подарками) или же *certis muneribus* (с некоторыми подарками (лат.) - И. М.), я оставляю открытым.

³⁰ *Epistola de origine et vita etc.*, во вступлении к *Opera*: «Franc. Petrarca *Posteritati salutem*». Некоторые новые хулители, порицающие Петрарку за тщеславие, вряд ли были бы способны на его месте проявить такую доброту и открытость, как он.

³¹ *Opera*, p. 177: *de celebritate nominis importuna*.

³² *De remediis utriusque fortunae, passim*.

³³ *Epist. seniles III*, 5. Масштабы славы Петрарки можно представить, например, по *Blondus (Italia illustrate, p. 416)* сотней лет спустя, который уверяет в том, что даже ученые вряд ли знали бы теперь хоть что-то о короле Роберте Добром, когда бы о нем так часто и по-дружески не вспоминал Петрарка. -

³⁴ *Epist. seniles XIII*, 3, p. 918.

³⁵ *Filippo Villani, Vite*, p. 19.

³⁶ И то и другое имеет место в надгробной надписи Боккаччо: *Nacqui in Firenze al Pozzo Toscanelli; Di fuor sepolto a Certaldo giaccio, etc.* (Я родился во Флоренции у колодца Тосканелли; Покоюсь погребенный здесь, у Чертальядо и пр. (ит.) - И. М.) - Ср. *Opere volgari di Bosa*, vol. XVI, p. 44.

³⁷ *Mich. Savonarola, de laudibus Patavii*, y *Murat. XXIV*, col. 1157.

³⁸ Мотивированное государственное постановление от 1396 г. у *Gaye, Carteggio*, I, p. 123.

³⁹ *Vossaccio, Vita di Dante*, p. 39.

⁴⁰ *Franco Sacchetti, nov.* 121.

⁴¹ Первые в знаменитом саркофаге у Сан Лоренцо, последние - над дверьми в Палаццо делла Раджионе. Подробности того, как в 1413 г. они были разысканы, см. у *Misson, Voyage en Italie*, vol. I.

⁴² *Vita di Dante*, l. c. Каким, интересно знать, образом тело Кассия могло после сражения при Филиппах возвратиться в Парму?

⁴³ *Nobilitatis fastu* (из аристократической спеси), говорит об этом Пий И (*Comment. X*, p. 473), хоть и *sub obtentu religionis* (под прикрытием благочестия (лат.) - И. М.). Новое предствление о славе, вероятно, представлялось многим неудобным, поскольку они привыкли к иному.

⁴⁴ Ср. *Keyfiler, Neueste Reisen*, p. 1016.

⁴⁵ Плиний Старший происходил, как известно, из Вероны.

⁴⁶ Так в основном обстоит дело еще с относящимся к XIV в. замечательным сочинением *De laudibus Papiæ* (у *Murat. X*): здесь много местнической гордости, однако нет еще никакой славы в специальном смысле.

⁴⁷ *De laudibus Patavii*, y *Murat. XXIV*, col. 1151 слл.

⁴⁸ *Nam et veteres nostri tales aut divos aut aeterna memoria dignos non immerito praedicabant. Quum virtus summa sanctitatis sit consocia et pari emantur pretio* (Ибо и древние наши авторы не без оснований почитали таких людей за богоравных либо за достойных вечной памяти. Ведь доблесть - спутница высшей святости и покупается тою же самой ценой (лат.) - И. М.).

⁴⁹ В принадлежащем Боккаччо сочинении *Casus virorum illustrium* («События из жизни знаменитых мужей») о послеантичном времени повествует лишь последняя, IX книга. Так же гораздо позже в *Sotmentarii urbani* Раф. Волатеррано, в XXI книге, которая является девятой книгой «Антропологии»; пап и императоров он рассматривает отдельно в книгах XXII и XXIII. - В сочинении августинца Якоба Бергоменского *De Claris mulieribus* («О знаменитых женщинах», около 1500 г.), ср. с. 388, прим. 3, преобладает древность, а еще того более легенда, но затем следует несколько ценных биографий итальянок. У *Scardeonia (de urb. Patav. antiq., Graev. Thesaur. VI, III, col. 405, s.)* перечисляются знаменитые падуанки: сначала приводится легенда или сказание времени Великого переселения народов, затем преисполненные страсти трагедии периода борьбы партий в XIII-XIV вв.; далее ряд героических женщин - основательница монастыря, политическая советница, врач, мать многих выдающихся сыновей, ученая женщина, крестьянская девушка, погибавшая, защищая свою невинность, наконец, прекрасная, высокообразованная женщина XVI в., в честь которой все слагали стихи, и в завершение поэтесса и новеллистка. Столетие спу-

стя к числу всех этих знаменитых падуанских женщин прибавилась бы еще профессорша. - Знаменитые женщины дома Эсте см. у Ариосто, Орл. XIII.

⁵⁰ С принадлежащим Б. Фацио *Viri illustres*, изд. Menus, одним из самых значительных в XV в. сочинений в этом роде, мне, к сожалению, ознакомиться так и не довелось.

⁵¹ Этим уже грозит латинский певец XII века, странствующий студент, просящий дать ему одежду за его песню. См. *Carmina Burana*, p. 76.

⁵² *Boccaccio, Opere volgari*, vol. XVI, в 13 сонете: *Pallido, vinto etc.*

⁵³ Наряду с прочим у *Roscoe, Leone X*, ed. Bossi IV, p. 203.

⁵⁴ *Angeli Politiani epp. Lib. X.*

⁵⁵ *Paul. Jov. de romanis piscibus, praefatio* (1525 г.): первая декада его истории выйдет в ближайшем будущем *non sine aliqua spe immortalitatis* (не без некоторой надежды на бессмертие (лат.)). - И. М.).

⁵⁶ К этому см. *Discorsi I, 27. Tristizia* (преступление) может обладать *grandezza* (величием) и быть *in alcuna parte generosa* (некоторым образом великодушной); *grandezza* может устранить всякую *infamia* (бесчестье); человек может быть *onorevolmente tristo* (достойно преступным), в противоположность *perfettamente buono* (совершенно хорошему) (ит.) - И. М.).

⁵⁷ *Storie fiorentine, L. VI.*

⁵⁸ *Paul. Jov. Elogia*, по поводу Марио Мольсы.

⁵⁹ Средневековые богато так называемыми сатирическими стихами, однако это еще не личная, а почти всегда общая, направленная на сословия, на категории населения и т. д. сатира, которая легко переходит в назидательный тон. Свое выражение все это направление получило преимущественно в басне о Рейнке Лисе во всех ее редакциях у разных народов Запады. О французской литературе этого направления имеется прекрасная недавно вышедшая работа: *Lenient, La satire en France au moyen-age.*

⁶⁰ В виде исключения встречается уже дерзкая острота, *nov. 37.*

⁶¹ «Ад» XXI, XXII. Единственная возможная параллель этому может быть усмотрена в Аристофане.

⁶² Робкая попытка-Опера p. 421 и ел.; в *Rerum memorandum libri IV.* Еще см., например, p. 868 в *Err. sertil. X, 2.* Зачастую каламбур еще отдает своим средневековым убежищем, монастырем.

⁶³ *Nov. 40, 41*: речь идет о Ридольфо да Камерино.

⁶⁴ Известную шутку о Брунеллески и толстом резчике по дереву при всем ее остроумии все же следует считать жестокой.

⁶⁵ *Ibid.*, *nov. 49.* И все же, если судить по *nov. 67.*, возникает чувство, что в некоторых случаях житель Романы превосходит даже худшего флорентийца.

⁶⁶ *Ang. Pandolfini, del governo della famiglia*, p. 48.

⁶⁷ *Franco Sacchetti, nov. 156*; ср. *nov. 24. Facetiae* (остроты) Поджо родственны по содержанию остротам Саккетти: бурлески, дерзости, непонимание со стороны людей из простонародья, противопоставляемое рафинированной непристойности, затем множество каламбуров, выдающих филолога. - О Л. Б. Альберти ср. с. 92 сл.

⁶⁸ А следовательно, и в тех итальянских новеллах, содержание которых оттуда заимствовано.

⁶⁹ Согласно *Bandello IV, nov. 2*, Гоннелла мог мимикой воспроизводить черты лица других людей и подражать всем диалектам Италии.

⁷⁰ *Paul. Jovius, Vita Leonis X.*

⁷¹ *Erat enim Bibiena mirus artifex hominibus aetate vel professione gravibus ad insaniam impellendis* (Ибо Бибиена был удивительным мастером доводить людей, солидных по возрасту либо по занятию, до сумасшествия (лат.)). - И. М.). Это напоминает шутку, которую Христина, королева Швеции, сыграла со своими филологами.

⁷² Лорнет позаимствован мною не только с рафаэлевского портрета папы Льва X, где его можно скорее толковать как лупу для разглядывания миниатюр молитвенника, а из сообщения Пелликана, в которой сообщается, что Лев X смотрел на процессию монахов в *specillum* (зеркальце) (ср. *Zuricher Taschenbuch* за 1858 г., S. 177) и из упоминания о *crystallo concava* (вогнутого хрусталя (лат.)). - И. М.), которым он, согласно Джовио, пользовался на охоте. [— Согласно *Attilius Alexius Baluz. Miscell. IV, 518*): *oculariexgemma (gemma?) utebatur, quam manugestans, signando aliquid videndum esset, oculis admovebat* (пользовался двойным окуляром, держа его в руках, а когда надо было что-либо перед подписанием просмотреть, подносил его к глазам (лат.); перевод «двойной окуляр» предположительный, Я. Буркхардт предлагает читать «окуляр из драгоценного камня». - И. М.).]

⁷³ Также и в изобразительном искусстве пародия была распространена; достаточно вспомнить, например, известную гравюру, на которой группа Лаокоона представлена в виде трех обезьян. Однако подобные изображения редко выходили за пределы поверхностного наброска, кое-что, может быть, и уничтожено. Карикатура же по своей сущности - нечто другое: Леонардо в своих зарисовках гримас («Амброзиана») изображает уродливое, когда оно смешно и потому что смешно, и произвольно усиливает этот комический характер.

⁷⁴ *Jovian. Pontan. de Sermone.* Он констатирует особый дар остроумия не только у флорентийцев, но также у жителей Сиены и Перуджи; испанский двор прибавляется им исключительно из вежливости.

⁷⁵ *Il cortigiano, Lib. II. fol. 74, s.* - Возведение остроты к контрасту, хотя не вполне ясное, *fol. 76.*

⁷⁶ *Galateo del Casa, ed. Venez. 1789, p. 26, s. 48.*

⁷⁷ *Lettere pittoriche I, 71*, в одном письме Винч. Боргини от 1577 г. - Макиавелли говорит о молодых флорентийских господах второй половины XV в. следующее: *Gli studT loro erano apparire col vestire splendidi, e col parlare sagaci ed astuti, e quello che pie destramente mordeva gli altri era piu savio e da piu stimato* (Устремления их сводились к тому, чтобы являться на люди в блестящих нарядах, с речами тонкими и коварными, и тот, кто ловчее кусал других, почитался самым мудрым и пользовался наибольшим уважением (ит.)). - И. М.).

⁷⁸ Ср. надгробную речь Федра Ингирами по поводу кончины Лодовико Подокатаро (1505 г.), в *Anecd. litt. I, p. 319.* - Собирает скандальных сведений Массино упоминается у *Paul. Jov., Dialogus de viris litt. illustr. (Tiraboschi, torn. VII, parte IV, p. 1631.)*

⁷⁹ Так держался, вообще говоря, Лев X, и в целом он правильно оценивал ситуацию: как ни отвратительно вели себя по отношению к нему, особенно после его смерти, пасквилянты, они так и не смог-

ли одержать верх над общим впечатлением, оставляемым его личностью.

⁸⁰ В таком положении, вероятно, оказался кардинал Ардичино дела Порта, который готов был в 1491 г. сложить с себя сан и бежать в заштатный монастырь. Ср. Infessura, у Essard, II, col. 2000.

⁸¹ См. его надгробную речь в Anecd. litt. IV, p. 315. Он собрал в южной Анконской марке крестьянскую армию, которой помешала начать действия только измена герцога Урбинского. - Его изящные полные безнадежности любовные мадригалы у Trucchi, Poesie ined. III, p. 123.

⁸² Какое употребление находил он своему языку за столом у Климента VII см. у Giraldi, Hecatommithi, VII, nov. 5.

⁸³ Все якобы имевшее место совещание об утоплении Пасквино у Paul. Jovius, Vita Hadriani, перенесено с Сикста IV на Адриана. - Ср. Lettere de' principi, I, письмо Negro от 7 апреля 1523 г. Пасквино был посвящен специальный праздник в день св. Марка, который папа запретил.

⁸⁴ Например: Firenzeuola, Opera, vol. I, p. 116, в Discorso degli animali.

⁸⁵ К герцогу Феррарскому, от 1 января 1536 г.: Теперь вы поедете из Рима в Неаполь, ricreando la vista avvilita nel mirar le miserie pontificali! con la contemplatione delle eccellenze imperiali (восстанавливать свое зрение, униженное видом папских убожеств, при помощи созерцания королевского великолепия (ит.). - И. М.).

⁸⁶ Как был он этим страшен в особенности художникам, следовало бы рассмотреть в другом месте. - Публицистической движущей силой немецкой Реформации является в сущности брошюра, издаваемая применительно к определенным обстоятельствам. Аретино же журналист в том смысле, что позыв к публикации наличествовал в нем постоянно.

⁸⁷ Например, в Capitolo к Альбиканте, посредственному стихотворцу; к сожалению, цитаты здесь воспроизведению не поддаются.

⁸⁸ Lettere, ed. Venez. 1539. Fol. 12, от 31 мая 1527 г.

⁸⁹ В первом Capitolo к Козимо.

⁹⁰ Gaye, Carteggio II, p. 332.

⁹¹ См. дерзкое письмо от 1536 г. в Lettere pittor., I, Append., 34.

⁹² *L'Arete, per Dio grazia, è vivo e sano,*

Ma'l mostaccio ha fregiato nobilmente,

E piu colpi ha, che dita in una mano.

(Mauro, capitolo in lode delle bugie.)

(Аретино, благодаря Господу, и жив, и здоров он,

Лишь усишки свои закрутил дворянским манером,

И еще - оплеухами весь переполосован.

(Мавр, capitolo в похвалу лжи) (ит.). - И. М.).

⁹³ См., например, письмо кардиналу Лотарингии, Lettere, ed. Venez. 1539, от 21 ноября 1534 г., а также письма к Карлу V.

⁹⁴ В отношении нижеследующего см. Gaye, Carteggio II, p. 336, 337, 345.

⁹⁵ Lettere, ed. Venez. 1539. Fol. 15, от 16 июня 1529 г.

⁹⁶ Ими могла быть надежда на шапку кардинала или-страх перед начинающимися кровавыми процессами инквизиции, которые он еще в 1535 г. осмелился резко критиковать (см. ук. соч. Fol. 37) и которые, однако, после реорганизации самого учреждения в 1542 г. внезапно участились и заставили всех умолкнуть.

¹ «Carmina Burana» в «Bibliothek der literarischen Vereins in Stuttgart», V. XVI. - Пребывание в Павии (p. 68, 69), итальянское место действия вообще, сцена с pastorella (пастушкой, ит.) под маслиной (p. 145), созерцание pinus (пиния, лат. - И. М.) как дающего тень лугового дерева (p. 156), неоднократное употребление слова bravium (награда победителю на состязаниях, лат. из греч. - И. М.) (p. 137, 144), в особенности же написание Madii вместо Maji (p. 141), - все это, как представляется, говорит в пользу нашего допущения. - Тот факт, что поэт называет себя Вальтером, не дает нам никаких указаний относительно его происхождения. Обыкновенно его идентифицируют с Гвальтером де Мапом, настоятелем собора в Солсбери и капелланом английских королей в конце XII в. В Новое время в нем принято было видеть некоего Вальтера из Лилля или из Шатильона, ср. Гизебрехт у Wattenbach «Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter», S. 431 ff.

² Краткий обзор того, как античность способна была служить ставницей и вождем в высших областях жизни, дает Эней Сильвий (опера p. 603, в письме 105 к эрцгерцогу Сигизмунду).

³ Что касается деталей, мы можем указать на Roscoe «Lorenzo magnif.» и «Leo X», а также Voigt «Enea Silvio» и Papencordt «Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter». - Тому, кто желает составить представление относительно объема знаний, с которыми необходимо было ознакомиться в кругу образованных людей этого времени, лучше всего обратиться к сочинению Рафаэля Вольтерры «Commentarii urbani». Здесь можно увидеть, что античность образовывала собой преддверие и основное содержание каждого раздела знания, начиная с географии и истории отдельных местностей, продолжая биографиями всех государственных деятелей и знаменитых людей, популярной философией, моралью и отдельными специальными научными дисциплинами - вплоть до анализа всего Аристотеля в целом, которым заканчивается сочинение. Чтобы оценить значение данного сочинения в качестве источника образования, необходимо его сравнить со всеми энциклопедиями более раннего периода. обстоятельное и всестороннее рассмотрение настоящей темы содержится в прекрасной работе: Voigt «Die Wiederbelebung des klassischen Altertums».

⁴ Лишь бегло обозначенная здесь проблема была с тех пор разрешена в большего объема труде: Gregorovius «Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter», к которой мы и отсылаем теперь читателя - раз и навсегда.]

⁵ У Guil. Malmesb., Gesta regum Anglor., L. II, 169, 170, 205, 206 (ed. London 1840, vol. I, p. 277 ss., p. 354 ss.) - различные фантазии раскапывателя сокровищ, затем здесь упоминаются Венера - как являющаяся в виде привидения возлюбленная, находка огромного тела Палланта, сына Эвандра (персонажи «Энеиды» Вергилия, песни VIII и IX: царь, основатель города на Палатине, и его сын, павший в бою с Турном, см. подробнее «Мифологический словарь», М., 1991, с. 629. - И. М.) - приблизительно в середине XI в. - Ср. Iac. ab Aquis, Imago mundi (Hist. patr. monum. Script., Tom. III, Col. 1603) о происхождении дома Колонна в связи со потаенными сокровищами. - Помимо своих

рассказов раскапывателя сокровищ у Мальмсбери также излагается эгегическая история Гильдебурта Манского, епископа Турского, одного из наиболее ярких примеров гуманистического мировоззрения для первой половины XII в.]

⁶ Dante, Convito, tratt. IV, cap. 5.

⁷ Epp. familiares VI 2 (pag. 657); высказывания относительно Рима, прежде чем он его увидел, *ibid.* II 9 (pag. 600); ср. II 14.

⁸ «Dittamondo», II cap. 3. Процессия отчасти напоминает наивные изображения трех святых королей и их свиты. - Описание города, II cap. 31, не лишено археологических достоинств. - Согласно «Polistoghe» (Murat. XXIV, col. 845), Николо и Уго д'Эсте в 1366 ездили в Рим: *per vedere quelle magnificenze antiche, che al presente si possono vedere in Roma* (чтобы видеть те великолепные античные диковины, которые теперь возможно увидеть в Риме (ит.). - И. М.).

⁹ Вот, между прочим, доказательство того, что также и за границей в средневековье господствовал взгляд на Рим как на огромную каменоломню. Знаменитый аббат Сугерий, разыскивавший (около 1140 г.) больших размеров колонны для нового здания своего монастыря Сен-Дени, остановил выбор ни много ни мало на гранитных монолитах терм Диоклетиана, однако впоследствии отступился. *Sugerii libellus alter, u Duchesne, scriptores, IV, p. 352.* - Не подлежит сомнению, что Карл Великий действовал куда скромнее.

¹⁰ Poggii opera, fol. 50, s. Ruinarum urbis Romae descriptio. Около 1430 г., т. е. незадолго до смерти Мартина V. В термах Каракаллы и Диоклетиана еще сохранились инкрустации и колонны.

¹¹ Поджо как первый собиратель надписей, в его письме в *vita Poggii*, у Murat. XX, col. 177. Как собиратель бюстов - col. 183.

¹² Fabroni, Cosmus, adnot. 86. Из письма Альберто дельи Альберти Джованни Медичи. - О состоянии Рима при Мартине V см. Platina, p. 277; во время отсутствия Евгения IV см. *Vespasiano Fiorent.*, p. 21.

¹³ Следующие места из *Jo. Ant. Campanus, Vita Pii II u Muratori III*, II col. 980, s. - *Pii II Commentarii*, p. 48, 72, s. 206, 248, s. 501 и пр. места.

¹⁴ *Vossaccio, Fiammetta*, cap. 5.

¹⁵ *Leandro Alberti, Descriz. di tutta l'Italia*, fol. 285. [Согласно Леонардо Аретино (*Baluz. Misc. III* p. 111), Чириако объехал Этолию, Акарнанию, Беотию и Пелопоннес и был знаком со Спартой, Аргосом и Афинами.]

¹⁶ Вот два примера взамен множества: легендарная древняя история Милана в Манипуле (Murat. XI, col. 552), а также история Флоренции в начале хроники Рикордано Маласпини, впоследствии же - у Дж. Виллани, согласно которому у Флоренции имелось больше прав в сравнении с настроенным против Рима бунтовщическим Фьезоле потому, что она до такой степени исполнена римского духа (I 9, 38, 41, II 2) - см. Данте «Ад» XV 76.

¹⁷ *Commentarii*, p. 206, в IV книге.

¹⁸ *Mich. Cannesius, Vita Pauli II* у Murat. III, II, col. 993. Наш автор, вследствие родства с Павлом II Нерона, сына Домиция Агенобарба, не желает быть нелюбезным даже к нему; о Нероне здесь говорится буквально следующее: *de quo rerum scriptores multa ac diversa commemorant* (о котором историки сообщают много разноречивых сведений (лат.). - И. М.) - Еще ярче проявлялось это в случаях, подобных тому, когда,

например, семейство Плато в Милане льстило себя тем, что происходит от великого Платона, и Филельсо должен был об этом упомянуть в речи, произнесенной на свадьбе кого-то из Плато, а также в хвалебной речи, адресованной юристу Теодоро Плато, а еще - когда Джованантонио Плато мог добавить от себя на отлитом в 1478 г. рельефном изображении философа (во дворе Палаццо Мацента в Милане) следующую надпись: *Platonem suum, a quo originem et ingenium refert...* (своего Платона, к которому восходят его происхождение и дарование (лат.). - И. М.).

¹⁹ Об этом - *Nantiporto*, у Murat. III, II, col. 1049 [1094]; *Infessura* у *Eccard, Scriptores*, II, col. 1951; - *Matarazzo*, в *Arch. stor.* XIV, II, p. 180.

²⁰ Уже при Юлии II проводились раскопки с целью отыскания статуй. *Vasari* XI, p. 302, V. di Gio. da Udine.

²¹ *Quatremere, Stor. della vita etc. di Raffaello*, ed. Longhena, p. 531.

²² *Lettere pittoriche* II, I. Письмо Толемеи к Ланди, 14 ноября 1542 г.

²³ Он хотел *curis animique doloribus quacunque ratione aditum intercludere* (каким-то образом преградить доступ заботам и душевным кручинам (лат.). - И. М.): веселые шутки и музыка его пленяли и таким образом он надеялся прожить дольше. *Leonis X vita anonima*, у *Roscoe*, ed. Bossi XII, p. 169.

²⁴ Из сатиры Ариосто сюда относятся I (*Perc' ho molto etc.*) и IV (*Poiche, Annibale etc.*).

²⁵ *Ranke «Papste» I 408 f.* - *Lettere de' principi I*, письмо Негри от 1 сентября 1522 г.: ... *tutti questi cortigiani esausti da Papa Leone efalliti...* (все эти опустошенные и запутавшиеся в делах придворные папы Льва (ит.). - И. М.).

²⁶ *Pii II Commentarii*, p. 251, в V книге. - Ср. также элегию Саннацзаро *in ruinas Cumarum*, во II книге.

²⁷ *Polifilo «Hyperotomachia»*, без указания страниц. Извлечение - у *Temanza*, p. 12.

²⁸ В то время единственно о чем говорят все отцы церкви, как и все паломники - это лишь пещера. Поэты также могли обходиться без дворца. Ср. *Sannazaro, de partu Virginis*, L. II.

²⁹ Главным образом из Веспасиано Фьорентино, в X томе *Mai «Spicileg. Roman.»* Автор был торговцем книгами и рукописями во Флоренции приблизительно начиная с середины XV в.

³⁰ Известно, что для удовлетворения страсти ко всему античному и ее эксплуатации были сфабрикованы и некоторые подделки. См. помимо всего прочего из работ по истории литературы статьи об Аннии из Витербо.

³¹ *Vespas. Fior.*, p. 31. *Tommaso da Serezana usava dire, che dua cosa farebbe, s' egli potesse mai spendere, ch' era in libri e murare. E l' una e l' altra fece nel suo pontificate* (Томмазо да Серезана имел обыкновение говорить, что, если бы он смог когда-либо тратить деньги, сталбы делать две вещи: покупать книги и строить. И тем и другим он занимался в свой понтификат (ит.). - И. М.). - О его переводчиках см. у *Aep. Sylvius de Europa*, cap. 58, p. 459, и у *Papencordt «Gesch. der Stadt Rom»*, p. 502.

³² *Vespas. Fior.*, p. 48 и 658, 665. Ср. *J. Manetii, Vita Nicolai V* у Murat. III, II, col. 925, s. - О том, как Каликст III вновь частично расплыл собрание см. *Vespas. Fior.*, p. 284, s. с примечанием *Braie*.

³³ *Vespas. Fior.*, p. 617, s.

- ³⁴ Vespas. Fior., p. 547, s.
- ³⁵ Vespas. Fior., p. 193. Ср. Marin Sanudo, у Murat. XXII, col. 1185, s.
- ³⁶ Как обошлись с библиотекой тогда см. у Malipiero, Ann. veneti, Arch. stor. VII, II, p. 653, 655.
- ³⁷ Vespas. Fior., p. 124, s.
- ³⁸ Не при захвате ли Урбино армией Цезаре Борджа? - Май ставит под сомнение существование рукописи, однако я не могу поверить, чтобы слова Веспасиано «tutte le orege» (все сочинения (ит.). - И. М.) относились, например, всего-навсего к собранию изречений Менандра, как известно, насчитывающему только две сотни стихов, да еще в одном ряду с куда более полными кодексами (пусть даже это были хотя бы Софокл и Пиндар в том объеме, в котором они известны нам теперь). Нет ничего невероятного в том, что когда-нибудь этот Менандр еще будет обнаружен.
- ³⁹ Когда Пьеро де'Медичи предсказывает в связи со смертью венгерского короля, большого любителя книг Матвея Корвина, что *scrittori*, возможно, будут вынуждены снизить свои расценки, поскольку больше нигде (читай: кроме как у нас) они не найдут себе работы, то это следует отнести к одним лишь грекам, поскольку каллиграфов, к которым пытаются применить это высказывание, было много по всей Италии. - Fabroni, Laurent, magn. Adnot. 156. Ср. Adnot. 154.
- ⁴⁰ Gaye, Carteggio, I, p. 164. Одно письмо от 1455 года, при Каликсте III. Также и знаменитая Библия с миниатюрами из Урбино написана французом, работником Веспасиано. См. D'Agincourt, Malerei, Tab. 78.
- ⁴¹ Vespas. Fior., p. 335.
- ⁴² Папа оказал такую же любезность и библиотекам Урбино и Песаро (принадлежавшей Алессандро Сфорца, с. 19).
- ⁴³ Vespas. Fior., p. 129.
- ⁴⁴ Artes - Quis labor est fessis demptus ab articulis (О, искусства - труд какой с утомленных снимается членов (лат.). - И. М.) - в одном стихотворении Роберта Урсуса ок. 1470 г., Rerum ital. scriptt. ex codd. Florent, torn. II, col. 693. Его радость по поводу предвкушаемого им скорейшего распространения классических авторов несколько преждевременна. Ср. Libri, Hist, des sciences mathematiques II, 278, s. - О печатниках в Риме Gaspar. Veron. Vita Pauli II у Murat. III, II, col. 1046. Первая привилегия в Венеции см. Marin Sanudo, у Murat. XXII, col. 1189.
- ⁴⁵ Нечто подобное уже существовало во времена переписывания, см. Vespas. Fior., p. 656, s. о всемирной хронике Зембино да Пистойя.
- ⁴⁶ Fabroni, Laurent, magn. Adnot. 212. - Это произошло в связи с памфлетом «De exilio», -
- ⁴⁷ Ср. Sismondi VI, p. 149, s.
- ⁴⁸ Вымирание этих ученых отмечает Pierius Valerian, де infelicitate literat, по поводу Ласкариса. А Паоло Джовио в конце своей «Eppgia literaria» говорит о немцах: ... quum literae pop latinae modo cum pudore nostra, sed graecae et hebraicae in eorum terras fatali commigratione transierint (когда не только латинская ученость, к нашему позору, но также и греческая с еврейской переместилась в их земли в результате гильбелного переселения (лат.). - И. М.). (Около 1540 г.)
- ⁴⁹ Ranke «Papste» I 486. - Ср. конец настоящей главы.
- ⁵⁰ Tommaso Gar, Relazioni della corte di Roma, I, p. 338, 379.
- ⁵¹ Георгий Трапезундский получает в 1459 г. 150 дукатов жалованья в Венеции в качестве профессора риторики, Malipiero, Arch. stor. VII, II, p. 653. - Относительно кафедры греческого языка в Перудже см. Arch, stor. XII, II, p. 19 Введения. - Остается неясным, обучали ли греческому языку в Римини; ср. Anecd. litt. II, p. 300.
- ⁵² Vespas. Fior., p. 48, 476, 578, 614. - Фра Амброджо Камальдолезе также знал еврейский язык. Ibid., p.320.
- ⁵³ Сикст IV, построивший здание библиотеки Ватикана и расширивший ее фонд многочисленными приобретениями, выделил также деньги на латинские, греческие и еврейские рукописи (librarios). Platina, Vita Sixti IV, p. 332.
- ⁵⁴ Pierius Valerian, de infelic. literat. в связи с Монгаджо. - О Рамузио ср. Sansovino, Venezia, fol. 250.
- ⁵⁵ Прежде всего в важном письме 1485 года к Эрмолао Барбаро, у Ang. Politian. epistolae, L. IX. - Ср. Jo. Pici oratio de hominis dignitate.
- ⁵⁶ Представление о том, как оценивали они сами себя, можно составить, например, на основании Поджо (de avaritia, fol. 2), по мнению которого лишь тот может сказать про себя, что он действительно жил, se vixisse, кто сочинял ученые и полные красноречия латинские книги или же переводил с греческого языка на латинский.
- ⁵⁷ См. в особенности Libri, Hist, des sciences mathem. II, 159, s. 258, s.
- ⁵⁸ В песни XVIII «Чистилища» имеются красноречивые примеры этого: Мария спешит через горы, Цезарь - в Испанию; Мария бедна, а Фабриций некорыстолюбив. - В этой связи следует обратить внимание на хронологическое вступление сивилл в гражданскую историю античности, попытку которого попытался произвести произведи Уберти в своем «Dittamondo» (I, гл. 14, 15) ок. 1360 г.
- ⁵⁹ Еще у Данте («Vita nuova», p. 47) слово poeta означает исключительно лишь сочинителя стихов по-латински, в то время как для итальянского поэта употребляются выражения *rimatore*, *dicitore per rima*. Правда, с ходом времени эти выражения и понятия отчасти смешиваются.
- ⁶⁰ Также и Петрарка на вершине своей славы жалуется в минуты меланхолии: несчастливому сочетанию звезд было угодно, чтобы он вынужден был жить в такую позднюю эпоху, среди отъявленных шельм (*extremi fures*). В стилизованном письме, обращенном к Титу Ливию, Opera, p. 704 seq.
- ⁶¹ Боккаччо более строго ограничивается поэзией в собственном смысле слова в своем (более позднем) письме к Якобу Пизинге, в *Opere volgari*, vol. XVI. Но и здесь он, с полным игнорированием трубадуров, признает за поэзию лишь то, что основывается на античности.
- ⁶² Boccaccio, Vita di Dante, p. 50: la quale (laurea) non scienza accresce, ma e dell'acquistata certissimo testimonio e ornamento (который (т. е. лавровый венок) выращен не наукой, но является украшением и верхней свидетельством ее приобретения (ит.). - И. М.).
- ⁶³ «Рай» XXV 1 ел. - Boccaccio, Vita di Dante, p. 50: sopra le fonti di San Giovanni si era disposto di coronare. Ср. «Рай» I 25.
- ⁶⁴ Письмо к нему Боккаччо, в *Opere volgari*, vol. XVI: si praestet Deus, concedente senatu Romuleo... (если Бог позволит, с соизволения Ромулова сената~(лат.). - И. М.)
- ⁶⁵ Matt. Villani V, 26. Был устроен торжественный объезд города, в

котором поэта сопровождала свита императора, его бароны. - Также и Фацио дельи Уберти был увенчан, однако неизвестно, где это имело место и кто возлагал венки.

⁶⁶ Jac. Volaterran. y Murat. XXIII, col. 185.

⁶⁷ Vespas. Fior., p. 575, 589. - Vita Jan. Manetii y Murat. XXII, col. 543.

- Известность Леонардо Аретино, разумеется, еще при его жизни была столь велика, что люди сходились со всех сторон, только чтобы на него посмотреть, а один испанец даже бросился перед ним на колени. Vesp., p. 568. - На памятник Гварино магистрат Феррары выделил в 1461 г. значительную по тем временам сумму в 100 дукатов.

⁶⁸ Ср. Libri, Hist. des sciences mathem. II, p. 92, s. - Болонский университет был, как известно, старше, Пизанский же явился более поздним учреждением Лоренцо Великолепного, который основал его, как говорит Giovio, Vita Leonis X, l. I, «ad solatium amissae libertatis» (в знак утешения за утраченную свободу (лат.)). - И. М.). - Университет Флоренции (ср. Gaye, carteggio, I, p. 461 по 560 passim; Matteo Villani 1,8; VII, 90) существовал уже в 1321 г. с обязательным посещением для детей местных жителей, был основан вновь после «черной смерти» 1348 г., получая ежегодное финансирование в 2500 золотых гульденов, однако снова закрылся и в 1357 г. восстановлен еще раз. Кафедра толкования Данте, образованная по просьбе многих граждан в 1373 г., была впоследствии главным образом связана с профессурой в области филологии и риторики, как обстояло дело еще при Филельфо. (Явная неточность Я. Бурхардта, исправленная в последующих изданиях, готовившихся Л. Гейгером: разумеется, Болонский университет, существующий с 1119 г., гораздо старше, но и Пизанский университет был основан еще в 1343 г., а Лоренцо Великолепный лишь восстановил его в 1472 г. после закрытия флорентийцами. Да и сам Бурхардт ниже (прим. 73) говорит о «вновь восстановленном Пизанском университете». - И. М.)

⁶⁹ Этот факт необходимо учитывать при анализе списков, как, например, в случае сводного списка профессоров университета Павии (Corio, Storia di Milano, fol. 290), где среди прочих перечисляются двадцать юристов.

⁷⁰ Marin Sanudo, y Murat. XXII, col. 990.

⁷¹ Fabroni, Laurent, magn. Adnot. 52, в 1491 г.

⁷² Allegretto, Diari sanesi, y Murat. XXIII, col. 824.

⁷³ Филельфо при своем устройстве во вновь восстановленный Пизанский университет требует самое меньшее 500 золотых гульденов. Ср. Fabroni, Laurent, magn. Adnot. 41.

⁷⁴ Vespas. Fior., p. 271, 572, 580, 625. - Vita Jan. Manetii, y Murat. XX, col. 531, s.

⁷⁵ Vespas. Fior., p. 640. - Мне неизвестны специальные принадлежащие Розмини биографии Витторино и Гварино.

⁷⁶ Vespas. Fior., p. 646.

⁷⁷ Эрцгерцогу Сигизмунду, Epist. 105, p. 600 и королю Владиславу по прозвищу Postumus (родившийся по смерти отца), p. 605, последнее - как Tractatus de liberorum educatione.

⁷⁸ Следующие слова Веспасиано не поддаются переводу: a vederlo in tavola così antico come era, era una gentilezza (то было сущее блаженство - видеть его за столом, во всем такого античного (ит.) - И. М.)

⁷⁹ Там же, p. 485.

⁸⁰ Согласно Vespas., p. 271, здесь проходили ученые собрания, где устраивались также диспуты.

⁸¹ Ср. его Vita y Murat. XX, col. 532, s.

⁸² Все, что было о ней известно до того времени, могло быть только фрагментарно. Удивительный диспут по вопросу о противоположности Платона и Аристотеля произошел в Ферраре в 1438 г. между Гуго да Сиена и прибывшими на собор греками. Ср. Aeneas Sylvius, De Europa, cap. 52 (Opera, p. 450).

⁸³ У Nic. Valori, в жизнеописании Лоренцо Великолепного. - Ср. Vespas. Fior., p. 426. Первыми приверженцами Аргиропуло были Аччайоли. Ibid., 192: кардинал Виссарион и его параллели между Платоном и Аристотелем. Ibid., 223: Кузнец как платоник. Ibid., 308: каталонец Нарчисо и его диспут с Аргиропуло. Ibid., 571: отдельные платоновские диалоги переведены уже Леонардо Аретино. Ibid., 298: начинающееся воздействие неоплатонизма.

⁸⁴ Varchi, Stor. fiorent. L. IV, p. 321. Исполненное одухотворенности жизнеописание.

⁸⁵ Биографии Розмини (посвященные Витторино и Гварино), о которых упоминалось выше, как и Shepherd «Leben des Poggio», очевидно, содержат еще многое на эту тему.

⁸⁶ Epist. 39; Opera, p. 526, письмо Мариано Сочини.

⁸⁷ Не следует впадать в заблуждение: здесь же возможно наткнуться на ряд непрекращающихся жалоб на ничтожность венценосных меценатов и на равнодушие многих правителей к славе. Так, например, у Vart. Mant[uan]; Eclog. V еще XV в. - Невозможно было убогаторить всех сразу.

⁸⁸ Что касается покровительства, оказывавшегося папами наукам вплоть до конца XV в., то из соображений экономии места здесь следует указать на заключение книги Papencordt «Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter».

⁸⁹ Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temporis; по поводу «Sphaerulus» Камерино. Сей достойный господин не поспел к сроку и даже сорок лет спустя его труд еще не был закончен. - О скудных гонорарах Сикста IV ср. Pierio Valer. de infelic. lit. в связи с Теодором Газой. - Намеренное отстранение гуманистов от кардинальского пурпура папами до Льва ср. Lor. Granas, речь на смерть кардинала Эджилио, Anecd. litt. IV, p. 307.

⁹⁰ Лучшие из них - в «Deliciae poetarum italorum» и в приложениях к различным изданиям Roscoe «Leo X».

⁹¹ Paul. Jov. Elogia, по поводу Гвидо Постума.

⁹² Пиерио Валериано в своей «Simia».

⁹³ См. элегию Иоанна Аврелия Муция в «Deliciae poet. ital.»

⁹⁴ Известная история о кошеле из пурпурного бархата, где лежали разной величины свертки с золотом и куда Лев не глядя запуская руку - у Giraldi «Hecatommithi» VI, Nov. 8. Но зато и застольных импровизаторов на латинском языке били у Льва плетью, если они сочиняли слишком уж неловкие вирши. Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temp.

⁹⁵ Roscoe, Leone X, ed. Bossi IV, 181.

⁹⁶ Vespas. Fior., p. 68, s. Переводы с греческого, выполнявшиеся по

заказу Альфонса-р. 93.-Vita Jan. Manetti, y Murat. XX, col. 541, s. 550, s. 595. - Panormita «Dicta et facta Alphonsi» с пометками Энея Сильвия.

⁹⁷ Ovid. Amores III 15, 11. -Jovian. Pontan., de principe.

⁹⁸ Giorn. napolet. y Murat. XXI, col. 1127.

⁹⁹ Vespas. Fior., p. 3, 119, s. -Voile aver piena notizia d'ogni cosa, cosi sacra come gentile (он желал иметь представление о всяком предмете - как священном, так и языческом (ит.). - И. М.). - Ср. выше с. 36.

¹⁰⁰ При последнем Висконти симпатии государя в выборе чтения, помимо Данте и Петрарки, оспаривали Тит Ливий и французские рыцарские романы. Гуманистов, являвшихся к нему и выражавших желание его «прославить», он обыкновенно через несколько дней отсылал прочь. Ср. Decembrio, y Murat. XX, col. 1014.

¹⁰¹ Paul. Jov. Vita Alfonsi ducis.

¹⁰² О Колленуччо при дворе Джованни Сфорца, князя Песаро (сына Алессандро, с. 24), который напоследок отплатил ему смертью, см. с. 389, прим. 15. -При последнем Орделаффи в Форли это место занимал Кодр Урчео. - В ряду образованных тиранов следует также назвать убитого в "488 г. собственной женой Галеотто Манфредди из Фаэнцы, а также отдельных Бентивольо из Болоньи.

¹⁰³ Anecdota literar. II, p. 305, s. 405. Базини из Пармы высмеивает Порчеллино и Томмазо Сенеку: словно изголовавшиеся паразиты, они должны были в свои годы играть в солдат, в то время как он наделен и адег и villa (полем и виллой (лат.). -И. М.) (Около 1460 г., поучительный документ, на основании которого можно заключить о том, что существовали еще такие гуманисты, которые, как двое только что названных, пытались противодействовать восстановлению греческой учености.)

¹⁰⁴ Подробнее относительно этих могил-у KeyBler«Neueste Reisen», S. 924.

¹⁰⁵ Pii II Comment. L. II, p. 92. «Истории» следует здесь понимать как символ всей античности вообще.

¹⁰⁶ Fabroni, Cosmus, adnot. 117. - Vespas. Fior. passim. - Основное место о том, чего требовали флорентийцы от своих секретарей, у Aeneas Sylvius, De Europa, cap. 54 (Opera, p. 454).

¹⁰⁷ Ср. с 141 и Papencordt «Gesch. der Stadt Rom», p. 512, о новой коллегии аббревиаторов, основанной Пием.

¹⁰⁸ Anecdota lit. I, p. 119, s.Заключительная речь Джакомо Вольтерры от имени секретарей, несомненно относящаяся ко времени Сикста IV. - Притязания на гуманизм со стороны адвокатов консистории основывались на их искусстве красноречия, как соответствующие претензии секретарей - на их письмах.

¹⁰⁹ Эней Сильвий лучше всего был знаком с действительным состоянием дел в королевской канцелярии при Фридрихе III. Ср. Ерр. 23 и 105, Opera, p. 516 и 607.

¹¹⁰ Corio, Storia di Milano, fol. 449, письмо Изабеллы Арагонской ее отцу Альфонсу Неаполитанскому; fol. 451, 464, два письма Моро Карлу VIII. -Ср. с этим историйку в Lettere pittoriche III, 86 (Sebast. del Piombo к Aretino), как во время разграбления Рима Климент VII созывает у себя в замке своих ученых и поручает каждому из них составить по письму к Карлу V.

¹¹¹ Ср. речи в Opera Филельфо, Сабеллико, Бераольдо Ст. и др. и сочинения и биографии Джанноццо Манетти, Энея Сильвия и др.

¹¹² Diario Ferrarese, y Murat. XXIV, col. 198, 205.

¹¹³ Pii II Comment. L. I, p. 10.

¹¹⁴ Насколько велик был успех, сопутствовавший удачливому оратору, настолько же тяжкими были, разумеется, последствия заминки в присутствии больших и блестящих собраний. Ужасающие примеры этого собраны у Petrus Crinitus, de honesta disciplina V, cap.-3. Ср. Vespas. Fior., p. 319, 430.

¹¹⁵ Pii II Comment. L. IV, p. 205. Кроме этого, упоминаются еще и римляне, ожидавшие его в Витербо. Singuli per se verba fecere, ne alius alio melior videretur, cum essent eloquentia ferme pares (Каждый говорил от себя самого, дабы не возникло впечатления, что один лучше другого, в то время как красноречия они были одинакового (лат.). - И. М.). - То обстоятельство, что епископ Ареццо не смог выступить от имени коллективного посольства итальянских государств к новоизбранному Александру VI, Гвиччардини (в начале I кн.) вполне серьезно перечисляет среди причин, способствовавших итальянским несчастьям 1494 г.

¹¹⁶ Сообщено Marin Sanudo, y Murat. XXII, col. 1160.

¹¹⁷ Pii II Comment. L. II, p. 107. Ср. p. 87. -Другая говорившая по-латински ораторша из сословия государей - Мадонна Баттиста Монтефельтро, в замужестве Малатеста, обращавшаяся с речью как к Сигизмунду, так и к Мартину. Ср. Arch. stor. IV, I, p. 442, nota.

¹¹⁸ De expeditione in Turcas, y Murat. XXIII, col. 68. Nihil enim Pii concionantis maiestate sublimius. - Помимо наивного чувства самодовольства, сопровождающего изображение собственных успехов самим Пием, ср. Campanus, Vita Pii II, y Murat. III, II passim.

¹¹⁹ Однажды в Генуе Карл V, не будучи в состоянии уследить за аллегорической символикой речи одного оратора, говорившего по-латински, пожаловался Джовио на ухо: «Увы, насколько прав был некогда мой учитель Адриан, который предсказывал мне, что я буду наказан за свое детское нерадение к латыни!» Paul. Jov. vita Hadriani VI.

¹²⁰ Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temp., по поводу Колленуччо. - Филельфо, женатый мирянин, произносил в соборе Комо в 1460 г. речь по поводу представления епископа Скрампи.

¹²¹ Fabroni, Cosmus, adnot. 52.

¹²² Что, к примеру, несколько покорило Джакомо Вольтерру (у Murat. XXIII, col. 171) в связи с торжествами памяти Платины.

¹²³ Anecdota lit. I, p. 299, в речи Федра на смерть Лод. Подокатаро, которого Гварино имел обыкновение использовать для выполнения таких задач.

¹²⁴ Многие из таких вступительных лекций сохранились, см. сочинения Сабеллико, Бераольдо Ст., Кодра Урчео и др.

¹²⁵ О выдающейся славе, которой пользовались лекции Помпонацци, см. у Paul. Jov. Ologia.

¹²⁶ Vespas. Fior., p. 103. Ср. «История» p. 598, - то, как Джанноццо Манетти приходит к нему в лагерь.

¹²⁷ Archiv. stor. XV, p. 113, 121, вступление Канестрини; p. 342, s. - воспроизведены две речи к солдатам; первая из них, принадлежащая Аламани, отличается необыкновенной красотой и вполне достойна момента, когда произносилась (1528 г.).

¹²⁸ Об этом говорит Фаустин Тердоцци в своей сатире *De triumpho stultitiae*, lib. II.

¹²⁹ Оба этих поразительных случая встречаем мы у Сабеллико (*Opera*, fol. 61-82. Речи *De origine et actu religionis*, произнесенная в Вероне с возвышения проповедника перед капитулом францисканцев, и *De sacerdotii laudibus*, произнесенная в Венеции). Ср. выше прим. 119.

¹³⁰ *Jac. Volaterrani Diar. roman.*, у Murat. XXIII passim. - На col. 173 упоминается одна чрезвычайно примечательная проповедь перед двором, произнесенная в то время, когда Сикст IV случайно отсутствовал: о. Паоло Тосканелла метал грома против папы, его семейства и кардиналов; узнав об этом, Сикст лишь рассмеялся.

¹³¹ *Fil. Villani, vite*, p. 33.

¹³² *Georg. Trapezunt. Rhetorica*, первое систематизированное и отличающееся полнотой пособие. - *Aen. Sylvius: Artis rhetoricae praescepta*, в *Opera* p. 992, намеренно касается исключительно синтаксиса и словесных оборотов; вообще весьма характерна для господствующей в этой области рутин. Он называет многих других теоретиков.

¹³³ Его *Vita* (жизнеописание (лат.) - И. М.) у Murat. XX сплошь полна описаний воздействия его красноречия. - Ср. *Vespas. Fior.*, p. 592, s.

¹³⁴ *Annales Placentini* у Murat. XX, col. 918.

¹³⁵ Так было с Савонаролой, ср. *Perrens, Vie de Savonarole I*, p. 163. Однако не всегда стенографы были в состоянии поспевать за ним, как, впрочем, и за другими вдохновенными импровизаторами.

¹³⁶ И, надо сказать, не из лучших. Наиболее замечательно здесь общее место в конце: *Esto tibi ipsi archetypon et exemplar, te ipsum imitare etc.* (Вот, прими свой первообраз и пример, и подражай самому себе и пр. (лат.) - И. М.).

¹³⁷ Как письма, так и речи такого рода писал Альберто ди Рипальта, ср. составленные им *Annales Placentini* у Murat. XX, col. 914, s., в которых этот педант чрезвычайно поучительно описывает свою литературную биографию.

¹³⁸ *Pauli Jovii Dialogus de viris litteris illustribus*, у Tiraboschi, torn. VII, parte IV. - И все-таки даже целым десятилетием позже, в конце *Elogia literaria* он говорит: *Tenemus adhuc*, после того как первенство в области филологии перешло к Германии, *sincerae et constantis eloquentiae muniamur* etc. (Мы удерживаем до сих пор ... укрепленную твердыню искренного и неизменного красноречия и пр. (лат.) - И. М.)

¹³⁹ Разумеется, особый жанр образуют полусатирические диалоги, сочинявшиеся Колленуччо и в особенности Понтано по Лукиановым образцам. Они оказали стимулирующее воздействие на Эразма и Гуттена. - Что касается собственно трактатов, уже достаточно рано образцами для них могли служить отдельные сочинения из «Моралий» Плутарха.

¹⁴⁰ *Benedictus: Caroli VIII hist.*, у Eccard, scriptt. II, col. 1577.

¹⁴¹ Пьетро Крипито сожалеет об этом презрении, *De honesta discipl. L. XVIII, cap. 9*. Гуманисты данным отношении уподобляются авторам эпохи поздней античности, которые также обращались в бегство от своего времени. - Ср. Burckhardt, «*Die Zeit Constantins d. Gr.*», S. 195 ел. в Собрании сочинений.

¹⁴² В письме к Пицинге, в *Opere volgari vol. XVI*. - Еще и у *Raph. Volaterranus, L. XXI*, т. е. у того же автора, чьи первые книги содержали

такое изобилие насущных для этого времени специально-исторических обзоров по всем странам; духовный мир начинается с XIV в.

¹⁴³ Как тот, который был устроен Джанноццо Манетти в присутствии Николая V, всей курии и многочисленных прибывших сюда издалека чужестранцев; ср. *Vespas. Fior.*, p. 592 и *vita Jan. Man.*

¹⁴⁴ В том числе и прошлого, следовало бы сказать применительно к Макиавелли.

¹⁴⁵ Ибо еще тогда было обнаружено, что уже один Гомер содержит в себе всю совокупность искусств и наук, что он представляет собой энциклопедию. Ср. *Codri Urcei opera, Sermo XIII*, окончание.

¹⁴⁶ Один кардинал при Павле II распорядился, чтобы «Этика» Аристотеля преподавалась даже его поварам. Ср. *Gasp. Veron. vita Pauli II* у Murat. III, II, col. 1034.

¹⁴⁷ Что до изучения Аристотеля в целом, то особенно поучительна одна речь Эрмолао Барбаро.

¹⁴⁸ *Bursellis, Ann. Bonon.*, у Murat. XXIII, col. 898.

¹⁴⁹ *Vasari XI*, p. 189, 257, *vite di Sodoma e di Garofalo*. - Само собой разумеется, римские дамы легкого поведения носили благозвучнейшие античные имена: Юлия, Лукреция, Кассандра, Порция, Виргиния, Пентесилея и пр., под которыми они и фигурируют у Аретино. - Евреи же, должно быть, именно тогда усвоили себе имена великих семитских врагов Рима - Амилкаре, Аннибале, Асдрубале, которые они так часто носят в Риме по сию пору. (В позднейших изданиях готовивший их Л. Гейгер, много занимавшийся историей еврейского народа в Новое время, пишет в этой связи, что скорее всего данное замечание Я. Буркхардта неверно, поскольку по состоянию на первую половину XIX в. перечисленные имена среди принадлежавших когда-либо евреям не значились, а ближе к концу века удалось разыскать нескольких Асдрубале, но никаких Амилкаре и Аннибале - И. М.)

¹⁵⁰ *Quasi che' note i buon giudici inganni,
E che quel meglio t'abbia a far poeta,
Che non fara to studio di molt' anni!*

*(Прозваньем хочешь судей обмануть?
Считаешь, имя делает поэтом,*

Верней, чем долгий обучения путь?! (ит.) - И. М.) — так насмеяется Ариосто, который, надо сказать, получил благозвучное имя из рук самой судьбы, в VII сатире, ст. 64.

¹⁵¹ Либо уже в честь героев Боярдо, отчасти перешедших и к самому Ариосто.

¹⁵² Так про солдат французской армии в 1512 г.: *omnibus diris ad inferos devocati* (всевозможными проклятиями отосланные в ад (лат.) - И. М.). Ниже у нас еще будет повод упомянуть доброго настоятеля собора Тицио, который относился к этому с большей серьезностью, произнеся против чужеземных войск о>ормулу проклятия, почерпнутую у Макробия.

¹⁵³ *De infelicitate principum*, в *Poggii opera*, fol. 152: *Cuius (Dantis) exstat poema praeclarum, neque, si Uteris latinis constaret, ulla ex parte superioribus (древним) postponendum* (У него (т. е. у Данте) имеется великолепная поэма, которая, будь она написана по-латински, ни в каком отношении не уступила бы никому из древних (лат.) - И. М.). Со-

гласно Воссассио, *vita di Dante*, p. 74, уже тогда многие, «и среди них умные люди», задавались вопросом, почему все-таки Данте не сочинил поэму по-латински.

¹⁵⁴ Принадлежащий Данте трактат *de vulgari eloquio* был, несмотря на всю его ценность для нас, долгое время почти неизвестен и его резонанс ни в коей мере не может быть поставлен рядом с победоносным шестивьем «Божественной комедии».

¹⁵⁵ Кто желает ознакомиться с примерами законченного фанатизма в этой области, ср. *Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temporis*, во многих местах.

¹⁵⁶ Конечно, существовали также и явные упражнения в стилистике, как, например, две новеллы Боккаччо, переведенные на латинский язык, а также канцона Петрарки - в *Orationes etc.* Бериальдо Ст.

¹⁵⁷ Ср. письма Петрарки, адресованные из высшего мира к преславным теням. *Opera*, p. 704, s. Кроме этого, p. 372 в трактате *de rep. optime administranda*: «*sic esse doleo, sed sic est*» (я скорблю о том, что дело обстоит так, но так уж оно обстоит (лат.) - И. М.).

¹⁵⁸ Шаржированную картину фанатического пуризма в Риме дает Джовиано Понтано в своем «Антонии».

¹⁵⁹ *Nadriani (Cornetani) Card. S. Chrysogoni de sermone latino liber*. Главным образом введение. - Он находит в Цицероне и его современниках латынь «как таковую».

¹⁶⁰ *Paul. Jov. Elogia*, по поводу *Bapt. Pius*.

¹⁶¹ *Paul. Jov. Elogia*, по поводу *Naugerius*. Их идеалом было: *aliquid in stylo proprium, quod peculiarem ex certa nota mentis effigiem referret, ex naturae, genio effinxisse* (исходя из природных данных и одаренности выработать в стиле нечто своеобразное, что на основании определенных признаков давало бы представление об образе мышления (лат.) - И. М.). - Уже Полициано испытывал неловкость, если ему приходилось наспех писать письма по-латински, ср. *Raph. Volat. comment. urban. L. XXI*.

¹⁶² *Paul. Jov. Dialogus de viris litteris illustribus*; у *Tiraboschi*, ed. *Venez.* 1796, torn. VII, parte IV. Как известно, Джовио на протяжении длительного времени собирался предпринять ту большую работу, которую впоследствии осуществил Вазари. В этом диалоге высказано предвидение того, что латинский язык утратит свое господство, в связи с чем выражается сожаление.

¹⁶³ В составленном Садолето папском послании 1517 г. к *Franc. de'Rosi*, у *Roscoe, Leo X*, ed. *Bossi VI*, p. 172.

¹⁶⁴ *Gasp. Veronens. vita Pauli II* у *Murat. III, II, col. 1031*. Кроме того, иногда ставили Сенеку и латинские переводы греческих драм.

¹⁶⁵ Правда, в Ферраре Плавта, из-за его содержания, играли в основном в итальянских переработках Колленуччо, младшего Гварино и др., и Изабелла Гонзага позволяла себе даже считать их скучными. - О Помпонии Лете ср. *Sibellici opera, epist. L. XI, fol. 56, s.*

¹⁶⁶ В связи с нижеследующим см. *Deliciae poetae italor.*; - *Paul. Jov. Elogia*; - *Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temporis*; - Приложения к *Roscoe, Leone X*, ed. *Bossi*.

¹⁶⁷ *Filippo Villani, Vite*, p. 5.

¹⁶⁸ *Franc. Aleardi oratio in laudem Franc. Sfortiae* у *Murat. XXV, col. 384*. - По поводу параллелей между Сципионом и Цезарем Гварино был за последнего, Поджо (*Opera, ep. fol. 125, 134, s.*) - за первого как

отличавшегося большим величием. - Сципион и Ганнибал на миниатюрах Аттаванте, см. *Vasari IV, 41, vita di Fiesole*. - Имена того и другого были в ходу в домах Пиччинино и Сфорца, с. 68.

¹⁶⁹ Блестящие примеры реалистического изображения сельской жизни будут также упомянуты ниже.

¹⁷⁰ Напечатано у *May, Spicilegium romanum, vol. VIM.* (Его объем - приблизительно 500 строк гекзаметра.) Пиерио Валериано продолжил миф дальше; см. его «*Carpio*» в *Deliciae poet. italor.* - На фресках Брусасорчи на Палаццо Мурари в Вероне изображено содержание «Сарка».

¹⁷¹ *De sacris diebus*.

¹⁷² Например, в его VIII эклоге.

¹⁷³ *Roscoe, Leone X*, ed. *Bossi VIII, 184*; еще одно такое же по стилю стихотворение в XII, 130. - Как близко подходит к этому Возрождению уже стихотворение Ангильберта о дворе Карла Великого. Ср. *Pertz, monum. II.*

¹⁷⁴ *Strozii poetae*, p. 31, s. *Caesaris Borgiae ducis epicedium* (Погребальная песнь на герцога Чезаре Борджа (лат.) - И. М.).

¹⁷⁵ *Pontificem addiderat, flammis lustralibus omneis. Corporis ablutum labes, Diis Juppiter ipsis etc.*

(Понтифика утвердил всеми очистительными кострами.

Снята телесная немочь, самим богам Юпитер и пр. (лат.) - И. М.).

¹⁷⁶ Это-будущий Эрколе II Феррарский, родившийся 4 апреля 1508 г., видимо незадолго перед или вскоре после написания этого стихотворения. *Nascere magne puer matri expectate patrique* (Родись же, мальчик - столь долгожданный для матери и для отца (лат.) - И. М.).

¹⁷⁷ Ср. сборники *scriptores* (писателей (лат.) - И. М.) *Schardius, Freher* и пр.

¹⁷⁸ *Uzzano* см. *Arch. IV, I, 296*. - *Macchiavelli: i Decennali*. - История Савонаролы под названием *Cedrus Libani*, автор - фра Бенедетто. - *Assedio di Piombino*, у *Murat. XXV*. - Сюда же в качестве параллели - «*Teuerdank*» (аллегорическое стихотворение о жизни Максимилиана I - И. М.) и другие стихотворные произведения Севера.

[¹⁷⁹ Относительно написанных итальянским *versi sciolti* (свободным стихом (ит.) - И. М.) «*coltivazione*» *L. Alamanni* возможно утверждать, что все поэтические сносные места непосредственно или опосредствованно заимствованы из античных авторов.]

¹⁸⁰ В данном случае - на основе вступления к поэме Лукреция и *Horat. Od. IV, 1*.

¹⁸¹ С привлечением святого-покровителя в языческое по сути начинание мы ознакомились на с. 45, уже по случаю первого серьезного представившегося для этого повода.

¹⁸² *Si satis ventos tolerasse et imbres
Ac minas fatorum hominumque fraudes.
Da Pater tecto salientem avito
Cernere fumum!*

(Если я довольно изведаль бури,
Лиха судеб, ближних коварства злого,
Дай мне видеть, Отче, дымок над крышей
Дома родного! (лат.) - И. М.).

¹⁸³ Andr. Naugerii orationes duae carminaque aliquot, Venet. 1530 in quarto. - Небольшое количество carmina (стихотворений (лат.) - И. М.) дается с сокращениями либо полностью также в Deliciae.

¹⁸⁴ Что предлагалось в этом роде Льву X, можно видеть по молитве Гвидо Постумо Сильвестри к Христу, Марии и всем святым, чтобы они дали человечеству подольше иметь у себя этот типен (божественное существо (лат.) - И. М.), поскольку на небесах достаточно и их самих. Напечатано у Roscoe, Leone X, ed. Bossi V, 237.

¹⁸⁵ Boccaccio, Vita di Dante, p. 36.

¹⁸⁶ Саннадзаро язвит по поводу одного человека, донимавшего его такими фальшивками: Sint Vetera haec aliis, mi nova semper erunt (Пусть другим оно кажется старым, мне ж будет все ново и ново (лат.) - И. М.).

¹⁸⁷ Lettere de' principi. I, 88. 91.

¹⁸⁸ Malipiero, Ann. veneti, Arch. stor. VII, I, p. 508. В конце, с намеком на быка, изображенного на гербе Борджа, говорилось:

*Merge, Tyber, vitulos animosas ultor in undas;
Bos cadat inferno victima magna Jovi!*

(Мститель Тибр, потоки телят в волнах непреклонных;

И да падет в преисподнюю жертва Юпитеру - бык! (лат.) - И. М.).

¹⁸⁹ По поводу всей этой истории см. Roscoe, Leone X, ed. Bossi VII, 211. VIII, 214, s. Напечатанное, ныне очень редкое издание этой «Corusciana» от 1524 г. содержит исключительно одни лишь латинские стихи; Вазари видел у августинцев еще особую книгу, где имелись также сонеты и пр. Поветрие прилеплять на статуи стихи было таким повальным, что пришлось оградить группу решеткой и даже скрыть ее от взоров. Переименование Горица в Coruscus senex (старика Кориция — лат.) - из Virgil. Georg. IV 127. Горестный конец этого человека после sacco di Roma (разграбления Рима (ит.) - И. М.) см. у Pierio Valeriano, de infelic. literat.

¹⁹⁰ Напечатано в приложениях к Roscoe, Leone X, и в Deliciae. Ср. Paul. Jov. Elogia, по поводу Арсиллуса. Далее, относительно большого числа авторов эпиграмм Lil. Greg. Gyraldus, ук. место. Владелец одного из самых злых перьев - Маркантонио Казанова. - Из менее известных необходимо выделить Ио, Томаса Мускония (см. Deliciae).

¹⁹¹ Марин Санудо в своих Vite de' duchi di Venezia (Murat. XXII) постоянно их сообщает.

¹⁹² Scardeonius, de urb. Patav. antiq. (Graev. thes. VI, 111, col. 270) называет первоначальным изобретателем этого жанра некоего Одаксия из Падуи, приблизительно в сер. XV в. Однако стихотворения из перемешанных латинских слов и слов местного наречия встречались повсюду уже гораздо раньше.

¹⁹³ Не следует упускать из вида, что уже очень рано издания эти снабжались древними схождениями и новыми комментариями.

¹⁹⁴ Ariosto, Satira VII. Датирована 1531 г.

¹⁹⁵ Таких примеров немало, однако полноценное доказательство сказанного здесь остается за мной. Вундеркинд Джулио Кампаньола не принадлежит к тем, кого проталкивали вверх из тщеславия. Ср. Scardeonius, de urb. Patav. antiq., у Graev. thes. VI, III, col. 276. - Вундеркинд Чеккино Браччи, 1544 г. на 15-м году, ср. Trucchi, poesie ital. inedite III, p. 229. - То, как отец Кардано желал в нем memoriam artificialem instillare

(взлелеять совершенную память (лат.) - И. М.) и преподавал ему, еще ребенку, арабскую астрологию, ср. Cardanus, de propria vita, cap. 34.

¹⁹⁵ Выражение Filippo Villani, Vite p. 5, по соответствующему поводу.

¹⁹⁸ Bapt. Mantuan., de calamitatibus temporum, L. I.

¹⁹⁷ Lil. Greg. Gyraldus: Progymnasta adversus literas et literatos.

¹⁹⁸ Lil. Greg. Gyraldus: Hercules. Посвящение являет собой красноречивый памятник первых угрожающих движений инквизиции.

¹⁹⁹ De infelicitate literatorum.

²⁰⁰ Ср. к этому уже Данте «Ад» XIII.

²⁰¹ Coelii Calcagnini opera, ed. Basil. 1544, p. 101. В VII книге писем. - Ср. Pierio Val. de inf. lit.

²⁰² Jac. Volaterran. Diar. Rom. у Murat. XXIII, col. 161, 171, 185. - Anecdota liter. II, p. 168, s.

²⁰³ Paul. Jov. de romanis piscibus, cap. 17 и 34.

²⁰⁴ Sadoleti Epist. 106, от 1529 г.

²⁰⁵ Anton. Galatei epist. 10 и 12, у Mai, Spicileg. rom. vol. VIII.

²⁰⁶ Так еще до середины столетия. Ср. Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temp. II.

Примечания к главе IV

¹ Luigi Bossi, Vita di Cristoforo Colombo, где дан обзор предшествовавших итальянских путешествий и открытий, p. 91, s.

² См. об этом исследование Пертца. Неполные сведения на эту тему уже у Энея Сильвия, Europae status sub Friderico III Imp. cap. 44. (Среди прочего у Frehers, Scriptorum, изд. 1624 г., vol. II, p. 87.)

³ Pii II Comment. L. I, p. 14. - То, что не всегда его наблюдения были верны и порой им делались произвольные дополнения фактического положения дел, с наглядностью видно, например, на его описании Базилия. При всем том ценность его все же весьма велика.

⁴ Длительное время на протяжении XVI в. Италия считалась родиной литературы по космографии, поскольку сами первооткрыватели принадлежали почти что исключительно к средиземноморским народам. К середине столетия можно отнести обширную и заслуживающую весьма высокой оценки работу по географии самой Италии Леондо Альберти, Descrizione di tutta l'Italia.

⁵ Libri, Histoire des sciences mathematiques en Italie, IV vols., Paris 1838.

⁶ Чтобы убедиться в этом окончательно, следовало бы проследить возрастание багажа наблюдений, причем в отрыве от преимущественно математических наук, однако это не является нашим делом.

⁷ Libri, ук. соч., II, p. 174, s.

⁸ Scardeonius, de urb. Patav. antiq., в Graevii Thesaur. ant. Ital. Tom. VI, pars III.

⁹ См. преувеличенные жалобы Либри, ук. соч., II p. 258, s. Как ни сильно следовало бы сожалеть о том, что высокоодаренный народ не уделил более значительной части своей энергии естествознанию, все же мы полагаем, что перед народом этим стояли еще более значительные задачи, которые он отчасти и разрешил.

¹⁰ Alexandri Braccii descriptio horti Laurentii Med., напечатано среди

прочего в качестве приложения № 48 к Roscoe, *Leben des Lorenzo*. Также в приложениях к Fabroni, Laurentius.

¹¹ *Mondanarii villa*, напечатано в *Poemata aliquot insignia illustr. poetar. recent.*

¹² Зверинец Палермо при Генрихе VI, Otto de S. Blasio ad a. 1194. [— Зверинец английского короля Генриха I в парке Вудстока (Guil. Mallesburg., p. 638) имел львов, леопардов, рысей, верблюдов и одного дикобраза - роскошные подарки иноземных государей.]

¹³ Здесь подразумевается нарисованный или высеченный в камне *marzocco* (лев на гербе (ит.) - И. М.). - В Пизе содержали орлов, ср. толкователей к Дайте «Ад» XXXIII 22.

И См. отрывок из Aegid. Viterb. у Papencordt «Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter», S. 367, прим. с событием от 1328 г. - Борьба диких зверей друг с другом или же с собаками служила в некоторых выдающихся случаях задаче народного увеселения. Во время приема Пия II и Галеаццо Мария Сфорцы во Флоренции в 1459 г. на огороженное пространство площади Синьории были одновременно выпущены быки, лошади, кабан, собаки, львы и одна жирафа, однако львы тут же улеглись и не желали нападать на прочих животных. Ср. *Ricordi di Firenze, Rer. ital. scriptt. ex. florent. codd.* T. II, col. 741. По-иному в Vita Pii II, Murat. III, II, col. 976. Впоследствии султан мамелюков Каит-бей подарил Лоренцо Великолепному вторую жирафу. Ср. Paul. Jov. *Vita leonis X*, L. I. Помимо того, в зверинце Лоренцо особенно славился один изумительный лев, и когда он был разорван другими львами, это истолковывалось всеми как признак близкой смерти самого Лоренцо.

¹⁵ Gio. Villani X, 185. XI, 66. Matteo Villani III, 90. V, 68. — Когда львы дрались друг с другом или даже друг друга убивали, это почиталось за недобрый знак. Ср. Varchi, *Stor. florent.* III, p. 143.

¹⁶ Cron. di Perugia, Arch. stor. XVI, II, p. 77. Под годом 1497. — Однажды в Перудже сбежала пара львов, *ibid.*, XVI, I, p. 382, под годом 1434.

¹⁷ Gaye, *Carteggio I*, p. 422, под годом 1291. - Висконти даже использовали обученных леопардов в качестве ловчих зверей, и именно при охоте на зайцев, поднимали которых маленькие собаки. Ср. v. Kobell, *Wildanger*, S. 247, где перечисляются также относящиеся к более позднему периоду примеры охоты с леопардами.

¹⁸ *Strozii poetae*, p. 146. Ср. p. 188, об охотничьем парке - p. 193.

¹⁹ Cron. di Perugia, l. c. XVI, II, p. 199. - Нечто подобное уже у Petrarca, *de retried, utriusque fortunae*, I, 61, хотя здесь это выражено менее ясно.

²⁰ *Jovian. Pontan. de magnificencia*. - В зверинце кардинала Аквилеи в Альбано в 1463 г. находились, помимо павлинов и индийских кур, также сирийские козы с длинными ушами. Pii II *Comment. L. XI*, p. 562, s.

²¹ Decembrio, у Murat. XX, col. 1012.

²² Чрезвычайно забавные подробности у Paul. Jov. *Elogia*, по поводу Тристана Акуния. Дикобразы и страусы в Палаццо Строцци во Флоренции, ср. *Rabelais, Pantagruel IV*, chap. 11. [— Лоренцо Великолепный приобрел в Египте через посредничество купцов жирафу, *Baluz. Miscell. IV*, 516.]

²³ Там же, по поводу Франческо Гонзага. - Роскошь в Милане в отношении пород лошадей, *Bandello Parte II, Nov. 3* и 8. - В повествовании стихотворениях также слышится подчас голос знатока лошадей. Ср. *Pulci, il Morgante*, c. XV, str, 105, s.

²⁴ Paul. Jov. *Elogia*, в связи с Ипполито Медичи.

²⁵ В связи с этим возможно привести несколько примеров на тему рабства в Италии во времена Возрождения. Самое важное здесь - краткое место из *Jovian. Pontan. de obedientia*, L. III: в Верхней Италии рабов не существует; правда, в турецком государстве приобретались также и христиане, как и болгары с черкесами: последние должны были служить, пока не отработают уплаченных за них денег. Негры же оставались рабами, единственно что их нельзя было кастрировать в королевстве Неаполитанском. - Всех темнокожих обозначают словом того (мавр (ит.) - И. М.), негров же - того пего (черный мавр (ит.) - И. М.). Fabroni, *Cosmos*, adn. 110: Акт о купле-продаже черкесской рабыни (1427 г.). Adn. 141: Список рабынь Козимо. - *Nantiporto у Murat. III, II, col. 1106*: Иннокентий VIII получает в подарок сотню *morì* от Фердинанда Католика и в свою очередь раздаривает их кардиналам и прочим вельможам (1488 г.). - Masuccio, новелла 14: возможность перепродажи рабов; новеллы 24 и 25: негры-рабы, которые в то же время (не в пользу ли своего господина?) работают *fachini* (носильщиками - И. М.); новелла 48: каталонцы ловят тунисских *morì* и продают их в Пизе. - Gaye, *Carteggio I* 369: отпуск на свободу и передача раба-негра в подарок согласно одному флорентийскому завещанию (1490 г.). - Paul. Jov. *Elogia*, sub Franc. Sfortia. - Porzio, *Congiura III*, 194 и *Comines, Charles VIII chap. 17*: негр, назначенный на должность палача и начальника тюрьмы Арагонского дома в Неаполе. - Paul. Jov. *Elogia*, sub Galetio: негр, сопровождающий правителей при выходах. - *Aeneae Sylvii opera*, p. 456: раб-негр в качестве музыканта. - Paul. Jov. *de piscibus*, cap. 3: (свободный?) негр как учитель плавания и ныряльщик в Генуе. - Alex. Benedictus, de Carolo VIII у Eccardus, *Scriptores II col. 1608*: негр (*Aethiops*) как высший венецианский офицер, на основании чего мог зародиться и образ негра Отелло. - *Bandello, Parte III, Nov., 21*: Если в Генуе раб оказывается заслуживающим наказания, его продают на Балеарские острова, а именно на Ивису, на переноску соли.

²⁶ Вряд ли имеется необходимость ссылаться на знаменитое место с изложением этой темы во втором томе «Космоса» Гумбольдта.

²⁷ Сюда относится рассуждения Вильгельма Гримма, приведенные у Гумбольдта, ук. соч.

²⁸ *Carmina Burana* p. 162, de Phyllide et Flora, str. 66.

²⁹ Трудно себе представить, что еще мог бы он делать на вершине горы Бисмантова, в области Реджо. «Чистилище» IV 26. Уже та точность, с которой он старается описать Ад, доказывает наличие у него развитого чувства пространства и формы. [—То, каким образом раньше с вершинами гор связывалась как жажда находящихся там сокровищ, так и суеверный ужас, наглядно видно по Chron. *Novaliciense*, II, 5 (у Pertz, *Scriptt. VII* и *Monumenta hist. patriae, Scriptt. III*).]

³⁰ Кроме описаний Байи во Фьяметте, роши в Амето и пр. имеет значение еще одно место из *Genealogia Deor. XIV, 11* в котором он перечисляет ряд характеристик пейзажа, деревьев, луга, ручьи, стада, хижины и добавляет, что эти предметы *animam mulcent* (улаживают душу (лат.)); их действие заключается в том, чтобы *mentem in se colligere* (собраться с мыслями (лат.)) - И. М.).

³¹ *Libri, Hist. des sciences math. II*, p. 249.

³² Хотя он охотно на них ссылается, например, *de vita solitaria*, особенно р. 241, где он цитирует из св. Августина описание виноградной беседки.

³³ *Epist. famil. VII, 4, p. 675. Interea utinam scire posses, quanta cum voluptate solivagus ac liber, inter montes et nemora, inter fontes et flumina, inter libros et maximorum hominum ingenia respiro, quamque me in ea, quae ante sunt, cum Apostolo extendens et praeterita oblivisci nitor et praesentia non videre* (А между тем мог бы ты только знать, с каким наслаждением я, одинокий и свободный, дышу среди гор и лугов, источников и рек, книг и умов величайших людей, как бы проникая вместе с Апостолом в то, что было прежде, и силюсь забыть прошлое и не видеть настоящего (лат.) - И. М.). Ср. VI, 3, p. 665.

³⁴ *Jacuit sine carmine sacro* (Пребывает без священной песни (лат.) - И. М.). - Ср. *Itinerar. syriacum*, p. 558.

³⁵ Он различает в *Itinerar. syr.*, p. 558, на побережье Леванта: *colles asperitate gratissima et mira fertilitate conspicuos* (холмы, с их в высшей степени отрадным диким видом и выделяющиеся своим плодородием (лат.) - И. М.). О побережье Гаэты ср. *de remediis utriusque fort. I. 54.*

³⁶ *De orig. et vita, p. 3: subito loci specie percussus* (внезапно пораженный видом места (лат.) - И. М.).

³⁷ *Epist. famil. IV, 1, p. 624.*

³⁸ *Il Dittamondo, III, cap. 9.*

³⁹ *Dittamondo, III, cap. 21. IV, cap. 4. - Papencordt «Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter», S. 426,* говорит, что император Карл IV обладал развитым вкусом в отношении красивых местностей, в связи с чем цитирует Pelzel, *Karl IV, S. 456.* (Обе другие цитаты, приводимые им, об этом не свидетельствуют.) Возможно, это настроение было навеяно императору его общением с гуманистами.

⁴⁰ Неплохо бы в этой связи прислушаться к Платине, *Vitae Pontif.*, p. 310: *Homo fuit (Пий II) verus, integer, apertus; nil habuit ficti, nil simulati* (Человек он был правдивый, цельный, открытый: в нем не было ничего ложного, ничего напускного (лат.) - И. М.), враг лицемерия и суеверия, мужественный и последовательный.

⁴¹ Важнейшие места следующие. Pii II P. M. *Comment. L. IV, p. 183:* Весна на родине. *L. V, p. 251:* Пребывание в Тибуре летом. *L. VI, p. 306:* Обед над источником в Виковаро. *L. VIII, p. 378:* Окрестности Витербо. *p. 387:* Монастырь Сан Мартино в горах, *p. 338:* Озеро Больсена. *L. IX, p. 396:* Прекрасное описание Монте Амиата. *L. IX, p. 396:* Местоположение Монтеоливето. *p. 497:* Вид из Тоди. *L. XI, p. 554:* Остия и Порто, *p. 562:* Описание Альбанских гор. *L. XII, p. 554:* Фраскати и Гроттаферрата.

⁴² Очевидно, так следует читать вместо упомянутой здесь Сицилии.

⁴³ Он называет сам себя, обыгрывая собственное имя: «*Silvarum amator et varia videndi cupidus*» (Любитель лесов и охотник видеть разные разности (лат.) - И. М.).

⁴⁴ Об отношении к пейзажу Леон Баттиста Альберти ср. с. 94 ел.

⁴⁵ Наиболее тщательно отделанная картина такого рода у Ариосто, его шестая песнь, есть чистой воды первый план.

⁴⁶ Аньоло Пандольфини (*Trattato del gov. della famiglia, p. 90*), современник еще Энея, радуется в сельской местности «заросшему кус-

тами холму, прелестной равнине и журчащим водным потокам», однако возможно, что под его именем скрывается великий Альберти, который, как отмечалось, относился к пейзажу совершенно по-иному.

⁴⁷ В отношении архитектурного окружения он думает иначе, и в этом отношении искусство декорации еще могло бы у него поучиться.

⁴⁸ *Lettere pittoriche III, 36. К Тициану, май 1544 г.*

⁴⁹ *Strozii poetae, в Erotica, L. VI, p. 182, s.*

⁵⁰ Эти удачные выражения заимствованы из VII т. Мишле, *Histoire de France (Introd.)*.

⁵¹ *Tomm. Gar, Relaz. della corte di Roma I, p. 278. 279.* В реляции Сориано от 1533 г.

⁵² *Prato, Arch. stor. III, p. 295, s.* - По смыслу это в равной степени значит «несчастный» и «приносящий несчастье». - Отношение планет к человеческим характерам вообще см. у *Corn. Agrippa, de occulta philosophia, с 52.*

⁵³ Сообщается *Trucchi, Poesie italiane inedite I, p. 165, s.*

⁵⁴ Эти нерифмованные стихи, как известно, позднее завоевывают господство в драме. В своем посвящении «Софонисбы» Льву Х Трицино выражает надежду, что папа признает этот вид стиха за тот, каким он является, - в качестве лучшего, более благородного и не столь легкого, каким он кажется. *Roscio, Leone X, ed. Bossi VIII, p. 174.*

⁵⁵ Ср., например, чрезвычайно необычные формы у Данте, *Vita nuova, p. 10 и 12.*

⁵⁶ *Trucchi, ук. соч. I, p. 181, s.*

⁵⁷ Это те самые канцоны и сонеты, которые распевали, искажая их при этом, всякий кузнец и всякий погонщик ослов, что приводило Данте в такое негодование. (Ср. Франко Саккетти, новеллы 114, 115.) Вот каким стремительным был переход этой поэзии в народные уста.

⁵⁸ *Vita nuova, p. 52.*

⁵⁹ Что касается дантовской психологии, одним из важнейших мест является «Чистилище» IV, начало. Помимо этого ср. соответствующие части «Пира».

⁶⁰ Портреты Эйковской школы являются для Севера скорее доказательством противоположного утверждения. Еще длительное время они превосходят всяческие словесные изображения.

⁶¹ Напечатаны в XVI т. его *Opere volgari*.

⁶² В песне пастуха Теогана после праздника Венеры, *Pafnasso teatrale, Lipsia 1829, p. VIII.*

⁶³ Правда, знаменитый Леонардо Аретино, глава гуманистического направления в начале XV в., говорит: «*Che gli antichi Greci d'umanita e di gentilezza di cuore abbino avanzato di gran lunga i nostri Italiani*» (Наши итальянцы намного превзошли древних греков в отношении гуманизма и мягкосердечия (ит.) - И. М.), однако мысль эта высказана им в начале новеллы, содержащей несколько вяловатое повествование о больном царевиче Антиохе и его мачехе Стратонике, т. е. представляет собой двусмысленное, да еще к тому же полуазиатское доказательство тезиса. (Напечатано среди прочего в качестве приложения к «*Cento novelle antiche*».)

⁶⁴ Впрочем, отдельным дворам или правителям отпускатось достаточно лестно со стороны драматургов-сочинителей на случай.

⁶⁵ Paul. Jovius, Dialog, de viris lit. illustr., у Тирабоски, т. VII, IV. - Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temp.

⁶⁶ Изабелла Гонзага своему мужу, 3 февраля 1502 г., Arch. stor. Append. II, p. 306, s. - Во время французских Mysteres (Мистерий (фр.)) сами актеры проходили процессией перед представлением, и называлось это la montre (демонстрацией (фр.)) - И. М.).

⁶⁷ Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 404. Прочие места относительно тамошнего театрального дела col. 278. 279. с 282 по 285. 361. 380. 381. 393. 397.

⁶⁸ Strozii poetae, p. 232, в IV кн. золических стихов Тито Строщи.

⁶⁹ Franc. Sansovino: Venezia, fol. 169. Вероятно, вместо parenti (родители (ит.)) следует читать pareti (стены (ит.)) - И. М.). Впрочем, его собственное мнение на этот счет ясно не вполне.

⁷⁰ Очевидно, это и подразумевает Сансовино, Venezia, fol. 168, когда он жалует, что recitanti (зд. «исполнители» (ит.)) портят комедии «con invenzioni o personaggi troppo ridicoli» (выдумками и чрезмерно смешотворными персонажами (ит.)) - И. М.).

⁷¹ Сансовино, ук. соч.

⁷² Scardeonius, de urb. Patav. antiq. у Graevius, Thes. VI, III, col. 288, s. Важное место также и в отношении литературы на диалекте вообще.

⁷³ О том, что последний существовал по крайней мере уже в XV в., возможно заключить из Diario Ferrarese, поскольку здесь по незнанию вместо поставленного в Ферраре в 1501 г. «Менехма» Плавта Гейгера факт известного недопонимания со стороны автора хроники опирается на том основании, что выше, col. 278, комедия Плавта была названа им верно. — И. М.).

⁷⁴ Пульчи из озорства измышляет для своей истории великана Маргутте некую праздничную традицию, восходящую к временам седой древности (Morgante, canto XIX, str. 153, s.) - Еще забавней критическое вступление Лимерно Питокко (Orlandino, cap. 1, str. 12-22).

⁷⁵ «Моргайте» издан впервые до 1488 г. - О турнирах см. ниже.

⁷⁶ «Влюбленный Роланд» издан впервые в 1496 г.

⁷⁷ Vasari VIII, 71, в комментарии к Vita di Raffaello.

⁷⁸ Первое издание - 1516 г.

⁷⁹ Именно, вставные речи опять-таки оказываются только повествованиями.

⁸⁰ Что вполне позволял себе Пульчи. Morgante, canto XIX, str. 20, s.

⁸¹ Его «Орландино», первое изд. 1526 г. - Ср. выше, с. 104 ел.

⁸² Radevinus, de gestis Friderici imp., особенно II, 76. - В великопленной vita Генриха IV изображение личностных характеристик как раз скудно.

⁸³ Судить о том, как рано стал известен Филострат, я не берусь. [И вообще надо сказать, что уже очень рано Светоний стал легко поддававшимся подражанию образцом; помимо принадлежащей Эйнгарду «Жизни Карла Великого» особенно поучителен в этом отношении для XII в. Guilielm. Malmesbur. с его изображениями Вильгельма Завоевателя (p. 446, ss., 452, ss.), Вильгельма II (p. 494, 504) и Генриха I (p. 640).]

⁸⁴ Здесь нам вновь следует отослать читателя к излагавшейся выше (с. 92 ел.) биографии Л. Б. Альберти, а также многочисленным флорентийским биографиям у Муратори, Archivio storico и пр. ук. соч.

⁸⁶ De viris illustribus, в трудах Штуттгартского литературного общества.

⁸⁸ Ero Diarium у Murat. XXIII.

⁸⁷ Petri Candidi Decembrii Vita Philippi Mariae Vicecomitis, у Murat. XX. Ср. выше, с. 31.

⁸⁹ О Коммине ср. с. 383 прим. 187.

⁸⁹ Написана в глубокой старости, ок. 1576 г. О Кардано' как исследователе и первооткрывателе ср. Libri, Hist, des sciences mathem., III, p. 167, s.

⁹⁰ Например, казнь его старшего сына, отравившего свою неверную жену, гл. 27. 50.

⁹¹ Discorsi della vita sobria, состоящие из самого trattato, одного compendio, одного esortazione (увещания (ит.)) и одного lettera (письма (ит.)) - И. М.) к Даниэле Барбаро. - Многократно издавалось.

⁹² Не упомянутая ли это на с. 211 вилла Кодев'ико?

⁹³ В некоторых случаях это произошло очень рано: так, в ломбардских городах - уже в XII в. Ср. Landulfus senior, Ricobaldus и (у Murat. X) замечательное анонимное сочинение XIV в. De laudibus Papieae. - Также (у Murat. I, b) Liber de situ urbis Mediol.

⁹⁴ Относительно Парижа, который значил для итальянцев средневековья куда больше, чем сотней лет спустя, см. Dittamondo IV, cap. 18.

⁹⁵ Savonarola, у Murat. XXIV, col. 1186. - О Венеции см. выше с. 47 ел.

⁹⁶ Характер неустанно деятельного уроженца Бергамо, полного подозрительности и любопытства, очень мило выведен у Bandello, parte I, nov. 34.

⁹⁷ Так Варки в IX кн. Storie Florentine (vol. III, p. 56, s.)

⁹⁸ Vasari, XII, p. 158, v. di Michelangelo, начало. В других случаях довольно-таки громогласно произносится благодарность матери-природе, как, например, в сонете Альфонса де'Пацци, обращенном к неосканцу Аннибалу Капо (у Трукки, I, с. III, p. 187):

*Misero /7 Varchi! e pid infelici noi
Se a vostri vitudi accidental
Aggiunto fosse /7 natural, ch'e in noi!*

*(Бедный Варки! Но горе нам всем,
Если к присущим вам добродетелям*

Присоединится еще и природа, в нас коренящаяся! (ит.)) - И. М)

⁹⁹ Landi: Quaestiones Forcianaе, Neapoli 1536, которого использовал Ranke, Papste, S. 385.

¹⁰⁰ Descrizione di tutta l'Italia.

¹⁰¹ Commentario delle pid notabili e mostruose cose d' Italia etc., Venezia 1569. (Написано, вероятно, до 1547 г.)

¹⁰² Впредь будет создано немало шутовских перечислений городов, например, Macaroneide, phantas. II.

¹⁰³ Разумеется, литературы, пребывающие на спаде, могут быть весьма прилежны в скрупулезно точных описаниях. Ср., например, у Сидония Аполлинария изображение короля вестготов (Epist. 1,2), одного его личного врага (Epist. III, 13), или в стихотворениях-типов отдельных германских народов.

¹⁰⁴ О Филиппе Виллани ср. с. 219.

¹⁰⁵ Parnasso teatrale, Lipsia 1829. Introd., p. VII.

¹⁰⁶ Очевидно, текст здесь искажен.

¹⁰⁷ Due occhi ladri nel loro movimento. Все сочинение полно таких описаний.

¹⁰⁸ Исполненная красоты книга песен Джусто де' Конти «La bella mano» (прекрасная рука (ит.) - И. М.) ни разу не сообщает об этой знаменитой руке его возлюбленной что-либо настолько же специфическое, как это делает Боккаччо в десятке мест «Амето» при описании рук своих нимф.

¹⁰⁹ Delia bellezza delle donne, в I томе Opere di Firenzuola, Milano 1802. - Его воззрение на красоту телесную как свидетельство красоты душевной ср. vol. II, p. 48 до 52, в ragionamenti перед его новеллами. - Среди многих других, выступавших в поддержку того же, отчасти вслед за античными авторами, мы назовем одного Castiglione, il Cortigliano, L. IV, fol. 176.

¹¹⁰ На этот счет едины были все, а не одни только художники из соображений колорита.

¹¹¹ По этому поводу можно привести некоторые сведения относительно глаз Лукреции Борджа - из дистихов одного флорентийского придворного поэта, Эрколе Строщи (Strozii poetae, p. 85. 86). Магия ее взгляда описывается таким образом, который может быть доступен для понимания только в эпоху развитых искусств, теперь же от него бы скорее всего отказались. Об этих глазах говорится то как о воспламеняющих, то - как о заставляющих окаменеть. Кто долго смотрит на солнце, слепнет; кто взирает на Медузу, обращается в камень; но кто взглядывает Лукреции в лицо,

Fit primo intuitu caecus et inde lapis

(Тут же становится слеп, а после этого - камнем (лат.))

И действительно, мраморный, спящий в ее покоях Купидон ослеп, должно быть, от ее взгляда:

Lumine Borgiados saxificatus Amor

(От борджианского взгляда окаменел Амурчик (лат.) - И. М.)

Можно спорить о том, имеется ли здесь в виду так называемый Праксителев Амур или же тот, что был выполнен Микеланджело: у Лукреции имелся и тот и другой.

Однако тот же самый взгляд показался другому поэту, Марчелло Филоссоно, лишь кротким и гордым, mansueti e altera (Roscoe, Leone X, ed. Bossi VII, p. 306).

Сравнения с идеальными античными образцами встречались тогда нередко (с. 27, 119 ел.). Об одном десятилетнем мальчике в «Орландино» (II, str. 47) говорится: у него античная голова, ed ha caro homo.

¹¹² По этому поводу, поскольку вид висков может быть изменен с помощью прически, Фиренцуола позволяет себе комический выпад против слишком обильных цветов в волосах, которые могут придать лицу такой вид, «как у горшка, полного гвоздик или же у четверти козы на вертеле». И вообще он хорошо владеет карикатурой.

¹¹³ Идеал красоты миннезингеров см. у Falke, Die deutsche Trachten- und Modenwelt, I, S. 85 ff.

¹¹⁴ Относительно истинности его пространственных представлений ср. с. 411 прим. 29.

¹¹⁵ «Ад» XXI 7. «Чистилище» XIII 61.

¹¹⁶ Не следует расценивать слишком серьезно тот факт, что он содержал при своем дворе своего рода пересмешника, флорентийца Греко,

«hominem certe cuiusvis mores, naturam, linguam cum maximo omnium qui audiebat risu facile exprimentem» (человека, с легкостью передававшего нравы, натуру и язык кого бы то ни было, что сопровождалось хохотом всех ему внимавших (лат.) - И. М.). Platina, Vitae Pontiff, p. 310.

¹¹⁷ Pii II Comment. L. VIII, p. 391.

¹¹⁸ Эта так называемая «Cassia» напечатана в комментарии к эклоге Кастильоне.

¹¹⁹ См. «Serventese» Джанноццо из Флоренции у Trucchi, Poesie italiane inedite, II, p. 99. Слова здесь частью совершенно невразумительны, т.е. являются на самом деле или же стилизованно заимствованными из языков чужеземных наемников. - До некоторой степени сюда относятся также принадлежащее Макиавелли описание Флоренции во время чумы 1527 г. Говорящие с пронзительной живостью отдельные картины ужасающего положения в городе.

¹²⁰ Согласно Боккаччо («Vita di Dante», p. 77) уже сам Данте написал две эклоги, очевидно, на латинском языке.

¹²¹ В своем «Амето» Боккаччо дает своего рода «Декамерон» в мифическом одеянии и в некоторых случаях весьма комичным образом выпадает из этого костюма. Одна его нимфа истовая католичка, и римские прелаты взирают на нее с возделением, другая - выходит замуж. Во «Фьезоланских нимфах» беременная нимфа Менсола советуется со «старой и мудрой нимфой» и так далее.

¹²² Nullum est hominum genus aptius urbi (Нет на свете народа более городу подходящего (лат.) - И. М.), говорит Баттиста Мантовано относительно мастеров на все руки, обитателей Монте Бальдо и Валь Сассина. Как известно, до сих пор обитатели отдельных местностей пользуются в больших городах преимуществом в отношении определенных занятий.

¹²³ Одно из самых, может быть, сильных мест: Orlandino, cap. V, str. 54-58.

¹²⁴ В начале XVI в. ломбардские дворяне не гнушались тем, чтобы танцевать с крестьянами, а также с ними бороться, прыгать и соревноваться в беге. Il cortigiano, L. II, fol. 54. - Земельный собственник, утешающий себя по поводу алчности и коварства своих арендаторов-крестьян тем, что таким образом можно научиться обращению с людьми - А. Пандольфини, in Trattato del governo della famiglia, p. 86.

¹²⁵ Jovian. Pontan. de fortitudine, lib. II.

¹²⁶ Со знаменитой крестьянкой, вальтеллинской уроженкой Боной Ломбардой как супругой кондотьера Пьетро Бруноро мы знакомимся по Якобу Бергомменскому и Порцеллино, у Murat. XXV, col. 43. - Ср. выше с. 391 прим. 49.

¹²⁷ У нас нет возможности остановиться подробнее на судьбе итальянских крестьян этого времени вообще и по отдельным местностям Италии в особенности. Каково было соотношение свободного землевладения и арендуемых земельных участков, каково обложение тех и других в сравнении с нашим временем - обо всем этом нам следовало бы узнать из специальных работ, которых у нас нет. - В бурные времена крестьяне доходили иной раз до ужасного зверства (Arch. stor. XVI.1, p. 451, s. Corio, fol. 259. - Annales Foroliv. у Murat. XXII, col. 227), однако никогда это не принимало характера большой и всеобщей крестьянской войны. Определенное значение имеет интересное также и само по себе

крестьянское восстание в Пьяченце в 1462 г. Ср. Corio, Storia di Milano, fol. 409. Annales Placent. у Murat. **XX**, col. 907. Sismondi, X, p. 138.

¹²⁸ Poesie di Lorenzo magnif., I, p. 37, s. - В высшей степени примечательное стихотворение из эпохи немецких миннезингеров, фигурирующее под именем Найтхарда фон Ройентала, изображает крестьянскую жизнь лишь постольку, поскольку рыцарь к ней в свое удовольствие снисходит.

¹²⁹ Там же, II, p. 149.

¹³⁰ Среди прочего в Deliciae poetar. ital. и в сочинениях Полициано. - Дидактических стихотворений Ручеллаи и Аламанти, в которых должно было бы содержаться нечто в этом же роде, нет в моем распоряжении.

¹³¹ Poesie di Lorenzo magnif., II, p. 75.

¹³² Сюда относится также подражание различным диалектам, с чем, скорее всего, должны были соединяться еще и деревенские манеры. Ср. с. 101.

¹³³ См. «Jo. Pici oratio de hominis dignitate» в «Opera», а также отдельные издания.

¹³⁴ Намек на свержение Люцифера и его спутников.

Примечания к главе V

¹ Пьемонтская знать, обитавшая в сельских замках, представляла собой исключение из этого правила. Bandello, parte II, nov. 12.

² Это случилось еще задолго до книгопечатания. Множество рукописей, в том числе и наилучшего качества, принадлежали флорентийским рабочим. Не устрой Савонарола своего жертвенного костра, их было бы еще больше. Ср. с. 129.

³ Dante, de monarchia L. II, cap. 3.

⁴ «Рай» **XVI**, начало.

⁵ Convito, почти весь trattato **IV** и много др. мест.

⁶ Poggii opera, Dial. de nobilitate.

⁷ То же презрение к родовой знати часто можно встретить у гуманистов. Ср. острые выпады у Aen. Sylvius, Opera, p. 84 (Hist. bohém., cap. 2) и 640 (история Лукреции и Эвриала).

⁸ Причем именно в столице. Ср. Bandello, parte II, nov. 7. - Joviani Pontani Antonius (упадок знати возводится здесь к воцарению Арагонской династии).

⁹ По всей Италии было принято считать, что тот, кто получает от земли высокий доход, ничем не отличается от дворянства.

¹⁰ Что до оценки знати в Верхней Италии, немаловажное значение имеет Банделло с его постоянной полемикой против мезальянсов. Parte I, nov. 4, 26. Parte III, nov. 60. IV, 8. Миланский нобиль в качестве купца представляет собой исключение. Parte III, nov. 37. - То, как ломбардские нобили принимают участие в крестьянских играх, см. с. 417 прим. 124

" Резкое осуждение Макиавелли, Discorsi I, 55, относится лишь ко все еще сохраняющей ленные права, совершенно бездельной и деструктивной в политическом смысле знати. - У Агриппы Неттесгеймского, обязанного своими наиболее замечательными идеями пребыва-

нию в Италии, имеется рассуждение о знати и властителях (de meret. et vanitate scient., cap. 80), которое превосходит в резкости отрицательного отзыва все прочее и по сути принадлежит происходившему на Севере умственному брожению.

¹² Masuccio, nov. 19.

¹³ Джак. Питти к Козимо I, Arch. stor. IV, II, p. 99. - Также и в Верхней Италии подобное стало происходить с наступлением испанского владычества. Bandello, parte II, nov. 40 относится к этому времени.

¹⁴ Если Веспасиано Фьорентино (р. 518. 632) высказывается в XV в. в том смысле, чтобы богатые более не умножали своих состояний, но ежегодно отдавали весь свой доход, то в устах флорентийца это может быть отнесено исключительно на счет крупных землевладельцев.

¹⁵ Franco Sacchetti, nov. 153. Ср. nov. 82 и 150.

¹⁶ Che la cavalleria è morta.

¹⁷ Poggius, de nobilitate, fol. 27.

¹⁸ Vasari III, 49, и прим., Vita di Deilo.

¹⁹ Petrarca, epist. senil. XI, 13, p. 889. В другом месте, в Epist. famil., изображается охвативший его ужас, когда он бы свидетелем гибели рыцаря на турнире в Неаполе.

²⁰ Nov. 64. - Поэтому в «Орландино» (II str. 7) также чрезвычайно выразительно сказано по поводу одного турнира, устроенного при Карле Великом: бились здесь не повара и поварята, но короли, герцоги и маркграфы.

²¹ К тому же это одна из самых ранних пародий на турниры. Должно было пройти еще 60 лет до того момента, когда Жак Кёр, выходец из купцов, министр финансов Карла VII, заказал высечь в камне изображение ослиного турнира в своем дворце в Бурже (ок. 1450 г.). Наиболее блестящее произведение в этом роде, уже цитировавшаяся II песня «Орландино», было издано лишь в 1526 г.

²² Ср. уже названные стихотворения Полициано и Луки Пульчи. За тем - Paul. Jov. Vita Leonis X, L. I. - Macchiav. Storie fiorent. L. VII. - Paul. Jov. Elogia, по поводу Petrus Medices и Franc. Borbonius. - Vasari IX, 219, Vita di Granacci. - В «Моргайте» Пульчи, сочинявшемся на глазах у Лоренцо, рыцари зачастую комичны в своих речах и действиях, однако удары их точны и наносятся по правилам искусства. Также и Боярдо сочиняет для истинных знатоков турниров и военного дела. Ср. с. 215. - Турниры в Ферраре в 1464 г., Diario Ferrar. Murat. XXIV, col. 208 - в Венеции, Sansovino, Venezia fol. 153, s.-- в Болонье в 1470 г. и слл. Burselis Annal. Bonon., Murat. XXIII, col. 898. 903. 906. 908. 909, причем здесь следует отметить толику диковинного энтузиазма, наличествовавшую тогда также и при устройстве римских триумфов. - Федерико да Урбино (с. 30) потерял на одном турнире правый глаз ab ictu lanceae (от удара копьем (лат.) - И. М.). - О турнирах того времени на Севере вместо всех прочих авторов ср. Olivier de la Marche, Memoires, passim, особенно гл. 8, 9, 14, 16, 18, 19, 21 и т. д.

²³ Bald. Castigiione, il cortigiano, L. I, fol. 18.

²⁴ Paul. Jov. Elogia, sub. tit. Petrus Gravina, Alex. Achilinus, Balth. Castello etc.

²⁵ Casa, il Galateo, p. 78.

²⁶ См. об этом венецианские книги о костюмах и Sansovino, Venezia,

р. 150, s. Одеяние невесты при помолвке - белое, с распущенными по плечам волнами волос - это и есть костюм Тициановой Флоры.

²⁷ Jovian. Pontan. de principe: Utinam autem non eo impudentiae perventum esset, ut inter mercatorem et patricium nullum sit in vestitu ceteroque ornatu discrimen. Sed haec tanta licentia reprehendi potest, coerceri non potest, quamquam mutari vestes sic quotidie videamus, ut quas *quarto ante mense* in deliciis habebamus, nunc repudiemus et tanquam veteramenta abiiciamus. Quoque tolerari vix potest, nullum fere vestimenti genus probatur quod e Gallis non fuerit abductum, in quibus levia pleraque in pretio sunt, tametsi nostri persaepe homines modum illis et quasi formulam quandam praescribant. (Да не скатимся мы до такого бесстыдства, что не будет больше никакого различия между купцом и патрицием в костюме и прочих украшениях. Впрочем, порицать такую вседозволенность можно, а справиться с ней возможности нет, ведь мы ежедневно наблюдаем, что костюмы меняются настолько, что то, от чего мы испытывали наслаждение еще четыре месяца назад, ныне отвергается и отбрасывается прочь как старье. А еще едва возможно терпеть то, что почти никакое одеяние не получает одобрения за исключением происходящего из Франции, а ведь в цене там по большей части всякие пустяки, и это наши люди зачастую предписывали ей как бы канон и правила (лат.) - И. М.).

²⁸ См. об этом Diario Ferrar., у Murat. XXIV, col. 297. 320. 376. 399; здесь же о немецкой моде.

²⁹ Ср. с этим соотв. места Falke, Die deutsche Trachten- und Modenwelt.

³⁰ Относительно флорентиек см. основные места у Giov. Villani X, 10 и 152; Matteo Villani I, 4. В большом эдикте по вопросам моды от 1330 г., между прочим, разрешены лишь тканые узоры на женских тканях, а просто «нарисованные» (dipinto), напротив того, запрещены. Не подразумевается ли здесь что-то наподобие набивных тканей?

³¹ Изготовленные же из настоящих волос называются capelli morti (неживые волосы (ит.) - И. М.). - О фальшивых зубах из слоновой кости, которые использует один итальянский прелат исключительно ради четкого выговора см. Anshelm, Berner Chronik, IV, S. 30 (1508 г.)

³² Infessura, у Eccard, Scriptores, II, col. 1874. - Allegretto у Murat. XXIII, col. 823. - Затем авторы о Савонароле, см. ниже.

³³ Sansovino, Venezia fol. 152: capelli biondissimi per forza di sole (светлейшие от солнца волосы (ит.) - И. М.). - Ср. с. 229.

³⁴ Что имело место также и в Германии. - Poesie satiriche, p. 119, в сатире Берн. Джамбуллари: per prender moglie (чтобы жениться (ит.) - И. М.). В этом - квинтэссенция всей косметической химии, которая, очевидно, все еще в сильной степени опирается на суеверие и магию.

³⁵ Которые все же не жалели усилий на то, чтобы всячески живописать, насколько отвратительно, опасно и смешотворно такое намазывание. Ср. Ариосто Satira III, vs. 202, s. - Aretino, il marescalco, atto II, scena 5 и ряд мест в Ragionamenti (обоснованиях (ит.) - И. М.). Далее Джамбуллари, ук. соч. - Phil. Beroald. sen. Carmina.

³⁶ Cennino Cennini, Trattato della pittura дает в гл. 161 рецепт окрашивания лица, очевидно для мистерий или маскарадов, а далее в гл. 162 он с настоятельно предостерегает от использования грима и косметических вод вообще.

³⁷ Ср. La Nencia di Barberino, str. 20 и 40. Возлюбленный обещает принести ей из города кулек грима и свинцовых белил. Ср. выше с. 235.

³⁸ Agn. Pandolfini. Trattato del governo della famiglia, p. 118.

³⁹ Tristan. Caracciolo, у Murat. XXII, col. 87. - Bandello, parte II, nov. 47.

⁴⁰ Capitolo I к Козимо: Quei cento scudi nuovi e profumati che Г altro di mi mandate a donare (Эта сотня новеньких и благоуханных скуди, которые вы другого дня распорядились мне выдать (ит.) - И. М.). Относящиеся к этому времени предметы иной раз хранят свой запах до сих пор.

⁴¹ Vespas. Fior., p. 458 в жизнеописании Донато Аччайоли, и p. 625 - в жизнеописании Никколи.

⁴² Giraldu, Hecatommithi, Introduz., nov. 6.

⁴³ Paul. Jov. Elogia.

⁴⁴ Aeneas Sylvius (Vitae Papporum, у Murat. III, II, col. 880) говорит по поводу Баккано: pauca sunt mapalia, eaque hospitia faciunt Theutonicis; hoc hominum genus totam fere Italiam hospitalem facit; ubi non repereris hos, neque diversorium quaeras (дворов немного, и постоянные дворы держат немцы; это племя, можно сказать, всей Италии дает крышу над головой, и где их нет, там и приюта не сыскать (лат.) - И. М.).

⁴⁵ Franco Sacchetti, nov. 21. - Около 1450 г. Падуя славилась одним очень большим, весьма похожим на дворец постоянным двором «У быка», в котором были стойла на 200 лошадей. Michele Savonar., у Murat. XXIV, col. 1175. - Во Флоренции перед воротами Санто-Галло находилась одна из самых больших и красивых остерий, однако, как предстает, она являлась исключительно местом отдыха горожан. Varchi, Stor. fiorent. L. III, p. 86.

⁴⁶ Ср. соответствующие места из «Корабля дураков» Себастьяна Бранта, «Colloquia» Эразма, латинское стихотворение «Grobianus» и пр.

⁴⁷ Примеры, приводимые в «Cortigiano», L. II, fol. 96, s. позволяют заключить о предпринимаемых здесь попытках ввести burle в рамки. Во Флоренции скверные burle все же продержались столько, сколько было возможно. Свидетельством этого являются новеллы Ласки.

⁴⁸ Главный источник в отношении Милана - Bandello, parte I, nov. 9. Здесь имелось свыше 60 колясок для езды четверней и бесчисленное количество колясок под пару лошадей, некоторые экипажи были богато позолочены и украшены резьбой, лошади снабжены шелковыми понами, ср. там же nov. 4. - Ariosto, sat. III, vs. 127.

⁴⁹ Bandello, parte I, nov. 3. III, 42. IV, 25.

⁵⁰ De vulgari eloquio ed. Corbinelli, Parisiis 1577. Согласно Боккаччо, vita di Dante, p. 77, оно было написано им незадолго до смерти. - Относительно стремительных и заметных изменений в языке при его жизни Данте высказывается в начале «Пира».

⁵¹ Осведомленному в данном вопросе уроженцу Италии не составило бы труда представить его выдвигание на первую роль в литературе и жизни в форме таблицы. Следовало бы установить, как долго на протяжении XIV и XV вв. отдельные диалекты продолжали существовать, в чистой либо смешанной форме, в повседневной переписке, в правительственных бумагах и судебных протоколах и, наконец, в хрониках и независимой литературе. При этом было бы также рассмотрено то, как сосуществовали диалекты с чистой или низкой латынью, служившей тогда официальным языком.

⁵² Так это воспринимает уже Данте: *De vulgari eloquio* I, с. 17. 18.

⁵³ Еще задолго до этого в Пьемонте и писали и читали на тосканском наречии, вот только писали и читали здесь очень мало.

⁵⁴ Люди отлично разбирались в том, где в повседневной жизни диалект уместен, а где - нет. Джовиано Понтано должен был прямо предостеречь неаполитанского кронпринца, чтобы тот к нему не прибегал (*Jov. Pontan. de principis*). Известно, что последние Бурбоны были не особенно щепетильны в этом отношении. - См. насмешки над одним миланским кардиналом, который желал утвердить употребление своего диалекта в Риме, у *Bandello, parte II, nov. 31*.

⁵⁵ *Bald. Castiglione, il cortigiano, L I, fol. 27, s.* Несмотря на диалогическую форму сочинения, собственное мнение автора просматривается во всем.

⁵⁶ Однако не следует в этом заходить слишком далеко. Сатирики постоянно ради комического эффекта прибегают к использованию ломаного испанского языка, а Фоленго (в своем «Орландино», под псевдонимом Лимерно Питокко) - ломаного французского. В высшей степени необычен тот факт, что одна миланская улица, которая во времена французского владычества (1500-1512, 1515-1522) называлась *Rue belle* (улица Красивая (фр.) - И. М.), до сих пор еще называется *Rugabella*. От долгого испанского владычества в языке не осталось почти ни единого следа, и самое большее здесь - это сохранившееся там и сям имя какого-нибудь вице-короля в названии улицы или здания. Лишь в XVIII в. из французской литературы вместе с мыслями в итальянский язык проникли также многие обороты и отдельные выражения; в нашем столетии пуристы приложили немалые усилия (и эту свою деятельность они продолжают до сих пор) по их искоренению.

⁵⁷ *Firenzuola, opere I*, в предисловии о женской красоте, и *II, in ragionamenti* перед новеллами.

⁵⁸ *Bandello, parte I, proemion nov. 1 и 2.* - Другой ломбардец, Теофило Фоленго, улаживает все это дело в своем «Орландино» при помощи веселой шутки.

⁵⁹ Один такой конгресс должен был, как кажется, состояться в Болонье в конце 1531 г. под председательством Бембо. См. письмо Клавд. Толмеи у *Firenzuola, opere, vol. II, приложения*.

⁶⁰ Около 1550 г. Луиджи Корнаро (в начале своего «*Trattato della vita sobria*») жалуется: незадолго перед этим в Италии стали брать верх (испанские) церемонии и комплименты, лютеранство и кутежи. (В то же время исчезли умеренность и свободная, легкая общительность.) Ср. с. 237.

⁶¹ *Vasari XII, p. 9, Vita di Rustici*. - Сюда можно также отнести злоречивую шайку опустившихся художников, *XI, 216, s.* - Принадлежащий Макиавелли устав увеселительного общества (в *opere minori* p. 407) является карикатурой на уставы обществ в стиле вывернутого наизнанку мира. - Было и остается несравненным знаменитое описание вечера общества римских художников у Бенвенуто Челлини, *I, cap. 30*.

⁶² Которую, вероятно, следует относить на 10-11 часов утра. Ср. *Bandello, parte II, nov. 10*.

⁶³ *Prato, Arch. stor. III, p. 309*.

⁶⁴ Наиболее важные места: *parte II, nov. 1. 3. 21. 30. 44. II, 10. 34. 55. III, 17 и пр.*

⁶⁵ Ср. *Lorenzo magnif. de' Medici, Poesie I, 204* (пир); 291 (соколиная охота). - *Roscoe, Vita di Lorenzo III, p. 140* и приложения с 17 по 19.

⁶⁶ Название «*Simposio*» («Пир» (ит.) - И. М.) неточно; скорее все должно было бы называться «Возвращение со сбора винограда». Лоренцо в чрезвычайно забавной форме, а именно пародии на «Ад» Данте рассказывает о том, как он, главным образом проходя по *Via Fanzca*, встречает своих добрых друзей, всех более или менее навеселе, возвращающихся из деревни. Великолепен в VIII главе комический образ *Пьовано Арлотто*, который отправляется на поиски утраченной жадьи, а для этой цели навешивает на себя: сухое мясо, селедку, круг сыра, колбаску и четыре сардельки, «*e tutte si coccevan nel sudore*» («и все они в его поту варились» (ит.) - И. М.).

⁶⁷ О Козимо Ручеллаи как центре этого кружка в начале XVI в. ср. *Macchiavelli, Arte della guerra. L. I*.

⁶⁸ *Il cortigiano, L. II, fol. 53*. — Ср. выше. с. 243, 250.

⁶⁹ Целий Кальканино (*Opere, p. 514*, в надгробной речи памяти Антонио Костабили, приблизительно в 1500 г.) следующим образом описывает воспитание одного молодого знатного италянца: прежде всего *artes liberales et ingenuae disciplinae; turn adolescentia in iis exercitationibus acta, quae ad rem militarem corpus animumque praemuniunt. Nunc gymnastae* (т. е. учителя гимнастики) *operam dare, luctari, excurrere, natare, equitare, venari, aucupari, ad palum et apud lanistam ictus inferre aut declinare, caesim punctimve hostem ferire, hastam vibrare, sum armis hyemem et aestatem traducere, lanceis occurrere, veri ac communis Martis simulacra imitari* (свободные искусства и благородные науки; далее молодость следует подвергнуть тем упражнениям, которые вооружают тело и дух в отношении военного дела. Здесь необходимо будет заниматься у гимнаста ..., бороться, бегать, плавать, ездить верхом, охотиться и ловить птиц, на манекене и с учителем фехтования обучаться нанесению ударов и их отражению, тому, как рубить и колоть врага, метать копье, с полной выкладкой переносить зиму и лето, идти против выставленных копий, т. е. проводить учения в подражание настоящей и общепринятой войне (лат.) - И. М.). - Кардано (*de propria vita, с. 7*) среди своих упражнений называет также вскакивание на деревянного коня. - Ср. «*Gargantua*», I, 23. 24: воспитание вообще, и 35: гимнастические искусства.

⁷⁰ *Sansovino, Venezia fol. 153, s.* Возникли они вероятнее всего в связи с поездками на Лидо, где проходили упражнения в стрельбе из арбалета; большая же общая регата в день св. Павла была оформлена законодательно начиная с 1315 г. - Ранее в Венеции много каталась верхом, и это еще до того, как улицы были вымощены и ровные деревянные мосты были заменены на каменные с высокими арками. Еще Петрарка (*Epist. seniles, IV, 2, p. 783*) описывает в 1364 г. великолепный конный турнир на площади св. Марка, а дож Стено держал около 1400 г. столь же роскошную конюшню, как и всякий итальянский государь. Однако езда верхом вокруг этой площади была как правило запрещена начиная уже с 1291 г. - Разумеется, впоследствии венецианцы считались плохими наездниками. Ср. *Ariosto, Sat. V, vs. 208*.

⁷¹ Об отношении Данте к музыке и мелодиях на слова стихотворений Петрарки и Боккаччо ср. *Trucchi, Poesie italiane inedite, II, p. 139*. - 0 теоретиках XIV в. *Philippo Villani, vite, p. 46* и *Scardeonius, de urb. patav. antiq.*

у Graev. Thesaur. VI, III, col. 297. - Обстоятельно говорит о музыке при дворе Федерико Урбинского Vespas. Fior., p. 122. - Детская капелла Эрколе I, Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 358. - За пределами Италии личное участие в музицировании со стороны видных людей едва допускалось: при нидерландском дворе молодого Карла V по этому поводу разгорелась нешуточная борьба; ср. Hubert. Leod. de vita Frid. II Palat., L. III.

Примечательное и подробное место относительно музыки встречаем там, где его никто не стал бы искать, а именно в «Masonopeide», Phant. XX. Здесь комически изображается пение квартета, причем мы узнаем, что исполнялись также французские и испанские песни, что у музыки уже имелись враги (ок. 1520 г.), и что капелла Льва X и еще более ранний композитор Жоскен Дебре почитались высшим достижением и ими увлекались все поголовно; называются также произведения последнего. Тот же автор (Фоленго) дает в своем (изданном под именем Лимерно Питокко) «Орландино» III, 23, с. изображение выглядящего вполне современно музыкального фанатизма.

⁷² Leonis vita anonyma, у Roscoe, ed. Bossi XII, p. 171. Не скрипач ли это с картины из галереи Шарпа? - Хвалу какому-то Джован Мария да Корнетто находим в «Орландино» (с. 104, 217) III 27.

⁷³ Lomazzo, Trattato dell' arte della pittura, etc., p. 347. (В издании, которое готовил Л. Гейгер, к этой ссылке сделано следующее дополнение: «Последней мысли в тексте нет. Не имело ли здесь место неверное понимание Я. Буркхардтом заключительного предложения: Et insieme vi si possono gratiosamente rappresentar convitti et simili abbellimenti, che il pittore leggendo i poeti et gli historici puo trovare copiosamente et anco essendo ingenioso et ricco d'invenzione puo per lo stesso imaginare?» (Их прекрасным образом возможно было бы представить приглашенными вместе и напоминающими украшения, которые художник может в избытке найти, читая поэтов или же историков, а в конце концов, будучи хитроумным и гораздым на выдумку, мог бы придумать сам (ит.) - И. М., текст, как кажется, несколько искажен.)) - При упоминании о лире в числе прочих называется Леонардо да Винчи, а также Альфонс (герцог?) Феррарский. Вообще автор сводит воедино знаменитости своего века. Среди них несколько евреев. - Наиболее обширный список знаменитых музыкантов XVI в., с разделением их на старшее и младшее поколение, у Рабле, в «Новом прологе» к IV книге. - Еще ранее того, будучи в Венеции, король Кипра увенчал лавровым венком слепого виртуоза, Франческо из Флоренции (1390 г.).

⁷⁴ Sansovind, Venezia, fol. 138. Разумеется, те же любители собирали также и нотные сборники.

⁷⁵ Об Academia de' filarmonici в Вероне упоминает уже Вазари XI, 133, в жизни Санмикеле. - Вокруг Лоренцо Великолепного уже в 1480 г. собралась «школа гармонии» из 15 человек, среди них прославленный органист Скварчалупи. Ср. Delecluze, Florence et ses vicissitudes, vol. II p. 256. Как можно предполагать, страсть к музыке передалась от Лоренцо его сыну Льву X. Большой музыкальностью отличался и его старший сын Пьеро.

⁷⁶ Il cortigiano, fol. 56. Ср. fol. 41.

⁷⁷ Quattro viole da arco (четыре смычковых виолы (ит.) - И. М.), что

свидетельствует о такой высокой подготовке любителей, которая очень редка у других народов.

⁷⁸ Bandello, parte I, nov. 26. Песня Антонио Болонья в доме Ипполиты Бентивольо. Ср. III, 26. В наше чопорное время такое было бы сочтено профанацией священных чувств, - (Ср. последнюю песнь Британника, Tacit. Annal. XIII, 15.) — В описаниях нелегко бывает отличить декламацию под лютию или виолу от песни в собственном смысле.

⁷⁹ Scardeonius, ук. соч.

⁸⁰ К Аннибале Малегуччо, обозначаемая иной раз и как V либо VI.

⁸¹ В то же время участие женщин в изобразительных искусствах в высшей степени незначительно.

⁸² В таком ключе следует, например, воспринимать имеющуюся у Веспасиано Фьорентино (Mai, Spicileg. rom. XI, p. 592, s.) биографию Алессандры де' Барди. Между прочим, автор этот - немалый laudator temporis acti (превозноситель ушедших времен (лат.) - И. М.) и не следует забывать о том, что почти за сотню лет до того, что он называет добрым старым временем, Боккаччо писал «Декамерон».

⁸³ Ant. Galateo, epist. 3 к юной Боне Сфорца, впоследствии супруге польского короля Сигизмунда: Incipe aliquid de viro sapere, quoniam ad imperandum viris nata es... Ita fac, ut sapientihus viris placeas, ut te prudentes et graves viri admirentur, et vulgi et muliercularum studia et iudicia despicias etc. (Следует тебе кое-что узнать о мужчине, поскольку ты рождена для того, чтобы повелевать мужами... Поступай так, чтобы понравиться мыслящим мужчинам, чтобы тобой восхищались разумные и серьезные из них, к пристрастиям же и суждениям толпы и бабенок относись с презрением и пр. (лат.) - И. М.). Письмо, замечательное и в других отношениях (May, Spicileg. rom. VIII, p. 532).

⁸⁴ Так говорится в основном источнике Chron. venetum у Murat. XXIV, col. 128, s. Ср. Infessura у Eccard, scriptt., II, col. 1981 и Arch. stor. Append. II, p. 250.

⁸⁵ Иногда так оно и бывает. - В том, как в случае подобных рассказов следовало себя вести дамам, наставляет Il cortigiano, L. III, fol. 107. Ср. fol. 41. То, что в некоторых случаях дамы, присутствовавшие при ведшихся здесь беседах, должны были отчетливо представлять, как себя вести, следует из довольно сильного места L II fol. 100. - То же, что говорится относительно параллели к придворному в гл. III «Il Cortigiano» Donna di palazzo («Придворная дама» (ит.) - И. М.), ни в коей мере не является здесь показательным, поскольку дама эта в куда большей степени является служанкой жены правителя, чем придворный - слугой самого правителя. - У Банделло I, nov. 44 Бьянка д'Эсте рассказывает ужасную историю любви своего предка Никколо Феррарского и Паризины.

⁸⁶ Как высоко ценили путешествовавшие итальянцы свободу обращения с девушками в Англии и Нидерландах, можно представить себе на основании Bandello, parte II, nov. 27.

⁸⁷ Paul. Jov. de rom. piscibus, cap. 5. - Bandello, parte III, nov. 42. - Аретино в «Ragionamento del Zoppino», p. 327 говорит об одной такой женщине: она целиком знает наизусть Петрарку и Боккаччо, а также несметное количество латинских стихотворений из Вергилия, Горация, Овидия и тысячи других авторов.

⁸⁸ Bandello, parte II, 51. IV, 16.

⁸⁹ IV, 8.

⁹⁰ Чрезвычайно показательный пример в таком роде у Giralaldi, *Nesatommiti VI, nov. 7.*

⁹¹ *Infessura*, у Eccard, scriptt., II, col. 1997. Это только публичные женщины, состоявшие в конкубинате сюда не входят. Вообще указанное число необычайно велико в сравнении с населением Рима по оценке, что, возможно, объясняется опиской.

⁹² *Trattato del governo della famiglia*. Ср. выше, с. 90, 389 прим 19. Пандольфини умер в 1446 г., Л. Б. Альберти, которому также приписывается трактат - в 1472 г. Ср. также с. 412, прим. 44.

⁹³ Основательная, разработанная с учетом психологических особенностей история телесных наказаний Детей у германских и романских народов была бы не менее ценной, чем объемистые издания дипломатической корреспонденции и стенограмм переговоров. Когда и в результате каких воздействий порка стала обыкновенным явлением в немецкой семье? Разумеется, случилось это много времени спустя после того, как Вальтер провозгласил: *Nieman kan mit gerten Kindes zuht beherten* (Розгой направить ребенка по верному пути невозможно - И. М.). В Италии битье детей прекращается довольно скоро: уже семилетнего ребенка перестают награждать оплеухами. Маленький Роланд («Орландино» гл. VII строфа 42) провозглашает следующий принцип:

*Sol gli asini si ponno bastonare,
Se una tal bestia fussi, patirei.*

(Одни лишь ослы дают себя лупить,

Если уж такая это скотина, пусть терпит (ит.) - И. М.)

⁹⁴ Giovanni Villani XI, 93: основное место по вопросу о строительстве вилл флорентийцами еще прежде середины XIV в.: у них более красивые виллы, чем городские дома, и, должно быть, они расходовали на это чересчур большие средства, *onde erano tenuti matti* (вследствие чего их считали безумными (ит.) - И. М.).

⁹⁵ Ср. с. 208, где указывается на роскошь устройства празднеств как на помеху для более высокого развития драмы.

⁹⁶ Т. е. в сравнении с городами Севера.

⁹⁷ Празднества по случаю восшествия Висконти на герцогский престол в Милане в 1395 г. (Corio, fol. 270) при всей своей роскоши имели в себе нечто грубо средневековое, а драматический момент полностью здесь отсутствовал. Ср. также относительную упрощенность процессов в Павии в XIV в. (Anonymus de laudibus Paviae, у Murat. XI, col. 34, s.)

⁹⁸ Gio. Villani, VIII, 70.

⁹⁹ Ср., например, *Infessura*, у Eccard, scriptt., II, col. 1896. - Corio, fol. 417. 421.

¹⁰⁰ Диалог в мистериях охотнее всего исполнялся в октавах, монолог - в терцинах.

¹⁰¹ При этом нет вовсе никакой необходимости вспоминать о схоластическом реализме. [— Уже около 970 г. епископ Вибольд из Комбрэ предписал своим клирикам взамен игры в кости некую разновидность духовного тарока, с использованием не менее 56 названий абстрактных качеств и состояний. Ср. *Gesta episcoporum Cameracensium*, Pertz, Scriptt. VII, p. 433.]

¹⁰² Сюда следует отнести случаи выстраивания Данте образов на ос-

нове метафор, например, когда средняя, растрескавшаяся ступень у врат чистилища должна означать сокрушенность сердца («Чистилище» IX 97), между тем как, будучи расколотой, каменная плита утрачивает значение ступени. Или когда («Чистилище» XVIII 94) медлительные в своей земной жизни люди должны выказывать свое раскаяние через бег, в то время как бег является также еще и знаком бегства, и пр.

¹⁰³ «Ад» IX 6 1, «Чистилище» VIII 19.

¹⁰⁴ *Poesie satiriche*, ed. Milan, p. 70, s. - Относятся к концу XV в.

¹⁰⁵ Последнее, например, в *venatio* кардинала Адриано да Корнето. Должно быть, после падения своего дома Асканио Сфорца находит здесь, в удовольствиях, доставляемых охотой, утешение. - Ср. с. 82.

¹⁰⁶ Собственно, в 1454 г. Ср. Olivier de la Marche, *memoires*, chap. 29.

¹⁰⁷ Относительно других праздников во Франции см., например, *Juvenal des Ursins*, ad a. 1389 (въезд королевы Изабеллы); *Jean de Troyes* ad a. 1461 (въезд Людовика XI). Здесь также нет недостатка в подъемных механизмах, живых статуях и т. п., однако все это пестрит, не имеет внутренней связи, аллегории же по большей части не поддаются толкованию. [— Чрезвычайной пышностью и пестротой отличались продолжавшиеся много дней празднества в Лиссабоне в 1452 г. по поводу отъезда инфанты Элеоноры как невесты императора Фридриха III. См. *Freher-Struve*, *rer. german. scriptores*, II, fol. 51, реляция Ник. Ланкмана.]

¹⁰⁸ Т. е. преимущество для величайших поэтов и художников, которые знали, как его использовать.

¹⁰⁹ Ср. Bartol. Gamba, *Notizie intorno alia opere di Feo Belcari*, Milano 1808, и особенно введение к сочинению: *le rappresentazioni di Feo Belcari ed altre di lui poesie*, Firenze 1833. - В качестве параллели - введение библиофила Якоба к его изданию Пателина.

¹¹⁰ Правда, мистерия на тему вифлеемского избияния младенцев в церкви Сиены заканчивалась тем, что несчастные матери должны были вцепиться друг дружке в волосы. *Delia Valle*, *lettere sanesi*, III, p. 53. - Основное устремление только что названного Фео Белькари (ум. 1484 г.) было направлено на то, чтобы очистить мистерии от таких извращений.

¹¹¹ Franco Sacchetti, *nov. 72.*

¹¹² Vasari III, 232, s. *Vita di Brunellesco*. V, 36, s. *Vita del Cecca*. Ср. V, 52. *Vita di Don Bartolommeo*.

¹¹³ Arch. stor. Append. II, p. 310. Мистерия Благовещения в Ферраре в связи со свадьбой Альфонса, с хитроумными подъемными машинами и фейерверком. Представление истории Сусанны, Иоанна Крестителя и одной легенды у кардинала Риарио см. у Corio, fol. 417. Мистерия о Константине Великом, в папском дворце, карнавал 1484 г. см. *Jac. Volaterran.*, у Murat. XXIII, col. 194.

¹¹⁴ Graziani, *Cronaca di Perugia*, Arch. stor. XV, I, p. 598. В момент распятия была поднята подготовленная заранее фигура.

¹¹⁵ Насчет последнего см., например, Pii II *Comment.*, L. VIII, p. 383. 386. - Также и в поэзии XV в. иногда ощущается тот же грубый тон. Одна канцона Андреа да Бассо описывает в мельчайших подробностях процесс гниения трупа жестокосердой возлюбленной. А в одной монастырской драме XII в. можно было наблюдать даже сцену, когда царя Ирода пожарили черви. *Carmina Burana*, p. 80, s.

¹¹⁶ *Allegretto*, *Diari sanesi*, у Murat. XXIII, col. 767.

- ¹¹⁷ Matarazzo, Arch. stor. XVI, II, p. 36.
- ¹¹⁸ Выдержки из Vergier d'honneur - у Roscoe, Leone X, ed. Bossi, I, p. 115 и III, p. 263.
- ¹¹⁹ У Буркхардта - ошибочно 1482 г.
- ¹²⁰ Pii II Comment. L. VIII, p. 382, s. - Подобный устроенный с особенной пышностью праздник Тела Христова упоминает Bursellis, Anpal. Bonop., у Murat. XXIII, col. 911, под 1492 г.
- ¹²¹ Относительно таких случаев говорится: Nulla di muro si potea vedere (стен совершенно не было видно (ит.) - И. М.)
- ¹²² То же самое относится и ко многим другим подобным описаниям.
- ¹²³ Пять королей с вооруженными людьми, лесной человек, борющийся с (ручным?) львом, последнее - быть может с намеком на имя папы, Сильвий.
- ¹²⁴ Примеры при Сиксте IV см. Jac. Volaterran., у Murat. XXIII, col. 134. Также и при вступлении на папский престол Александра VI был устроен оглушительный салют. - Фейерверк, изумительное изобретение итальянского искусства устройства праздников, вместе с праздничными декорациями принадлежит скорее истории искусств, нежели нашей теме. - То же касается и великолепной иллюминации (ср. с. 209), которая превозносится на всякие лады по случаю многих праздников, как и настольные композиции и охотничьи трофеи.
- ¹²⁵ Allegretto, у Murat. XXII, col. 772. - Ср. помимо этого col. 772, встреча Пия II в 1459 г.
- ¹²⁶ Corio, fol. 417, s. ^Infessura, у Eccard, scriptt. II, col. 1896. - Strozii poetae, p. 193, в эолийских стихах. Ср. с. 37 сл., 41.
- ¹²⁷ Vasari XII, p. 37, Vita di Puntormo рассказывает о смерти одного такого ребенка в 1513 г. во время празднества во Флоренции от переутомления (а возможно и позолоты?). Бедный мальчик должен был изображать «золотой век».
- ¹²⁸ Phil. Beroaldi orationes; nuptiae Bentivoleae.
- ¹²⁹ M. Anton. Sabellici Epist. L. III, fol. 17.
- ¹³⁰ Amoretti, Memorie etc. su Lionardi da Vinci p. 38, s.
- ¹³¹ То, насколько неразлучной - вплоть до праздников - была астрология с этим столетием, показывают также (неясно описанные) процессии планет при встрече невесты государя в Ферраре. Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 248, ad a. 1473. col. 282, ad. a. 1491. - То же в Мантуе. Arch. stor. append. II, p. 233.
- ¹³² Annal. Estens. у Murat. XX, col. 468, s. Описание невразумительно, а кроме того напечатано по неисправному списку.
- ¹³³ Рассказывается, что веревки этого механизма были скрыты под гирляндами.
- ¹³⁴ Собственно, корабль Исиды, пускавшийся 5 марта в море в качестве символа вновь свободной пути по нему. - Аналогии в германском культе см. у Я. Гримма, «Немецкая мифология».
- ¹³⁵ «Чистилище» XXIX 43 до конца, и XXX, начало. - Повозка, согласно ст. 115, великолепнее триумфальной колесницы Сципиона, Августа и даже самого бога Солнца.
- ¹³⁶ Ranke «Gesch. der roman. und german. Volker», S. 119.
- ¹³⁷ Corio, fol. 401: dicendo, tali cose essere superstitioni de' Re. - Ср. Cagnola, Arch. stor. III, p. 127.
- ¹³⁸ См. выше с. 144. - Ср. с. 14, с. 374 прим. 14 - Triumphus Alphon-si, как приложение к Dicta et Facta Панормиты. - Опасение в отношении чрезмерно большого триумфального великолепия проявляется уже у мужественного Комнина. Ср. Cinnamus I, 5. VI, 1.
- ¹³⁹ То, что Фортуне отводилось такое место, есть проявление неподдельного, свойственного Возрождению простодушия. При въезде Массимилиано Сфорца в Милан (1512 г.) она стояла в качестве основной фигуры триумфальной арки *выше* Fama, Speranza, Audacia и Penitenza (славы, надежды, отваги и раскаяния (ит.) - И. М.) - всё, натурально, живые люди. Ср. Prato. Arch. stor. III, p. 305.
- ¹⁴⁰ Описанный выше, с. 275, въезд Борсо д'Эсте в Реджо показывает, какое впечатление произвел триумф Альфонса по всей Италии.
- ¹⁴¹ Prato. Arch. stor. III, p. 260.
- ¹⁴² Три ее Capitoli в терцинах, Anecdota litt. IV, p. 461, s.
- ¹⁴³ Нередки также станковые картины подобного содержания, наверняка зачастую как воспоминание о действительных маскарадах. В скором времени вельможи привыкли разъезжать по случаю всякого праздника. Аннибале Бентивольо, старший сын правителя Болоньи, едет к себе во дворец с заурядного турнира, где он был судьей, cum triumpho more romano (с триумфом на римский манер (лат.) - И. М.). Bursellis, I. c. Col. 909, ad a. 1490.
- ¹⁴⁴ Замечательные погребальные торжества по случаю кончины отравленного в 1437 г. Малатеста Бальоне в Перудже (Graziani, Arch. stor. XVI, I, p. 413) заставляют нас вспомнить едва ли не о погребальной роскоши древней Этрурии. Между тем похоронные кавалькады и т.п. являются частью повсеместно принятых по всей Европе рыцарских обычаев. Ср., например, похороны Бертрана Дюгеклена у Juvenal des Ursins, ad a. 1389. - См. также Graziani, I. c. p. 360.
- ¹⁴⁵ Vasari, IX, p. 218, Vita di Granacci.
- ¹⁴⁶ Mich. Cannesius, Vita Pauli II, у Murat. III, II, col. 118, s.
- ¹⁴⁷ Tomm'asi, Vita di Cesare Borgia, p. 251.
- ¹⁴⁸ Vasari, IX, p. 218, Vita di Puntc.мо. Одно из важнейших мест на эту тему.
- ¹⁴⁹ Vasarf, IX, p. 218, Vita di A. del Sarto.
- ¹⁵⁰ Allegretto, у Murat. XXIII, col. 783. Словашееся при этом колесо было сочтено дурным предзнаменованием.
- ¹⁵¹ M. Anton. Sabellici Epist. L. III, fol. 17.
- ¹⁵² Sansovino, Venezia, fol. 151, s. - Общества эти назывались: Pavoni, Accesi, Eterni, Reali, Sempiterni (буквально «павлины», «пламенные», «вечные», «королевские», «вековечные» (ит.) - И. М.); видимо, те же самые общества стали впоследствии Академиями.
- ¹⁵³ Очевидно, в 1495 г. Ср. M. Anton. Sabellici Epist. L. V, fol. 28.
- ¹⁵⁴ Infessura, у Eccard, scriptt. II, col. 1893. 2000. - Mich. Cannesius, Vita Pauli II, у Murat. III, II, col. 1012. - Platina, Vitae pontiff, p. 318. - Jac. Volaterran. у Murat. XXIII, col. 163. 194. - Paul. Jov. Elogia, sub Juliano Caesarino. - В других местах устраивались еще скачки среди женщин: Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 384.
- ¹⁵⁵ Однажды при Александре VI - с октября до Великого поста. Ср. Tommasi, I. c. p. 322.
- ¹⁵⁶ Pii II Comment. L. IV, p. 211.

¹⁵⁷ Nantiporto, у Murat. III, II, col. 1080. Они желали его поблагодарить за мирный договор, однако нашли ворота замка запертыми, а по всем площадям были расставлены войска.

¹⁵⁸ Tutti i trionfi, carre, mascherate, o canti camascialeschi (Все триумфы, повозки, маскарады или карнавалы песни (ит.) - И. М.), Cosmopoli 1750. - Machiavelli, Opere minori, p. 505. - Vasari, VII, p. 115, s., vita di Piero di Cosimo, которому и приписывается главная роль в оформлении этих процессий.

Примечания к главе VI

¹ Discorsi L. I, с. 12. Также с. 55: из всех стран Италия наиболее испорчена; следом за ней идут французы и испанцы.

² Paul. Jov. viri illustres; Jo. Gal. Vicesomes.

³ Относительно этого положения, занимаемого чувством чести в теперешнем мире, см. чрезвычайно глубокие рассуждения у Prevost-Paradol, la France nouvelle, Livre III, chap. 2 (книга написана в 1868 г.)]

⁴ Franc. Guicciardini, Ricordi politici e civili, N. 118. (Opere inedite, vol. I.)

⁵ Ближайшей параллелью к нему является Мерлин Кокайо (Теофило Фоленго), «Opus macaronicorum» которого (с. 104 и 175) Рабле несомненно знал и неоднократно цитировал (Pantagruel L. II, ch. 1 и ch. 7, конец). Даже сама идея «Гаргантюа и Пантагрюэля», возможно, исходит от Мерлина Кокайо.

⁶ «Gargantua» L. I, chap. 57.

⁷ Т. е. хорошего происхождения в высшем смысле слова, поскольку Рабле, сын трактирщика из Шинона, не имел никаких оснований для того, чтобы давать здесь какие-либо преимущества знати как таковой. - Проповедь Евангелия, о которой идет речь в монастырской надписи, не особенно гармонирует со всей прочей жизнью телемитов; проповедь эту скорее следует понимать в отрицательном смысле, как противодействие римской церкви.

⁸ Выдержки из его дневника см. у Delecluze, Florence et ses vicissitudes, vol. 2. - Ср. с 221.

⁹ Infessura, у Eccard, scriptt., II, col. 1992. [1892]. Ср. выше с. 75 ел.

¹⁰ Данная аргументация глубокомысленного Стендаля (La chartreuse de Parme, ed. Delahays, p. 355) основывается, по моему мнению, на верном психологическом наблюдении.

¹¹ Graziani, Cronaca di Perugia, под 1437 г. (Arch. stor. XVI, I, p. 415).

¹² Giralaldi, Hecatommithi I, Nov. 7.

¹³ Infessura, у Eccard, scriptt. II, col. 1892, под 1464 г.

¹⁴ Allegretto, Diari sanesi, у Murat. XXIII, col. 837.

¹⁵ Те, кто передают отщепенца в руки Бога, высмеиваются, среди прочего, у Пульчи, Morgante, canto XXI, Str. 83, s. 104, s.

¹⁶ Guicciardini, Ricordi, I. с. N. 74.

¹⁷ Так, Кардано (de propria vita, cap. 13) изображает себя в высшей степени мстительным, однако verax, memor beneficiorum, amans justitiae (верный, памятливым на благодеяния, любящий справедливость (лат.) - И. М.).

¹⁸ Когда испанское господство достигло в Италии своей высшей точ-

ки, имело место относительное обезлюдение. Если бы оно было следствием краха нравственности, это должно было бы произойти куда раньше.

¹⁹ Giralaldi, Hecatommithi III, Nov. 2. - Чрезвычайно близкие мысли: Cortigiano, L. IV, fol. 180.

²⁰ В хронике Грациани, Arch. stor. XVI, I, p. 629, мы находим особенно ужасающий пример мести одного брата из Перуджи, относящийся к 1455 г. Брат заставляет любовника сестры выколоть ей глаза и выгоняет его взащей. Правда, семья эта была одной из ветвей Одди, а любовник - всего-навсего канатчиком.

²¹ Bandello, Parte I, Nov. 9 и 26. - Случается, что о нарушении супружеской верности мужу рассказывает подкупленный им исповедник.

²² См. выше с. 260 и 425, прим. 78

²³ Один такой пример - Bandello, Parte I, Nov. 4.

²⁴ Piaccia al Signore Iddio che non si ritrovi (да будет угодно Богу, чтобы его не нашли (ит.) - И. М.), говорят у Джиральди III, нов. 10 женщины в доме, когда им расстолковывают, что поступок может стоить убийце головы.

²⁵ Это происходит, например, с Джовиано Понтано (de fortitudine, L. I): его геройского духа азоланцы, которые всю последнюю свою ночь танцуют и поют; мать из Абруцц, ободряющая сына по дороге на эшафот и т. д., вероятно, принадлежат к разбойничьим семействам, что он, однако, обходит молчанием.

²⁶ Diarium Parmense, у Murat. XXII, col. 330 по 349 passim.

²⁷ Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 312. Это заставляет вспомнить банду священников, делавшую небезопасной западную Ломбардию за несколько лет до 1837 г.

²⁸ Masuccio. Nov. 29. Из истории явствует, что описываемое лицо было чрезвычайно счастливо также и в любви.

²⁹ Быть корсаром в Неаполе во время войны двух ветвей Анжуйского дома он вполне мог как приверженец своей партии, что по тогдашним представлениям не навлекло никакого позора. Архиепископ из Генуи Паоло Фрегозо, должно быть, позволял себе во второй половине XV в. куда большее.

³⁰ Poggio, Facetiae fol. 164. Кто знает современный Неаполь, тому, возможно, приходилось слышать подобного рода фарс и из иной эпохи.

³¹ Jovian. Pontani Antonius: pes est quod Neapoli quam hominis vita minoris vendatur. Разумеется, он хочет сказать, что при Анжуйской династии это было еще не так: sicam ab iis (арагонцев) asserimus (мы приняли кинжал из их - арагонцев - рук (лат.) - И. М.). О положении дел около 1534 г. свидетельствует Бенвенуто Челлини.

³² Решающего доказательства на этот счет не сможет предоставить никто, однако упоминается о небольшом количестве убийств, а фантазия флорентийских писателей времени расцвета не заполнена подозрениями в этом роде.

³³ О ней см. реляцию Федели у Alberi, Relazioni serie II, vol. I, p. 353, s.

³⁴ Infessura у Eccard, Scriptores, II, col. 1956.

³⁵ Chron. venetum, у Murat. XXIV, col. 131. - На Севере имели хождение еще более фантастические представления в отношении отравительского искусства итальянцев: см. у Juvenal des Ursins ad a. 138" (ed. Vuchon p.336) - о ланцете составителя ядов, которого взял к себе

на службу король Карл из Дурреса: даже тот, кто всего лишь пристально на него смотрел, должен был умереть.

³⁶ Petr. Crinitus de honesta discipline, L. XVIII, cap. 9.

³⁷ Pii II Comment. L. XI, p. 562. - Jo. Ant. Campanus: vita Pii II y Murat. III, II, col. 988.

³⁸ Vasari IX 82, vita di Rosso. - Вопрос о том, на стороне чего был перевес в несчастливых браках - более сильнействующих ядов или больших принимаемых в связи с ними мер предосторожности - должен остаться без ответа. Ср. Bandello II, Nov. 5 и 54. Очень сомнительной представляется история, рассказанная в Nov. 40. В одном и том же неназванном по имени городе в Западной Ломбардии живут два составителя ядов: супруг, желающий убедиться в неподдельности отчаяния своей жены, дает ей выпить якобы отравленный напиток, на деле являющийся просто окрашенной водой, после чего пара примиряется. - В одном только семействе Кардано имело место четыре отравления. De propria vita, cap. 30. 50. [— Даже в случае пира по поводу избрания папы каждый из кардиналов приходил с собственным виночерпием и своим камерой, «быть может потому, что по опыту было известно, что в ином случае в напиток будет подмешан яд». И обычай этот имел всеобщее распространение в Риме, причем он рассматривался sine iniuria invitantis! (как не наносящий ущерба приглашающему (лат.) - И. М.) - Blaz Ortiz, Itinerarium Adriani VI, ap. Baluz. Miscell. (ed. Mansi) I, 380.]

³⁹ Например, злоумышления (maleficio, означает и злодеяние в широком смысле, и колдовство - И. М.) против Леонелло Феррарского, см. Diario Ferrarese, y Murat. XXIV, col. 194 ad a. 1445. Когда преступнику, некоему Бенато, который был на дурном счету и в прочих отношениях, читали на площади приговор, в воздухе раздался шум и произошло землетрясение, так что все поголовно разбежались или попадали на землю. - В том, что рассказывает Гвиччардини (L. I) о злом волшебстве Лодовико Моро против его племянника Джангалеаццо, мы здесь разбираться не будем.

⁴⁰ Можно было бы назвать прежде всего Эццелино да Романо, когда бы он не жил в явном плену честолюбивых целей и под сильным влиянием астрологического помрачения.

⁴¹ Giornali napoletani, y Murat. XXI, col. 1092, ad a. 1425.

⁴² Pii II Comment. L. VII, p. 338.

⁴³ Jovian. Pontan. de immanitate, где речь идет также о том, что Сиджизмондо зачал ребенка, вступил в связь с собственной дочерью.

⁴⁴ Varchi, Storie fiorentine, в конце. (В том лишь случае, если издание без купюр, как, например, миланское).

⁴⁵ На этот счет, разумеется, приходится сталкиваться с совершенно различными настроениями - в зависимости от места и человека. В эпохе Возрождения имелись города и периоды, преобладающим в которых было всеохватывающее, свежее переживание счастья. Всеобщая омраченность в настроении мыслящих людей начинает о себе заявлять лишь с решающей победой иноземного владычества.

⁴⁶ То, что мы называем духом Контрреформации, получило развитие в Испании еще задолго до самой Реформации, а именно посредством жесткого контроля, отчасти же - и обновленной организации всей церкви при Фердинанде и Изабелле. Основной источник по этому поводу - Гомес, Жизнь кардинала Хименеса, y Rob. Velus, Rer. hispan. scriptures.

⁴⁷ Следует обратить внимание на то, что авторы новелл и прочие насмешники почти не упоминают епископов, в то время как их, пускай даже с измененными названиями местности, вполне возможно было помещать в произведения, как и всех остальных. Это имеет место, например, у Банделло II, нов. 45; правда, он изображает также и добродетельного епископа. Джовиано Понтано заставляет в «Хароне» «по-утиному» переваливаться тень дородного епископа.

⁴⁸ Foscolo, Discorso sul testo del Decamerone: Ma de' preti in dignita niuno poteva far motto senza pericolo; onde ogni frate fu l'irco delle iniquita d'Israele etc. (Но относительно облеченных саном духовных лиц никто не мог сказать ни слова, не подвергаясь опасности; поэтому всякий брат стал козлом отпущения вин израильских и пр. (ит.) - И. М.).

⁴⁹ Банделло, например, дает такое вступление к II, нов. 1: Никому порок корыстолюбия не подобает так мало, как духовным лицам, которым не приходится заботиться о семье и пр. Таким рассуждением оправдывается постыдное нападение на дом священника, при котором один молодой господин поручает двум солдатам или же бандитам укрывать валуха у скупого и разбитого подагрой священника. Одна-единственная история такого рода обрисовывает условия, в которых жили и действовали тогда люди, с большей, чем все трактаты точностью.

⁵⁰ Джованни Виллани III, 29 очень ясно это говорит столетием спустя.

⁵¹ L'Ordine. Очевидно, имеется в виду его табличка с девизом I H S.

⁵² К этому он прибавляет: и в seggi, т. е. в объединениях, на которые была разделена итальянская знать. - Соперничество этих двух орденов часто осмеивалось, например, Bandello III nov. 14.

⁵³ В отношении последующего ср. Jovian. Pontan. de sermone, L. II и Bandello, parte I, nbv. 32,

⁵⁴ Поэтому в его окружении вообще возможно было открыто выступать против подобной практики. Ср. также Jovian. Pontan. Antonius и Charon.

⁵⁵ Для примера укажем VIII песнь «Макаронеиды».

⁵⁶ История, приводимая Vasari V, p. 120, vita di Sandro Botticelli показывает, что иной раз возможно было прямо-таки издеваться над инквизицией. Во всяком случае упоминаемый здесь викарий мог быть как викарием епископа, так и доминиканского инквизитора.

⁵⁷ Bursellis, Ann. Bonon., y Murat. XXIII, col. 886, ср. 896.

⁵⁸ Ср. с. 228 ел.. Он был аббатом валломброзианцев. Место, которое дается здесь в свободном переводе, находится в Opere, vol. II, p. 208, в 10-й его новелле. - Заманчивое описание полной преуспешности жизни картезианцев - в цитированном на с. 227 Commentario d'Italia, fol. 32, s.

⁵⁹ Пий II был убежденным сторонником упразднения celibata; излюбленным его афоризмом был следующий: Sacerdotibus magna ratione sublata nuptias maiori restituendas videri (Как представляется, если основательны были причины, по которым священнослужителям был запрещен брак, то еще более основательны те, по которым его следует восстановить (лат.) - И. М.). Platina, Vitae Pontiff, p. 311.

⁶⁰ Ricordi, N. 28, в Opere inedite, vol. I.

⁶¹ Ricordi, N. 1. 123. 125

⁶² Разумеется, в высшей степени нестойким.

⁶³ Ср. его поэму Orlandino, опубликованную под псевдонимом Ли-

мерно Питокко, cap. VI, str. 40, s. сэр. VII, str. 58, cap. VIII, str. 3, s., особенно 75.

⁶⁴ Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, col. 362.

⁶⁵ Он имел при себе одного немецкого и одного славянского переводчика. Как-то раз св. Бернард также прибежал на Рейне к такому же средству.

⁶⁶ Капистрано, например, удовлетворялся тем, чтобы сотворять крестное знамение над тысячами принесенных к нему больных людей и благословлять их во имя Троицы и своего покровителя св. Бернардино, после чего здесь и там действительно происходили исцеления, как оно обыкновенно и бывает в таких случаях. Хронист из Брешии рисует это так: «Он творил великолепные чудеса, однако люди рассказывали много больше того, что было на самом деле».

⁶⁷ Так, например, Poggio, de avaritia, в Opera, fol. 2. Он находит, что они не перетруждаются, поскольку в каждом городе проделывают одно и то же, и что от них народ расходится поглупевшим в сравнении с тем, каким пришел и пр.

⁶⁸ Franco Saccetti, nov. 72. Горе-проповедники - частая тема у всех авторов новелл.

⁶⁹ Ср. известный фарс в «Декамероне» VI, нов. 10.

⁷⁰ В случае чего дело опять-таки принимало совершенно своеобразный оборот. Ср. Malipiero, Ann. venet, Arch. stor. VII, I, p. 18. - Chron. venetum, у Murat. XXIV, col. 114. - Storia bresciana, у Murat. XXI, col. 898.

⁷¹ Storia bresciana, у Murat. XXI, col. 865.

⁷² Allegretto, Diari sanesi, у Murat. XXIII, col. 819.

⁷³ Infessura (у Eccard, Scriptorum, II, col. 1874) говорит: canti, brevi, sorti (песни, грамоты, жребии (ит.) - И. М.). Первое вполне может относиться к песенникам, по крайней мере Савонарола действительно сжигал вещи этого рода. Однако Graziani (Chron. di Perugia, Arch. stor. XVI, I, p. 314) говорит в аналогичном случае breve incanti, что вне всякого сомнения необходимо читать как brevi e incanti, и возможно, что аналогичная поправка оправдана также и в случае Infessura, у которого sorti и без того уже означают какой-то предмет суеверия, например гадальные карты. - Во времена книгопечатания, например, были собраны для сожжения все экземпляры Марциала. Bandello III nov. 10.

⁷⁴ См. замечательную его биографию у Vespas. Fior., p. 244, s. - и имеющуюся у Aen. Sylvius, de viris illustr., p. 24.

⁷⁵ Allegretto, I. c, col. 823: один проповедник подзуживает народ против судей (если только вместо giudici не следует скорее читать giudei (евреи (ит.) - И. М.)), вскоре после чего их сжигают прямо у них в домах.

⁷⁶ Infessura, I. c. Кажется, в отношении дня смерти ведьмы здесь имеется описка. - О том, как тот же самый святой распорядился вырвать под Арrezzo пользующуюся дурной репутацией рошу, рассказывает Vasari III, 148, v. di Parri Spinelli. Зачастую первое покаянное рвение могло почти полностью исчерпываться, обрушиваясь на местные заведения, символы и орудия.

⁷⁷ Pareva che l'aria si fendesse (казалось, сам воздух разорвется (ит.) - И. М.), - говорится в одном месте. (У Л. Гейгера это место указано: Storia bresciana, у Murat. XXI, col. 867 - И. М.)

⁷⁸ Jac. Volaterran. у Murat. XXIII, col. 167. Здесь явно не говорится, что

он ввязался в эту вражду, однако мы можем в этом не сомневаться. - Также стоило как-то однажды (в 1445 г.) Джакомо делла Марка покинуть Перуджу после ошеломляющего успеха, как в семействе Раньери разразилась чудовищная кровная месть. Ср. Graziani, I. c. рад. 565, s. - В связи с этим следует указать на то, что город этот чрезвычайно часто посещался такими проповедниками, ср. рад. 597, 626, 631, 637, 647.

⁷⁹ После одной своей проповеди Капистрано одел в рясы сразу пятьдесят солдат: Storia bresciana, I. c. - Graziani, I. c. рад. 565, s. - Эней Сильвий (de viris illustr., p. 25) был как-то в молодости после проповеди св. Бернардино близок к тому, чтобы вступить в тот же орден.

⁸⁰ То, что не было недостатка в трениях между знаменитыми проповедниками-обсервантами (см. прим. 506* и с. 314 - И. М.) и завистливыми доминиканцами, показывает борьба вокруг стекшей с креста на землю крови Христа (в 1463 г.). О фре Джакомо делла Марка, который ни за что не желал уступить доминиканскому инквизитору, Пий II с совершенно прелестной иронией отзывается в своем подробном отчете (Comment. L. XI, p. 511) так: Pauperiem pati et famem et sitim et corporis cruciatum et mortem pro Christi nomine nonnulli possunt; iacturam nominis vel minimam ferre recusant, tanquam sua deficiente fama Dei quoque gloria pereat (Немало есть людей, способных вынести бедность, голод и жажду, а также телесные муки и самую смерть ради имени Христа; однако они отказываются претерпеть хотя бы малейший ущерб для своего имени, как будто в случае умаления их славы погибнет также и Божья слава (лат.) - И. М.).

⁸¹ Уже тогда слава, которой они пользовались, колебалась между крайностями. Их необходимо отличать от монахов-эремитов. т. И вообще границы в этом отношении не были проведены так уж определенно. Бродившие повсюду в качестве чудодеев сполетанцы постоянно ссылались на св. Антония, а демонстрируя своих змей, поминали ап. Павла (видимо, имеется в виду эпизод Деян. 28, 3 — И. М.). Уже начиная с XIII в. они морочили крестьянам голову, вымогая у них деньги, своей полурелигиозной магией, а лошади их были дрессированы так, что становились на колени при упоминании имени св. Антония (в воспоминание о чуде св. Антония Падуанского: голодная лошадь отказалась от корма и преклонила колени, когда святой проходил мимо нее, неся причастие - И. М.). Утверждали же они, что собирают на больницы. Massuccio, nov. 18. Bandello III, nov. 17. Firenzuola в своем «Asino d'oro» отводит им место нищенствующих жрецов у Апулея.

⁸² Prato, Arch. stor. III, p. 357. Burigozzo, ibid., p. 431.

⁸³ Allegretto, у Murat. XXIII, col. 855, s.

⁸⁴ Matteo Villani VIII, I, s. Сначала он проповедовал против тирании как таковой, однако когда правящий дом Беккариа приказал его убить, он одной проповедью изменил государственное устройство, сменил власти и принудил Беккариа к бегству.

⁸⁵ Иной раз в тяжелые времена, бывало, правящий дом также поручал монаху вдохновить народ на верность себе. Один пример этого из Феррары у Санудо (Murat. XXII, col. 1218.)

⁸⁶ Prato, Arch. stor. III, p. 251. - Более поздних фанатично антифранцузски настроенных проповедников упоминает Burigozzo, ibid., p. 443, 449, 485.

⁸⁷ Jac. Pitti, Storia fior. L. II, p. 112.

⁸⁸ Perrens: Jerome Savonarole, 2 voll., возможно, наилучшим образом упорядоченная и самая трезвая из всех специальных работ. - P.-Villari, La storia di Girol. Savonarola (2 voll. 8. Firenze, Lemonnier).

⁸⁹ Должно быть, Савонарола был единственным, кто мог бы вернуть свободу подчиненным городам и в то же время каким-то образом сохранить единство тосканского государства. Однако мысль об этом не приходила ему в голову.

⁹⁰ Примечательный контраст с гражданами Сиены, которые в 1483 г. торжественно посвятили свой раздираемый надвое город Мадонне. Allegretto, у Murat. XXIII, col. 815.

⁹¹ Об impii astrologi он говорит: pop è da disputar (con loro) altrimenti che col fuoco (нет нужды спорить с ними как-то иначе, нежели с огнем (ит.)-И. М.):

⁹² См. место из 14-й проповеди на Иезекииля, у Perrens, l. c, vol. I, рад. 30, nota.

⁹³ ПОД заглавием: «De rusticorum religione» (О крестьянской вере (лат.)-И. М.):

⁹⁴ Francho Sacchetti, nov. 109, где имеется и еще кое-что в том же роде.

⁹⁵ Bap. Mantuan. de sacris diebus, L. II восклицает:

*Ista superstitio, ducens a Manibus ortum
Tartareis, sancta de religione facessat
Christigenum/ vivis epulas date, sacra sepultis.*

(Пусть суеверие это, от адских пришедшее манов,

Прочь из священной религии гонит народ христианский!

Яства угодны живым, погребенным же таинства - благо.)

(лат.)-И. М.):

Когда карательная армия Иоанна XXII за сотню лет до этого вторглась в Марку во время похода против гибеллинов, это произошло при совершенно недвусмысленных обвинениях в ересия и idolatria (ереси и идолопоклонстве (ит.) - И. М.). Сдавшийся добровольно город Реканати был тем не менее сожжен, «потому что там поклонялись идолам». Giov. Villani, IX, 139. 141. - При Пии II явился закоренелый солнцепоклонник, уроженец Урбино. Aen. Sylvii opera p. 289. Hist. rer. ubique gestar. c. 12. - Самое поразительное произошло на римском форуме при Льве X: по случаю мора на форуме был на языческий манер торжественно принесен в жертву бык; Paul. Jovius, Hist. XXI, 8.

⁹⁶ Так у Сабеллико, de situ venetae urbis. Правда, он, подобно большинству филологов, называет имена церковных святых, не прибавляя к ним sanctus или divus, однако перечисляет целый ряд реликвий, причем делает это весьма любовно, а в случае многих из них еще и прибавляет с гордостью, что самолично их целовал.

⁹⁷ De laudibus Patavii, у Murat. XXIV, col. 1149 по 1151.

⁹⁸ Prato, Arch. stor. III, p. 408. - Вообще-то к просветителям он не принадлежит, однако против такой причинной связи он тем не менее протестует.

⁹⁹ Pi II Comment. L VIII, p. 352, s. Verebatur Pontifex, ne in honore tanti apostoli diminute agere videretur etc. (Папа опасался, как бы не воз-

никло впечатления, что в случае, когда дело шло о чести такого апостола, он действовал не в полную силу и пр. (лат.) - И. М.):

¹⁰⁰ Jac. Volaterran. у Murat. XXIII, col. 187. Людовик еще смог помолиться на подарок, однако тем не менее умер. - Катакомбы впали в это время в забвение, однако тот же Савонарола говорит о Риме, l. c. col. 1150: velut ager Aceldama Sanctorum habita est (словно Акелдамское поле, населен святыми (лат.); Акелдама - поле в Сирии, упоминаемое в Деян. 1, 19; см. также соотв. статью в «Библейской энциклопедии» М., 1891 (репринт 1990 г.) - И. М.):

¹⁰¹ Bursellis, Ann. Bonon., у Murat. XXIII, col. 905. То был один из патрициев., Бартрломео делла Вольта, ум. 1485.

¹⁰² Vasari III; 111, s. и прим. Vita di Ghiberti.

¹⁰³ Matteo Villani III, 15 и 16.

¹⁰⁴ Нужно при этом, кроме того, различать процветающий в Италии культ все еще хорошо исторически известных святых, относящихся к последним векам, и имеющее преимущественное распространение на Севере разыскание тел, кусков одежды и пр., относящихся к священной древности. Большое количество латеранских реликвий, имевших как раз большое значение для паломников, относилось к последней категории. Однако саркофаги св. Доминика, св. Антония Падуанского, а также таинственная могила св. Франциска озарены помимо святости еще и сиянием их исторической славы.

[¹⁰⁵ Было бы небезынтересно определить с точностью, насколько многое в религиозных решениях пап и теологов этого времени восходило к чисто итальянским импульсам. Сюда относится, например, переход Сикста IV на позиции сторонников непорочного зачатия (Extravag. commun. L. III, Tit. XII). Напротив того, в нарастающем почитании Иосифа и родителей Марии следует признать наличие северного влияния: в северной Франции оно имело распространение уже в начале XV в. и было официально дозволено в 1414 г. легатом Иоанна XXIII (Baluz. Miscell. III, p. 111). Лишь половиной столетия спустя Сикст IV учредил для всей церкви праздник Введения Марии во храм, праздники св. Анны и св. Иосифа (Trithem. Ann. Hirsaug. II, p. 518).] (Пазумеется, речь здесь идет о непорочном зачатии Богородицы, догмат о котором был принят католической церковью в 1854 г. - И. М.)

¹⁰⁶ Примечательное высказывание из его позднего сочинения de sacris diebus (L. I), конечно же, относится как к светскому, так и духовному искусству. У иудеев, говорит он, все изображения были прокляты совершенно справедливо, потому что в противном случае они впали бы вновь в господствовавшее вокруг почитание идолов или дьявола:

*Nunc autem, postquam penitus natura Satanum
Cognita, et antiqua sine maiestate relicta est,
Nulla ferunt nobis statuae discrimina, nullos
Fert picture dolos; iam sunt innoxia signa;
Sunt modo virtutum testes monimentaue laudum
Marmora, et aeternae decora immortalia famae...*

(Теперь же, когда Сатаны природа всецело изведена,

И в том, что в древности было, не видят больше величия,

*Нам всем никакого более нет дела до статуи,
Не страшен картин обман: все это - знаки безвредные!
Ведь мраморы эти - всего лишь свидетели славы и подвига
И вечной доблестной чести бессмертные украшения...*

(лат.) - И. М.).

¹⁰⁷ Так, Баттиста Мантовано (de sacris diebus, L V) сетует на каких-то nebulones (негодяев (лат.) - И. М.), которые не верят в подлинность святой крови в Мантуе. Критика, оспаривавшая уже сам дар Константина (см. прим. 138* — И. М.), также наверняка не пошла реликвиям на пользу, пускай хотя бы косвенно.

[¹⁰⁸ В особенностях «Рай» XXXIII 1, знаменитая молитва св. Бернарда: Vergine madre, figlia del tuo figlio (Дева-мать, дочь своего сына (ит.) - И. М.).]

¹⁰⁹ Быть может, еще Пия II, чья элегия на св. Деву напечатана в орега, р. 964, и который полагал, что с юности находится под особым покровительством Марии. Jac. Card. Papiens., de morte Pii, p. 656.

¹¹⁰ Т.е. относящиеся ко времени, когда Сикст IV ратовал в пользу догмата о непорочном зачатии. Extravag. commun. L. III, Tit. XII. Он также учредил праздник Введения Марии во храм, праздники св. Анны и св. Иосифа (Trithem. Ann. Hirsau. II, p. 518). (В издании, по которому делался перевод, это примечание взято в кавычки - видимо, с тем, чтобы привлечь внимание читателя на то, что оно почти буквально повторено в пометках Я. Буркхардта на его экземпляре - см. выше прим. 105 - И. М.)

¹¹¹ Чрезвычайно поучительны в этой связи немногие холодные по тону сонеты Витторио к Мадонне. (N. 85 и слл.)

¹¹² Vart. Mantuan. de sacris diebus, L. V, и особенно речь Пико младшего, которая была предназначена для Латеранского собора, у Roscoe, Leone X, ed. Bossi, vol. VIII, p. 115.

¹¹³ Monach. Paduani chron. L. III, начало. Об этом покаянии говорится: *invasit primitus Perusinos, Romanos postmodum, deinde fere Italiae populos universos* (постигло сперва перуджийцев, потом - римлян, а дальше почти все народы Италии (лат.) - И. М.). - [Напротивого, Guil. Ventura (de gestis Astensium, col. 700) называет процессию бичующихся *admirabilis Lombardorum commotio* (удивительное движение ломбардцев (лат.) - И. М.): отшельники, мол, вышли из своих пещер и призвали города к покаянию.]

¹¹⁴ Gio. Villani VM, 122. XI, 23.

¹¹⁵ Corio, fol. 281; [Sismondi VII, 397, s.]

¹¹⁶ Более дальние паломничества совершались чрезвычайно редко. Те, что предпринимались государями из дома Эсте в Иерусалим, к св. Яго и во Вьенн перечислены в Diario Ferrarese у Murat. XXIV, col. 182. 187. 190. 279. Паломничества Ринальдо Альбици в Святую землю - у Macchiavelli, Stor. fior. L. V. Также и здесь иной раз определяющим моментом является жажда славы; о Леонардо Фрескобальди, который желал с одним спутником (ок. 1400 г.) отправиться в паломничество к Гробу Господню, хронист Gio. Cavalcanti (II, p. 478) говорит *Stimarono da etemarsi nella mente degli uomini futuri* (полагали навечно оставить по себе след в умах будущих людей (ит.) - И. М.).

¹¹⁷ Bursellis, Ann. Bonon., у Murat. XXIII, col. 890.

¹¹⁸ Allegretto, у Murat. XXIII, col. 855, s.

¹¹⁹ Burigozzo, Arch. stor. III, p. 486.

¹²⁰ Носилки эти называли еще *l'arca del testimonio* (Ковчег Завета (ит.)); люди отдавали себе отчет в том, что все это *conzado* (устроено) *con gran misterio* (в духе великих мистерий (ит.) - И. М.).

¹²¹ Diario Ferrarese у Murat. XXIV, col. 317. 322. 323. 326. 386. 401.

¹²² *Per buono rispetto a lui noto e perche sempre è buono a star bene con Iddio* (из глубокого уважения, каким он пользовался, а также потому, что хорошо во всякое время сохранять добрые отношения с Богом (ит.) - И. М.), говорит анналист.

¹²³ Вероятно, из Перуджи, упоминавшаяся на с. 25.

¹²⁴ Источник называет его *Messo de' cancellieri del Duca* (гоним герцогской канцелярии (ит.) - И. М.). По всей вероятности, дело это исходило от двора, а не от руководства Ордена или иных духовных властей.

¹²⁵ Ср. цитату из речи Пико о достоинстве человека, с. 236.

¹²⁶ Уж не говоря о том, что в общении с самими арабами возможно было иной раз столкнуться с подобными же терпимостью и безразличием.

¹²⁷ Так у Боккаччо. - Султаны без указания имен у Мазуччо, нов. 46, 48, 49.

¹²⁸ «Декамерон» I, нов. 3. Он впервые называет также и христианскую религию, в то время как «Сто старых новелл» оставляют здесь пропуск.

¹²⁹ Разумеется, устами демона Астаротте, Песнь XXV, стр. 231 и слл. Ср. стр. 141 и слл.

¹³⁰ Песнь XXVIII, стр. 38 и слл.

¹³¹ Песнь XVIII, стр. 112 и до конца.

¹³² Пульчи, хотя и вскользь, поднимает вновь аналогичную тему в образе государя Кьяристанте (Песнь XXI, стр. 101, s. 121, s. 145, s. 163, s.), который будучи неверующим, заставляет оказывать себе и своей супруге божественные почести. Были попытки усматривать в нем Сиджизмондо Малатеста (с. 28 ел., 146, 304).

¹³³ Gio. Villani III, 29. VI, 46. Название очень рано появляется также и на Севере, однако лишь в условном смысле: [уже в 1150 г. в связи с ужасной историей, произошедшей приблизительно 90 годами раньше (два клирика из Нанта). Определение, принадлежащее Guil. Malmesbur. L. III, § 237 (ed. Londin. 1840, p. 405): *Epicureorum ... qui opinantur animam corpore solutam in aere evanescere, in auras effluere* (эпикурейцы - те, кто полагают, что душа, отделенная от тела, испаряется в воздух и уносится ветром (лат.) - И. М.).]

¹³⁴ Ср. здесь известное доказательство в III песне Лукреция.

¹³⁵ «Ад» VII 67 - 96.

¹³⁶ «Чистилице» XVI 73. С этим следует сравнить теорию воздействия планет в «Пире». — Также и демон Астаротте у Пульчи (Morgante XXV, str. 150) свидетельствует о человеческой свободе воли и божественной справедливости.

¹³⁷ Vespas. Fior., p. 26, 320, 435, 626, 651. - Murat. XX, col. 532.

¹³⁸ В отношении Помпонаци см. специальные исследования, между прочим Ritter, Geschichte der Philosophic, Bd. IX.

¹³⁹ Paul. Jovii Elogia lit.

¹⁴⁰ Codri Urcei Opera, сначала его биография, принадлежащая Bart. Bianchini, далее в его филологических лекциях, р. 65, 151, 278 и пр.

¹⁴¹ Animum meum seu animam (дух мой или душу — лат.), различие, при помощи которого тогдашние филологи с большой охотой ввергали в недоумение theologов.

¹⁴² Platina, Vitae pontiff., p. 311: christianam fidem, si miraculis non esset approbata, honestate sua recipi debuisset.

¹⁴³ Особенно когда монахи выдумывали их заново прямо за пультом, однако и те, что были давно признаны, оставались не без нападков. Фиренцуола (opere, vol. II, p. 208, в 10 новелле) издается над францисканцами из Новары, которые хотят на выпрошенные деньги пристроить к церкви часовню, dove fosse dipirita quella bella istoria, quando S. Francesco predicava agli ucelli nel deserto; e quando ei fece la santa zuppa, e che l'agnolo Gabriello gli porto i zoccoli (где была нарисована эта прекрасная история, когда св. Франциск проповедовал птицам в пустыне; и когда он варил святой суп, и как архангел Гавриил принес ему башмаки (ит.) - И. М.)

¹⁴⁴ Некоторые сведения о нем у Bap. Mantuan. de patientia, L. III, cap. 13.

¹⁴⁵ Bursellis, Ann. Bonon., у Murat. XXIII, col. 915.

¹⁴⁶ Несколько красноречивых примеров того, насколько далеко заходили иной раз кощунственные речи, приведены у Gieseler, Kirchengeschichte II, IV, § 154 прим.

¹⁴⁷ Jov. Pontanus, de fortuna. Его способ теодицеи II, р. 286.

¹⁴⁸ Aen. Sylvii opera, p. 611.

¹⁴⁹ Poggius, de miseris humanae conditionis.

¹⁵⁰ Caracciolo, de varietate fortunae, у Murat. XXII. Одно из самых достойных чтения сочинений этого и без того уже весьма урожайного года. Ср. с. 221. - Фортуна на праздничных процессиях, с. 278 и 429 прим. 139.

¹⁵¹ Leonis X vita анонима, у Roscoe, ed. Bossi XII, p. 153.

¹⁵² Bursellis, Ann. Bonon., у Murat. XXIII, col. 909: monimentum hoc conditum a Joanne Bentivolo secundo Patriae rectore, cui virtus et fortuna cuncta quae optari possunt affatim praestiterunt. При этом не вполне ясно, была ли эта надпись прикреплена снаружи и открыта взглядам либо, как и та, о которой шла речь перед этим, скрыта на камне фундамента. В последнем случае с этим вполне могла быть связана еще другая идея: счастье должно было быть магическим образом привязано к зданию через тайную надпись, о которой знал, быть может, один только хронист.

¹⁵³ Quod nimium gentilitatis amatores essemus (что мы слишком любим античность (лат.) - И. М.).

¹⁵⁴ В то время как изобразительное искусство по крайней мере различало ангелов и купидончиков и для всех серьезных целей использовало первых. - В Annal. Estens. у Murat. XX, col. 468 очень наивно говорится об амурчике или купидончике: instar Cupidinis angelus (ангел наподобие Купидона (лат.) - И. М.).

¹⁵⁵ Delia Valle, Lettere sanesi, III, 18.

¹⁵⁶ Macrob. Saturnal. III, 9. Несомненно, он исполнил также и предписанные там жесты.

¹⁵⁷ Monachus Paduan. L. II, у Ursinus, scriptores I, p. 598, 599, 602, 607. - Также и последний Висконти (с. 31) имел при себе немалое число таких людей. Ср. Decembrio у Murat. XX, col. 1017.

¹⁵⁸ Так во Флоренции, где упомянутый Бонатти занимал место некоторое время. Ср. также Matteo Villani XI, 3, где прямо упоминается городской астролог.

¹⁵⁹ Libri, Hist. d. sciences math. II, 52. 193. В Болонье эта профессорская должность появилась, вероятно, в 1125 г. - Ср. указатель профессоров в Павии у Corio, fol. 290. - Профессорские должности в Sapienza при Льеви X, ср. Roscoe, Leone X, ed. Bossi, vol. V, p. 283.

¹⁶⁰ Уже около 1260 года папа Александр IV принуждает кардинала и робующего астролога Бьянко выступить с политическими пророчествами. Giov. Villani V, 81.

¹⁶¹ De dictis etc. Alphonsi, opera p. 493. Он находит, что это pulchrius quam utile (своее красиво, чем полезно (лат.) - И. М.). Platina, Vitae Pont., p. 310. - В отношении Сикста IV ср. Jac. Volaterran. у Murat. XXIII, col. 173. 186.

¹⁶² Pier. Valeriano, de infelic. literat. по поводу Франч. Приули, который писал о гороскопе Льва и при этом разгласил многие тайны этого папы.

¹⁶³ Ranke, Papste, I, p. 247.

¹⁶⁴ Vespas. Fior., p. 660, ср. 341. - Там же, р. 121, упоминается другой Паголо - в качестве придворного математика и астролога у Федерико да Монтефельтро, причем, что весьма примечательно, немец.

¹⁶⁵ Firmicus Maternus, Matheseos Libri VIM, в конце II книги.

¹⁶⁶ У Bandello III nov. 60 астролог, состоявший при Алессандро Бендивольо в Милане, в присутствии всего общества сознается, насколько он бедствует.

¹⁶⁷ Такой приступ решимости приключился с Лодовико Моро, когда он распорядился изготовить крест с такой надписью, находящийся теперь в соборе города Кур (нем. Chur, фр. Coire, Швейцария, столица кантона Граубюнден - И. М.). Также и Сикст IV как-то сказал, что желал бы испытать, верно ли это изречение.

¹⁶⁸ Отец Пьеро Каппони, сам астролог, пустил сына по торговой части, чтобы он не получил угрожавшего ему опасного ранения головы. Vita di P. Carroni, Arch. stor. IV, II, 15. Пример из жизни Кардано - с. 223. - Врач и астролог Пьерлеони из Сполето верил, что когда-нибудь утонет, избегал поэтому всех водоемов и отказался от блестящих должностей в Падуе и Венеции.

¹⁶⁹ Примеры из жизни Лодовико Моро: Senarega, у Murat. XXIV, col. 518. 524. Benedictus, у Eccard II, col. 1623. Между тем его отец, великий Франческо Сфорца, презирал астрологов, а его дед Джакомо по крайней мере не руководствовался их указаниями.

¹⁷⁰ Он часто издается, однако лично мне никогда не попадал в руки. - То, что сообщается здесь - из Annal. foroliviens. у Murat. XXII, col. 233, s. - Леон Баттиста Альберти пытается одухотворить церемонию закладки фундамента. Opere volgari, Tom. IV, p. 314 (или de re aedific. L. I).

¹⁷¹ В гороскопах на второе основание Флоренции (Giov. Villani III, 1, при Карле Великом) и первое - Венеции (выше, с. 47), возможно, имеет место соединение какого-то древнего предания с поэзией позднего средневековья.

¹⁷² Annal. foroliviens. I. с. - Filippo Villani, Vite. - Macchiavelli, Stor. fior. L. I. - Когда приближались сулившие победу сочетания звезд, Бонатти поднимался с астрологией и книгой на башню Сан-Меркуриале над Пьяцца и распоряжался, как только момент наступал, звонить в

большой колокол для выступления ополчения. Признается однако, что иной раз он очень сильно просчитывался, а судьбу Монтефельтро и собственную свою смерть вообще не предвидел. Недалеко от Чезены его убили разбойники, когда он пожелал вернуться к себе в Форли из Париж и итальянских университетов, где преподавал.

¹⁷³ Matteo Villani XI, 3.

¹⁷⁴ Jovian. Pontan. de fortitudine, L. I. - Достойные исключения из этого - первые Сфорца, выше прим. 169.

¹⁷⁵ Paul. Jov. Elog., sub. v. Livianus.

¹⁷⁶ Который сам же об этом и рассказывает. Benedictus, у Eccard II, col. 1617.

¹⁷⁷ Так скорее всего следует понимать высказывание Jac. Nardi, Vita d'Ant. Giacomini p. 63. - Нередко они также встречаются на одежде и утвари. При встрече Лукреции Борджа в Ферраре упряжные животные герцогини Урбинской были покрыты попонами черного бархата с золотыми астрологическими знаками. Arch. stor. append. II, p. 305.

¹⁷⁸ Azario, у Corio, fol. 258.

¹⁷⁹ Нечто в этом роде возможно подозревать также и в случае одного турецкого астролога, который после битвы при Никополе посоветовал султану Баязету I согласиться на выкуп Иоанна Бургундского: «Изаза него прольется еще немало христианской крови». Было нетрудно предугадать дальнейший ход внутрифранцузской войны. Magn. chron. belgicum, p. 358. Juvenal des Ursins ad a. 1396. См. прим. 438*.

¹⁸⁰ Benedictus, у Eccard II, col. 1579. Среди прочего о короле Ферранте говорилось: он оставит свою власть sine cruore, sed sola fama (без крови, а с одной только славой (лат.) - И. М.), как оно и произошло.

¹⁸¹ Bap. Mantuan. de patientia, L. III, cap. 12.

¹⁸² Giov. Villani, X, 39. 40. Это было вызвано еще и другими причинами, среди прочего завистью товарищей по профессии. - Уже Бонатти учил чему-то подобному и, например, представлял чудо божественной любви в св. Франциске как действие планеты Марс. Ср. Jo. Picus adv. Astrol. II, 5.

¹⁸⁴ Это - те, что выполнены Миретто в начале XV в.; согласно Скардеонию, они были предназначены ad indicandum nascentium naturas per gradus et numeros (для указания природы новорожденных при помощи градусов и чисел (лат.)), затея в высшей степени популярная, как нам нетрудно теперь себе представить. То была астрология a la portee de tout le monde (для всеобщего употребления (фр.) - И. М.).

¹⁸⁵ Он говорит (Orationes, fol. 35, in nuptias) о гадании по звездам: haec efficit ut homines parum a Diis distare videantur! (благодаря этому люди, как представляется, мало отличаются от богов (лат.) - И. М.) - Другой энтузиаст, принадлежащий этому же времени - Jo. Garzonius, de dignitate urbis Bononiae, у Murat. XXI, col. 1163.

¹⁸⁶ Petrarca, epp. seniles III, 1 (p. 765) и в др. местах. Указанное письмо адресовано Боккаччо, который, должно быть, думал так же.

187 у франко Саккетти в нов. 151 высмеивается их мудрость.

¹⁸⁸ Giov. Villani III, 1. X, 39.

¹⁸⁹ Giov. Villani XI, 2. XII, 4.

¹⁹⁰ Также и составитель Annales Placentini (у Murat. XX, col. 931), упомянутый на с. 404 прим. 137, Альберто ди Рипальта, присоединяется к

этой полемике. Однако место это замечательно и в другом отношении, поскольку в нем содержатся тогдашние мнения в отношении девяти известных тогда и названных здесь по именам комет. - Ср. Giov. Villani XI, 67.

¹⁹¹ Paul. Jov. Vita Leonis X, L. MI, где кроме того у самого Льва обнаруживается вера по крайней мере в предсказания и пр. (В изданиях Л. Гейгера отрицается и увлечение Марсилио Фичино астрологией и история с гороскопами для детей: все это приписывается вымыслу - то ли самого Джовио, то ли тех, с чьих слов он писал. Сказано, правда, что другие академики астрологией увлекались - И.М.)

¹⁹² Jo. Pici Mirand. adversus astrologos libri XII.

¹⁹³ Согласно Paul. Jov. Elog. lit., sub tit. Jo. Picus, его воздействие было таким, ut subtilium disciplinarum professores a scribendo deterruisse videatur (что, как казалось, он отпугнул от писания профессоров в более тонких научных дисциплинах (лат.) - И. М.).

¹⁹⁴ De rebus coelestibus.

¹⁹⁵ В Санта Мария дель Пололо в Риме. - Ангелы напоминают теорию Данте в начале «Пира».

¹⁹⁶ Таков, пожалуй, случай Антонио Галатео, который в одном своем письме, адресованном Фердинанду Католику (Mai, spicileg. rom. vol. VIM, p. 226, от 1510 г.) энергично астрологию отрицает, а в другом - графу Потенца - все-таки (ibid., p. 539) заключает по звездам, что не далее как в этом году турки нападут на Родос.

¹⁹⁷ Ricordi, l. c. N. 57.

¹⁹⁸ Вороха такой бессмыслицы перечисляет у последнего Висконти Decembrio (у Murat. XX, col. 1016, s.).

¹⁹⁹ Varchi, Stor. fior. L. IV, (p. 174). Предчувствие и пророчество играли тогда во Флоренции почти такую же роль, как некогда в осажденном Иерусалиме. Ср. ibid. III, 143, 195. IV, 43, 177.

²⁰⁰ Matarazo, Arch. stor. XVI, II, p. 208.

²⁰¹ Prato, Arch. stor. III, p. 324, под 1514 годом.

²⁰² Как это делала Мадонна дель Арборе в Миланском соборе в 1515 г., ср. Prato, l. c, p. 327. Правда, тот же самый хронист сообщает, p. 357, что при выемке фундамента для строительства кладбищенской часовни в Триульци (у Сан Надзаро) нашли мертвого дракона толщиной с лошадь: голову принесли во дворец Триульци, а остальное бросили.

²⁰³ Et fuit mirabile quod illico pluvia cessavit (и чудо, что тут же дождь прекратился (лат.) - И. М.). Diarium parmense у Murat. XXII, col. 280. И вообще этот автор вполне разделяет ту сгустившуюся ненависть против ростовщиков, которой был переполнен народ. Ср. col. 371.

²⁰⁴ Coniurationis Pactianae commentarius, в приложениях к Roscoe, Leben des Lorenzo. - Полициано был вообще-то по крайней мере противником астрологии.

²⁰⁵ Pogii facetiae, fol. 174. - Aen. Sylvius: De Europa с 53. 54 (Opera, p. 451. 455) по крайней мере рассказывает о действительно происшедших необычайных природных явлениях, например, схватках между животными, явлениях в облаках и пр. и излагает их уже в основном в качестве курьезов, пусть даже тут же им делается упоминание и о соответствующей человеческой судьбе.

²⁰⁶ Pogii facetiae, fol. 174. Ср. Pausanias IX, 20.

²⁰⁷ Varchi, III, p. 196. Двое подозреваемых решились в 1529 г. на

бегство из государства, поскольку им открылась строка Virg. Aen. III 44. (Строка эта: «Горе! Беги от жестокой земли, от алчных прибрежий!» - И. М.) Ср. Рабле, Pantagruel III, 10.

²⁰⁸ Фантазии ученых, такие как splendor и spiritus (сияние и дух (лат.)) Кардано и Daemon familiaris (семейный демон (лат.) - И. М.) его отца мы здесь рассматривать не станем. Ср. Cardanus, de propria vita, cap. 4. 38. 47. Он сам был противником магии, cap. 39. Необычайные явления и привидения, с которыми он сталкивается, cap. 37. 41. - Насколько далеко заходил страх перед привидениями у последнего Висконти ср. Decembrio, у Murat. XX, col. 1016.

²⁰⁹ Molte fiata i morti guastano le creature. Bandello II, nov. 1.

²¹⁰ Bandello III, nov. 20. Разумеется, то был всего лишь любовник, желавший испугать мужа своей дамы, обитавшего во дворце. Он и его люди переоделись чертями; одному, умевшему подражать голосам всех животных, он даже приказал зайти снаружи.

²¹¹ Graziani, Arch. stor. XVI, I, p. 640, ad a. 1467. Управляющий со страху умер.

²¹² Balth. Castilionii carmina. Proseropeja Lud. Pici.

²¹³ Gio. Villani XI, 2. Это было сообщено ему аббатом монастыря Валломброза, а тому это открыл отшельник.

[²¹⁴ От того, на что были способны колдуньи во времена античного Рима, сохранились лишь жалкие остатки. Быть может, последнее превращение человека в осла - в XI в. при Льве IX у Guil. Malmesbur. II, §171 (vol. I, p. 282).]

²¹⁵ Возможно, такого рода был случай с замечательной одержимой, с которой около 1513 г. в Ферраре и других местах советовались ради прорицаний ломбардские правители; звали ее Рододжина (Rodogine). Подробнее у Рабле, Pantagruel IV, 58.

²¹⁶ Jovian. Pontan. Antonius.

²¹⁷ Graziani, Arch. stor. XVI, I, p. 565, ad a. 1445, в связи с одной ведьмой из Ночеры, которая представила только половину суммы и была сожжена. Закон относится к тем, кто facciono le fature ovvero venefitie ovvero encantatione d'immundi spiriti a nuocere (совершают злодеяния или отравления или призывания нечистых духов с целью причинения вреда (ит.) - И. М.).

²¹⁸ Lib. I, ep. 46. Opera, p. 531, s. На p. 532 вместо umbra следует читать Umbria, вместо lacum - locum.

²¹⁹ Позднее он называет его Medicus Ducis Saxoniae, homo turn dives turn potens (врач герцога Саксонии, человек как богатый, так и влиятельный (лат.) - И. М.).

²²⁰ В XIV в. недалеко от Анседонии в Тоскане была известна какая-то адская дыра. То была пещера, где на песке можно было видеть следы животных и людей, которые, даже если их затирали, на следующий день проступали вновь. Uberti, il Dittamondo, L III, cap. 9.

²²¹ Pii II Comment. L. I, p. 10.

²²² Benv. Cellini, L. I, cap. 65.

²²³ L'Italia liberate da' Goti, canto XXIV. Возможно спросить, верит еще сам Триссино в возможность того, что он изображает, или речь здесь идет об элементе свободной романтики. То же сомнение допустимо и в связи с вероятным его образцом, Луканом (VI песнь), где фес-

салийская ведьма, чтобы оказать любезность Сексту Помпею, заклинает труп.

²²⁴ Septimo Decretal. Lib. V. Tit. XII. Ее начало: summis desiderantes affectibus etc. В этой связи, полагаю, мне будет позволено высказать то замечание, что в данном случае, по глубоком размышлении, всякое даже помышление о наличии здесь каких-то изначальных фактических оснований, о неких остатках язычества и т. д. исчезает. Кто желает окончательно убедиться в том, что единственным основанием всего этого помрачения явилось воображение нищенствующих монахов, пускай проследит по воспоминаниям Жака дю Клерка т. н. «Процесс вальденсов» в Аррасе в 1459 г. Лишь в результате устранившихся на протяжении сотни лет слушаний и допросов воображение народа было доведено до такого состояния, когда вся эта гнусность, как нечто целое, стала чем-то само собой разумеющимся и, более того, продолжала якобы порождать сама себя. (В примечании к этому месту в издании Л. Гейгера говорится со ссылкой на литературу, что Иннокентий VIII не вводил процессов против ведьм. Удалось установить, что своей буллой от 1484 он снова переадресовал церковному суду процессы о ведьмах, которые Парижский парламент в 1398 постановил считать подсудным суду светскому. Мы далеко не уверены, что светский суд оказывался в этих делах сколько-нибудь гуманнее церковного, скорее наоборот. И вообще «ведьмоманией» страдала не одна католическая церковь, но вся эпоха: достаточно вспомнить, что жарче всего полыхали костры в Германии XVI — XVII вв., т. е. уже при установлении протестантизма на большей части ее территории. - И. М.)

²²⁵ Александра VI, Льва X, Адриана VI, в ук. месте.

²²⁶ Буквально названа «земля ведьм», например, в Orlandino, cap. I, str. 12.

²²⁷ Например, Bandello, III, nov. 29. 52. Prato, Arch. stor. III, p. 408. - Bursellis, Ann. Bonon. у Murat. XXIII, col. 897 рассказывает уже под 1468 г. о приговоре одному приору из Ордена сервитов, который держал публичный дом с духами: cives Bononienses coire faciebat cum Daemonibus in specie puellarum (устраивал так, что граждане Болоньи сходились с демонами под видом девиц (лат.) - И. М.). Он устраивал для демонов настоящие жертвоприношения. - Параллель этому - у Procor. Hist. arcana, c. 12, где настоящий публичный дом посещает демон, выкидывающий прочих гостей на улицу.

²²⁸ Отвратительные припасы ведьмовской кухни - ср. Macaroneide, Phant. XVI, XXI, где рассказывается весь процесс.

²²⁹ В «Ragionamento del Zoppio». Он говорит, что публичные женщины узнали эти премудрости прежде всего от каких-то евреек, владевших malie (колдовством (ит.) - И. М.).

²³⁰ Varchi, Stor. fior. L. It, p. 153.

²³¹ Это ограничение подчеркивалось тогда весьма отчетливо. Corn. Agrippa, de occulta philisophia, cap. 39.

²³² Septimo Decretal. l. c.

²³³ Zodiacus vitae, XII, 363 - 539. Ср. X, 393, s.

²³⁴ Ibid. IX, 291, s.

²³⁵ Ibid. X, 770, s.

²³⁶ Мифический прообраз волшебника у поэтов того времени - это,

как известно Маладжиджи (Malagigi). В связи с этим образом Пульчи (Morgante, canto XXIV, str. 106, s.) выходит даже за теоретические границы власти демонов и силы заклинания. Если бы только знать, насколько он в этом серьезен. (Ср. canto XXI).

²³⁷ Полидор Вергилий был, правда, итальянец по происхождению, однако его сочинение de prodigiis рассказывает в основном о суевериях в Англии, где он провел свою жизнь. Правда, говоря о предвидении демонов, он занятым образом применяет его к разграблению Рима в 1527 г.

²³⁸ Однако, как бы то ни было, убийство чрезвычайно редко (с. 309) является целью и, быть может, никогда - средством. Такое чудовище, как Жиль де Ретц (около 1440 г.), принесший в жертву демонам свыше 100 детей, не имеет в Италии, пожалуй, даже отдаленной аналогии.

²³⁹ Ср. важную статью Рота (Roth) «Uber den Zauberer Virgilius» в Pfeifers Germania, IV. - Появление Вергилия на месте старинного телеста может скорее всего объясняться тем, что сами частые посещения его могилы еще во времена римских императоров могли навести народ на такую мысль.

²⁴⁰ Uberti: Dittamondo, L. III, cap. 4.

²⁴¹ Нижеследующее см. у Gio. Villani I, 42. 60. II, 1. III, 1. V, 38. XI, 1. Сам он в такие безбожные вещи не верит. - Ср. Данте «Ад» XIII 146.

[²⁴² Согласно одному фрагменту у Baluz. Miscell. IV, 119, некогда в древние времена жители Павии вели войну против Равенны, et militem marmoreum, qui iuxta Ravennam se continue volebat ad solem, usurpaverunt et ad eorum civitatem victoriosissime transtulerunt (и захватили мраморного воина, который постоянно поворачивался в сторону солнца, и с величайшей славою перенесли в свой город (лат.) - И. М.). Возможно, аналогичная судьбоносная фигура.]

²⁴³ Местные поверья на эту тему содержатся в Annal. Foroliviens. у Murat. XXII, col. 207. 238; с прибавлениями история рассказана у Fil. Villani, Vite, p. 43.

²⁴⁴ Platina, Vitae Pontiff., p. 320: veteres potius in hac re quam Petrum, Anacletum et Linum imitatus (подражая в этом деле скорее древним, чем Петру, Анаклету и Лину (лат.); Анаклет традиционно считается третьим папой (ок. 79 - 89 гг.), Лин - вторым (ок. 67 - 79 гг.) - И. М.).

²⁴⁵ Что вполне возможно подозревать у Sugerius, de consecratione ecclesiae (Duchesne, scriptores IV, p. 355) и Chron. Petershusanum I, 13 и 16.

²⁴⁶ Ср. также «Каландрию» Библиены.

²⁴⁷ Bandello III, nov. 52.

²⁴⁸ Там же III, nov. 29. Заклинатель заставляет торжественно клясться в том, что все будет сохранено в тайне, в данном случае, например, на главном алтаре церкви Сан-Петронио в Болонье - в то время, когда в церкви больше нет ни души. - С довольно большим числом упоминаний о колдовстве сталкиваемся мы в Macaroneide, Phant. XVIII.

²⁴⁹ Benv. Cellini I, cap. 64.

²⁵⁰ Vasari VIII, 143, Vita di Andrea da Fiesole. Это был Сильвио Козини, который и в прочих отношениях предавался «волшебным заклинаниям и тому подобным глупостям».

²⁵¹ Uberti, il Dittamondo, III, cap. 1. В марке Анкона он посещает также Скариотто, якобы место рождения Иуды, и замечает при этом: «Здесь мне следует не обойти вниманием гору Пилата с ее озером, где все

лето стоят, друг друга сменяя, форменные дозоры; ибо тот, кто смыслит в магии, поднимается сюда, чтобы освятить свою книгу, после чего, как рассказывают местные жители, начинается сильная буря». Освящение книги, как уже было упомянуто на с. 356, является особой, отличной от заклинания в собственном смысле церемонией.

²⁵² De obsidione Tiphernatium 1474. (Rerum ital. scroptt. ex florent. co-dicibus, torn. II.)

²⁵³ Над этим имевшим большое распространение среди солдат суеверием (около 1520 г.) издается Лимерно Питокко в Orlandino, cap. V, str. 60.

²⁵⁴ Paul. Jov. Elog. lit. sub voce Codes.

²⁵⁵ Ясно, что устами Джовио здесь говорит страстный собиратель портретов.

²⁵⁶ Причем по звездам, поскольку Гаурик не знал физиогномики; что же до его собственной судьбы, то ему пришлось удовольствоваться прочтением Коikle, поскольку его отец пренебрег тем, чтобы составить его собственный гороскоп.

²⁵⁷ Paul. Jov. Elog. lit. s. v. Tibertus.

²⁵⁸ Самые необходимые сведения об этой побочной разновидности мантики содержатся у Corn. Agrippa, de occulta philosophia, cap. 52. 57.

²⁵⁹ Libri, Hist. d. sciences math. II, p. 122.

²⁶⁰ Novi nihil narro, mos est publicus. (Remed. utriusque fortunae, p. 93, одна из чрезвычайно живых и написанных ab irato (от лица разгневанного (лат.) - И. М.) частей этой книги.)

²⁶¹ Основное место на этот счет - Trithem. Ann. hirsaug. II, p. 286, s.

²⁶² Neque enim desunt (ибо т. е. такие люди) имеются (лат.) - И. М.), говорится у Paul. Jov. Elog. lit. s. v. Pompon. Gauricus. Ср. Ibid., s. v. Aurel. Augurellus. - Macaroneide, Phant. XII.

²⁶³ Ariosto, Sonetto 34 ... non creder sopra il tetto. Поэт говорит это со злостью об одном чиновнике, который принял неблагоприятное для него решение по одному имущественному делу.

²⁶⁴ Narrazione del caso del Boscoli, Arch. stor. I, p. 273, s. - Ходовым выражением было non aver fede (не иметь веры (ит.) - И. М.), ср. Vasari VII, p. 122, Vita di Piero di Cosirho.

²⁶⁵ Jovian. Pontan. Charon.

²⁶⁶ Faustini Terdocei triumphus stultitiae, L. II.

²⁶⁷ Так Борбоне Морозини около 1460 г., ср. Sansovino, Venezia, L. XIII, p. 243.

²⁶⁸ Vespas. Fior., p. 260.

²⁶⁹ Orationes Philelphi, fol. 8.

²⁷⁰ Sertimo Decretal. Lib. V. Tit. III, cap. 8.

²⁷¹ Ariosto, Orlando, canto VII, str. 61. - С обращением всего в шутку: Orlandino, cap. IV, str. 61.68 (ср. с. 217)-Каритео, член Неаполитанской академии Понтано, использует идею предсуществования души, чтобы восславить миссию Арагонской династии. Roscoe, Leone X, ed. Bossi II, p. 288.

²⁷² Orelli ad Cic. de republ. L. VI. - Ср. также Lucan. Pharsal. IX, начало.

²⁷³ Petrarca, epp. fam. IV, 3 (p. 629). IV, 6 (p. 632).

²⁷⁴ Fil. Villani, Vite, p. 15. В этом замечательном месте, где сходятся воедино воздаяние по делам и язычество, говорится буквально следу-

ющее: che agli uomini fortissimi, poiche hanno vinto le mostruose fatiche della terra, debitamente sieno date le stelle.

²⁷⁵ «Ад» IV 24 ел. - Ср. «Чистилище» VII 28. XXII 100.

²⁷⁶ Это языческое небо мы без сомнения встречаем и в надгробной надписи лепщика Никколо делл'Арка:

*Nunc re Praxiteles, Phidias, Polycletus adorant
Miranturque tuas, o Nicolae, manus.*

(Ныне Фидий дивится тебе, Поликлет и Пракситель:

Руки твои, Николай, в них возбудили восторг, (лат.) - И. М.)

(у Bursellis, Ann. Bonon., Murat. XXIII, col. 912.)

²⁷⁷ В позднем его сочинении «Акций».

²⁷⁸ Cardanus, de propria vita, cap. 13: non poenitere ullius rei quam voluntarie effecerim, etiam quae male cessissent (не раскаиваться ни в каком совершенном мною по собственной воле поступке, даже если он имел дурные последствия (лат.) - И. М.): в противном случае я был бы несчастнейшим человеком.

²⁷⁹ Discorsi, L. II, cap. 2.

²⁸⁰ Del governo della famiglia, p. 114.

²⁸¹ В качестве примера - короткая ода М. Антонио Фламинио из Корицианы (ср. с. 174):

*Dii quibus tarn Corycius venusta
Signa, tarn dives posuit sacellum,
Ulla si vestros animos piorum
Gratia tangit,
Vos iocos risusque senis faceti
Sospites servate diu; senectam
Vos date et semper viridem et Falerno
Usque madentem.
At simul longo satiatus aevo
Liquerit terras, dapibus Deorum
Laetus intersit, potiore mutans
Nectare Bacchum,*

(Боги, вас Кориций роскошным храмом,
Статуй блеском дарит ярчайшим, вы же,
Если души ваши способны тронуть
Верных служенье,
Смеха, шуток больше подайте старцу,
Старость длите в здравии долгом, крепком,
Вин фалернских ток непрестанно чтобы
В ней отдавался.

Если ж бросит сытый годами старец
Нашу землю - пусть на бессмертных пире
Сядет весел, влагу ж вина земного
Сменит на нектар, (лат.) - И. М.)

²⁸² Firenzuola, opere, vol. IV, p. 147, s.

²⁸³ Nic. Valori, Vita di Lorenzo, passim. - Прекрасное наставление его сыну кардиналу Джованни - у Fabroni, Laurentius, adnot. 178, и в приложениях к Roscoe, Leben des Lorenzo.

²⁸⁴ Jo. Pici vita, auct. Jo. Franc. Pico. - Ero Deprecatio ad Deum, в Deliciae poetar. italar.

²⁸⁵ Это такие песни: Orazione («Magno Dio, per la cui costante legge etc.» у Roscoe, Leone X, ed. Bossi, vol. VIII, p. 120); - гимн («Oda il sacro inno tutta la natura etc.» у Fabrone, Laurentius, adnot. 9); - L'altercazione (Poesie di Lorenzo magn. I, p. 265; в последнем собрании напечатаны и прочие названные здесь стихотворения).

²⁸⁶ Если Пульчи вообще когда-либо говорит в своем Morgante о религиозных материях всерьез, то этого скорее всего возможно ожидать от песни XVI, стр. 6: эта деистическая речь прекрасной язычницы Антеи является, может быть, наиболее явственным выражением мировоззрения, имевшего место среди товарищей Лоренцо; цитировав себя выше (с. 334, 439 прим. 136) речи демона Астаротте являются в таком случае в некотором смысле их дополнением.

Комментарии

Перевод сделан по изданию: Jacob Burckhardt. Gesammelte Werke. Band III. (Die Kultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch.) Rutten & Loening, Berlin, s. a. Издательство предпослало тексту следующее уведомление: «Текст настоящего издания следует 2-му изданию 1869 г., как последнему вышедшему из-под пера автора. В соответствии с историко-критическим изданием Вернера Кеги, 1930, приняты некоторые значительные дополнения и изменения из личного экземпляра Буркхардта, сделанные им для итальянского издания 1876 г. Изменения эти отмечены знаком [ ]».

Главы MI переведены Н.Н. Балашовым (примечания к указанным главам переведены Н.Н. Балашовым и И.И. Маханьковым).

Главы III-VI переведены И.И. Маханьковым.

Примечания к главе I

¹ Гогенштауфены (Штауфены) — династия королев Германии и императоров Священной Римской империи. В 1079 г. герцог Швабии Фридрих I вступил в брак с дочерью императора Генриха IV Агнессой, что было первым шагом к основанию династии: в 1138 их сын был избран королем Германии под именем Конрада III. По его указанию, в обход сына, следующим королем был избран его племянник Фридрих I Барбаросса (1152, император с 1155). Фридрих Барбаросса предпринял 5 походов в Италию, вел длительную ожесточенную борьбу с ломбардскими городами, в 1162 взял и варварски разрушил до основания Милан, но в 1176 потерпел сокрушительное поражение при Леньяно. Крупной дипломатической победой Барбароссы был брак его сына и наследника Генриха VI с наследницей Сицилийского королевства Констанцей, что дало ему титул короля Сицилии и ее богатейшие ресурсы; их сын Фридрих II Штауфен был избран королем Сицилии 3-летним (см. прим. 2*). Его предшественником на троне Германии был младший сын Барбароссы Филипп Швабский, преемником Конрад IV (1250-1254). Судьба сыновей Фридриха II трагична: старший сын Генрих, восставший против отца, окончил свои дни в тюрьме, Манфред погиб в сражении, внук Конрадин был разбит в бою и казнен в Неаполе (1268).

² Фридрих II Гогенштауфен (Штауфен) (1194-1250) — король Германии (1212-1250), император Священной Римской империи (1220-1250), король Сицилии (с 1198) и Иерусалима (1229). Особое место в его правлении занимало королевство Сицилия; в качестве короля Германии продолжал борьбу с ломбардскими городами и папами (хотя Иннокентий III, его опекун, поддерживал его в борьбе за императорский трон), которые трижды отлучали его от церкви. Возглавил VI крестовый поход. Жестокий и коварный, но даровитый, покровительствовал искусству и наукам. Данте назвал его сицилийский двор колыбелью итальянской поэзии. Упомянутый в тексте 1231 г. примечателен принятыми Фридрихом II «Мельфийскими конституциями», направленными на централизацию государственного управления в Сицилии и подробно его регламентирующими.

³ Фатимиды -династия арабских халифов (909 - 1171), возводив-

ших свою родословную к дочери Магомета Фатиме. В момент своего наивысшего могущества правили Египтом, Марокко, Палестиной. Не вполне ясно, правда, почему Я. Буркхардт подозревает их в «тайном неверии» (возможно, на этом настаивало какое-то из современных ему исследований).

⁴ Анжу (Anjou), один из древнейших в Европе аристократических домов. Анжу - историческая область на северо-западе Франции, графство с 870. Родоначальником графов Анжу, или Ангевинов, был Фульк Красный. Графский род Анжу пресекался в 1060, после чего их имя и владения перешли через женскую линию к Плантагенетам, а через них - к английской короне (Генрих Плантагенет, граф Анжуйский, стал в 1154 королем Англии под именем Генриха II и положил таким образом начало династии Плантагенетов, правивших в Англии до 1399). В 1204 область Анжу возвратилась Франции и отдавалась королями в качестве лена главным образом сыновьям. Так возникли, один за другим, второй и третий Анжуйские дома (XIII - XIV вв.). С третьим домом связан период наибольшего возвышения династии. Анжуйские короли в разное время правили в Сицилии, Неаполе, Провансе, Венгрии и Польше. Графство (впоследствии - герцогство) Анжуйское было присоединено к Франции окончательно в 1482, многие французские принцы носили титул герцогов Анжуйских.

⁵ Эццелино IV да Романо (1194-1259), князь, род которого восходил к немецкому рыцарю, прибывшему в Италию в 1036 вместе с императором Конрадом II, пожаловавшим его замком Романо вблизи Падуи. Эццелино был прекрасным полководцем и организатором, он оказал значительные услуги Фридриху II в деле покорения областей Италии, а в отсутствие Фридриха оставался его полновластным наместником: тот выдал за него замуж свою побочную дочь Сельваджу (1238). Выступая на стороне гибеллинов, подчинил себе обширные территории в Италии: от Милана до Адриатики и от Альп до Феррары. Однако когда, уже после смерти Фридриха, он решился выступить против такого мощного противника, как Милан, удача от него отвернулась и в сражении при Кассано он попал в плен и покончил с собой.

⁶ Борджа, Чезаре (Borgia; 1476 - 1507), незаконный сын кардинала Родриго де Борджа (папы Александра VI), стал кардиналом в 17 лет, однако в 1498 сложил с себя сан и стал капитан-генералом церкви (вместо своего брата Джованни, герцога Кандийского, убитого, возможно, по приказу Чезаре). В 1498 король Франции Людовик XII (ср. прим. 31*) сделал Чезаре, приехавшего к нему в качестве папского легата с разрешением на развод, герцогом Валентинуа, а в 1501 - уже отец сделал его герцогом Романьи. Чезаре избавился от своих основных противников, заманив их обманом в ловушку (в Синигалью, в 1502) и перебив. Изгнал Малатеста из Римини (1500), покорил всю Романью и Урбино (1502). Смерть отца (1503) лишила его влияния: Чезаре не смог воспрепятствовать восшествию на престол Юлия II, одного из главных своих врагов. Юлий лишил его владений в Италии, Чезаре отправился в Неаполь, где был арестован и находился в 1504 - 1506 в заключении в Испании, откуда бежал к шурину, королю Наварры. Погиб в бою во время войны с Кастилией. Его имя стало нарицательным для обозначения беспринципности и коварства, а сам он, как считается, послужил реальным

историческим прообразом, вдохновившим Макиавелли на создание «Государя». О Цезаре Борджа много упоминаний в книге.

⁷⁷ Делла Скала - итальянский гибеллинский род, господствовавший в Вероне с 1260 по 1387; упоминается здесь еще до сер. XI в. Кан Гранде делла Скала (1291 - 1329), наиболее известный представитель рода. Вел победоносную войну с гвельфской республикой Падуа и значительно расширил свои владения. Император Генрих VII сделал его имперским викарием. В 1318 союз гибеллинов Ломбардии избрал Кан Гранде своим генерал-капитаном.

⁸¹ Висконти - гибеллинское семейство, правившее в Милане с перерывами в XIII - XV вв., а после пресечения мужской линии передавшее власть семье Сфорца (см. прим. 20*). Об их представителях будет много упоминаний в книге. См. также прим. 9* и 11*.

⁹¹ В дополнение к тому, что сказано в примечании самого Я. Бурхардта, добавим, что Маттео I Висконти (1255 - 1322) был в 1287 народным капитаном Милана, изгнан из Милана Гвидо делла Торре в 1302, и снова там утвердился в 1311. Принес Милану довольно значительные территориальные приобретения.

¹⁰¹ Каррара - итальянский аристократический род, правивший в Падуе с 1318 по 1406. Окончательно ниспровергнуты Венецией в 1435.

¹¹¹ Висконти, Джованни (1290 - 1354), архиепископ Милана с 1339, правил здесь с 1349. Завоевал Болонью (1350), затем Геную (1353). Водил дружбу с Петраркой. Ему наследовали три его племянника - Маттео II Висконти (ок. 1319 - 1355), Галеаццо II Висконти (ум. 1378) и Бернабо Висконти, отравленный племянником Джангалеаццо (1351 - 1402). Последний значительно расширил владения Милана (Виченца, Верона, Падуа, Пиза, Сиена, Болонья и др.). Покровительствовал искусствам, много строил (Миланский собор), реорганизовал управление. Выдал дочь за Людовика Орлеанского, брата Карла VI, и впоследствии отсюда возникли претензии Людовика XII на Миланское герцогство.

¹²¹ Венцеслав или Венцель (1361 - 1419), король Богемии (под именем Венцеслава IV, 1363 - 1419), император Священной Римской империи (1378 - 1400). Сын императора Священной Римской империи Карла IV. Сделав своей столицей Прагу, практически игнорировал германские дела. Известен пристрастием к горячительным напиткам. Сместен германской знатью. Не слишком удачно обстояли и дела Венцеслава в Богемии: его периодически держали в заточении. Вначале оказывал покровительство Яну Гусу, однако не спас его от сожжения на костре в 1415.

¹³¹ Валентиниан I (321 — 375), император Западной Римской империи, видный военачальник при императорах Юлиане и Иовиане, после смерти последнего избран армией на его место. Сделал своего брата Валента императором Восточной Римской империи. Восстановил власть Рима в провинциях; одержал победы над аламаннами. Способствовал образованию в Империи, оказанию медицинской помощи римским беднякам, создал должность защитника плебса. Будучи христианином, проявлял терпимость в религиозных вопросах.

¹⁴¹ «Подай нам мир», «подай нам покой» (лат.)

¹⁵¹ Фачино Кане, Бонифацио (1350-60 — 1412), итальянский кондотьер. Поступил на службу к первому миланскому герцогу Джангалеаццо

цо Висконти (см. прим. 11*), а после его смерти продолжал номинально служить его сыновьям, однако в большей степени стремился сделаться самостоятельным правителем.

¹⁶¹ Ди Риенцо, Кола (Cola di Rienzo; ок. 1313 - 1354), итальянский государственный деятель, прозванный «последним римлянином». Незнатного происхождения (сын кабатчика). В 1343 был отправлен в Авиньон послом к новоизбранному папе Клименту VI (познакомился здесь с Петраркой), чтобы передать ему предложения по реформе городского управления и просить вернуться в Рим. Папа назначил Кола секретарем «Camera capitolina», городского совета. Чтение античных авторов наводило Кола на мысль установить в Риме демократическое правление. Действительно, 21 мая 1347 он был мирно провозглашен народным трибуном и внес на рассмотрение народного собрания ряд постановлений и новую конституцию, которые были приняты. Однако постепенно правление Кола стало напоминать диктаторский режим. Он изгнал из Рима знать и, хотя и получал в августе изъяснения покорности от многих итальянских городов, вызвал неудовольствие как папы - диктаторскими замашками, так и народа - повышением налогов. Риенцо внушил себе мечты о восстановлении мирового могущества Рима - разумеется, под собственной властью. 15 декабря был принужден бежать. Два года пробыл у отшельников в районе Неаполя, а в 1350 снова появился на политической арене: прибыл в Прагу к императору Священной Римской империи просить о помощи, однако тот его арестовал и в 1352 выдал папе Иннокентию VI, который под влиянием Петрарки освободил его и послал в Рим в сопровождении кардинала Альборноса (см. прим. 133*). Вновь назначенный трибуном, Кола был избран сенатором и в августе 1354 снова пришел к власти в Риме. Однако уже через два месяца последовало восстание, отчасти спровоцированное диктаторскими замашками самого Риенцо, отчасти подготовленное римской знатью - прежде всего домами Колонна и Савелли, и Риенцо был казнен (или растерзан толпой).

¹⁷¹ Арагонская династия - правили Арагона, королевства и исторической области на северо-востоке Испании. Ядром Арагона явилось небольшое возникшее в IX в. в русле-реки того же названия графство. В X в. в результате заключения брачного союза графство оказалось присоединенным к королевству Наварра, досталось в наследство одному из сыновей короля правившей там династии и в XI в. стало независимым королевством, причем царствовали здесь короли из Наваррской династии. В 1137 г., также вследствие брака, Арагон соединился с Каталонией и каталонская династия правила здесь до пресечения в 1410. За это время были приобретены Балеарские острова, королевство Валенсия, Сардиния и Сицилия, одержаны важные победы над маврами и дан отпор притязавшей на Арагон Франции. После каталонской династии на трон Арагона взошли представители королевского семейства Кастилии, прославившиеся завоеванием Неаполя (1442) у Анжуйского дома. Вступление в 1469 в брак короля Арагона Фердинанда II и Изабеллы Кастильской проложило путь к объединению Испании. Об утверждении их в Неаполе см. подробнее прим. 26*.

¹⁸¹ Карл Смелый, или Карл Бургундский (1433 - 1477), герцог Бургундский (1467 - 1477). Сын Филиппа III Доброго. Его политика была

направлена на объединение под своим управлением Фландрии и Бургундии, в чем ему постоянно противодействовала Франция (Людовик XI), так что Карл находился с Францией в состоянии переменяющейся войны (входил в направленную против нее «Лигу общего блага»). Хотя на войне Карл был довольно удачлив и неумеренно отважен (его прозвище *Temeraire* правильнее было бы даже перевести как «Отчаянный»), так что присоединил к герцогству некоторые области и смог жестоко подавить желавший отделиться Льеж, под конец он был разбит швейцарцами (которых поддерживал Людовик XI) в двух сражениях и погиб во время общего бегства под Нанси.

¹⁹ Людовик XI (1423 - 1483), король Франции (с 1461), одна из ключевых фигур в деле объединения Франции, оставивший ее в границах, почти аналогичных современному. Ловкий дипломат, он был не всегда удачлив в военных предприятиях, предпочитая скорее покупать врагов, чем их покорять. Окружил себя советниками из низов. Много способствовал экономическому подъему во Франции, привлекал иностранных купцов, улучшал дороги, вводил книгопечатание. В то же время ограничил свободу, централизовал судебную систему и финансы.

²⁰ Сфорца, Франческо (1401 - 1466), незаконный сын Джакомо Муччо Аттендоло, прозванного Сфорца (по-итальянски «сила»; 1369 - 1424), кондотьера, состоявшего на службе у Флоренции, папы и Иоанна II Неаполитанского. В 1434 Франческо отобрал Анконскую марку у папы Евгения IV. В 1441 миланский герцог Филиппо Мария, последний Висконти, выдал за него замуж свою дочь Марию. После смерти Филиппо Мария Франческо добился признания его герцогом миланским. Будучи союзником Козимо Медичи и Людовика XI, Франческо овладел всей Ломбардией.

²¹ Карл IV (1316-1378), император Священной Римской империи (1346 - 1378). Первоначально звался Венцеславом. В отличие от предшественников, отошел от итальянских дел и занялся Богемией. Основал в Праге епископат (1344), устроил здесь университет (1348), превратив город в научный и культурный центр. В 1356 выступил с так называемой «Золотой буллой», в которой устанавливался порядок выбора императоров Священной Римской империи советом из семи членов (коллегией курфюрстов) - трех церковных и четырех светских. Совершил два похода в Италию, первый в 1354 - 1355, чтобы короноваться в Милане королем и в Риме - императором. Второй поход был совершен в интересах папы, враждовавшего с миланскими Висконти. Автор автобиографии «*Vita Caroli*».

²² Виллани - авторы хроники, представители одного флорентийского семейства. Джованни (1270 - 1348), купец и банкир. В 1303 -- 1308 ездил как купец по Европе, был во Франции и Фландрии. Много раз был приором Флоренции, занимал и другие высокие и почетные должности. В 1346 на короткое время оказался в долговой тюрьме. Умер от чумы. Написал, будучи представителем партии черных гвельфов, историю своего города в 12-ти книгах, начинающуюся с разрушения Вавилонской башни и доведенную до года смерти Джованни. Вслед за ним хронику продолжил его брат Маттео (до 1363) и его сын Филиппо (до 1364).

²³ Сигизмунд Люксембургский (1368 - 1437), император Священной Римской империи (1411 - 1437), сын Карла IV (см. прим. 21*). Король Венгрии через заключение брачного союза (1387), сражался с турками, но

был, стоя во главе рыцарской армии, собранной со всей Европы, разбит Баязетом Гпри Никополе в 1396. Поддерживал папу Иоанна XXIII на соборе в Констанце и играл там видную роль. Гарантировал Яну Гусу личную безопасность, когда тот прибыл на собор с целью оправдаться, и сжёг его на костре по постановлению церковников (1415), вслед за чем последовало восстание гуситов в Богемии, когда Сигизмунд должен был в 1419 наследовать своему брату Венцеславу (см. прим. 12*). Организовал против гуситов крестовый поход, однако смог добиться признания себя королем лишь в 1436, после заключения соглашения. Последний в старшей линии Люксембургов, он оставил все свои владения Габсбургам.

²⁴ Иоанн XXIII (в миру - Бальдассаре Косса; ок. 1370 - 1419), антипапа в 1410 - 1415. Кардинал с 1402, он играл ведущую роль на Пизанском соборе (1409), избравшем Александра V, и взошел на папский престол после его смерти. Римский собор в 1413 осудил учения реформаторов - Джона Виклифа из Англии и Яна Гуса из Богемии. Уступив давлению со стороны императора Священной Римской империи Сигизмунда Люксембургского, Иоанн XXIII созвал собор в Констанце (1414 - 1418) с целью преодоления церковного раскола, которым и был низложен (папой был избран Мартин V, см. прим. 134*). Незадолго до смерти примирился с новым папой и был сделан кардиналом-епископом Фраскати.

²⁵ Фридрих III (1415 - 1493), император Священной Римской империи (1440 - 1493), а в качестве Фридриха IV - король Германии (1440 - 1486), последний германский император, коронованный папой в Риме в 1452. Царствование его оценивается по результатам очень низко. Поскольку для того, чтобы заручиться поддержкой папы, Фридрих пожертвовал независимостью германской церкви, он вызвал мощное недовольство немецких князей. В 1485 Матвей Корвин, король Венгрии, отобрал у Фридриха значительные владения в Австрии, возвратившись ему только после смерти Матвея в 1490. Отец Максимилиана I (см. прим. 29*), которого он женил на Марии Бургундской, дочери Карла Смелого (см. прим. 18*), положив таким образом начало матримонильной политике, приведшей в конечном итоге к возникновению империи Карла V. Избрал девизом Габсбургов: *A. E. I. O. U.*, т. е. *Austriae est imperare orbi universo* (Австрии назначено править всем миром, лат.) В 1486, после избрания сына королем Германии, передал ему всю власть, сам же поселился в Линце и занялся науками (он был любителем астрологии, алхимии и ботаники).

²⁶ Альфонс I Великий Неаполитанский, он же Альфонс V Арагонский и Сицилийский (ок. 1396 - 1458), прозванный Великодушный, король Арагона и Сицилии (1416 - 1458), а под именем Альфонс I - король Неаполя (1443 - 1458). Сын и наследник Фердинанда I Справедливого. Знаменит прежде всего тем, что подчинил Южную Италию власти Арагона. Утвердился в Неаполе после борьбы, продолжавшейся с перерывами 23 года. Был захвачен в плен разбившими его флот генуэзцами, однако отпущен Франческо Сфорца, заключившим с Альфонсом союз. Захватив Неаполь после победы над Рене Анжуйским, принял впервые титул «короля обеих Сицилии» (королевство Неаполитанское и Сицилийское), перевел сюда свой двор и явился таким образом инициатором испанского утверждения в Италии.

²⁷ Т.е. Борсо д'Эсте (1413 - 1471). Д'Эсте - одна из древнейших

княжеских династий Италии, правила в Ферраре с 1240 по 1597 и в Модене с 1288 по 1796. Являлись одними из столпов гвельфской партии. Д'Эсте, наряду с флорентийскими Медичи - одни из главных героев книги Я. Буркхардта. После смерти Альфонса II в 1597 Феррара перешла во владение пап.

^{28*} Поджо Браччолини, Джан Франческо (1380 - 1459), итальянский писатель, писал по-латински. С 1403 папский секретарь. Служил секретарем тайной канцелярии восьми папам. С 1453 - секретарь Флорентийской республики. Автор сатирических диалогов, более всего прославился «Книгой фацетий» (ок. 1452), сборником забавных, подчас вольных анекдотов. Последнее сочинение - «История Флоренции» (1453 - 1459, итальянский перевод сына Поджо Джакомо вышел в 1476).

^{29*} Максимилиан I Габсбург (1459 - 1519), король Германии (1486 - 1519) и император Священной Римской империи (1493 - 1519), выдвинувший династию Габсбургов в число основных европейских действующих сил. Первым браком был женат (1477) на Марии Бургундской (1457 - 1482), и должен был защищать свои бургундские владения против короля Франции Людовика XI, что ему вполне удалось (военные действия прекратились в 1493), а после смерти жены - и в борьбе непосредственно с самими этими провинциями. Вернул себе Австрию после смерти Матвея Корвина и на 400 лет обеспечил за Габсбургами права на Венгрию и Богемию. Пытался неудачно покорить Швейцарию. К участию в итальянских войнах был отчасти побужден заключением второго брака - с Бьянкой Сфорца. Здесь его постигли крупные неудачи, в 1504 он заключил с Францией мир, а в 1508 он вступил даже с Францией в Камбрейскую лигу против Венеции, однако впоследствии (1511) он вновь выступил против Франции в союзе с Англией, Испанией и папой (велика его роль в разгроме французской армии в битве при Гинегатте в 1479 г.; участвовал он и в «Битве шпор» у Гинегатты, 1513, названной так потому, что французы практически сразу же повернули лошадей), но в конце концов вынужден был уступить Милан. Однако некоторые неудачи на военном поприще он наверстал маневрами, женив (1496) своего сына Филиппа Красивого на Хуане Безумной (наследнице Кастилии и Арагона), начав таким образом 200 лет правления Габсбургов в Испании, а потом - своих внуков на наследниках короля Владислава II Ягеллонах. Такое расширение владений и попытка сделать всю империю наследуемой вызвали беспокойство немецких князей, в результате чего имела место реформа имперского управления: учрежден верховный суд (Reichskammergericht), палата (Hofkammer) и канцелярия (Hofkanzlei), а вся империя разделена на 10 округов. Была заведена постоянная армия, основаны университеты. Покровитель искусств и учености, Максимилиан оставил своему наследнику Карлу V (см. прим. 32*) почти половину Европы.

^{30*} Лодовико Моро (1451 - 1508), из рода Сфорца (см. прим. 20*), Моро - его прозвище. О нем говорится очень много по ходу повествования. Захватил власть в Милане в 1480, он, однако, не был признан в качестве миланского герцога до 1494. В 1494, опасаясь растущего влияния Неаполя, поддержал короля Франции Карла VIII в его выдвигании на приобретение Неаполя, однако впоследствии соединился с его про-

тивниками и способствовал его изгнанию из Италии. Следующий французский король, Людовик XII, вторгся в Италию вновь и захватил Милан. Через год Лодовико возвратился с собранным им войском и попытался снова овладеть Миланом, однако был захвачен в плен и умер.

^{31*} Людовик XII (1462 - 1515), король Франции с 1498, сын герцога Орлеанского. Людовик XI принудил Людовика XII в 1476 жениться на своей дочери Жанне Французской (впоследствии святой). За попытку мятежа против Карла VIII, короля Франции, находился в заключении с 1487 по 1490. По воцарении Людовик XII развелся с Жанной, женился на Анне Бретонской, вдове Карла VIII и ввязался (1499) в войну в Италию, основываясь на своих правах на наследство Висконти. Его вмешательство здесь закончилось лишь в 1513, когда выступавшие против него соединенные силы свели на нет все успехи первого этапа войны (поражение при Новаре). Неудачи в военной области имели место на фоне внутренних успехов: Людовик XII пользовался популярностью в народе за проведенные им реформы финансов и судебной системы, а также по причине мягкосердечия заслужил даже прозвище «отца народа».

^{32*} Карл V Габсбург (1500 - 1558), император Священной Римской империи (1519 - 1556), король Испании (т. е. и колоний в открытой уже Америке) под именем Карла I (1516 - 1556), король Сицилии под именем Карла IV (1516 - 1556). См. также прим. 29*. После смерти отца (1506) Карл стал правителем Бургундии, деда по матери Фердинанда V (1516) - Испании, а деда по отцу Максимилиана I - всех его владений в Центральной Европе, прежде всего Германии и Австрии. Австрийские земли уступил в 1522 г. брату Фердинанду. Его царствование пришлось на начало Реформации, с которой Карл пытался по мере сил бороться. Однако главные его усилия были вначале брошены на борьбу с Францией, в основном по поводу ее претензий (со стороны короля Франциска I) на области в Италии и Бургундию. На стороне Карла V были Генрих VIII, король Англии, и Карл, герцог Бурбонский (см. прим. 154*). Война кончилась разгромом Франции в 1525 (битва при Павии), Франциск был захвачен в плен и вынужден отказаться от своих претензий. Однако он возобновил свою борьбу сразу по освобождении, и теперь ему помогали и Генрих VIII, и папа Климент VII, желавший очистить Италию от армий Империи. В 1527 папа был захвачен Карлом в Риме и пробыл в плену семь месяцев. По Камбрейскому мирному договору 1529 Франция отказывалась от владений в Италии, а Карл уступал Франции Бургундию. В 1530 Карл V был коронован папой в Болонье - последняя коронация германского короля папой. После этого Карл мог заняться защитой Европы от турецкой опасности: в 1529 турки осадили Вену. Однако здесь за блестящим успехом в 1535 генуэзского адмирала Андреа Дориа (см. прим. 119*), служившего Карлу и завоевавшего Тунис, последовало поражение в битве у Алжира (1541), несмотря на то, что Карл образовал антитурецкую коалицию с папой Павлом III и Венецией. Однако уже в 1547 брат Карла Фердинанд I заключил с Турцией 5-летний договор. В Германии тем временем набрала силу Реформация, и хотя Карлу удалось одержать над протестантскими князьями ряд побед, в конце концов ему пришлось отступить и опять-таки через Фердинанда заключить мир

в Пассау в 1552, по которому лютеранским государствам было позволено следовать своей религии. В 1555 этот договор был подтвержден Аугсбургским мирным соглашением. Возобновилась также и война с Францией. Устав от постоянной борьбы, Карл передал своему сыну Филиппу II Нидерланды (1555) и Испанию и Неаполь (1556), отрекся в пользу Фердинанда I от императорской короны, вскоре после чего умер в 1558.

³⁷ Де Коммин, Филипп (Commynes или Comines) (1447 - 1511), французский историк, автор восьми книг Мемуаров (1489 - 1498) о царствованиях Людовика XI и Карла VIII. Вначале состоял на службе у Карла Смелого, затем занимался дипломатической и административной работой у Людовика XI, Карла VIII и Людовика XII. Талантливый писатель, глубокий историк и наблюдатель.

³⁴ Монтефельтро - графский гибеллинский итальянский род, правивший в Урбино с 1213 по 1322 и с 1375 по 1508. О них постоянно упоминается в книге.

^{35*} Пий II (1405 - 1464), 208-й папа римский (1458 - 1464), в миру Эней Сильвий Пикколомини, и под этим именем он чаще всего и фигурирует у Я. Буркхардта - один из наиболее часто упоминаемых в книге авторов. Гуманист, латиноязычный писатель и поэт. Был секретарем епископа в Фермо; в 1431 - 1435 в Базеле, Швейцария. Выполнял дипломатические миссии по поручению церкви, затем в качестве мирянина принимал участие в Базельском соборе (1431, завершен номинально лишь в 1449, см. прим. 371*), где выступал вначале против папы Евгения IV. В 1442 послан с поручением в Германию, добился в результате переговоров возвращения Германии под духовную юрисдикцию Евгения IV (1445). Был назван здесь поэтом-лауреатом и принят личным секретарем к Фридриху III (см. прим. 25*). В 1446 принял посвящение, в 1447 стал епископом и в 1456 - кардиналом. Главной заботой Пия II была организация крестового похода против турок, захвативших в 1453 Константинополь и угрожавших Европе. Однако из-за политических и доктринальных разногласий в Европе ему удалось организовать поход лишь в 1464, и перед самым его отплытием, в Анконе Пий скончался от лихорадки.

³⁶ Варки, Бенедетто (Varchi; 1503 - 1565), итальянский лирик, филолог и историк. Изучал право в Падуе и Пизе, после чего был во Флоренции нотариусом. Будучи состоятельным человеком, много времени посвящал изучению греческого и провансальского языков, полностью обратился к занятиям литературой. Как противник Медичи был в 1530 вынужден покинуть Флоренцию и отправился в Болонью и Венецию, где поступил на службу семейству Строщи. В 1543 призван Козимо I в родной город; стал верховным консулом Флорентийской академии, читал здесь лекции о Петрарке и Данте. По заданию герцога написал новейшую историю Флоренции, покрывающую период с 1527 по 1538. Писал исполненные изящества стихи, но главной работой является, пожалуй, диалог «Эрколано», с которым он вступил в борьбу вокруг итальянского языка, выступив в его пользу - в тосканском и преимущественно флорентийском его варианте.

³⁷ Кардинал Ипполито Медичи (1511 - 1535), управлял Флоренцией в 1531 - 1535. Семейство Медичи постоянно фигурирует на страни-

цах книги. Они переселились во Флоренцию из Муджело в конце XII в., однако до XIV в. значительной роли не играли. К этому времени торговлей и банковской деятельностью ими было скоплено значительное состояние. В постоянно шедшей в городе борьбе аристократии и народной партии Медичи были постоянно на стороне народа (вопрос о мотивах, как всегда, сложен и не будем здесь его касаться). В XV в. им удалось окончательно взять власть и начиная с этого времени и до 1737 история Тосканы и Италии в целом развивается под знаком Медичи, выдвигающихся уже в первые ряды европейской аристократии. Так, Козимо I (1514 - 1574) стал в 1537 великим герцогом, Екаторина де Медичи (1519 - 1589), вышедшая в 1533 за будущего короля Генриха II, стала королевой Франции и в 1572 являлась одной из ключевых фигур ужаса Варфоломеевской ночи (во всяком случае молчаливо ее одобрила).

³⁸ Алессандро Медичи (ок. 1510 - 1537) был сыном Лоренцо II или его брата Джулио (будущего папы Климента VII). В 1527 в ответ на вторжение в Италию войск Карла V был изгнан жителями Флоренции, однако в 1530 Карл самолично восстановил его власть здесь, сделал его герцогом (1531) и дал ему в жены свою незаконную дочь Маргариту Пармскую. Убит своим двоюродным братом Лоренцино, о чем говорится ниже.

³⁹ Григорий XI (в миру - Пьер Роджер де Бофорт; 1329 - 1378), 199-й папа римский (1370 - 1378). Племянник папы Климента VI, кардинал с 1346. Принял в Авиньоне в 1377 св. Катерину Сиенскую, которая его убедила восстановить папский престол в Риме.

⁴⁰ Согласно Плутарху («Ромул» 27), Ромул, мифический основатель Рима, внезапно исчез и никаких надежных сведений о том, что с ним произошло, не было, однако народ подозревал в его смерти сенат, в связи с чем началось было народное возмущение.

⁴¹ В изданиях книги, которые готовил Л. Гейгер, факт насильственной смерти Роберто Малатеста ставится под сомнение. Сам дом Малатеста - видное семейство кондотьеров, правившее в Римини и части Романьи с XIII по XV вв. (ср. прим. 6*). О них, особенно о Сиджизмондо, в книге множество упоминаний.

⁴² Сикст IV (в миру - Франческо делла Ровере; 1414 - 1484), 210-й папа римский (1471 - 1484). Францисканский монах, был генералом ордена (1464 - 1469). Боролся с Медичи, отобрав у них право управления папским имуществом, позволил организовать против них заговор Пацци (1478), в результате чего был убит Джулиано Медичи, отлучил от церкви Лоренцо Великолепного, объявившего против него войну. При Сиксте процветал непотизм, он покровительствовал языческому гуманизму. При нем в Риме работали Перуджино и Боттичелли, осуществлены строительство и роспись Сикстинской капеллы (завершал ее уже Микеланджело в XVI в.) и другие грандиозные проекты.

⁴³ Карманьола (прозвище, настоящие имя Франческо Буссоне; ок. 1390 - 1432), итальянский предводитель кондотьеров, служивший вначале миланскому герцогу Филиппо Мариа Висконти, чью мощь он значительно усилил, а с 1425 - враждебной Милану Венеции. В 1431 отбит при нападении на Сопчино войсками Франческо Сфорца, после чего вел войну довольно вяло, был отозван в Венецию и обезглавлен.

⁴⁴ Велисарий (ок. 500 - 565), полководец византийского императо-

ра Юстиниана I, неоднократно спасавший империю и громивший противника на западе и на востоке и тем не менее вследствие придворных интриг отозванный из Италии и 10 лет, пока его помощь не понадобилась снова, оставшийся не у дел. За три года до смерти снова попал в опалу, был ввергнут в заключение и подвергнут конфискации по обвинению в заговоре. Народная легенда даже утверждала (безосновательно), что он был ослеплен. Через несколько месяцев оправдан, и последние годы жизни провел покойно. (То, что нами здесь рассказано — это фактически «миф о Велисарии», поскольку в основном это сведения, сообщаемые Прокопием Кесарийским, близким сподвижником Велисария, доказавшим в ряде случаев свою необъективность.)

⁴⁵ Ниже Я. Буркхардт называет Пиччинино, очевидно этого же, Джакомо.

⁴⁶ Фердинанд I Неаполитанский или Ферранте (итальянский вариант имени; 1423 - 1494), внебрачный сын Альфонса I Неаполитанского (см. прим. 26*), король Неаполитанский (1458 - 1494). Успешно противостоял Рене Анжуйскому и изгнал турок из Отранто. Покровитель учености и искусства, содержал блестящий двор, в 1474 завел в Неаполе типографию.

⁴⁷ Иннокентий VIII (в миру - Джованни Баттиста Чибо; 1432 - 1492), 211-й папа римский (1484 - 1492). Вел беспорядочную жизнь, практиковал nepотизм и продажу бенефициев. Вел борьбу с Фердинандом I Неаполитанским из-за его отказа платить взносы и принудил его к этому (1486). Извлекал доходы из всего что только можно. Организовал в 1487 совместно с герцогом Савойским окончившийся безрезультатно крестовый поход против вальденсов. В настоящее время его роль в развязывании процессов против ведьм не считается бесспорно ключевой. Осудил специальной буллой 900 тезисов Пико делла Мирандола.

^{48*} Лоренцо Великолепный Медичи (1449 - 1492), возможно, наиболее прославленный из всего семейства, один из главных героев книги Я. Буркхардта. Был политическим лидером, фактическим правителем Флоренции совместно с братом Джулиано (1453 - 1478), убитым в результате заговора (см. прим. 42*), который Лоренцо удалось подавить. Папа поддержал войну против Флоренции (1478 - 1480), которую вели Неаполь и Сиена. Двора как такового у Лоренцо не было, однако известно покровительство, оказывавшееся им наукам и искусствам, особенно Верроккьо и Боттичелли, а также основанной им Лауренцианской академии и книгоиздательству. Расточительность Лоренцо и некоторая финансовая безалаберность повели к краху ряда европейских филиалов фирмы в 1477 - 1482. Сыновья Лоренцо - Пьеро II, Джулиано и Джованни (будущий папа Лев X).

⁴⁹ Карл VIII (1470-1498), король Франции с 1483. Сын Людовика XI (см. прим. 19*), вначале был на престоле при регентстве своей сестры Жанны Французской (1462 - 1522), боролся с восстаниями знати, над которой одержал победу. Женился на Анне Бретонской (1491), что подготовило присоединение Бретани к Франции. Побуждаемый кардиналом Гийомом Брисонне, своим советником, Карл решил добиваться осуществления тех прав, которые были им унаследованы на Неаполитанское королевство через отца от Анжуйского дома (см. прим. 4*). Таким образом Карл явился инициатором Итальянских войн. Ему без труда удалось завоевать королевство (1495), однако Милан, Венеция,

Максимилиан I Австрийский, Фердинанд Арагонский и даже папа Александр VI объединились против него, так что ему пришлось с боем (знаменитое сражение у Форново в том же 1495, когда французы проявили такую отвагу, что она вошла у итальянцев в поговорочное выражение *furia francese*, «французское неистовство») пробиваться назад во Францию, утратив все завоевания.

⁵⁰ Очевидно, имеется в виду эпизод, когда некий Джан Джакомо Медичи (прозванный местными жителями Медегин) попытался захватить всю область Комо. Медегин служил вначале Сфорца, затем перешел на сторону Франции, а потом, в 1528 — Карла V, который, после того как Медегин овладел замком Муссо на озере Комо, дал ему титул маркиза Муссо с пожалованием феода. В 1532* был принужден возвратить владение императору (с компенсацией другими землями).

⁵¹ Где король Франции Франциск I был разбит войсками Священной Римской империи и ее союзников (см. прим. 32*) и попал в плен.

⁵² Бентивольо (Bentivoglio), итальянское аристократическое семейство, правившее в Болонье с 1401 по 1506.

⁵³ Матараццо, Франческо (Matarazzo; 1240 — 1312), итальянский литератор и историк. Преподавал в Перудже греческую и латинскую литературу, а также был там секретарем правящего дома. Автор ряда работ по филологии, версификации, а также комментариев к отдельным сочинениям Цицерона:

⁵⁴ Александр VI (в миру - Родриго де Борджа, Borgia; ок. 1431 - 1503), 212-й папа римский (1492 - 1503). Испанец по происхождению, племянник Альфонсо Борджа (впоследствии папы Каликста III), в семье которого он воспитывался, сделавшего его кардиналом 25-и лет от роду. Жил в роскоши и мирских удовольствиях, имел четверых детей от Розы Ваноччи Катанеи, из которых наиболее известны Лукреция (см. прим. 142*) и Чезаре Борджа (см. прим. 6*), и еще других - от Джулии Фарнезе. Избран папой в результате подкупа кардиналов, вел борьбу с итальянскими тиранами, составил союз против французского короля Карла VIII (см. прим. 49*), которому вынужден был в конце концов покориться (договор от 1495). После убийства сына Джованни, герцога Кандийского, в организации которого есть основания подозревать Чезаре Борджа, издал буллу, где провозгласил необходимость улучшить самому и реформировать церковь, однако дальше заявлений не пошел. В понтификат Александра произошло открытие Америки, и это он осуществил раздел сфер влияния Испании и Португалии в Америке. Возможно, смерть его вызвана отравлением, хотя известный рассказ о том, что они с Чезаре отравились, по ошибке выпив приготовленное ими для других вино, вряд ли историчен.

⁵⁵ Павел III (в миру - Алессандро Фарнезе; 1468 — 1549), 218-й папа римский (1534 - 1549). Стал кардиналом в 26 лет. Гуманистически образованный человек (учился у Помпония Лета, затем — во флорентийской Академии, состоял в переписке со знаменитыми гуманистами); со склонностью к роскоши (Сангалло Младший, а потом Микеланджело построили ему дворец Фарнезе в Риме, он также выстроил не менее знаменитую виллу в поместье Больсена); это был человек, введший католическую Европу в сразу Контрреформации. Его основными двумя целями было пресечение реформационного движения в

Германии и организация похода против турок. Для этого он старался восстановить европейское единство, в частности примирить императора Карла V и короля Франции Франциска I. Однако имелись у него в Италии и свои, частные интересы: забота о судьбе своего незаконного семейства. Поэтому когда Франциск и Карл достигли некоторой договоренности, Павла испугало чрезмерное усиление власти Карла в Италии и он стал желать их разрыва. Также и успех Карла в борьбе с протестантизмом, несший за собой усиление его позиций в Европе в целом, папу пугал, так что в конце концов он едва ли не открыто желал успеха деятелям Реформации. В проведении церковной реформы Павел также готов был пойти не далее определенной границы: когда созванный им (1545) собор в Триенте обнаружил антипапские тенденции, Павел его сначала перенес, а потом и вовсе приостановил, так что этот важнейший в истории католической церкви конгресс продолжал свою работу уже после Павла. Павел произвел реорганизацию инквизиции (1542), одобрил организацию ордена иезуитов (1540), издал список запрещенных книг (1543, первый официальный индекс был издан при Павле IV в 1559). Это он наложил интердикт на короля Англии Генриха VIII (см. прим. 157*). При нем Микеланджело расписал фресками «Страшного суда» Сикстинскую капеллу и ему же Павел поручил руководство строительством собора св. Петра (1546).

^{56*} Лев X (в миру Джованни де Медичи; 1475 — 1521), 215-й папа римский (1513 - 1521). Сын Лоренцо Великолепного, в церкви с семилетнего возраста, получил гуманистическое образование (его наставником был Анджело Полициано). На протяжении всей жизни оставался любителем красоты и пышности, покровителем искусств и наук (Бембо, Садолето, Паоло Джовио, Иоанн Ласкарис). От него исходило поручение Рафаэлю руководства работами в Ватикане и заказ Микеланджело на работы во Флоренции — фасада собора Сан Лоренцо и гробницы Медичи. Лев подписал (1516) конкордат с королем Франции Франциском I и завершил Латеранский собор (1517), так и не проведя никаких действительных церковных реформ. В 1514 он возобновил практику продажи индульгенций, разрешенную Юлием II, с целью финансирования перестройки собора св. Петра. Лютер обрушился на эту меру в своих знаменитых «тезисах» в 1517. Лев осудил его своей буллой «*Exsurge, domine*» (5 июня 1520), которая была принародно Лютером сожжена 10 декабря. О нем многократно упоминается в книге.

^{57*} В ряде мест Я. Буркхардт называет его в латинизированной форме — Гиральдом (Gyraldus). Не путать с Джамбаттиста Джиральди, автором новелл и драматургом (см. прим. 444* к главе III). Джованни Франческо Пико делла Мирандола, посвятивший себя, подобно своему знаменитому родственнику, литературе и наукам, был смещен в 1502 своим братом Лодовико I (1509), снова пришел к власти в 1515 и был убит в 1533, по некоторым сообщениям, двоюродным братом, а не племянником.

^{58*} Имеется в виду Джованни Пико делла Мирандола (1463 — 1494), итальянский ученый и мыслитель.

^{59*} Мараны — в средневековой Испании название (с уничижительным оттенком) арабов и евреев, принявших христианство. Находясь под постоянным контролем инквизиции, часто становились ее жертвами. Ферранте (Фердинанд I — см. прим. 46*), хотя Альфонс I признал

его своим сыном и престолонаследником, видимо, особенно раздражали и оскорбляли слухи о его происхождении от валенсийского мара-на. Королевство Валенсия было окончательно отвоевано испанцами в 1238; арабское и еврейское население оставалось в нем многочисленным еще несколько веков. — Ред.

^{60*} В издании, которое готовилось Л. Гейгером, в примечании к этому месту говорится, что, судя по литературе, в Неаполе такой способ погребения считался весьма почетным и привлекательным и здесь не находили в этом никакой особенной извращенной жестокости.

^{61*} Караччоло, Тристан (Caracciolo; ок. 1439 — ок. 1517), неаполитанский историк, выходец из видного неаполитанского семейства, представитель которого играли здесь существенную роль вплоть до XIX в.

^{62*} Порцио, Камилло, итальянский историк XVI в., автор сочинения «*La congiura de baroni del regno di Napoli contra il re Fernando I*» («Зарговор неаполитанских баронов против короля Фердинанда I»), изданного в Риме в 1565.

^{63*} Альфонс Калабрийский, или Альфонс II (1448 — 1495), неаполитанский король (1494 — 1495), сын Фердинанда I, унаследовал от него престол как раз в тот момент, когда Карл VIII (см. прим. 49*) вторгся в его королевство. Был вынужден отречься в пользу своего сына и бежать на Сицилию.

^{64*} Фердинанд II (прозвище Феррандино; 1467 — 1497), отступление Карла VIII из Италии позволило ему снова взять Неаполь в свои руки с армией Гонсалво Кордовского.

^{65*} Император Макс - Максимилиан I, король Франции — Карл VIII.

^{66*} Браманте, Донато ди Анджело (1444 — 1514), итальянский архитектор и художник, один из величайших деятелей Возрождения. Работал в Милане (ок. 1475 — 1499), прежде всего при Лодовико Моро, после его изгнания — в Риме, почти исключительно на службе у Юлия II.

^{67*} Леонардо да Винчи, работавший у Лодовико Моро с 1482 по 1499.

^{68*} Франциск I (1494 — 1547), король Франции (1515 — 1547). Сын Карла Валуа, графа Ангулемского, и Луизы Савойской. Был женат (1514) на Клавдии Французской, дочери Людовика XII, вслед за которым взошел на французский престол. Стремительно овладел в 1515 наследством своих предшественников в Италии, выиграв битву при Мариньяно у миланского герцога и союзных с ним швейцарцев. Соперничество и вражда с Карлом V (см. прим. 32*) начались с выборов императора Священной Римской империи, при которых Франциск был несправедливо обойден. Попытки заключить союз с Англией провалились. После ряда поражений Милан был утрачен, а при Павии (1525) французы были разгромлены и Франциск был захвачен в плен. Вернувшись во Францию из плена в Испании два года спустя, принял тяжелые условия мира, которые, впрочем, не исполнил, сохранив за собой Бургундию и возобновив вскоре войну с Карлом, которая с паузами продолжалась до конца жизни Франциска (несмотря на женитьбу на сестре Карла Элеоноре в 1529). В попытках найти союзников сближался с протестантами и даже с турками, что выглядело необычайным отступничеством в глазах христианского мира. В плане внутреннем предпринимал неоднократно реформы финансовой системы, что диктовалось потребностями ведения фактически постоянных военных действий, ввел практику про-

даже должностей, что оставалось важной стороной французского государственного аппарата вплоть до революции. Отношение к протестантам менялось от либерального в начале правления (во многом под влиянием старшей сестры Маргариты Наваррской, 1492 — 1549) на враждебное. Колоритная фигура, человек незаурядной физической силы и большой культуры, Франциск собрал при дворе блестящих деятелей Возрождения (в том числе Леонардо и издателя и ученого Гийома Бюде, см. прим. 262*, организовавшего королевскую библиотеку), вел большие строительные работы, основал Коллеж де Франс (1530).

^{69*} Гонзага — итальянское семейство, правившее в Мантуе с 1328 по 1708, часто упоминаемое в книге. Восхождение началось с Лодовико I (1278 — 1361).

^{70*} Бембо, Пьетро (1470— 1547), итальянский церковный деятель и гуманист. Обучался во Флоренции, Мессине и Падуе, учился греческому языку у Ласкариса. Вступив в духовное звание, посвятив себя наукам. Был одним из основных членов академии, помещавшейся в Венеции в доме издателя Альдо Мануция, для которого Бембо подготовил критические издания итальянских стихотворений Петрарки и «Божественной комедии» Данте. В 1512 прибыл вместе с Джулиано Медичи в Рим, где брат Джулиано папа Лев X сделал его своим секретарем. По смерти папы отправился в Падую, затем — в Венецию, где в 1529 стал историографом республики и библиотекарем библиотеки св. Марка. В 1539 папа Павел III сделал Бембо кардиналом и дал епископство. Умер в Риме, где его считали претендентом на папский престол. Великолепный стилист на латинском языке, считал тем не менее, что писать необходимо на итальянском. Оставил много сочинений и писем, считающихся образцовыми по стилю, среди которых наиболее известно — «История Венеции» (1551), им же самим переведенное на итальянский язык.

^{71*} Банделло, Маттео (1485 — 1561), итальянский автор новелл. Происходил из дворян, воспитывался в монастыре, около 1505 сам стал монахом-доминиканцем. Был учителем Лукреции Гонзага при дворе в Мантуе, разделяя со своими государями их переменчивую фортуна. Принимал активное участие в сопротивлении испанскому господству в Италии, впоследствии последовал за своим другом, полководцем Чезаре Фрегозо во Францию, где король Генрих II сделал его епископом Аже. Вошел в историю литературы своими 214-ю новеллами, которые писал начиная с 1510. Главная цель, которую он ставил — развлекательность, и зачастую новеллы носили чрезвычайно откровенный характер. Сюжеты заимствовались как из жизни, так и у других авторов. Новеллы самого Банделло также широко использовались в последующей литературе (например, Шекспиром, Лопе де Вега, Сервантесом).

^{72*} Ариосто, Лудовико (1474 — 1533), итальянский поэт. В молодости писал комедии, нашедшие благосклонный прием со стороны кардинала Ипполита д'Эсте. С 1503 по 1517 — при его дворе, затем на службе у брата Ипполита Альфонса I, герцога Феррарского. Величайшая поэма Ариосто — написанная по-итальянски героико-комическая поэма «Неистовый Роланд» (1-я ред. — 1516, окончательная — 1532), задуманная как продолжение оставшегося незавершенным «Влюбленного Роланда» Боярдо. Автор латинских од и сатир, а также многочис-

ленных итальянских стихотворений, прозаических и стихотворных комедий, в том числе «Некроманта», о котором в VI главе будет говорить Я. Буркхардт.

^{73*} Юлий II (в миру - Джулиано делла Ровере; 1443-1513), 214-й папа римский (1503 - 1513). Племянник Сикста IV (см. прим. 42*), францисканский монах с 1468, архиепископ Авиньона (1474), папский легат во Франции (1480 — 1484), кардинал Остии, за энергию и напор прозванный «terribile» (букв. «ужасный», однако именно этим выражением сам Юлий отзывался о Микеланджело). Когда в 1492 папой Александром VI был избран личный враг Юлия Родриго Борджа, Юлий бежал во Францию, где и оставался до смерти папы. Подстрекал Карла VIII к походу в Италию и сопровождал его в походе. После смерти Александра был инициатором избрания на папский престол Пия III (в миру Франческо Тодескини-Пикколомини; 1436 — 1503), прожившего папой всего 26 дней. Между тем такая передышка дала Юлию возможность собраться с силами для борьбы за престол. Хотя сам он был избран во многом благодаря подкупу (а также тому, что ему удалось привлечь на свою сторону Чезаре Борджа), после выборов объявил, что все выборы, связанные с симонией, будут впредь считаться недействительными. Юлий восстановил пошатнувшийся авторитет папского престола в глазах итальянской аристократии, урезонил враждовавшие в Риме группировки (дома Колонна, Орсини), арестовал Чезаре Борджа и принудил его отказаться от его владений в Италии. В 1508 вступил в Камбрейскую лигу и объявил Венецию врагом церкви (см. прим. 93*), но после сражения при Аньяделло — вступил с ней в Священную лигу, направленную против Людовика XII, бросил клич «fuori i barbari!» (Вон, варвары!), желая изгнать из Италии как французов, так и немцев. Людовик попытался низложить Юлия, однако тот держал бразды в руках достаточно крепко: кардиналы его поддержали. Также и в области военной, хотя французы одержали победу под Равенной (1512), смерть Гастона де Фуа (см. прим. 375*) вынудила их отступить. В ответ на попытки его сместить Юлий наложил на Францию интердикт и созвал Латеранский собор (1512). Смерть застала его среди приготовлений дальнейшего расширения своего влияния в Италии и за ее пределами. Время Юлия знаменито также и обилием памятников, созданных при его непосредственном участии или по его замыслу, а также блеском имен художников, скульпторов и архитекторов, привлекавшихся им (Рафаэль, Браманте, Перуджино, Микеланджело и многие другие).

^{74*} Кастильоне, Бальдассаре (Castiglione; 1478 — 1529), итальянский писатель. Совершенный аристократ, находился при дворе маркизов Гонзага в Мантуе, потом — герцогов Монтефельтро в Урбино, для которых им выполнялись различные дипломатические поручения. Автор поэтических произведений на итальянском и латинском языке. Самое знаменитое его произведение — «Придворный» (Il cortigiano; 1508 — 1516, напечатано в 1528), о котором у Я. Буркхардта много говорится. Изображен на портрете Рафаэля.

^{75*} Строцци были одной из виднейших флорентийских семей. Среди них насчитывалось 93 приора и 16 гонфалоньеров. Они состояли в непримиримом соперничестве с семьей Медичи, добившихся в конце концов их изгнания. Видимо, нехороший Строцци, о котором говорится здесь — это все же тот самый поэт, Тито Строцци (Strozzi; 1422 —

1505), сын видного чиновника в Ферраре, Джованни Строщи, изгнанного перед этим из Флоренции. Когда Тито Строщи сам стал здесь членом совета, он навлек на себя народную ненависть высокими напевами и (будем надеяться) народную любовь — своими стихами.

^{76*} Полициано, Анджело (собственное имя — Аньоло Амброджини; 1454 — 1494), итальянский лирик и драматург, гуманист. Сын бедного юриста. После смерти отца (1469) — во Флоренции. Под руководством Марсилио Фичино изучал философию и античность, сблизился с Лоренцо Великолепным, который в 1473 сделал его учителем своих детей. В 1480 — в Мантуе, на службе кардинала Гонзага, до 1493 преподаватель греческого и латинского красноречия в университете Флоренции. Писал стихи по-итальянски, по-гречески и по-латински. Переводил «Илиаду» (4 песни) и других греческих авторов на латинский язык, опубликовал различные научные комментарии, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие науки об античности. Историческое сочинение — «Заговор Пацци» (1478). Драма «Орфей» (1472) — первое светское сочинение в Италии в этой области.

⁷⁷ Понтано, Джовиано (также Джованни; 1426 — 1503), итальянский государственный деятель и поэт. С 1447 на службе у королей Неаполя. Исполнял здесь различные дипломатические и административные функции, был премьер-министром. С 1471 возглавлял академию, сделавшуюся очень известной в Италии (впоследствии названную «Академия Понтаниана»). В области поэзии (почти исключительно по-латински) занимает выдающееся место среди своих современников. Диалоги «Харон» (1467/1491) и «Акция» (1499) дают острую картину современных Понтано нравов. Сочинения по филологии.

⁷⁸ Боярдо, Маттео Мария (ок. 1441 — 1494), итальянский поэт, гуманист. Переводил с греческого и латинского, писал стихи по-латыни. Состоял при доме Эсте в Ферраре. Был градоначальником Модены, потом Реджо. Лирика, эклоги, посвященные восхвалению Эсте стихи. Шедевр Боярдо — оставшийся незаконченным «Влюбленный Роланд», начатый им около 1476. В поэме делается переход от средневекового эпоса к поэзии Возрождения.

⁷⁹ Агриппа Неттесгеймский (Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim; 1486 — 1535), немецкий врач, алхимик и философ. Был врачом Луизы Савойской и историографом Карла V, состоял на военной службе в Италии. По обвинению в магии подвергался тюремному заключению. Наиболее известные сочинения — «О тайной философии» (De occultis philosophia), посвященное главным образом проблемам алхимии, и «О ненадежности и тщете наук» (De incertitudine et vanitate scientiarum) — критика тогдашнего состояния науки.

⁸⁰ И воплотился... (лат.)

⁸¹ Объективности ради следует заметить, не углубляясь в вопрос, что Сергей Люций Катилина известен нам лишь по произведениям его противников — Цицерона и Саллюстия, которые по различным мотивам не пожалели черных красок для его описания. Так что если возможно согласиться с тем, что как литературный образ Катилина — воплощение злодейства, это не значит, что то же самое можно утверждать и о Катилине как реальном человеке и пугать им детей у нас не больше оснований, чем именами большинства из его современников-политиков.

^{82*} Пьеро Медичи (1471 — 1503), или Пьеро Младший. Сын Лоренцо Великолепного. Изгнан из Флоренции (1494) как изменник родины за территориальные уступки, сделанные им вошедшему в Италию Карлу VIII. Все его попытки вернуть себе прежнее положение кончились неудачей и Медичи снова пришли к власти во Флоренции только в 1512.

⁸³ Поставлено гражданами в ознаменование спасения республики (лат.)

⁸⁴ На с. 365-367 религиозным воззрениям этого Пьерпаоло Боско-ли Я. Бурхардт посвятит целое рассуждение.

⁸⁵ Брут и Кассий, одни из главных организаторов убийства Цезаря, были приближенными к нему людьми..

⁸⁶ Лоренцино Медичи (1514 — 1548), прозвище Лоренцаччо, был убит в Венеции по приказу Козимо I Медичи.

⁸⁷ Тимолеон (ок. 410 — 337 до н. э.)| греческий политический деятель. Около 365 дал разрешение на казнь своего брата Тимофана, тирана Коринфа, после чего надолго отошел от политической деятельности. Граждане Коринфа поручили ему избавить Сиракузы (Сицилия) от власти тирана Дионисия Младшего, что он и исполнил в 344, а когда Дионисий призвал на помощь карфагенян, Тимолеон их разгромил в сражении при Кримисе (около 339), в связи с чем Карфаген лишился своего плацдарма на Сицилии, и установил демократическое правление в других сицилийских городах. Жизнеописание имеется у Плутарха.

⁸⁸ Сабеллико, Марко Антонио (1436 — 1506), итальянский историк, учился в академии Помпония Лета. Преподавал красноречие в Удино, получил кафедру в Венеции, где за свою «Историю Венеции» был удостоен пожизненного содержания и звания хранителя библиотеки св. Марка.

⁸⁹ Склад, лавка (ит.).

^{90*} В изданиях, которые готовил Л. Гейгер, в примечании к этому месту говорится, что венецианцы, в отличие от жителей, скажем, Флоренции и Милана, носили волосы коротко подстриженными.

⁹¹ Вокруг Африки Васко да Гамой в 1498. До этого торговля с Ост-Индией могла осуществляться только в восточном направлении, а восточное Средиземноморье крепко удерживали в своих руках венецианцы, торговавшие в тесном сотрудничестве с мусульманскими купцами и не допускаящие сюда никого со стороны.

⁹² Имеется в виду покорение в 1517 Египта, в котором правила мамелюкская династия, Селимом I, султаном Оттоманской империи: мамелюки не в такой степени, как турки, были настроены на внешнюю экспансию, и сотрудничество с ними могло осуществляться на взаимовыгодной основе. Турки же стали прибираться к рукам опорные пункты венецианцев в Средиземноморье.

^{93*} Камбрейская лига — образованный в 1508 союз папы Юлия II, императора Максимилиана I, короля Франции Людовика XII и короля Арагона Фердинанда Католика для войны с Венецией. К участию в лиге были также привлечены мелкие итальянские государи. Участники лиги прикрывались благовидным предлогом — подготовкой к войне с Турцией, однако венецианские земли были ими поделены между собой. Юлий II поставил условием своего неучастия в лиге возвращение ему Венецией его ленов, когда же она отказалась, наложил на неё интердикт. Людовик XII, которому было определено исполнение решений лиги, одержал победу над ве-

нецианскими войсками при Аньядело (1509), однако Венеции удалось ловкими маневрами расстроить лигу уже в 1510.

^{94*} Прегади (буквально «просимые»), члены совета Венецианской республики. Называли их так потому, что дож просил их дать на Большом совете свое заключение по важным вопросам.

^{95*} Катон Старший (прозвище Цензор; 234 — 149 до н. э.), римский государственный деятель, борец за чистоту нравов, прославившийся своей принципиальностью. Ему принадлежит сохранившийся трактат «Земледелие».

^{96*} Фоскари, Франческо (ок. 1373 — 1457), дож в 1423 — 1457. Внес большой вклад в утверждение могущества Венеции на материке. Успешно воевал с Миланом, отобрав у него Бергамо, Кремону и Брешию. Отвоевал у Болоњи Равенну, в 1443 — 1445 вел войну с папой. Под конец жизни подвергся преследованиям и был смещен с должности буквально за несколько дней до смерти.

^{97*} Большой совет (ит.).

^{98*} Мухаммед II (прозванный «аль Фатих», «Завоеватель»; 1432 — 1481), султан Османской империи (1444 — 1446 и 1451 — 1481), завоевавший Константинополь (29 мая 1453), Сербию, Лесбос, Боснию. Вел длительную войну с Венецией (1463 — 1480), совершил несколько набегов на Европу (Австрия, Венгрия, 1474 — 1480), вторгся в Крым. Также занял острова в Ионическом море, однако потерпел поражение перед Родосом.

^{99*} кардинал д'Амбуаз, Жорж (d'Amboise; 1460 — 1510), французский государственный и церковный деятель. Архиепископ Нарбонны (1492) и Руана (1494), в 1498, при восшествии на престол Людовика XII, он становится кардиналом и премьер-министром. Его умелое и добросовестное управление снискало королю популярность. Провел реформы судебной системы, снизил налоги, с 1499 по 1503 принимал активное участие в военных действиях в Италии против Милана. Расчеты д'Амбуаза на папский престол были опрокинуты Юлием II, что впоследствии побудило Людовика XII к созыву схизматического собора в Пизе (1515).

^{100*} Мочениго, одно из наиболее выдающихся венецианских семейств, насчитывавшее 7 дожей, много видных церковных деятелей, дипломатов, ученых, военных.

^{101*} Георгий Трапезундский (1396 — 1484), греческий ученый. Уроженец Крита. Появился в Италии около 1420, читал здесь риторику и философию, как приверженец Аристотеля не мог ужиться с итальянскими платониками и утратил расположение папы Николая V. Альфонс Неаполитанский назначил ему пенсию. Много занимался переводами с греческого.

^{102*} Сансовино, Франческо (1521 — 1586), итальянский ученый, сын знаменитого скульптора (см. прим. 347*). Первый в своих описаниях государственного устройства обратил внимание на бюджет и положил таким образом начало описательной статистике. Работы посвящены главным образом Венеции (занимался также ее памятниками и историей), где он жил и работал и где опубликованы его труды.

^{103*} Барбаро, Эрмолао (1454 — 1493), греческий философ, живший в Италии.

^{104*} Мануччи, Альдо (Manuzzi, Manuzio, или, по-латыни, также Мануций, Manutius; 1449 или 1450 — 1515), итальянский издатель. В 1490

при финансовой поддержке князя Карпи основал в Венеции типографию, вошедшую в историю как издательство, выпустившее в свет наиболее свершенные для своего времени тексты античных авторов. Их подготовка поручалась выдающимся ученым этого времени, а сами тексты подбирались в стенах так называемой «Академии Альдина». Дело Альдо продолжали его сын и внук.

^{105*} Кардинал Виссарийон, или Виссарийон Никейский (1403 — 1472), видный деятель восточной, а потом западной христианской церкви, гуманист, ученый. Был архиепископом Никеи, отправлен в 1438 на собор в Феррару для представления интересов восточной церкви. Первое время занимал достаточно непримиримую позицию, однако потом пошел на уступки (как считают в восточной церкви, недопустимые) и фактически это им была заключена во Флоренции (куда были перенесены заседания собора) в 1439 знаменитая уния двух церквей, на востоке так и не признанная. После этого Виссарийон был возведен в сан кардинала и стал одним из первых лиц католической церкви (два раза выдвигался на папский престол). Активно ратовал за поход европейских государств против Турции, для реализации этой идеи много ездил по Европе. Завязал переговоры о браке Ивана III и Софьи Палеолог. Много занимался также науками, переводил с греческого, знакомил Запад с греческой философией, помогал гуманистам. Собрал прекрасную библиотеку, переданную им Венеции и послужившую основой библиотеки св. Марка.

^{106*} См. Иоан. 19, 23. Несшитый хитон оказался в центре богатейшей христианской мифологии, и выдаваемых за него реликвий насчитывалось множество. Самый, может быть, знаменитый хитон находится в Трире, Германия.

^{107*} Юбилей — лат. jubilaеum, от евр. jobel, «рог для возвещения праздника». Имеется в виду установленная Ветхим заветом (Левит XXV 10 — 16, Числа XXXVI 4) и принятая в католической церкви (папой Бонифацием VIII, начиная с 1300) практика отмечать каждый 50-й (в 1470 папа Павел II изменил частоту на каждый 25-й) год как священный. Перед ним специальным папским распоряжением объявляется, чем должны отметить этот год верующие (обычно это бывает паломничество в Рим). Кроме этих, обычных Священных лет устанавливаются еще экстраординарные (например, по случаю 50-летия посвящения папы в сан).

^{108*} Компаньи, Дино (Compagni; ок. 1255 — 1324), итальянский автор хроники. Был главой цеха шелкоткачей, дважды приором Флоренции. Участвовал в проведении во Флоренции важных реформ в направлении демократизации государственного устройства, однако, разочаровавшись в возможности примирить между собой белых и черных гвельфов, отошел от общественной жизни. Его ярко и сочно написанная хроника охватывает годы с 1280 по 1312, а составлена она в 1310 — 1312.

^{109*} Портинари Беатриче, (ок. 1265 — 1290), дама сердца Данте, встреченная им, когда ему и ей было лишь по восемь-девять лет, и сразу влюбившая его любовь. Воспета им в «Канцоньере» и «Новой жизни», а в «Божественной комедии» является одним из основных персонажей, осуществляющим посредничество между миром земным и небесным (она появляется в последних XXX и XXXI песнях «Чистилища»).

^{110*} Иоанн XXII (в миру Жак Дюэ, или д'Осса; 1245 — 1334), 194-й

папа римский (1316 - 1334). Второй авиньонский папа, он организовал здесь, в Авиньоне папскую курию, реформировал и укрепил финансовую систему папства. Противодействовал отлученному им в 1324 императору Священной Римской империи Людовику IV Баварскому, избравшему в Риме антипапу Николая V (1328, не путать с Николаем V, папой XV в.). Осудил ереси французских «спиритуальных» еретиков, бегаров и бегинок, а также Мейстера Эххарта, сам натолкнулся на сопротивление видных теологов (в том числе Вильяма Оккама).

^{111*} Брунеллески, Филиппо (1377 — 1446), итальянский скульптор и архитектор. Изучал в Риме памятники античности. Много занимался изучением перспективы. Ему принадлежит купол Флорентийского собора, церковь Сан Лоренцо, церковь Санта Мария дельи Анджели, капелла Пацци ди Санта Кроче и другие выдающиеся флорентийские памятники архитектуры.

^{112*} Аретино, или Бруни, Леонардо (1369 — 1444), знаток классической древности, историк, писатель. Называл себя Аретино — по названию родного города Ареццо. Изучал в молодости юриспруденцию во Флоренции и Равенне, затем занялся античностью. Был папским секретарем (с 1405), сопровождал Иоанна XXIII на собор в Констанце. После того как Иоанн был низложен (см. прим. 24*), вернулся во Флоренцию. Написал историю Флоренции, принесшую ему флорентийское гражданство, впоследствии стал здесь секретарем, в какой-либо должности и умер. В основном писал по-латински, однако жизнеописания Данте и Петрарки написаны по-итальянски. Очень значительны труды Бруни как переводчика с греческого: он переводил Аристотеля, Демосфена, Плутарха и др.

^{113*} Фруассар, Жан (Froissart; ок. 1337 — 1400), французский автор хроники, поэт и романист. Бывал в Англии, Шотландии и Италии. Написал (с 1370 по 1400) четыре книги хроник, начинающихся с 1325.

^{114*} Каструччо Кастракани дельи Антельми Нелльи (1280 — 1328), итальянский политический и военный деятель, из Лукки, откуда был вынужден бежать после поражения его гибеллинской партии. Воевал на службе у разных государей, в Англии, во Франции и Ломбардии: в 1320 вернулся в Лукку и завоевал здесь власть. В 1325 нанес поражение Флоренции и сделался диктатором. Людовик IV Баварский, которому Каструччо помогал во время его римского похода (1327), сделал его герцогом. С его смертью враги уничтожили всю его семью, в том числе малолетних детей.

^{115*} Джакомо Питти (1519 — 1589), флорентийский историк, был сенатором при великих герцогах Медичи.

^{116*} Гвиччардини, Франческо (1483 — 1540), итальянский историк и политический деятель. Выполнял важные дипломатические поручения для Флорентийской республики, прежде всего в Испании, у Фердинанда Католика. Занимал важные посты при папе Клименте VII и при Лоренцо де Медичи. Автор любопытнейших воспоминаний, начатых им в 1525. Также важны «История Флоренции» и «История Италии». Гвиччардини отличается объективностью и глубиной анализа, ставящие его рядом с Макиавелли.

^{117*} Сеньи, Бернардо (Segni; 1499 — 1559), флорентийский историк, автор «Storie fiorentine».

^{118*} Веттори, Франческо (1474 — 1539), флорентийский государственный

деятель. Сын Пьеро и Катарини Ручеллаи. Среди первых лиц города с 1503. Посол на соборе в Констанце в 1507. В 1512 встал на сторону Медичи, будучи одним из инициаторов изгнания Пьеро Содерини. Выполнял дипломатические миссии Лоренцо Медичи, а затем Джулио, вел обширную переписку. В 1521 гонимый. Безуспешно пытался примирить Медичи со Строчи. Друг Макиавелли, вызволил его из заключения. Большое значение имеет историческое сочинение «Sommario delta storia d'Italia» (период 1511 — 1527).

^{119*} Дориа, Андреа (1468 — 1560), итальянский военный деятель, один из наиболее выдающихся военачальников этого времени. Происходил из аристократической геновской семьи. В качестве кондотьера служил папе Иннокентию VIII, королю Неаполитанскому и разным государям. С флотом галер, снаряженных за свой счет, одержал ряд побед над пиратами в Средиземном море. Принял командование французским флотом и одержал в 1524 победу над флотом Карла V. Недовольный Франциском I, Дориа перешел в 1528 на службу Карлу, поручившему ему освобождение Генуи. Установил здесь аристократический способ правления, жестоко подавил заговор Фиско (1547). В 1535, будучи на службе у Карла, завоевал Тунис и освободил здесь около 20 000 пленных христиан.

^{120*} Наемные воины становятся здесь дорогими друзьями, доверенными лицами и мудрецами (ит.).

^{121*} Однако реально сделал это уже Юлий II (см. прим. 73*).

^{122*} Баязет II (1447 — 1512), султан Османской империи (1481 — 1512), правнучатый племянник Баязета I, сын и наследник Мухаммеда II, завоевателя Константинополя. Его правление являлось непрерывной чередой войн против Венгрии, Польши, Венеции, Египта, Персии, в результате которых укрепилась позиция Османской империи в Европе. Однако состояние постоянной войны укрепило роль янычар, которые и заставили его отречься в пользу младшего сына Селима I. При Баязете, покровителе искусств и любителя роскоши, было построено несколько роскошных мечетей, в частности великолепная мечеть Баязета в Константинополе (1505).

^{123*} Николай V (в миру Томмазо Парентучелли; 1398 — 1455), 206-й папа римский (1447 - 1455). Был домашним учителем у богатых флорентийских семейств. Возвысился при папе Евгении IV, сделавшем его кардиналом и архиепископом Болонским. Подписал с Фридрихом III Венский конкордат (1448), благодаря которому Германия сохранила верность папскому престолу, и короновал его императором в Риме (1452). В его понтификат завершился (1449) схизматический Базельский собор (см. прим. 371*), когда Николаю удалось добиться отречения от папского сана последнего антипапы, Феликса V. После падения Константинополя (1553) тщетно пытался организовать крестовый поход. Сам чрезвычайно образованный человек, Николай содержал блестящий двор выдающихся деятелей Возрождения (Поджо, Валла, Альберти, Манетти). Основал библиотеку Ватикана.

^{124*} Сулейман II (по иной нумерации — Сулейман I; 1494 — 1566), султан Османской империи (1520-66), при котором она достигла наивысшего расцвета и величия. На Западе его прозвище — «Великолепный», в Турции — «Кануни» («Законодатель»). Сын султана Селима I.

В начале правления (1521) захватил Белград, в 1522 изгнал рыцарей ордена иоаннитов с Родоса. В 1526 вторгся в Венгрию и разбил венгерскую армию. В 1529 снова вторгся в Центральную Европу, осадил Вену, но большего добиться не смог. После этого перенес свои главные усилия на войну с Ираном. В 1535 заключил союз с королем Франции Франциском I против императора Священной Римской империи Карла V. В результате этого договора торговля через Левант была открыта для одной только Франции, а дипломатические отношения между Францией и Турцией приобрели особый характер на века. В 1541 Сулейман снова вторгся в Венгрию и включил всю ее центральную часть в свою империю. Два года спустя объединенный францужско-турецкий флот успешно громил итальянское побережье. Сулейман предпринял еще походы в Иран; умер, осаждая венгерский город Сегешвар. Казнил двух своих сыновей, сделал наследником третьего — Селима. Покровительствовал образованности и искусству, реформировал систему управления империи.

^{125*} Баттиста Мантовано (собственное имя Джован Баттиста Спиньоли; 1448 — 1516), итальянский поэт и церковный деятель. Беатифицирован в 1885. Кармелитский монах, стал генералом ордена в 1513. Его можно назвать первым среди христианских поэтов Возрождения. В этом роде наиболее знаменита его поэма о Богоматери «Парфеника» (Parthenicae).

^{126*} Сражения Столетней войны между Англией и Францией. Битва при Мопертуйи более известна в истории как битва при Пуатье. Здесь 19 сентября 1356 английская армия под руководством принца Эдуарда (известного в истории как Черный принц) разбила армию французскую, взяв короля Иоанна II в плен. Битва при Креси, в которой тогда еще 16-тилетний Эдуард командовал правым флангом англичан, а все войско возглавлял его отец Эдуард III, произошла 26 августа 1346. Здесь французы, которыми командовал Филипп VI, также потерпели поражение.

^{127*} Вителли — семейство итальянских кондотьеров. Первым стал известен Николо Вителли, получивший от дома Медичи в награду город Читта-ди-Кастелло. Его наследниками были сыновья Вителлоццо и Паоло. Последний был казнен во Флоренции в 1499 за неудачную осаду Пизы. Вителлоццо вел войну против Цезаре Борджа, захвачен обманом в плен и казнен в Риме в 1502.

^{128*} Порчеллио, Джанантонио, гуманист, поэт. Жил в Риме, откуда изгнан за участие в борьбе против Евгения IV. Служил при различных итальянских дворах, в том числе Неаполитанском, откуда ему и поступило это поручение. Как поэт был коронован Фридрихом III при посещении им Неаполя. Впоследствии служил у Федерико Урбинского.

^{129*} Шиллинг, Дибольд (ум. 1485), бернский историк. Проживал в Люцерне, с 1460 — в Берне, секретарь городской канцелярии. В 1474 стал по заданию городского совета составлять городскую хронику, являющуюся важным источником по истории Бургундской войны.

^{130*} Барлетта, город на побережье Адриатического моря севернее Бари, место знаменитой схватки-дуэли 13-и французов с 13-ю итальянцами (la disfida di Barletta) во время испано-французской войны на юге Италии. Итальянский отряд под командованием Просперо Колонна сражался на стороне испанцев. Накануне французский капитан Ла

Мотт и несколько других французов попали в плен к испанцам, у которых встретили рыцарское обращение. В ходе устроенной испанцами для пленников пирушки Ла Мотт заявил о трусости и вероломстве итальянцев и заведомо превосходстве над ними французов. Об этом узнал Просперо Колонна и отрядил к французам парламентариев, которым было велено потребовать извинений, а в случае отказа — вызвать их на поединок в любом количестве на равное число итальянцев. Командир французов, герцог Немурский, сначала возражал, но в конце концов дал согласие на устройство дуэли. Дуэль состоялась 13 февраля 1503 г. Итальянцам удалось отразить первый натиск французов, которые более не смогли организовать в боевой порядок. Некоторые из них были спешены, другие захвачены в плен. Невредимыми в свой лагерь вернулись лишь двое итальянцев, которые привели с собой пленников. Они и были провозглашены победителями, с пожалованием почетных титулов и закреплением за ними вотчин.

^{131*} Фердинанд II Арагонский (прозванный Католик; 1452 — 1516), сын Хуана II Арагонского, король Арагона и Сицилии (1479 — 1615), король Кастилии под именем Фердинанд V (1474 — 1504), король Неаполя под именем Фердинанд III. Его брак с Изабеллой Кастильской (1469) открыл дорогу к испанскому единству, соединив воедино атлантическое направление экспансии Кастилии и средиземноморское — Арагона. Оказывал мощное воздействие на систему управления в обоих государствах, реже созывал кортесы, и вообще взял курс на ограничение роли аристократии, провел важные финансовые и административные реформы. В 1478 булла Сикста IV уполномочила Фердинанда назначать трех инквизиторов, что явилось началом испанской инквизиции. Выслал евреев и завершил Реконквисту завоеванием Гранады (1492). В том же году Колумб отплыл в свое плавание на поиски западного пути в Индию. Вся эта политика дала супругам прозвище «Католические короли» (Reyes Catolicos), официально употребленное папой в 1494. После смерти Изабеллы (1504) Фердинанд стал регентом Кастилии, присоединил Наварру, Оран, Триполи, Милан. Передал корону своему внуку Карлу (Карл V), бывшему уже королем Кастилии.

^{132*} Так называемый начавшийся в результате конфликта короля Франции Филиппа IV Красивого и папы Бонифация VIII период (1309—1377), когда папы находились во французском Авиньоне и были подконтрольны королям Франции. В основе конфликта лежал вопрос о главенстве духовной либо светской власти (см. прим. 274*).

^{133*} кардинал Альборнос, Хиль Альварес Карильо (Gil Alvarez Carrillo Albornoz, 1310 — 1367), испанский государственный и церковный деятель. Будучи архиепископом Толедо, боролся с маврами. В 1350 авиньонский папа Климент VI сделал его кардиналом. Восстановил власть пап над Римом и Папской областью, установил здесь порядок правления.

^{134*} Мартин V (в миру Оддоне Колонна; 1367 — 1431), 204-й папа римский (1417-1431). Представитель одного из ведущих римских аристократических домов. Его избрание на соборе в Констанце положило конец расколу в католической церкви. Возвратил церковь к состоянию папского главенства. Сконцентрировал в своих руках все рычаги духовной и светской власти. В 1420 отклонил приглашение короля Франции обитать в

Авиньоне и восстановил нормальную жизнь в Риме, лежавшем в то время в развалинах. В то же время много содействовал своим родственникам в приобретении почестей и должностей, положив таким образом начало расцветшей впоследствии практике nepotизма.

¹³⁵ Евгений IV (Габриэле Кондолмиери; 1383 — 1447), 205-й папа римский (1431 - 1447). Стал кардиналом в 1408 при поддержке своего дяди, папы Григория XII. Попытался распустить Базельский собор, намеревавшийся поставить себя выше папы (см. прим. 371*). Перевел его сначала в Феррару (1437), а потом во Флоренцию (1439). Здесь было достигнуто временное примирение двух церквей — греческой и римской. Впрочем, часть церковных деятелей осталась в Базеле и избрала папой Феликса V. Собрал при своем дворе многих блестящих художников Возрождения (Гиберти, Пизанелло, Донателло).

¹³⁶ Имеется в виду Марка Анкона, город и прилегающая область в центральной Италии, на Адриатическом море.

¹³⁷ Т. е. Чезаре Борджа.

^{138*} Валла, Лоренцо (Valla; 1407— 1457), один из виднейших итальянских гуманистов, философ. Имеется в виду осуществленное им в сочинении «De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio» («О фальшивом пожаловании и вымышленном даре Константина Великого, которой тот якобы отдавал во владение папе Сильвестру I и его последователям город Рим и его территорию. Интересной подробностью является то, что несмотря на это Валла был практически на протяжении всей жизни тесно связан с папским престолом.

¹³⁹ Павел II (в миру Пьетро Барбо; 1417 — 1471), 209-й папа римский (1464- 1471). Племянник папы Евгения IV. Малоуспешен в своих начинаниях — крестовым походе против турок и попытках отменить принятую королем Францией Карлом V в 1438 Прагматическую санкцию (постановление), которой он ограничивал власть папы над французской церковью. Корыстолюбив и подозрителен: это он, вероятнее всего с целью привлечения дополнительных доходов в церковную казну, ввел в 1470 празднование юбилея (см. прим. 107*) раз в 25 лет вместо установленных в Библии 50-и. Враждовал с гуманистами, отчасти по недоразумению (об истории с Платиной рассказывает ниже Я. Буркхардт).

¹⁴⁰ кардинал Риарио, Пьетро (ум. в 1474), племянник Сикста IV, был архиепископом Флоренции. Купил город Имола, передал его брату Джироламо (1443 — 1488), одному из организаторов заговора Пауци (1478). В 1480 тот отобрал Форли у Эрколе I, герцога Феррары, а кончил жизнь от рук убийцы.

¹⁴¹ Каликст III (в миру Альфонс Борджа; 1378 — 1458), 207-й папа римский (1455 - 1458). Попытался без особого успеха организовать крестовый поход против Турции. Правда, при нем, в 1456, Янош Хуньяди нанес туркам поражение под Белградом. Продвинул в кардиналы многих своих родственников, в том числе племянника Родриго Борджа, будущего папу Александра VI.

¹⁴² Борджа, Лукреция (1480 — 1519), сестра Чезаре. Служила инструментом в политических играх отца и брата, которые дважды расторгли ее браки. Третьим браком (1501) вышла за Альфонсо д'Эсте, герцога Феррарского. Славилась на всю Италию как покровительница ис-

кусств и наук. Я. Буркхардт еще будет о ней о ней неоднократно упоминать. В Риме ходили слухи, подтверждаемые некоторыми косвенными данными, что у Лукреции был один ребенок от отца и еще один — от брата. Ср. надгробную эпитафию Саннадзаро:

*Hic jacet in tumulo Lucretia nomine, sed re
Thais. Alexandri filia, sponsa, nurus.*

(Под камнем покоится сим Лукреция, сущю ж Таида:

Я дочь Александра, невеста его и невестка. — лат.)

(О Таиде ср. Данте «Ад» XVIII 130 — 135.) Впрочем, о чем только не болтали тогда люди в Риме.

¹⁴³ Папской курии.

¹⁴⁴ Строчици, Эрколе (Strozzi; 1471 — 1508), сын Тито Строчици (см. прим. 75*) поэт и чиновник, как и его отец. Погиб в результате тайного убийства, о котором шли разные слухи. Возможно, убийцей был Альфонс д'Эсте.

¹⁴⁵ Панвинио, Онуфрио (1529 — 1568), итальянский историк и археолог.

¹⁴⁶ дела Ровере, итальянский род, давший двух пап (Сикста IV и Юлия II), и многих кардиналов, а также правивший в Урбино с 1508 по 1631. Джованни (1457 — 1509), племянник Сикста, был сын рыбака. Дядя, став папой, подарил ему княжество Синигалью, назначил префектом Рима и женил на дочери герцога Урбино. Франческо I (1490 — 1538), сын Джованни, был назначен уже своим дядей, Юлием, начальником папских войск. В 1508, по смерти дяди по матери Гвидобальдо, Франческо стал герцогом Урбино. Расширял завоеваниями Папскую область: занял Болонью, отнял часть владений у герцога Феррары. Лев X отнял у него все владения в 1516 и передал их Медичи, но после смерти папы Франческо смог забрать все назад (1520). Вскоре после этого присоединил Монтефельтро. В 1523 стал начальником войск Венеции, безуспешно пытался в 1526 снять с Милана осаду войск Карла и защитить от них в следующем году Рим. Покровитель наук и искусств, обладатель одной из лучших в Италии библиотек. Умер, по некоторым сведениям, будучи отравлен Паоло-Лодовико Фарнезе, сыном Павла III. После смерти его внука Франческо Мария II (1549 — 1631) Урбино стало папским владением.

¹⁴⁷ Ср. прим. 73*.

¹⁴⁸ Адриано да Корнето (собственная фамилия Кастеллези, Castellesi; ок. 1458 — 1521), итальянский теоретик латинского языка, поэт церковный деятель. Кардинал Корнето с 1503. В 1518 лишен сана, всех должностей и отправлен в изгнание по подозрению в участии в заговоре кардинала Петруччи против Льва X.

¹⁴⁹ Фламинио, Джован Антонио (собственное имя Дзарабини ди Котиньола; 1464 — 1536), итальянский гуманист. Преподавал литературу во многих городах Италии. Оставил стихи, трактаты по грамматике и философии. Известное педагогическое сочинение «О воспитании и обучении детей».

¹⁵⁰ В издании, которое готовил Л. Гейгер, впрочем, также несводном от ошибок, дается цифра 39.

¹⁵¹ Адриан VI (Hadrian, в миру — Hadrian Floriszoon; 1459 — 1523), 216-й папа римский (1522 — 1523), фламандец по происхождению (пос-

ледный вплоть до избрания папой в 1978 Иоанна Павла II папа-неитальянец), сын мелкого ремесленника, окончил Лувенский университет, профессором и ректором которого впоследствии он был. Занимался богословием и церковным правом. Здесь у него обучался Эразм Роттердамский. В 1507 стал воспитателем будущего императора Карла V. В 1515 послан в Испанию с дипломатической миссией — обеспечить наследование Карлом V испанского престола, сошелся здесь с местным духовенством в отношении необходимости проведения реформы церкви и борьбы с самыми вопиющими злоупотреблениями. С 1518 — великий инквизитор и фактический правитель Испании в отсутствие Карла, своей строгостью дал повод к подавленному с большим трудом восстанию комунерос (см. прим. 159*). Единогласно выбранный папой после смерти Льва X, вел очень скромный образ жизни: боролся с роскошью, сократил содержание кардиналов, прекратил выплаты придворным поэтам и художникам. Пытался провести более глубокие церковные реформы, однако натолкнулся на мощное сопротивление курии. Собирался проводить жесткую линию, вплоть до военного подавления, против Лютера и его последователей, мечтал об общеевропейском крестовом походе против турок. Однако и то и другое не увенчалось успехом. Этими неудачами во многом и объясняют столь скорую кончину Адриана.

^{152*} Климент VII (в миру — Джулио де Медичи; 1478 — 1534), 217-й папа римский (1523— 1534). Незаконный сын Джулиано де Медичи и племянник Лоренцо Великолепного. Сблизился после поражения Франции при Павии (1525) с Франциском I и образовал с ним Священную лигу против Карла V, однако вынужден был покориться последнему и короновать его императором (1530). Это в его понтификат произошло ужасное разграбление Рима (1527), о котором много раз говорит Я. Буркхардт. Отлучил от церкви короля Англии Генриха VIII (за развод с Екатериной Арагонской), что спровоцировало появление англиканской церкви.

^{153*} Колонна, Помпео (1479 — 1532), итальянский церковный и политический деятель. Принял сан по настоянию своего дяди. При распространении слухов о смерти Юлия захватил Капитолий, за что папа лишил его духовного звания. Лев X сделал его кардиналом. Адриан VI был избран благодаря его усилиям, а Джулио Медичи был вынужден заискивать перед Помпео, чтобы стать папой. Впоследствии он был еще раз лишен кардинальского звания и восстановлен в нем вновь. В 1530 Карл V назначил его вице-королем Неаполя.

^{154*} Бурбон (Карл III, герцог де Бурбон, именуемый коннетабль де Бурбон; 1490 — 1527), французский военный и государственный деятель. Женившись в 1505 на своей двоюродной сестре, дочери Пьера II де Божо, Карл объединил в своих руках чрезвычайно обширные владения двух ветвей Бурбонов. Прекрасно проявил себя на стороне французских войск в битве при Аньяделло (1509) и в особенности при Мариньяно (1515), после чего был губернатором Милана. В 1514 получил титул коннетабля. После-смерти жены (1521) отказался в 1523 от руки Луизы Савойской, матери Франциска I, и тогда последний потребовал у Карла Бурбонское наследство. В ответ Карл перешел на службу к Карлу V и сыграл немаловажную роль в удачном для императора ходе кампании, в том числе в разгроме французской армии при Павии (1525), когда Франциск был взят в плен. Карл V также назначил Бурбо-

на губернатором Милана и сделал его командующим лишенной средств и дисциплины наемнической армией в Италии, которую тот повел в южный поход, завершившийся печально знаменитым разграблением Рима. Карл погиб при осаде Рима 6 мая 1527 (причем Бенвенуто Челлини пишет, «Жизнь» I 34, что убит он был его выстрелом из аркебузы), с ним старшая ветвь Бурбонов угасла и Франциск конфисковал его владения в пользу короны.

^{155*} фон Фрундсберг, Георг (1473 — 1528), командир немецких ландскнехтов. Из семьи военных, с 15-и лет принимал участие в военных действиях и всю жизнь провел на войне, служа императорам Священной Римской империи, сначала Максимилиану I, а потом Карлу V. С ним на европейскую сцену вышли немецкие ландскнехты, составившие конкуренцию (во всех смыслах, в том числе и в прямом, поскольку их услуги были куда дешевле) уже давно использовавшимся здесь швейцарским. Многократно воевал в Италии, начиная с итальянского похода Максимилиана (1499). Далее была война Камбрейской лиги с Венецией, в которой Фрундсберг играл значительную роль. Затем воевал в Италии в 1513, решающую роль сыграл при Павии (1525). На следующий год, на вербовку (на свои фактически средства) в Германии 11 000 ландскнехтов, снова перешел Альпы (по преданию, ему принадлежат слова «Этого папу надобно повесить»). В январе 1527 войска Фрундсберга и Бурбона соединились. При получении известия (впоследствии неподтвердившегося) о заключении мира лишенный средств и продовольствия отряд взбунтовался: его устроило бы только разграбление крупного итальянского города. Солдатский бунт был воспринят Фрундсбергом настолько близко к сердцу, что его хватил удар, от которого он уже не оправился. Другие легендарные слова Фрундсберга — произнесенные им в Вормском рейхстаге, когда он, потрепав Мартина Лютера по плечу, якобы сказал ему: «Монашек, монашек, ты пошел путем, которым не довелось идти ни мне, ни многим другим полководцам».

^{156*} Разграбления Рима (ит.). Я. Буркхардт будет о нем вспоминать неоднократно как о важном переломном моменте в истории Италии.

^{157*} Генрих VIII (Henry VIII; 1491 — 1547), король Англии (1509 — 1547): В области внешней политики балансировал между Францией (Людовик XII, затем Франциск I) и Священной Римской империей (Максимилиан I, затем Карл V), желая не дать слишком усилиться последней и в то же время надеясь в конце концов завоевать первую. В начале царствования вошел в антифранцузскую Священную лигу, провел успешную кампанию на севере Франции («Битва шпор» у Гинегатта, 1513), затем на некоторое время сблизился с Францией, но в 1523 снова вторгся во Францию. После битвы при Павии (1525) принял сторону Франции. Был женат на Екатерине Арагонской, тетке Карла V. Желание развестись с ней (впервые представленное на рассмотрение Климента VII, тогдашнего фактического пленника Карла, в 1527), натолкнувшееся на неприятие Карла, спровоцировало отделение английской церкви от Римской католической, с признанием Генриха в 1532 английским парламентом главой новообразованной англиканской церкви. В области внутренней политики правление Генриха было достаточно успешным, ознаменовалось экономическим подъемом, заложив основу последующих успехов в борьбе с Испанией при его дочери Елизавете.

^{158*} Садолето, Джакомо (1477 — 1547), итальянский церковный деятель, гуманист. Был папским секретарем при Льве X и Клименте VII, кардинал с 1536. Его деятельность была проникнута духом примирения: он искал путь к нормализации отношений с протестантами, пытался вывести Климента из союза против Карла V, в случае чего не случилось бы разграбления Рима в 1527. Внес вклад в заключение мира между Франциском I и Карлом в Ницце (1542). Друг Бембо, он сам прекрасно писал по-латыни стихи и прозу.

^{159*} Народное восстание в Валенсии и Кастилии в 1520 — 1522. Требования сводились к восстановлению прав и вольностей народа, смещению иностранцев с государственных должностей, установлению налогообложения знати. Подавлено дворянским ополчением в битве при Вильяларе.

^{160*} Маргаритой Пармской.

^{161*} Павел IV (в миру Джан Пьетро Караффа; 1476 — 1559), 221-й папа римский (1555 - 1559). Основатель в 1524 в Риме ордена театинцев вместе со св. Газтаном Теанским (сам Павел вошел в него, раздав имущество бедным). Кардинал-архиепископ Неаполя с 1536. Активный деятель Контрреформации. Возглавлял реорганизованную инквизицию. Был избран папой неожиданно для всех, наперекор противодействию Карла V. Не желал признать императором Фердинанда I, говоря, что Карл не имел права отречься от престола без согласия папы. Был ориентирован в большей степени профранцузски, что привело к испанскому походу на Рим герцога Альбы в 1556. Противник любых нововведений в области догматики (это проявилось и в том, что он не желал снова открывать Тридентский собор, 1545 — 1563, закончивший работу лишь после его смерти), ставил целью нравственное исправление церковных деятелей. Издал в 1559 первый официальный индекс запрещенных книг (публикация прекращена в 1948).

^{162*} Феррара в 1597, и Урбино — в 1631.

Примечания к главе II

^{163*} Лиутпранд (Liutprandus; ок. 920 — 972), ломбардский церковный деятель и писатель, епископ Кремоны (961), автор «Жизни Оттона Великого», «Повествование о Посольстве в Константинополь», «Антаподосис» («Воздаяние», описание истории Европы в 888 — 948).

^{164*} св. Григорий VII (Гильдебранд) (между 1015 и 1020 - 1085), 155-й папа римский (1073 - 1085). Был монахом в Риме, папским советником с 1046. Решительный проводник церковных реформ, начаты клонийским движением (Клонийская реформа) за очищение церкви, против ее подчинения светской власти и симонии (борьба за инвеституру, т.е. посвящение в духовный сан, или борьба Империи и папства). Реформы Григория VII иногда называют «грегорианскими». Они также закрепили безбрачие духовенства. Непримиримость папы спровоцировала открытый конфликт: император Священной Римской империи Генрих IV был отлучен Григорием от церкви и вынужден был принести покаяние в знаменитом эпизоде в Каноссе (1077). Однако на этом конфликт не завершился, последовало повторное отлучение с признанием прав на трон соперника Генриха Рудольфа Швабского (1080), а Григорию пришлось противостоять

избранному Генрихом антипапе Клименту III, которого тот утвердил в назначенном им Риме (1084). Город был отвоеван Робертом Гискарром, союзником папы, однако постоянные грабежи вызвали враждебность жителей и Григорию пришлось бежать на юг, где он и умер.

^{165*} Бенцо из Альбы (ум. 1089), епископ, сторонник императора Священной Римской империи Генриха IV, см. прим. 181*, в борьбе за инвеституру, автор посвященного ему исторического сочинения «Семь книг Генриху IV».

^{166*} ван Артевельде, Якоб (Artevelde; ок. 1295 — 1345), фламандский государственный деятель, по прозвищу «Гентский пивовар». Происходил из богатой купеческой семьи, состояние которой было им увеличено как предпринимательством, так и удачными браками, Артевельде выступил на политической сцене в 1337, в начале Столетней войны, поскольку опасался, что начавшиеся военные действия нанесут ущерб преуспеваю Гента. С этого времени и до своей смерти был капитан-генералом Гента. Вначале предполагал образовать федерацию фламандских городов, которые должны были демонстрировать нейтралитет в отношении воюющих сторон, однако в 1340 нейтралитет был нарушен, фламандские города встали на сторону Англии, а Артевельде убедил федерацию признать английского короля Эдуарда III сувереном Франции и верховным правителем Фландрии. Промышленность и торговля здесь процветали при его полудиктаторском правлении, однако слухи о том, что Артевельде планирует признать сына Эдуарда III графом Фландрии вызвали возмущение и он был убит разъяренной толпой.

^{167*} Пандольфини, Аньоло (1360 — 1446), флорентийский политический деятель. Происходил из влиятельной семьи. Был членом Синьории, гонфалоньером, послом. Поддерживал возвращение Козимо Медичи во Флоренцию в 1434, однако был оскорблен изгнанием своего родственника Палла Строцци и отошел от политики. Теперь считается, что «Govemo della famiglia» — это переработанная Пандольфини 3-я книга трактата Леон Баттиста Альберти «Famiglia».

^{168*} В 1316, на условиях, обыкновенных для амнистированных преступников. Возможно, впрочем, что это легенда.

^{169*} Гиберти, Лоренцо (Ghiberti; 1378 — 1455), итальянский ювелир, архитектор, скульптор. Создатель знаменитых дверей в баптистерии Флорентийского собора. Вместе с Брунеллески работал над Санта Мария дель Фьоре. Автор «Комментариев» (1447 — 1448), работы автобиографического и теоретического характера.

^{170*} Имеется в виду Плиний Старший (23 — 79), римский ученый и государственный деятель, известный в Новое время прежде всего энциклопедическим сочинением «Естественная история», охватывающим весь спектр наук о природе его времени. Большая часть его сохранилась. Погиб при извержении Везувия, когда пожелал его понаблюдать с близкого расстояния.

^{171*} Хотя Я. Буркхардт рассказывает о нем довольно подробно, прибавим несколько фактов. Альберти, Леон Баттиста (Леонбаттиста, Leon Battista Alberti; 1404 — 1472), итальянский архитектор и писатель, первый теоретик искусства Возрождения. Поэт и музыкант, занимался также математикой и естественными науками. С 1432 — папский секретарь при Евгении IV. Во время пребывания в Риме начал изучать

античные памятники, по возвращении во Флоренцию много занимался перспективой. Автор трактатов «О живописи» (*De la pittura*, 1436), «О скульптуре» (*De statua*). Был сторонником широкого использования итальянского языка в литературе и науке. В конце 1440-х стал активно работать как архитектор, среди наиболее известных зданий по его проектам — церкви Сан Франческо в Римини, Санта Мария Новелла и Палаццо Ручеллаи во Флоренции. Опубликованное в 1485 сочинение «Об архитектуре» (*De re aedificatoria*) является первым в эпоху Возрождения теоретическим трудом по архитектуре. С 1452 — снова в Риме, состоял папским секретарем при шести папах.

^{172*} Вазари, Джорджо (1511 — 1574), итальянский писатель, художник и архитектор, в наибольшей степени прославившийся своей книгой о знаменитых итальянских художниках Возрождения. Начал занятия живописью во Флоренции в студии Андреа дель Сартто. Среди сохранившихся работ Вазари — стенные росписи в Палаццо Веккьо во Флоренции и росписи в Ватикане, наиболее знаменитая архитектурная работа — Палаццо Уффици и несколько дворцов и церквей в Пизе и Ареццо. Однако наибольшую славу он снискал уже упомянутыми «Жизнеописаниями» (*Vite*, первое издание 1550 г., пересмотренное второе вышло в 1568 г.), первым в истории Нового времени сочинением по искусству, отличающимся к тому же прекрасным стилем.

^{173*} Муссато, Альбертино (1261 — 1329), итальянский историк и драматург. Изучал право, исполнял дипломатические поручения при папе Бонифации VIII и императоре Генрихе VII Люксембургском. В 1315 увенчан в Падуе как поэт. Умер в изгнании, как противник тираннического режима Марсилио да Каррара в Падуе. В своих художественных сочинениях ориентировался на античные образцы. В исторических, как и Данте, проводил идею объединения Италии под властью монарха (Генриха VII).

^{174*} Видимо, Иоанн V Палеолог (1332 — 1391), византийский император (1341 — 1391).

^{175*} Очевидно, имеется в виду Аккурсио, Франческо (ок. 1182 — ок. 1260), итальянский юрисконсульт, толкователь римского права, профессор Болонского университета.

^{176*} Возможно, Дзаноби делла Страда, друг Петрарки, ставший папским секретарем при папе Иннокентии VI.

^{177*} Липпи, фра Филиппо (1406 — 1469), пользовался особым покровительством Медичи, которые должны были за него в некоторых случаях ходатайствовать (как после похищения им в 1456 из монастыря в Прато монахини, Лукреции Бутти, после чего папа все-таки освободил их обоих от монашеского обета и позволил обвенчаться). Сам находился под влиянием Мазаччо, очень сильно повлиял на живопись Возрождения.

^{178*} Антенор — в «Илиаде» троянский старейшина, советник Приама (но не брат, как ниже утверждает Микеле Савонарола), сторонник мирного разрешения спора греков и троянцев, за что греки не тронули его и его семейство. По римской традиции (Вергилий, Энеида I 242—249), покинув Трою, Антенор впоследствии основал поселение на севере Италии.

^{179*} Согласно римским вариантам мифа о Троянской войне и ее предистории, Дардан, предок троянских вождей Лаомедонта, Приама, Анхиса, происходил из этрусского города Кортоня, откуда переселился в

Малую Азию. Разумеется, на что намекает и сам Я. Буркхардт, все изложение Савонаролы представляет собой изрядную мешанину из исторических и мифических деятелей разных эпох.

^{180*} Аттила (ок. 395 — 453), король гуннов (ок. 434 — 453), прозванный «Бич божий». Совершал вначале успешные нашествия на Восточную Римскую империю, затем, с переменным успехом — на Западную, в частности на Галлию (451). Незадолго до смерти (452), вторгся в Италию, где опустошил Милан, Аквилею и Падую, однако папа Лев I убедил его уйти отсюда. Ему, ясное дело, встретиться с Дарданом было бы затруднительно.

^{181*} Генрих IV (1050 — 1106), король с 1053, император Священной Римской империи (1056 — 1106). На протяжении всей жизни боролся за власть — с папой Григорием VII (ср. прим. 164*), с соперниками-претендентами на трон, и с собственными сыновьями.

^{182*} Паоло Венето (*Paolo Veneto*; ок. 1372 — 1429), итальянский философ, известный своими комментариями на Аристотеля. Монах-еремит, выступал против Франческо Поркари, сожженного на костре.

^{183*} Пьетро из Абано (*Pietro d'Abano*; 1250 — 1316), итальянский врач, философ и астролог, изучал греческий язык в Константинополе и математику в Падуе. С успехом преподавал медицину и прославился как практикующий врач. Пришел к конфликту с церковью из-за своих неоплатонических склонностей, был предан в руки инквизиции и по счастью умер в тюрьме прежде, чем его смогли сжечь. Известен также как знаток арабской медицины, прежде всего Аверроэса. Я. Буркхардт говорит ниже, что его погубила зависть коллеги.

^{184*} Ловато де Ловати (*Lovato de Lovati*; 1241 — 1309), поэт падуанской школы, предшественник гуманизма. Ему принадлежала несохранившаяся поэма о борьбе гвельфов и гибеллинов.

^{185*} Де Росси, Пьетро, представитель видного пармского гвельфского семейства, вместе с двумя своими братьями на короткое время овладел Пармой и Луккой, однако в 1335 они были вынуждены отдать эти города семье Скальери, а сами бежали в Венецию, где были кондотьярами. В 1337 смогли силой установить в городе власть Каррары, однако двое братьев, в том числе Пьетро, при этом погибли.

^{186*} Арчелли, Филиппо (ум. 1421), итальянский кондотьер, сражался в основном за Филиппо Висконти. В 1415 тот его уволил, после чего между ними начались военные действия. Перешел на службу Венеции. Погиб при завоевании Истрии.

^{187*} Гаттамелата (прозвище, собственное имя Эразмо да Нарни; ок. 1370 — 1443), итальянский кондотьер. Воевал сначала на службе у пап, затем — Венеции, давшей ему звание капитан-генерала (1437). Его конная статуя в Падуе (1453) принадлежит Донателло.

^{188*} Веспасиано Фьорентино, более известен как Веспасиано да Бистиччи (1421 — 1498), итальянский торговец книгами, прозванный современниками «*princeps omnium librarioium*» (первый среди всех книготорговцев). Достиг истинных высот в способности представить заказчику прекрасно переписанные (хотя и не всегда свободные от ошибок) рукописи. Поставлял их Медичи, Эсте, Арагонской династии, Матвею Корвину, Федерико да Монтефельтро и другим. Его лавка была центром литературной жизни Флоренции (да и Италии) с 1440 по 1480.

Когда же на смену рукописям пришли печатные издания, а старому поколению книголюбов — новое, Веспасиано не смог и не пожелал с этим смириться и приспособиться, а ушел на покой, удалившись в свое имение Антелла, где и провел остаток жизни. В 1482 начал писать свои «Vite», значение которых в отношении каждого из описываемых лиц неравнозначно, однако, несомненно, они представляют собой ценнейший документ-свидетельство этой эпохи. Написал также «Книгу похвал женщинам...» и «Плач об утрате Отранто».

^{189*} фацио (или Фачио), Бартоломео (Fazio, Facio; ок. 1400 — 1457), итальянский гуманист. Учился у Гварино. Состоял домашним учителем у детей дожа Фоскари в Венеции. Трудился в разных городах Италии, исполнял дипломатические поручения. Будучи в 1444 послан в Неаполь послом от Генуи, назад не вернулся. Был историографом и секретарем Альфонса. Автор хроники царствования Альфонса и других исторических сочинений. Вел полемику с Лоренцо Валлой. Оставил биографические описания знаменитых современников «De viris illustribus».

^{190*} Джовио, Паоло (1483 — 1552), итальянский историк. Изучал философию в Падуе под руководством Помпонации и медицину в Павии. Вскоре оставил врачебную практику и посвятил себя истории. Его «История моего времени» охватывает период с 1494 по 1549. Папа Адриан VI сделал его каноником собора Комо, а Климент VII назначил епископом в Ночере. Также ему принадлежат несколько книг жизнеописаний выдающихся деятелей.

^{191*} Тритемий, Иоганн (1462 — 1516), немецкий богослов и историк. Настоящая фамилия Гейденберг, по моде того времени он заменил ее на латинизированное имя, произведенное от названия родного города Триттенгейм. Аббат, писал по церковным вопросам, а также по каббалистике и магии. Его перу принадлежит несколько исторических сочинений, которые одно время считались первыми вестниками научной историографии в Германии, однако впоследствии было показано, что в своих трудах он был зачастую недобросовестен, ссылаясь на несуществующие источники, однако интерес представляют описания современных ему событий.

^{192*} Саннадзаро, Джакомо (1456 — 1530), итальянский поэт и гуманист. Входил в круг Понтано и Бембо. Состоял на службе у неаполитанских королей Арагонской династии, в 1501 сопровождал Фридриха III в изгнание, а после его смерти (1504) вернулся обратно. В молодости писал на потеху двору сатирические и бурлескные стихи на местном диалекте, а также сонеты и канцоны в стиле Петрарки. Наибольшую известность получила его пастушеская поэма «Аркадия», идеализирующая сельскую жизнь. Также «De partu Virginis» (см. прим. 335*), эпическая поэма, посвященная Богоматери.

^{193*} Жуан II (1455 — 1495), король Португалии (1481 — 1495). Сын Альфонса V, он прибегал к поддержке со стороны кортесов и народа, чтобы ослабить влияние знати. При нем Бартоломео Диас обогнул мыс Доброй Надежды (1487) и был подписан Тордесильяский договор (1494), разделявший между Испанией и Португалией Новый свет.

^{194*} Веспуччи, Америго (1454 — 1512), итальянский мореплаватель. Состоял на службе попеременно у Испании и Португалии. Совершил четыре плавания в Новый свет. После того, как Колумб попал в опалу,

Веспуччи получил (1508) звание *Piloto Mayor* (старший капитан). Немецкий космограф М. Вальдземюллер (псевдоним — Гилагомил) написал ему в своем труде (1507) честь открытия Америки.

^{195*} Имеется в виду Франческо Мария Мольса (1489 — 1544), итальянский поэт, писал по-итальянски и на латыни. Латинские произведения отличались большей самостоятельностью и совершенством. Написал памфлет в связи с тем, что Лоренцино испортил статуи триумфальной арки Константина.

^{196*} Саккетти, Франко (Sacchetti; ок. 1330 — 1400), итальянский писатель. Около 1352 написал ирои-комическую поэму «Битва стариков и молодых». В последние годы жизни написал «Триста новелл» (из которых сохранилось 223), отличающихся приниженностью содержания и народностью, даже упрощенностью языка.

^{197*} Хотя о Пьетро Аретино Я. Буркхардт говорит подробно, добавим, как и в случае Альберти, некоторые опорные вехи его биографии. Пьетро Аретино (Aretino; 1492 — 1556), итальянский поэт. Собственное его имя — Пьетро Бакки, а Аретино — прозвище, избранное им в память о родном Ареццо (ср. Бруни — Аретино). Изгнан из родного города за сатирический сонет по поводу папских индульгенций, жил в Перудже, с 1517 — в Риме, где остроумие и ловкое перо дали ему место при банкире Киджи, а потом — при Льве X. Какое-то время его поддерживал известный итальянский покровитель искусств Джованни Медичи (по прозвищу делле Банде Нере, из младшей линии Медичи). Его беззастенчивые нападки доставили ему множество врагов, а после публикации нескольких непристойных сонетов Аретино был вынужден на время оставить Рим, вернувшись туда в 1527 при папе Клименте VII, сделавшем его кавалером Роды. После смерти Джованни Медичи (1526) и покушения на него самого он поселился в Венеции, где вел беспорядочную жизнь, на которую зарабатывал литературным трудом, а не в последнюю очередь — литературным шантажом, грозя влиятельным и богатым людям, что опозорит их в случае отказа ему в материальной поддержке. Ариосто назвал его «бичом государей». Письма в 6-ти томах, издавать которые начал он сам еще в 1537 (6-ой том вышел уже после его смерти, в 1557), являются ценнейшим памятником, вызвавшим много подражаний. Автор стихотворной трагедии «Горация» на сюжет из Тита Ливия, ряда чрезвычайно вольного содержания прозаических комедий, сатирических поэм «Разговоры при дворе» и «Пасквиады», а также отличающихся непристойностью и сатиричностью «Разговоров блудниц» (Ragionamenti, 1534 — 1538).

^{198*} кардинал Библиена (Bibbiena, собственное имя — Бернардо Довици; 1470 — 1520), итальянский церковный деятель, автор комедий. С ранней молодости на службе у Медичи. В 1513 назначен кардиналом. Жизнь остроумия и языка принесли огромный успех поставленной в 1513 при дворе Урбино комедии «Каландрия», центральный персонаж которой заимствован из «Декамерона», а сюжет — частично из «Менехма» Плавта.

^{199*} Мануэл I Великий (1469 — 1521), король Португалии (1495 — 1521). Поддерживал экспедиции португальских мореплавателей (Васко да Гама, Кабрал), покровительствовал наукам и литературе. Непримиримый в религиозных вопросах, Мануэл выслал из страны евреев и мавров.

^{200*} Пульчи, Луиджи (Pulci; 1432 — 1484), итальянский поэт. Жил

при дворе Лоренцо Великолепного, который поручал ему важные миссии, затем — у Роберто Сансеверино. Автор сонетов. Главное произведение — «Моргайте», писавшийся приблизительно с 1461, издан 1483, оказавший большое воздействие на Фоленго и Рабле.

^{201*} Фоленго, Теофило (собств. имя — Джироламо, псевдонимы Мерлин Кокайо и Лимерно Питокко; 1491 — 1544), итальянский поэт. В Болонье учился у философа-материалиста Помпонацци. Вступил в орден бенедиктинцев в 1513, однако ушел в мир в 1524, но через десять лет снова вернулся к монашеству, посвятив последний период жизни религиозному творчеству. Однако главными его достижениями остаются произведения макаронической поэзии и пародии. Шедевры в этом роде — пародия на эпос «Орландино» (1526) и «Бальд» (1517). Последнее сочинение навело Рабле на замысел «Гаргантюа и Пантагрюэля».

^{202*} делла Каза, Джованни (Casa; 1503 — 1556), итальянский писатель и церковный деятель. Павел III назначил его в 1544 архиепископом Беневентским и папским нунцием в Венеции. Здесь он свирепо обрушился на протестантов и издал в 1549 список запрещенных книг. При Павле IV был государственным секретарем. Наибольшей известностью из сочинений пользуется упоминаемый здесь Я. Буркхардтом изданный посмертно (1558, сразу же вышло несколько изданий) «Il Galateo, ovvero de costume» — наставление по хорошим манерам, изложенное в форме наставлений воспитателя питомцу. Само слово «Galateo» стало в Италии синонимом учения о хороших манерах.

^{203*} филельфо, Франческо (Filelfo или Philelfus; 1398 — 1481), итальянский гуманист. В 1420 секретарь венецианского посольства в Константинополе, с 1422 секретарь императора Византии Иоанна VIII Палеолога. В 1427 вернулся в Венецию с большой коллекцией греческих рукописей. Вел жизнь странствующего ученого. Обладал блестящими дарованиями, был лучшим латинистом и эллинистом своего времени, прекрасным поэтом (писал стихи также и по-гречески). Николай V назначил его апостольским секретарем. Впрочем, неуживчивый характер и беспутный образ жизни не давали ему достичь больших успехов на этом поприще.

^{204*} Фра Эджидио да Витербо (ок. 1465 — 1532), итальянский церковный деятель. Вступил в августинский орден в 1488. Известен своими красноречием и образованностью. С 1507 — генерал ордена. В 1512 произнес инаугурационную речь по случаю открытия V Латеранского собора, в которой с замечательной откровенностью указал на беды церкви, а также обозначил средства для их преодоления. Лев X много использовал Эджидио для выполнения дипломатических миссий. Кардинал с 1517. В Витербо, где он был епископом, дал пристанище изгнанным турками с Родоса рыцарям-иоаннитам.

^{205*} Берни, Франческо (ок. 1497 — 1535), итальянский поэт. Длительное время находился на службе у разных итальянских прелатов — кардинала Библиены, родственника Берни, после семь лет секретаря епископа Вероны, затем датарий папы Климента VII, а с 1532 — во Флоренции, при Медичи. В 1533 Алессандро Медичи передал ему каноникат во Флорентийском соборе. Возможно, по приказу Алессандро он и был отравлен, потому что отказался отравить другого человека. Наиболее известна его свободная и бурлескная переделка «Влюб-

ленного Роланда» Боярдо. Благодаря блеску и элегантности эта переделка вытеснила оригинал вплоть до XIX в. Берни явился зачинателем т. н. «poesia bernesca» (т. е. «в стиле Берни»), пародии на патетическое и неестественное стихосложение его современников. Отличался злым и остроумным пером.

^{206*} Пасквино (Pasquino), имя жившего в Риме в конце XV в. сапожника, отличавшегося большим остроумием и удачно вышучивавшего происходившие в городе события. После его смерти неподалеку от места, где он жил, была найдена античная мраморная статуя гладиатора, которую поставили на Пьяцца Навона, на углу дворца Орсини, и народ назвал статую Пасквино. В римское обыкновение вошло прикреплять к подножию статуи сатирические памфлеты, как бы исходившие от Пасквино. Впоследствии напротив этой статуи была поставлена статуя Марсорио, к подножию которой прикреплялись листки с вопросами, на которые должен был ответить Пасквино. Отсюда, как считается, и происходит слово «пасквиль». Впоследствии Пасквино — тип слуги в итальянской комедии, хвастуна, болтуна, наглеца, хитреца, обжоры и умника.

^{207*} Освободителю отечества от сената и народа Рима (лат.).

^{208*} Правда порождает ненависть (лат.).

^{209*} Это и есть его знаменитые «Разговоры блудниц».

^{210*} Рабле, Франсуа (ок. 1494 — 1553), французский писатель, автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» (в 4-х томах, вышедших в 1532 — 1552).

^{211*} Ср.: «дьявол — обезьяна Бога».

^{212*} Род Фарнезе, происходящий из окрестностей Орвьето, и известный приблизительно с XII в., правил в герцогствах Парма и Пьяченца с 1545 по 1731. Таким возвышением он был обязан Павлу III (Алессандро Фарнезе). Пьерлуиджи Фарнезе (ок. 1490 — 1547), сын Павла, получил эти герцогства от отца. Поддерживал заговор Фиеско в Генуе (1547). Заколот кинжалом в ходе беспорядков, вспыхнувших при поддержке Карла V. После этого Парма вновь отошла к папе, а Пьяченцу заняли войска императора.

Примечания к главе III

^{213*} Карл Великий (742 — 814), король (768 — 814) и император франков (800 — 814). Распространил свою власть на большую часть христианской Европы, расширял владения также за счет покорения саксов и других племен, силой обращая их в христианство. Установил единообразный способ правления в империи. Способствовал образованности, распространению учености, в том числе и на основе обращения к античным памятникам (так наз. Каролингское возрождение). Государство Карла Великого явилось своеобразным сплавом германских, античных и христианских элементов.

^{214*} Эйнгард (ок. 770 - 840), государственный деятель и исторический писатель Франкского государства. Образование получил вначале в Фульдском монастыре, а затем при дворе Карла Великого, где был учеником Алкуина. Вошел в Палатинскую академию Карла. Завоевал доверие Карла Великого, исполнял важные его поручения. Автор нескольких сочинений по церковной истории и богословию, но наиболее

прославлено его «Жизнеописание Карла Великого» (*Vita Caroli Magni*), составленное по образцу античных авторов, в частности Светония.

^{215*} странствующих клириков (лат.).

^{216*} Вильгельм Аппул, автор написанной между 1090 и 1111 по заказу папы Урбана II поэмы «Деяния Роберта Гискара», герцога Апулии (см. прим. 164*).

^{217*} Лукан (Марк Анней Лукан 39 — 65), римский поэт, племянник философа Сенеки, приближенный императора Нерона. Присоединился к мнимому или настоящему заговору против императора, по раскрытии которого тот заставил его покончить с собой. Автор дошедшей до нас эпической поэмы «Фарсалия», повествующей о войне между Цезарем и Помпеем.

^{218*} Стаций (Публий Папиний Стаций ок. 45 — 96), римский поэт, автор двух дошедших до нас большого размера эпических поэм «Фиваида» и «Ахиллеида», отличающихся определенной эlegantностью, но и немалой вычурностью, а также около тридцати стихотворений, объединенных под названием «*Silvae*» (буквально «Леса», можно еще перевести как «Наброски»).

^{219*} Клавдиан (Клавдий Клавдиан; ок. 370 — 408), римский поэт, входивший в круг императора Гонория, был близок видному государственному деятелю Флавио Стилихону. Автор многочисленных дошедших до нас стихотворений, в основном небольшого размера. Много писал «на случай». Наибольшей известностью пользуются эпические поэмы «Похищение Прозерпины» и «Гигантомахия». Клавдиана считают последним значительным римским поэтом.

^{220*} Винцент из Бове (1264), французский монах-доминиканец, автор обширного энциклопедического труда «*Speculum doctrinale, historiale et naturale*» («Зерцало теологических, исторических и естественно-научных учений»), к которому продолжатели присоединили «*Speculum morale*» («Зерцало нравственных учений», ок. 1310). При своей известности труд этот является ценным свидетельством уровня знаний, которыми обладали люди XIII в.

^{221*} Алан Лилльский (Alain de Lille, по-латински — Alanus ab Insulis, Алан с Островов; между 1115 и 1128 — 1203), французский ученый, прозванный за разносторонность «универсальный» (*Doctor universalis*), был ректором Парижского университета, где преподавал теологию, стараясь ее обосновать в соответствии с правилами диалектики и грамматики. Автор нравственно-аллегорического сочинения «О вопле природы» (*De planctu naturae*), оказавшего влияние на «Роман о розе» Жана де Мена, и «Антиклавдиана» (*Anticlaudianus*).

^{222*} Римские достопримечательности (лат.). Средневековое, создававшееся постепенно, начиная с XI в., сочинение по римской топографии, было как бы приложением к путеводителям по Риму для христианских паломников. Существовало в разных редакциях. Характерно использование античных авторов и в то же время изрядная мифологизация действительности.

^{223*} Вильгельм из Мальмсбери (ок. 1093 — 1143), английский бенедиктинец, библиотекарь аббатства Мальмсбери. Ему принадлежат прекрасные исторические хроники «Деяния королей англов» с дополнениями и «Деяния епископов англов». В первом из них значительное мес-

то занимают историко-мифологические реминисценции на античные темы.

^{224*} Как мы уже говорили (прим. 107*), до 1470 юбилей отмечался раз в 50 лет, а поскольку начали их проводить в 1300, то юбилей 1450 был всего лишь 4-м и говорить об их «нескончаемой череде» вряд ли возможно.

^{225*} Петрарка дружил с несколькими сыновьями Стефано Колонна Старшего (в 1348 — 50), у которого было всего 13 детей. Про Джованни известно, что в 1327, когда ему было 13 лет, его сделали кардиналом.

^{226*} Фацио дельи Уберти (*Fazio degli Uberti*; нач. XIV в. — умер вскоре после 1368), итальянский поэт. Происходил из известного гибеллинского семейства. Написанная терцинами поэма «*Dittamondo*» (= *dicta mundi*, букв. «слово о мире», лат.) была написана в основном с 1350 по 1360. Осталась незаконченной.

^{227*} Солин (Гай Юлий Солин), римский автор, о времени и обстоятельствах жизни которого совершенно ничего не известно. Ему принадлежит составленная в основном на основе Плиния Старшего (см. прим. 170*) компиляция «Собрание достопамятных сведений», временем составления которого предположительно считают III в., чрезвычайно популярная в средние века.

^{228*} Ср. прим. 25 к гл. I (с. 374).

^{229*} дабы ты понял, насколько красива я была (ит.).

^{230*} «Восстановленный Рим» (лат.). Blond из Форли (*Blondus Forlensis*, обычно называемый Флавио Бьондо, но правильнее Бьондо Флавио; 1392 — 1463), итальянский историк, гуманист. В 1433 Евгений IV сделал его нотарием папской канцелярии. Blond поднял исторические исследования на новую высоту, обогатив их критическим духом, занимаясь сравнительными исследованиями. Первым среди гуманистов осознал важность средневековья. Ему принадлежит несколько значительных исследований. «История Рима» (покрывающая период с 142 по 1441), «Италия в описаниях» (*Italia illustrate*, историческая география Италии), упоминаемый здесь «Восстановленный Рим» (реконструкция античной римской топографии) и «*Roma triumphans*» («Рим торжествующий»), о котором идет речь чуть ниже, являющиеся описанием общественных и частных учреждений античного Рима.

^{231*} Фронтин (Секст Юлий Фронтин ок. 40 — ок. 103), римский государственный деятель и писатель. Был консулом (73, 98 и 100), наместником в Британии (74 — 78). С 97 смотритель водоснабжения Рима. Автор сочинений о землемерном деле, военных хитростях, а также «О водных источниках и водоснабжении Рима», о котором и идет здесь речь.

^{232*} Анастасий (ок. 815 — ок. 878), церковный деятель, аббат ряда монастырей в Италии. В 855 соперничал с Бенедиктом III в борьбе за папский престол. Библиотекарь при нескольких папах, редкий в это время знаток греческого языка, вследствие чего активно занимался дипломатической деятельностью папского престола, поддерживая контакты с Византией, где он бывал. Во времена Я. Буркхардта считался автором сборника житий пап — т. н. «*Liber Pontificalis*», однако возможно, что ему принадлежит жизнеописание одного лишь Николая I (*Vita Nicolai*). Автор переводов ряда византийских исторических хроник на латинский язык (Никифора, Георгия Синкелла и Феофана).

^{233*} Марцелл (Марк Клавдий Марцелл ок. 268 — 208 до н. э.), римский государственный деятель и военачальник. Пять раз становился консулом. После разгрома римлян при Каннах на него было возложено верховное командование. При Нолах он дважды (в 216 и 215) разбил Ганнибала.

^{234*} Ныне Тиволи.

^{235*} Аббревиаторы (ит. *abbreviatori*, от *abbreviare*, «сокращать», а Возможно и от *breve*, «папское послание»), коллегия папских секретарей, готовивших документы для ознакомления пап, а также им на подпись. Впервые упомянуты в 1350, в булле Бенедикта XII. Павел II, в чьи времена их было 25 человек, их распустил (официально — за взяточничество, чему можно поверить, потому что положение аббревиатора давало возможность оказывать немалое влияние на принятие решений курией и папой), однако впоследствии они были введены вновь, числом 72, из них 12 — прелаты, 22 — священнослужители более низкого ранга, прочие же миряне.

^{236*} обитаемого мира (лат.).

^{237*} Агенобарб (Гней Домиций Агенобарб, *Ahenobarbus*; жил в первой пол. I в.), претор и консул при императоре Тиберии, первый муж Агриппины Младшей, родившей ему в 37 г. Нерона.

^{238*} Кв. Фабий Максим (Квинт Максим Фабий, прозванный Кунктатор, т.е. «медлитель»; 275 — 203 до н. э.), римский государственный деятель и полководец, успешно воевал с Ганнибалом.

^{239*} Корнаро — знатный венецианский род, имевший среди своих представителей дожей и одну королеву (Екатерина, королева Кипрская). О Луиджи Корнаро см. ниже, прим. 309*, а также у самого Я. Буркхардта.

^{240*} Красс — это не Марк Лициний Красс, известный прежде всего как военачальник и государственный деятель, но Люций Лициний Крассе (140 — 91 до н. э.), знаменитый оратор, учитель Цицерона, от которого мы о нем и знаем. Квинт Гортензий Гортал (114 — 50 до н. э.), еще один знаменитый оратор. Посвященный ему несохранившийся диалог Цицерона «Гортензий» знаменит тем, что обратил к философии Августина.

^{241*} Полифило (*Poliphilo*, собственное имя Франческо Колонна; 1432–33 — 1527?), итальянский писатель, доминиканский монах. О жизни его практически ничего не известно. Ему принадлежит сочинение «Гипнэротомашия Полифила» (*Hypnerotomachia Poliphili*, вероятно, до 1479, имеющийся здесь акростих и дает возможность восстановить имя автора), фантастическое по содержанию и написанное несколько искусственным языком, архаизированным с примесью греческих слов (что чувствуется и из названия). Разбираемые здесь архитектурные проблемы делают из автора первопроходца во многих отношениях, поскольку написана книга до знаменитой «*De re aedificatoria*» Л. Альберти. Изданная с иллюстрациями в типографии Альдо Мануччи в 1499, «Гипнэротомашия Полифила» считается многими специалистами самым красивым изданием эпохи Возрождения.

^{242*} Перотто, Никколо (1429 — 1480), итальянский гуманист, учился у Витторино в Мантуе (1443 — 1445), и у Гварино в Ферраре (1445 — 1446). Состоял на службе у кардинала Виссариона, был папским секретарем, архиепископом. Наследие его весьма обширно: переводы с греческого, руководство по написанию писем, латинская грамматика. Составил огромный комментарий к Марциалу, поражающий до сих пор

ученостью и обилием сообщаемых сведений. Чрезвычайно важен содержащийся в записках Перотто пересказ отсутствующих в современных рукописях басен Федра, которые он читал в молодости.

^{243*} О нем Я. Буркхардт будет рассказывать довольно подробно, мы же добавим некоторые опорные факты его биографии. Гварино Веронезе, или Гварино де Гваринис (*Varinus, Guarina*; 1374 — 1460), итальянский ученый, гуманист. Учился в Вероне, затем в Падуе, где получил диплом нотариуса. Перебрался в 1403 в Венецию, где встретился с Мануилом Хрисолором, прибывшим сюда в качестве сопровождающего византийского императора, возвращавшегося из европейского визита. Гварино решил последовать за Мануилом в Константинополь для изучения греческого языка, и пробыл там 5 лет. Вернулся в Италию в 1409. Вскоре познакомился в Болонье с Леонардо Бруни, которым был рекомендован Николо Никколи в качестве преподавателя для Студии во Флоренции. Так началось его педагогическое служение. Во Флоренции Гварино преподавал греческий неполных 5 лет, затем отправился в 1414 в Венецию и организовал здесь школу для патрициев. В 1419 по просьбе соотечественников перевел свою школу в Верону и проработал здесь почти 10 лет. При наступлении эпидемии чумы с разрешения общины уехал из Вероны. В 1429 оказался в Ферраре, где его упростили остаться, и здесь он проработал еще 30 лет. Первые шесть лет посвятил воспитанию Леонелло д'Эсте. Леонелло, а по его смерти в 1450 Борсо поддерживали школу. Помимо работ по педагогике, грамматик греческого и латинского языков, Гварино оставил много работ по античности, переводил Плутарха, Страбона, Ливия, Плавта и Плиния, комментировал, поправлял рукописи. Около 900 писем, датируемых с 1405 по 1460, являются замечательным памятником эпохи.

^{244*} Птолемей II Филадельф (308 — 246 до н. э.), царь Египта (285 — 246 до н. э.), чрезвычайно расширил знаменитую Александрийскую библиотеку,¹ Основанную его отцом Птолемеем I Сотером.

^{245*} Никколи, Николо (1365 — 1437), итальянский гуманист. Из купеческой семьи, употребил все свое состояние на собирание книг и памятников. Состоял в переписке со всеми видными гуманистами своего времени, некоторым из них оказывал и материальную поддержку. Автор лишь одного сочинения — латинской орфографии, однако его роль как личности чрезвычайно велика, о чем можно судить и по частому привлечению его писателями этого времени в качестве персонажа их диалогов.

^{246*} Медичи, Козимо (1389 — 1464), дед Лоренцо Великолепного, с которого собственно и началось политическое восхождение семейства. Родоначальник старшей ветви Медичи, пресекшейся со смертью Алессандро в 1537.

^{247*} Квинтилиан (Марк Фабий Квинтилиан; ок. 35 — ок. 95), римский теоретик ораторского искусства, учитель Плиния Младшего, автор дошедшего до нас наставления «Воспитание оратора».

^{248*} Силий Италик (Тиберий Каций Силий Италик; ок. 25 — 101), римский поэт и государственный деятель. Автор эпической поэмы в 17 песнях «Пунические войны», посвященной войне с Ганнибалом.

^{249*} Манилий (Марк Манилий; I в.), римский поэт, автор поэмы «Астрономия» в 5 песнях.

^{250*} Валерий Флакк (Гай Валерий Флакк; ок. 45 — ок. 90), римский

поэт, автор поэмы «Аргонавтика» в 5 песнях, написанной под влиянием Аполлония Родосского. Сильной стороной поэмы является характеристика героев.

^{251*} Асконий (Квинт Асконий Педиан; I в.), римский писатель/автор биографии Саллюстия, в которой он выступает против умалителей значения Вергилия, и ряда комментариев на речи Цицерона.

^{252*} Колумелла (Луций Юний Модерат Колумелла; I в. до н. э.), римский писатель, автор трактата по сельскому хозяйству 12 книгах, чрезвычайно подробного и дающего много ценнейших сведений.

^{253*} Цельс (Авл Корнелий Цельс; I в.), римский ученый, автор энциклопедического труда «Искусства», из которого дошли только 8 книг по медицине.

^{254*} Авл Геллий (II в.), римский писатель, автор написанного в форме бесед сочинения «Аттические ночи» в 20 книгах (8 из них утрачены), где используются и цитируются приблизительно 275 греческих и латинских авторов, многие из которых неизвестны по иным источникам.

^{255*} Ласкарис, Андрей-Иоанн, или Янос (ок. 1445 — 1535), греческий ученый, прозванный Риндакин по городу Риндак в Малой Азии. Жил при дворе Лоренцо Великолепного, по заданию которого привез много рукописей с Востока, в том числе с Афона. Впоследствии обучал греческому языку в Париже (был учителем Гийома Бюде), способствовал там основанию королевской библиотеки, в Риме возглавлял училище для молодых греков и греческую типографию.

^{256*} Собственно, «писатели» (ит.); об их отличии от *copisti* («переписчики») см. С124-125.

^{257*} Св. Альберт Великий (Albertus Magnus; ок. 1200 — 1280), немецкий ученый, прозванный «универсальным» (*Doctor universalis*), преподавал теологию в Парижском университете, где среди его студентов был Фома Аквинский. Занимал различные церковные должности, был епископом и администратором Доминиканского ордена. Сыграл важную роль в освоении средневековой философией аристотелизма, проникавшего сюда первоначально через латинские переводы арабских авторов Авиценны и Аверроэса, проявил чрезвычайно большой интерес к естественным наукам, за что был в 1941 сделан католической церковью покровителем всех ученых-естественников. Главное сочинение — «*Summa theologiae*» (ок. 1270 г.).

^{258*} св. Бонавентура (в миру — Джованни ди Фиданца; 1221 — 1274), итальянский теолог мистического направления. Учился в Парижском университете (с 1235). В 1243 вступил в орден францисканцев. В 1257 стал верховным генералом ордена и его реформировал, избрав средний путь между неукоснительным следованием предписаниям св. Франциска и полным от них отказом. Сочинения — «Путь души к Богу» «Размышления о жизни Иисуса Христа», «Жизнеописание св. Франциска».

^{259*} современных (т. е. авторов) (ит.).

^{260*} Хотя у Я. Буркхардта Манетти посвящено особое рассуждение, добавляем о нем несколько фактов. Джанноццо Манетти (Manetti; 1396 — 1459), итальянский гуманист, сын флорентийского купца. Был апостольским секретарем при курии Николая V, а после его смерти в 1455 стал ученым советником Альфонса Арагонского в Неаполе. И та и другая должность были sineкурами, дававшими ему возможность зани-

маться наукой. Разносторонний и плодовитый писатель, Манетти знал также и еврейский язык. Перевел с греческого Новый завет.

^{261*} Этьен (Estienne), знаменитая семья французских гуманистов и издателей. Первый, Анри (ок. 1460 — 1520), был преимущественно издателем естественно-научной литературы (около 120 названий), так что речь здесь может идти об Этьенах начиная с его сына Робера I (1503 — 1559), который великолепно владел и греческим и латинским и выпустил множество замечательных изданий, в том числе по античности.

^{262*} Бюде, Гийом (1467 — 1540), французский гуманист. Начал занятия в возрасте 24 лет. Учился у Иоанна Ласкариса, став замечательным эллинистом. Выполнял различные дипломатические поручения, много раз был купеческим прево. Создал библиотеку Фонтенбло, которая со временем стала основой Национальной библиотеки, получил у Франциска I разрешение основать Коллеж де Франс. Автор значительных трудов по нумизматике, праву и греческой грамматике.

^{263*} Хрисолор, Мануил (ок. сер. XIV в. — 1415), известный византийский ученый, богослов. Около 1393 отправлен византийским императором Мануилом II на Запад просить помощи против турок. Приглашен во Флорентийский университет на том условии, что будет обучать греческому языку всех желающих. В 1408 окончательно перебрался в Италию, работал в папской курии.

^{264*} Аргиропуло, Иоанн (1416 — 1486), греческий ученый. С 15 лет в Италию, получил здесь образование при поддержке кардинала Виссариона. Вернулся в Константинополь незадолго до захвата его турками, после чего бежал в Италию. В 1456 Козимо Медичи поручил ему воспитание сына Пьеро и внука Лоренцо. В 1471 в связи с чумой перебрался в Рим, где и преподавал до смерти. Воспитал многих видных ученых, в том числе Строцци, Полициано, Рейхлина.

^{265*} Газа, Теодор (1398 — 1478), греческий ученый. Бежал в Италию после занятия его родного города Фессалоники турками в 1430. Преподавал в Ферраре греческий язык. В 1450 по приглашению Николая V прибыл преподавать философию в Рим. По смерти Николая (1455) жил в Неаполе у Альфонса Арагонского. Переводил греческих авторов, составил греческую грамматику.

^{266*} Халкондил, Дмитрий (ок. 1424 — 1510), греческий грамматик. Был учителем греческого языка в Италии, издавал здесь же греческие тексты (Гомера, Исократа).

^{267*} Мусурос (или Мусурус), Марк(? — 1517), греческий ученый, уроженец Крита. Преподавал в Падуе и Венеции, в 1516 переселился в Рим, где Лев X посвятил его в архиепископы. Был корректором и соиздателем многих греческих текстов у Мануччи.

^{268*} Об Андрее-Иоанне Ласкарисе см. прим. 255*. Вторым знаменитым представителем семейства Ласкарис был Константин (1434 — 1501), греческий ученый, один из основоположников антиковедения на Западе. После взятия Константинополя бежал в Италию, был учителем дочери миланского герцога, позже обитал в Риме под покровительством кардинала Виссариона, преподавал греческий язык в Мессине. Его изданная в 1474 книга «*Erotemata*» явилась первой печатной книгой на греческом языке.

^{269*} Т. е. уроженцев Крита (Кандия - средневековое название Крита).

^{270*} Рейхлин, Иоганн (Reuchlin; 1455—1522), немецкий гуманист, юрист, издатель, один из основоположников научной филологии. Учился в Парижском и Базельском университетах. Автор первой принадлежащей христианину еврейской грамматики (1506). По побуждению Рейхлина в 1509 император Священной Римской империи Максимилиан I выступил против сожжения еврейских книг инквизицией, однако сам он был осужден рескриптом папы. Это явилось одним из поводов к созданию «Писем темных людей» (1515—1517), в которых резко критиковалась церковь. Несмотря на вольномыслие, сам Рейхлин не поддержал Реформацию.

^{271*} Авиценна (арабское имя — Абу Али аль-Хусаин ибн Абд Аллах ибн Сина; 980 — 1037), персидский мусульманский философ и врач, родился возле Бухары, состоял придворным медиком сначала в Бухаре, потом в Исфагане (Персия). Сочинение «Канон медицины» длительное время оставалось учебником как на Востоке, так и в Европе. Первый латинский перевод был выполнен в XII в., а на арабском это была вторая опубликованная (в 1593) книга. Философские взгляды Авиценны соединяли аристотелизм и неоплатонизм, он отступал от религиозных учений, отрицая личное бессмертие, участие Бога в людских делах и сотворение мира, за что подвергся впоследствии критике Аль-Газали.

^{272*} Аверроэс (арабское имя — Абу аль-Валид ибн Ахмад ибн Мухаммед ибн Рушд; 1126 — 1198), испано-арабский мусульманский философ, правовед и врач. Родился и жил в Испании, где занимался врачебной и судебной практикой, а также занимал значительные посты при дворе арабских правителей. В философии придерживался аристотелизма, отрицал божественное творение мира, оставляя Богу роль аристотелевского «первого движителя». Прославился комментариями на Аристотеля, оказавшими в латинских переводах значительное влияние на средневековую европейскую философию. Автор знаменитой теории параллельного существования «двух истин» — философской и религиозной, из которой он, впрочем, не делал крайних выводов. Полемицировал с сочинениями мусульманского теолога Аль-Газали (1058 — 1111).

^{273*} Латини, Брунетто (ок. 1220 — ок. 1295), итальянский государственный деятель и ученый. Учитель Данте, о котором тот с благодарностью вспоминает. Автор нескольких дидактических сочинений. Был сторонником гвельфов, будучи изгнан гибеллинами обитал в 1260 — 1266 во Франции, где создал на местном северном диалекте свое произведение энциклопедического характера «Li Livres dou Tresor», часть которого он впоследствии изложил в своей итальянской поэме «Il Tesoretto», где его провожатым является Овидий.

^{274*} Бонифаций VIII (в миру — Бенедетто Каэтани; 1235? — 1303), 191-й папа римский (1294 — 1303). Кардинал с 1281, папский легат во Франции. Взошел на папский престол вслед за Целестином V, которого ему удалось склонить к отречению. Бонифаций довел до крайности учение о духовной и мирской независимости папы, что привело к конфликту с Филиппом IV Красивым. Предметом конфликта было вначале (1296) право короля взимать налоги с клира (когда Бонифаций запретил клирикам платить их, на что Филипп ответил запретом на вывоз монеты из Франции), потом же он расширился на более широкий круг вопросов. Когда в 1301 Филипп арестовал во Франции папского легата

и впервые созвал (1302) Генеральные штаты, ставшие в конфликте с папой на сторону короля, Бонифаций ответил знаменитой буллой «Unam sanctam» (1302), Филипп поручил своим сторонникам (Ногаре, Скьярра Колонна) арестовать папу в Ананьи, что они и сделали, однако через два дня местные жители его освободили. Но пережитое испытание подействовало на папу и он умер через месяц в Риме. В 1305 Филиппу удалось добиться избрания на папский престол своего ставленника Климента V, которого он уговорил перебраться в Авиньон, с чего и началось так называемое Авиньонское пленение.

^{275*} «О происхождении богов» (лат.).

^{276*} Роберт Анжуйский (ок. 1275 — 1343), герцог Анжуйский, граф Прованса и король Неаполя (1309 — 1343). Сын Карла II Хромого, он защищал папство от императоров Священной Римской империи и был главой партии гвельфов в Италии. Принимал при своем дворе Петрарку и Боккаччо. Дед Жанны I, вступившей на престол вслед за ним.

^{277*} пизанский венок (ит.).

^{278*} Как и о некоторых других деятелях Возрождения, мы сообщим о нем некоторые сведения, хотя Я. Буркхардт будет говорить о нем специально. Лет, Помпоний или Джулио Помпонио (Laetus; 1425 — 1497), итальянский гуманист. Учился в Риме у Лоренцо Баллы, потом преподавал в Римском университете и основал ученый кружок, названный Академией.

^{279*} Аретино, Карло (Aretino, собственное имя, под которым он больше известен — Карло Марсуппини, Marsuppini; 1398 - 1453), итальянский гуманист. Читал лекции в Студии во Флоренции, после смерти Л. Бруни секретарь республики. Папа Евгений IV дал ему звание почетного папского секретаря. Незадолго до смерти начал переводить «Илиаду», но перевел только I и часть II песни. Перевел с греческого «Войну мышей и лягушек», внес значительные улучшения в текст Силия Италика.

^{280*} Пальмьери, Маттео (1406 — 1475), итальянский гуманист. Происходя из незнатной семьи, он достиг высших должностей во Флоренции, будучи приором и посланником при папе и европейских дворах. Исторические сочинения по всемирной истории (с сотворения мира до 1448), истории Пизы и Флоренции (охватывают период с 1432 по 1474). Наиболее известное произведение — «О гражданской жизни», трактат в четырех книгах, в диалогической форме. Поэма «Город жизни» (1464) за независимость суждений попадала в индекс запрещенных книг.

^{281*} Сочини, Бартоломео (Socini; 1436 — 1507), итальянский юрист. Учился в Сиене, а также в Болонье и Пизе. Преподавал в Сиене, Ферраре (1471-72), Пизе (1473-94), Болонье (1494-98), Падуе (1498-1501). Принимал живое участие в общественной жизни городов, где преподавал, и неоднократно политические неурядицы вынуждали его переезжать с места на место. Его высокие гонорары являются показателем высокого престижа, которым он пользовался.

^{282*} Витторино да Фельтре (Vittorino da Feltre; ок. 1378 — 1446), итальянский педагог и гуманист. Около 1396 отправился в Падую для обучения. Занимался у лучших преподавателей этого времени. В 1415-16 учился в школе Гварино в Венеции, где изучал греческий язык, а с самим Гварино завязал дружбу. В 1422 оставил кафедру риторики в университете Падуи, возвратился в Венецию и основал там школу для юных патрициев. В 1423, будучи приглашен Джанфранческо I Гонзага, основал школу

— прообраз современных коллегей, построенную на началах гуманизма и христианства. Уклон здесь, в отличие от школы Гварино, делался не столько на сторону литературы, сколько практических знаний и умений. Школа Витторино просуществовала еще 20 лет после его смерти.

^{283*} из любви к Богу (ит.).

^{284*} фирино, Марсилио (1433 — 1499), итальянский философ, переводчик Платона и неоплатоников, а также ареопагитского корпуса. Глава флорентийской Платоновской академии. Автор сочинений «Платоновская теология» и «О христианской религии».

^{285*} Аччайоли (Acciaiuoli), богатое флорентийское семейство, изначально занимавшееся торговлей сталью. Его представители выдвинулись на важные государственные посты в Италии еще в XIV в., были среди них и епископы. Донато Аччайоли (1478), переводчик и комментатор Аристотеля, был также посланником при французском дворе.

^{286*} фра Пачоли, Лука (прозванный Лука ди Борго, Pacioli; 1445? — 1514), итальянский математик. Его главное сочинение «Summa de arithmetica, geometria, proportioni et proportionalita» (1494) является энциклопедическим собранием всего, что было известно в области математики в то время. Новаторством это сочинение не отличается.

^{287*} Тосканелли, Паоло дель Поццо (Toscanelli; 1397 — 1482), ученый-гуманист, космограф и астроном. Стронник учения о шарообразности Земли, на основании чего он считал возможным достичь Индии западным путем.

^{288*} Строцци, Палла (Strozzi; 1372 — 1462), итальянский ученый, государственный деятель и дипломат. Выходец из того же флорентийского семейства, что и уже упоминавшиеся Тито и Эрколе Строцци. Палла пожертвовал свое огромное состояние на науку и литературу, открывал школы, поддерживал ученых, например пригласил во Флоренцию Мануила Хрисолора. В 1428 встал во главе университета. Противодействовал Козимо Медичи, стремившемуся к власти над Флоренцией и был изгнан, после чего поселился в Падуе. Занимался также переводами с греческого.

^{289*} Возможно, это Филиппо Строцци Старший (ум. 1491), занимавшийся банковскими операциями в нижней Италии и сколотивший здесь значительное состояние. Через посредство короля Неаполя получил разрешение вернуться во Флоренцию, где в 1489 начал строительство знаменитого Палаццо Строцци.

^{290*} Т. е. Николай V.

^{291*} Панормита, Антонио-Беккаделли (1394 — 1497), итальянский гуманист, поэт, историк и критик.

^{292*} «Историю Альфонса» (лат.).

^{293*} короля (лат.).

^{294*} Святилище божественной Изотты (лат.).

^{295*} в виде изображения (лат.).

^{296*} Т. е. Марсуппини.

^{297*} Платина (собственное имя Бартоломео Сакки; 1421 — 1481), итальянский гуманист. Вначале состоял на военной службе. Учился в Мантуе, был здесь учителем детей дома Гонзага. В 1461 переселился в Рим, где вступил в Академию. Пришел в столкновение с Павлом II, который дважды его сажал в тюрьму. Первый раз — за написанное

Платиной в раздражении письмо по поводу упразднения Павлом аббевиаторов (см. прим. 235*), второй же оказался в заключении заодно со всеми другими членами Академии. В тюрьме, где он провел 8 месяцев, испытал тяжелое нервное потрясение, от которого не мог оправиться в течение года. С избранием Сикста IV Платина снова стал пользоваться расположением папы, в 1476 назначен библиотекарем Ватиканской библиотеки. Составил жизнеописание всех пап, ценное начиная с Каликста III, в случае же более ранних пап основывающееся на известных источниках. Автор многих других трактатов на обыкновенные для гуманистов темы.

^{298*} небесные тайны (лат.).

^{299*} Когда Муций Сцевола, полубогатый римский герой (конец VI в. до н. э.), пробрался в лагерь этрусков, чтобы убить их царя Порсенну, он принял за царя находившегося в том же шатре писца, и убил его.

^{300*} Меценат (Гай Меценат; 74? — 8 до н. э.), римский государственный деятель и покровитель искусств. Был другом и советником императора Августа, чьим секретарем его вряд ли можно назвать. Друг и покровитель Проперция, Горация и Вергилия.

^{301*} Джакомо Вольтерра не вполне прав: духовные лица часто становились в Германии канцлерами (министрами) по причине своей образованности, но это не значит, что между этими понятиями не было никакой разницы. Наиболее видными канцлерами (Erzkanzler) были здесь во времена Священной Римской империи (а номинально — и после) архиепископы Майнцские (имперский канцлер Германии), Кёльнские (имперский канцлер Италии) и Трирские (имперский канцлер Бургундии).

^{302*} Корио, Бернардино (1459 — 1503-12), итальянский историк. Работал в Милане при Сфорца, пользуясь их покровительством. Получил от Лодовико Моро задание написать историю города, что открыло ему доступ к архивам. После изгнания Сфорца в 1494 удалился в деревню под Миланом и продолжал работу там. Написанная им на итальянском языке история Милана охватывает период от основания города и до 1499. Она несвободна от ошибок, но чрезвычайно ценна тем, что Корио еще имел доступ к источникам, впоследствии рассеянным различными потрясениями. Великолепное издание у Мануччи вышло в 1503.

^{303*} Имеется в виду Плиний Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд; 61 — ок. 114), римский государственный деятель, автор сборника писем, образцовых по стилю и прекрасно характеризующих эпоху.

^{304*} О нем Я. Буркхардт будет говорить еще много. Вот некоторые факты. Св. Бернардино да Сиена (1380 — 1444), итальянский проповедник. С 1402 францисканец, с 1406 проповедует по всей Северной и Средней Италии. Немногие проповеди Бернардино сохранились в неудовлетворительной записи современников. Судя по всему, в них им затрагивался чрезвычайно широкий круг вопросов. После проповеди благословлял слушателей табличкой, на которой была вырезана монограмма Христа (IHS), за что даже был привлечен (1427) к ответу по поводу преувеличенного почитания имени Христа, однако смог оправдаться. Был горячим сторонником догмата о непорочном зачатии Богородицы.

^{305*} Герарди, Джакомо (Gherardi; 1434 — 1516), итальянский дипломат и эрудит. Прозвание Вольтерра восходит к названию его родного города. Учился во Флоренции, с 1479 папский секретарь. Будучи проездом во Флоренции в 1487, произвел прекрасное впечатление на Лоренцо Великолепного, избравшего Вольтерру учителем своего сына Джованни, будущего папы Льва X. Автор ценных записок («*Diarium Romanum*», 1479-84) и писем.

^{306*} Ингирами, Федра (Inghirami, собственное имя Томмазо Ингирами; 1470 — 1516), каноник в Ватикане, секретарь св. Коллегии, библиотекарь. Записной оратор, современники называли его Цицероном. Ныне более всего знаменит своим портретом кисти Рафаэля.

^{307*} Имеется в виду *inventio* (лат., «изобретение» -буквальный перевод, как и даваемое Я. Буркхардтом немецкое *Erfindung*), одна из пяти задач оратора согласно античным руководствам. Она заключалась в подборе материала и выборе точки зрения. Остальными задачами были *dispositio* (распределение материала), *elocutio* (придание речи стилистической формы), *memoria* (выучивание ее наизусть) и *pronuntiatio* (собственно произнесение).

^{308*} Филиппо Беральдо Старший (собственное имя Филиппо ди Франческо да Аржиле; 1453— 1505), итальянский гуманист, преподаватель. Плодовитый писатель, комментатор латинских авторов. Издал Апулея с подробным и очень ученым комментарием, избоблюющим также множеством отступлений.

^{309*} Луиджи Корнаро (1467 — 1566) прославился как раз этим своим сочинением, переведенным на многие языки.

^{310*} Санудо Старший, Марин (ок. 1270 — ок. 1343 или вскоре после), итальянский купец, путешественник. Много бывал на Ближнем Востоке. Составил на латинском языке описание стран этого региона в «*Condiciones terrae sanctae*», а также детально разработанный план крестового похода с целью завоевания Святой земли, «*Orus terrae sanctae*», врученный им лично папе Иоанну XXII в Авиньоне в 1321. Также Санудо принадлежит сочинение по истории Италии XIII в. «*Storia di Romania*» (сохранилось только в итальянском переводе). Важным элементом его сочинений являлись прилагавшиеся к ним географические карты.

^{311*} Инфессура, Стефано (до 1436 — до янв. 1500), итальянский юрист. Ему принадлежат записки «Дневник города Рима», охватывающие период со смерти Бонифация VIII до апреля 1494. Дневник избобляет неточностями, сам Инфессура чрезмерно легковверен, однако в принципе записки являются прекрасной характеристикой повседневной жизни Рима.

^{312*} Букв, «франкский язык» (ит.), собственно язык из элементов романских, греческого и восточных языков, служащий для общения в восточном Средиземноморье; в широком смысле - любой язык международного общения, как французский в дипломатии до недавнего времени.

^{313*} св. Проспер Аквитанский (ок. 390 — ок.455-463), теолог, поэт, вероятно, монах. В Марселе принял сторону Августина в диспуте с пелагианцами (428 — 434), впоследствии перебрался в Рим к папе Льву Великому. Автор сочинения «О призвании языков», а также «Хроники»

(непосредственное продолжение летописи Иеронима, охватывает период с 379 по 455), о которой, видимо, и идет здесь речь.

^{314*} от заката Римской империи (лат.)

^{315*} летописей (лат.).

^{316*} История Венеции (лат.).

^{317*} Аппеллес (процветал ок. 352 — 308 до н. э.), греческий живописец, один из самых прославленных художников античности. Учился у Памфила из Амфиполя. Работы не сохранились, а известны лишь по описаниям. Был придворным художником Александра Македонского, писал портреты его и его военачальников. Возможно, некоторые сохранившиеся мозаики из Помпеи созданы в подражание его живописным работам.

^{318*} Филиппо да Сан-Джеминьяно — очевидно, в виду имеется Филипп Буонакорси Каллимах (Callimaco; 1437 — 1496), итальянский дипломат и публицист, ученик Помпония Лета, вместе с которым они основали Академию. В связи с событиями вокруг Академии (о них рассказывает Я. Буркхардт) вынужден был бежать и оказался в Польше. Пользовался здесь расположением королей Казимира и Яна Альберта, но польская знать его недолюбливала, считая, что он внушает монархам абсолютистские тенденции. Состоял в переписке с видными гуманистами на родине — Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола, Лоренцо Великолепным. Написал труды по польской и европейской истории.

^{319*} отцы-сенаторы (лат.), торжественное именование римского сената.

^{320*} девы-весталки (лат.).

^{321*} божественный ... бог (лат.).

^{322*} сенаторами (лат.).

^{323*} председателем сената (лат.).

^{324*} проклятием (лат.).

^{325*} луперкалиями (лат.). Луперкалии - справлявшийся в древнем Риме 15 февраля праздник очищения и плодородия в честь близкого палатинскому Марсу Фавна Луперка. Сопровождался жертвоприношениями, инсценировками, бегом по городу облаченных в козлиные шкуры жрецов-луперков, шутками и насмешками.

^{326*} букв, «городу и миру» (лат.), т. е. каждому.

^{327*} Валериано, Пиерио (собственное имя Джован Пьетро; 1477 — 1560), итальянский поэт, гуманист. Учился на родине, в Беллуно и в Венеции. С 1509 в Риме, пользовался покровительством Юлия II и Льва X. На протяжении всей жизни сохранял близость к семейству Медичи, был домашним учителем Ипполита, будущего кардинала, и Алессандро, будущего герцога.

^{328*} Лонголий (Longolius, собственное имя Кристо де Лонгей; 1490 — 1522), гуманист-цицеронианец. Родом из Бельгии, Лонголий был советником парижского парламента, много путешествовал по Европе, поселился в Падуе. В сочинениях и письмах буквально следует Цицерону.

^{329*} Скалигер, Жюль Сезар, по-итальянски Джулио Чезаре делла Скала (1484 — 1558), итальянский врач, филолог и критик. С 1529 обосновался во Франции, где занимался врачебной практикой. Обладая глубокими познаниями в классической древности, противостоял как

филолог Эразму Роттердамскому, в области же естественных наук был противником Кардано. Его «Поэтика» заложила основы классицизма (теория трех единств).

^{330*} чтобы говорили, что в наш понтификат латинский язык сделался богаче (лат.).

^{331*} Фортигуэрра, Никколо (Forteguerra; 1419 — 1473), итальянский церковный деятель, дипломат, филантроп. Учился в Болонье и Сиене. Пойдя по духовной части, пользовался покровительством своего родственника Энея Сильвия, получал важные поручения от пап Евгения IV, Николая V, а когда Эней Сильвий сам стал папой Пием II, был сделан епископом Теано, а затем папским казначеем, с 1460 — кардинал. В 1464 Пий назначил его апостольским легатом крестового похода, несостоявшегося по причине смерти папы. Павел II назначил Фортегуэрри легатом для умирения Папской области, что было быстро им достигнуто. В 1473 основал в Пистойе «Pia casa di sapienza» («Благочестивый дом науки») для покровительства стремящейся к знаниям молодежи. Основанные им благотворительные фонды продолжали существовать в XX в. Существует и основанная Фортегуэрри прекрасная библиотека его имени.

^{332*} Веджо, Маттео (Vegio; 1407—1458), итальянский гуманист. Учился в Милане, Павии. Страстный поклонник Вергилия, в 1427 он сочинил XIII песнь «Энеиды». Автор поэмы, посвященной Филиппо Мария Висконти, и многих других. В 1435 переехал в Рим, где Евгений IV вскоре его назначил каноником св. Петра. В 1455 Веджо сделался августинцем. Оставил поэмы религиозного содержания, в том числе посвященную бл. Монике, матери св. Августина. Но наиболее значительны три принадлежащих ему сочинения. Это словарь к «Дигестам» (с объяснением многих юридических терминов и реалий), описание базилики св. Петра (где им впервые в области христианства применены те же методы, которым его друзья Поджо Браччолини и Бьондо Флавио следовали в отношении античности) и трактат о воспитании детей, проникнутый христианским духом (больше, чем какой-либо другой в эпоху Возрождения) и ставящий целью воспитания формирование гармоничного человека и гражданина.

^{333*} См. прим. 57*.

^{334*} Вида, Марко Джироламо (1485 — 1566), итальянский поэт, церковный деятель. Писал по-латински прозу и стихи. Снискал расположение Льва X, а затем Климента VI, сделавшего его епископом. Основным произведением является поэма «Христиада» (1535) в шести песнях, написанная гекзаметром, для которой характерно смешение элементов античного и христианского мифа.

^{335*} О плоде Девы (лат.). По-русски получается грубовато, но иначе не будет передан смысл. Можно сказать еще «О родах девы», но *partus* — это еще и то, что произведено на свет.

^{336*} См. Вергилий, «Буколики», эклога IV, где предсказывается рождение некоего младенца, должного привести к наступлению Золотого века. Обычно эта эклога толковалась христианами как предвидение рождения Христа.

^{337*} Беллини, Джованни (ок. 1430 — 1516), итальянский художник венецианской школы, наиболее известный из своей семьи художни-

ков. Прозвище — Джамбеллино. Много работал с цветом, обнаруживая способность учиться и свежест чувств вплоть до глубокой старости. Большая часть светских картин была уничтожена пожаром, происшедшим во Дворце дождей в 1579. Картина «Пир богов» (1514), пейзаж на которой написан Тицианом, учеником Беллини, находится в настоящее время в Национальной галерее в Вашингтоне.

^{338*} Да Уццано, Никколо (Uzzano; 1359 — 1431), государственный деятель Флоренции. Выходец из видного флорентийского семейства, с 1391 принадлежит к наиболее видным гражданам города, дважды становился гонфалоньером, много раз входил в *Died buoni* (Десять лучших граждан — орган городского управления). Во время церковного раскола в начале XV в. был приглашен в качестве выступающего на коллегии кардиналов, затем выступал перед папой. Выполнял различные дипломатические и военные поручения (война с Висконти, организация торговли с Египтом).

^{339*} Палингений, Марцелл (Palingenius, собственное имя Пьер Анджело Манцолли, Manzolli; ок. 1500 — 1543), итальянский поэт. «Зодиак жизни» был сразу же переведен на несколько европейских языков, но впоследствии забыт. Принадлежащая Палингению теория света оказалась в конце века влияние на Джордано Бруно.

^{340*} Наваджеро, Андреа (Navagero, по-латински Naugerius; 1483 — 1529), итальянский поэт, гуманист. Из знатной венецианской семьи. Был в дружбе с Альдо Мануччи, ряд изданий которого снабдил своими примечаниями. Пользовался известностью и как оратор. В 1506 получил звание историографа Венеции, однако его история до нас не дошла. После битвы при Павии (1525) отправлен послом к Карлу V, затем Франциску I. Особенно известен своими мелкими латинскими стихотворениями, в которых Наваджеро подражает Катуллу.

^{341*} Федерико Арагонский, или Фридрих III (1452 — 1504), король Неаполя (1496 — 1501). Сын короля Неаполя Фердинанда I, наследовал своему племяннику Фердинанду II, но король Франции Людовик XII лишил его королевства, дав в качестве компенсации герцогство Анжуйское.

^{342*} «Прекрасная Италия, любимая супруга» (лат.). Винченцо Монти (1754 — 1828), итальянский лирик и драматург.

^{343*} *Боги тебя да хранят, берег счастливейший мира!
Милой Венеры сладчайшие будьте хранимы приюты!
Хоть бы увидеть мне вас после тяжких трудов и лишений
Тела, души! И проехать по краю, а с вашей поддержкой
Выгнать все тяжкие прочь заботы и беды из сердца!* (лат.).

^{344*} Из которого происходил Павел III, следующий папа.

^{345*} Полента — семейство, на протяжении полутора веков правившее в Равенне. Гвидо Новелло делла Полента пришел к власти здесь в 1316. Сам поэт, он собрал при своем небольшом дворе многих образованных людей и поэтов, в том числе и Данте. Его правление было периодом спокойствия в городе, но когда в 1322 он отправился капитаном ополчения в Болонью, в семье начались междоусобицы.

^{346*} Кампано, Джанантонио (1429 — 1477), итальянский гуманист. Слушал в Неаполе лекции Лоренцо Баллы, с 1452 преподавал риторику.

ку в Перудже. На конгрессе в Мантуе в 1459, куда он отправился с кардиналом Каландрини, снискал благоволение Пия II, сделавшего его в 1460 епископом. С 1472 по 1474 был наместником в различных городах Папской области. За противостояние Лоренцо Медичи снят с должности. Кампано принадлежит жизнеописание Браччо да Монтоне (см. прим. 495*). Пользовался известностью как оратор и поэт. Оставил множество ценных писем.

^{347*} Сансовино (собственное имя Андреа Контуччи; ок. 1467 — 1529), итальянский скульптор и архитектор. Быть может, ученик Поллайоло. С 1491 по 1500 работал у короля Португалии по поручению Лоренцо Великолепного. В Италии создал купели для крещения в Вольтерре, «Крещение Христа» во Флорентийском баптистерии, множество надгробий выдающихся деятелей. «Мадонна с младенцем и св. Анной» была создана в 1512. С 1513 и до смерти создавал барельефы из жизни Богоматери в Санта Каза де Лоретто.

^{348*} «О городских поэтах» (лат.). Арсилли, Франческо (ок. 1472 — ок. 1540), итальянский поэт. Длительное время обитал в Риме при папах Льве X и Клименте VII. Вращался в литературных кругах и писал стихи сам, но, ценя свою свободу, держался на расстоянии от двора. Зарабатывал на жизнь врачебной практикой. Поэма «О городских поэтах» напечатана в 1524.

^{349*} Имеется в виду не научная дисциплина об античных надписях, а жанр поэзии, вероятно, стихотворения на случай, поздравления, те же надписи и пр.

^{350*} Имеется в виду сочинение «Жизнь софистов» греческого прозаика Филострата (ок. 160-170 — ок. 244-249), которому принадлежит также биография «Жизнь Аполлония Тианского», «Картины» и др.

^{351*} высокомерие (лат.): Речь идет о чрезвычайно распространенном также и в живописи изображении семи смертных грехов.

^{352*} Возможно, это фра Урбано Валериано Больцано (ок. 1443 — 1524), профессионально занимавшийся эмблемами, и поддерживавший контакты с Франческо Колонна, Джулиано Медичи и др. Его занятия были продолжены его внуком Пьеро Валериано, издавшим в Швейцарии большое исследование по эмблематике.

^{353*} Кальви, Марко Фабио (1440-е — 1527), итальянский медик. По заказу папы Климента VII выполнил первый перевод Гиппократ на латинский язык. В ходе работы не брал никакого вознаграждения, лишь скромную сумму на пропитание. Гиппократ был издан в 1525. Весьма интересно сочинение о римских памятниках, сопровождаемое в римском издании 1532 иллюстрациями (*Antiquae urbis Romae cum regionibus simulacrum*).

^{354*} Помпоний Лет шлет привет своим родственникам и близким. То, о чем, вы просите, невозможно. Будьте здоровы (лат.).

^{355*} винограднике (ит.).

^{356*} Варрон (Марк Теренций Варрон; 116 — 27 до н. а.), римский государственный деятель и ученый-энциклопедист. От его сочинений дошли главным образом фрагменты, но трактат «О сельском хозяйстве» в 3-х книгах сохранился.

^{357*} Колоччи, Анджело (Colocci; 1474— 1549), итальянский гуманист. С 1497 аббревиатор, а потом секретарь Льва X, затем Климента VII.

После смерти Помпония Лета был в центре гуманистического движения в Риме. Поэты того времени воспевают «Сады Колоччи». С 1537 епископ. Писал стихи сам, был знатоком греческого и латинского. Занимался ранней литературой на итальянском языке, будучи в этой области одним из первооткрывателей, а также провансальской и раннепортугальской литературами. Собрал великолепную коллекцию рукописей, сильно потерпевшую от разграбления Рима, и после смерти Колоччи перешедшую в библиотеку Ватикана.

^{358*} Альвиано, Бартоломео (d'Alviano; 1455 — 1515), выдающийся итальянский полководец Возрождения. Происходил из семьи потомственных военных, близкой к семейству Орсини. В 1478 воевал с Медичи в войсках папы и неаполитанского короля. На протяжении жизни еще неоднократно и без особого успеха пытался разбить флорентийцев. Сражался на стороне испанцев в так называемой Южной войне с Францией, во многом обеспечил успех в битве при Корильяно (1503). В 1507 перешел на службу Венеции, успешно воевал с Максимилианом I. В результате поражения в 1509 попал во французский плен, где оставался до 1513. Вернувшись в Венецию, одержал во главе ее армии блестящую победу под Мариньяно (1515), вскоре после которой умер. Считается, что его недостатком было то, что в отличие от предшественника, Никколо Орсини (см. прим. 536*), Альвиано неспособен был развивать военные успехи и извлекать из них политические выгоды.

Примечания к главе IV

^{359*} Замысел большого труда по искусству Возрождения, задумывавшегося Я. Бурхардтом, был осуществлен только отчасти — как «Искусство архитектуры и оформления в эпоху Возрождения», 1867.

^{360*} Поло, Марко (1254 — 1324), итальянский путешественник. В 1275 прибыл вместе со своими отцом и дядей в Китай ко двору великого хана Кублая. Оставался там долгие годы, выполняя дипломатические поручения. Вернулся в Венецию через Суматру в 1295. Продиктовал в 1298 воспоминания о своем путешествии — «Книгу о чудесах света» (или «Книгу Марко Поло»).

^{361*} Это город в Палестине Акре (или Акко, крестоносцы называли его еще Сен-Жан д'Акр, Птолемаидой же он назывался в эллинистическое время, после того, как его завоевал царь Египта Птолемей II Филадельф), взятый сарацинами в 1291 после долгой осады.

^{362*} Имеются в виду генуэзские мореплаватели братья Уголино и Вадино Вивальди, отплывшие в 1291 из Генуи на поиски западного морского пути в Индию и исчезнувшие без следа.

^{363*} Т. е. Фердинанду II Арагонскому.

^{364*} Герберт Реймский (также Орийакский или Аквитанский; ок. 938 — 1003), теолог и ученый, 138-й папа римский под именем Сильвестра II (999 — 1003). Ключийский монах. Учился в Испании и Италии, преподавал в Реймсе диалектику и логику. Друг императора Священной Римской империи Оттона II, сделавшего его в 983 аббатом известного бенедиктинского монастыря Боббио в Италии. В 991 стал архиепископом Реймским, а в 998 архиепископом Равенны.

Был преподавателем будущего императора Оттона III, на которого имел влияние, внушая ему намерение восстановить империю Константина Великого, однако в 1001 им обоим пришлось оставить Рим из-за народных волнений. Укрепил церковную дисциплину, поднял авторитет папства. Пользовался большой известностью за свою ученость, современники даже подозревали его в волшебстве и связи с дьяволом. Автор «Трактата об астрологии», создатель модели небесной сферы, парового органа. Ему приписывается изобретение маятниковых часов и введение в Европе арабских чисел. Интересовался музыкой и медициной.

^{365*} Бэкон, Роджер (1214 — 1294), английский ученый и теолог, прозванный «изумительный учитель» (Doctor admirabilis). Учился и преподавал в Оксфорде и Париже. По возвращении в Англию (ок. 1251) вступил в орден францисканцев и обосновался в Оксфорде. Довольно рано его интересы обратились в сторону естественных наук и математики, он много занимался экспериментами, прежде всего в области алхимии, оптики и астрономии. Написал сводные сочинения энциклопедического характера по науке своего времени, в которых провозглашал необходимость применения математики в науке. Труды его были осуждены орденом и 10 лет (с 1278) Бэкон провел в монастырской тюрьме.

^{366*} Региомонтан (собственное имя Иоганн Мюллер; 1436 — 1476), немецкий астроном и математик. Наблюдал кометы, использовал тангенсы, ввел понятие снцуса. Занимался переводами греческих научных трактатов.

^{367*} Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 — после 1220), немецкий поэт. Состоял при дворе многих государей. Автор лирических стихотворений и трех больших поэм «Парцифаль», «Виллегальм» и «Титурель».

^{368*} *Там живущий человек*

Смерти век не знает,

Там любое дерево

Чудный плод рождает,

Всюду благовония

Мирры и амома:

Можно о хозяине

Заключить по дому... (лат.)

^{369*} Филипп V (238 — 179 до н. э.), царь Македонии (221 — 179), противостоял Риму, был разбит Фламинием при Кинокефалах (197). Эпизод с восхождением на гору Гем — см. Тит Ливии XL 21-22.

^{370*} Ван Эйк, Хуберт (? — 1426) и Ян (ок. 1385-1390 — 1441), фламандские живописцы. Сведения о Хуберте очень темны, некоторые исследователи усомнились даже в самом его существовании. Ян работал вначале как миниатюрист. Работал при дворе герцога Бургундского, в Арагоне и Португалии, с 1430 окончательно обосновался в Брюгге. Живопись масляными красками обязана ему многими открытиями (Вазари даже утверждает, что он ее и открыл).

^{371*} Имеется в виду Базельский собор (1431 — 1449), созданный Мартином V, но в связи с его смертью открытый уже Евгением IV. Собор стал склоняться (очевидно, таковы были желания прежде всего церковных деятелей Германии) в сторону борьбы с верховенством пап, пытаясь утвердить церковные соборы в качестве высше-

го органа церковной власти (на это были намеки уже в решениях предыдущего собора в Констанце), в связи с чем он был переведен Евгением в 1437 в Феррару, а в 1438 во Флоренцию, Базельский же собор продолжал заседания, но уже как антисобор, избравший антипапу Феликса V (1439), и его удалось закрыть лишь в 1449 Николаю V. Пий II (тогда еще Эней Сильвий), вначале выступавший против папы, принял потом его сторону. Но в конечном итоге, как видим, существовавшие в церкви противоречия прорвались наружу в виде Реформации, и если деятели, перешедшие на сторону папы, сделали это, опасаясь нового большого раскола внутри католической церкви, то получили они нечто большее — две церкви вместо одной.

^{372*} Разыскивая¹ новые источники в долинах и новые тенистые места, которые делали выбор затруднительным (лат.).

^{373*} Т. е. нелюбимый Я. Буркхардтом Пьетро Аретино (потому и к сожалению).

^{374*} Дюрер, Альбрехт (1471 — 1528), немецкий художник и гравер.

^{375*} Гастон де Фуа (герцог Немурский, Gaston de Foix; 1489 — 1512), сын Жана де Фуа и Марии Орлеанской, сестры Людовика XII, внук Элеоноры Арагонской, королевы Наваррской. Стал герцогом и пэром в 1505, затем взял титул короля Наваррского. В возрасте 23-х лет принял командование итальянской армией и обнаружил изрядный талант полководца. Он освободил Болонью, взял Брешию, однако в битве при Равенне был убит.

^{376*} Джорджоне (собственное имя Джорджо да Кастельфранко; ок. 1470 — 1510), итальянский художник венецианской школы.

^{377*} Бамбайя (Bambaja, собственное имя Агостино Бусты; 1483 (или 1480) — 1548), миланский скульптор. Надгробие Гастона де Фуа создано около 1515.

^{378*} Готфрид Страсбургский (конец XII — начало XIII в.), немецко-язычный поэт.

^{379*} См. прим. 178 к главе III.

^{380*} трубадуры переходного периода (ит.).

^{381*} Бувк, «священные представления» (исп.). Педро Кальдерону де ла Барка (1600 — 1681), испанскому драматургу, принадлежит около 80 таких одноактных пьес, несущих на себе отпечаток идей Контрреформации, в качестве персонажей которых выступают аллегорические существа, являющиеся олицетворением пороков и добродетелей.

^{382*} отступлений (ит.).

^{383*} Триссино, Джанджорджо (1478 — 1550), итальянский драматург, эпический поэт, филолог. Происходил из аристократического семейства, изучал в Милане греческий и латинский, много странствовал по Италии, был также и в Германии. При папах Льве X и Клименте VII обитал в Риме. С 1526 папский нунций в Венеции. После 1545 снова в Риме при папе Пии III. Состоял в приятельских отношениях с Бембо, Библиейной и Ручеллаи. В 1515 написал нерифмованным одиннадцатисложником «Софонисбу», вялое подражание греческим образцам, считающаяся тем не менее первой драмой нового времени, вызвавшей волну подражаний и переделок (так, известно как минимум 15 написанных на ее основе барочных опер). Написал также огромного объе-

ма эпическую поэму «Италия, освобожденная от готов» (в 27 песнях), которую посвятил Карлу V (поскольку усматривал в нем избавителя от вражды и раздоров). Был сторонником выработки общеитальянского языка на основе синтеза всех диалектов, выступал за реформу итальянской орфографии.

^{384*} Буркиелла (Burchiella, собственное имя Антонио да Молино), итальянский комический актер и поэт XVI в. В качестве купца неоднократно ездил в Левант, где, видимо, в обществе других итальянцев исполнял комедии, а вернувшись на родину продолжил эти занятия. Был связан с другим комедиографом, Джованни Армонио из Абрुцц. Написал несколько комических поэм на итальянском языке с примесью слов из других языков, более всего — славянских.

^{385*} Цуккато, Валерио (Zuccato; ум. в 1576), венецианский художник-мозаичист, работал в соборе св. Марка с 1532 по 1564.

^{386*} Дольче, Лодовико (1508 — 1568), венецианский писатель, не особенно даровитый, но отличавшийся необычайной плодовитостью. Учился в Падуе. Наследие чрезвычайно разнообразно: комедии, трагедии, поэмы, трактаты на разнообразные темы, биографические сочинения и прочее.

^{387*} Беолько, Анджело (1502 — 1542), итальянский поэт, драматург и актер. Писал комедии, был актером и режиссером театральной труппы. Взял себе сценическое имя Ruzzante (можно перевести как «Игривый») — амплуа хитрого слуги. Его комедии дают реалистическую картину современной ему жизни, не слишком заботясь о соблюдении литературных канонов. Писал также стихи.

^{388*} Майнверк (ок. 970 — 1036), епископ Падерборна с 1009 (поставлен императором Генрихом II). Много строил, устраивал новые приходы, поддерживал Генриха II, а впоследствии Конрада II.

^{389*} св. Годехард (960 — 1038), епископ Хильдесхайма (поставлен Генрихом II). Канонизирован в 1131. Широко почитавшийся святой (например, перевал Сен-Готард в Швейцарии назван в его честь).

^{390*} жизнеописания (лат.).

^{391*} Виппо, или Випон (Vipo), латинский историк XI в., капеллан Конрада II, жизнь которого им описана. Автор многочисленных стихотворений.

^{392*} Радевин или Рагевин (Rahewin, Ragewin и Radewin; нач. XII в. — между 1170 и 1177), историки поэт. Был духовным лицом. Продолжил «Деяния императора Фридриха» Оттона Фрайзингенского. Автор поэм на теологические темы.

^{393*} Сир де Жуанвиль, Жан (Joinville; 1224 — 1317), французский автор хроники. Сенешаль Шампани, принимал участие в VII крестовом походе (1248), которым предводительствовал Лодовик IX (св. Лодовик), испытывавший к Жуанвилю доверие. Жизнеописание, законченное в 1309, составлено с целью увековечить память короля.

^{394*} Лодовик IX или св. Лодовик (1214 — 1270), король Франции (1226 — 1270). Пока король был молод, правила его мать, подавившая ряд восстаний феодалов. В ходе VII крестового похода одержал ряд побед в Египте в 1249, однако в 1250 был разбит и попал в плен. Освобожденный за выкуп и возвращение территорий в Египте, провел 4 года в Сирии, ее укрепляя (что впрочем мало помогло в 1291, ср.

прим. 361*). Подписал (1258) договор с королем Арагона, по которому тот отказывался от притязаний на Прованс и Лангедок в обмен на отказ Франции от прав на Каталонию и Руссильон. Также был урегулирован конфликт с Англией (Парижский договор, 1259): Англии были уступлены Лимузен, Кьерси и Перигор, а Англия в обмен отказывалась от Нормандии, Мэна, Анжу, Турени и Пуату и признавала вассальную зависимость от французской короны Гиени. Истовый христианин, Лодовик стремился утвердить в королевстве правовые отношения и повысить авторитет власти короля. Проводил расследования деятельности бальи и сенешалей, поручал законодателям давать заключения по тем или иным вопросам (это были зачатки парламента), вводя право апелляции. Установлена единая для государства денежная единица. Лодовик запретил ведение частных войн в королевстве, упразднил турниры и судебный поединок. Время правления Лодовика было ознаменовано подъемом образования и искусств. Умер вблизи Туниса от чумы, в ходе VIII крестового похода.

^{395*} Филипп IV Красивый (1268 — 1314), король Франции (1285 — 1314), вошедший в историю более всего своим конфликтом с папским престолом. Вступив в брак с Жанной I Наваррской (1294), приобрел Наварру и Шампань. Правил с опорой на правоведов, направлявших свои усилия на укрепление власти короля. При нем королевский двор был разделен на специализированные секции с целью совершенствования управления (парламент был образован формально в 1303). В 1294 — 1296 захватил Гиень, владение английского короля. В 1297 началась война с Англией и Фландрией, ее союзником. В 1299 был заключен мир, согласно которому Франция оставила Гиень, а Англия — Фландрию. Во Фландрии началось антифранцузское восстание и в 1302 французы были разбиты фламандским ополчением при Куртрэ (так наз. «Битва золотых шпор»). О конфликте с папским престолом см. прим. 274*. Финансовые трудности Филипп попытался преодолеть введением упорядоченного налогообложения, усиленным обложением евреев и ломбардцев (подчас с конфискацией их имений), а также девальвацией денег. Конец правления был отмечен растущим недовольством населения и восстаниями. Обрушился на Орден тамплиеров, конфисковал его собственность во Франции, арестовал главных деятелей (1307), добился от Климента V запрещения ордена (1312) и осуждения на костер всего руководства ордена, в том числе Жака де Молэ (1314).

^{396*} Агнелло, или Андрег, прозванный Равеннат (род. ок. 801), церковный писатель. Занимал церковные должности в Равенне. Автор начатой ок. 830 «Liber pontificalis» («Книги священнослужителей») равеннской церкви, аналогичной «Liber pontificalis» церкви римской. Повествование начинается с легендарных времен и доходит до приблизительно 846. Изобилует ценными сведениями по истории и топографии Равенны.

^{397*} «Славные мужи» (лат.).

^{398*} Донат (Элий Донат), латинский грамматик IV в., учитель св. Иеронима, автор комментариев на Теренция и Вергилия.

^{399*} «Жизни» (ит.).

^{400*} Кавальканти, Джованни (Cavalcanti; ок. 1390 — ок. 1460), автор

флорентийской хроники, охватывающей период с 1423 по 1447. Макиавелли избрал ее образцом для своей «Истории Флоренции» и использовал как основной источник для IV книги.

^{401*} Дечембрио, Пьеркандидо (Decembrio; 1399 — 1477), итальянский гуманист, ученый, придворный поэт и дипломат, секретарь Филиппе Мария Висконти, после его смерти видный член республиканской партии в Милане, затем апостольский секретарь при курии Николая V и придворный Сфорцы. Чрезвычайно плодовитый писатель, оставил множество сочинений на различные темы — богословские, философские, энциклопедического характера, а также две биографии современников — Висконти и Франческо Сфорца.

^{402*} Питти, Буонакорсо (1354 — после 1430), итальянский купец и писатель. Выходец из видной флорентийской семьи, покинул родину в 1374 и начал полную приключений жизнь, разъезжая едва не по всей Европе, занимаясь коммерцией и игрой. В 1391 вернулся во Флоренцию, женился здесь, но вскоре снова начал кочевую жизнь. Обитал главным образом во Франции. Исполнял по поручению Флоренции, куда вернулся в 1398, различные дипломатические миссии. В 1419 снова стал ездить по Европе. «Хронику» своей жизни он начал писать в 1412 и продолжал до 1430.

^{403*} Челлини, Бенвенуто (1500 — 1571), итальянский скульптор и ювелир.

^{404*} Кардано, Джироламо (1501 — 1576), итальянский философ, медик и математик. Преподавал математику в Милане, медицину в Болонье и Павии. В философии склонялся к пантеизму без признания бессмертия души. Известен прежде всего работами по математике (решение уравнений третьей степени) и изобретением передачи, названной его именем, задуманной им для того, чтобы сделать буссоль независимой от движения судна.

^{405*} «О моей жизни» (лат.).

^{406*} граф Альфиери, Витторио (Alfieri; 1749 — 1803), итальянский драматург, поэт, публицист. Автор 19-ти стихотворных трагедий на исторические и библейские темы, в которых выразил стремление к свободе, ненависть к тирании и порабощению. Сыграл важную роль в подготовке духовной атмосферы Рисорджименто (обретения Итальянскими государствами свободы и их объединения в середине XIX в.). Автор автобиографических записок — «Жизнь» (Vita; опубл. 1804).

^{407*} Альберти, Леандро (1479 — не ранее 1553), итальянский доминиканский монах, автор трудов по истории и географии. Учился в Болонье. Вступил в орден в 1495. Автор многочисленных трудов по истории Болоньи, Венеции, житий святых, а также капитального описания Италии, в котором опирался во многом на Бьондо из Форли.

^{408*} голова крупная, с размахистыми чертами (ит.).

^{409*} Фиренцуола, Аньоло (собственное имя Микеланджело Джироламо Джовани, Figenziola; 1493 — 1543), итальянский писатель. Изучал право в Сиене и Перудже, с 1515 монах, с 1526 адвокат при папской курии Климента VII. В 1534 вернулся в Тоскану, с 1539 аббат монастыря близ Прато. Произведения Фиренцуолы являются в значительной степени переработками работ предшественников. Таковы 10 но-

велл, в которых он следует в основном «Декамерону», а также переработка «Золотого осла» Апулея с перемещением действия в XVI в. Автор множества стихотворений, двух комедий, романа «Разговоры животных», трактата «О женской красоте». Главное достоинство его произведений — совершенная форма.

^{410*} Зевксид — греческий художник конца V в. до н. э.

^{411*} русому (ит.).

^{412*} черные глаза (ит.).

^{413*} белейшим (ит.).

^{414*} в силу внутренних причин, букв.: «без какого-либо призыва» (ит.).

^{415*} прелести, грациозности, привлекательности, изящества, вида, величия (ит.).

^{416*} Сеньор де Брантом, Пьер де Бурдей (Brantom; ок. 1538 — 1614), профессиональный военный, придворный французских королей Генриха II, Карла IX и Генриха III. Участвовал в большинстве войн своей эпохи, в том числе в Италии. Занялся писанием мемуаров, когда был лишен способности передвигаться вследствие падения с лошади. Автор многочисленных портретов-зарисовок выдающихся людей своего времени, задающихся целью скорее ухватить яркую подробность, чем отразить явление в его сути.

^{417*} Пульчи, Лука (1431 — 1470), итальянский поэт, брат Луиджи Пульчи (см. прим. 200*).

^{418*} Гварини, Джованни Баттиста (1538 — 1612), итальянский поэт. Изучал право, был преподавателем литературы и риторики в Ферраре, затем состоял на службе у Эсте, Медичи, Гонзага и делла Ровере, дававших ему многочисленные дипломатические поручения. Был членом многих литературных академий. Здесь имеется в виду трагикомическая пастушеская драма «Верный пастух» (Il pastorfido; 1580 — 1583), являющаяся вершиной творчества Гварини, написанная в подражание «Аминте» Тассо, и пользовавшаяся большой популярностью в XVII и XVIII вв. Кроме того, писал стихи и диалоги.

^{419*} деревенщиной (ит.).

^{420*} деревенщине (фр.).

^{421*} Бассано, Джакопо (между 1510 и 1518 — 1592), итальянский художник, наиболее видный представитель семьи Бассано. Настоящая их фамилия — да Понте, Бассано — название деревни близ Венеции, откуда они были родом и где проживал большую часть жизни Джакопо, известный в наибольшей степени своим новаторством в области световых эффектов и манеры (так, он оказал значительное влияние на Эль Греко), а также включением почти во все свои картины, как на светские, так и на библейские сюжеты, жанровых сцен из сельской жизни в реалистической манере.

Примечания к главе V

^{422*} благородный... благородство (ит.).

^{423*} Козимо I де'Медичи (1519 — 1574), сын Джованни Медичи (по прозвищу делле Банде Нере), т. е. потомок Лоренцо, брата Козимо Старшего. Стал герцогом в 1537, однако, покорившись Карлу V, принял ис-

панские гарнизоны. Подавил в 1538 заговор Строцци, завоевал Сиену и Лукку. В 1569 был сделан великим герцогом Тосканы. В 1561 основал академию.

^{424*} правителя (ит.).

^{425*} Пьеро Старший (1414—1469), по прозвищу «Подагрик» (Gottoso), сын Козимо Старшего. При нем Флоренцией фактически правил Лоренцо Великолепный.

^{426*} Пьеро Младший — см. прим. 82*.

^{427*} придворным (ит.).

^{428*} шуток и насмешек (ит.).

^{429*} удачно выразиться (ит.).

^{430*} стиль XIV в. (ит.).

^{431*} Колонна, Виттория (1492 — 1547), итальянская поэтесса. В возрасте 17-ти лет вышла замуж за полководца Ферранте Франсиско д'Авалоса, маркиза Пескара, который умер в 1525 от полученных в битве при Павии ран. После смерти мужа посвятила себя религии и поэзии, жила у себя в поместье, в различных монастырях, а также в Риме, где ее дворец являлся центром культурной жизни. Была знакома и состояла в переписке с выдающимися современниками (Аннибале Каро, Бембо). Тесная дружба связывала Колонна с Микеланджело, знакомство с которым состоялось в 1538 или 1540. Микеланджело присутствовал при ее кончине.

^{432*} Ручеллаи (Rucellai), знаменитое флорентийское семейство, составившее состояние еще в XIV в. торговлей шерстью. Первым известным Ручеллаи был Джованни ди Паоло (1403 — 1481), выстроивший Палаццо Ручеллаи по проекту Леон Баттиста Альберти, и виллу Поджо, впоследствии уступленную Лоренцо Великолепному.

^{433*} честь (ит.).

^{434*} да Палестрина, Джованни Пьерлуиджи (ок. 1525 — 1594), итальянский композитор. Учился пению в церкви Санта Мария Маджоре в Риме приблизительно с 1537. В 1544 стал органистом и руководителем хора в соборе родного города Палестрина, а с 1551 (при папе Юлии III) — руководитель хора в Юлиевой капелле собора св. Петра в Риме. В Риме он и оставался до самой смерти, занимая здесь должности при различных соборах. Оставил огромное музыкальное наследие (102 мессы, 600 мотетов и др.).

^{435*} клавесин (ит.).

^{436*} Ломаццо, Джованпаоло (Lomazzo; 1538 — 1588), итальянский художник и теоретик искусства. Сам превосходный живописец на религиозные темы, он вошел в историю искусства прежде всего своими трактатами «Об искусстве живописи» (изд. 1584) и «О храме живописи» (изд. 1589).

^{437*} Имеется в виду известный анекдот об изобретенной Афиной флейте, которую она отбросила от себя прочь, заметив, что при игре черты лица обезображиваются (на горе себе флейту подобрал Марсий).

^{438*} Изабелла Баварская (1371 — 1435), королева Франции (1385 — 1422). Дочь герцога Баварского, в 1385 вышла замуж за короля Франции Карла VI, а после того, как его постигло умственное расстройство (1392), играла ведущую роль в регентском совете, покровительствуя Людовику Орлеанскому и противодействуя Иоанну Бесстрашному, что повлекло за собой конфликт Арманьяков и Бургиньонов. Стояла за зак-

лючением договора в Труа с Англией (1420), согласно которому Екатерина Французская должна была выйти за короля Англии Генриха V. После смерти мужа в 1422 перестала пользоваться влиянием.

^{439*} Маргарита Анжуйская (1429 — 1482), королева Англии. Дочь Рене I Анжуйского, в 1445 она вышла замуж за короля Англии Генриха VI, на которого имела большое влияние. На нее возлагается ответственность за неудачи, постигшие англичан на финальной стадии Столетней войны. Принимала активное участие в войне Алой и Белой Розы. Будучи побеждена и захвачена в плен (1471), была выпущена за выкуп (1475) и умерла во Франции.

^{440*} Изабелла Кастильская (1451 — 1504), королева Кастилии (1474 — 1504). Дочь Хуана II, короля Кастилии, в 1469 вышла замуж за Фердинанда Арагонского, чем обеспечивалось слияние двух королевств, однако при своей жизни стремилась сохранить определенную независимость Кастилии. Наследницей ее стала дочь, Хуана Безумная, однако фактическим правителем был Фердинанд. См. также прим. 131* к главе I.

^{441*} мужедева (лат.).

^{442*} Сфорца, Екатерина (ок. 1463 — 1508), дочь Галеаццо Мария Сфорца, жена Джироламо Риарио (см. прим. 140* к главе I). После смерти мужа она стремилась утвердить права своего сына Октавиана. Находилась в осаде в Форли, окруженном Чезаре Борджа, который все же отобрал ее владения (1499). Мать кондотьера Джованни Медичи дельле Банде Нере.

^{443*} первая женщина Италии (ит.).

^{444*} Джиральди, Джамбаттиста (Giraldi; 1504 — 1573), итальянский драматург и автор новелл. Изучал философию, медицину и литературу. Преподавал философию и риторику в Ферраре, затем литературу в различных городах Италии. Автор диалогов, посвященных теории литературы, нескольких трагедий на античные темы, а также собрания новелл «Nekatommythi» («Сто сказаний», 1565) в духе Боккаччо. Наиболее известной из них воспользовался Шекспир для «Отелло».

^{445*} «Разговоры блудниц» Пьетро Аретино.

^{446*} Фридрих I Победоносный (1425 — 1475), граф Пфальца, герцог Баварский и курфюрст Пфальца (с 1452). Старался увеличить подвластную ему территорию за счет соседей, одновременно укрепляя власть внутри. Ввел в государстве римское право.

^{447*} Сорель, Агнес (Sorel; ок. 1422 — 1450), фаворитка короля Франции Карла VII, на которого оказывала влияние, благоприятное с точки зрения интересов Франции. Изображена Жаном Фуко на картине «Богоматерь с младенцем».

^{448*} Среди его фавориток наиболее известны графиня Шатобриан и герцогиня д'Этамп.

^{449*} Генрих II (1519 — 1559), король Франции (1547 — 1559). Сын Франциска I. Под воздействием своей фаворитки Дианы де Пуатье он позволил упрочиться влиянию дома Гизов, подавил кальвинистов и усилил централизацию государственной власти. В вопросах внешней политики продолжал политику отца: отобрал Булонь у англичан (1554), после чего вступил в затяжную борьбу с Габсбургами. Заключил союз с Турцией и немецкими протестантскими государствами (1552). В 1558 французские войска потерпели поражение от испанцев при Сен-Кан-

тене, однако в следующем году смогли занять Кале. Тем не менее внутренние трудности заставили Генриха подписать неблагоприятный мир в 1559. Монтгомери, капитан шотландской гвардии, смертельно ранил Генриха ударом копья на турнире. Был женат на Екатерине де Медичи, и имел от нее десять детей, трое из которых стали королями (Франциск II, Карл IX и Генрих III).

^{460*} Имеется в виду осада Флоренции Карлом V и папой Климентом VII, последовавшая за очередным изгнанием Медичи в 1527. См. прим. 38* к главе I.

^{451*} Винчигуэрра, Марко Антонио (Vinciguerra; 1440-46— 1502), итальянский поэт. Был секретарем Венецианской республики, ездил посланником в Рим к папе Иннокентию VIII. Основатель итальянской сатирической поэзии, пользовался большой популярностью у современников. Часть сочинений утрачена.

^{452*} Пиршество в Лилле, устроенное с тем, чтобы на нем Филипп III Добрый, герцог Бургундский, принес обет снарядить крестовый поход против Турции. См. подробнее Й. Хейзинга «Осень Средневековья» М., 1988, с. 99 — 100.

^{453*} Де Ла Марш, Оливье (1426 — 1502), французский поэт и автор хроники. Был близок ко двору герцогов Бургундских, затем — Людовика XI. Оставил записки, охватывающие период с 1435 по 1492, а также несколько поэм.

^{454*} Брунеллески, Филиппо (1377 — 1446), итальянский архитектор, одна из центральных фигур Возрождения. Проиграл в 1401 Лоренцо Гиберти конкурс на создание дверей для флорентийского баптистерия. Спроектировал купол Флорентийского собора (1418), создав первый в истории купол, производящий сильное впечатление на наблюдателя не только изнутри, но и снаружи. Другие здания — церковь Сан Лоренцо (1418 — 1428) и приют для подкидышей (воспитательный дом, 1421 — 1455), базилика Санто Спирито (начата 1436), капелла Пацци (начата ок. 1441). Вместе с Мазаччо заново открыл законы научной перспективы.

^{455*} Фра Роберто Караччоло, более известен как Роберто да Лечче (Caracciolo; 1425 — 1495), монах-францисканец. Следовал: по стопам Бернардино да Сиена. Уже в 1448 в Перудже и Риме вызвал своими проповедями всеобщее восхищение. В 1457 Каликст III назначил его нунцием, а Павел II в 1465 — апостольским проповедником. Прибыв в Неаполь по приглашению Ферранте, общался там с литераторами, был включен в Академию Понтано. Сикст IV сделал его епископом Аквино и генеральным викарием ордена миноритов. Сохранившиеся записи проповедей дают очень слабое о них представление.

^{456*} да Сиена, Маттео (называемый также ди Джованни; ок. 1435 — 1495), итальянский художник.

^{457*} Маццони, Гвидо (Mazzoni; ок. 1450 — 1518), итальянский скульптор. Занимался оформлением празднеств при дворе Эсте в Модене. С 1491 работал в Неаполе, потом во Франции. В 1507 вернулся в Италию. Произведения из терракоты, в частности многофигурные группы «Пьета», отличаются выраженным натурализмом.

^{458*} У Я. Буркхардта сказано очень лаконично: «Wochenbette mit vor-

nehmen Besuch». Скорее всего, речь идет о Богородице с пришедшими поклониться младенцу Иисусу.

^{459*} Тело Господне (лат.).

^{460*} Корабль, использовавшийся в Венеции по торжественным и официальным поводам (к примеру, для устраивавшегося ежегодно на Вознесение символического бракосочетания Венеции и Адриатического моря).

^{461*} Беллинчони, Бернардо (Bellincioni; 1452 — 1492), придворный итальянский стихотворец. Родился во Флоренции, откуда уехал после 1480. Короткое время находился у Федерико Гонзага в Мантуе, а в 1485 обосновался в Милане у Лодовико Моро, где и умер. При дворе Сфорца участвовал вместе с Леонардо да Винчи в подготовке придворных празднеств.

^{462*} Римская богиня, олицетворявшая любовь, уважение, почет.

^{463*} Фридрих II, император Священной Римской империи (см. прим. 2*), женился в третий раз, на Изабелле Английской, в 1235.

^{464*} триумф (ит.).

^{465*} 2 декабря 1804, причем короновал его сам папа Пий VII.

^{466*} В Ватикане, одна из трех т. н. «Станце», зал Юлия II, здесь Рафаэль работал в 1509 — 1511 (вероятно, фреска «Диспут»).

^{467*} Граначчи, Франческо (1477 — 1549), итальянский живописец флорентийской школы, ученик Доменико Гирландайо. Познакомившись с Микеланджело, попал под его влияние.

^{468*} Так у Буркхардта (и в последующих исправленных Л. Гейгером изданиях). Возможно, следовало сказать «восковые».

^{469*} Андреа дель Сарто (1486 — 1530), итальянский художник флорентийской школы. Учился у Пьеро ди Козимо, прославился своими фресками, изображающими Иоанна Крестителя. Занимался также станковой живописью.

^{470*} В русской традиции Авигея, в Библии жена Навала, а после его смерти - царя Давида (см. 1 Цар. 25, 2 - 42).

^{480*} *Как же молодость прелестна,*

Что на миг дается людям!

Хочешь быть счастливым - будь им:

Что там завтра - неизвестно! (ит.)

Примечания к главе VI

^{481*} О вкусах, конечно, не спорят, однако нам не кажется добродетелью возвышение одних авторов за счет других, а Рабле не представляется так уж решительно противостоящим писателям-итальянцам. Интересно еще и то, что распространенный в прошлом веке миф о происхождении Рабле, под которым так охотно подписывается Я. Буркхардт («сын трактирщика»), и на котором строились теории отсутствия у Рабле «чистоты, идеальности, нежности», сейчас отвергнут: во всех биографиях пишут, что его отец был в Шиноне преуспевающим адвокатом.

^{482*} Весь их устав состоял из одного правила: «Делай что желаешь». Ибо они, как люди свободные, хорошего происхождения, высокообра-

зованные, ведущие беседы исключительно в хорошем обществе, по самой своей природе обладают инстинктом и стрекалом, которые постоянно их направляют к благим деяниям и отгоняют от порока; они называют это «честью» (фр.).

^{483*} Сын Иннокентия VIII (см. прим. 47*). Эпизод относится к 1489. Призванный папой к ответу после жалобы сына, кардинал якобы ответил, что выигранные деньги потрачены им на строительство дворца (знаменитой так называемой Канцелярии, Cancelleria).

^{484*} Фиест - греческий мифический герой. Его брат Атрей угостил Фиеста мясом его сыновей. Затем Фиест по велению оракула сошелся с собственной дочерью, и происшедший от этого союза Эгисф впоследствии отомстил Атрею.

^{485*} Буквально: «новые», «демократы» (ит.).

^{486*} право талиона (лат.), т. е. нанесения преступнику ущерба, аналогичного причиненному им самим.

^{487*} «красивая вендетта» (ит.).

^{488*} благоприобретенное право (лат.).

^{489*} божественная любовь (ит.).

^{490*} Поскольку у Я. Буркхардта эти сведения разбросаны едва ли не по всей книге, кратко перескажем, как происходило это в Неаполе. Карл VIII, совершивший итальянский поход 1494 — 1495, имел целью прежде всего завоевать Неаполь, что ему без труда удалось: Альфонс II отрекся в пользу Фердинанда II, тот также не удержался на троне и был вынужден бежать на Сицилию. Однако Карл тут же возвратился во Францию, и Фердинанд при поддержке испанской армии и флота вернулся в Неаполь. Но вскоре (1496) он умер и власть здесь перешла к его дяде Фридриху. В 1500 Людовик XII и Фердинанд Католик заключили союз, по условиям которого должны были разделить Неаполитанское государство: Калабрия и Апулия должны были отойти Испании, а все прочее — Франции. Соединенная французско-испанская армия легко расправилась с противником, Фридрих был взят в плен в 1501, однако при разделе партнеры не поладили и между ними начались военные действия. Французские войска были разбиты и вся страна подчинена испанской короне, через назначаемого ею вице-короля. Франциск I предпринял еще ряд неудачных попыток отвоевать Неаполь, и до 1713 он вместе с Сицилией оставался под властью Испании и управлялся вице-королями.

^{491*} Мазуччо Салернитано (Masuccio Salernitano, собственное имя Томмазо Гвардати; ок. 1415— 1475), итальянский автор новелл. Провел жизнь при неаполитанском дворе, был секретарем Роберто Сан-северино, адмиралом и с 1469— секретарем короля Фердинанда. Его «Новеллино» (изд. 1476), содержащий 50 новелл, следует традициям Боккаччо, но несколько более критичен и заострен социально.

^{492*} ядом с определенным сроком действия (лат.).

^{493*} Фьорентино Россо (собственное имя Джован Баттиста ди Якопо; 1494— 1540), итальянский художник флорентийской школы. С 1530 работал во Франции у Франциска I.

^{494*} злодей, колдун (лат., ит.)

^{495*} Браччо да Монтоне, Андреа (Braccio da Montone; 1368 — 1424), итальянский кондотьер. Его противниками были Малатеста и Джакпо

Сфорца, на какое-то время в 1417 в его власти оказался Рим. Убит при осаде Аквилы.

^{496*} Вернер из Урслингена, прозванный итальянцами «Вождь Гварниери» (disca Guarnieri, искаженное Вернер), воевал в Италии во главе большого отряда авантюристов в 1343-43, а затем 1347-51.

^{497*} Ср. подобные слухи, распространявшиеся о семействе Борджа (прим. 142* к главе I). Интересно, что Я. Буркхардт, живший 400 лет спустя, в определенной степени подписывается под этой табелью о рангах злодейства: кровосмешение есть высшая его ступень. У Данте в «Аду» (XI 16 — 90 и последующие песни) убийцы также находятся выше «насилльников над естеством», ниже которых только лихоимцы и обманщики.

^{498*} Отделившаяся от ордена францисканцев-миноритов в XV в. ветвь (fratres minores conventuales).

^{499*} св. Винченцо, или Виченте Феррер (Vicente Ferrer; 1355 — 1419), испанский доминиканец. Проповедовал в Валенсии, во время раскола в западной церкви, принял сторону папы Климента VII. Бенедикт XIII, чьим исповедником он был, вызвал его в Авиньон, однако Винченцо обратился против него и в 1416 произнес от имени королей Кастилии, Арагона и Наварры акт отказа от повиновения ему. Последние годы жизни провел как странствующий проповедник, был во Франции, Испании и Италии.

^{500*} св. Иоанн из Капистрано (1386 - 1456), монах-минорит, инквизитор и итальянский проповедник, генерал ордена, послан легатом в Австрию, Германию, Польшу и Богемию. Боролся с гуситами, проповедовал крестовый поход против турок, был одним из инициаторов победы над ними под Белградом в 1456 г.

^{501*} «Милосердие!» (лат.), традиционное католическое восклицание, выражающее сильные чувства.

^{502*} букв. «неизгладимое клеймо» (гр., лат.). Согласно учению католической церкви, эта неизгладимая духовная печать сообщается душе при крещении, первом причастии и посвящении в духовное звание, вследствие чего эти таинства нет необходимости повторять, хотя связанная с ними духовная благодать и может приостановиться. В явном виде сформулировано Александром Гальским (ум. 1245). В первоначальном лютеранстве также имелось учение о character indelebilis крещения.

^{503*} Галеотто I Пико делла Мирандола (1438 — 1499), отец Джованни Пико II, преследователь своей матери и брата, которого он 10 лет держал в кандалах.

^{504*} «Imitatio Christi», произведение XV в., состоит из 4-х отдельных книг, вне всякого сомнения изначально друг с другом не связанных. Видимо, автор (или авторы) принадлежали к «Братству общей жизни» (последователи нидерландского проповедника и мистика Герта Грота (Groot, 1340 — 1384), традиционно же автором считается Фома Кемпийский (1379 или 1380— 1471).

^{505*} Альберто да Сарцана, правильнее, видимо, Альберто ди Сартеано (Alberto di Sarteano; 1385— 1450), минорит с 1405, с 1415 — обсервант. В 1422 слушал Гварино. Проповедовал по указанию Бернардино да Сиена в Италии. В 1434 послан Евгением IV в Византию

для переговоров, в 1435 был в Иерусалиме. Вернулся в Италию в 1438 вместе с представителями восточной церкви, приехавшими на Флорентийский собор. Альберто, знавший греческий язык, был у них переводчиком. Послан в 1439 на восток еще раз для воссоединения тамошних церквей (якобитов, эфиопов, коптов) с церковью западной. Добился здесь некоторых успехов. Посетил в этом путешествии Каир. В своем ордене почитается блаженным.

^{506*} соблюдение (лат.), т. е. такому, в котором был принят более строгий устав.

^{507*} мн. ч. от расе - мир (ит.).

^{508*} Вероятно, имеется в виду площадь перед церковью Санта Мария sopra Минерва на Марсовом поле (на ней же стоит и Пантеон).

^{509*} Четверг на страстной неделе.

^{510*} Да будет с вами мир! (ит.).

^{511*} Фра Джакомо Буссоларо (? — 1375 или 1380), монах-эремит. Был другом Петрарки, состоял с ним в переписке. Возглавлял народное движение в Павии в 1356-59, в результате которого в городе были установлены демократические формы правления, изгнаны правившие здесь Беккариа. В конце концов вынужден был сдаться Галеаццо, подверг суду своего ордена и 14 лет провел в тюрьме.

^{512*} Фра Франческо да Монтепульчано (? — 1513), монах-францисканец, принадлежал к последователям Савонаролы, появившимся в Италии в большом числе после его смерти. О разделении Италии монахами между собой рассказывают авторы хроники Питти и Камбио. Во Флоренции Франческо проповедовал в церкви Санта Кроче, Его проповедь, состоявшаяся 26 декабря 1513 г., была настолько мрачной, что власти решили обратиться за советом, что с ним делать, к папе Льву X, однако тот не успел дать ответ: Франческо умер от воспаления легких. Одна его проповедь, от 18 декабря, сохранена Лоренцо Вивуоли, собравшим также множество проповедей Савонаролы.

^{513*} Не очень ясная фраза. Возможно, речь идет уже о преобразованиях во Флоренции.

^{514*} Иисус Христос, король флорентийского народа, избранный постановлением сената и народа (лат.). В 1527, т. е. после очередного изгнания Медичи.

^{515*} В более поздних изданиях, которые готовил Л. Гейгер, дана цифра 22 000 золотых талеров.

^{516*} по обету (лат.).

^{517*} В древнем Риме год начинался 1 марта, а вся неделя до 21 февраля была посвящена почитанию предков (dies parentales). Собственно Фералиями назывался завершающий день этих торжеств, 21 февраля, 22-го же числа начинался уже переход к новому году — праздник Каристии (также посвященный умершим). Фералии сопровождалась принесением жертв (скромного угощения) на могилах скрывающимся там манам (divi manes).

^{518*} св. Доминик (собственное имя Доминго Гусман; ок. 1170 — 1221), кастильский проповедник, основатель доминиканского ордена. Умер в Болонье.

^{519*} Стампа, Гаспара (1523 — 1554), итальянская поэтесса. Родом из Падуи, из купеческой семьи. В раннем возрасте смогла приобрести

в Венеции солидное гуманистическое образование, благодаря чему (а также певческому таланту) вошла в круг венецианских ученых и писателей. Хозяйка литературного салона. Сонеты, написанные под впечатлением неразделенной любви к графу Коллато ди Коллатино, несмотря на некоторый налет петраркизма, выдвинули ее в число первых поэтесс Возрождения (вместе с Витторией Колонна и Вероникой Гамбара).

^{520*} Людовик XIV (1638 — 1715), король Франции (1643 — 1715), т. е. времени расцвета классицизма.

^{521*} Рушатся храмы, постоянно оскверняются алтари, постепенно почитание Бога угасает! (лат.).

^{522*} Фра, или падре Томмазо Нието (Tommaso di Nieto); считается, что он стоял на позициях приверженцев непрерывного моления.

^{523*} Конгрегация лазаристов (или по-другому еще винцентинцев) была основана св. Венсаном де Полем в Париже в 1625 г. (лазаристы - по приорию Сен-Лазар, в которой она была основана), так что здесь Я. Буркхардт, вероятно, ошибся в отношении названия ордена, к которому принадлежал монах.

^{524*} Манфред (1231 — 1266), король Сицилии (1258 — 1266). Узаконенный побочный сын Фридриха II. Завоевал Южную Италию и Сицилию, однако не смог их удержать: папа передал его владения Карлу I Анжуйскому. Войско Манфреда было разбито у Беневенто, а сам он погиб в бою.

^{525*} Религиозное движение в Милане и Ломбардии (ок. 1055 — 1075), сторонники которого (патарены) боролись против обогащения высших церковных иерархов в духе грегорианской реформы (см. прим. 164* к главе I). Движение носило совершенно ортодоксальный характер, однако в XII — XIII вв. появилась тенденция называть патаренами также и сторонников близких к катарам движений в Ломбардии.

^{526*} Марцио, Галеотто (Marzio; 1427 — 1497?), гуманист, медик и астролог. Много путешествовал (Венгрия, Испания, Франция, Англия). С 1464 преподавал в Болонье латинскую литературу, В 1465-73 много бывал в Венгрии при дворе Матвея Корвина. В 1478 за трактат «De ignotis vulgo» посажен в Венеции в тюрьму. Освобожден стараниями Лоренцо Великолепного и Матвея Корвина. В астрономических трудах присутствуют коперниканские интуиции. Состоял также на службе у Карла VIII.

^{527*} Урчео, Антонио (Урцей, Кодр — прозвище из Горация; 1446 — 1500), итальянский гуманист. Учился в Ферраре у Гварино и Луки Рива. 10 лет был воспитателем сына Пино Орделаффи, затем в Болонье. Оставил речи, письма, стихи.

^{528*} Орделаффи, семейство, правившее в Форли и других областях Романьи. Пино III Орделаффи отравил одного за другим нескольких своих родственников, жену, однако в 1480 был, видимо, отравлен сам третьей женой. После его смерти его незаконный сын Синибальдо прожил всего несколько месяцев, и Форли был передан Сикстом IV Джироламо Риарио.

^{529*} букв. «о козлиной шерсти», выражение из Горация (Поел. I 18, 15), означающее «по пустякам», «из-за выеденного яйца».

^{530*} божественный ... бог (лат.). Ср. также с. 161.

^{531*} Макробий (Амбросий Феодосий Макробий; начало V в.), автор комментария на «Сновидение Сципиона» (о нем Я. Буркхардт еще будет говорить) и «Сатурналий», откуда и заимствовал Тицио эту молитву (3, 9, 10-11).

^{532*} Заклинаю тебя, мать-земля, и тебя, Юпитер ... Заклинаю тебя, земля, и тебя, Христе Боже (лат.).

^{533*} Бонатти, Гвидо, итальянский астролог и астроном. Скончался ок. 1296 в глубокой старости. У Филиппо Виллани имеется его жизнеописание. Бонатти упоминает Данте, поместивший его в ад (XX 118).

^{534*} Фирмик Матерн (Юлий Фирмик Матерн; IV в.), римский писатель, автор трактата по астрономии (на него ссылается в примечании Я. Буркхардт). После обращения в христианство написал резко антиязыческий трактат «О заблуждении языческих верований» (ок. 346 — 350).

^{535*} Возможно, Джакомо Кальдора, которому в 1430 дала Бари в качестве феода королева Неаполя Жанна.

^{536*} Орсини, граф Питильяно, Никколо (1442 — 1510), итальянский военачальник. Состоял на службе у Пиччинино, Медичи, предводительствовал папским войском. В 1494-95, будучи во главе арагонских войск, безуспешно пытался противостоять Карлу VIII. Попал в плен, но смог освободиться. С 1495 и до самой смерти — бессменный главнокомандующий войсками Венеции.

^{537*} Вероятно, это Алессандро Бенедетто (нач. 2-й пол. XV в. — 1512), итальянский медик. В качестве врача участвовал на стороне итальянских войск в войне с Карлом VIII, оставил об этом записки. Достиг чрезвычайно значительных успехов в анатомии, стал изготавливать деревянные модели человеческого тела.

^{538*} Когда сюда явился Карл VIII.

^{539*} Д'Асколи, Чекко (ум. 1327), итальянский астроном. Собственное имя — Франческо Строболи (Асколи — город, откуда он происходил). Преподавал астрономию в Болонье, однако был обвинен в колдовстве и в 1324 был вынужден оставить преподавание, отправился во Флоренцию и поступил на службу к герцогу Карлу Калабрийскому. Однако инквизиция не оставила его и здесь. Сохранился принадлежащий ему астрономический трактат и дидактические стихотворения.

^{540*} Ворота из слоновой кости (ит.).

^{541*} Букв. «Вергилиевы жребии» (лат.).

^{542*} Абаммон — имя египетского жреца, указываемого в рукописях в качестве автора принадлежащего скорее всего Ямвлиху или его ученикам трактата «О египетских мистериях».

^{543*} тень (ит., от лат. umbra).

^{544*} Возможно, Лодовико Пико, упомянутый в прим. 57*.

^{545*} св. Бенедикт Нурсийский (ок. 480 — ок. 547), родом из Норчи. Бежав от цивилизации, поселился в пещере вблизи Аньо (названной впоследствии «священный грот»), а ок. 530 основал монастырь Монте Кассино. Традиционно считается «патриархом западного монашества», установленные им строгие правила (впрочем, допускавшие занятия наукой) легли в основу устава бенедиктинцев. Сестра Бенедикта св. Схоластика считается основательницей женской ветви бенедиктинцев.

^{546*} По-итальянски Норча.

^{547*} Вышел в 1484. У Якоба Шпренгера был соавтор — Генрих Инстититорис.

^{548*} Чтобы лишить мужской силы того, против кого направлена месть.

^{549*} Колдунья, неоднократно упоминаемая Горацием, а в нескольких стихотворениях играющая центральную роль; см. в первую очередь 5-й и 17-й эподы, 8-ю сатиру (I кн.).

^{550*} Разумеется, нелюбимый Я. Буркхардтом Пьетро Аретино.

^{55*} *Прежде чем огонь потухнет*

Пусть в окно дружок мой стукнет;

Пусть любовь его изводит,

Как булавка в сердце входит (ит.).

^{552*} И «телест», и «телесмы» происходят от греч. ТЕΛΕΩ - «оканчиваю», «совершаю». «Телест» (τελεστης) значит «посвященный в таинства», «телесма» ΤΕΛΕΣΜΑ (мн. ч. τελεσματα) - букв. «подать», «затраты». Возможно, в средневековой латыни последнее слово включили в круг имеющих отношение к таинствам.

^{553*} Не вполне ясное место (как, пожалуй, и весь этот период о Вергилиевых чудесах). Возможно, не вполне доволен этим местом был и Л. Гейгер, ибо в его издании это предложение несколько изменено, а перед «обе упомянутые черты» добавлено «названные первыми» (т.е. заключенные изображения города в сосуд и присутствие при этом жреца).

^{554*} Тотила или Бадуила, король остготов с 541 по 552, завоевал почти всю Италию, в 546 взял Рим, разбит и убит Нарзесом, полководцем Юстиниана I.

^{555*} Буондельмонти, молодой человек из знатного флорентийского семейства, был убит на пасху 1215. Согласно традиционному изложению событий, убийство это и послужило началом многовековой борьбы гвельфов и гибеллинов.

^{556*} В издании Л. Гейгера это предложение несколько изменено, чтобы исправить допущенную Я. Буркхардтом неточность: «Хотя он и утверждает, что способен...» Подкорректирован и конец фразы: «...эксплуатация несчастных и охваченных страстями влюбленных и своенравных родителей».

^{557*} От греч. ΜΕΤΩΠΟΝ - «лицо» и ΣΚΟΠΕΩ - «наблюдаю».

^{558*} Авгурелли, Джованни Аврелио (Augurelli; ок. 1440 — 1524), итальянский гуманист. Учился в Венеции, изучал право в Падуе. Познакомился с Бернардо Бембо, вместе с которым прибыл во Флоренцию, куда тот отправлялся послом. Вошел здесь в круг гуманистов, преподавал. Затем вернулся в Венецию, но будучи обойден кафедрой, которую рассчитывал получить, окончательно обосновался в Тревизо. Писал по-латински стихи, в том числе упомянутую здесь небольшую поэму алхимического содержания «Chrysopeia».

^{559*} Сказано, конечно, иронически: по тому, как энергично тратил золото Лев, создавалось впечатление, что он его не переносит.

^{560*} Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; 1493 — 1541), швейцарский медик и алхимик. Внес вклад в развитие химии и, возможно, гомеопатии.

^{561*} Помпонаци, Пьетро (1462 — 1525), итальянский философ. Автор трактата «О бессмертии души», осужденного церковью.

^{562*} Салютати, Лино Колуччо ди Пьеро (1331 — 1406), итальянский

гуманист. Занимался нотариатом, был канцеляристом. Состоял при папе Урбане V в Витербо. С 1375 канцелярист Синьории Флоренции, где и пребывал неизменно на протяжении 30 лет. Принимал живое участие в политической жизни города. Очень интересны его письма, написанные на прекрасной латыни. Оставил также трактаты, стихи.

^{563*} Пульчи, Бернардо (1438 — 1488), итальянский поэт, брат Луиджи Пульчи (см. прим. 200*). Писал лирические и религиозные стихотворения, а также мистерии.

^{564*} Фабии, древний римский патрицианский род, давший много первых лиц государства. Самыми известными были Квинт Максим Фабий Кунктатор (см. прим. 238* к III главе) и Квинт Максим Руллиан Фабий (IV — III вв. до н. э.), пять раз консул и дважды претор, прославившийся в войнах с самнитами и этрусками.

^{565*} Очевидно, Маний Курий Дентат, трижды консул в период с 290 до 274 до н. э., разбивший самнитян, сабинян, царя Пирра. Был цензором (272).

^{566*} фабриций (Гай Фабриций Лусцин; III в. до н. э.), римский государственный деятель, прославившийся неподкупностью. Отправленный послом к царю Пирру после поражения римлян в 280, он вызвал восхищение царя своей честностью и прямотой и смог добиться возвращения римских военнопленных без выкупа. У Плутарха имеется его биография.

**В.М. Володарский
Якоб Буркхардт.
Жизнь и творчество**

•

**Л.М. Брагина
«Культура Возрождения
в Италии»
Якоба
Буркхардта**

В. М. Володарский

Якоб Буркхардт. Жизнь и творчество

Якоб Буркхардт родился 25 мая 1818 г. в семье протестантского церковнослужителя в Базеле. Его юность прошла в атмосфере строгой религиозности и традиций размеренного, неторопливого порядка жизни швейцарского бюргерского дома. Он рано начал учить латинский язык, благодаря своим способностям легко овладевал школьной премудростью, но не удовлетворялся ею — с интересом знакомился с произведениями искусства, от образцов медалей до архитектурных памятников, пробовал свои силы в рисовании, и немало преуспел в этом, писал стихи. В 17 лет он впервые принял участие в подготовке серьезного исторического труда, автором которого был теолог и историк Г.Шрайбер. Своими выписками из базельских источников Буркхардт помог ему создать обстоятельную биографию Г.Глареана, швейцарского гуманиста XVI в., поэта, филолога, математика, теоретика музыки, находившегося в тесных дружеских связях с Эразмом Роттердамским.

В апреле 1836 г. Буркхардт поступил учиться на теологический факультет Базельского университета, намереваясь идти по стопам отца. Его кругозор быстро расширялся. В 1837 г. в возрасте 19 лет он совершил путешествие в Италию, за которым последовали еще два — в 1838 и 1839 гг. Первые восторженно-романтические впечатления от этой страны, где, как писал Буркхардт в своих стихах, легко и свободно дышит грудь, постепенно сменялись представлениями более трезвыми и глубокими, но то чувство особого душевного подъема, интенсивнейшей работы ума, почти физического состояния счастья, которое он испытывал от знакомства с красотой итальянской архитектуры, изобразительного искусства и южной природы, — это осталось навсегда, воскресая в нем и во все дальнейшие поездки в Италию. Последняя из них состоялась в 1887 г., полвека спустя после первого путешествия.

Пять семестров изучения теологии закончились неожиданно. Освоение благодаря лекциям Де Ветте теологической мысли Просвещения, собственные размышления о роли мифа в христианской традиции, доходившие до Базеля отголоски бурных дискуссий в Германии вокруг новейшей критики Библии и истории первоначального христианства — все это сказалось на существенном изменении взглядов Буркхардта, а соответственно — и его жизненных планах. Своему другу Ф.Чуди, будущему теологу и поборнику единства Швейцарии, Буркхардт описывал пережитый им кризис как «полное обмирщение во взглядах и действиях». Конечно, это было преувеличение. Не прошло и полугодия, как он признался: «Мое убеждение о вечном провидении стоит прочно, как скала. Это провидение не слепая судьба, а личный Бог, и такая вера никогда от меня не уйдет»¹. Расставшись с юношескими религиозными представлениями, утратив на всю жизнь интерес к догматике, Буркхардт сохранил религиозность, связанную с большой ролью интуиции. Философия Шопенгауэра, сочинения которого он внимательно изучал, позже еще укрепила его в этой позиции. Он не стал ни вольнодумцем, ни религиозным мистиком, каким его пытались представить в дальнейшем разные авторы. Никогда не занимаясь декларациями, он проявлял свободное и независимое отношение к различным видам ортодоксии, к их попыткам установить на свой лад жесткие границы правоверия в христианстве.

Разрыв с теологией имел важные последствия: Буркхардт осознал, что хочет посвятить свою жизнь иному — истории². Именно в ней он теперь видел носительницу «высшей поэзии»³. Впервые совершая столь крутой поворот в своей жизни, осенью 1839 г. он отправляется учиться истории в Германию, в Берлинский университет.

Годы, проведенные в Берлине, наложили отпечаток на всю последующую деятельность Буркхардта как ученого и педагога. Правда, его не вдохновили ни архитектура Берлина, который гордился барочными созданиями А.Шлютера и классическими творениями К.Ф.Шинкеля, ни чересчур бурная, на взгляд уроженца тихого Базеля, атмосфера жизни большого столичного города, ни прусский пейзаж, который Буркхардт находил отвратительным. Зато люди, идеи, университет, завоевывавший все большую славу, вызывали его энтузиазм. Четыре преподавателя оказали на него в Берлине наибольшее влияние. Первым был Франц Куглер, хорошо знакомый Буркхардту еще по Швейцарии, учитель, ставший со временем, по словам самого Буркхардта, его «любимейшим другом». Он был старше

своего ученика на 10 лет. Романтически настроенный музыкант, художник, поэт, он стал архитектором, профессором, автором опубликованного в 1837 г. двухтомного руководства по истории живописи от Константина Великого до Нового времени, а также описаний сокровищ архитектуры и искусства Берлина, Потсдама, Кведлинбурга. В 1840 г. появилась его «История Фридриха Великого» с иллюстрациями А.Менцеля, которые сделали его важной вехой в развитии немецкого искусства и одним из самых знаменитых его созданий. Буркхардт слушал у Куглера курс лекций по всеобщей истории архитектуры, в котором лектор подчеркивал тесную связь архитектуры разных времен и народов с миром идей, с тем, что сегодня назвали бы «общекультурным контекстом».

Одновременно Буркхардт посещал занятия у еще одной берлинской знаменитости — молодого профессора И.Дройзена, автора «Истории Александра Великого». Дройзен новаторски разрабатывал историю эллинизма и впервые использовал само это понятие, рассматривая распространение греческой государственности и образованности в среде народов Востока.

Важную роль в обучении Я.Буркхардта как историка сыграл семинар Леопольда фон Ранке, в котором Буркхардт писал две свои работы — о Карле Мартелле и одном из архиепископов средневекового Кёльна. Звезда Ранке лишь восходила, хотя ему было 47 лет и к этому времени он уже завоевал широкую известность как автор трехтомной истории римских пап и первого тома «Истории Германии в эпоху Реформации». Его концепция европейского единства как общности романских и германских народов, основанной на античной и средневековой традициях, оказала большое воздействие на молодого Буркхардта, как и высокая исследовательская техника Ранке, неизменно сочетавшаяся со стремлением к синтетическим концепционным построениям. Буркхардт называл его «великим учителем», хотя по мере развития собственных исследовательских интересов, связанных прежде всего со сферой культуры, его перестала удовлетворять сосредоточенность Ранке на проблемах преимущественно политической истории. Все более критично стал относиться он со временем и к программной объективности Ранке, утверждая, что «в определенных вопросах больше ему не доверяет»⁴. Ранке между тем неизменно высоко оценивал способности и усердие своего ученика и даже пытался однажды рекомендовать его в качестве профессора на мюнхенскую кафедру, что, однако, не осуществилось. Следы влияния Ранке в той или иной степени ощущаются во всех крупных работах Бур-

хардта, но ранкеанцем он не стал, избрав собственный путь в науке.

Самым почетным по возрасту среди тех, чьи лекции в Берлинском университете оказались особенно памятки Буркхардту, был Якоб Гримм, один из братьев-германистов, издавших в 1812-1814 гг. собрание немецких сказок, положившее начало систематическому научному изучению в Европе этой области народного творчества. Гримму было 57 лет, и после издания книг о древностях немецкого права, о германской мифологии и первого тома записей правовых обычаев, регулировавших жизнь немецкой деревни, он продолжал подготовку своей самой трудоемкой работы — многотомного «Словаря немецкого языка», который он вместе с братом Вильгельмом начал выпускать в свет позже, с 1852 г. Еще в пору своей работы в качестве библиотекаря и профессора Геттингенского университета Гримм читал курс лекций о «Германии» Тацита. Изгнанный из Ганноверского королевства за участие в протесте семи профессоров против отмены королем местной конституции, Гримм после начала своей работы в Берлинском университете повторил свой курс, и его в 1842 г. слушал Буркхардт. По его словам, это был «самый прекрасный и интереснейший» из всех циклов лекций, которые он когда-либо слышал. Стремление Я.Гримма всесторонне осветить быт, нравы, верования народа, не обходя и его суеверий, скажется на подходе Буркхардта к истории культуры в его научных трудах и собственных лекциях.

Этот период жизни Буркхардта был знаменателен для него и яркими художественными впечатлениями: во время романтических, большей частью пеших странствий по Гарцу и из Берлина в Бонн он знакомился со старой немецкой архитектурой, углубляя свои представления о готике, но сумел побывать и в Бельгии, после чего на всю жизнь стал страстным почитателем творчества Рубенса. В результате поездки в Бельгию Буркхардт опубликовал в 1842 г. краткий путеводитель по памятникам искусства городов этой страны.

Увлекала его тогда и политика — идеи либерального движения. Интерес к ним сказался в его беседах и переписке с другом — Готтфридом Кинкелем, и в общении с Беттиной фон Арним, писательницей, вдовой одного из крупнейших романтиков в немецкой литературе. Не приемля деспотизма, цензуру, прусский культ верноподданства, преклонение перед армией, Буркхардт считал нормой конституционные порядки и «разумный прогресс». Жизнь, однако, и в этом случае оказалась сложнее.

Завершив весной 1843 г. свое обучение в Берлине и полу-

чив право на преподавание, Буркхардт решил через Бонн в первый раз отправиться в Париж, а уже оттуда — в родной Базель. Знакомство с Парижем поры правления Луи Филиппа и управления Гизо, обнаженные противоречия громадного города сего банкирами и нищетой, бурлящими рабочими кружками и «газетными войнами», чтение Луи Блана — все это заставило Буркхардта задуматься, достаточно ли одних конституционных и парламентских форм для решения проблем общества. Он пришел к убеждению, что опасными могут стать не только действия власти, но и массовые движения низов общества, и даже избирательное право, если граждане не ощущают своей ответственности за совершаемый выбор. Особый скептицизм вызвала в нем парижская пресса с ее продажными нравами. Она насаждает тривиальные мнения, становится едва ли не единственным чтением множества людей, отучает их от принятия собственных решений, превращая в однообразно мыслящую толпу (позже Буркхардт употреблял в подобной связи даже такой термин как «мычащая масса»). Все это делает людей легкой добычей для политического манипулирования. Настроения, рожденные Парижем, со временем не только не ослабли у Буркхардта, но еще больше усилились.

Тем труднее объяснить шаг, на который он пошел в Базеле: принял предложение с января 1844 г. стать политическим публицистом, автором передовиц и редактором «Базельской газеты», правительственного органа города. Это было нечто более ответственное, чем обращение к заработку журналиста из-за материальных причин, но Буркхардт не сразу осознал, что снова идет не по «своему» пути. Газетой руководил городской советник А.Хойслер, противник централизации Швейцарии, ратовавший за широкую самостоятельность кантонов (позже, в 1848 г., после гражданской войны с католическими кантонами «Зондербунда», централизация все же осуществилась, превратив страну в федеративное, но единое государство с общим правительством и двухпалатным парламентом). Буркхардт, таким образом, оказался защитником консервативных идей. Исследователи его творчества, однако, справедливо отмечали, что консерватизм консерватизму рознь, особенно при сравнении Швейцарии и Германии: базельские сторонники его были республиканцами, а не монархистами, и Буркхардт никогда не разделял того почтения перед дворами, которое было характерно в Германии, например, для консервативно настроенного Ранке⁶.

Летом того же 1844 г. Буркхардт впервые начал свои занятия как преподаватель истории искусства в Базельском универ-

ситете. Объявленный им поначалу курс лекций по немецкой истории не собрал желающих, и ему пришлось срочно переориентироваться — читать историю архитектуры для шести записавшихся, используя в качестве наглядных пособий литографии. В этих первых опытах Буркхардта, о которых можно судить по его сохранившимся текстам, еще сильно ощущается его зависимость от курса по искусству, который он слушал в Берлине у Ф.Куглера.

При всем интересе к искусству Буркхардт в эти молодые годы упорно утверждал свои возможности как историка широкого профиля. Его лекционный репертуар обогащается, включая курсы по истории средних веков, швейцарской, а затем и немецкой истории. В университете число его слушателей часто было невелико: так, например, курс по истории Швейцарии с древнейших времен до войны за освобождение от империи в 1499 г., четырежды повторявшийся в 1845-1853 гг., посещали в разные годы от 3 до 7 студентов. Ряд идей, которые развивал в этих лекциях Буркхардт, в частности, о роли алеманнов в ранней швейцарской истории, о сомнительных чертах в традиционном освещении начала борьбы швейцарцев за независимость и т.д., получили специальную разработку у других исследователей лишь позже, и заслуги Буркхардта в этой сфере были оценены только во второй половине XX в.

По мере того как со временем нарастала его известность ученого, росло и число тех, кто посещал лекции Буркхардта. Когда в 1868 г. Фридрих Ницше слушал его курс об изучении истории (на основе которого посмертно, в 1905 г., была издана книга «Рассмотрение всемирной истории» — «Weltgeschichtliche Betrachtungen»), лекции, выдержанные, по мнению Ницше, «в шопенгауэровском духе» и чрезвычайно ему понравившиеся, слушали 60 человек. Много, разумеется, зависело также от тематики и материала лекций, от сознательной ориентации лектора на тот или иной уровень доступности изложения.

В 1844-1845 гг. Буркхардт прочитал впоследствии повторенный им цикл лекций по истории искусства от конца античности до XVII в., а в следующем семестре 1845-1846 гг. — его продолжение, от более подробной характеристики XVII в. в Испании и Фландрии до современной живописи. Лекции читались в Добровольном академическом обществе Базеля, существовавшем уже десять лет, предназначались для образованной публики («не для историков искусства», как говорил Буркхардт), и их посещали 100 человек. Трудность состояла в том, что такой большой аудитории уже невозможно было показывать лито-

графии, как в университете, и Буркхардту пришлось обойтись вообще без изобразительных материалов — их должна была заменить выразительность слова лектора.

Главное место в первом цикле лекций заняли темы искусства XV и XVI вв. Буркхардт рассматривал, сопоставляя, развитие изобразительного искусства в Италии и Германии, подчеркивал, что оно является «благороднейшей частью истории культуры», переходил к историко-культурному материалу и снова возвращался к освещению эволюции искусства⁶. Так, например, он рассматривал творчество скульптора Никколо Пизано и живописца Чимабуэ в Италии XIII в., затем работы скульптурной и живописной школ в Кёльне в Германии, останавливался на роли Кёльна как центра архиепископства, на особенностях города, основании его собора, положении Кёльна во главе немецкого художественного развития в XIII в. и делал вывод о необходимости связывать историю искусства с «физиономией народов и времен». Он подчеркивал, что нередко смутное для исследователя в письменных памятниках находит свое ясное выражение в произведениях искусства⁷.

Особенно широко Буркхардт использовал историко-культурный материал, давая характеристику времени Дюрера. Он подходит к ней после разбора сходных мотивов в фресках пизанского Кампосанто и «Танцев смерти» в Базеле, а также скульптурных изображений в церковных порталах XV в. с идущими в ад папами и кардиналами. Все это были, по мнению Буркхардта, разные выражения идеи равенства всех сословий. Далее он подчеркивал новизну живописи Яна ван Эйка и намечал его главные достижения по сравнению с предшественниками, в том числе свободные композиции с пейзажами, изображенными как бы с птичьего полета. Само обращение художника к пейзажной натуре он характеризовал лаконичной формулой: «новооткрытый мир»⁸. Это было сказано за десять лет до того, как Жюль Мишле дал свое известное определение специфики Ренессанса: «открытие мира» и «открытие человека». Буркхардт, правда, применил свою формулу в конкретном контексте и еще не использовал ее для обобщения особенностей целой эпохи.

Черты нового он отмечал и при описании бургундского двора, самого роскошного в Западной Европе. Лишь затем лектор переходил к творчеству Дюрера. Здесь он снова проводил параллели между искусством Италии и Германии, отмечая, что там, где итальянский художник стремился к выразительности всей фигуры изображаемого человека, немецкий заботился о выразительности прежде всего голов. Такие сопоставления

позже стали целой школой, их мастерски разрабатывал ученик Буркхардта Генрих Вёльфлин. Буркхардт высоко оценивал завоевания Дюрера, но считал его мастером, все еще тесно связанным со средними веками. Лишь Гансу Гольбейну Младшему удалось, по мнению Буркхардта, сделать в эту эпоху следующий шаг: в его работах уже «пульсирует дух нового времени»⁹. Здесь-то Буркхардт и обращался к развернутой культурно-исторической характеристике жизни города Базеля в пору Гольбейна. Он останавливался на деятельности Эразма Роттердамского, упоминал просвещенных членов семейства Амербахов, заслуги других городских знаменитостей. Он не форсировал патристические мотивы, но сам материал, к которому он обращался, многое говорил не только уму, но и сердцу его слушателей.

Переходя к искусству Италии XV-XVI вв., Буркхардт отмечал, что его рассмотрение требует по самой методике независимого подхода, не связанного с тем или иным отношением к церкви. Это был не только общий принцип научно-автономного изучения искусства, которого он придерживался, но и умело примененная лектором важная психологическая установка. Ведь Буркхардту предстояло обрисовать то, что сам он считал вершинами искусства, но что в протестантском Базеле, особенно в эти годы, могло восприниматься частью публики сквозь призму предубеждений против всего католического: именно тогда католические круги создавали и лихорадочно вооружали Зондербунд — тайный союз ряда кантонов, именно в эту пору шли споры в стране — запрещать ли присутствие в ней иезуитов или это является нарушением свободы в Швейцарии. Буркхардт как бы переключал слушателей в иную атмосферу, где действовали и иные критерии — историзм, человечность, художественное качество произведений.

Отмечая различия и даже контрасты двух периодов развития искусства Возрождения в Италии — в XV и XVI вв., он подчеркивал значение открытий Леонардо да Винчи в характеристике человека, умение Микеланджело дать сильнейшее выражение всему героическому и демоническому, высокой духовной мощи и людским страстям, но особенно подробно, в четырех лекциях, останавливался на созданиях Рафаэля. В его образах он видел «людей божественного рода», даже в портретах изображенных не такими, какими они были, а какими их «хотела видеть натура»¹⁰. В венецианском искусстве Буркхардт выделял Тициана как художника «благородного и прекрасного человечества», создателя портретов, переходящих в исторические картины. В отличие от Рафаэля для него было харак-

терно не воплощение святого в земных образах, а умение передать столь же чистое настроение «золотого века» на земле.

Во втором цикле лекций рассматривались фламандское и голландское искусство XVII в., классицизм и его судьба во Франции в разные периоды — до революции, в ее годы (у Давида и его школы), а затем в параллельном существовании искусства эпигонов и строгого (а не патетического, как у Давида) ампиричного стиля у Энгра и Гране. Романтизм освещался Буркхардтом на широком материале литературы и искусства, подробно рассматривалось творчество поселившихся в Риме художников-назарейцев, причем их упорные спиритуалистические стремления в более поздних работах Буркхардт характеризовал как уже устаревшие¹¹. Освещалась и специфика современных Буркхардту художников дюссельдорфской школы, заслуги которых лектор определял сдержанно и кратко — они снова сделали немецкое искусство популярным.

Центральное место в этом цикле заняла характеристика Рубенса. Рембрандт признавался великим художником, бесспорным новатором в открытии возможностей света в живописи, но высокая оценка давалась лишь его жанровым полотнам, а не работам «большого стиля» — в них, особенно в типажах картин на библейские и евангельские сюжеты, Буркхардт усматривал слишком много плебейского. Зато Рубенс удостаивался почти оды. По мнению Буркхардта, он искал противовеса идеалам итальянцев и нидерландцев позднего XVI в. (в наши дни сказали бы «маньеристов»). Искусство должно было снова стать здоровым, обратившись к сырой и грубой натуре. Рубенс и сделал это, но на особый лад — недаром он учился у Тициана и античности. Он не способен был воплощать небесное, но зато его люди живут, они полны высшей страсти, энергии, внутреннего огня, как картины Рубенса — радости бытия и праздничной роскоши красок. Леонардо, Микеланджело, Рафаэль выразили — каждый по-своему — высшую духовную жизнь, божественные силы в человеке. И тут пришел Рубенс и сумел показать в человеке героического рода жизнь, полную сил, но также и драматическое начало.

Оценкам, которые Буркхардт сформулировал в своих лекциях, он в основном оставался верен и позже, когда еще не раз обращался к искусству своих любимейших мастеров. Лекции Буркхардта, как он и предполагал, вызвали интерес и одобрение отнюдь не у всей базельской публики. Тем, кого он называет в письмах «пиетисты», «наши Тартюфы», не понравились ни замечания об устарелости спиритуализма в живописи, ни от-

существование в курсе назидательного теологического содержания¹². Буркхардту даже пытались помешать в повторении цикла его лекций, но это его противникам не удалось.

Между тем он не ограничился одной лишь устной формой популяризации своих идей и результатов постоянной и интенсивной научной работы. В 1843-1846 гг. он активно сотрудничал с фирмой Брокгауз, которая после исключительного успеха своих многотомных изданий по искусству решила выпустить обновленный лексикон живописи. Буркхардт проделал огромную работу: он написал для этого издания 70 новых статей, существенно дополнил и переработал 160, почти столько же уточнил или изменил своими добавлениями¹³. Так же, как сходная работа 1847 г. для руководства по истории искусств Ф.Куглера, как и публичные лекции, это дало ему финансовые возможности для новых поездок в Италию в 1846 и 1847 годах.

Уже первая из них ознаменовала очередную крутую перемену в жизни Буркхардта, о котором так часто впоследствии мемуаристы будут писать как о человеке чрезвычайно сдержанном, спокойном, обдумывающем свои слова и поступки, в быту чуть ли не до малодушия осторожном. На этот раз его тяга в Италию была откровенным бегством от политики. Он не только уходит из «Базельской газеты», но и насмешничает над политическими дрязгами друзей, решительно заявляя: «Политика для меня мертва», «я навек отказался от всякой политической деятельности»¹⁴. Близкое знакомство с ней наполнило его презрением к «политическому сброду, который скрывается под покровом свободы»¹⁶. Он пишет друзьям, что «среди чванных базельских денежных мешков нет истинных людей», но не жалуется и народ: «Вы все не знаете, что такое народ и как легко он превращается в варварскую чернь»¹⁶. Какая «тирания над духом» может быть установлена под предлогом, что образование — это плод «тайного заговора капитала», и потому его надо уничтожить! Что-то, видимо, недосмотрели в Буркхардте позднейшие мемуаристы, если не поняли, что этот «осторожный человек» в критические моменты жизни способен на решительные и бескомпромиссные действия, не просто расставания — разрывы с тем, что стало для него духовно изжитым. Он отвергает теперь всех политиков, так и пишет — «их всех», «радикалов, коммунистов, высокообразованных, рефлектирующих» и иных, противопоставляя их суете старую поговорку: *bene vixit, qui bene latuit* — «хорошо живет тот, кто живет в уединении»¹⁷. На многие годы это станет для него сначала программой, а затем, когда она реализуется, привычным обиходом.

Но что же, кроме разочарования в политике, обусловило важный выбор, который он сделал? Он со всей ясностью осознал наконец, что целиком и безраздельно его влечет «прекрасное в искусстве и природе». И глаза ему на это открыли путешествия в Италию. «Всей своей сущностью», как он пишет, он устремляется «к золотому веку, к гармонии». Его дело связано с противостоянием опасности всеобщего одичания, варварства, оно неотделимо от сбережения накопленных веками духовных сокровищ. Его дело — помочь спасти «образование старой Европы»¹⁸.

Что входит в круг этих сокровищ? В «Рассмотрении всемирной истории» Буркхардт будет говорить о трех «потенциях», трех силах — государстве, религии, культуре — и о разных вариантах их взаимодействий. Культурой он называет «вою сумму тех развитий духа, которые происходят спонтанно и не притязают на универсальное или принудительное значение»¹⁹. Вне кафедры, однако, он говорит, что затруднился бы дать точное определение культуры. Да и что такое точность, когда речь идет об истории? Эта «ненаучнейшая из всех наук» меньше всего владеет строгими, общепризнанными методами. В ней спорен уже всякий выбор предметов для исследования. Чуть иронично он замечает, что сам бы предпочел выбрать не то, что представляется необходимым для науки «ученому Кунцу или профессору Бенцу», а интересное ему, Буркхардту. В другой раз он внес уточнение: в истории надо выделять то, что «может быть интересно людям»²⁰. Наконец, Буркхардт признался однажды А.Салису: «Я люблю науку, но не строго научное. Только не выдавайте меня!»²¹. Салис был смущен — говорилось ли это в шутку или всерьез?

Определение культуры, данное Буркхардтом в «Рассмотрении всемирной истории», включает более широкое представление о ней, чем те, к которым он обычно обращался в своих лекциях и книгах. Чаще всего он касался материала архитектуры, трех изобразительных искусств — живописи, скульптуры и графики, а также литературы (в первую очередь поэзии), в меньшей мере музыки, хотя в своих определениях искусства обязательно ее называл. Реже затрагивались сферы науки и философии, зато неизменно освещались картины общественного и домашнего быта, нравов, повседневных проявлений веры и суеверия. Во главе всей культуры для Буркхардта стояло «духовное чудо — языки», «самое непосредственное, в высшей степени специфическое откровение духа народов, идеальный их образ»²². Якоб Гримм мог бы остаться довольным — наследие романтиков было отлично освоено Буркхардтом.

Искусство, но не его интерпретации, в высокой степени существует ради самого себя²³. Изобразительные искусства, поэзия, музыка кажутся или прямо возникшими из культа, или тесно связанными с ним в разные времена, но все же они существовали до него и без него²⁴. Автономное рассмотрение искусства, которое он отстаивал уже в своих первых лекциях, сохраняется как научный принцип Буркхардта на протяжении всей его деятельности, а затем подхватывается его учениками.

Поэзия, музыка, все, что воплощается в краске или камне, словом, все искусства — это, по Буркхардту, «второй мир, более высокий, чем земной». Его, видимо, не очень волнует, насколько научно такое определение, ему важнее подчеркнуть, что искусство — некое новое, «идеальное творение», которое «Бог дает возможность создать силами человека»²⁵. Оно способно возвышать душу красотой и утешать, оно дает познание сущности человечества, совокупностью созданий как ничто другое раскрывает «внутреннего человека», наконец, защищает от убогости жизни. К сатире и иронии в искусстве Буркхардт всегда относился прохладно, они казались ему обращенными к достаточно низким сферам бытия. Романтик? Или вернее то, что сказал о Буркхардте писатель и историк Отто Фляке — «последний классик»?

Искусство для Буркхардта является некой тайной, которая может стать доступной, но открывается не всем, во всяком случае — не той массе, которая довольствуется «слащавым, пестрым, ужасающим», а тем, кто действительно способен к определенной духовной работе. Если это позиция с привкусом аристократизма, то Буркхардта она не пугает — он выбирает ее раз и навсегда. Но справедливо ли вообще говорить в данной связи об аристократизме? Ведь даже если у Буркхардта речь идет об элите, то вовсе не о такой, которая связана с происхождением, какими-либо общественными привилегиями. Напротив, Буркхардт с удовольствием утверждает, что для освоения искусства не требуется, «по счастью» никакой «элиты богатых и власть имущих»²⁶. Антипод тех, кто воспринимает искусство, для него не «народ», не «низы», а «филистеры». Не является ли он скорее в своих представлениях о соотношении «тайны» и доступности искусства трезвым реалистом, который не строит иллюзий, а только констатирует практику отношений между публикой и искусством в его времени?

Как бы то ни было, преподавание истории искусства уже с первых шагов Буркхардта на педагогическом поприще шло у него рука об руку с преподаванием истории. И то, и другое ока-

залось связано в его жизни лишь с двумя городами — Базелем и Цюрихом. Буркхардт будет отвечать отказом на все самые выгодные предложения, которые со временем начнут поступать к нему с разных сторон, отклоняя возможности стать профессором в Тюбингене, Карлсруэ и даже в Берлине на кафедре после Ранке. Зато предложение из Цюриха — место профессора археологии и истории искусства в Цюрихской высшей политехнической школе — он в 1855 г. принял охотно. В 1858 г., будучи уже опытным преподавателем 40 лет, Буркхардт стал профессором истории в Базельском университете, а с 1874 г. также и профессором истории искусства. Он совмещал обе эти обязанности до 1886 г., затем сложил с себя преподавание истории, чтобы целиком сосредоточиться лишь на занятиях по искусству. С 1885 г. он снова некоторое время преподавал в Цюрихе, но возраст брал свое, и когда Буркхардту исполнилось 70 лет, он сохранил за собой лишь базельскую кафедру. Здесь он оставался еще пять лет, с 1888 по 1893 гг. Из жизни он ушел четыре года спустя, в 1897 г.

Преподавательская и научная деятельность Буркхардта охватывает полувековой период, но пора главнейших прижизненных публикаций его работ приходится на сравнительно короткий промежуток времени — 1853-1860 гг. В 1853 г. вышла в свет книга Буркхардта «Время Константина Великого». В центре внимания автора стояла не биография императора и отнюдь не только его деяния, а разносторонняя картина жизни общества при императорской власти от Септимия Севера до Диоклетиана, в пору гонений на христиан и в обстановке прекращения этих преследований при Константине. Используя широкий круг источников, в том числе античные надписи, обращаясь и к памятникам искусства, Буркхардт обрисовал и двойственный характер времени: упадок старого мира и постепенное зарождение нового, процессы, свершавшиеся в Риме, Афинах, Иерусалиме, основание и рост новой столицы империи — Константинополя. Он давал описания императорского двора и военного лагеря, картины жизни отшельников и философов, и даже учебник поздней риторики становился для него свидетельством упадка былой культуры. Годы спустя Буркхардт говорил, что его всегда привлекали темы, ведущие «через границы» разных эпох²⁷.

Его книга была прежде всего трудом историка культуры. По его словам, «высшую цель» при ее создании он видел в том, чтобы добиться смыкания истории искусства с историей культуры в целом. Само обращение к исследованию такого рода требовало решения ряда еще неразработанных задач. Менял-

ся ракурс подхода к источникам: в отличие, например, от политической или правовой истории, традиционно имевших дело с определенными типами документов, в культурно-историческом исследовании носителем характерных черт духовного климата эпохи мог оказаться самый неожиданный и исключительно разнообразный материал. Естественно, при этом возникал вопрос: чему и на каком основании давать предпочтение? Недаром Буркхардт считал одной из важнейших проблем для историка, имеющего много аспектов, проблему «выбора», касавшегося не только объекта изучения, но и круга источников, вопросов, которые им задаются, и т.д. Важен был и еще один момент в методе Буркхардта: стремление показать состояние культуры эпохи и оценить происходившие в ней перемены приводило к переносу акцента с привычного изображения текучести истории на сопоставление ее различных периодов, взятых в статике. В книге о времени Константина Великого эти подходы еще не получили столь выраженного характера, как позже, в работе о культуре Возрождения в Италии, но основы метода Буркхардта здесь уже были заложены.

В марте 1853 г. Буркхардт более чем на год отправился в Италию. Он путешествовал по стране, стремясь к систематическому изучению ее искусства, углублению и перепроверке своих представлений о нем. В результате возникла книга, вышедшая в 1855 г., — «Чичероне». В Италии так называют знатоков местных художественных красот, которые добровольно берут на себя их показ приезжим. Подзаголовок книги пояснял, что она является пособием для желающих «насладиться произведениями искусства Италии»²⁸. На многие годы книга стала лучшей на немецком языке характеристикой художественных сокровищ этой страны и одновременно лаконичным, выразительным, лишенным всякой сухости научным комментарием к ним. При жизни Буркхардта она переиздавалась еще пять раз с дополнениями, которые были внесены с его ведома, многократно выходила в свет и позже, в том числе в первоначальном варианте.

Мир итальянского искусства Буркхардт обрисовал как некую целостность, но вместе с тем внимательно прослеживал изменения стиля, роль античных традиций и собственных творческих сил, историческое место отдельных мастеров искусства и художественных памятников. Он использует понятие, которое позже стало одним из центральных в немецком искусствоведении — *Formgefühl*, «чувство формы». Говоря о Ренессансе, Буркхардт применяет этот термин не только к XV и XVI вв., но и к

искусству Италии с расцвета Пизы в XI в. Позже он четче различал многообразные истоки Ренессанса и само его начало. Интересно, что в последующем развитии истории искусства ряд авторов энергично утверждали представление о том, что начало Возрождения коренится уже в высоком подъеме итальянского романского искусства. Такой подход стирал грань между средними веками и Ренессансом, удревянял и «медиевизировал» его. Буркхардт, напротив, не отрицая разнообразных связей искусства и культуры эпохи Возрождения со средними веками, со временем стал четко намечать грань между ними.

Определенные тенденции такого подхода проявились уже в «Чичероне». Понятие «Ренессанс» здесь неоднозначно. В искусстве Италии XV в. Буркхардт видит либо «собственно» Ренессанс, либо его «период исканий» — в отличие от первых десятилетий XVI в., которые безоговорочно характеризуются как «золотая пора» Возрождения, период его классических форм. Этой недолгой поре Буркхардт усматривает соответствия по значительности достигнутого только в двух явлениях всей истории искусства — в греческой классике и в вершинах готики. К числу высших воплощений «чувства формы» он относит, в частности, храм в Пестуме и образы Микеланджело.

Историки итальянского искусства не раз отмечали, что при всех достоинствах книги Буркхардта в ней есть немало упрощений, подмеченных впоследствии специалистами. Такова, например, характеристика живописи XIV в. Оценивая творчество Джотто, Буркхардт справедливо выделял присущие ему черты новизны (прежде всего то, что красота, высший атрибут святых, стал у Джотто «всеобщим признаком»), но затем использовал его достижения в качестве всеобщего мерил при оценке живописи других художников XIV в. В результате возникла однолинейная модель, не учитывавшая противоречий и многоголосия развития искусства этого времени.

Еще в пору пребывания в Риме в 1847 г. при чтении биографии Веспасиано да Бистиччи, флорентийского книготорговца XV в., у Буркхардта возник замысел его следующей, самой прославленной книги — «Культура Возрождения в Италии», которая вышла в свет в 1860 г. Первоначально автор предполагал поставить в центр внимания не человека Ренессанса, а искусство этой эпохи²⁹. Накопленный за годы опыт научной работы, преподавания, создания книг побудил Буркхардта перестроить свои замыслы. После издания его книги Буркхардт, по верному замечанию его биографа В.Кеги, стал «классиком темы», обозначенной в названии его работы³⁰.

Само понятие «Ренессанс» применительно к истории культуры, а не искусства, где его и раньше часто применяли, Буркхардт перенял у Жюль Мишле. Именно он впервые сумел резко расширить традиционное употребление термина в двух отношениях — распространил его на всю сферу культуры и охарактеризовал Ренессанс как явление европейского масштаба, плод разных стран.

Новая концепция Ренессанса была изложена Жюлем Мишле в 1855 г. во введении к седьмому тому главного труда его жизни — многотомной «Истории Франции». Характер обобщения отличался присущим Мишле своеобразием: глубина и блеск отдельных суждений сочетались с риторикой, эффектными, но произвольными оценками явлений прошлого, композиционной рыхлостью раздела о Ренессансе.

Мишле писал о нем как о «великом веке» (*grand siecle*) и подчеркивал, что в понятие «Ренессанс» представители различных отраслей знания вкладывают разный смысл³¹. Те, кто изучает искусство, «ценители прекрасного», связывают с Ренессансом «появление нового искусства» и «свободный полет фантазии» художника, то есть его освобождение от средневековых канонов. Историк науки, «эрудит», воспринимает Ренессанс как «обновление», связанное с изучением античности. Правоведы, «легисты», ценят в Ренессансе критический взгляд на прошлое, помогающий высветить «хаос старых обычаев». Все, однако, видят в нем нечто новое. Мишле иронизировал, что незамеченными оказались всего лишь два отличия Ренессанса, которые принадлежат ему в гораздо большей мере, чем предшествующим временам — «открытие мира» и «открытие человека»³². Эта метафора наметила сущностную синтетическую характеристику Ренессанса.

Его век, по словам Мишле, — это век от Колумба до Галилея, от «открытия земли» до «открытия неба». В эту эпоху человек «находит сам себя», проникает в глубинные основы своей природы». Важны открытия не только Везалия и Сервета, но и Рабле и Монтеня, Шекспира и Сервантеса, развитие национальных языков, деятельность Эразма Роттердамского, универсальный гений Леонардо, творчество Микеланджело и «короля эпохи» — Рафаэля.

Мишле различает «век» Ренессанса, XVI столетие, и «эру Ренессанса», начавшуюся гораздо раньше³³. С ней он связывает весь период, подводящий к «агонии» средних веков — поразительно долгих, неимоверно живучих, сопротивлявшихся умиранию длительное время. Казалось, их конец наступил еще в

XII в., когда Абельяр обратился к здравому смыслу и критической мысли. Но они не кончились ни с появлением Иоахима Флорского, ни с великой «человеческой комедией» Данте, и даже в XVI в. еще не все завершено: клир, это наследие средних веков, не берут никакие удары. Спасала же средние века схоластика, создание целого народа «умствующих против разума», поистине «ничто», породившее легионы спорщиков³⁴. Но всё это в конце концов обернулось машинообразными наставлениями «Молота ведьм», учебника инквизиции, созданного Шпренгером, и расцветом мошенничества в астрологии и алхимии — расплатой за изгнание схоластикой науки и природы.

Правда, отмечает Мишле, есть недостатки и у Ренессанса. Защищая античность, Возрождение не различает в ней «разных цветов», хочет видеть в ней только гармонию и единство³⁵. Подражание античности (Мишле использует даже термин «эксгумация») снижает число действительно новых работ³⁶. И все же не это главное в Ренессансе — несмотря ни на что, он сумел осуществить «брачный союз красоты и истины», искусства и разума³⁷.

Созданную им картину Ренессанса Мишле не считал завершенной, скорее рассматривал ее как эскиз. Уже в 1856 г. он сочтет необходимым в своей «Истории Франции» извиниться перед эпохой Возрождения, перед искусством, перед наукой», которые до сих пор занимали «так мало места» в его труде³⁸. Он пообещал остановиться на них позже, но другие планы отеснили его намерения. Тем не менее уже то, что сделал Мишле, дало плодотворный импульс дальнейшим трудам о Ренессансе.

Буркхардт внимательно читал Мишле. Это видно уже по названию одного из основных разделов его книги — «открытие человека». Но независимо от сходства и различия с французским историком в подходах к теме и взглядах на Ренессанс, то освещение культуры этой эпохи, которое дал Буркхардт, принадлежало уже к науке другого уровня, хотя сам он скромно обозначил свою работу словом «Versuch» — «опыт». Итальянский материал был исследован лучше (в том числе и самим Буркхардтом), чем общеевропейский, он по своим особенностям позволял концентрированно освещать сущность Ренессанса, ведь именно Италия первой дала его «модель».

В статье Л.М.Брагиной, предваряющей новый перевод труда Буркхардта, подробно анализируется его проблематика, и здесь нет необходимости специально останавливаться на ней. Отметим лишь, что второе издание его книги вышло в 1869 г., и

начиная с третьего издания сочинение Буркхардта с его согласия, не затрагивая концепцию, редактировал и дополнял немецкий историк Людвиг Гейгер, специалист по истории гуманизма. В результате книга Буркхардта от издания к изданию разрасталась и начала публиковаться в двух томах. В 1922 г. В.Гетц, готовивший уже 13-е издание труда Буркхардта, вернулся к первоначальному тексту.

Работа швейцарского историка еще при жизни автора вызвала широкий европейский резонанс. В 1875 г. ее перевели на итальянский язык, позже вышли английский (1878 г.), французский (1885 г.), венгерский и польский переводы (1897 г.). В фундаментальном исследовании о Буркхардте В.Кеги отмечены все эти прижизненные переводы, но не указан русский, хотя он был вторым после итальянского и вышел в 1876 г.³⁹ Русский перевод был осуществлен с издания 1869 г., еще не имевшего дополнений Гейгера. Через три десятка лет в России появилась еще одна, на сей раз двухтомная публикация книги Буркхардта, сделанная на основе нового перевода⁴⁰. Он выполнялся с восьмого немецкого издания, которое считалось уже не только дополненным, но и «переработанным» Л.Гейгером. Другие работы Буркхардта на русском языке не появлялись.

В 1868 г. Буркхардт в составе серии «История зодчества», выпускавшейся Ф.Куглером, опубликовал еще одно сочинение об итальянском Ренессансе — «Историю Возрождения в Италии». Эта книга как бы отчасти заполняла те лакуны в освещении искусства эпохи, которые отмечали критики его предшествующего труда. Разумеется, она имела прежде всего самостоятельное значение. Буркхардт впервые вводил здесь понятие «проторенессанс», хотя лишь в применении к зодчеству (позже этот термин получил широкое распространение, вобрав в себя проблематику и других видов искусства). Как всегда, он дал мастерски отточенные, лаконичные характеристики художественных достоинств и исторического места выдающихся памятников зодчества, внимательно отмечая основные вехи развития стиля.

Поздний период научного творчества и преподавательской деятельности Буркхардта заслуживает особого рассмотрения. Он охватывает более четверти века. Крупнейшей работой Буркхардта этого времени стала его «История греческой культуры», вышедшая в свет в четырех томах уже после его кончины. Замысел сочинения возник еще в 1862 г., первая разработка была сделана в 1870 г., затем на этой основе читались с 1872 г. различные лекции, а уже от них путь шел к тому варианту труда,

который увидел свет. Особое внимание уделялось Буркхардтом греческой мифологии, в которой он видел выраженное в специфической форме проявление самосознания народа. Жизнь древних греков освещалась разносторонне — Буркхардта интересовали их занятия, беседы, досуг, общественная жизнь и военное дело, искусство и наука.

В своих лекциях и докладах он обращался к проблематике самых разных эпох. Он годами читал курс лекций о поре Французской революции, видя в ней некую типовую модель всех революционных ломок традиций и разрывов с авторитетами, что порождает затем волны насилий, обрушивающихся и на головы зачинателей движения, он делал доклады о Рубенсе и Рембрандте, других деятелях культуры, набрасывал «портреты» различного времени.

С годами росло его разочарование в возможностях современного мира: его недовольство вызывали железные дороги, которые нарушали идиллический характер швейцарского пейзажа, фанатизм «наглых фракций» всех мастей, на которых власть не может найти управу, опасности войн и дальнейшей нивелировки общества с развитием массовых движений, о чем он не раз говорил со все более консервативных позиций. И все же он был и остался, как он сам назвал себя, противником «всех людей насилия и незаконности в истории». Он вел все более уединенный образ жизни и по мере того, как уходили его друзья, несмотря на то что у него было много учеников, ощущал себя все более одиноким. Он как-то пожаловался в письме Г.Вёльфлину, что тот остался единственным, с кем он, Буркхардт, может по-настоящему говорить о прекрасном. Буркхардта нередко представляют философом истории, имея в виду его высказывания поздних лет и различные посмертно опубликованные тексты. Главное, однако, в его научной и педагогической деятельности — это его чисто художественное ощущение плоти, цвета, вкуса конкретной истории культуры. Он стал одним из крупнейших основоположников историко-культурного направления в развитии исторической науки XIX в.

Примечания

¹ Wenzel J. Jakob Burckhardt in der Krise seiner Zeit. Berlin, 1967, S. 101.

² Ibid. S. 88.

³ Kaegi W. Jakob Burckhardt. Eine Biographie. Bd. I-III, Basel, 1947-1956. Bd. II, 1950, S. 23. Труд В.Кеги, широко использовавшего архивные материалы, является не только самой фундаментальной биографией Я.Буркхардта, доведенной до начала 1860-х годов, но и ценнейшим

компендиумом извлечений из неопубликованных текстов Буркхардта и свидетельств о нем.

⁴ Ibid. S. 71.

⁵ Heimpel H. J. Burckhardts Biographie / Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. Berlin, 1963. S. 14.

⁶ Kaegi W. Op. cit., Bd. II. S. 476.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid. S. 477.

⁹ Ibid. S. 481.

¹⁰ Ibid. S. 490.

¹¹ Ibid. S. 521.

¹² Ibid. S. 498.

¹³ Ibid. S. 525.

¹⁴ Wenzel J. Jakob Burckhardt... S. 71.

¹⁵ Kaegi W. Op. cit. Bd. 11, S. 574.

¹⁶ Ibid. S. 582.

¹⁷ Wenzel J. Op. cit. S. 583.

¹⁸ Kaegi W. Op. cit. 583.

¹⁹ Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. Frankfurt a.M. -Berlin 1963. S. 61.

²⁰ Wenzel J. Op. cit. S. 123.

²¹ Ibid. S. 122.

²² Burckhardt J. Weltgeschichtliche...S. 61.

²³ Ibid. S. 63.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Kaegi W. Op. cit. S. 548.

²⁶ Burckhardt J. Gesamtausgabe. Bd. I-XIV. Stuttgart-Berlin-Leipzig 1929-1934. Bd. X1V, 1934, S. 306.

²⁷ Heimpel H. Burckhardts Biographie... S. 8.

²⁸ Burckhardt J. Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens. Basel, 1955.

²⁹ Kaegi W. Op. cit. Bd. III. S. 649.

³⁰ Ibid. S. 675.

³¹ Michelet J. Histoire de France. Paris, 1870. T.III. P. 3.

³² Ibidem.

³³ Ibid. P. 4.

³⁴ Ibid. P. 43.

³⁵ Ibid. P. 115.

³⁶ Ibid. P. 149.

³⁷ Ibid. P. 30.

³⁸ Ibid. P. 321.

³⁹ Kaegi W. Op. cit. Bd.III. S. 760-769. Русское издание: Буркхардт Я. Культура Италии эпоху Возрождения. Спб. 1876.

⁴⁰ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Т. 1-2 Спб 1904-1906.

Л.М. Брагина

«Культура Возрождения в Италии» Якоба Буркхардта Традиция восприятия

Созданный почти полтора столетия тому назад труд Якоба Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» на долгие годы повлиял на научное осмысление Ренессанса независимо от того, как воспринималась концепция швейцарского историка ее сторонниками и критиками. Ставшее классическим сочинение Буркхардта не превратилось со временем в некую академическую ценность, оно все еще оказывает живое воздействие на новые поколения читателей. Его продолжают переводить и переиздавать на многих языках, цитируют, соизмеряют с его идеями положения новейших исследований культуры Возрождения. Закономерен вопрос — в чем же сила удивительной притягательности книги Буркхардта? Ответ заключен прежде всего в ее различных достоинствах, а вернее — в их совокупности: эта книга отличается яркой, неординарной концепцией и богатством использованного автором исторического материала, она обладает композиционным совершенством и необычайно выразительна по литературному стилю. Ей присуща, наконец, общая эмоциональная окраска, которая отражает глубокую увлеченность, можно даже сказать — сродненность автора с предметом исследования. В этом труде в полной мере раскрылся творческий талант Буркхардта как историка культуры, создавшего эстетически безупречное произведение.

Работе Буркхардта тематически предшествовали труды его выдающихся современников — Жюль Мишле и Георга Фойгта. Их усилиями в историографии XIX в. прокладывалась линия решительного противостояния Возрождения средневековью. Французский историк говорил о перевороте в мировоззрении эпохи Возрождения, смысл которого он видел в разрушении духовных оков, наложенных католической церковью. Ренессансный гуманизм выдвинул новое, принципиально отличное от

средневекового понимания проблемы «человек и мир». Историческую роль Возрождения Мишле заключил в емкую, ставшую крылатой формулу — «открытие мира» и «открытие человека», задавшую светскую тональность исследованиям ренессансной культуры во второй половине XIX в.¹

В труде немецкого историка Г. Фойгта «Возрождение классической древности или первый век гуманизма» (1859 г.) последовательно обосновывалось значение античного наследия в развитии гуманизма как важной составляющей всей ренессансной культуры. В гуманизме Фойгт находил прежде всего проявление светскости и индивидуализма². Подходы Мишле и Фойгта к трактовке Возрождения, высвечивающей новизну этой культурной эпохи, ее отличие от традиций средневековья, оказались близки концепции Буркхардта, которую он четко выразил в своем труде «Культура Италии в эпоху Возрождения».

Типические черты ренессансной культуры, как и породившей ее переходной исторической эпохи, швейцарский историк связывал с развитием индивидуализма в мировоззрении и реальной общественной жизни (сильные личности правителей, кондотьеров и т.д.), с активным утверждением светского начала в мышлении и поведении людей, с воскрешением и глубоким освоением античной культуры. Буркхардт рассматривал ренессансную культуру Италии как целостное явление, имеющее свою специфику, черты отличия и от средних веков, и от последующего Нового времени. Историческая функция культуры Возрождения, по Буркхардту, в том, что она осуществила поворот от «корпоративности» средневековья к «раскованной индивидуальности» Нового времени.

В основе выдвинутой Буркхардтом концепции итальянского Возрождения лежит тезис о его своеобразии, неповторимости, типологической отграниченности от культурного развития предшествующей и последующей эпох. Это проявилось, по его мнению, не только в синтезе «народного духа» с классическим наследием, мощным проявлением которого стал индивидуализм, не только в светской ориентации ренессансной культуры, но и в общей эстетической окраске жизни эпохи, заметной во всем — от государственной системы до праздников.

Показателен первый раздел книги Буркхардта, посвященный анализу государства как произведения искусства. Художественное начало автор видит в деяниях правителей небольших итальянских государств, обретавших власть не в силу правовых традиций наследования или избрания, а благодаря политическому и военному таланту, смелости, нравственной раско-

ванности. Свободная сильная личность добивается успеха в опоре на самое себя и формирует политический строй на подвластной территории, руководствуясь неким собственным идеалом, в какой-то мере уподобляясь в этом художнику.

Яркая индивидуальность итальянского тирана XIV-XV вв., волевого, решительного, жестокого представлялась Буркхардту одним из символов новой эпохи, отмеченной раскрепощением личности. Но этот процесс противоречив: в небольших деспотических государствах не исчезает, а, наоборот, усугубляется насилие над личностью подданных, да и сама придворная среда не способствует раскрытию индивидуальности. *Virtu* — соединение силы, таланта, доблести — в большей мере отличает лишь пробившихся к власти тиранов. И хотя они проявляют немало художественного вкуса в оформлении своего правления, в его атрибутике, подлинная жизнь деспотических государств далека от эстетизированной гармонии, подчеркивает Буркхардт. И если республиканская Флоренция уже в XIV в. всемерно способствовала «развитию индивидуальности», то «тираны не выносили никакой другой индивидуальности, кроме своей собственной и своих прислужников» (с. 14).

Становление ренессансного индивидуализма — центральный тезис выдвинутой Буркхардтом концепции Возрождения. Именно в раскрепощении и расцвете личности он видит главное проявление того нового, что привнесла Италия в развитие европейской цивилизации. Несмотря на все препоны, этот процесс набирал силу, выводя Италию в лидеры передовых стран. «В средние века обе стороны сознания — обращенного человека к миру и к своей внутренней жизни — пребывали как бы под неким покровом, в грезе и полудремоте... человек познавал себя только как часть расы, народа, партии, корпорации, семьи или какой-либо другой формы общности. В Италии этот покров впервые развеивается... человек становится духовным индивидом и познает себя таковым» (с. 88) — (*uomo unico, uomo singolare*). Буркхардт не раз возвращается к этой мысли на страницах своей книги. «Итальянский дух, свободный от бесчисленных ограничений, препятствовавших продвижению вперед в других странах, высокоразвитый индивидуально и вышколенный наследием античности, обратился к открытию окружающего мира, отважившись на то, чтобы приступить к его изображению в слове и форме» (с. 185).

Буркхардт не только принимает упоминавшийся выше тезис Мишле, но и стремится наполнить его конкретным содержанием: в литературе «открытие мира» и «открытие человека»

наиболее выпукло выразил жанр биографии. И здесь лидерство итальянцев несомненно, ибо у них «разыскание характеристических черт выдающихся людей» становится господствующим стремлением, чем они отличаются от других западных народов (с. 218). Высоко оценивая заслуги Италии в формировании ренессансной культуры, швейцарский историк порой приходит к не вполне оправданной их абсолютизации. Таково, к примеру, следующее его утверждение: «Когда стремление к высшему развитию личности встречалось в действительно могучей и разносторонней натуре, способной постигнуть все элементы тогдашнего образования, то явился «всесторонний человек», l'uomo universale, который встречается только в Италии» (с. 91). Итальянское Возрождение явило миру немало ярких, разносторонне одаренных талантов, но неверно усматривать в этом лишь прерогативу Италии (если, конечно, Буркхардт имел здесь в виду всю ренессансную эпоху, а не XV век, для которого его наблюдение сохраняет свою силу). Эта эпоха, резко расширившая горизонты человеческого познания и творчества, породила uomo universale в европейском масштабе. Что же касается Италии, ее особого вклада в процесс становления свободной личности, то он объясним отчасти спецификой ее социально-политического развития в средние века: здесь не сложилась юридически оформленная сословная структура общества, границы между разными его слоями не были жесткими, престиж знатности происхождения не был столь высоким, как в других странах Европы. Это относится прежде всего к городской среде, где были прочными позиции торгово-ремесленной верхушки и ценилась не столько феодальная родовитость, сколько личные деловые качества, приводившие к успеху на хозяйственном и политическом поприще. В этой особенности средневекового итальянского общества, унаследованной и развитой в эпоху Возрождения, Буркхардт усматривает и некое эстетическое начало, характерное, по его убеждению, для самых разных сторон культуры и жизни Италии. Чем меньше разница по рождению доставляла определенные привилегии, тем более человек старался соблюдать свои интересы, тем более жизнь в обществе должна была стесняться собственной силой и облагораживаться. Появление единичности и высшая форма общезначительности «делаются свободно, сознательно творимым произведением искусства» (с. 243).

По мысли Буркхардта, эстетизм имманентен итальянскому «народному духу», хотя он особенно четко обозначается и обретает иные, чем прежде, формы воплощения, когда склады-

ваются благоприятные обстоятельства — такова эпоха Возрождения. Швейцарский историк весьма обстоятельно проследит на разнообразном фактическом материале характер художественной выразительности, специфику эстетического вкуса в искусстве и литературе, в различных проявлениях жизни общества и государственных структурах, в культуре повседневности и праздничных действиях. Последние его особенно привлекают как концентрированное выражение характерного для времени использования взаимосвязи, комплекса искусств — от живописи декораций, преобразующих привычный облик улиц и площадей, до пения, пантомимы, массовых танцев. И в самом обращении к содружествам искусств, и в масштабах, в которых это делается, Буркхардт усматривает важный показатель образованности и культуры общества.

В празднике Буркхардт видел некий переход от повседневной жизни к жизни-искусству, когда нравственно-религиозные и поэтические идеалы народа принимают осязательные формы. Расцвет праздничных церемоний в Италии XV в. — лидировала Флоренция — он непосредственно связывает с ренессансной культурой, с укреплением ее социального престижа. Карнавальные костюмированные шествия и триумфы, состязания, традиционные мистерии церковного содержания и процессии масок в сочетании с мифологическими пантомимами, сопровождавшиеся пением и балетом, наконец, пышные въезды триумфаторов — правителей и полководцев — все это знаменовало, по мысли Буркхардта, утверждение в празднике светского начала, происходившее под влиянием античности и объединившее самые разные искусства. В празднике ренессансной эпохи доминировали аллегория и шутка, радостная, жизнеутверждающая атмосфера.

Эстетическое чувство итальянцев Буркхардт возводит к античным корням, прежде всего к римской древности. Именно связь с первоисточками, полагает он, дала столь блестящий результат, каким стало Возрождение в Италии. Языческая мифология в литературе и искусстве, идея римского величия и претензии на его наследие в политической мысли, страстное увлечение сочинениями древних авторов, собирательство и перепиписка античных рукописей, коллекционирование антиков и подражание римским предкам в образе жизни — все эти характерные приметы итальянского Возрождения ярко высвечены в работе Буркхардта.

Новый взгляд итальянцев на свое прошлое, их активное творческое восприятие античной культуры, римской и гречес-

кой, способствовали секуляризации представлений о мире и человеке. Результатом стало укрепление светских тенденций в мировоззрении и реальной жизни эпохи. Влиянию ренессансной культуры оказалась подвержена и католическая церковь. Решительный поворот к светскости не означал, однако, как показывает Буркхардт, выхода ренессансной культуры за пределы христианского мировоззрения. Тем не менее светскость, индивидуализм и возрождение античности — эти важнейшие характеристики Ренессанса — позволяют ясно наметить грань между новой культурной эпохой и средневековьем. Для Буркхардта эта грань несомненна: она представлялась ему даже столь четкой, что не позволила увидеть ряд линий преемственности Возрождения с некоторыми традициями средневековой культуры. Впрочем, Буркхардт и не ставил перед собой эту задачу — ее как проблему выдвинули его критики на новом этапе изучения Ренессанса. Главная цель труда Буркхардта иная — раскрыть новаторский характер итальянского Возрождения, оценить его роль в судьбах европейской цивилизации.

В своем труде он рисует широкое, богатое оттенками полотно итальянского Возрождения. Культура и ее исторический контекст воссозданы здесь в их взаимосвязи и целостности. В методологии Буркхардта органически сочетаются цивилизационный ракурс рассмотрения эпохи Возрождения в Италии и типологический анализ ренессансной культуры. Взятая во всем многообразии исторических реалий, эта культура оказывается в труде Буркхардта предметом осмысления в ее самобытности, отличий прежде всего от культуры средних веков. Типологическому подходу оказался принесенным в жертву ракурс динамики итальянского Возрождения, этапов его развития.

Культура Возрождения в Италии предстает у Буркхардта как картина трехвековой эпохи, которая раскрывается не столько в исторической эволюции, сколько морфологически, в типических чертах. Не случайно в книге Буркхардта нет систематического изложения истории итальянского гуманизма. Он и не ставил перед собой такую задачу, хотя впоследствии критики нередко укоряли его за это. Все, что касается гуманизма, Буркхардт набрасывает широкими мазками, выявляя главное — его идейную направленность. Одной из основных задач гуманизма стало, по его мнению, познание внутреннего мира человека и его творческих возможностей. Именно с гуманизмом связывал Буркхардт разностороннее знакомство с индивидуальностью во всех ее проявлениях. Акцент в книге ставится, таким образом, не на специфике гуманизма как части культуры Ренессанса, а на специфике этой культуры в це-

лом. Труд Буркхардта стал не только блестяще осуществленным «открытием» Ренессанса: сама насыщенность книги важнейшей для изучения этой эпохи проблематикой на многие десятилетия оказала сильнейшее воздействие на различные направления исследовательской мысли.

В изучении Ренессанса сложилась прочная традиция восприятия работы Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» как классической³. Попытки перечеркнуть значение труда швейцарского историка, предпринимавшиеся и в прошлом, и в нынешнем столетии, оказались неубедительными. Хотя освещение различных аспектов и целостной картины ренессансной культуры стало в наши дни одной из широко разветвленных отраслей исторической науки, привлекающей специалистов самых разных профилей — историков, философов, искусствоведов, литературоведов и т.д., труд Буркхардта, оставшийся памятником исключительно важного значения в историографии XIX в., не утратил своей способности стимулировать исследовательскую мысль и сегодня: он сохраняет роль живой в своей основе, побуждающей к размышлениям книги.

Еще в последние десятилетия XIX в. в историографии Возрождения наметились две тенденции — последовательное развитие концепции Буркхардта, углубленная разработка его положений и, напротив, стремление опровергнуть главные тезисы швейцарского историка. К первым принадлежал, в частности, Людвиг Гейгер, который был не только автором собственных исследований по истории культуры Возрождения в Европе, особенно в Германии, но и тем ученым, которому Буркхардт доверил расширить, дополнив новыми материалами, свой труд, не затрагивая его концепции. В числе наиболее решительных оппонентов Буркхардта в конце прошлого — начале нынешнего столетия были Г. Тодде и К. Бурдах.

Немецкий историк Г. Тодде в работе «Франциск Ассизский и начало ренессансного искусства» (1885 г.), отвергая тезис о светском характере культуры Возрождения, сводил на нет значение языческих элементов в ее формировании, а корни индивидуализма искал в мистицизме и субъективизме средневековой религиозной мысли. Другой немецкий историк — К. Бурдах в своем труде «Реформация, Возрождение, Гуманизм» (1918 г.) поставил целью опровергнуть «еще бытующую идею, что Возрождение носило отпечаток рационалистической светскости»⁴. Новое понимание искусства, литературы, науки, равно как и новая концепция человека, были predeterminedены, по его мнению, «пышным цветением» христианской религии в XIII в. От-

сюда его поиски в XIII-XIV вв. «Возрождения религиозного» и оценка возрастающего светского начала в XV в. как кризиса новой культуры.

В современной историографии линию «медиевизации» культуры Возрождения отчасти продолжает американский исследователь Ч. Тринкаус, настаивающий на континитет гуманизма с христианским мировоззрением средневековья. Этим по сути снимается острота проблемы отношения Возрождения к средним векам и к античности, так как у Тринкауса получается единая линия поздней античности (христианской) от «отцов церкви» сквозь все средние века к ренессансной эпохе. Не отрицая индивидуализма как характерной черты Возрождения, Тринкаус иначе, чем Буркхардт, трактует содержание этого понятия — в духе идущей от патристики идеи индивидуального спасения⁶. При таком подходе светские аспекты ренессансной культуры нивелируются, размывается то новое, что появилось в ней, разрушая традиции.

Не останавливаясь на различных вариантах критики концепции Возрождения, выдвинутой Буркхардтом, отметим лишь, что круг его сторонников и последователей оказался весьма широким. Философы Б. Кроче, Э. Кассирер (можно назвать немало других имен), как и Буркхардт, подчеркивали своеобразие ренессансного мировоззрения и светский характер гуманистического учения о человеке, его опору на рационалистические основания античной мысли. Подходы Буркхардта к оценке Возрождения разделяют и многие видные современные историки культуры — Э. Гарэн, Г. Барон, Ф. Гаэта, Ч. Вазоли, Р. Фубини, П. Бёрк⁶. В их трудах исходной является позиция признания прежде всего новаторских тенденций ренессансной культуры, ее светской окраски, во многом predetermined самими масштабами освоения античного наследия.

В то же время в этом историографическом направлении более дифференцированно решается проблема ренессансного индивидуализма. В этой связи в гуманистических учениях о человеке, его отношении к миру и обществу выявляется многообразие этических концепций: в одних случаях они утверждают приоритет гражданственных идей, подчинение частных интересов принципу «общего блага» (что не противоречит представлениям Буркхардта о раскрепощении личности как важной черте эпохи Возрождения), в других случаях подчеркиваются самоценность индивида, широчайшие возможности его воли, познания, творчества. Многокрасочней стала и картина преемственных связей ренессансной культуры с традициями средне-

вековья — они представляются ныне не только более разнообразными, но и достаточно тесными, не менее значимыми для культуры Возрождения, чем связи с античностью. В отличие от Тринкауса здесь не признают столь доминирующей роль константных мировоззренческих структур, выявляют их трансформацию, рождение новых идей, новых подходов к проблемам жизни человека и общества.

Не затрагивая всех аспектов большой и многогранной темы восприятия и оценки труда Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» современными зарубежными исследователями Ренессанса, обратимся к рассмотрению интерпретации этого труда в отечественной историографии.

Еще в 1866-1868 гг. в Болонье на итальянском языке были опубликованы в четырех томах под названием «Вилла Альберти» результаты исследования архивов Италии молодым русским ученым Александром Николаевичем Веселовским (1838-1906 гг.)⁷. Он обнаружил и издал с обширным введением и комментариями неизвестную ранее рукопись начала XV в., в которой отразилась картина «общественного брожения во Флоренции последних годов XIV в.»⁸. Русский вариант этого труда вышел в 1870 г. с подзаголовком «Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV-XV столетия». Именно «Вилла Альберти» положила начало европейской известности А.Н.Веселовского. Вскоре он стал профессором Петербургского университета, внес большой вклад в изучение также и русской литературы, широко пользовался методами сравнительного исследования литератур разных народов Европы⁹. В 1893-1894 гг. Веселовский опубликовал в двух томах еще один труд по истории ренессансной культуры Италии — «Боккаччо, его среда и сверстники», — ставший весьма заметным явлением в русской историографии Возрождения.

В этих капитальных исследованиях и ряде статей Веселовский на огромном фактическом материале развивает свою концепцию итальянского Возрождения, которая перекликается с идеями Буркхардта, но в целом достаточно самостоятельна. Характерными чертами Ренессанса в Италии Веселовский, как и Буркхардт, считает его светские тенденции и сплав классических начал и народных преданий, что наложило на всю культуру «отпечаток индивидуальности в личном и народном смысле»¹⁰. Русский исследователь не разделяет, однако, подхода Буркхардта к итальянскому Возрождению как целостности («один организм») и предлагает анализировать его исторически, вы-

деляя несколько этапов в его трехвековой традиции¹¹. Высшим достижением Ренессанса Веселовский считает итальянскую литературу XIV в. — «золотую пору» Данте, Петрарки, Боккаччо, выразивших дух «народного самосознания». XV век он ставит менее высоко, полагая, что на основе подражания древним и культура классической латыни ослабевает творческий характер литературы, хотя в то же время происходит обогащение исторической и философской мысли. XVI век, по мнению Веселовского, в литературе — пора эпигонов, многочисленных подражателей Петрарке и Боккаччо¹². В оценках итальянского Возрождения, данных Веселовским, главным критерием стала способность культуры выразить «народный дух». Нельзя не заметить и некоторого сходства позиций Веселовского и Буркхардта — последний также мало ценил неолатинскую поэзию Возрождения, как лишенную подлинной жизни. В глазах обоих исследователей «итальянский народный дух» был главным носителем национальных особенностей ренессансной культуры Италии.

Выдвинутая Буркхардтом концепция итальянского Возрождения нашла еще более последовательное выражение и развитие в трудах крупного русского историка Михаила Сергеевича Корелина. Он родился в 1855 г. и прожил всего 44 года. Выпускник Московского университета, талантливый молодой исследователь в 1885-1887 гг. изучал архивы и библиотеки Италии, Франции, Англии. Результатом явился четырехтомный труд «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (опубликован в 1892 г., вторым изданием вышел в 1914 г.). В этой работе целыми страницами цитировались десятки рукописей неизвестных ранее сочинений итальянских гуманистов, прежде всего их этические и педагогические трактаты, а также публицистика, переписка. В научный оборот был введен огромный документальный материал. За этот капитальный труд, представленный автором на защиту как магистерская диссертация, ученый совет историко-филологического факультета Московского университета присудил М.С.Корелину сразу докторскую степень. Труд Корелина получил высокое одобрение в многочисленных рецензиях, в том числе в немецких и итальянских журналах, а также в статьях о его творчестве¹³. Став профессором Московского университета, Корелин продолжал работать над историей итальянского гуманизма. В эпохе Возрождения его, человека либеральных взглядов, всегда привлекал процесс становления свободной личности¹⁴. Идея ренессансного индивидуализма, столь выпукло представленная в книге Буркхардта, оказалась близкой его устремлениям.

Вернер Кеги в известной работе о Буркхардте сетовал на то, что при жизни швейцарского историка его «Культура Возрождения в Италии» не получила развернутого историографического анализа, если не считать рецензий¹⁵. Между тем в первом томе труда Корелина «Ранний итальянский гуманизм», посвященном историографии итальянского Возрождения в XVIII-XIX вв., детально разобрана работа Буркхардта, причем в широком сопоставлении с предшествующей и современной литературой¹⁶.

Корелин отмечает, что пользовался вторым авторским (1869 г.) и четвертым гейгеровским (1885 г.) изданием книги. Труд Буркхардта русский историк назвал «одним из самых блестящих произведений западноевропейской историографии»¹⁷. Корелин утверждал, что «единственная идея», объединяющая все отдельные части созданной Буркхардтом «общей культурной картины, — индивидуализм и его проявления. Культура Ренессанса, по Буркхардту, индивидуалистическая культура. В проведении этого взгляда на Возрождение заключается главная и огромная заслуга автора»¹⁸. По мнению Корелина, его собственные исследования гуманистической литературы Италии вполне подтверждают мысль швейцарского историка, что Возрождение — «проявление индивидуализма»¹⁹. В то же время русский критик с сожалением отмечает, что Буркхардт не прослеживает историю гуманистического движения и не дает ему общей оценки. Его анализы сочинений гуманистов эскизны, причем остались в стороне важнейшие их произведения этико-политического содержания. Не разделяет Корелин и в целом статичный подход Буркхардта к характеристике ренессансной культуры Италии.

Зато одну из важных заслуг швейцарского историка Корелин усматривает в том, что он «первый выдвинул вопрос о влиянии политических переворотов на развитие гуманизма и подчеркнул родство между обоими движениями», хотя и не обосновал подробно свой тезис²⁰. Корелин отмечает и «замечательно глубокие мысли» Буркхардта в том разделе его книги, который посвящен религии²¹. Разделяет он и положение Буркхардта о том, что на отношение гуманистов к религии сильный отпечаток накладывали их субъективизм и светскость. Таким образом, подчеркивая большой вклад швейцарского историка в понимание проблем итальянского Возрождения, Корелин принимал его концепцию индивидуализма и светскости как характерных черт ренессанской культуры, но считал серьезным недостатком книги Буркхардта отсутствие всестороннего анализа гуманистической мысли. По мнению Корелина, это привело к

не совсем верному представлению о ней: на первом плане оказалось подражание древним, а творческое начало гуманизма осталось не раскрытым²².

Именно этому творческому аспекту гуманизма, связанному с развитием этики, педагогики, политических идей, уделено главное внимание в труде самого Корелина. Он энергично подчеркивал новую для его времени мысль о приоритете этики и ее огромном влиянии на мировоззрение ренессансной эпохи. Он связывал это с процессом освобождения личности, который стимулировал формирование новой морали, ее секуляризацию и антиаскетическую направленность. Важнейшую заслугу гуманистов русский историк видел в «освобождении мысли от церковного авторитета», в создании новой этики, педагогики, новой политической теории и науки²³.

Рисую в своем труде развернутую картину истории гуманистического движения XIV— первой половины XV в., Корелин привлекал множество рукописных текстов, стремился выявить индивидуальные особенности творчества гуманистов. Его интересовала роль не только выдающихся, но и «рядовых» деятелей ренессансной культуры, специфика локальных центров ее развития. В то же время он обосновывал представление о гуманизме как о новом мировоззрении: для него зарождение этико-философской гуманистической мысли означало крутой перелом общего мирозерцания, а не продолжение средневековой схоластики в новом обличье и не расчленение на «истинное христианское мировоззрение» и «ложное языческое». Он обращает внимание на своеобразии понимания религиозности у гуманистов, стремившихся «примирить» Христа и Цицерона. Корелин старается высветить в гуманизме прежде всего то новое, светски-рационалистическое, что он вносит не только в развитие отдельных областей знания, но и в общую перестройку системы взглядов на человека и окружающий его мир. Гуманизм, по убеждению Корелина, не сменил средневековые авторитеты на античные, а был занят созданием новой светской культуры, которая опиралась на античность и отвечала запросам современного общества. Более решительно, чем Буркхардт, Корелин подчеркивает светскую направленность ренессансной культуры, широко используя в аргументировании этого тезиса гуманистическую мысль, преимущественно первой половины XV в.

Русский историк не был склонен относить достижения гуманизма и связанный с ними перелом в мировоззрении лишь к заслугам национального итальянского духа; в этом он расходился с Веселовским. «Идеи гуманистов носят не национальный,

а общечеловеческий характер» — утверждал Корелин²⁴. Доказательство этого он видел в распространении гуманистического движения по всей Европе, а сам этот процесс считал «результатом культурного роста личности», что стало знаменем культурного развития европейских народов в эпоху Нового времени²⁶.

Труды Корелина, его исследовательский метод оказали сильное воздействие на русскую историографию XX в. В конце 1920-х годов к его работам был проявлен интерес и в Германии. В Лейпциге под руководством Вальтера Гетца готовилась серия публикаций «Источники по духовной истории средних веков и Возрождения». Первый том этой серии — «Гуманистические и философские сочинения Леонардо Бруни» — был подготовлен и издан в 1928 г. в ту пору молодым исследователем итальянского гуманизма Гансом Бароном²⁶. В предисловии В.Гетца сообщалось, что в этой же серии готовится к изданию перевод работы М.С.Корелина «Ранний итальянский гуманизм». По мнению Гетца, пример Корелина ясно показывает, какую массу «ценнейшего материала могут вывести на свет исследования, проведенные в итальянских и французских библиотеках»²⁷. У нас нет сведений о причинах, по которым перевод труда Корелина не вышел в свет. Важно, однако, что группа немецких историков, в числе которых был и Г.Барон, знала основные выводы русского историка. Ряд идей Барона, которые он развивал в своих работах последующих лет, перекликался со взглядами Корелина²⁸. В свою очередь освоение в русской историографии 1960-1970-х годов концепций итальянского гуманизма, выдвинутых Г.Бароном, Э.Гарэном и другими крупнейшими зарубежными исследователями, которые, как и Корелин, подчеркивают значение этико-философской мысли гуманизма, было облегчено на русской почве существованием традиции, восходящей к Корелину.

Одним из главных пропагандистов идей Корелина стал профессор Московского университета Николай Иванович Кареев, подготовивший в 1914 г. второе издание его труда о раннем итальянском гуманизме. Кареев придерживался близкого Буркхардту и Корелину взгляда на роль индивидуалистических настроений в складывании ренессансной культуры²⁹. «В основе гуманистических стремлений, — по словам Кареева, — лежало глубокое убеждение в высоком достоинстве человеческой природы и в признании за отдельной личностью полного права на всестороннее развитие всех свойств»³⁰. В своих работах Кареев делал акцент на секуляризации философии, науки и литературы, ренессансной культуры в целом, которую начал гуманизм.

В русле этих общих подходов, продолжающих линию Буркхардта в оценке культуры Возрождения в Италии, развивалась и русская историография советского времени. В ней утверждалась идея самобытности ренессансной культуры, подчеркивалось, в частности, что освобождение личности от традиций догматического, схоластического мышления средневековья отличает эпоху Возрождения от предшествующего периода европейской истории. До последнего времени отечественным историкам были чужды концепции «медиевизации» культуры Возрождения, заметные в западной историографии XX в. Приверженные марксистскому методу, советские исследователи особое внимание уделяли проблеме исторических предпосылок ренессансной культуры и ее социальным аспектам, связывали формирование нового мировоззрения с зарождением раннекапиталистических отношений. Так, известный специалист по истории ренессансной культуры Италии Алексей Карпович Дживелегов в работах 1920-1930-х гг. рассматривал гуманистическое мировоззрение как отражение прежде всего интересов «торговой и промышленной буржуазии», что приводило его порой к упрощенному толкованию культурных явлений эпохи Возрождения³¹. Историческую роль Ренессанса он сформулировал следующим образом: «культурный переворот, стоящий в тесной связи с переворотом хозяйственным, выражающийся в росте индивидуализма и мирской точки зрения, в упадке церковной идеи и в усилении интереса к древности»³². Как видим, особенности Возрождения в Италии, намеченные Буркхардтом, прочно вошли в отечественную историографию. Дживелегова особенно привлекала идея ренессансного индивидуализма: Возрождение, по его мнению, выдвинуло на первый план запросы личности, которые получили осмысление в гуманизме³³.

Матвей Александрович Гуковский (1898-1971 гг.), видный историк культуры, автор труда «Итальянское Возрождение» обращал внимание на переходный характер эпохи Возрождения, в рамках которой осуществился, по его словам, «универсальный переворот» — социально-экономический, политический и культурный³⁴. Показывая взаимодействие исторических и культурных реалий этой эпохи, Гуковский акцентировал элементы новаторства в самых разных сферах итальянской действительности XIV-XV вв. Гуманизм он рассматривал как влиятельное идейное течение, выразившее прогрессивную идеологию новых социальных сил, прежде всего — нарождающейся буржуазии³⁵.

Подобный взгляд на культуру Возрождения был характерен и для Виктора Ивановича Рутенбурга (1911-1988 гг.), крупного

историка-итальяниста. В работах «Италия и Европа накануне Нового времени», «Титаны Возрождения» и ряде других Рутенбург последовательно развивал идею тесной взаимосвязи ренессансной культуры с особенностями социально-экономического и политического строя итальянских государств³⁶. Формирование «раннебуржуазной», по его словам, культуры Возрождения он соотносил с зарождением в Италии мануфактурного производства и возникновением синьории, сменившей коммунальный строй городов-республик³⁷. Особенно значимыми Рутенбург считал светские мотивы ренессансной культуры.

Иную оценку социально-политических предпосылок итальянского Возрождения дал в своем фундаментальном труде один из крупнейших историков искусства Виктор Никитич Лазарев (1897-1976 гг.)³⁸. Свободные городские коммуны — вот та историческая база, на которой, по его убеждению, развивался процесс складывания новой культуры, отмеченной крушением старых принципов и появлением нетрадиционных идей и подходов в искусстве, литературе, гуманистической мысли. В гуманизме Лазарев видел прогрессивное идейное течение, новое мировоззрение, не сводимое к реставрации античного наследия, хотя и широко опиравшееся на него, и отмеченное решительной секуляризацией разных сторон культуры. Он критически относился к «медиевизации» Ренессанса, полагая главным в подходе к изучению культуры Возрождения выявление ее оригинальных черт и отличий от средневековой культуры. Лазарев указывал в этой связи, что у Буркхардта правильно выдвигаются на первый план передовые элементы Возрождения³⁹.

В новейшей русской историографии наметился широкий спектр взглядов по ряду спорных вопросов, в том числе о социальной природе ренессансной культуры, о ее связи с античным наследием и традициями средневековья, о соотношении индивидуалистических и гражданственных идей в гуманизме и т.д. Имя Якоба Буркхардта постоянно упоминается в трудах отечественных специалистов разных профилей — историков культуры и искусства, литературоведов, философов, однако посвященного ему исследования, которого, безусловно, заслуживает этот выдающийся швейцарский историк, на русском языке все еще нет. Можно надеяться, что данное издание послужит импульсом к созданию такого труда.

Предлагаемый русскому читателю новый перевод первоначального текста «Культуры Возрождения в Италии» (с некоторыми добавлениями, см. с. 450) — еще одно свидетельство непреходящей ценности этого труда.

Примечания

¹ Michelet J. Histoire de France au seizieme siecle, v. 7. La Renaissance. Paris, 1856.

² Voigt G. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums Oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1859. Bd. 1-2; Фойгт Г. Возрождение классической древности или первый век гуманизма (пер. с нем.), Т. 1-2, М., 1884-1885.

³ Ferguson W.K. The Renaissance in historical thought. Five centuries of interpretation. Boston, 1948.

⁴ Thode H. Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien. Berlin, 1885; Burdach K. Reformation, Renaissance, Humanismus. Berlin, 2. Aufl. — 1935, S.V.

⁵ Trinkaus Ch. In our image and likeness. Humanity and divinity in italian humanist thought. V. 1-2. Chicago—London, 1970; idem. The scope of renaissance humanism. Michigan, 1983.

⁶ Garin E. L'umanesimo italiano. Filosofia e vita civile nel Rinascimento. Roma, Bari, 1986; idem. La cultura del Rinascimento. Milano, 1988; J. Burckhardt. La civiltà del Rinascimento in Italia (trad. ital.); introduzione di E. Garin. Firenze, 1952; 6 ed., Firenze, 1980. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986; Baron H. From Petrarch to Leonardo Bruni. Studies humanistic and political literature. Chicago, 1968; idem. In search of renaissance civic humanism. Essays on the transition from medieval to modern thought. V. 1-2. Princeton, 1988; Gaeta F. Dal comune alla corte rinascimentale / La Letteratura italiana. V. I: Il litterato e le istituzioni. Torino, 1982; Vasoli C. Umanesimo e Rinascimento. Palermo, 1976; idem. Immagini umanistiche. Napoli, 1983; Fubini R. Umanesimo e secolarizzazione, -da Petrarca a Valla. Roma, 1990; Burke P. Culture and society in Renaissance Italy. 1420-1540. New York, 1972.

⁷ Wesselofsky A. Il Paradiso degli Alberti de Giovanni da Prato. Bologna, 1866-1868.

⁸ Веселовский А.Н. Вилла Альберта. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV-XV столетия. М., 1870. С. XIV.

⁹ Горский И.К. Александр Веселовский и современность. М., 1975.

¹⁰ Веселовский А.Н. Собрание сочинений, т. 3, серия 2: Италия и Возрождение. СПб. 1908. С. 563.

¹¹ Веселовский А.Н. Вилла Альберти. С. VI.

¹² Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники / Собрание сочинений, т. 5, Пг. 1915.

¹³ Библиографию о М.С. Корелине и его труде см.: Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. 1. СПб., 1914. С. XXXII. Там же статья Н.И. Кареева — М.С. Корелин как историк гуманизма, С. VII-XXII.

¹⁴ Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М. 1984. С. 32, 35.

¹⁵ Kaegi W. Jacob Burckhardt. Eine Biographie. Bd. III, Basel, Stuttgart, 1956. S. 701.

¹⁶ Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм, т. 1. С. 213-220.

¹⁷ Там же. С. 213.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 215.

²¹ Там же. С. 219.

²² Там же. С. 216.

²³ Там же. С. 266.

²⁴ Там же. С. 270.

²⁵ Там же.

²⁶ Leonardo Bruni Aretino. Humanistisch-philosophische Schriften/Hrsg. Dr. Hans Baron, Leipzig, Berlin, 1928.

²⁷ Ibid., S. VII.

²⁸ Baron H. The crisis of the early italian Renaissance. V. 1-2, Princeton, 1955.

²⁹ Кареев Н.И. Отзыв о сочинении проф. Корелина под заглавием «Ранний итальянский гуманизм и его историография». СПб., 1897; Он же. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903. С. 149-151.

³⁰ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 151.

³¹ Дживелегов А.К. Начало итальянского Возрождения. М., 1925; Он же. Очерки итальянского Возрождения. М., 1929; Он же. Никколо Макиавелли / Макиавелли. Сочинения. Т. 1, М., 1934.

³² Дживелегов А.К. Начало итальянского Возрождения. С. 37.

³³ Там же. С. 159.

³⁴ Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Т. 1-2, М.-Л., 1947, 1961. Второе издание — Л., 1990.

³⁵ Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Т. 1. С. 103-104, 248-249, 273.

³⁶ Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974; Он же. Титаны Возрождения. Л., 1976.

³⁷ Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени. С. 261-262.

³⁸ Лазарев В.Н. Происхождение итальянского Возрождения. Т. 1-3, М., 1958-1979.

³⁹ Лазарев В.Н. Происхождение итальянского Возрождения, Т. 1. С. 8.

Библиография

- Burckhardt J. Gesamtausgabe. Bd. I-XIV. Stuttgart-Berlin-Leipzig. 1929-1934.
- Burckhardt J. Historische Fragmente. Stuttgart, 1924.
- Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. Frankfurt a.M.-Berlin, 1963.
- Burckhardt J. Briefe. Bd. I-VI. Basel, 1949-1966.
- Burckhardt J., Wolfflin H. Briefwechsel und andere Dokumente ihrer Begegnung 1882-1897. Basel, 1948.
- Durr E. Freiheit und Macht bei Jakob Burckhardt. Basel, 1918.
- Eppler P. Vom Ethos bei Jakob Burckhardt. Zurich, 1925.
- Flake O. Jakob Burckhardt. Bad Worrishofen. 1947.
- Gilbert F. History: politics or culture? Reflections on Ranke and Burckhardt. Princeton, 1990.
- Gitermann V. Jakob Burckhardt als politischer Denker. Wiesbaden, 1957.
- Kaegi W. Jakob Burckhardt. Eine Biographie. Bd. I-III. Basel, 1947-1956!
- Kaegi W. Europäische Horizonte im Denken Jakob Burckhardts. Drei Studien. Stoccarda, 1962.
- Lowith K. Jakob Burckhardt. Der Mensch inmitten der Geschichte. Luzern, 1936.
- von Martin A. Die Religion Jakob Burckhardts. Munchen, 1947.
- von Martin A. Burckhardt ind Nietzsche philosophieren über Geschichte. Krefeld, 1948.
- Maurer E. Jakob Burckhardt und Rubens. Basel, 1951.
- Meinecke F. Jakob Burckhardts «Weltgeschitliche Betrachtungen»// Historische Zeitschrift. Bd. 97, 1906.
- Meinecke F. Ranke und Burckhardt. Berlin, 1948.
- Neumann C. Jakob Burckhardt. Munchen, 1927.
- Rehm W. Jakob Burckhardt. Frauenfeld, 1930.
- Seel O. Jakob Burckhardt und die europaische Krise. Stuttgart, 1948.
- Ganz P. Jakob Burckhardts «Kultur der Renaissance in Italien» und die Kunstgeschichte// Saeculum, 40, 1989.
- Stadelmann R. Jakob Burckhardt und das Mittelalter// Historische Zeitschrift. Bd. 142, 1930.
- Waetzold W. Jakob Burckhardt als Kunsthistoriker. Leipzig, 1940.
- Wenzel J. Jakob Burckhardt in der Krise seiner Zeit. Berlin, 1967.
- Winner R. Weltanschauung und Geschichtsauffassung Burckhardts. Leipzig, 1929.
- Wolfflin H. Jakob Burckhardt zum hundertsten Geburtstag am 25.5.1918/ Zeitschrift für bildende Kunst. 53 Jg. (1917/1918), H.7.
- Zeeden E.W. Über Methode, Sinn und Grenze der Geschichtsschreibung in der Auffassung Jakob Burckhardts. Freiburg, 1948.

Идания, часто цитируемые Я. Буркхардтом

- Archivio storico, а также Appendice. Firenze, Viesseux.
- Muratori. Scriptores rerum Italicarum.
- Fabroni. Magni Cosmi Medicei vita.
- Fabroni. Laurentii Med. magnifici vita.
- Roscoe. Leben des Lorenzo Medici.
- Poesie del magnifico Lorenzo de' Medici. Londra 1801.
- Roscoe. Vita e pontificato di Leone X, trad. da Luigi Bossi, Milano 1816, s., 12 voll. in 8., со многими приложениями, отсутствующими в англ. оригинале.
- Petrarca. Полное издание его латинских опера, Basileae 1581, fol.
- Poggii opera, Straßburg, 1513, fol.
- Philephi orationes, ed. Venet. 1492, fol.
- M. Anton. Sabellici opera, ed. Venet. 1502, fol.
- Pii II. P. M. commentarii, ed. Romana 1584.
- Aeneae Silvii opera, ed. Basil. 1551, fol.
- Platina: De vitis pontificum romanor., Coloniae Agrippinae 1626
- Anecdota literaria e mss. codd. eruta, ed. Amaduzzi e Bianconi. Roma, 1773-1783, 4 voll. in 8.
- Corio: Historia di Milano, ed. Venet. 1554.
- Macchiavelli: Opere minori, Firenze, Lemonnier, 1852.
- Varchi: Storia fiorentina, Milano 1803, 5 voll. in 8.
- Tommaso Gar: Relazioni della corte di Roma (3 voll. 2. serie Relazioni degli ambasciatori veneti, raccolte da Eug. Albert, Firenze).
- Boccaccio: Opere volgari, Firenze 1829, s., presso Ign. Moutier, 17 voll. in 8.
- Filippo Villani: Le vite d'uomini illustri fiorentini, Firenze 1826.
- Agnolo Pandolfini: Trattato del governo della famiglia, Torino, Pomba, 1829.
- Trucchi, Poesie italiane inedite, Prato 1846, 4 voll. in 8.
- Raccolta di Poesie satiriche, Milano 1808. I vol.
- Firenzuola: Opere, Milano 1802. in 8.
- Castiglione: Il cortigiano, Venezia, 1549.
- Vespasiano fiorentino (кроме использованного в книге издания Mai, vol. X. Spicilegium romanum) следует упомянуть новое издание Bartoli, Firenze 1859.
- Vasari: Le vite de' pid eccellenti pittori, scultori e architetti, Firenze, Lemmonier, c 1846, 13 voll.

Содержание

Предуведомление ко второму изданию 1869 года.....	7
Глава I. Государство как произведение искусства.....	8
Введение.....	8
Политическое положение Италии в XIII в. 9. — Норманнское государство Фридриха II. 9. — Эццелино да Романе 10	
Тирания XIV в.....	11
Состояние финансов и отношение к образованию. 11. — Идеал абсолютного правителя. 12. — Внутренние и внешние опасности. 13. — Отношение флорентийцев к тиранам. 13. — Висконти до предпоследнего из них. 14	
Тирания в XV в.....	16
Вмешательство императоров и их поездки. 17. — Несостоятельность их претензий. 17. — Отсутствие прочного наследственного права; нелегитимное престолонаследие. 19. — Кондотьеры как основатели государств. 20. — Их отношение к нанимателям. 20. — Семья Сфорца. 21. — Перспективы и гибель младшего Пиччинино. 23. — Позднейшие попытки кондотьеров стать государями. 23	
Мелкие тирании.....	23
Бальоне из Перуджи. 25. — Раздор в доме Бальони и кровавая свадьба 1500 г. 26. — Их конец. 27. — Дома Малатеста, Пико и Петруччи. 28	
Крупные правящие дома.....	29
Арагонская династия в Неаполе. 29. — Последний Висконти в Милане. 31. — Франческо Сфорца и его удача. 32. — Галеаццо Мария и Лодовико Моро. 33. — Род Гонзага в Мантуе. 35. — Федерико да Монтефельтро, герцог Урбинский. 36. — Закатный блеск двора в Урбино. 36. — Род д'Эсте в Ферраре. Злодеяния и фискальная система. 37. — Продажа должностей, поддержание порядка и постройки. 38. — Личная виртуозность. 39. — Лояльность населения. 40. — Начальник полиции Дзампанте. 40. — Участие подданных в трауре герцогов. 41. — Пышность двора. 42. — Меценатство д'Эсте. 42	
Противники тирании.....	43
Поздние гвельфы и гибеллины. 43. — Заговорщики. 44. — Убийства в церквах. 44. — Влияние убийств тиранов в древности. 44. — Последователи Катилины. 45. — Воззрения на убийство тиранов во Флоренции. 46. — Отношение народа к заговорщикам. 46	
Республики.....	47
Венеция в XV в. 47. — Жители города. 48. — Государство и опасность со стороны обедневшей знати. 48. — Причины устойчивости. 50. — Совет десяти и политичес-	

кие процессы. 51. — Отношение к кондотьерам. 51. — Оптимизм во внешней политике. 52. — Венеция как родина статистики. 53. — Запоздалость Возрождения. 54. — Позднее почитание реликвий. 55	
Флоренция с XIV в.....	55
Объективность политического сознания. 56. - Данте как политик. 56. — Флоренция как родина статистики; семья Виллани. 57. — Статистика и высшие интересы культуры. 57. — Ценность денег в XV в. 57. — Формы государственного устройства и исторические писатели. 59. — Корень бед тосканского государства. 60. — Искусство государственного управления. 61. — Макиавелли и его проект государственного устройства. 61. — Сиена и Генуя. 63	
Внешняя политика итальянских государств.....	64
Зависть к Венеции. 65. — Заграница; симпатии к Франции. 65. — Попытка установить равновесие. 66. — Интервенции и завоевания. 66. — Связь с турками. 67. — Противодействие Испании. 68. — Объективное отношение к политике. 68. — Искусство переговоров. 69	
Война как искусство.....	70
Огнестрельное оружие. 70. — Знатоки и дилетанты, 70. — Ужасы войны. 71	
Папство и угрозы ему.....	72
Отношение к загранице и к Италии. 73. — Волнения в Риме с понтификата Николая V. 74. — Сикст IV как властитель Рима. 74. — Планы кардинала Пьетро Риарио. 74. — Непотистское государство в Романье. 74. — Кардиналы из домов государей. 74. — Иннокентий VIII и его сын. 76. — Александр VI как испанец. 77. — Отношение к загранице и симония. 77. — Чезаре Борджа и его отношение к отцу. 78. — Его конечные цели. 78. — Угроза секуляризации Папского государства. 79. — Иррациональность средств. 79. — Убийства. 80. — Последние годы. 80. — Юлий II как спаситель папства. 81. — Избрание Льва X. 83. — Его опасные политические планы. 83. — Растущая внешняя опасность. 83. — Адриан VI. 84. — Климент VII и опустошение Рима. 84. — Его последствия и реакция на него. 85. — Искупление Карлом V вины перед папами. 85. — Папство при Контрреформации. 86. —	
Италия патриотов.....	87
Глава II Развитие индивидуальности.....	88
Итальянское государство и индивидуум.....	88
Человек средневековья. 88. — Пробуждение личности. 88. — Тиран и его подданные. 89. — Индивидуализм в республиках. 90. — Изгнание и космополитизм. 90	
Совершенство личности.....	91
Многосторонние личности. 91. — Всесторонние личности; Леонбаттиста Альберти. 92	
Слава в Новое время.....	94
Отношение Данте к славе. 95. — Слава гуманиста; Петрарка. 95. — Культ места рождения. 96. — Культ гроб-	
ниц. 96. — Культ знаменитых людей древности. 97. — Описание достопамятных мест; Падуя. 97. — Зависимость славы от писателей. 99. — Жажда славы как страсть. 100	
Насмешка и острота в Новое время.....	101
Их связь с индивидуализмом. 101. — Издевательство флорентийцев; новелла. 101. — Остроты и шуты. 102. — Шутки Льва X. 103. — Пародия в поэзии. 103. — Теория остроумия. 104. — Злословие. 105. — Адриан VI как его жертва. 106. — Пьетро Аретино. 107. — Его публицистика. 107. — Его отношение к государям и знаменитостям. 108. — Его религиозность. 109	
Глава III. Возрождение античности.....	111
Предварительные замечания.....	111
Расширение понятия «Возрождение». 111. — Античность в средние века. 112. — Её раннее пробуждение в Италии. 112. — Латинская поэзия XII в. 113. — Дух XIV в. 114	
Рим - город руин.....	115
Данте, Петрарка, Уберти. 115. — Сохранившиеся ко времени Поджо руины. 116. — Блонд, Николай V, Пий II. 117. — Античность вне Рима. 118. — Возведение происхождения городов и семейств к Риму. 118. — Настроение и притязания римлян. 119. — Тело Юлии. 119. — Раскопки и съемки. 120. — Рим при Льве X. 120. — Сентиментальные настроения по поводу руин. 121	
Античные авторы.....	122
Их распространение в XIV в. 122. — Открытия в XV в. 122. — Библиотеки, писцы и писатели. 122. — Книгоиздание. 125. — Обзор греческой образованности. 126. — Ориенталистика. 127. — Отношение Пико к античности. 127	
Гуманизм в XIV в.....	128
Неотвратимость его победы. 129. — Роль Данте, Петрарки и Боккаччо. 129. — Боккаччо как предтеча. 130. — Увенчание поэтов. 131	
Университеты и школы.....	133
Гуманист как профессор в XV в. 133. — Преподавание в других учебных заведениях. 134. — Свободное высшее воспитание; Витторино. 135. — Гварино в Ферраре. 136. — Воспитание наследников государей. 136	
Покровители гуманизма.....	137
Граждане Флоренции; Никколи. 137. — Манетти; ранние Медичи. 138. — Государи; папы (с Николая V). 141. — Альфонс Неаполитанский. 143. — Федерико Урбинский. 144. — Сфорца и д'Эсте. 145. — Сиджизмондо Малатеста. 146	
Воспроизведение античности. Эпистолагафия.....	146
Папская канцелярия. 147. — Оценка эпистолярного стиля. 148	
Латинское красноречие.....	148
Безразличие к общественному положению оратора. 148. — Торжественные речи по случаю событий в жизни государства и приема высокопоставленных гостей. 149. —	

Надгробные речи. 150. — Академические речи и выступления перед солдатами. 150. — Латинская проповедь. 151. — Возобновление античной риторики. 152. — Форма и содержание; цитаты. 152. — Вымышленные речи. 154. — Закат красноречия. 154	становок как враг драматического искусства. 208. — Интермеццо и балет. 209. — Комедия и комедия масок. 210. — Замещение музыкой. 212. — Романтический эпос. 212. — Неизбежная второстепенность характеров. 212. — Пульчи и Боярдо. 213. — Внутренние закономерности их композиции. 214. — Ариосто и его стиль. 215. — Фоленго и пародия. 217. — Тассо в качестве противоположности. 217
Латинские сочинения.....155	Биографические сочинения.....218
Исторические сочинения.....155	Прогресс Италии в сравнении со средневековьем. 218. — Жизнеописание в Тоскане. 219. — Другие земли Италии. 220. — Автобиография; Бенвенуто Челлини. 221. — Джироламо Кардано. 222 — Луиджи Корнаро. 224
Относительная неизбежность латинского языка. 156. — Исследования по средневековью; Блонд. 157. — Начала критики. 158. — Отношение к итальянским историческим сочинениям. 158	Характеристика народов и городов.....226
Общая латинизация образования.....158	«Диттамондо». 226. — Описания в XVI в. 227
Античные имена. 160. — Латинизация форм жизни. 161. — Претензии на исключительность. 161. — Цицерон и цицеронианцы. 162. — Разговорный латинский. 163	Изображение человеческой внешности.....228
Новолатинская поэзия.....164	Представление о красоте у Боккаччо. 228. — Идеал красоты Фиренцуолы. 229. — Его общие определения. 231
Эпос на основе древней истории; «Африка». 165. — Мифологическая поэзия. 166. — Христианский эпос; Саннадзаро. 167. — Вплетение мифологии. 167. — Поэзия на современные исторические темы. 168. — Дидактическая поэзия; Палиндженио. 170. — Лирика и ее пределы. 171: — 'Оды к святым. 171. — Элегии и подобная им поэзия. 172. — Эпиграмма. 173. — Макароническая поэзия. 175	Изображение жизни в движении.....232
Крах гуманистов в XVI в.....175	Эней Сильвий и другие. 232. — Условная буколика после Петрарки. 233. — Реальное положение крестьян. 234. — Подлинно поэтическое изображение сельской жизни. 234. — Баггиста Мантовано, Лоренцо Великолепный, Пульчи. 234. — Анджеоло Полициано. 235. — Человечество и понятие человека. 236
Обвинения и масштаб их виновности. 176. — Их несчастье. 180. — Их антипод. 181. — Помпоний Лет. 182. — Академии. 183	(Глава V. Общественная жизнь и праздники.....237
Глава IV. Открытие мира и человека.....185	—Уравнивание сословий.....237
Путешествия итальянцев.....185	Противоположность средневековью. 237. — Совместное обитание в городах. 237. — Теоретическое отрицание знати. 238. — Поведение знати в отдельных землях. 239. — Ее отношение к образованию. 240. — Позднейшая испанизация жизни. 240. — Рыцарское достоинство со времен средневековья. 241. — Турниры и карикатуры на них. 241. — Знатное происхождение как требование к придворным. 242
Колумб. 186. — Отношение космографии к путешествиям. 186	Утонченность внешних форм жизни.....243
Естественные науки в Италии.....187	Одежда и моды. 244. — Женские косметические средства. 244. — Чистоплотность. 246. — Галатео и правильный образ жизни. 246. — Удобство и элегантность. 247
Направленность на эмпирию. 188. — Данте и наука о звездах. 188. — Вмешательство церкви. 189. — Воздействие гуманизма. 190. — Ботаника; садовники. 190. — Зоология; собрания заморских животных. 191. — Свита Ипполито Медичи; рабы. 192	Язык как основа общественной жизни.....248
Открытие красоты пейзажа.....193	Оформление идеального языка. 248. — Его широкое распространение. 249. — Крайние пуристы. 250. — Их незначительные достижения. 251. — Общение. 252
Пейзаж в средние века. 193. — Петрарка и восхождение на горы. 195. — «Диттамондо» Уберти. 196. — Фламандская школа живописи. 196. — Эней Сильвий и его описание. 197	Высшие формы общественной жизни.....253
Открытие человека.....200	Договорности и уставы. 253. — Авторы новелл и их аудитория. 253. — Великосветские дамы и салоны. 254. — Общественная жизнь во Флоренции. 254. — Лоренцо как изобразитель своего кружка. 255
Вынужденное обращение к психологии; темпераменты. 201. — Показ духовного в поэзии. 202. — Достоинства нерифмованного стиха. 202. — Достоинства сонета. 202. — Данте и его «Новая жизнь». 204. — Его «Божественная комедия». 205. — Петрарка как изобразитель душевной жизни. 205. — Боккаччо и «Фьяметта». 206. — Незначительное развитие трагедии. 207. — Великолепии по	Совершенный общественный человек.....255
	Его любовь. 256. — Его внешние и духовные способности. 256. — Телесные упражнения. 256. — Музыка. 257. — Инструменты и виртуозность. 258. — Дилетантизм в обществе. 259

Положение женщины.....	260	ки, 348. — Суеверие гуманистов. 350. — Духи умерших. 351. — Вера в демонов. 352. — Итальянские ведьмы. 353. — Край ведьм у Норчи. 354. — Примеси северного ведьмовства и его границы. 355. — Колдовство блудниц. 356. — Колдун и заклинатель. 357. — Демоны на дороге в Рим. 358. — Отдельные категории колдовства; телесмы. 359. — Магия при закладке зданий. 359. — Некромант у поэтов. 361. — История с колдовством у Бенвенуто Челлини. 362. — Колдовство на спаде. 363. — Его побочные разновидности, алхимия. 363	
Ее мужская образованность и поэзия. 260. — Совершенство ее личности. 261. — Мужедева. 262. — Женщина в обществе. 262. — Образование блудниц. 263		Потрясение веры как таковой.....	365
Домашнее хозяйство.....	264	Исповедь Босколи. 365. — Религиозное замешательство и дух всеобщего сомнения. 366. — Дискуссия по вопросу бессмертия. 367. — Языческое небо. 368. — Гомеровский загробный мир. 369. — Улетучивание христианских представлений. 369. — Итальянский теизм. 370	
Противоположность средневековью. 264. — Аньоло Пандольфини. 265. — Вилла и сельская жизнь. 265		Примечания.....	373
Праздники.....	266	К гл I.....	373
Их основные формы - мистерия и процессия. 267. — Преимущества перед другими странами. 268. — Аллегория в итальянском искусстве. 268. — Исторические представления общих понятий. 270. — Постановки мистерий. 270. — Праздник Тела Господня в Витербо. 272. — Светские постановки. 273. — Пантомимы и встречи государей. 274. — Шествия; религиозные триумфы. 275. — Светские триумфы. 277. — Празднества на воде. 280		К гл II.....	388
		К гл III.....	395
		К гл IV.....	409
		К гл V.....	418
		К гл VI.....	430
		Комментарии. <i>И.И. Маханьков</i>	450
		К гл I.....	450
		К гл II.....	478
		К гл III.....	485
		К гл IV.....	501
		К гл V.....	507
		К гл VI.....	511
Глава VI. Нравы и религия.....	283	<i>В.М. Володарский.</i> Якоб Буркхардт. Жизнь и творчество. . . .	521
Нравственность.....	283	<i>Л.М. Брагина.</i> «Культура Возрождения в Италии»	
Ограниченность суждения. 283. — Осознание деморализации. 284. — Современное чувство чести. 285. — Господство силы воображения. 287. — Азарт и жажда мести. 288. — Нарушение супружеской верности. 291. — Нравственное состояние женщины. 293. — Возвышенная любовь. 296. — Преступные настроения. 297. — Разбой. 299. — Заказные убийства; отравления. 300. — Абсолютные злодеи. 302. — Отношение нравственности к индивидууму. 303		Якоба Буркхардта.....	541
Религия в повседневной жизни.....	304		
Отсутствие Реформации. 305. — Отношение итальянцев к церкви. 305. — Ненависть к иерархии и монашеству. 306. — Нищенствующие монахи. 306. — Доминиканская инквизиция. 306. — Высшие ордена. 309. — Привычка к церкви и-ее благословениям. 311. — Проповедники покаяния. 312. — Джироламо Савонарола. 317. — Языческие моменты в народной вере. 322. — Вера в реликвии. 323. — Почитание Богоматери. 325. — Вольности в культе. 326. — Большие эпидемии покаяния. 326. — Их полицейское регламентирование в Ферраре. 328		Библиография. <i>Составитель Л.М. Брагина</i>	558
Религия и дух Возрождения.....	329	Издания, часто цитируемые Я. Буркхардтом.....	559
Неизбежная субъективность. 330. — Обмирщенность духа. 331. — Терпимость к исламу. 331. — Оправдание всех религий. 331. — Воздействие античности. 333. — Так называемые эпикурейцы. 334. — Учение о свободе воли. 335. — Благочестивые гуманисты. 336. — Среднее направление среди гуманистов. 337. — Начало критики священных предметов. 338. — Фатализм гуманистов. 339. — Их языческие внешние проявления. 340		Указатель имен. <i>Составители ИМ. Маханьков, О.А. Пруцкова</i>	560
Переплетение античных и современных суеверий.....	341		
Астрология. 342. — Ее распространение и воздействие. 342. — Ее противники в Италии. 346. — Опровержение Пико и его воздействие. 347. — Различные предрассуд-			